ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

X

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ИЗДАНЫ ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1873.

IX

ПРОВ. 1958

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Марта 1873 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Академии Наук СССР

0 20
37

Собранныя здѣсь статьи, за исключеніемъ послѣдней, разсѣяны въ разныхъ, большею частью академическихъ изданіяхъ: пересмотрѣнныя и отчасти измѣненныя авторомъ, онѣ теперь являются вмѣстѣ, по мысли Отдѣленія русскаго языка и словесности. При расположеніи ихъ было вообще принято за правило сближать сходное по содержанію; разборомъ словаря Даля книга начинается потому, что эта статья печаталась отдѣльно въ ту самую пору, когда предпринято было настоящее изданіе. Помѣщенный въ концѣ тома трудъ *(Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ)*, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанный, написанъ въ недавнее время и читался, по мѣрѣ его составленія, то въ Академіи, то въ Филологическомъ обществѣ; высказанные при этомъ другими лицами взгляды были приняты въ соображеніе при окончательной обработкѣ изслѣдованія. Самымъ предметомъ его легко объясняется, почему въ отношеніи къ правописанію эта часть книги представляетъ нѣкоторыя несходства съ остальными статьями.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка, В. И. Даля. Разборъ для присужденія Ломоносовской преміи 1

Дополненія и замѣтки къ Толковому Словарю Даля 61

Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка. Пересмотръ вопроса о началѣ «новаго слога» 85

Приложенія 141

Областные словари 156

Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря:

I. Шведскій академическій словарь. Записка непремѣннаго секретаря Шведской академіи 175

II. Программа словаря братьевъ Гриммовъ, составленная Яковомъ Гриммомъ (съ примѣчаніями переводчика). 193

III. Словарные труды Датчанъ 242

IV. Русско-французскій словарь г. Макарова 245

Замѣтка о названіяхъ мѣстъ 251

Откуда слово кремль 267

О произношеніи буквъ е, ѣ, э 277

О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка 282

О спряженіи русскаго глагола и важности въ немъ ударенія 311

О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ 329

О русскомъ удареніи зообще и объ удареніи именъ существительныхъ (I) 345

О переходѣ ударенія существительныхъ именъ въ косвенныхъ падежахъ (II) 393

По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи (III) 408

Матеріалы для русскаго словаря: Стр.
I. Слова областнаго словаря, сходныя съ скандинавскими. 430
II. Слова » » сходныя съ финскими..... 443
III. Сравнительно-филологическія замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ..... 447
Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ..... 459
I. Общія замѣчанія..... —
II. Характеристика нынѣшней орѳографіи..... 466
III. Черты русской фонетики..... 471
IV. Очеркъ исторіи нашего правописанія..... 475
V. Теоретическія замѣчанія..... 535
1. Удвоеніе согласныхъ..... 542
2. Правописаніе предлоговъ..... 544
3. Буква **ы** вмѣсто **ъи**..... 546
4. Уподобленіе звуковъ..... 547
5. Встрѣча зубныхъ (**з, ж, с**) съ **щ** въ окончаніяхъ..... 548
6. Употребленіе **о** послѣ шипящихъ и послѣ **ц**..... 549
7. Смѣшеніе шипящихъ..... 552
8. Окончанія прилагательныхъ именъ..... 553
9. Глагольныя окончанія и формы..... 555
10. **Ъ** и **ь** въ концѣ словъ..... 560
11. Буква **ѣ**..... 562
12. Правописаніе заимствованныхъ иноязычныхъ словъ. 566
13. Объ именахъ собственныхъ муж. р. на *ла* и *ко*..... 576
14. Употребленіе большихъ буквъ..... 579
15. О слитномъ письмѣ составныхъ реченій..... 582
16. О надстрочныхъ и строчныхъ знакахъ..... 591
17. Замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ..... 592
Приложенія.
По поводу толковъ о правописаніи..... 597
Изъ статьи: «Орѳографическая распря»..... 608
Дополненія (1, Къ слову анетъ. 2, Слова польскаго происхожденія). 615
Алфавитные указатели:
I. Указатель именъ и предметовъ..... 619
II. Указатель разсматриваемыхъ въ книгѣ русскихъ или заимствованныхъ словъ и именъ собственныхъ..... 638
III. Указатель приводимыхъ въ книгѣ иностранныхъ словъ и именъ..... 663

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВАГО ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА, В. И. ДАЛЯ.

Четыре части въ большую четвертку; LIV и 2388 стр. (не считая прибавленій). Москва. 1863—1866.

РАЗБОРЪ ДЛЯ ПРИСУЖДЕНІЯ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ.

Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря г. Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сроднились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣковаго сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разумѣю только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главны-

ми событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и понынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Естественно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончанія, по законамъ языка), напр. библія, икона, генера́лъ, солдатъ, протестъ, прогрессъ; либо передѣлываетъ ихъ по-сво́ему, напр. церковь, налой, кади́ло, просвира, исполать, футляръ, тарелка; либо наконецъ переводитъ слова и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: благословлять, провидѣніе, побѣдоносный, землеописаніе, любомудріе, вліяніе, трогательный, послѣдовательность, цѣлесообразный.

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любаго иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: баталія, викторія, фортеція, ассамблея, амбиція, имперіумъ, и составлявшій въ томъ же духѣ собственныя имена: Петербургъ, Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Катерингофъ. Такъ-же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произошло патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи

«О пользѣ книгъ церковныхъ», указывая на чтеніе ихъ какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ», говоритъ онъ, «отвратятся дикія и странныя слóва нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ..... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется» [1])... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно-несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію. Послѣдователи Ломоносова, проникнувшись его уваженіемъ къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали особенно искать себѣ образцовъ во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, «французскій штиль», и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна были та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другаго направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него все то, что было согласно съ духомъ роднаго слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей. Понятно,

[1]) *Соч. Ломоносова*, изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе*, *трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе*, *потребность*, *переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а потому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. непщевать, гобзованіе, углѣбать, приснотекущій, умодѣліе и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало вос-

пользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Какъ бы ни было, однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи, такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію» [1]). Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!» [2])

Послѣ Ломоносова народный языкъ разработывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ

---

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.

[2]) Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта[1]). Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскусственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее на пуризмъ Французской Академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались идти

---

[1]) См. т. VI *Сборника Отдѣл. Русск. языка и Словесн.*

своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ «древнія русскія стихотворенія»; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Общество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова. Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что «разговорный языкъ простаго народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій» и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ «прислушивался къ московскимъ просвирнямъ», которыя, по его замѣчанію «говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ [1])». А вскорѣ и своенравный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной. Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодаго человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго.

[1]) *Соч. Пушкина*, томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другаго рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка.

Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. До г. Даля были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: г. Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ г. Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. «Если», говорилъ онъ, «въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ нынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія [1])». Подобно Шишкову, г. Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный г. Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: г. Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другаго писателя цѣлью своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ

---

[1]) «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ», *Москвит.* 1842, ч. I, стр. 540.

старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки по себѣ», говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ» [1]). Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, г. Даль далѣе прибавляетъ: «онъ *(сказочникъ)* хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись».

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь г. Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что г. Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 года, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодаго человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную словесность. Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что

---

[1]) Тамъ же, стр 549 и 550.

рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Лугани (Екатериносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери той г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Геснера и Ифланда [1]). Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ названный уже городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго*. Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе, что не переносилъ качки въ морѣ; но, получивъ воспитаніе на казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать. Между

[1]) См Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Вл. Ив., выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Г. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго автора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, г. Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь В. И. не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любознательности: служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и разспрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и

расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, г. Даль въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишавшійся плодовъ 10-ти лѣтняго труда! Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь [1]). Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. «Жадно хватая на лету родныя речи [2]), слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось съ языка, — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово — а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто ру-

---

[1]) *Толковый Словарь*, т. I, «Напутное слово», стр III.

[2]) Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

ское [1]).» Вотъ какъ самъ составитель «Толковаго Словаря» описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ: «его тревожила и смущала несообразность письменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи вспахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно» [2]).

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности г. Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ разсказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе «Über die Schriftstellerei des russischen Volks» (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣ-

[1]) Сл., ч. I, стр. III
[2]) Тамъ же.

которыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1842 (ч. I, № 2, и ч. V, № 9): «Полтора слова о нынѣшнемъ рускомъ языкѣ» и «Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*». Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи г. Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О наречіяхъ рускаго языка*, напсанную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областнаго словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово*, читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ «Толковому словарю». Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено г. Далемъ въ газетѣ г. Погодина *Русскій* (1868 г. №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе г. Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ г. Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ же словѣ* говоритъ: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ» [1])? Что касается до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то г. Даль не только не

---

[1]) Сл., ч. I, стр. I. Впрочемъ г. Даль въ другомъ мѣстѣ не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что «нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ» прибавляетъ онъ, «говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *объ онъ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой* и проч. «Все это», замѣчаетъ г. Даль, «не по-русски». (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

выдаетъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка г. Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ остается прежняя. Онъ и теперь находитъ, «что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненой свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованой, разумной руской речи *взамынъ* нынѣшняго языка нашего, каженика»[1]).

Въ чемъ же, по мнѣнію г. Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другаго по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознаться* вм. *опознаться*, *обыденный* вм. *обиходный*)[2]); 2) употребленіе словъ и реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынь* вм. *степной вожакъ*, *собственный* вм. *свой*, *могущество* вм. *мочь*, *могута*; *усовершенствованіе*, *семейственный* вм. *усовершеніе*, *семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желаетъ г. Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ нынѣ царствующаго Государя Императора, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то

---

[1]) *Словарь*, ч. I, стр. II.

[2]) *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — ориентироваться; *обыденный*, какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значить только однодневный (*обыденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить*, *пребывать*: ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)италъ.

г. Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на языкѣ народномъ: «Казакъ сѣдлалъ у́тороп, посадилъ безконнаго товарища на за́бедры и слѣдилъ непріятеля въ на́зерку, чтобы при спопутности на него ударить» [1]). Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но замѣтивъ это, г. Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью [2]); вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своеобразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало по малу усвоиваетъ себѣ множество синтаксическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣйшихъ языкахъ. Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жа-

---

[1]) *Москвит.* 1842, № 2, «Полтора слова» и проч., стр. 552, 553.

[2]) *Историч грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

лѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу роднаго языка. Г. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣднія десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*, — у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искусственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что*, *дѣлать кого несчастнымъ*, *имѣть жестокость*, *предшествовать кому*, *предпослать что чему*, *пройти молчаніемъ*, *раздѣлять чьи-либо мысли* или *чувства*, *прежде нежели сказать*, *слишкомъ умѣнъ чтобы не понять*, *имѣть что возразить*, *имѣть что-нибудь противъ* [1]). Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ*, *результатъ*, *интересный*, *серьезный*, *компетентный*, *лояльный*, *солидный*, *солидарный*; не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать*, *импровизировать*, *изолировать*, *игнорировать*, *бравировать*, *формулировать*, *вотировать*, *конкурировать*, *резюмировать*, *третировать*. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren).

[1]) Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилось еще много другихъ, напр. *считаться съ чѣмъ* (tenir compte de quelquechose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé..) и проч., или слова: *вліять*, *вліятельный*, *немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: «Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, по видимому легкія и нетщательныя». — Французское слово *sâle* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

Чтобы уменьшить безобразіе нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать*, *цитовать*, по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать*, *арестовать*, *командовать*, *пробовать*. Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда слово все-таки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего г. Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: «Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!» [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30 — 40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй*, *людъ* и т. п.), частью изъ самого живаго языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный*, *проявленіе*, *дѣятель*, *даровитый*, *отчетливый*, *настроеніе*, *творчество*, *сопоставленіе*, *сдержанность*, *голосованіе*, *плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія*, *сложиться* вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса*, *пробѣлъ*, *насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ преж-

[1]) *Москвит.* 1842, № 9, «Недовѣсокъ» и пр., стр. 91.

нихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр. *свѣдать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать*, *прилежность*, *сорадованіе*, *примѣчанія достойный*, *въ разсужденіи чего*; другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно*, *чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо*, *чувство*. Г. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе*, *исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе*, *прикосновеніе*, *дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи [1]). Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять* [2]). Но за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искусственныя въ своемъ образованіи, каковы напр. отжившія свой вѣкъ слова: *преуспѣяніе*, *споспѣшествовать*, *претвореніе*, и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*), *бытъ*, *сутъ* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторыя изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова; его проза— образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными, идіотизмами.

Итакъ положеніе нашего литературнаго языка по видимому да-

---

[1]) Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе;* отъ *упоминать*— *упоминаніе*

[2]) Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть*— *обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный!*

леко не такъ отчаянно, какъ оно кажется г. Далю. Въ подтвержденіе того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенія къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что вообще пишется у насъ людьми, несовсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченія, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общій характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованія и ожиданія г. Даля въ этомъ отношеніи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: «Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменый языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ» (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ*?) «какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя» [1]). Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроеніемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятію. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во всѣхъ случаяхъ употреблять вмѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и еслибъ обычная фраза «дама, съ которою я танцовалъ», приняла въ разговорѣ форму: «женщина, съ которой я плясалъ», то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться

[1]) Сл., ч. I, стр. XVI.

отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, не смотря на то, не вошло въ общее употребленіе? Потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *уповодъ* и *выть*, на которыя г. Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: «*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *уповода*, каждый часа въ четыре» [1]). Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда-нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ) и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ г. Далемъ словамъ: правда, они заключаютъ въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ напр.: *завѣсь*, *закрой*, *озоръ*, *овидь;* вм. резонансъ — *отбой*, *голкъ*, *наголосокъ;* вм. адресовать, адресъ — *насылать насль*, *насылка;* вм. кокетка — *миловидница*, *красовитка*, *жеманница*, *хорошуха*, *казотка;* вм. атмосфера — *колоземица*, *міроколица;* вм. пуристъ — *чистякъ;* вм. эгоизмъ — *самотство*, *самотность*. Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ г. Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или составлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для

[1]) Сл., ч. I, стр. XXIV.

этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый*, *дѣятель*, *представитель*, *научный*, *паровозъ*, *обусловливать*, *сдержанность*, *заподозрѣть*, *починъ*, *вліятельный* [1]). Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается до словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера*, *фасонъ*, *мастеръ*, *матерія*, *матерьялъ*, *капиталъ*, *музыка*, *оказія*, *коммисія*, *азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя—и именно три послѣднія—получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ*, *фартукъ*, *персона*, *кувертъ*, *пратикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ

[1]) Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; но чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще оно начинаетъ являться, мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*; нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно бо́льшею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты. Не многіе даже изъ людей пожилыхъ еще предпочитаютъ ему *дѣлатель*, которое сначала многимъ казалось лучше. Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*), *вліятельный*.

было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженія для чуженародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *еложамъ*, *резонамъ*, *эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи*, *инсинуаціи*, *пертурбаціи*, *шансы* и *принципы*, которыя вѣроятно въ свою очередь исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что совершенное изгнаніе ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, немыслимо. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе; такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ* [1]), и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ*, *станъ*, *преобразованіе*, употребляя намѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ*, *гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки значенія или бытовыхъ особенностей, которыхъ чужды соотвѣтствующія иностранныя слова *негоціантъ*, *отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій, видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ

---

[1]) Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль*; но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять*, *выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?

совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы не трудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *бофреры* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ*, *невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни. Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ конечно и бóльшее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ея научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ г. Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ по возможности русскими. Это всегда и сознавали лучшіе представители слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались ученолитературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, вслѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень

удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешскій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и г. Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію «Толковаго словаря» со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ [1]), что предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: «и именно», поясняетъ онъ, «недоставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики». Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не

[1]) Словарь, ч. I, стр. IV.

имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ г. Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый словарь живаго Великорускаго языка.* Такимъ образомъ мы не видимъ здѣсь слова *народный*, хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности; но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ «слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси», впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, «не для безусловнаго включенія ихъ въ писменую рѣчь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для обсужденія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно включить и принять въ образованый языкъ» [1]). Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, г. Даль убѣдился, что за исключеніемъ не слишкомъ большаго числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, не смотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: «Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ

[1]) Словарь, ч. I, стр. V.

другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа [1])». Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому г. Даль не пренебрегалъ и мѣстными словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще нелегко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для г. Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году, *Опыта областнаго великорусскаго словаря*. Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областнаго, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: «Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены» [2]). *Опытъ областнаго словаря*, представившій г. Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія г. Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью о *нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: «Мы вобще большею частью ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что

---

[1]) *Соч. Ломоносова*, т. I, «О пользѣ книгъ церковныхъ», стр. 532

[2]) Словарь, ч. I, стр. XIII.

въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областнымп такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно.... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи словà довольно общія.... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлить словарь наречій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»... [1]). Вотъ эту-то плодотворную мысль г. Даль и положилъ въ основу своего словаря.

Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живаго языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно какое-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался г. Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли найдемъ такое правило. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское

[1]) Словарь, ч I, стр LI.

аба (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ г. Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей Иначе словарь народнаго языка подвергается опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у г. Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, медицины, ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачи́ха*, *гуса́ковая перепонка*, предлагаемое г. Далемъ, вмѣсто употребляемаго нынѣ искусственнаго слова грюдобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это авторъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе г. Даль заимствовалъ изъ словаря академическаго также многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живаго языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань*, *здать*, *ристать*, *осклабляться*, *стогнъ*, *паволока*,

стольникъ, *кравчій*, съ формами: *младой*, *драгой*, *златой*, *гладъ*, *стражъ*? Г. Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбъ*, *скнипа*, *гобзовать*, *угобжать*, *вуй*, *стрый*, *средовѣкъ*, *спона*, отмѣчая ихъ иногда припискою *црк.* или *стар* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ стариннымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается до такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбь* (связка), то кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живаго языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы у г. Даля все таки не найдемъ напр. *непщевать*, *склабиться*. Такимъ образомъ, отдавая всю справедливость лексическому богатству словаря г. Даля, мы должны однакожъ замѣтить, что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ «живаго великорускаго языка», можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, что́ онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Г. Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ г. Даль сознается, что «при *толкованіяхъ*, а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились»: — «въ переводахъ чужихъ словъ», говоритъ

онъ въ другомъ мѣстѣ, «могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ». Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: ловкосиліе (при словѣ гимнастика), міроколица (при сл. атмосфера), глазоемъ (при сл. горизонтъ), насылъ, насылка (при сл. адресъ). Г. Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) «перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... «Если» говоритъ онъ, «предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута» [1]). Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что г. Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. XI—XII); однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Г. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что́ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. міроколица) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что́ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое

[1]) Сл., ч. I, стр. X и XII, и ч. IV: «Отвѣтъ на приговоръ», стр. 1—4.

затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное г. Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся по чему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стоитъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ*, *насылка* въ смыслѣ «адресъ»), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у г. Даля между прочимъ слова: небоземъ, глазоемъ, зрѣймо, завѣсь, закрой *касп.*, озоръ, овидь *арх.* Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: «видокъ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ»; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небоземъ* и *глазоёмъ* не находимъ вовсе; при словѣ *завѣсь*, подъ глаг. *завѣшивать*, не встрѣчаемъ значенія «горизонтъ»; слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, по видимому, мы вправѣ заключить, что имена *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ г. Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ «горизонтъ» предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, касп., и *овидь*, арх.; но изъ нихъ мы втораго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: «разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12-15 верстъ»: это опять не совсѣмъ то же, что горизонтъ и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надеж-

наго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ г. Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы правда встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это—народное слово, тѣмъ болѣе, что при немъ находимъ только примѣръ изъ области науки: «Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ». Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *мірокомица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно вправѣ думать, что оно принадлежитъ самому г. Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: «испаренія водныя наполняютъ мірокомицу въ видѣ облаковъ» и проч. Казалось бы, что если это слово—придуманное, то не слѣдовало бы употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у г. Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему «тупымъ и сухимъ»; а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно-ведущимъ къ произволу. Поэтому г. Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы [1]).

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ

[1]) Сл., ч. I, стр. VIII.

красной строкѣ; а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажать*, *садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье*, *садка*, *садокъ*, *сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка*, *сидячій*, *сидень*, *сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка*, *присядка*, *всадникъ*, *осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить*, *присѣдать*, *всаживать*, *осаживать*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ наприм. слова *грузъ*, *грязь*, *погружать*, *погрязнуть*, или: *прясти*, *трусъ*, *отряхать*, *растряхивать*.

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ г. Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ безъ опредѣленнаго порядка, что̀ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами:

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить*, *густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоять подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь*, *горнъ* и *горшокъ*, изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у г. Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ*, *гребешокъ*, *плетешокъ*, *черешокъ* къ словамъ: *корень*, *гребень*, *плетень*, *черенъ* [1]); *ворота* и *воротíть*; *вязать* и *вясло*; *везти* и *весло* [2]); *мазать* и *масло*. Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ г. Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звуковому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова *перевязать* и *перевясло*. Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній*, *вешня*, *вешня́къ*; *великій* и *величать*, *величіе*, *вельможа*; даже *закладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать*, *прилагать* и *прикладывать*, *отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глаголъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее — отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель*, *зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду, подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе нельзя допустить. Настоящее время *зижду*, *зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать*. Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму какъ

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) г. Даль, правда, сближаетъ *горшокъ* съ *горномъ*; но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горншекъ*. На самомъ же дѣлѣ буква *н* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня*, *головешка*, *дровни*, *дровешки*, *помьно*, *помьшко*.

[2]) Производство слова *весло* отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikon (стр. 7 и 59), и принято Рейфомъ.

зиждить (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать*. Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать*. Такъ же точно слѣдовало поступить съ словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество*. Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее конечно далѣе отъ корня чѣмъ *зодчій*.

Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная г. Далемъ возлѣ истинной: *зыбать*. По мнѣнію его, настоящее: *зыблю*, *зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю*, *зыбаешь* ко второй. Но г. Даль не припялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопред. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать*, *дремать*, *сыпать*, *капать*, *вязать*, *мазать*, *плакать*, *чесать*, *пахать* и проч. Во всѣхъ ихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у г. Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. скашивать, скрещивать, умаливать (при умалять и умолять), устаивать, устраивать. Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: скосить, скрестить, устоять, устроить. Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *чь*: *сберегать*, *сберечь*; *протекать*, *протечь*. Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ постынуть, поблѣднѣть, побѣжать, поздоровилось). Впрочемъ понятно, что какой бы однообразный порядокъ ни выбрать,—а это необходимо,—каждый имѣлъ

бы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода г. Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, старонѣм. dihsila англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ вѣроятно черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: «цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ». Но оно совершенно другаго происхожденія, какъ видно изъ финскаго кореннаго слова kuòli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее «завостреный шестъ», находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе: Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ Корнесловѣ.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать*, *потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное г. Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толóкъ* есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу* было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ *Boden*, означаю-

щее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака или чердачнаго пола (см. словарь Гримма, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *потаскивать*, г. Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ, — искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, имѣющее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогій въ цѣлой области славянскихъ языковъ.

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (что̀ означено и г. Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ и въ церк. слав. *тъла* или *тълѧ* (множ.)=pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи: «сгорѣть до тла» нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: «сгорѣть до основанія».

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, что̀ было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*; а въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у г. Даля гнѣздо, вмѣщающее только существи-

тельныя *простираніе*, *простертіе*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже слово *пространный*, которое съ сущ. *пространство* опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна*, *сторона*.

Впрочемъ, при указаніи подобныхъ промаховъ въ словарѣ г. Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многіе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познаній у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографіи, помѣстившей напримѣръ слово *утопія* въ гнѣздѣ глагола *утопить*, нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы г. Даль, еслибъ вò-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнью, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловіе (этимологія въ обширномъ смыслѣ) составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловіи своемъ г. Даль справедливо говоритъ, что «знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слова природной связи и жизни». При такомъ вѣрномъ пониманіи дѣла г. Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знаніямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что «онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ» [1]). Нельзя не пожалѣть, что авторъ «Толковаго словаря», разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологіи, часто безъ всякой надобности вы-

[1]) Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII — IX.

ражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрить наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ гнѣздо, онъ ставитъ въ скобкахъ: «изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ гл. *казать*, — *ся*, гарцевать; но вѣроятно это сл. азіятское». Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обрусить* сдѣлана выноска: «не отъ этого ли *брусника*?» или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: «отъ *тал*, доля, и *иго*: *пол-ига*, одноконный, оглобельный возъ». Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ* [1]) подъ *вьять* или *віять* примѣчаніе: «не перепначено ли изъ вѣнецъ?» или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): «здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть». Г. Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: «здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій». При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія· *горнуть*; этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Ограничимся этими примѣрами.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею г. Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*), не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта», прибавляетъ онъ, «основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ руской граматикѣ латынскую и нѣмецкую, а руской не находилъ» [2]). Изъ этихъ

---

[1]) Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ придыханіемъ въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг *юный*, подъ которымъ мы у г. Даля дѣйствительно находимъ между прочим : *юнецъ*, *юница* (новобрачные).

[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой г. Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь частные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живаго русскаго языка*; а съ помощію такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, г. Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, что всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги «различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами». Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора «Толковаго Словаря» не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся отъ того въ академическій словарь, навели г. Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при глаголахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговаривается слѣдующимъ образомъ: «Грамматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ»... Такъ, между прочимъ, «при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами» [1]).

[1]) Сл., ч. I, стр VIII

Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: «Выстроить домъ, войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроилъ вышку. Онъ хорошо обстроился» и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями г. Даля пельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій*: «кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши*, *пѣшкомъ*». Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія г. Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же *пѣшъ*, *пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: «Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ идти съ вами» (Соч. его, ч. III, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: «*пѣши* ходя» (155) [1]). У Державина (*Къ Каллiопѣ*, 2 ак. изд., т. III, стр. 75):

. . . . . «пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшъ*»,

или у него же (*Жилище богини Фригіи*, тамъ же, стр. 81):

«*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ».

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ словарѣ г. Даля, значительное число составляютъ грамматическіе термины: такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка*, *подъемъ*, *перебой* (звуковъ), *нараще-ніе*, *общій* (въ смыслѣ залога), и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ*,

---

[1]) Въ *Историч. грамматикѣ* г. Буслаева (изд 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ*, *прямъ*, *радъ*, *добръ* и проч.

Г. Даль пишетъ: «За нужду *пѣши* пойдешь», вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл. ч. II, стр. 1142. — Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ: «*я шелъ пѣши*» (стр. 632)

аглутинація, *лексическій*, *флексія*, *фонетическій* и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные г. Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: «*одно личное, другое безличное, третье приказываетъ*». Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же г. Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: «словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ» [1]).

Отношеніе г. Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную орѳографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ «охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова» [2]), г. Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной орѳографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужаго слова лишь на столько, на сколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Читатель конечно никогда не будетъ въ проигрышѣ, если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную орѳографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ

---

[1]) Сл., ч. I, стр XI.

[2]) Тамъ же, стр XII и далѣе.

прил. *загитатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ по примѣру г. Даля однообразно *штатъ*?

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о*: ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли слова: *ссора*, *ссадить*, *ссылка*, *изсохнуть*, *разспять*?). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ*), *каса*, *маса*, *шосе*, и даже *Росія; рускій*, *францускій*, *бесвязно*, *бестыдно*, *раставлять*. Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаевъ, «гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе» [1]); такъ онъ пишетъ: *опредѣленый*, *дѣланый*, *своевременый*, и — *данный*, *бездыханный*, *деревянный*, *совершенный*, *сокращенный*; очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь*, *выжженый*, онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще*, *воображеніе*, *воружать*, *сотвѣтствовать*, но — не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать*, *соображеніе*, *соотечественникъ*. Иногда г. Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глагола *стоя́ть* и *сто́ить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *сто́ютъ*, *сто́ющій*, и даже: онъ *сто́етъ* [2]).

---

[1]) *Сл.*, ч. I, стр. 2.

[2]) *Сл.*, ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки г. Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣчу въ выноскѣ же Принявъ за правило писать въ предложн. падежѣ: *На безлюдьи, на безмірьи*, а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и*, г. Даль замѣчаетъ: «Говоримъ же мы и «пишемъ: *при окончаніи*, если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на

Впрочемъ, указывая на непослѣдовательность и неправильности орѳографіи г. Даля, мы должны замѣтить, что противорѣчія, существующія въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, дѣйствительно ставятъ въ затрудненіе всякаго, кто чувствуетъ потребность твердыхъ началъ въ употребленіи языка. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ иноязычныхъ именахъ согласныя давно уже не

ге; а если то же слово кончаемъ на *ъе*, то требуемъ въ пред пад *ѣ*; для чего «это?» (Сл., ч I, стр. 57)

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную *(поле, море)*, другія гласную *і*, то полную *(ге)*, то сокращенную въ *ъ (ъе)*

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл падежѣ принимаютъ *ѣ*. въ *полѣ*, въ *морѣ*.

Имена на *ъе* склоняются точно такъ же, что̀ всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе *копьё, ружье, пѣнье, питье, житье бытье*; въ предл падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ, въ ружьѣ, при пѣньѣ, въ питьѣ, о житьѣ-бытьѣ*. Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ*

Окончаніе *ге* — собственно црк. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная *(ги)*, которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху *(при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи)* Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ъ*, то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и*, а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

«Миръ курамъ давъ лиса, постится *въ подземельѣ*» (*Моръ звѣрей*).

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ *ъ* въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *іи*. Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго, первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочитается (напр. пишутъ· *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи*). Форма же *ѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью только не многихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ риѳму именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ* и въ *забытьи*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ *ъ* подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія* При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи, къ Софіи, при Наталіи*; а при сокращеніи *і* въ *ъ*, говорятъ и пишутъ: *въ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого стбитъ равнымъ образомъ взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья;* мы говоримъ: *къ судьѣ въ скуфьѣ, о семьѣ*, а не *къ судьи* и т д

сдваиваются у насъ; мы пишемъ: *адресъ* (вм. адрессъ), *интересъ* (вм. интерессъ), *офицеръ*, *камергеръ*, *команда*, *комендантъ*, *рекомендовать;* въ другихъ же словахъ того же корня двойныя буквы сохраняются, напр. *оффиціальный*. Такая непослѣдовательность замѣтна иногда и въ русскихъ словахъ: мы пишемъ, напр., вопреки производству *отворить* (вм. *оттворить*) и *раззорить* (хотя тутъ производство не такъ ясно). Поэтому естественно, что г. Даль желалъ выйти изъ этихъ затрудненій; но онъ избралъ для того слишкомъ радикальное средство, отвергнувъ всякое сдваиваніе буквъ: оказалось, что самъ онъ не могъ провести этого слишкомъ общаго правила и по необходимости впалъ въ новую непослѣдовательность. Едва ли не лучше было бы держаться такого правила: по примѣру многихъ уже утвержденныхъ обычаемъ словъ, избѣгать сдваиванія буквъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ быть допущено безъ рѣзкаго нарушенія привычки и выговора или безъ смѣшенія словъ разнаго корня и значенія; слѣдовательно писать, напр.: *суботa*, *абатъ*, *прогресъ*, *оффиціальный*, и — *классъ* (для отличія отъ *класъ*-кòлосъ), *колóссъ*, *касса*, *масса*, *сумма* и проч., причастія же писать съ однимъ *н* только тогда, когда на то указываетъ самое произношеніе и когда они, большею частію безъ соединенія съ предлогомъ, теряя всякое понятіе глагола (дѣйствія), употребляются чисто какъ прилагательныя: *ученый*, *раненый*, *вареный*, *сушеный*, *кованый*, *званый*.

Нѣкоторыя изъ принятыхъ г. Далемъ отступленій отъ нынѣшней орѳографіи заслуживаютъ подражанія. Сюда относится напр. распространеніе на предлогъ *без-* общаго правила, по которому слитные предлоги, кончащіеся на *з*, измѣняютъ эту букву, передъ извѣстными согласными, въ *с*: такъ онъ пишетъ *беспокойный*, *обеспечить*; отвергать такое правописаніе нѣтъ никакого основанія. Точно такъ же онъ совершенно разумно пишетъ *предыдущій*, *безыменный*, *розыгрышъ* и т. п., по примѣру словъ *взысканіе*, *розыскъ*, *сыграть*, гдѣ это правописаніе давно уже утвердилось (*ы*, какъ показываетъ самое названіе этой буквы, = ъ+и). Справедливо равнымъ образомъ правило г. Даля писать *е* тамъ,

«гдѣ нѣтъ настойчиваго требованія на *ъ*». Извѣстно, что въ нынѣшнемъ языкѣ давно уже буква *ъ* во многихъ случаяхъ вытѣснена произвольно (напр. въ словахъ *предъ*, *время*, *песокъ*): нельзя, кажется, жалѣть о томъ, что къ числу этихъ словъ г. Даль присоединилъ и сущ. *речь*, *наречіе*, такъ какъ въ другихъ отрасляхъ того же корня (въ глаголѣ *реку* и въ сущ. *реченіе*) всегда писалось *е*.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у г. Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются г. Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературою, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ г. Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр. въ изданіяхъ Географическаго Общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся г. Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ, при чемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо*, *присланивать*, *пила*, *пристрѣливать*, *стричь*, *книга*.

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ г. Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже

прежде изданный г. Далемъ отдѣльно [1]).. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но, для объясненія слова, нѣтъ надобности въ собраніи всѣхъ пословицъ, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будемъ слишкомъ строго судить г. Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр. извѣстная пословица: «Не всякое лыко въ строку», помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: «Борода съ возъ, а ума съ накопыльника нѣтъ» попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: «Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на благовѣщенье» и «Пей-ка, на днѣ копѣйка: еще попьешь, грошъ найдешь»; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: «Отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги». Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у г. Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр. не пояснены слѣдующія: «Нужда велитъ калачи ѣсть», или: «На людяхъ и смерть красна». Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя

[1]) *Пословицы русскаго народа*, М. 1862 (б 4-ка; XL, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ — систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

поговорки пропущены г. Далемъ, напр. эта: «пьянъ какъ стелька»; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе: «мертвецки пьяный человѣкъ». Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ г. Даль: «постилка на подошву внутри обуви»; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь [1]). Такія же недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр. подъ *гнѣздо:* «гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли»; подъ словомъ *охота*: «охота пуще неволи», или подъ *чай:* «чай съ позолотой» (съ ромомъ). Слова же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе примѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр. подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: «Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ» и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только въ толкованіи слова *трауръ*. Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть*. Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, акулининъ день, а потому подъ словомъ *бызы* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія. «Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ». Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ

[1]) При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго г. Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *ларьеръ* сказано: «скачка во весь опоръ, стелька»

основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ*. И за тѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ прибавлено: «Послѣднее стлище на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли,—ранняя зима». При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *постить*, *постовать*, *поститься*, *постничать*: Слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: «пощенье, постованье, постничанье, постъ». Впрочемъ на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ размѣщеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у г. Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что̀ составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ:* «При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя» [1]). Изъ этихъ строкъ видно, что г. Даль при объясненіи словъ особенно заботился 1) о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно бо̀льшаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: «свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный,

[1]) Сл., ч. I, стр. IX.

дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый». Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова «свѣжій на видъ» и «видный» должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: «1) Бдительный. *Бодрая стража*. 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ*. 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь*. 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ*». Сравнивая съ этимъ толкованія г. Даля, находимъ, что онъ пріискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у г. Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ, свалился.* Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить г. Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное поставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе*; положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто г. Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и област-

ныя выраженія, полагая, что они «большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ». Такъ при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ «однослововъ» помѣщаетъ: «баять, гуторить, бакулить, голдить, гòлчить, *вм.* говчить». Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другаго рода. Какъ объясняетъ г. Даль, напр., глаголъ *ткать*? Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: «Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить ткань». Это объясненіе новый «Толковый словарь» поправляетъ слѣдующимъ образомъ: «Работать на ткацкомъ стану, пропускать утóкъ по основѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно». Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчается либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ*, *утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать*? Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: «Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)» [1]). Всякій согласится, что такое объяс-

[1]) Durch in einander gefugte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Faden in entgegengesetzter Richtung ein-

неніе правильнѣе, хотя конечно безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно; но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: «*ткань* — все, что ткано; *тканьный*, *ткацкій* — ко тканію относящійся» и т. п. Непонятно, почему г. Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія г. Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: «краска, родъ или видъ, масть, колеръ», а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: «Часть растенія». Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти;* значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

Но въ словарѣ г. Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: «Обувь, сплетенная изъ лыкъ,

---

geschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen) Heyse, «Handwörterbuch der deutchen Sprache», Magdeburg, 1833 — 1849.

бересты или пеньки» и примѣръ: *плести лапти*. Эти полторы строки развиты у г. Даля такимъ образомъ: «Лапоть, лапотóкъ, лаптишка, лаптища. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники*, *шелюжники*, *бахоры*, *стýпни*, *босовики*; изъ дранп молодаго распареннаго дуба *(чрнг.)*; есть и соломеные, *курск.*, и пеньковые, *кýрпы*, *крутцы́*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны*, и *волосяники́*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5—12 лыкъ, на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ *плетня* (подошвы), *головы* (переду), *обушника* (боковъ) и *запятника*; обушникъ или кайма сходятся концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *оборникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы*. Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *курцами*; въ *плетнѣ* обычно десять *курцевъ*. Иногда лапоть еще *подковыри ваютъ*, проводятъ по плетню лыкомъ же или паклею; а *пи́саные лапти* украшаются узорною подковыркою».

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: «Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, заручепье, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу пѣтъ. Черезъ день пиръ у жениха: *смотрятъ домъ или дворъ*; черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ*, гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а послѣд-

нею сваха съ большимъ пряникомъ». Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье*, можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба*, гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу*, къ которому конечно скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у г. Даля слѣдующимъ образомъ: «Домовой, домовникъ, дѣдушка, постѣнъ, по́стень, ящунъ, доможилъ, хозяинъ, жаровикъ, не́жить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и обидчикъ дома; стучитъ и водится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, соннаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, ба́енникъ*, и женск. банный *волосатка*; все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ. (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память». Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ г. Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ розысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ г. Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся конечно и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакоже самая масса ихъ, почерпнутая не изъ

книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ нагляднаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ розысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему свѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь г. Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка, бичева, бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *ветеръ* исчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *гиляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ. Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурою всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря г. Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе предъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ

виду этой спеціальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря, заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность.

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недостатки. Собранныя г. Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ Обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь г. Даля—книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, роднаго, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла. Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы идти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть во-

обще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это — плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка; но и то, что онъ сдѣлалъ для роднаго слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено г. Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вызываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку. Въ трудѣ г. Даля насъ поражаютъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собираніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. «Всего одному не дано», говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, «да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зары-

вать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь» [1]). Такимъ образомъ самъ г. Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него «сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, успѣшную работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни [2])». Эту горячую любовь къ русскому языку г. Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности, — какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ напоминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источниковъ рѣчи, и, предостерегая насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ

[1]) Сл., ч. I, стр. IV — V.
[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, «силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ». Такое ученіе совершенно согласно съ желаніемъ Ломоносова возбудить «ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа» [1]). Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море [2])». Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство роднаго языка и содѣйствовать къ чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающихъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти Ломоносова. Академія Наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живаго русскаго слова.

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533—4.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 250.

ДОПОЛНЕНІЯ И ЗАМѢТКИ

КЪ «ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ» ДАЛЯ.

Эти прибавленія не составляютъ ничего систематическаго. Въ продолженіе многихъ лѣтъ я, при встрѣчавшихся случаяхъ, записывалъ слова, которыхъ не находилъ въ нашихъ словаряхъ. Здѣсь собраны въ азбучномъ порядкѣ тѣ изъ нихъ, которыя пропущены и В. И. Далемъ. Къ нимъ присоединены также нѣкоторыя слова, хотя и занесенныя имъ въ Толковый Словарь, но не вполнѣ удовлетворительно или не во всѣхъ своихъ значеніяхъ тамъ объясненныя. Такія слова, какъ уже находящіяся въ словарѣ Даля, отмѣчены у меня звѣздочкою. Изъ этого списка не исключены и попадавшіяся мнѣ чисто-мѣстныя слова: они также могутъ пригодиться нашимъ будущимъ лексикографамъ. Народныя слова записаны мною или по собственнымъ моимъ наблюденіямъ (особенно въ Ряз. губ.), или по замѣткамъ, сообщеннымъ мнѣ достовѣрными людьми. Удареніе поставлено только тамъ, гдѣ оно можетъ казаться сомнительнымъ.

АНТОНОВЪ ОГОНЬ *. Тутъ не излишне было бы прибавить, что такъ первоначально называлась (feu d'Antoine, Antonius-feuer) воспалительная рожа, которая въ XI вѣкѣ распространилась въ западной Европѣ и отъ которой, по народному повѣрью, исцѣляли мощи св. Антонія.

БА́ТАРЬ. «Растетъ лопухъ, репья, всякій *батарь*, какъ говорятъ здѣсь» (изъ Тамбов. губ.). *Спб. Вѣд.* 1868, № 177.

БИРЪ. Поголовная подать, платимая царанами въ Бессарабіи *(Воен. статист. обозрѣніе Бессар.)*.

БОГОМИЛЪ *. Послѣдователь особой ереси; см. Пыпина *Ист. слав. литературъ* (статья Болгарія, стр. 59 и далѣе).

БОЁКЪ *. Та часть цѣпа, которою бьютъ хлѣбъ. (Другая часть называется *ка́дочка*, а кожа, которою обѣ части молотила соединяются — *пу́тце*).

БОМЪ *. Трудно проходимое ущелье; трудно проходимая тропинка между скалами въ горномъ ущельи (Сибирь)

БОСОЙ *. *Босая лошадь* — такая, у которой плохія, слабыя копыта; противоположн. *обувѝстая лошадь*. (Послѣднее означено у г. Даля).

БОЧКА *. Небольшая сѣть, употребляемая для лова снетковъ въ Пск. губ. *(Военно-статист. обозр. Пск. г.)*.

БОЯРЫНАШЪ. Люди, не происходящіе отъ дворянскаго сословія, но достигшіе низшихъ молдавскихъ чиновъ, дающихъ нѣкоторыя боярскія права (Бессар.).

БРАТЕ́НЕКЪ *. Двоюродный братъ (Смол. губ.).

БРАТЪ-ДѢТИ. Двоюродные братья. «Мы съ нимъ *братъ-дѣти*». (Смол.).

БРАШНО *. При этомъ словѣ необходимо было бы прибавить ссылку на народное *бо́рошно* (ржаная мука), которое есть и у г. Даля, но не сближено съ книжнымъ, болѣе извѣстнымъ *брашно*. См. *бо́рошень*, при которомъ къ объясняющимъ словамъ слѣдовало присоединить *багажъ*: «Свита слѣдовала за нимъ съ борошнемъ (т. е. съ багажемъ) на другой яхтѣ». (Устрялова *Ист. Петра В.*, т. IV, стр. 108).

БУБУХАЛИ ПУШКИ. *Война и Миръ*, IV, 318.

БѢЛУХА. Названіе высочайшей горы въ Алтайскомъ хребтѣ.

ВАЛО́КЪ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть для лова угрей.

ВЕРЕТЕНИ́ЦА *. «Это слово имѣетъ въ зоологіи двоякое значеніе; такъ называется: 1) мѣдяница, Anguis fragilis, животное переходное отъ ящерицъ къ змѣямъ, по-нѣм. Blindschleiche, и 2) родъ молюсковъ, Fusus, раковина котораго похожа на веретено, откуда и нѣмецкое названіе его: Spindelschnecke, или просто Spindel». (Замѣтка Л. И. Шренка).

ВЕРХОВОЙ *. При этомъ словѣ надобно еще прибавить реченіе: *верховыя пушки*=мортиры. (Устр. *Исторія Петра В.*, т. II, стр. 187).

ВЗАИМОДѢЙСТВІЕ. Давно введенное и всѣмъ извѣстное слово не должно быть опускаемо въ словаряхъ.

ВЗО́РОДЪ *. Груда соломы, также стогъ сѣна.

ВИДЪ *. «Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире, — называется или называлось *съ видомъ*». (*Восп.* Аксак., стр. 150).

ВИ́ХОРНИЧАТЬ. Быть легкомысленнымъ, напр. часто мѣнять мѣсто службы.

ВОВКУЛАКА * (вм. волкодлакъ) есть очевидно не великорусская форма и потому не должно стоять на первомъ мѣстѣ; форму же *волкодлакъ* слѣдовало включить въ гнѣздо слова *волкъ*. Любопытно сравнить въ Сербскомъ словарѣ Караджича обширныя поясненія подъ словомъ «*вукòдлак*». *Длака*, серб. = во́лосъ конскій или коровій; клокъ волосъ. См. также Пыпина *Ист. слав. литературъ*, стр. 74.

ВОДА *. При этомъ словѣ надобно объяснить употребленіе его съ слѣдующими прилаг.: *Матерая* —, глубь; *сочная*, *жирная* —, глубина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ межень бываютъ отмели; *сухая* —, мелкая; *живая* —, глубь, ближайшая къ обмелѣвшему мѣсту.

ВОДОВИ́КЪ. Большія сани, употребляемыя при ловлѣ снетковъ въ Пск. губ. подъ свозъ *запаса* (см. это слово). Водовица, особая ладья, употребляемая лѣтомъ при запасахъ. (*Воен.-статист. обозр. Пск. губ.*, стр. 102).

ВОДОПОЛИЦА. Еще форма словъ *водополь* и *водополье*.

ВО́ЗЕРО, ВОКО́ШКО *). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. (Порѣчскомъ, Духовщинскомъ, Красненскомъ и частью Смоленскомъ) всегда слышится придыханіе *в* передъ начальнымъ о.

ВОЛОПЁРЪ. Рослый и дюжій, но лѣнивый.

ВОЛО́СЕЦЪ. (Спб.). Волосатикъ.

ВООДУШЕВЛЕНІЕ. Пропущено у г. Даля, такъ же какъ и въ академич. словаряхъ.

ВСКЛОКОЧЕННЫЙ. Пропущено; но въ живомъ языкѣ употребляется чаще нежели книжное *всклоченный*, хотя и признанное по Гречевой грамматикѣ единственно вѣрнымъ.

ВСПЫРСКИВАТЬ. «Жаворонки вспырскивали». (*Война и Миръ*, IV, 18). *Пырскать* у г. Даля означено только подъ *прыскать*.

ВСТРЕПЫХАЛАСЬ, какъ курица (*Война и Миръ*, IV, 146).

---

*) Само собою разумѣется, что эти слова помѣщаются здѣсь не для включенія въ словарь, а только ради приложеннаго къ нимъ замѣчанія, — какъ нѣкоторыя другія ради сопровождающаго ихъ поясненія или примѣра.

ВЫВОДЪ *. Плата, которую женихъ вноситъ за невѣсту роднымъ.

ВЫРЕЗУБЪ *, рыба. По Далю, Cyprinus dentex, съ прибавленіемъ въ скобкахъ Cephalus съ вопрос. знакомъ. Слышавъ иногда *верезубъ*, я по этому поводу обращался къ Л. И. Шренку, который между прочимъ отвѣчалъ мнѣ: «Cypr. cephalus, какъ Палласъ называетъ эту рыбу, водится въ Черномъ морѣ (а также и въ Каспійскомъ), и изъ него подымается далеко вверхъ по рѣкамъ южной Россіи. По Кесслеру (Путеш. къ сѣверн. берегу Чернаго моря) вырезубъ — Leuciscus Friesii и встрѣчается во всей южной Россіи. Палласъ приводитъ народное названіе указываемой имъ рыбы изъ Малороссіи: *вырезубъ* и *вирезубъ*. Онъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что нѣкоторые изъ зубовъ, которыхъ у этой рыбы вообще очень немного, да и то лишь въ глоткѣ, въ нижней своей части выдолблены или какъ бы съ вырѣзкою. Кесслеръ приводитъ названія *вырезубъ* и *вырызъ*, не объясняя ихъ.»

ГАЛЕРА *. На Днѣстрѣ парóмъ въ 6 саж. ширины и въ 12 длины, подымающій тяжести отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ. *(Воен. статист. обозр. Бессарабіи).*

ГЛОМЕНА́МИ. Поперемѣнно или чрезполосно (о бурѣ или дождѣ). Правильнѣе, кажется, *голомена́ми*, какъ у Даля.

ГОЛОВАШКА. Носокъ лаптя. См. лапоть.

ГОЛОМЕНЬ *, или **ГОЛОМЯ** *. Плоская сторона полосы у меча, сабли и пр. (Савваит. *Описаніе царскихъ утварей* и пр., стр. 165).

ГОМОЗИТЬСЯ *. Помѣщено неправильно подъ словомъ *гомъ*. Корень его ясенъ изъ чеш. hmiz = насѣкомое.

ГОРЛОДРАНЕЦЪ. То же, что горлодеръ.

ГОРЯНЩИНА *. Разная посуда, глиняная и фаянсовая, коробья и всякія деревянныя издѣлія, сплавляемыя въ низовые поволжскіе города съ *горы*, т. е. съ верховьевъ Приволжья, преимущественно изъ Городца и Балахнинскаго уѣзда Нижегор. губ.

ГРЕМЯЧЪ. Народное названіе ключа, по которому такъ называется множество селеній въ разныхъ губерніяхъ.

ГРИВЬЁ, собират.

ГРИВА *. Продольная отмель въ рѣкѣ (Сиб.).

ГРЫДОРОВАТЬ. Вм. *гравировать* въ 18-мъ вѣкѣ. Одно изъ многихъ словъ первой эпохи новой русской письменности, которыя еще не вошли въ наши словари.

ДА́ДЕНЪ. Употребительное въ народѣ страд. причастіе гл. *дать*.

Такимъ же образомъ говорится. *отпаденъ*, *продаденъ*. (Смол. губ.).

ДАЧА *. Г. Далемъ пропущено значеніе, показанное въ акад. словарѣ: «Угодья и земли, принадлежащія помѣщику или государственнымъ крестьянамъ. *Въ моихъ дачахъ много строеваго лѣсу. Лѣсная дача*». Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр.. «*У него дурная, неудобная, безобразная дача*», т. е. дача, по своему очертанію или другимъ обстоятельствамъ невыгодная.

ДЕМЬЯНКА *. Огородный овощь, плодъ котораго съ виду похожъ на огурецъ, весьма употреб въ Астрахани и за Кавказомъ, гдѣ называется *бадиджаномъ*.

ДЕСЯТИНА *. Подъ этимъ словомъ пропущены у г. Даля названія *тридцатка*, *сороковая* и *сотенная*, которыя и на своихъ мѣстахъ не объяснены имъ въ отношеніи къ десятинѣ.

ДОЛОВАТЫЙ. *Рожь доловатая*, — растущая въ долинѣ или лощинѣ.

ДОМБРА. Варганъ. У г. Даля есть *Домра́* съ значеніемъ «азіатская балалайка съ проволочными струнами».

ДОМНЕШТЫ. Бессарабскія яблоки

ДОРОГО́ВЬ *. (Ряз.) Дороговизна.

ДОРО́ЖКА * (Пейп.). Рыболовный крючокъ, висящій на шнуркѣ.

ДОСТАКАНЪ, ДОСТОКАНЪ. Другая форма словъ: *досканъ*, *доскане́цъ* и сокращ. *стаканъ* *) (вм. дстаканъ, какъ *чанъ* вм. *дчанъ* **). «Кубки золоченые и не золоченые съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ». (*Ист.* Соловьева, т. V, стр. 481) «Кувшины, бочки, ендовы, достаканы» (тамъ же, т. VII, стр. 4).

ДЫБА *. Подробное объясненіе этого орудія пытки см. въ *Соч. Держ.*, 1-е изд. Ак Н., Т. III, стр. 629.

ДЫМКА *. Головной женскій уборъ, по большей части изъ шелковой матеріи, часто съ цвѣтами.

ДѢЛОВИТЫЙ, дѣловитость. *Спб. Вѣдом.* 1867, нояб. 10.

ДЯДЬКА *. Дядя (Смол. губ.).

ЕГОРІЙ *. Ошибка въ пословицѣ: «Коли къ Егорью листъ не въ полушку, не жди, чтобъ къ Ильину дню класть рожь въ кадуш

*) Какъ замѣчено и г. Далемъ подъ сл *стаканъ*; но въ своемъ мѣстѣ слово *достоканъ* не занесено у него Совершенно произвольно сближали *стаканъ* съ словомъ *стекло*. Тутъ сходство звуковъ случайное Стаканы были сперва не стеклянные.

**) Магницкій въ своей Ариѳметикѣ пишетъ *Тчанъ*.

ку». Должно быть: *въ кладушку*, т. е. въ одóнушко, небольшой скирдъ.

ЕРБОЙЗЪ. Земляной зайчикъ. Объ этомъ названіи Л. И. Шренкъ сообщаетъ: «То же, что бабукъ, или тушканчикъ, грызунъ съ длинными задними (прыгательными) ногами; водится въ степяхъ южной Россіи и Сибири. По-французски животныя этого рода, въ особенности Dipus Sagitta (тушк. быстрый), называются «gerboise», по-нѣмецки и англійски «jerboa»; отсюда конечно и русское *ербоизъ*, названіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ лишь книжное, въ народѣ неупотребительное» *).

ЕРМОЛАФІЯ (вм. ермологія). Семинарское слово: дребедень, шумная, многословная болтовня

ЖАЛЕЙКА (не *желейка*). Дудка. Слѣдуетъ прибавить: изъ камыша.

ЖАРОВИНА. Растеніе: vaccinium oxycoccos; canneberge, coussinet des marais (Рейфъ).

ЖМУТОКЪ. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

ЗАБАВА *. Старинный народ. Замедленіе, причина замедленія. *Забавиться*, замѣшкаться. *Позвольте идти: я не забавлюсь.*

ЗАБАСТОВКА. «Нелѣпое притязаніе не допускать до занятій рабочихъ въ той отрасли промышленности, гдѣ устроилась *забастовка*» (*Моск. Вѣд.* 1869, № 130: «Изъ Парижа»).

ЗАКОЛЯНИТЬСЯ. «Ахъ вороны, заколянились! кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой». (*Война и Миръ*, IV, 298).

ЗАКОРУЗЛЫЙ, или ЗАСКОРУЗЛЫЙ. У Даля только глаголъ *заскорузнуть*.

ЗАНОСЫ *. *Спб. Вѣд.* 1867. № 297. Судеб. хрон.

ЗАПАСЪ *. Неводъ особеннаго устройства для ловли снетковъ въ Псков. губ. Главныя составныя части запаса: матна и два крыла. (*Воен.-стат обозр. Пск. губ.*, стр. 101).

ЗАПИСЬ * (въ древнихъ рукописяхъ или на вещахъ). *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общ.

ЗАПЛОТЪ *. «Заплотами въ Оренбургскомъ краю обыкновенно крѣпости окружаются». (Донес. кн Щербатова отъ 1 іюня 1774 въ архивѣ Генер. Штаба).

ЗАСИДКИ *. «Темные осенніе вечера установили между рабочимъ

*) Описаніе этого животнаго, сдѣланное на мѣстахъ, гдѣ оно водится, см. въ *Соч. Держ.*, Т V, стр. 385.

населеніемъ одинъ весьма своеобразный обычай — празднованіе такъ называемыхъ «заспдокъ», т. е. начало работъ при вечернемъ освѣщеніи... Начало *засидокъ* совпадаетъ съ послѣдними числами августа или первыми сентября» (*Русс. Инв.* 1866, № 232). У Нѣмцевъ Lichtbraten

ЗАСТАВА * (Пейп.). Сѣть, прикрѣпляемая однимъ концомъ къ отверзтію ряза, которое она раздѣляетъ на двѣ половины, другимъ же къ жерди втыкаемая въ дно саженяхъ въ трехъ впереди ряза. Этимъ же именемъ *(заставой)* называется сѣть, разставляемая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прорубп. въ которую вытягивають зимніе невода.

ЗМЕТЬ (сѣверн.). Фасонъ.

ЗОЛА *. Пропущена поговорка: «Надо сѣять хоть въ золу, да въ пору» (не пропускать срока для сѣва).

ИЗАРБАТЪ. У Рейфа: «brocart, étoffe de soie brochée d'or». Въ акад. словарѣ: зарбавъ, родъ парчи. Собственно *зербафъ*. персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная, ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель къ Выходамъ Государей* и пр., стр. 30).

«Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ».

(*Соч. Держ.*, Т. IV, стр. 88 и 89).

ИЗБА *. Пропущ. поговорка: «Моя изба съ краю, я ничего не знаю».

ИСАДЫ *. Владѣніе, дача.

КАЗНА БѢЛАЯ *. Полотна, скатерти (Буся. *Ист. Грам.* II, § 219, стр. 195).

КАЛИБЕРЪ *. Извощикъ съ дрожками особаго устройства. (*Моск. Вѣд.* 1864, № 112. Моск. отмѣтки).

КАЛМЫЖКА (пашни). *Война и Миръ*, IV, 319.

КАЛО. *Война и Миръ*, V, 89.

КАНЬГА́ *. Краденое желѣзо, по Камѣ (*Русск. Дневникъ* 1859, № 2). Слѣдоват., вопросительный знакъ у г. Даля не нуженъ.

КАЩУКЪ * (намордникъ, наголовникъ на молодыхъ лошадей). Такъ у г. Даля, у Рейфа же *Капцунъ* (Kapzaun).

КЕНЕ́СИТЬ. Совѣтоваться, разсуждать о чемъ (у Сиб. казаковъ на Иртыш. линіи; отъ киргиз. *кенесъ*, совѣтъ).

*

КИНЗА́. Bifora radians, зонтичное растеніе непріятнаго запаху, употребл въ пищу за Кавказомъ.

КИ́ТЫ. Кульки, набитые камнемъ или землею, погружаемые у подножья учуговъ для укрѣпленія ихъ (Астрах.).

КИЧКИРЫ (чикчиры?). «Любуясь ... красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами» (*Война и Миръ*, V, 194).

КЛАДКИ * (множ.). Гранитная стѣна поперекъ Днѣстра, ниже Ямполья, не выдающаяся изъ воды и тѣмъ болѣе опасная. (Бессар.).

КЛЁВЪ * (рыбы). «... я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клевъ всегда бываетъ не значительный; я разумѣю клёвъ крупной рыбы». (Аксак. *Воспом.* стр. 197)

КОБУРА, или **КАБУРА** *. Футляръ для пистолета у пояса или на сѣдлѣ.

КОККУЙ. Купало, сельская игра 23 іюля (Бусл. *О преподав. отеч. яз.* ч. II, стр. 350). Ср. Фин. Kokko.

КОЛОДЕЗНЯ. «Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья». (*Война и Миръ*, V, 84).

КОЛЧА *. «... проѣхали по вновь проложенной артиллерійю по колчамъ пашни дорогѣ». *Война и Миръ*, IV, 256.

КОРОМЫСЛИКЪ. (*Моск. Вѣд.* 1865, № 130). Насѣкомое, иначе *коромысло*. По объясненію Л. И. Шренка: «сѣтчатокрылое насѣкомое рода Libellula, въ особенности самый большой видъ его, Lib. (или лучше Aeschna) grandis».

КОСЯКЪ * КОБЫЛИЦЪ. «... уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка». (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 26).

КОТЛУБА́НИ *. Озеровидныя расширенія рѣки Урала (Н. Данилевскій).

КОТЛЯНЫЙ *. Темносиній.

КОША́КЪ *. Рѣшетка изъ тонкихъ шестовъ, привязываемая къ сваямъ учуга. (На Уралѣ и въ Астрах.).

КОШИРНЫЙ. Коширное мясо (*Спб. Вѣдом.* 1865, № 277. о Бердичевѣ). У г. Даля *коширa* = овечій хлѣвъ.

КРАСНОРЯДЕЦЪ. Купецъ или сидѣлецъ, торгующій въ рядахъ краснаго товара (Никитина *Кулакъ*, стр. 127).

КРАСНЫ * вм. кросны. (Муром. легенда, по Буслаеву *Атеней* 1858, № 30).

КРУТИГОЛОВКА (пташка). Yunx (или Junx) torquilla, le torcol (то же, что *вертиголовка*, *вертошейка*).

КРѢПОСТНИ́КЪ. Защитникъ крѣпостнаго права.

КРЮЧОКЪ *. «Выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ». (*Война и Миръ*, IV, 224).

КУЛАКЪ *. «Мелкій базарный перепродавецъ, который по нуждѣ и обвѣситъ и обмѣритъ; въ общемъ же смыслѣ всякій, кто личному интересу, матеріальной выгодѣ жертвуетъ всѣми другими соображеніями». (*Спб. Вѣд.* 1858, № 165, фельетонъ).

КУТЕЙНИКЪ. «... она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками». (Акс. *Восп.* стр 127).

ЛАДЫ*. Употребляется еще въ томъ же смыслѣ какъ стати: лады коровы и др. животныхъ.

ЛАПОТЬ *. Ихъ плетутъ либо съ *ушникóмъ*, т. е. съ веревочной каймой, либо (какъ подъ Москвой) въ *простоплетку*, т. е. загибаютъ по краю самое лыко. Первый способъ гораздо выгоднѣе, прочнѣе, такъ что такіе лапти могутъ прослужить, безъ перемѣны, нѣсколько сотъ верстъ, тогда какъ съ простоплеткой пройдешь только одну *пряжку*, т. е. сдѣлаешь только одинъ конецъ (до Москвы изъ южн. части Ряз. губ., гдѣ слышано это объясненіе). Плесть лапти надобно въ *растъ*, т. е. въ ту пору, когда листья распускаются, — изъ *растоваго лыка*; зимой же приходится распаривать лыко. Носокъ лаптя называется *головашкой*.

ЛАПУХА *. По Карамзину, значитъ: скарлатина, а не вѣтряная оспа. (*Атеней* 1858, № 25, п. 125).

ЛЕ́ДЕНЬ * (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть на обручѣ для очистки прорубей отъ мелкаго льда.

ЛЕДЯНКА *. «... летѣли съ высокой горы ... на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были ничто иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же какъ и коньки» (Акс. *Восп.* 94).

ЛЛЕНОЙ, АЛЛЕНОЙ. Акс. *Сем. Хр*, стр. 36.

ЛУЗГА * (гречневая), какъ топливо. *Моск. Вѣд.* 1857, № 34.

ЛУТОШЛИВЫЙ (?) Не по лѣтамъ смѣтливый (о ребенкѣ).

ЛУЧО́КЪ. «... принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу». (Акс. *Восп.* 15).

ЛЬГА *. Подъ этимъ словомъ пропущено выраженіе: не во льгу= не въ мочь (или не въ пользу?).

ЛЬГОТА *. У Ломоносова и у Державина = свобода, благосостояніе.

ЛѢЧУХА (у Рейфа лечуха). Растеніе: samcula europaea; sanicle, luzerne.

МАЛЁНЬКА * (сѣверн.). Четверикъ.

МАНГАЛЫ *. Огромные коши, наполненные угольемъ (Бесс.). Жаровня, около которой грѣются зимою (Закавк.).

МАТЕРИКЪ *. «Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ». — «... вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка». (Акс. *Восп.* 97, 99).

МЕДВЯНИКЪ. Насѣком. Bombylius (asile velu, bourdon), «родъ мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ съ хоботомъ, покрытыхъ густыми волосками и извѣстныхъ также подъ именемъ журчалъ» (Л. И. Шренкъ).

МЕДОВИЧЪ. «Беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича». (Акс. *С Хр.*, 92).

МЕЗГА, МЕЗДРА *. Такъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ; но не правильнѣе ли будетъ *мязга*, *мяздра* отъ *мясо*, какъ *розга* отъ корня *рос* (собств. *росга*) и *ноздря* отъ *носъ*?

МЕРЕЯ *. (Павскій, *Филол. набл.* Разсужд. II, § 18). По Далю: мелкоклѣтчатый узоръ. Но отчего помѣщено имъ въ одномъ гнѣздѣ съ *мерда*, *мереда*?

МЕТЫЛЬ. По акад. словарю насѣкомое Ephemera horaria; а по Карамзину «метыль то же, что *мотылъ*: гной (см. *Лексик. Кутейнскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый сѣрный дождь, pluie de soufre (см Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса» (*Ист. Гос. Р.*, т. II, прим. 256).

МІРОВОЗЗРѢНІЕ, МІРОСОЗЕРЦАНІЕ. Пропущено.

МОНИТОРЪ. Названіе, придуманное въ Америкѣ для броненоснаго судна, котораго главная особенность состоитъ въ томъ, что края его, обитые желѣзомъ, очень мало подымаются надъ водою, въ серединѣ же его устроена круглая башня, тѣмъ же металломъ обложенная, въ отверзтіяхъ которой стоятъ пушки. Названіе заимствовано отъ имени насѣкомаго, принадлежащаго къ семейству ящерицъ, имѣющаго броню и будто бы

предупреждающаго человѣка о приближеніи крокодила. (См. Dict. de la langue fr. par E. Littré, t. II, Paris, 1868).

МОРЦО́ *. Морской заливъ, устье котораго занесено пескомъ (*Списки насел. мѣстъ*, Астрах. губ.).

МОТЫЛЪ. Гной *И. Г. Р.* II, прим. 256. См. *метыль*. (Въ ак. сл. есть *мотыло*, — пометъ, калъ, навозъ). У Даля пропущено

МУРЧУ́ГЪ (или, можетъ быть, правильнѣе *морчугъ* отъ *морцо*, см. это слово). Наполненныя водой ямины на берегахъ рѣки или озера, глухіе рукава рѣки и т. п. (что́ мѣстами называется *ерикъ* или *узекъ*): «Пугачевъ въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ-Узенѣ въ тамошнихъ *мурчугахъ* или у раскольниковъ». — «Открылъ явный я надъ бѣгущими изъ степи злодѣями, по раскольничьимъ монастырямъ, хуторамъ и *мурчужнымъ* ихъ жилищамъ, поискъ». (*Соч. Держ*, Т. V, стр. 11 и 78). Ср. у Тредьяковскаго: «плыть по Москвѣ-рѣкѣ *мурчугами*. Не плывите *мурчугами*: я вамъ лучше совѣтую ѣздить прямою дорогою». (*Соч. Тредьяк.*, Спб. 1849, т. III, стр. 242).

МЫКАТЬ *. Собственно *мчать*. (См. сказку *Бова Королевичъ*).

МЫСЬ *. Бѣлка (Псков. губ., Опоч. у.). *От. Зап.* 1854, мартъ, стр. 9. У г. Даля это слово съ вопросит. знакомъ, но, кажется, напрасно.

НАБРОСОКЪ, НАКИДОКЪ. Эскизъ.

НАВОДЪ. Шапка съ наводомъ. (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 450).

НАДИТЬ (сѣверн.). Точить соху.

НАМЕТКА * (футштокъ). *Накидывать наметку*, т. е дѣлать промѣръ.

НАНЗЫКЪ. Родъ полотна.

НАРОХТИ́ТЬСЯ. См. у г. Даля *нарохтиться*. «... прошохала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиреннствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ». (Акс *Сем. Хр.*, 113)

НАСЛАНЬЕ. Бѣдствіе. *Первое Божіе насланье*, первая холера. (Сарат.).

НЕВОЛЯ *. *За неволю*. «Я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску ты ей за неволю повѣришь». (*Сем. Хр.*, стр. 114).

НЕДОСТАВАТЬ. Глаголъ этотъ пропущенъ какъ и въ академическомъ словарѣ, такъ и у г. Даля, но, кажется, долженъ стоять особо въ своей отрицательной формѣ. Не мѣшало бы присово-

купить и его причастіе *недостающій*, употребляемое въ значеніи прилагательнаго имени.

НЕЖИТЬ *. Дополнить по *Исторіи славянскихъ литературъ* г. Пыпина (ст. Болгарія, стр. 77).

НЕПОМѢСТНЫЙ. Тотъ, кому не сидится. (Буслаева *Историч. Очерки*, т. I, стр. 21).

НЕРОТА. Рыболовная снасть. (Акс. *Восп.*, стр. 90).

НЕСООБРАЗНОСТЬ. Пропущено.

НЕСУДЕРЖНЫЙ. Не умѣющій смолчать.

НОВШЕСТВО. (С М Соловьевъ). Введеніе новизнъ.

НОРА *. (Пейп.). Извѣстное количество сѣтей, выставленныхъ въ линію.

НУДЪ, медиц. То же, что *нуда?*

НУ́ЖЕНЬКІЙ. Худенькій, маленькій ростомъ.

НѢТИ, множ. *Быть въ нѣтяхъ.* (Устр. *Ист. Петра В.*, т. I, стр. 178 188 и 194).

ОБОПРѢТЬ. Слова этого нѣтъ въ своемъ мѣстѣ, но оно употреблено самимъ г. Далемъ въ толкованіи глагола *опрѣть*. Надобно прибавить: *обопрѣлый, обопрѣлость*.

ОБУХЪ *. «По обѣимъ сторонамъ ихъ шли гайдуки въ богатой венгерской одеждѣ съ серебряными обухами». (Устр. *Исторія Петра В.*, т. III, стр. 30).

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ. Пропущено.

ОВСЕНЬ. Это слово записано г. Далемъ подъ буквою *А*, что́ едва ли правильно, такъ какъ ни одно чисто славянское слово съ этой буквы не начинается; притомъ и самъ онъ, при *авсень* поставилъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, *овсень*. См. *Сказанія* Сахарова, ч. II, кн. 7, стр. 2. (Такъ же несправедливо г. Даль поставилъ подъ А слово *абаполъ*, хотя въ предисловіи и самъ порицаетъ за подобную орѳографію Областной Словарь).

ОГНЕВА *. Такъ простонародье прозвало пароходы при появленіи ихъ на Волгѣ (иначе: чертова кобыла).

ОДНОСЕЛЬЧАНИНЪ. Пропущено

ОЗАГЛАВИТЬ, ОЗАГОЛОВИТЬ. Дать заглавіе. *Озаглавленный.*

ОЛЁХЪ, ОЛЕШНИКЪ. Пропущено.

ОНДРЕ́ЦЪ (сѣв.). Двуколесная телѣга съ пяльцами, употребляемая для уборки хлѣба и сѣна. Ср. у Даля *андрецъ* и *одръ*.

ОПѢНЯТЬ, ОПѢНЯЕМЫЙ. Карамзинъ въ статьѣ: *Нѣчто о наукахъ* и проч.

ОРАНЖЕРЕЯ *. Должно быть опредѣлено точнѣе. строеніе, отапливаемое зимою (до 10° Реом.) для сбереженія цвѣтовъ и деревьевъ. Это названіе слѣдуетъ отличать отъ слова *теплица* = низенькое строенье, нагрѣваемое печью до высокой температуры (выше 10°) для произращенія цвѣтовъ и плодовъ на тропическихъ растеніяхъ. Оба строенія имѣютъ покатый, изъ стекольныхъ рамъ состоящій верхъ. Въ нашихъ словаряхъ это различіе не обозначено надлежащимъ образомъ.

ОСЛОПЪ *. Должно быть сравнено съ словомъ *остолопъ*, изъ котораго оно произошло посредствомъ сокращенія. *Остолопъ* же есть, кажется, русская народная форма слова *столпъ*.

ОСТРЕЧЬЕ. (Пейп.). Видъ сѣти для лова мелкой рыбы.

ОТВЕРНИЦА. «Въ сихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница или обинякъ [équivoque]». *Соч. Держ.*, Томъ I, стр. 626. Ср. Востокова *Словарь Ц.-сл. яз.* Отвьрьница, противное.

ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ. См. Пыпина *Исторія славянскихъ литературъ*, стр. 62 и далѣе.

ОХИНѢТЬ *. Разбогатѣть *(Оп. Обл. Словаря)*. Существованіе этого слова, заподозрѣннаго у г. Даля вопросительнымъ знакомъ, подтверждается выраженіемъ Державина въ одномъ шуточномъ письмѣ: «охинѣеши бо скоро богатствомъ». (*Соч.* его, Т. V, стр. 661).

ОХРЕЯНЪ *. «Условились также о русскихъ плѣнникахъ и невольникахъ, также объ охреянахъ или *раскольникахъ*, бѣжавшихъ въ Азовъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 290). Ср. тамъ же стр. 236: «Азовскій паша подослалъ въ русскій лагерь одного изъ охреянъ, закоснѣлыхъ раскольниковъ». У г. Даля *охреянъ* = лѣнтяй; неотесаный, неуклюжій, грубый.

ПАДЛЁНОКЪ. Деревцо, выросшее изъ падали, т. е. изъ упавшаго съ другаго дерева сѣмени.

ПА́ЗЕМКА (позёмка). Земляника.

ПАЛЕ́Я. Лѣтопись, извлеченная изъ Ветхаго завѣта, содержащая иногда дословно всѣ свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, и раздѣленная на 10 книгъ.

ПАРЕНЫЙ ЗАЛОГЪ *: «переломали не пареный залогъ». (*С. Хр.*, стр. 20). При словѣ *залогъ* находимъ у г Даля, между прочимъ, значеніе: «выпаханое и запущеное поле, брошеное на нѣ-

сколько лѣтъ, чтобы снова задернѣло»; но ни *переломить*, ни *пареный* не показаны въ томъ смыслѣ, какой здѣсь присвоенъ этимъ словамъ.

ПАСКА, ПОСКИМИТЬСЯ. Народныя формы вм. церковныхъ. греческихъ: *пасха*, *посхимиться*.

ПАТАРЕНЪ. *Изв. II-го Отд.*, т. VII, вып. II, стр. 112: «Очень важно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что глаголица есть изобрѣтеніе и собственность богомиловъ и патареновъ» и т. д.

ПЕ́НДУСЪ. Топкій берегъ, вообще топкое мѣсто. (Ср. у Даля *пе́нусъ*).

ПЕРЕ́МЕТЕНЬ. Вьюга.

ПИДЖАКЪ. Англ. Извѣстнаго покроя одежда

ПЛЕХА. Презрит. Женщина дурнаго поведенія.

ПОВОЗИТЬСЯ *. Не показано его значеніе въ слѣдующей фразѣ: «Крестьяне обѣщали повозиться», т. е. повозить хлѣбъ.

ПОГОДА *. Употребляется и во множ. числѣ, въ слѣдующемъ присловьи: «Семь погодъ на дворѣ: сѣетъ, вѣетъ, кутитъ, мутитъ, рветъ, сверху льетъ, снизу мететъ»

ПОДЛИННИКЪ *. Описаніе, какъ святой изображается на иконахъ. Слово *подлинникъ* (въ общемъ значеніи своемъ) происходитъ отъ предлога *подлъ*, означая то, что стоитъ рядомъ съ чѣмъ-то другимъ. Предлогъ же *подлъ* составленъ изъ *по* съ прибавленіемъ окончанія, сокращеннаго изъ црк.-слов. *длъ*, *дль* (подлѣгъ, подъль, см. словарь Востокова).

ПОДОЖОКЪ: «слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ *подожкомъ* (всегда у постели его стоявшимъ)» *С. Хр.*, стр. 35.

ПОДОРОЖНИКЪ *: «напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ». *С. Хр.*, стр. 228.

ПОДСОХЪ. У г. Даля *подсоха* значитъ м. пр. столбъ, подпора. Рязанскіе плотники говорятъ *подсохъ* въ муж. р.

ПОДХЛЮСТАТЬ (напр. платье), Запачкать снизу.

ПОДХОЖІЙ. «Между тѣмъ послы двинутся изъ подхожаго стана къ мѣсту, назначенному для ихъ пріема». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. III, стр. 121).

ПОДЪЕФЕРИВАТЬ. Поддакивать, а при случаѣ и свое привирать.

ПОДЪѢЗДЪ *. Особаго устройства лодка, употребляемая при запасахъ для ловли снетковъ въ Пск. губ. См. *запасъ*.

ПОДЪѢЗЖАЧІЙ *. *Зап. Держ.* (*Русск. Бес.*), стр. 23.

ПОКЛАДАТЬСЯ. Уговориться, условиться. *Мы съ нимъ покладались на такую-то цѣну.* (Смол.).

ПОЛКА, сущ. отъ гл. *полóть*.

ПОЛТИНА *. Состоитъ, по мнѣнію г Даля, изъ двухъ словъ *полъ* и *тинъ*. (См. у него глаг. *тети* съ его производными; самое же слово *полтина*—въ концѣ слишкомъ обширнаго и сбивчиваго гнѣзда, начинающагося словомъ *пола*). Въ сущности *полтина* есть только видоизмѣненіе существ. *полоть* или *полть*, которое собственно значитъ *половина*.

ПОЛЪ *. Въ значеніи помоста едва ли одного корня съ *полъ* = половина. Въ противномъ случаѣ какъ объяснить слова *полокъ полка, полати?* Скорѣе тутъ надо искать того же корня *(пл)* котораго первоначальное значеніе является въ *плоскій, платъ, платно, поле* (въ герм. языкахъ *fl*, flack, flur (= полъ), feld, fält. Ср. хорут. pola = плоскость (Murko).

ПОЛЫЙ *. Открытый: полая дверь, полое окно (Сѣв.). Пустой. Оттуда: *полоумный;* это прилаг. вовсе не имѣетъ соотношенія съ словомъ *пола* (половина), подъ которое оно подведено у г. Даля Натяжка видна уже изъ того, что посреди множества другихъ, начинающихся съ *полу* —, это одно начинается съ *поло* —.

ПОМОШНИ́КЪ (отъ *мохъ*). Камень середи пашни. (Ср. у Даля *по́могшь, помо́шье*)

ПОРЯДКОВЫЙ. Грамматическій терминъ для означенія извѣстнаго вида числительныхъ именъ.

ПРАШЕВАНЬЕ (кукурузы). Окучиванье. «По окончаніи весеннихъ посѣвовъ молдаванину остается еще много времени до прашеванія кукурузы и потомъ до сбора ея, который бываетъ только въ концѣ августа или въ началѣ сентября». (*Воен.-статист. обозрѣніе Бессар.).*

ПРЕСТУПНИ́КЪ * (мн. преступники́). Такъ произносятъ въ Смол. губ.

ПРИВОДЕЦЪ. Вождь: «чтобъ кто былъ тому войску собиратель и приводецъ» (*Ядро Росс. Ист.* М. 1791, стр. 339). «Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ». (Державинъ, *Чит. оды;* см. *Соч.* его, Т. III, стр. 280). Ср. польское dowódca.

ПРИГРЕЗИТЬСЯ. Пропущено.

ПРОИСХОДИТЬ *. Пропущено народное значеніе слова: идти впередъ, успѣвать, дѣлать карьеру. «Кальчинскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ *происшедшій*, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ». (*С. Хр.*, стр. 220).

ПРОСТОКВАША *. Должно, кажется, стоять не подъ прилаг. *про-*

стой, а подъ глаг. *простоять*: простоемъ квасится. Такъ думалъ Павскій.

ПРОСТОПЛЕТКА. Лапти плетутся въ простоплетку, когда ихъ дѣлаютъ безъ веревочной каймы (ушника), и вмѣсто того загибаютъ по краю самое лыко. Такіе лапти далеко не такъ прочны, какъ объяснялъ мнѣ крестьянинъ, занимавшійся плетеніемъ этой обуви въ южной части Рязанской губ (Данк. у.).

ПРОТЕРЕТЬ ВРЕМЯ вм. потерять время (Смол.).

ПРОШОХАТЬ. См. нарохтиться.

ПУ́ЩИ (множ). Цѣлыя группы пней на днѣ Днѣстра — особенно ниже Бендеръ, — о которые по временамъ разбиваются суда. (*Воен.-стат. обозр. Бессар.*).

ПЕ́СТУНОШЪ. Молодой медвѣдь, который, по народному повѣрью, нянчитъ своихъ маленькихъ братьевъ.

ПѢШКА́МИ, говоря о многихъ, вм. *пѣшкомъ*, какъ *верхами* вм *верхомъ* (слыш. въ Раненб. у. Ряз. губ.). Замѣтимъ кстати, что народъ сохранилъ старинную форму *верхи* (твор. пад. множ.) вм. верхами въ поговоркѣ: «Верхи пошли, пѣши вернулись».

РАЖО́ [1]. Много.

РАЗБИВНОЙ ШРИФТЪ, т. е. шрифтъ съ разрядкой.

РАЗБРАЖИВАТЬСЯ *. Эта, хотя и неупотребительная глагольная форма, все-таки лучше совершенно неправильной *разбредаться*, которую въ послѣднее время стали употреблять писатели: «Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ) *), лисьи выводки начали *разбредаться*». (*Война и Миръ*, III, 119). Такъ и въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* 1868, № 160, въ передовой статьѣ, сказано: «Солдаты разбредаются между памятниками (Ваганьковскаго кладбища) для прогулки и отдохновенія».

РАЗВРАТЪ *. Вражда, когда ее поселилъ кто-нибудь третій.

РАЗДОБЫТЬСЯ чѣмъ. Достать, припасти что.

РАЗДРО́БЬ, ж. р (не *раздробъ*, м.). Напр. продажа въ раздробь.

РАЗРѢЗЪ *. Идти съ чѣмъ-нибудь въ разрѣзъ.

РАМА. Во многихъ мѣстахъ своего словаря г. Даль утверждаетъ, что это слово есть славянское и заимствовано Германцами отъ *рамо* = плечо. См. его замѣч. подъ этимъ словомъ, также подъ *раменье*, *обраменье*, *край*. Но доказательствъ на это предположеніе не приведено. Ср. Diefenbach, Vergleich. Wörterbuch, стр. 589.

---

[1]) Это значеніе слѣдуетъ занести въ словарь при объясненіи гл *затереться*.

РАСПОБЫЧИТЬ (?) **МЯСО.** Разрѣзать на части. что въ одно кушанье, что въ другое (Карсунскій у.).

РАСФУФОНИТЬСЯ. Пропущено.

РЕДУТЪ. *Стар.* Мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ танцуютъ и пр. (по нынѣшнему домъ дворянскаго собранія. клубъ, и т. п.).

РОСЛЫЙ. Говоря о мѣхѣ, пушистый.

РОСНО́[1]. Сыро. (Ряз. губ.).

РУШИТЬ[1]. Препятствовать. *Не рушь* = пускай. *не рушь говоритъ: не рушь идетъ* (Смол.).

РЫНО́КЪ. Прижимистое къ водѣ мѣсто на нагорной сторонѣ рѣки, почти то же, что мысъ на луговой.

РЫСЬ *, какъ и во всѣхъ словаряхъ, показано женскаго рода; но народъ, по кр. мѣрѣ мѣстами, говоритъ: *рысь убѣжалъ*. Ср. это слово въ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно муж. рода: хорут. ris, серб. рúс, польс. ryś, чеш. rys, луж. rys. Въ литературномъ языкѣ нашемъ *рысь* женскаго рода: см. напр. у Держ. басню *Медвѣдь и рысь* (*Соч.* его, Т. V, стр. 558).

РѢШЁТИНА (и Рѣшети́на). Latte, pièce de bois mince pour porter la tuile; crible, sas, bluteau, tamis. (Словарь Рейфа).

САЖМА *. Означаетъ также часть рѣчнаго берега, которая заливается водою.

САЛМА. Татарское кушанье въ родѣ лапши или клецокъ Встрѣч. не разъ у Держ., напр. въ одѣ *На рожденіе Гремиславы*. Ср. отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожнова въ *Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 127.

САМОУПРАВЛЕНІЕ. Пропущено.

САМОХОТКА (Вологод., Яросл. губ.). Тайный бракъ въ деревняхъ.

САТОХА. Русскій базаръ, или торгъ, на который пріѣзжали дикіе горцы въ укрѣпленія по черноморской береговой линіи У г. Даля *сатовка* съ вопросительнымъ знакомъ.

СВОДИТЬСЯ — на что, къ чему.

СЕЛЯВА *. Небольшая вкусная рыбка. въ родѣ ряпушки. добываемая изъ нѣкоторыхъ озеръ Псков. губ. (*Воен.-стат. обозр. Пск. г.*, стр. 112).

СЕРЕНЬ. «Снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не подниметъ». (*Ист.* Соловьева. т. VI. стр. 422).— «Здѣсь ясно значеніе словъ: серень и осеренить: говорится

объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались». (То же, т. VII, стр XIV).

СКОРЛОЗУБЕЦЪ (царскіе кудри Fritillaria imperialis). *С. Хр.*, стр. 19. У Даля *скалозубецъ* (лилія); въ *Бот. Соварѣ* Анненкова подъ № 803 *скалозубецъ*.

СКРУТА (Сѣверн.). Приданое.

СЛАВНУ́КЪ (Сѣверн.). Молодецъ женихъ, который славится въ деревнѣ. Славнуха, невѣста, славящаяся богатствомъ.

СЛАВУ́ТНИЦА (Сѣверн.). Дѣвушка-щеголиха.

СКРЫЖАПЕЛЬ. Сортъ яблоковъ. Другіе сорты показаны у г. Даля.

СЛАНЕЦЪ *. Правильно отнесено къ одному корню съ гл. *стлать*. Но отчего же не сближены съ нимъ также слова *слой* (стлой) и *слюда* (стлюда)?

СОБЛИСТАТЬ. «Соблещетъ молнія мечу». (*Соч.* Ломон., ода 1[illegible], строфа 8). Ср. у Держ. *Пѣснь Баярда* (*Соч.* его, т. III)

СОКЪ. Не показано старинное значеніе: обвинитель; по Словарю Востокова, доносчикъ. Ср. серб. сòk = сыщикъ (Aufsucher), свидѣтель; чеш. sok = противникъ, врагъ, клеветникъ; поль. sok = клеветникъ (Словари Караджича, Юнгмана, Линде). Ясно, что въ этомъ значеніи *сокъ* одного корня съ гл. *сочить* (сточить, высочить) = отыскивать, требовать, доправлять (Сл. церк.-слав. и русск. языка). Этотъ глаголъ сохранился у насъ и въ народномъ языкѣ: по *Дополненію* къ Областн. Словарю, онъ употребляется въ Кур. губ. въ смыслѣ: слѣдить, прогонять звѣря. Ср. поль.: soczyć (osoczyć)=травить, клеветать (откуда и существ. soczenie). Въ подобномъ смыслѣ гл. *сочить* принятъ и г. Далемъ съ объясненіемъ: «манить, выманить,... искать; слѣдить, гнаться за кѣмъ» и съ указаніемъ мѣстностей: *зап. вост. пск. прм*, при чемъ приведены и примѣры изъ народнаго языка. «Можетъ быть», прибавляетъ г. Даль, «здѣсь *сочить* знач. течь (самому) куда, а можетъ быть это и вовсе иной глаголъ», т. е. не имѣющій ничего общаго съ словомъ *сокъ*, къ гнѣзду котораго онъ отнесенъ. Вѣрнѣе, *сокъ* одного корня съ глаг. *искать*, гдѣ начальная гласная, можетъ быть, только прибавочная, какъ въ сл. *игра* (малорос. *ськаты* = искать). Ср. англ. seek, шв. sóka, герм. suchen, поль. szukać.

СОЛНОПЁКЪ. Припекъ солнечный. *Сидѣть на солнопекѣ.*

СОРОВЩИКЪ. Золотарь. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 153, перед. ст.).

СОРОКОПУДЪ. Помѣщено подъ *сорокъ* (40), а должно бы стоять

пудъ сорока. это лат. Lanius; нѣм. Neuntödter; ср. фин. lapin harakka (Lanius excubitor). Слово *пудъ* встрѣчается также въ *страхопудъ* и сродни съ гл. *пудить* (ср. чеш. pudit, разгонять, распугивать), церк.-слав. *распудити*: «волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы» (Іоан. X, 12).

СТАВЛЕНЫЙ МЕДЪ. «... нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду». (*Сем. Хр.* стр. 12).

СТАНЫЙ. То же, что *статочный, сталый.*

СТАРИ́ЦА *. На Уралѣ такіе рукава рѣки, которые, выходя изъ нея, съ нею же послѣ опять соединяются, называются старицами, потому что нѣкогда были главными руслами Урала. Тѣ которые имѣютъ истокъ и устье, называются полуусьми *(полоусьми?)* старицами (Н. Данилевскій въ *Вѣстн. Географ. Общ.* 1858, № 3).

СТАТОВЬЁ. Тканье полотенъ. *Библіотека для Чт.* 1862, № 1, стр. 129.

СТЕПЬ *. *Записать на степь*, т. е. на переселеніе въ степныя губерніи.

СТЕРЖЕНЬ *. Употребл. въ значеніи *шкворень* (Ряз губ. Скоп. у.).

СТОЧНЫЙ (иногда не отъ *стекать*, а отъ *стокать, соткать*). Тканый: «сточный поясъ» (*Ист. Гос. Росс.*, т. IV, стр 386).

СТРѢЛКА *. Главный стволъ у луковицы и чесноку, на которомъ бываютъ сѣмена (?).

СУКНОВАЛКА. Сукновальня.

СУЛОЙ (и сувой) *. «Встрѣча теченій между собою, съ выступами береговъ и рифами, съ противными вѣтрами и т. п. разводитъ сильнѣйшее волненіе, жесточайшую сумятицу; волны кипятъ, низвергаются, сшибаются, вздымаютъ даже стѣны (А. Ѳ. Миддендорфъ). Наши мореплаватели называютъ это явленіе *сулоемъ* и познакомились съ нимъ преимущественно въ проливахъ между Курильскими островами». (Л И. Шренкъ, *Очеркъ физ. геогр. сѣверо-японскаго моря*, Спб. 1869, стр. 41).

СУМАКЪ или СУМАХЪ. Rhus Cotinus. См. *Бот. Слов.* Анненкова, № 1193.

СУСАКЪ, СУСАТОКЪ. Butomus umbelatus. См. Анненк. № 298.

СУ́ТОЛПИЩЕ. Крылова *Зритель.* Ч. I («Ночи»), стр. 149.

СХОДНЫЙ *. ... «Сѣвскій воевода, сходный товарищъ князя Голицына въ послѣдній крымскій походъ» (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 81).

СѢДЛОВИНА. Углубленіе въ горной грядѣ (*Соврем Лѣтопись* 1869, № 23, «Изъ Екатеринбурга»).

СѢМЕНИТЬ *, **ЗАСѢМЕНИТЬ.** Ходить скорыми, мелкими шагами. У Даля *семенить* едва ли правильно.

ТАМЫРЪ. Другъ, пріятель; такъ называются люди, сдружившіеся и обмѣнявшіеся подарками, на Сибирско-Иртышской линіи и въ Киргизской степи (П. Семеновъ).

ТАРАКАЛЬНИКЪ. Въ Мингрельскомъ мѣстномъ положеніи (§ 33) сказано: «лѣсные матеріалы, какъ-то: *таракальники*, сошки, жерлп, колючки и проч. необходимы для виноградниковъ и другихъ садовъ.» (Замѣтка М. И. Броссе).

ТАРАРУ́Й. Прозвище кн. Хованскаго. (*Атеней* 1858, статья С. Соловьева объ *Исторіи П. В.*, соч. Н. Г Устрялова).

ТАРЕЛКА *. «Не въ своей тарелкѣ». Эта поговорка помѣщена подъ сл. *тарелка* безъ всякаго поясненія, нелишне было бы прибавить, что она произошла отъ ложнаго пониманія французскаго реченія, въ которомъ assiette значитъ вовсе не тарелка, а— состояніе, расположеніе духа. Первоначально французское слово именно означало положеніе, состояніе; потомъ — мѣсто, занимаемое сидящими за столомъ, и наконецъ блюдо, которое передъ каждымъ изъ нихъ ставится (Dict. de la langue fr., par E. Littré, t I).

ТАРЫНЬ (или на́кипень). Родъ глетчеровъ въ Сибири: снѣгъ таетъ на скатахъ горъ (напр. въ Становомъ хребтѣ) и образуетъ ледъ, изъ котораго иногда вытекаютъ рѣки (отъ П. П. Семенова). По свидѣтельству адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина, ледникъ, глетчеръ въ Сибири называется *тараномъ*.

ТЕПЛИЦА. См. оранжерея.

ТЕСТЬ *. Въ косвенныхъ пад. ед. числа *е* выпадаетъ: *тстя*, *тстю* (Смол. губ.).

ТЕША *. Рыбій бокъ. *Спб. Вѣдом.* 1868, № 201.

ТИГУСИТЬ. Мучить.

ТОЛОКА́ *. Пастьба скота на лугахъ или поляхъ. *Худо родится хлѣбъ, потому что не доходитъ толока* (Воронеж.). *Въ толокѣ будемъ ноньче пахать* (т. е тамъ, гдѣ скотъ ходитъ). Значеніе *толокй* въ Малороссіи см. *Спб. Вѣдом.* 1864, № 207.

ТОНКОНОГЪ, Poa bulbosa. Трава, корнемъ которой питаютъ зимою суслика. Впрочемъ. такъ называются и другія растенія; см. *Ботанич Словарь* Н. Анненкова, №№ 604, 749, 1045 и 1046.

ТОУРИТЬ (Казан., Симб.). Уставить, пялить: «Увидя Марсъ, тоуритъ взоры» (Держ. *На пріобр. Крыма*, *Соч.* его, Т. I, стр. 183).

У г. Даля записано *тоурить*ся, какъ слово моск. и владм. Соображая это съ нашей замѣткой, можно заключить, что это общенародное слово.

ТРЁШНИКЪ = 3 к. сер. Трёшница = трехрублевая бумажка. Трынка = 3 коп. мѣдью, 1 коп. сер. (Казань).

ТРЫКЪ *. Модникъ, вѣтреникъ *(Оп. Обл. Словаря)*. Г. Даль поставилъ при этомъ словѣ вопросительный знакъ; но у Державина (*Соч.* его, Т. III, стр. 345) мы находимъ стихъ:

«И льстя сѣдаго трыка».

ТУЗЛУКЪ *. «И горы соляныхъ кристаловъ по *тузлукамъ* твоимъ пойдутъ». (*С. Хр.*, стр. 24). У г. Даля *тузлукъ* показано въ значеніи разсола для соленья рыбы и икры, да еще съ вопросит. знакомъ прибавлено: «украшенье на поясѣ».

ТУНБАСЪ. Транспортное судно (*Устр. Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ТУРСУКЪ *. *Сем. Хр*, стр. 26: «мѣшокъ изъ сырой кожи, снятый съ лошадиной ноги» По г. Далю.— «малый кожаный мѣхъ, обычно изъ трехъ окороковъ конскихъ»

ТУРЫ́ШКА *. Буракъ, цилиндрическій сосудъ, сдѣланный изъ бересты. (У г. Даля при этомъ словѣ поставлено *ведерко*, съ вопросительнымъ знакомъ).

УВО́ЩЬЕ. Лѣкарство.

УЗЪ *. Нижнее дно улья. (*В. и Миръ*, ч. V, стр. 84).

УМОРА *. Въ народномъ языкѣ ходитъ и съ собственнымъ значеніемъ, напр., «скотинѣ въ сухое лѣто умора» (Ряз., Данк. у.).

УПОСЛѢЖДАТЬ, УПОСЛѢЖИВАТЬ. Обходить, обижать: опаздывать, медлить. (См. *Соч.* Держ., т. I, стр. 256 и 257).

УРАЛЪ *. Нарцц. названіе горнаго хребта въ Зап. Сибири, въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ.

У́РОМА * (множество плотовъ лѣса) Должно бы стоять въ одномъ гнѣздѣ съ *урема* и *урманъ*.

УРСЫ́. Кучи (напр. рыбы) — на Уралѣ

У́ТОРОКЪ. Порядокъ.

УСТАВЪ *: «Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ *уставѣ* жернововъ». (*Сем. Хр.*, стр. 45).

УШКОЛЪ. То же, что ушкуй. Галера. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ХЛУПЬ. Мягкое мясо на птицахъ и вообще животныхъ.

ХОЗЪ *. Та часть выдѣланной коровьей кожи, которая употребляется на подошвы.

ХРУСТАЛИКЪ. Часть глаза. Пропущено во всѣхъ нашихъ словаряхъ.

ЦВѢТОКЪ. Виньетка. *Кашка* = cul-de-lampe. По свидѣтельству Оленина въ его *Письмѣ о Тмутороканскомъ камнѣ*, первое употребляется такъ въ синодальныхъ типографіяхъ.

ЦѢЛО́КЪ. Идти цѣлко́мъ, по цѣлку́, т. е. не по проложенной дорогѣ (*Соч.* Держ., Т. III, стр. 572).

ЦѢПЕНѢТЬ. Пропущено.

ЧЕКЪ, въ значеніи ярлыка на полученіе въ банкѣ денегъ, взято съ англ check, сообразно съ чѣмъ и должно быть исправлено показаніе: «Чека, фрн.».

ЧЕМАРКА. Одежда извѣстнаго покроя у зап. славянъ.

ЧЕРНАЯ РЫБА *. Мелкія породы рыбы, въ противоположность *красной* (Н. Я. Данилевскій).

ЧМА́РИТЬ. Кое-какъ пробиваться (Ряз. губ., Данк. у.).

ЧУВЫКАНЬЕ (жаворонковъ). *Война и Миръ* IV, 18.

ЧУЙКА *. Лапоть особенно глубокій, похожій на калошу (Ряз. губ. Скоп. у.)

ЧУХИ́. Городки (игра).

ШЕЛОННИКЪ. На Селигерѣ значитъ сѣв. вѣтеръ. См. у Даля Шалоникъ. Но это слово есть и въ Сибири. Точно ли оно происходитъ отъ названія р. Шелони?...

ШЕ́РЕШЬ, ШЕРО́ШЬ (Твер. губ). Ср. у Даля *шерóхъ*, къ гнѣзду котораго слѣдовало отнести и *шершавый*

ШЕРШЕНКА (Ряз.). Родъ рубана. См. предыдущее слово.

ШИБЕНЬ. (Гоголь, *Мертв. Души*). Къ сожалѣнію, въ моихъ замѣткахъ нѣтъ точной ссылки на мѣсто, гдѣ употреблено это слово.

ШИРКУНЕ́ЦЪ. Бубенчикъ (Арх.).

ШПАРНЯ (отъ шпарить). Обвариванье.

ШПЕТИТЬ. Сильно уколоть кого словами (*Дополн. къ Оп. Обл. Сл.*) «Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, не устыдился меня шпетить» (*Соч.* Держ., Т. V, стр. 843).

ШТЫКЪ-ЮНКЕРЪ. Чинъ въ артиллеріи, между сержантомъ и поручикомъ.

ШУКА́ТЬ * — не прямо нѣмецкаго, а польскаго происхожденія; замѣчательно, что это слово чрезъ Смоленскую губ. проникло и въ Московскую. Я слышалъ его отъ крестьянъ въ одной подмосковной деревнѣ, гдѣ въ 1812 г. были французы; въ разсказѣ

о нихъ было упомянуто тутъ и сущ. *шукало* въ смыслѣ мародера.

ШУРА *. Талыи, мелкій ледъ. *Шура идетъ.*

ЩИ́ПОКЪ. Бусл. *Истор. очерки* I, 80.

ЭНДИВІЙ. Родъ салата (латукъ), Cichorium Endivia.

ЭСТРАГОНЪ, Artemisia Dracunculus, растеніе, изъ котораго получается лучшій сортъ уксуса. За Кавказомъ употребляется оно въ пищу какъ закуска (Ф. И. Рупрехтъ).

ЯМЩА. Бревно. «По Днѣстру кромѣ галеръ сплавляютъ еще изъ австрійскихъ владѣній еловые плоты, въ 100 ямщъ или бревенъ каждый, съ досками, гонтомъ и драницами». *(Военно-стат. обозр Бессарабіи).*

Прибавленіе. Когда уже печатались эти Дополненія, А. К. Жизневскій, прочитавъ въ Твери брошюру мою о Толковомъ Словарѣ Даля, обязательно доставилъ мнѣ собраніе словъ, поговорокъ и т. п., записанныхъ имъ, какъ онъ выразился, во время его служебныхъ переселеній и добровольныхъ странствованій по Россіи. «Обратившись къ своимъ замѣткамъ», писалъ онъ, «я съ перваго разу обрадовался показавшейся возможности переслать вамъ свое приношеніе. Но по мѣрѣ того, какъ я провѣрялъ свой запасъ съ Толковымъ Словаремъ, радость моя смѣнялась удивленіемъ богатству этого словаря. Найдя многія слова уже занесенными туда и отбросивъ ихъ въ сторону, я рѣшился уцѣлѣвшіе остатки переслать вамъ» и проч. Принявъ съ искреннею благодарностью это сообщеніе, предлагаю здѣсь на выдержку нѣкоторыя изъ присланныхъ г Жизневскимъ словъ, остальныя же, съ позволенія почтеннаго собирателя, будутъ переданы В. И. Далю, который конечно съ признательностію воспользуется ими при 2-мъ изданіи своего словаря.

БЛАГОЮРОДСТВОВАТЬ (Моск.). — **ВО́РОТЪ** *. Двое дѣтей, а третій *на вороту.* (Новг.). — **ВЧИНИТЬСЯ** *. *Вчинился* не въ свое

---

* И здѣсь оставляю безъ звѣздочки только тѣ слова, которыя вовсе не занесены въ словарь г Даля.

дѣло. (Пск.). — **вѣкуши**. Старыя дѣвки, раскольницы, начетчицы, учатъ дѣтей грамотѣ. (Самар.). У Даля *вѣковуха*, *вѣкоушка*. — **гоношить** *. Суетиться (Твер.), грести сѣно (Новоторж. у.). — **изживать** *. *Изживаю* третьяго мужа. — **изморъ**. Ледъ *изморомъ* пойдетъ. (Твер.), — то же, что *заморомъ*, т. е. то пойдетъ, то перестанетъ идти. — **келейницы**. Дѣвки имѣющія наклонность къ монашеской жизни, б. ч. раскольницы. (Самар. губ.). — **колоколецъ** *. Предсмертное клокотаніе мокроты, поднимающейся къ горлу. (Твер.). — **морушка** *. Большая смертность. На дѣтей *морушка*. (Твер.). — **мятусить**. Испугавшись, стали *мятуситься* на плоту. (Твер.). — **носоклейка**. Дать *носоклейку*, т. е. выговоръ. (Самар.). — **побериги**. Побирухи. (Новгр.). — **подкустарники**. Легковые извощики зимніе, у которыхъ плохая упряжь. (Моск.). — **подымать** *. Воспитывать. *Я подымалъ* ихъ маленькихъ и потомъ отдѣлилъ. (Нвгр.) — **разстрѣлъ** *. Приговариваютъ за поджогъ къ *разстрѣлу*. (Казан.). — **сидка** *. *На сидкѣ*, *на высидкѣ* (въ тюрьмѣ). — **сквозной**. *На сквозныхъ*. — на долгихъ, въ противоположность слову: на сдаточныхъ. Выраженіе вольныхъ ямщиковъ. (Твер. губ.). — **суеружничать**. Безъ толку ругаться. (Твер.). — **хлѣбосолецъ**. Тотъ кто хлѣбъ-соль водитъ. (Моск.). Латин. hospes. — **чавреный, ая**. Блѣдный, исхудалый. *Какая она чавреная!* (Твер. губ.).

Въ напечатанныхъ мною выше Дополненіяхъ, недостаетъ еще одного недавно записаннаго мною и также пропущеннаго г. Далемъ слова:

Въ разныхъ концахъ Россіи простолюдье употребляетъ слово *струцкій* (иногда *струцкóй*) въ презрительномъ значеніи подъячаго, мелкаго чиновника или й вообще дряннаго человѣка. Объяснить происхожденіе этого слова не легко.

КАРАМЗИНЪ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Пересмотръ вопроса о началѣ «новаго слога»

Современники Карамзина признали его преобразователемъ литературнаго языка. Въ разборѣ *Разсужденія* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* Макаровъ въ 1803 году сказалъ: «Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ Публика» [1]). Самъ Шишковъ не отвергалъ этого безусловно, и возражая Макарову, замѣтилъ: «Я не знаю сдѣлалъ ли г. Карамзинъ эпоху въ исторіи русскаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ ето очень худо; иб о естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ» [2]).

Позднѣе (1823) А. Бестужевъ (Марлинскій) такъ отозвался о Карамзинѣ: «Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ Писателей и невѣждъ-переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма, от-

---

[1]) *Мосьов. Меркурій*, дек. 1803, стр. 190. Такъ какъ въ настоящей статьѣ дѣло идетъ о языкѣ, то приводимыя въ ней мѣста изъ прежнихъ писателей сообщаются съ соблюденіемъ ихъ первоначальной ореографіи и пунктуаціи.— О Петрѣ Ивановичѣ Макаровѣ и его журналѣ см. статью г. Геннади въ *Современникъ* 1854 г., т XLVII, отд. III, стр. 66—94.

[2]) *Прибавленіе къ Разсужд о стар. и нов. слогѣ*, 1804, стр. 147.

бросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице» [1]). Этотъ взглядъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ оспариваемъ, и еще недавно его снова высказали многіе при празднованіи юбилея Карамзина. «Поколѣнія младшія», говоритъ, напримѣръ, Ѳ. И. Буслаевъ [2]), «учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика». Но въ то же время явился другой взглядъ, сильно ограничивающій значеніе Карамзина въ исторіи литературнаго языка. «Если посмотрѣть», сказалъ въ Харьковѣ г. профессоръ Н. А. Лавровскій [3]), «на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, то-есть, на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу: то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, на языкъ Фонъ-Визина, или хоть на языкъ Вступленія къ Почтѣ Духовъ Крылова, писаннаго въ 1789 году, то едва ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ Писемъ Русскаго Путешественника; въ этомъ смыслѣ едва ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ дѣйствительно новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. Въ этомъ смыслѣ, если

---

[1]) *Полярная Звѣзда* 1823 г. — «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», стр. 15

[2]) *Рѣчь о Письмахъ Русскаго Путешественника*, въ *Москов. Университ. Извѣстіяхъ* 1866, № 3, стр. 185

[3]) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 40.

хотите, онъ былъ преобразователемъ литературнаго языка, но преобразователемъ безъ собственнаго вѣдома».

Такимъ образомъ авторъ этихъ строкъ находитъ, что Карамзинъ, несмотря на новость содержанія своихъ сочиненій, на новость пущенныхъ имъ въ ходъ идей, чувствованій и образовъ, обошелся безъ новыхъ способовъ выраженія, безъ сообщенія словамъ болѣе опредѣленнаго или разнообразнаго смысла, безъ новаго строя рѣчи. Но выражать по-старому новыя мысли не значитъ преобразовывать языкъ, и, признавъ въ сочиненіяхъ Карамзина только внутреннюю сторону новою, слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе и уже вовсе не оставлять за нимъ права на названіе преобразователя языка. Допустивъ, что Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все-таки заслужилъ это названіе, хотя и безъ собственнаго вѣдома, г. Лавровскій говоритъ однакоже: «Карамзинъ, воспитанный на произведеніяхъ первоклассныхъ писателей, произведенія которыхъ выражаютъ мысли, чувствованія и образы фантазіи со всею непосредственностію языка, не могъ допустить и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою, устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность». Но развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы во всей подробности разъяснить вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журна-

ломъ поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г Лавровскій какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они кѣмъ-нибудь приведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли придалъ имъ полноту и опредѣленность? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зарождаются у многихъ вдругъ, носятся въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполнѣ, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе вырабатывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе, до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало-по-малу уступалъ вліянію разговорнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и привелъ это явленіе въ сознаніе

общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія.

Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ-называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и «описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ» [1]. Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно идти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: во-первыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и во-вторыхъ, чуждый синтаксическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахъ 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ *Живописцѣ* Новикова мы читаемъ: «Желалъ бы я чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ!» Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такая: «Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ нарещися ей за превос-

[1] Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ* Ср. выше, стр. 5

ходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ. какъ сей токмо недостатокъ» [1]). Не значитъ ли это, что тогда писали по большей части безсознательно, то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выраженій, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московскаго Журнала* Карамзина.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и орѳографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но, отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его біографомъ прибавимъ: «Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія. изысканность украшеній. обороты и неестественный тонъ» [2]). Мало того, и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: «Самая развязка не иное есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія она прекрасна, естьли судить и смотрѣть ее одпое; но излишна, естьли взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большой хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!» [3]). Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ Кры-

---

[1]) *Живописецъ*, изд. VII, стр 83

[2]) Плетневъ — *Полное собр. соч. И. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. XXIII.

[3]) *С.-Петербургскій Меркурій*, ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журнала. Такъ и въ приведенныхъ мною строкахъ сдѣлано въ

ловъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости выработанныхъ писателями карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзываться латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ. Стародумъ въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: «Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь въ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина: а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ» [1]). Въ «Словѣ на выздоровленіе великаго князя», въ «Описаніи житія графа Н. И. Панина», даже въ «Чистосердечномъ признаніи» встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ, по крайней мѣрѣ

названномъ изданіи нѣсколько измѣненій вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное*, вмѣсто *одно—одну*, вмѣсто *противу положенныхъ — противоположныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332) Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы Напримѣръ. въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду*, вмѣсто. *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ*, напечатано «герой нашъ лѣтъ 15-ти отданъ былъ»; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда же писать останется мнѣ время.*—«если я безпрестанно буду читать, то когда же я буду писать»; вмѣсто *толико то глубокое спокойствіе* — «такое глубокое спокойствіе», и проч., и проч Забота о подновленіи текста Крылова доходила до того, что въ названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этотъ*.

[1]) Соч Фонъ-Визина, Спб 1866, стр. 248

въ извѣстномъ смыслѣ, какъ напримѣръ, *упражняться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: «....Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *упражняться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *упражняться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *упражненіе* для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою» [1]), Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бѣлинскаго, что хотя «языкъ Фонъ-Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы» [2]). Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передавали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянской примѣси. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина, большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражались гораздо хуже Ломоносова, и, не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не убереглись даже многіе изъ профессоровъ

---

[1]) Соч. Ф.-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употреблялъ слово *упражняться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно получило у него болѣе тѣсное значеніе.

[2]) Соч Бѣлинскаго, ч VIII, стр. 136. — Позволяю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Спб. Вѣдом.* 1848 г № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

Московскаго университета, не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики; вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго синтаксиса [1])

Такимъ-то образомъ въ исходѣ 18-го столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*, то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ геніальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были, при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ*, въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы*. По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ правоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ [2]), въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ*. Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той

---

[1]) См. ниже образчики въ Приложеніи I

[2]) Не *Рахмановъ*, какъ названъ въ біографіи Крылова (стр XXI юнгмейстерова изданія) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ*. Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ

же типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утренникъ Часовъ*, въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ*. Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе. Это — *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ [1]). Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка [2]). Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина [3]). Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, учился сперва въ Кіевской Духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. «Казалось», замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году [4]), «что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ». Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія

---

[1]) Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[2]) Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ*; но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

[3]) Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

[4]) *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.* ч. III, стр. 64.

этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Иппокрена или утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Ода въ честь моему другу*. Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ «учитель россійскаго стиля», потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ самомъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ*, въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитріевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитріева, когда печатались *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ [1]) Владиміръ Измайловъ говоритъ: «....Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать россійскую словесность и выдавалъ тогда *Московскій Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и если на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердецъ сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало разстояніе авторское. Къ чести Подшивалова, его талантъ, безъ досады и за-

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

вести, отдавалъ всегда справедливость таланту гораздо превосходнѣйшему: нравственная черта рѣдкая, особливо между авторами!» При такомъ отношеніи одного писателя къ другому, особенно любопытно сравнить между собою ихъ одновременныя изданія. Не говоря уже о безжизненности содержанія подшиваловскаго *Чтенія*, объ отсутствіи въ немъ всякаго современнаго интереса, всякой оригинальности, и преобладаніи отвлеченно-нравоучительнаго характера, при обиліи бывшихъ тогда въ модѣ восточныхъ повѣстей, замѣтимъ, что языкъ въ статьяхъ *Чтенія* представляетъ ту же неровность и пестроту, которая господствуетъ почти во всѣхъ изданіяхъ того времени. Поучительно сличить самыя объявленія объ изданіи *Московскаго Журнала* и *Чтенія для вкуса*, напечатанныя одно за другимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* [1]). Объявленіе Карамзина извѣстно [2]); о *Чтеніи* было возвѣщено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дабы доставить публикѣ періодическое полезное чтеніе, могущее занимать удовольственнымъ образомъ духъ и сердце читающаго, и чрезъ то самое подавать ему доброе времяпровожденіе, издаваемо будетъ съ начала будущаго году, при каждомъ номерѣ *Вѣдомостей* по одному листу, сочиненіе подъ титуломъ *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, которое заключать въ себѣ будетъ статьи различнаго содержанія въ стихахъ и прозѣ, не менѣе полезныя, любопытныя, какъ пріятныя и забавныя. Издатели стараться будутъ, сообразуясь названію сего изданія, довольствовать онымъ вкусъ читателей своихъ, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для сего величайшую разборчивость, дабы не токмо помѣщаемы были приличныя матеріи, но и предлагаемы были онѣ чистымъ и пріятнымъ слогомъ: кратко сказать, ничего не опустятъ, чтобы листы сіи приносили удо-

---

[1]) Объявленіе объ изданіи *Чтенія* см. въ *Моск. Вѣд* 1790 г № 88 (2-го ноября). Объявленіе о *Московскомъ Журналѣ* приложено особо при № 89 (6-го ноября).

[2]) Оно недавно перепечатано въ книгѣ г. Погодина: *Карамзинъ* и проч., ч. I, стр. 170.

вольствіе и пользу читателямъ всякаго роду и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ находить въ изданіи семъ что нибудь такое, что бы удовлетворять могло вкусу и склоннбстямъ его» [1]). Какой способъ изложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому* и *пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи «День», которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: «Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ! свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! колико ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь въ сей мрачной юдоли». Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московскаго Журнала*: это — знаменитое письмо «Русскаго Путешественника» изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ тѣмъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* «Отрывокъ чувствительнаго путешествія» (ч. 1, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: «Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ или хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывесть дѣла свои изъ мрака?» Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, далѣе, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя, но нигдѣ нѣтъ языка выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы ви-

[1]) Въ № 103 *Моск. Вѣд.* 25 го декабря перепечатано это объявленіе съ нѣкоторыми измѣненіями, тутъ два-три выраженія исправлены, напр вмѣсто: *могущее занимать удовольственнымъ образомъ* сказано — *которое могло бы съ удовольствіемъ занимать*, вмѣсто: *доброе времяпровожденіе — пріятное препровожденіе времени.*

димъ рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Журнала*, которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вошедшая въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи*, Шторха и Аделунга (Спб. 1810, стр. XV), замѣчено: «Изъ Россіянъ Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналѣ*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашелъ онъ себѣ многихъ преемниковъ». Замѣтимъ однакожь, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они еще не выдерживаютъ сравненія съ разборами Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ особенное вниманіе на языкъ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности идеи и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ на дикія для разговорнаго языка частицы: *какъ бы*, *колико*, *дабы*. Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковно-славянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: «Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Русской слогъ *голыми протолковниками NN, иже отрѣваютъ все, еже есть Руское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*» [1]). Кого разумѣлъ Ка-

[1]) *Московскій Журналъ* 1791, ч IV, стр. 112. — Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. ниже въ Прилож. II.

рамзинъ подъ *голѣмыми* (то-есть, великими) *претолковниками*? Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскія реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами*, между прочими, извѣстнаго переводчика И. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго [1]). Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же ассессоръ Матвѣй Пахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и переводили общими силами «Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады»; послѣднимъ переведены сверхъ того «Разговоры Лукіана Самосатскаго» и «Творенія велемудраго Платона». Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найти: *тако мнѣ благолющу, возставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчиковъ 1780-хъ годовъ намекалъ, можетъ быть, другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: «...лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами» [2]). Итакъ мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *голѣмыхъ претолковниковъ*. Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Московскаго Журнала*. Здѣсь начало гнѣва, впослѣдствіи породившаго *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*.

Новый духъ, новое пониманіе журнальнаго дѣла, проникавшіе *Московскій Журналъ*, не могли не отразиться и на самомъ языкѣ его. Впрочемъ, здѣсь замѣтна еще большая разница между языкомъ Карамзина и немногихъ сотрудниковъ его, даже и Подшивалова, хотя послѣдній во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно примкнулъ къ талантливому издателю. Разница между ними, какъ стилистами, по крайней мѣрѣ за то время, наглядно выдается въ двухъ критическихъ статьяхъ Подшивалова о *Палефатѣ* Туман-

---

[1]) *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 85; ср. тамъ же стр. 45.
[2]) *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.

скаго. На варварскій языкъ этого перевода (съ греческаго) Подшиваловъ взглянулъ снисходительнѣе, нежели какъ могъ смотрѣть самъ Карамзинъ, судя по другимъ разборамъ его. «Сей переводъ въ сравненіи со многими другими», говоритъ рецензентъ, «конечно, хорошъ; однакожъ онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ славянскихъ словъ, не кстати употребленныхъ, напримѣръ *донеже*, *весь* (село), *якобы*, онъ *могль видѣть*, и проч; сверхъ неприличной смѣси Славянскаго съ Русскимъ, напр. стр. 5: *уста и глотка возсыли на объѣжженыхъ лошадей*, и стр. 9: *не могъ рѣшится на убіеніе отрочати*: наконецъ сверхъ грамматическихъ мѣлочей, на пр. *Греческого*, *никакого*, *бѣлого*, *укушенна будучи*, *все соединенно — въ басню*, *въ роскошь*, — замѣтили мы еще большія странности» [1]).

Понятно, что и самъ Карамзинъ, въ *Московскомъ Журналѣ*, еще далекъ отъ тѣхъ успѣховъ языка и слога, которыхъ онъ достигъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Какъ вообще въ области литературы, такъ и въ дѣятельности каждаго замѣчательнаго писателя, языкъ постепенно совершенствуется, и условія такого развитія у отдѣльнаго автора заключаются, съ одной стороны, въ собственномъ его духѣ, безпрестанно идущемъ впередъ, съ другой — въ совокупномъ движеніи всего общества, которое, подчиняясь вліянію передовыхъ мыслителей, въ свою очередь взаимно дѣйствуетъ на нихъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно было бы прослѣдить всѣ труды Карамзина, начиная отъ самыхъ раннихъ его переводовъ и сочиненій; но къ предмету настоящаго изслѣдованія все предшествовавшее *Московскому Журналу* не относится, такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ не столько о ходѣ развитія литературной рѣчи Карамзина, сколько о свойствѣ ея и вліяніи на общій письменный языкъ русскій. Вліяніе же Карамзина, естественно, могло начаться только со времени из-

---

[1]) *Моск. Журн.*, ч. V, январь и мартъ, стр. 137 и 379. Въ февральской книжкѣ, стр. 277, помѣщено возраженіе Туманскаго подъ заглавіемъ *О сужденіи книгъ*, съ любопытными примѣчаніями Карамзина.

данія *Московскаго Журнала*, доставившаго ему значительный кругъ читателей и громкую извѣстность.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе этого журнала было двоякое: однихъ онъ привлекъ къ Карамзину; другихъ, хотя далеко не столь многихъ, оттолкнулъ отъ него. Тогда-то стали явственно обозначаться двѣ школы писателей, и разногласіе ихъ должно было вскорѣ обратиться въ борьбу. Уже въ 1792 году, слѣдовательно, когда *Московскій Журналъ* еще продолжалъ выходить, явились два изданія, враждебно къ нему относившіяся, именно *Зритель* Крылова и *Россійскій Магазинъ* Туманскаго. Первый, подражаніе аддисонову «Спектетеру», имѣлъ шуточно-сатирическое направленіе; естественно поэтому, что въ большей части статей такого содержанія языкъ простъ, хотя часто совсѣмъ не изященъ и вообще крайне небреженъ; какъ замѣтилъ уже П. П. Пекарскій, журналы Крылова и Клушина «отличались особенною неряшливостію и промахами противъ грамматики» [1]). Разномысліе *Зрителя* съ Карамзинымъ во взглядѣ на языкъ обнаруживается не въ одномъ способѣ выражаться. Вотъ, напримѣръ, сужденіе этого журнала о Ломоносовѣ: «Сей безсмертный отецъ нашего стихотворства доказалъ, что понятіе его изобрѣло такія красоты, которыхъ никто еще не имѣлъ; онъ первый доказалъ свѣту что можно Россіянину только превзойти въ картинахъ стихотворческихъ и самаго Виргилія, гдѣ онъ не встрѣчался съ нимъ вездѣ его превозходилъ: описаніе бури у Ломоносова несравненно живѣе.... Языкъ Россійскій отъ его пера явился сильнѣйшимъ всѣхъ Европейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все, до чего только можетъ достигнуть пламенное воображеніе витіи» [2]) и т. д. Карамзинъ, хотя также признавалъ превосходство Ломоносова въ лирической поэзіи, однакожь вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что онъ и Сумароковъ «еще не образовали Россійскаго слога» и

---

[1]) *Письма* Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 025.

[2]) *Зритель*, ч. I. «О враждебномъ свойствѣ Россіянъ» (Плавильщикова), стр. 172

замѣчалъ: «Проза Ломоносова не можетъ служить для насъ образцемъ; *длинные періоды* его утомительны, *расположеніе* словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха» [1]). Извѣстно, что товарищемъ Крылова по изданію *Зрителя* былъ Клушинъ; къ числу сотрудниковъ ихъ принадлежали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Эминъ и Туманскій [2]). Въ журналѣ ихъ Карамзинъ задѣтъ, между прочимъ, за свои критическіе разборы. Въ такомъ смыслѣ написана цѣлая статья *Критикъ*, въ которой представленъ сердитый человѣкъ съ книгою въ рукахъ. Онъ готовится писать рецензію на эту книгу и говоритъ: «Переводъ сей гадокъ; не имѣетъ въ себѣ ни правилъ языка, ни правилъ грамматики; *достоинства чувствованій автора изкажены*; и сверхъ того есть слова, которыхъ я не понимаю». Далѣе приведено въ такомъ же тонѣ нѣсколько отдѣльныхъ примѣчаній критика, между прочимъ, осмѣяна прихотливость легко-оскорбляющагося слуха («вы не можете представить, какъ это деретъ уши»), и въ заключеніе сказано: «Можно быть увѣрену, что съ его неусыпнымъ попеченіемъ о Русскомъ языкѣ, и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе. Правда, онъ не касается до разсматриванія Авторскихъ мыслей, плана сочиненія, характера дѣйствующихъ лицъ, ума и способностей — да и хорошо, что не за свое не берется — какъ заниматься такою мѣлочью?» [3]). При совершенномъ невниманіи издателей *Зрителя* къ требованіямъ грамматики, понятно, какъ долженъ былъ имъ не нравиться пуризмъ Карамзина съ особеннымъ характеромъ его прозы. Что его слогъ не ускользнулъ отъ ихъ вниманія, видно изъ выходки противъ «рѣдкихъ и избранныхъ изображеній» *Московскаго Журнала*, на

---

[1]) Сочиненія Карамзина, изд. Смирд., т. I, «Похвальное слово Екатеринѣ II», стр. 363, и «Пантеонъ россійскихъ авторовъ», стр. 591.

[2]) *Письма* къ Дм., стр. 17, 28, 33.

[3]) *Зритель*, ч. I, стр. 161. Эти и подобныя выходки *Зрителя* были хорошо извѣстны Карамзину, который упоминаетъ о враждѣ его издателей въ своихъ письмахъ къ Дмитріеву. Въ маѣ мѣсяцѣ (1792 г.) оба друга подписались на этотъ журналъ (*Зр.*, ч. II, стр. 86).

которыя они въ своихъ *рецептахъ* указывали какъ на средство отъ безсонницы [1]).

Другой журналъ, обнаруживший непріязненное отношеніе къ Карамзину, былъ *Россійскій Магазинъ*, хотя онъ и имѣлъ преимущественно характеръ историческаго сборника. Издатель его, Ѳедоръ Туманскій, котораго языкъ отличался особеннымъ безобразіемъ, былъ конечно плохимъ цѣнителемъ искусства писать; притомъ *Московскій Журналъ* не совсѣмъ благосклонно принялъ его *Палефата*, и наконецъ, Карамзинъ не печаталъ «піесъ», которыми Туманскій «задавилъ» его, по выраженію самого Карамзина въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 17 и 19). Вотъ почему *Россійскій Магазинъ*, при появленіи *Оссіана* въ переводѣ Кострова, воспользовался случаемъ «зацѣпить» (опять выраженіе изъ писемъ къ Дмитріеву) Карамзина, который также переводилъ Оссіана въ *Московскомъ Журналѣ*. «Къ щастію», говоритъ Туманскій, «Г. Кострова, въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ» (въ выноскѣ сказано: *Г. К. писатель Московскаго Журнала*) «нѣкоторою частію читателей одобряемый, самъ и съ братіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или силящійся сужденіе другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ. Сравненіе съ таковымъ переводчикомъ у мѣста, и чья побѣда, того знаменитѣе торжество» [2]). Затѣмъ напечатаны рядомъ тѣ же мѣста Оссіана изъ обоихъ переводовъ, сравненіе, прямо подходящее къ предмету настоящей статьи. Предоставляя любопытнымъ обратиться къ самому *Магазину*, считаю здѣсь достаточнымъ сослаться на тотъ краснорѣчивый фактъ, что Туманскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе переводу Кострова.

---

[1]) *Зритель*, ч. II «Прогулки», стр. 158, и *Письма* Карамзина къ Дмитріеву стр. 019.

[2]) *Россійскій Магазинъ*, ч I, стр 198—205

Нападенія на Карамзина продолжались и по прекращеніи его журнала; въ 1793 году главнымъ поприщемъ ихъ служили новое ежемѣсячное изданіе Крылова и Клушина *С.-Петербургскій Меркурій* [1]), въ языкѣ котораго, впрочемъ, ничего новаго замѣтить нельзя.

Нѣкоторыя изъ обвиненій, которымъ Карамзинъ подвергся, показываютъ, что онъ возстановилъ противъ себя журналы не только своею критикой, своеобразіемъ своихъ взглядовъ, но отчасти и новостью своего языка, въ которомъ, какъ и вообще въ его дѣятельности, видѣли отступленіе отъ правилъ и отъ принятыхъ образцовъ. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе онъ производилъ на примкнувшихъ къ нему писателей. Поразительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ служитъ журналъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, которое Подшиваловъ началъ издавать въ Москвѣ въ 1794 году, то-есть, черезъ годъ послѣ удаленія Карамзина съ журнальнаго поприща. Въ статейкѣ Подшивалова *Къ сердцу*, которою открывается новое изданіе, мы находимъ доведенное до крайности восхваленіе *чувствительности* и между прочимъ такое восклицаніе: «*Простосердечіе, чистосердечіе!* надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена: но ты, любезный К** (*Карамзинъ*), иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!» Не только въ содержаніи, но и во всемъ складѣ рѣчи подобныхъ статеекъ, повторяющихся въ началѣ каждаго изданія, какъ и вообще въ цѣломъ составѣ этого журнала, отразилось сильное вліяніе Карамзина. Самъ Подшиваловъ въ *Чтеніи для вкуса* писалъ совсѣмъ не такъ. Новою рѣчью заговорили и сотрудники его. Такъ въ письмѣ, при которомъ кто-то предлагаетъ издателямъ стихи для помѣщенія въ журналѣ, сказано: «Естьли они вамъ понравятся, естьли угодно вамъ будетъ оные напечатать въ вашемъ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, и естьли чувствительной, нѣжной, любез-

[1]) См. Приложеніе III.

ной и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные*; то я постараюсь и впредь доставлять» и проч., а въ выноскѣ объяснено: «Я подъ симъ разумѣю почтеннаго нашего Издателя Московскаго Журнала и Сочинителя Аглаи. Весьма прискорбно нѣжной душѣ взирать на благодѣтельную Натуру, начинающую раздавать намъ дары свои, и не имѣть второй книжки Аглаи, которая чувствительнымъ слогомъ поблагодарила бы за оные» [1]). Не отзывается ли здѣсь каждая строчка подражаніемъ слогу и языку Карамзина?

Такимъ образомъ Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, хотя ему и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи послѣдняго. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе узнать понятія Подшивалова о слогѣ, окончательно развившіяся, очевидно, уже въ школѣ карамзинскаго языка. Изъ автобіографической записки его извѣстно, что *имъ* продиктованъ «Сокращенный курсъ Россійскаго слога» [2]), изданный въ 1796 году (въ Москвѣ) ученикомъ его Скворцовымъ. Разсмотримъ же, какъ понималъ искусство писать подражатель Карамзина въ такое время, когда тотъ уже проложилъ новый путь въ этомъ дѣлѣ. Правда, что Подшиваловъ, указывая на книги, «къ основательному познанію Россійскаго языка много способствующія», не называетъ сочиненій Карамзина; но послѣ того, какъ онъ на словахъ и на дѣлѣ уже высказалъ свое уваженіе къ этому писателю, такое молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что недавній примѣръ Карамзина, какъ видно изъ намека въ другомъ мѣстѣ книжки (на который ниже будетъ указано), и безъ того уже вызвалъ много неискусныхъ ему подражателей, употреблявшихъ во зло нѣкоторыя особенности

---

[1]) *Пріятн. и Полезн. препр. времени* 1794, ч. II, стр. 230.

[2]) «Намѣревался я также», говоритъ Подшиваловъ, «выдать *Начальныя основанія Россійскаго слога* въ трехъ томахъ.... Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего, Скворцова, издать по временамъ мною диктованный ему *Курсъ Россійскаго слога*» (*Москвитянинъ*, 1842 г. № 1, стр. 179).

его слога. Причиной, почему здѣсь не названъ Карамзинъ, могло быть еще и то, что онъ вслѣдствіе связей съ Новиковымъ, подвергся подозрѣніямъ со стороны властей, и еще въ концѣ 1795 г. ходили о немъ *разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью*, напримѣръ, будто онъ сосланъ [1]). Выдавать за образецъ такого человѣка въ учебникѣ могло казаться не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Дмитріевъ уже поименованъ между извѣстнѣйшими писателями [2]), и что въ главѣ: *Нѣчто о поэзіи* выписаны, въ числѣ другихъ стиховъ, и отрывки изъ стихотвореній Карамзина, но безъ имени его и только со ссылками на *Московскій Журналъ*, откуда они взяты. Не касаясь недостатковъ принятой въ основаніе *курса* системы и несоразмѣрности разныхъ частей ея, ограничусь выборомъ нѣкоторыхъ существенныхъ понятій изъ разныхъ мѣстъ этой книги.

Слогъ раздѣляется въ ней по прежнему на *высокій*, *посредственный* и *простой;* но въ основу такого дѣленія положены уже не ломоносовскіе, а другіе признаки: «*Простой* (слогъ) вообще не имѣетъ почти никакихъ украшеній, хотя и наблюдаетъ во всемъ нѣкоторую пристойность; *посредственный* напротивъ того имѣетъ свои украшенія, а *высокой* слова отборныя, мысли важныя и острыя, страсти великія и благородныя, фигуры для возбужденія оныхъ пристойныя» Въ этомъ дѣленіи смѣшаны внѣшніе признаки съ внутренними, и ничего опредѣлительнаго не сказано; но за то оно и поставлено какъ бы на второмъ планѣ. Въ основаніе же ученія о слогѣ положено вѣрное начало: «Всякой почти различно мыслитъ, слѣдовательно всякой имѣетъ и свой стиль», къ чему прибавлено замѣчаніе, явно согласное съ ученіемъ Карамзина: «но мы того только называемъ хорошимъ стилистомъ, кто пишетъ *правильно* и *пріятно*». По отношенію къ своимъ внутрен-

---

[1]) *Письма* къ Дм., стр. 62.

[2]) Образцами признаны, для прозы сочиненія Ломоносова, Ѳеофана, Феодеона, Платона и св. Дмитрія, особливо Четьи Минеи, для стиховъ сочиненія Ломоносова же, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Державина, Княжнина, *Дмитріева*, Богдановича и проч.

нимъ качествамъ, слогъ раздѣленъ вообще на *худой* и *хорошій*. Худое выраженіе мыслей приписано незнанію языка и не довольно очищенному вкусу (опять та же карамзинская идея). Затѣмъ объяснено, что худо пишетъ тотъ, кто пишетъ: 1) *темно*; 2) *педантически*: «когда кто слишкомъ привязанъ къ *школярщинѣ*, къ древностямъ и чужестраннымъ вещамъ, не всякому извѣстнымъ»: 3) *принужденно*: «когда подражаетъ кто великимъ писателямъ, но не искусною рукою, или выказываетъ свою ученость, которой очень мало»; 4) *высокопарно* или *надуто*: «когда кто, говоря о маловажныхъ вещахъ, употребляетъ пышныя выраженія, или ложными прикрасами убираетъ матерію важную»; 5) *слишкомъ низко*: «когда кто употребляетъ простонародныя слова, охотникъ до присловицъ и побасенокъ и кажется, хочетъ увеселить только шутливаго ротозея»; 6) *слишкомъ растянуто*, и 7) *слишкомъ коротко* [1]). О нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ разсѣяны въ другихъ мѣстахъ книги еще подробнѣйшія замѣчанія. Такъ, объ устарѣвшихъ словахъ сказано, что ихъ «не долженъ употреблять хорошій писатель, хотя бы и разумѣлъ ихъ, выключая нѣкоторыхъ славенскихъ, въ высокомъ слогѣ употребительныхъ» [2]). Высокопарныя реченія, упомянуто далѣе, «часто затмѣваютъ стиль и болѣе изобличаютъ педанта или школьника, безпрестанно проповѣдующаго о миріадахъ, лабиринтахъ, сферахъ, серафимахъ и пр. Въ семъ случаѣ не надобно подражать и великимъ людямъ, иногда въ томъ погрѣшающимъ, дабы не уподобиться придворнымъ Александра Великаго, которые для того держали голову на одну сторону, что государь ихъ былъ кривошея» [3]). Здѣсь довольно ясно высказано предостереженіе тѣмъ молодымъ писателямъ, которые, встрѣчая у Карамзина иностранныя слова, стали слиш-

---

[1]) *Сокращ. курсъ росс. слога*, стр. 87—97.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

[3]) Тамъ же, стр. 52. Слова: *миріады* и *сферы* встрѣчаются въ слѣдующей фразѣ Карамзина: «Кто чрезъ *миріады* блестящихъ *сферъ*, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ» и т. д. (*Аглая* I, *Нѣчто о наукахъ* и пр., стр. 69). Извѣстно другое его выраженіе: «святое, никакими *сферами* неограниченное желаніе всеобщаго блага». (Тамъ же, *Что нужно автору?* стр. 29).

комъ неумѣренно употреблять ихъ. Въ подкрѣпленіе совѣта избѣгать простонародныхъ словъ приведены примѣры: *моркотно*, *обизорно*, *трелюдитъ*, *разчетверивать*, *чичаловать*. (Сюда же отнесены и слова *провинціальныя*, которыя въ другихъ мѣстахъ Россіи понятны) [1]). Припомнимъ, что и Карамзинъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, смотрѣлъ такимъ же образомъ на простонародныя слова, когда они сообщаютъ низкую идею. Такъ, онъ (въ 1793 г.) совѣтовалъ Дмитріеву исключить изъ одного стихотворенія «отвратительное» слово *парень*, и находилъ, что при этомъ словѣ «является мыслямъ дебелый мужикъ, который чешется неблагопристойнымъ образомъ и утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей!» [2]).

Изъ свойствъ дурнаго слога выведены принадлежности хорошаго, который долженъ быть: 1) ясенъ; 2) негрубъ; 3) безъ всякаго принужденія; 4) натураленъ; 5) благороденъ; 6) обиленъ и 7) хорошо связанъ. Ясность признана первымъ свойствомъ «стиля», требующимъ употребленія такихъ словъ, которыя были бы «понятны и несомнительны». Условіемъ для того, чтобы писать негрубо, постановлено «обхожденіе съ просвѣщенными людьми» и тутъ же оговорено: «мы не разумѣемъ однакожъ тѣхъ полуфранцузовъ, которые портятъ и наконецъ забываютъ свой языкъ» [3]). Наконецъ, существеннымъ признакомъ хорошаго языка заявлена «совершенная одинаковость или единообразіе въ словахъ и теченіи оныхъ, безъ всякихъ скачковъ и неравностей» [4]), то-есть, именно то свойство, которымъ проза Карамзина отличается отъ всего, что до тѣхъ поръ писалось.

Ученіе о періодахъ и предложеніяхъ представляетъ сбивчивость, происходящую отъ неточнаго разграниченія самыхъ понятій, выражаемыхъ этими словами. Между прочимъ, однакожъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 43, 44

[2]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 39

[3]) *Сокращ. курсъ*, стр 92.

[4]) Тамъ же, стр. 44

очень опредѣлительно сказано, что промежутки отъ одной точки до другой «въ старину бывали очень велики, такъ что періода однимъ духомъ весьма часто выговаривать было не можно; но нынѣ употребляются по большей части пункты коротенькіе, по причинѣ труднаго пониманія длинныхъ. Словъ 8, 10 и 15 въ періодѣ, такъ и довольно» [1]). Прежде, при долгихъ періодахъ, «союзы были необходимы; но нынѣ опущеніе ихъ, то-есть, союзовъ соединительныхъ, особливую составляетъ пріятность: а особливо *стиль Французской, отъ всѣхъ нынѣ принимаемой*, не мало заимствуетъ отъ сего красы своей» [2]). Здѣсь подчеркнутыя мною слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они показываютъ, какъ современники Карамзина смотрѣли на способъ изложенія, начинавшій распространяться въ русской литературѣ вслѣдствіе успѣха его сочиненій. И не удивительно, что такъ разумѣли карамзинскій слогъ, понявъ несообразность *латино-германскаго* строя рѣчи, который введенъ былъ Ломоносовымъ и такъ долго послѣ него держался.

Сообразно съ предыдущимъ, въ главѣ о переводахъ замѣчено, что требованіе вѣрности «не препятствуетъ иногда, для большей ясности и вразумительности, раздроблять большіе періоды, которые на россійскомъ языкѣ могутъ быть и скучны и темны. Да и сверхъ того есть такіе случаи, въ которыхъ по необходимости можно нарушить дальнѣйшую точность въ переводѣ, и во 1-хъ несходство языковъ въ выраженіи можетъ побудить насъ къ такому поступку, а потому требуемая въ переводѣ ясность и удержаніе важности подлинника весьма часто помянутой точности бываютъ противны». Въ такомъ же смыслѣ Подшиваловъ совѣтуетъ переводчикамъ «выражать все такими словами и съ такими притомъ оборотами, которые на нашемъ языкѣ не странны, не противны, но оному свойственны. Каждый языкъ имѣетъ свои собственныя выраженія, которыхъ на другой въ точности никакъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 20

[2]) Тамъ же, стр. 29.

перевесть не можно, и тогда переводчикъ долженъ ставить на мѣсто ихъ другія, но близкія и красоту и силу подлинника точно выражающія» [1]). Вообще писатели должны остерегаться «не передѣлывать своего языка на образецъ чужестранныхъ» [2]) и, безъ особенной надобности, не заимствовать реченій изъ другихъ языковъ: «если провинціальныя слова хулы достойны, то тѣмъ болѣе чужестранныя, а особливо развратителями языка безъ нужды употребляемыя» [3]). Такому осужденію подвергнуты «тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или выпечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми, безъ всякой нужды и изъ одной безвременной щекотливости, чтобъ чрезъ то выказать себя или представить что либо особливое. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ, и жалко, естьли послѣдуетъ онымъ молодой съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти совершенно смѣшны» [4]).

Всѣ эти наставленія въ книгѣ, изданной въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, очень замѣчательны, доказывая, какъ нелѣпыя подражанія Карамзину осуждались самими разумными его послѣдователями гораздо прежде Шишкова, и какъ несправедливо послѣдній распространилъ свои обвиненія на всю новую школу и на самого ея основателя. Мнѣ казалось нелишнимъ остановиться нѣсколько долѣе на этой теперь уже рѣдкой книжкѣ, такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращала на себя ничьего еще вниманія, а между тѣмъ необходимо имѣть ее въ виду и для ближайшаго опредѣленія началъ *новаго слога*, и для полной оцѣнки *Разсужденія* Шишкова. Сознавались ли эти начала до появленія Карамзина? По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ они были кѣмъ-нибудь выражены или приложены къ дѣлу: видимъ только частное осуществленіе нѣкоторыхъ

---

[1]) *Сокращ. курсъ росс. слога*, стр 38.
[2]) Тамъ же, стр. 52
[3]) Тамъ же, стр. 45.
[4]) Тамъ же, стр 46.

изъ нихъ въ извѣстныхъ, прежде поименованныхъ мною родахъ сочиненій, которые писались *низкимъ* слогомъ. Не слышалось прежде и упрека въ излишнемъ употребленіи иностранныхъ словъ и галлицизмовъ. Усвоить себѣ тѣ новыя качества, которыя поражали въ рѣчи Карамзина, было не легко безъ особенныхъ свойствъ его духа, безъ его многосторонняго образованія и глубокаго знанія русскаго языка. Удивительно ли, что писатели, имѣвшіе всю добрую волю идти вслѣдъ за нимъ, но лишенные этихъ внутреннихъ условій, могли овладѣть только нѣкоторыми внѣшними признаками его рѣчи и, желая щеголять ими, довели ихъ до крайности? Фактъ одновременнаго появленія, въ 1790-хъ годахъ, множества неискусныхъ подражателей языку Карамзина убѣдительнѣе всего доказываетъ образованіе въ его сочиненіяхъ *новаго слога*. — новаго не только своимъ содержаніемъ, но и формою

Не всегда ли счастливо проложенный путь въ литературѣ привлекаетъ къ себѣ множество охотниковъ идти по свѣжимъ слѣдамъ смѣлаго пролагателя, и часто ли подражаніе удается?

Встрѣчая у Карамзина не употреблявшіяся до тѣхъ поръ слова и выраженія, авторы-новички хотѣли отличиться такими же нововведеніями, но не имѣли той же удачи въ своихъ попыткахъ. Мы знаемъ, что самъ Карамзинъ еще долго не былъ доволенъ господствовавшимъ въ литературѣ языкомъ: ему не нравился способъ изложенія не только противниковъ его, но и подражателей. Въ разговорѣ съ Каменевымъ (1800) онъ отозвался не очень благопріятно объ Измайловѣ [1]). Къ Дмитріеву же онъ писалъ (1798), когда готовилъ сборникъ своихъ переводовъ, — *Пантеонъ иностранной словесности*: «Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ

---

[1]) «Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно, — онъ по-русски не читалъ ничего кромѣ *Моихъ бездѣлокъ*» (*Вчера и сегодня*, 1845, письмо Каменева)

піесъ, не противныхъ вкусу и писанныхъ не совсѣмъ *обыкновеннымъ Русскимъ* — то-есть, не совсѣмъ *пакостнымъ слогомъ*» [1].

Само собою разумѣется, что тѣ, которые хотѣли остаться неподвижными въ старыхъ привычкахъ и пріемахъ письменнаго языка, не могли простить Карамзину его нововведеній и лучшее противъ него оружіе находили въ томъ, что̀ писали неловкіе его подражатели. Болѣе всѣхъ должна была оскорбляться новымъ слогомъ Россійская Академія, считавшая себя *законодательницей языка и вкуса*. Выше было уже показано, что Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* бросилъ перчатку академическимъ славяномацамъ, и вотъ одинъ изъ новобранцевъ Академіи (избран въ члены ея 16-го дек. 1796 г.) выступаетъ впередъ рьянымъ борцомъ стараго слога. Книга Шишкова, за которою онъ, по собственному его сознанію, сидѣлъ три года [2], до сихъ поръ еще не оцѣнена по всей справедливости Правда, что уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ ней много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженные ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора

Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу, и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію [3]; потомъ, уже

---

[1]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 99

[2]) «Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею!» (*Прибавленіе къ Разсужд. о ст. и нов. сл.*, Спб. 1804, стр 96)

[3]) Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ *Вѣстникѣ Европы* самъ съ

въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства [1]). Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этою уловкой; но споривше съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: «Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ» [2]), а въ другомъ мѣстѣ: «Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать посторонніе укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ Церковію?» [3]) Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно.

Въ «Предувѣдомленіи» къ первому изданію *Разсужденія* (1803) прямо говорится: «Сочиненіе сіе не иное что есть, какъ родъ веденной мною записки всему тому, что мнѣ при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, *касательно до языка и слога*, замѣтить случилось».

Въ заглавіи *Разсужденія* противопоставлены между собою *старый* и *новый слогъ*. Слѣдовательно, былъ *новый*, то-есть, недавно образовавшійся слогъ. Откуда же онъ явился? съ чего или съ кого начался? Намъ говорятъ, что онъ былъ уже и прежде, въ сатирическихъ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и Крылова; но если такъ, то отчего же въ 1803 году онъ названъ *новымъ*? Или онъ названъ такъ потому только, что къ нему примѣшались нѣкоторыя иностранныя слова?

жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго).

[1]) *Разсужд*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ насъ» и проч.

[2]) *Легчайшій способъ возражать на критики*, стр. 30.

[3]) *Цвѣтникъ*, изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года). Ч. VIII, стр. 431.

Попытаюсь расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ безсвязныя, безпрестанно повторяющія одно и то же обвиненія Шишкова; можетъ-быть, изъ нихъ уже видно будетъ отчасти, что̀ именно сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ языку.

Первымъ и важнѣйшимъ недостаткомъ *новаго слога* въ глазахъ Шишкова было исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ своего *Разсужденія* онъ жалуется, что *въ большей части нынѣшнихъ нашихъ книгъ* господствуетъ странный слогъ, и главную причину того видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, *корню и началу русскаго*. Ошибочное понятіе объ отношеніи между обоими языками и было источникомъ всего неудовольствія Шишкова. Онъ не догадывался, что долговременное преобладаніе перваго надъ послѣднимъ въ литературѣ было явленіемъ, хотя и неизбѣжнымъ, но не законнымъ, игомъ, которое могучій народный языкъ долженъ былъ рано или поздно сбросить съ себя. Произнеся свою жалобу, Шишковъ направляетъ первый ударъ не на Фонъ-Визина, не на Крылова или прежнихъ сатириковъ, а прямо на Карамзина. Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ *Пантеона Россійскихъ Авторовъ* [1]), только-что изданнаго. Итакъ, вотъ чтеніе, послужившее ему непосредственнымъ поводомъ къ начатію войны противъ новаго слога. Какое же мѣсто болѣе всего обратило на себя его вниманіе? Это слѣдующія слова изъ замѣтки о Кантемирѣ: «Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славено-русскихъ г. Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, *называемая Французами*

---

[1]) *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, ч. I, Москва, 1801. Изданіе Пл. Бекетова (въ листъ; печат. у Селивановскаго) Любопытно, что Карамзинъ, сообщая выдержки изъ своего текста къ этому изданію въ № 20 *Вѣстника Европы* 1802 года, пишетъ: «Пантеонъ *Русскихъ*» (а не Россійскихъ) «*авторовъ*». Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 115) онъ называетъ *котицами* эти свои замѣтки о русскихъ писателяхъ. Изъ рѣдкаго экземпляра *Пантеона* въ здѣшней Публичной библіотекѣ, бо́льшая часть портретовъ, къ сожалѣнію, вырѣзана какимъ-то безсовѣстнымъ читателемъ.

élégance» (послѣднія три слова исключены Карамзинымъ изъ позднѣйшихъ изданій *Пантеона* въ собраніи его сочиненій). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ Шишкову представилась многообразная ересь: 1) неуваженіе къ славячо-русскому языку; 2) мысль, что слогъ нашъ сталъ пріобрѣтать пріятность независимо отъ церковно-славянскаго; 3) означеніе этого новаго свойства французскимъ словомъ, и 4) отнесеніе Ломоносова къ законченному уже періоду развитія литературнаго языка. Шишковъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него «краснорѣчиваго смѣшенія Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ» и умѣнія «высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго» [1]). Такое смѣшеніе, какъ выше показано, встрѣчалось у всѣхъ прежнихъ писателей, не исключая Фонъ-Визина и Крылова, когда они сходили съ почвы *низкаго штиля:* оно составляло принадлежность стараго слога, переходившаго иногда въ то *славяномудріе*, противъ котораго Карамзинъ, первый, открыто возсталъ еще въ *Московскомъ Журналѣ*. Шишковъ не забылъ однѣй сказанной тамъ фразы и теперь повторяетъ ее: «Слогъ нашего переводчика (то-есть, переводчика *Неистоваго Роланда*) можно назвать изряднымъ: онъ не надутъ славянщизною и довольно чистъ« [2]).—«Что иное значитъ слово сіе» (*славянщизна*), спрашиваетъ Шишковъ съ негодованіемъ. «какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку?»

Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ его было излишнее употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: *моральный. эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, катастрофа, серіозно, меланхолія, миѳологія, религія, рецензія, героизмъ, быть на сцень, выходить на сцену* и т. п. Не находя у самого Карамзина довольно словъ и реченій этого рода, онъ отыскиваетъ ихъ у са-

---

[1]) *Разсужд.*, стр. 14.

[2]) *Моск Журн.* 1791, ч. II стр. 324

мыхъ плохихъ писакъ и призываетъ своего противника къ отвѣту за всѣ ихъ нелѣпыя заимствованія. Онъ не замѣчаетъ, что самъ часто грѣшитъ галлицизмами, что способенъ, какъ указалъ Дашковъ, «соблюсти даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе», и не перестаетъ «вопіять противъ галлицизмовъ» [1]).

Въ связи съ этимъ онъ упрекаетъ Карамзина за его начитанность, за его знакомство съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, которыхъ тотъ будто бы «твердитъ на каждой страницѣ», выучившись у нихъ русскому, *на бредъ похожему* языку. Вмѣсто ихъ, критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Мотониса, Крашенинникова [2]), Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. При чтеніи *Пантеона Россійскихъ авторовъ*, отъ вниманія Шишкова страннымъ образомъ ускользнуло, что составитель этихъ замѣтокъ также былъ знакомъ съ древнею русскою литературой, что кромѣ Боннета, Вольтера, Юнга и проч. онъ читалъ Нестора, пѣснь о Полку Игоревѣ, Ѳеофана, Димитрія Ростовскаго, и словомъ, если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ того, что̀ читалъ самъ защитникъ стараго слога, поражающій насъ слабыми познаніями своими въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ.

Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу (въ *юродивомъ переводѣ* и *выдумкѣ словъ и рѣчей*), какъ-то: *трогательный*, *занимательный*, *сосредоточить*, *представитель*, *начитанность*, *обдуманность*, *оттѣнокъ*, *страдательная* роль, *гармоническое* цѣлое и

---

[1]) *Легчайшій способъ*, стр. 10.

[2]) Въ *Пантеонѣ росс. авторовъ* есть замѣтка и о Крашенинниковѣ (1713—1755). Въ его описаніи Камчатки Карамзинъ видитъ недостатокъ «пріятности»; въ переводѣ же Квинта-Курція, который въ свое время считался классическимъ, признаетъ нѣкоторое достоинство въ сравненіи съ другими переводами древнихъ писателей (см. выше стр. 99). Но въ статьѣ *о русской грамматикѣ Француза Модрю* (1803) онъ говоритъ: «Классическій авторъ Русскаго языка есть для г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція приведены сіи щастливыя фразы». (Слѣдуетъ выписка дурныхъ выраженій).

мн. др. При этомъ Шишкова особенно сердитъ, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе. — напримѣръ, что слова *развить*, *развитіе*, *утонченный*, *утонченность*, *переворотъ* стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ (подобно французскимъ développer, raffiné, révolution). Болѣе всего не нравится ему слово *развитіе*, напримѣръ въ выраженіи *развитіе характера*, и онъ считаетъ совершенно равносильнымъ *прозябеніе*, которое и употребляетъ такимъ образомъ въ своемъ *Разсужденіи* (напримѣръ, пишетъ: «прозябеніе талантовъ» [1]). «Какъ же», спрашиваетъ онъ, «вводимъ мы съ Французскаго языка въ Русской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употреблять сочли бы за безобразіе? По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*». Фраза эта взята изъ статьи Карамзина: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона* [2]). «Для чего», замѣчаетъ критикъ далѣе, «въ вышесказанной рѣчи не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія *прозябали?*» [3]) Такъ же строго осуждаетъ онъ выраженіе Карамзина: «когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей» [4]) и спрашиваетъ: «Свойственно ли по-русски говорить: *потребность души моей*, и можно ли путешествіе называть *потребностію*, *надобностію*, или *нуждою* души? Естьли сочинителю мало показалось сказать: *когда я любилъ путешествовать*, то могъ бы онъ премногими другими сродными языку нашему оборотами рѣчь сію выразить, какъ напримѣръ: *когда душа моя питалась, услаждалась путешествіями;* или *когда путешествіе было единымъ изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*». Въ наше время подобныя сужденія такъ много говорятъ сами за себя, что нѣтъ уже надобности, вмѣстѣ съ Макаровымъ [5]), разбирать это мѣсто.

---

[1]) *Разсужд.*, стр 164, 422.

[2] и [4]) Соч. Карамз., изд. Смирд., т. III, стр. 361 и 363.

[3]) *Разсужд.*, стр. 290, 291.

[5]) *Моск. Меркурій*, декабрь 1803, стр. 191, 192

Не менѣе усердно Шишковъ, въ своей книгѣ, преслѣдуетъ неправильное, то-есть, несогласное съ законами русскаго языка образованіе нѣкоторыхъ словъ и реченій, наприм., *вліяніе на—*, *будущность*; сюда же относитъ онъ сравнительныя: *картиннѣе*, *напряженнѣе*, *человѣчнѣе*, а равно несообразное, по его понятіямъ, словосочетаніе, напримѣръ: *излишнее* самолюбіе (въ чемъ, какъ онъ увѣряетъ, нѣтъ смысла) или *лошадь, покрытая потомъ* («ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично»). Что касается до слова *вліяніе*, то оно употреблялось еще до Карамзина, между прочимъ въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ, но прежде дополнялось различными предлогами: то *въ*, то *надъ*, то *на*. Въ примѣръ неудачныхъ нововведеній Шишковъ приводитъ такую, по его мнѣнію, *вздорную рѣчь*: «авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ», или выставляетъ на позоръ изъ *Писемъ Русскаго путешественника* слѣдующій переводъ замѣтки Лафатера: «Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше, — тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе» [1]). Но Карамзинъ и самъ не выдавалъ этого перевода за образцовый: онъ хотѣлъ только въ точности передать мысли швейцарскаго мудреца (какимъ считалъ Лафатера) и для того переводилъ слово въ слово, ставя въ скобкахъ нѣкоторыя слова подлинника. Это не что иное, какъ смѣлая попытка. Тѣмъ не менѣе Шишковъ говоритъ: «Я не знаю, Лафатеръ ли взлетѣлъ выше предѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того, ни другаго не понимаю. Положимъ, что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и

[1]) Соч. Карамз., т. II, стр. 243, 244.

побольше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать не можетъ?» [1]) Замѣтимъ однакожъ, что о приведенномъ мѣстѣ можно судить только въ связи съ другими мыслями, которыми Лафатеръ отвѣчалъ на вопросъ русскаго путешественника: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?»

Для объясненія, какъ Карамзинъ поступалъ при употребленіи еще необработаннаго литературнаго языка, чрезвычайно важна статья его въ *Вѣстникѣ Европы*: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» [2]) Шишковъ не могъ ею не воспользоваться для своей цѣли, и дѣйствительно въ его *Разсужденіи* мы находимъ длинный разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея, между прочимъ слѣдующаго: «Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Руской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски!... Чтожь остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?... Французской языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ кар-

---

[1]) *Разсужд.*, стр. 348, 349.

[2]) *Вѣстникъ Европы* 1802, № 14, стр. 124.

тинкахъ), а Руской только отчасти; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ». Далѣе, замѣчая, что у насъ такъ много обстоятельствъ, отвлекающихъ молодаго человѣка отъ ученья, Карамзинъ спрашиваетъ: «Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее?» Въ цѣломъ этомъ отрывкѣ каждое слово заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Карамзинъ очевидно выражаетъ здѣсь пріобрѣтенное опытомъ сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми самъ онъ въ началѣ своего поприща долженъ былъ бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ, въ указаніяхъ своихъ, и собственные свои пріемы въ авторскомъ дѣлѣ. Не о себѣ ли онъ говорилъ не разъ, что взялъ свой языкъ *изъ камина*? [1]) Если такимъ образомъ послѣдняя фраза приведеннаго отрывка имѣетъ отношеніе къ нему самому, то тѣмъ вѣрнѣе и все предыдущее, какъ болѣе существенное, должно быть примѣнено къ собственной его дѣятельности.

Это подтверждается какъ другимъ его же свидѣтельствомъ, такъ и отзывомъ Макарова. Прежде нежели была написана статья *Вѣстника Европы*, Карамзинъ говорилъ Каменеву: «Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ Рускихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій*, *варварскій*, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже *своимъ*, ни отъ кого *не заимствованнымъ* слогомъ. И это совѣтую всѣхъ подражающимъ мнѣ сочи-

---

[1]) Изъ рукописныхъ воспоминаній Ѳ. Н Глинки: «Я спросилъ еще его откуда взяли вы, Николай Михайловичъ, такой чудный слогъ? — Онъ отвѣчалъ: Изъ камина. — Какъ, изъ камина? — А такъ я переводилъ одно и то же разъ, два и три раза, и прочитавъ и обдумавъ, бросалъ *въ каминъ*, пока наконецъ доходилъ до того, что могъ издать въ свѣтъ».

нителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться *оборотовъ моихъ*, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе» [1]). Макаровъ, упомянувъ объ успѣхахъ просвѣщенія Россіи въ царствованіе Екатерины II, доказываетъ необходимость новыхъ словъ для новыхъ понятій, которыхъ, по его замѣчанію, тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями: «вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей Рускаго Словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать *новыхъ средствъ изъясняться*». Эти разсужденія прямо приводятъ Макарова къ указанію на Карамзина, который, какъ онъ выражается, «очистилъ, украсилъ нашъ языкъ» [2]).

Но Шишковъ этого не признавалъ, и, разбирая приведенныя выше строки изъ статьи *Вѣстника Европы*, онъ останавливается почти надъ каждымъ словомъ то съ софизмомъ, то съ ироніей. Между тѣмъ однакожъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ [3]), что «изобрѣтать и распространять знаменованіе словъ есть дѣло искусныхъ писателей»; только къ этому онъ прибавляетъ: (писателей) «знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника ихъ, становятся понятны разуму и пріятны слуху» [4]). Въ первой части этой оговорки выражено очень вѣрное начало, которое, какъ увидимъ ниже, признавалъ и самъ Карамзинъ. Но какія опасности оно представляетъ въ исполненіи, убѣдительно доказалъ самъ Шишковъ. Совѣтуя, для передачи новыхъ мыслей, держаться исключительно церковныхъ книгъ и старинныхъ писателей, онъ предлагаетъ, между прочимъ, *наитіе* или *наитствованіе* вмѣсто «вліяніе», отвергаетъ *развитіе* только потому, что его нѣтъ въ

---

[1]) *Вчера и сегодня* изд. гр. Соллогубомъ, кн. I, Спб. 1845

[2]) *Моск. Мерк.*, дек., стр. 162—164 Ср. тамъ же апр., стр 73

[3]) *Разсужд*, стр. 290.

[4]) *Разсужденіе*, стр. 291

старыхъ книгахъ, и предпочитаетъ ему *прозябеніе;* далѣе требуетъ удержанія такихъ словъ, какъ *непщевать, гобзованіе, одебелѣть, приснотекущій, любомудріе, умодѣліе, ядца* (плоти) и *пійца* (крови). Даже нѣкоторые технические термины, по его мнѣнію, прекрасно переведены, какъ напримѣръ, параллельныя линіи названы *минующими чертами*, хорда — *подтягіющею*, діаметръ — *размѣромъ*, центръ — *остію* и проч. «Таковыя и симъ подобныя слова», полагаетъ онъ, «нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями.... Бросимъ», заключаетъ Шишковъ въ одномъ примѣчаніи къ *Разсужденію* [1]), «чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ *новыя мысли свои* выражать *старинным предковъ нашихъ складомъ*». Во взглядѣ на этотъ предметъ, Шишкова значительно опередилъ даже Ломоносовъ, который допускалъ только, и то въ высокомъ слогѣ, слова понятныя всякому Русскому и не слишкомъ обветшалыя. Въ концѣ *Разсужденія* помѣщена элегія, представляющая въ каждомъ стихѣ пародію на языкъ Карамзина. Вотъ первыя стихи ея:

«Потребностей моихъ единственный *предметъ!*
Красотъ твоей души *моральный, милый* свѣтъ
Всю *физику* мою *приводитъ въ содраганье*:
Какое на меня ты дѣлаешь *влиянье!*»

Такимъ образомъ книга о старомъ и новомъ слогѣ начинается и кончается выходками противъ Карамзина: хотя онъ въ ней нигдѣ и на названъ, хотя бо́льшая часть ея выписокъ сдѣлана изъ разныхъ плохихъ и посредственныхъ писателей, подражавшихъ Карамзину безъ всякаго умѣнья, однакожъ очевидно, что она направлена собственно противъ него, какъ родоначальника новаго слога. Когда Макаровъ, издававшій *Московскій Меркурій* въ самый годъ выхода въ свѣтъ *Разсужденія*, въ послѣднемъ нумерѣ своего журнала напечаталъ разборъ этой книги, то Шишковъ,

[1]) Тамъ же, стр. 420.

возражая ему, объявилъ, «что онъ въ то время, когда писалъ ее, не только журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ, но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ» [1]). Итакъ Шишковъ не замѣтилъ самаго разумнаго и ловкаго изъ послѣдователей Карамзина, и обратилъ вниманіе на бездарныхъ его подражателей, которые не могли имѣть никакого значенія для судьбы литературнаго языка. Изъ сочиненій же самого Карамзина не приведено имъ, кромѣ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, ничего такого, что́ бы дѣйствительно доказывало недостатки новаго слога.

Переходя затѣмъ къ заключеніямъ, которыя могутъ быть выведены изъ всего изложеннаго, отдѣлимъ сперва чисто-внутреннюю сторону сочиненій Карамзина, *матерію* или содержаніе, новость котораго въ нихъ можетъ быть такъ же мало оспариваема, какъ и значеніе этого элемента для другой ихъ стороны, или *формы*. Въ послѣдней отличимъ опять *слогъ* и *языкъ*. Согласимся, что *слогъ*, въ тѣсномъ смыслѣ, — это характеръ изложенія, это въ отношеніи къ рѣчи то же, что́ походка въ движеніи тѣла, почеркъ въ письмѣ, физіономія въ чертахъ и выраженіи лица; *языкъ* писателя — это общее орудіе мысли въ распоряженіи отдѣльнаго лица, орудіе, употребляемое каждымъ съ бо́льшимъ или меньшимъ знаніемъ и умѣньемъ.

Во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни самъ онъ, ни его противники; какъ онъ, въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и Шишковъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, говорятъ о слогѣ вообще, то-есть въ обширномъ смыслѣ, разумѣя и слогъ собственно и языкъ. Но для точнаго опредѣленія особенностей писателя въ изложеніи, необходимо строго держаться обозначеннаго нами различія.

Слогъ Карамзина, — это собственно то, что́ г. Лавровскій называетъ «совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ способностей его, духовной организаціи и всего его образованія,

[1]) *Прибавленіе* къ Разсужденію, стр. 170.

всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія» [1]); къ слогу Карамзина относится сказанное далѣе тѣмъ же авторомъ: «онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина» [2]). Можно прибавить, что въ его слогѣ выразилась также его потребность въ гармоніи, въ музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ *въ прозѣ*, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе.

Слогъ не подлежитъ ни точному опредѣленію правилами, ни заимствованію; ему можно болѣе или менѣе удачно подражать, можно подъ него поддѣлываться; но онъ все таки остается индивидуальною принадлежностью каждаго писателя [3]). Поэтому оставляя въ сторонѣ *слогъ* Карамзина, обратимся теперь къ его *языку*, и здѣсь опять, прежде всего, припомнимъ, что языкъ вообще представляетъ двѣ стороны — *синтаксическую* (строгой рѣчи) и *лексическую* (составъ и формы языка).

«Было бы странно», замѣчаетъ справедливо г. Лавровскій, «говорить въ настоящее время о какомъ-то намѣренномъ сближеніи Карамзинымъ нашего языка съ французскимъ или англійскимъ» [4]). Дѣйствительно, нельзя принять, чтобъ онъ, какъ утвер-

---

[1]) и [2]) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 41

[3]) Иногда слогъ, еще и теперь, принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ, — какъ особенный складъ рѣчи, свойственный каждому языку (*О преподаваніи отечественнаго языка*, г Буслаева, изд. 1844, ч. II, стр. 375). Но при анализѣ формы изложенія мыслей у отдѣльнаго писателя необходимо давать слогу болѣе тѣсное значеніе. Въ этомъ только смыслѣ вѣрно извѣстное замѣчаніе Бюффона, что *въ слогѣ весь человѣкъ* (Le style est tout l'homme).

[4]) *Карамзинъ и его литер. дѣят.*, стр 41.

ждали у насъ прежде и какъ нѣкоторые до сихъ поръ повторяютъ (со словъ Шевырева), *«сблизилъ* русскій языкъ *съ тѣми европейскими*, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку» [1]). Какъ же понимать признаніе Карамзина Каменеву, что онъ сначала *подражалъ иностраннымъ авторамъ?* Мы знаемъ, что Карамзинъ въ молодости восхищался первостепенными французскими, нѣмецкими и англійскими писателями. Читая въ то же время и русскія книги, онъ не могъ не чувствовать разности впечатлѣній, какое тѣ и другія на него производили языкомъ своимъ. У однихъ онъ находилъ легкость, простоту, непринужденность изложенія, соединенныя съ изяществомъ, съ красотою: въ другихъ его непріятно поражала неровность языка, шероховатыя, часто грубыя выраженія, тяжелый строй рѣчи, неестественное словорасположеніе. Понятно, что онъ сталъ думать о томъ, какъ бы и русской рѣчи придать свойства, которыя производили бы такое же благопріятное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ сталъ подражать иностраннымъ писателямъ Это никакъ не значитъ, чтобъ онъ въ строеніи русской рѣчи примѣнялся къ французскому или англійскому синтаксису. Замѣчая, что въ богатѣйшихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ попалъ на справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столько удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Когда же разговорный языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей, Карамзинъ естественно признавалъ необходимымъ прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣтствующихъ русскихъ. Въ случаяхъ, когда русская разговорная рѣчь оказывалась не довольно обработанною, онъ совѣтовалъ и наоборотъ *говорить* такъ, какъ сталъ бы *писать* чело-

---

[1]) *Рѣчи произнесенныя въ университетѣ Св. Владимира*: «Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка», рѣчь г Линниченко, стр. 35

вѣкъ съ талантомъ [1]), то-есть, онъ старался въ подобныхъ случаяхъ такъ выражаться на письмѣ, чтобъ его языкъ годился и для разговора въ образованномъ обществѣ. Въ такомъ смыслѣ и Макаровъ, вполнѣ усвоившій себѣ понятія Карамзина въ этомъ дѣлѣ, говорилъ, что современные писатели стараются образовать *одинъ* языкъ «для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ» [2]). На исходную точку Карамзина въ стилистикѣ очень опредѣлительно указываютъ слѣдующія слова того же Макарова: «Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и передъ лицемъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, есть умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ; а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и *не должны* говорить, хотя бы умѣли.... Есть *правила общія* для сочиненія на всѣхъ языкахъ.... есть *вкусъ*, который пріобрѣтается единственно посредствомъ сравненія.... Хотимъ сочинять фразы и производить слова по *своимъ* понятіямъ, *нынѣшнимъ*, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы» [3]). Какъ вѣрно здѣсь переданы мысли самого Карамзина, видно изъ словъ его въ академической рѣчи 1818 года: «Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: пбо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса» [4]).

Ясно, что прежде всего Карамзинъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ языкомъ своихъ сочиненій удовлетворять образованному эстетическому чувству: онъ захотѣлъ придать слогу *пріятность*, или изящество (élégance), писать *со вкусомъ*. Мы уже видѣли изъ собственныхъ его выраженій, что онъ находилъ «длинные» ломоносовскіе періоды «утомительными», расположеніе ихъ «не всегда сообразнымъ съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятнымъ для слу-

---

[1]) См. выше, стр 119, отрывокъ изъ статьи. «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

[2]) *Московскій Меркурій*, декабрь 1803 г. стр. 180

[3]) Тамъ же, стр. 180, 183, 168, 170

[4]) Соч. Карамзина, т III, стр. 649.

ха». Было также показано, что до Карамзина господство ломоносовскаго синтаксиса въ русской прозѣ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, не прекращалось; иначе и быть не могло: Ломоносовъ еще всѣми былъ признаваемъ за образецъ языка и слога. Карамзинъ, первый, отнесся къ нему критически и высказалъ неодобреніе его стилистическихъ началъ. Въ противоположность имъ онъ считалъ нужнымъ:

1) Писать *недлинными*, *неутомительными* предложеніями.

2) Располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ особыми *законами* языка. «Лучшій, то-есть истинный порядокъ», по замѣчанію Карамзина, «всегда *одинъ для* расположенія словъ; Русская грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ писателей!» [1])

Эти два правила относятся къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса.

Были ли у Карамзина новые обороты? Нынѣшній читатель почти не замѣтитъ ихъ въ его сочиненіяхъ; между тѣмъ мыслящіе люди изъ его современниковъ, Макаровъ, Дашковъ и др., находили у него новизну и въ этомъ отношеніи. Самъ онъ также высказалъ убѣжденіе, что писателю его времени нужно было нѣкорое творчество въ выраженіяхъ, и сверхъ того прямо свидѣтельствовалъ (въ приведенномъ отвѣтѣ Каменеву) о самобытности своихъ оборотовъ. Ключемъ къ уразумѣнію этихъ показаній можетъ служить его же поясненіе, что надобно «предлагать слова въ новой связи, но такъ искусно, чтобъ скрыть отъ читателя необыкновенность выраженія». Величайшее искусство Карамзина, какъ стилиста, въ томъ и обнаружилось, что онъ безъ всякихъ, повидимому, усилій, безъ рѣзкихъ и разительныхъ нововведеній рѣшилъ задачу мыслящаго писателя, имѣющаго дѣло съ неустановившимся и мало разработаннымъ литературнымъ языкомъ. Еще

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1803, № 15, и Соч. Карамзина, т. III, стр. 600

и въ наше время всякій русскій писатель по опыту знаетъ, легки ли борьба мысли съ выраженіемъ въ языкѣ, менѣе другихъ раза витомъ; а между тѣмъ русскій языкъ послѣ Карамзина, конечно, ушелъ впередъ. Чтобъ оцѣнить заслугу Карамзина съ этой стороны, всего поучительнѣе опять сравнить его изложеніе съ тѣмъ, что́ писалось другими до него и еще долго при немъ. Уже Макаровъ предлагалъ, вмѣсто длинныхъ толкованій о фразахъ, «сравнить два хорошихъ сочиненія *одного рода*, старое и новое, двухъ писателей одной степени», и для примѣра совѣтовалъ «взглянуть на три разные перевода одного мѣста Бюффона» [1]). Читая Карамзина со вниманіемъ даже въ первоначальныхъ изданіяхъ его сочиненій [2]), мы по большей части бываемъ поражены только непринужденною простотою его оборотовъ, почти всегда согласныхъ съ нынѣшнимъ языкомъ. У него вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ и странныхъ въ наше время выраженій, о которыя мы безпрестанно спотыкаемся у другихъ тогдашнихъ прозаиковъ. Вотъ почему современники Карамзина и находили его слогъ новымъ. Обыкновенно думаютъ, что въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ много галлицизмовъ. Между тѣмъ у него и въ первое время его журнальной дѣятельности очень рѣдко встрѣтится выраженіе, напоминающее иностранный оборотъ, да и тогда скорѣе замѣтно сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, нежели съ французскимъ. Такъ, въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II есть фраза: «Народы.... благодарны *противъ* (gegen) царей добродѣтельныхъ!» [3]). Къ числу не часто попадающихся у него галлицизмовъ можно отнести выраженія въ родѣ слѣдующихъ, которыя, впрочемъ, въ наше

---

[1]) Макаровъ (*Моск. Мерк.*, дек., стр. 178) указываетъ для этого извѣстный монологъ, влагаемый Бюффономъ въ уста перваго человѣка, сознающаго свое бытіе, — въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина Читатели найдутъ начало всѣхъ трехъ переводовъ означеннаго мѣста въ Приложеніи IV-мъ къ этой статьѣ. Вслѣдъ за ними, въ Прил. V, помѣщены небольшіе отрывки изъ трехъ журналовъ 1790-хъ годовъ.

[2]) Необходимое условіе для исторической оцѣнки его языка, потому что въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ исправлялъ нѣкоторыя выраженія.

[3]) Соч Кар., т. I, стр. 378

время сдѣлались почти общими: «дѣлать свободнымъ», «имѣть алчность къ богатству», «имѣть довѣренность», «*надобно* имѣть очень здоровую голову, *чтобы* отъ ихъ краснорѣчія не почувствовать въ ней боли» [1]). Стараніе Карамзина избѣгать несвойственныхъ русскому языку оборотовъ было такъ велико, что даже въ пріятельскихъ письмахъ онъ себѣ не позволялъ, безъ оговорки, употреблять выраженій, отзывающихся чужимъ происхожденіемъ. Такъ, еще въ 1793 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: «Изъ политическихъ стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе (*прости мнѣ сей галлицизмъ*)» [2]). Такъ и въ Письмахъ Русскаго Путешественника: «Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, *какъ Французы говорятъ*, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди» [3]). Выраженіе: *превосходить самого себя*, безъ оговорки, казалось Карамзину въ то время слишкомъ еще новымъ и смѣлымъ. Постепенное совершенствованіе языка въ отношеніи къ силѣ, выразительности и чисто-русскому характеру очень замѣтно въ сочиненіяхъ Карамзина. Онъ самъ заботился о томъ, и въ «эпилогѣ» къ *Московскому Журналу* обѣщалъ между прочимъ, что *Аглая*, которая заступитъ его мѣсто, будетъ отличаться отъ него.... вообще чистѣйшимъ, то-есть, болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо», прибавлено къ этому, «я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ».

Въ *Вѣстникѣ Европы* успѣхъ языка поразителенъ. Наблюдая характеръ карамзинской прозы съ синтаксической стороны, мы придемъ къ заключенію, что новость ея для современниковъ состояла не столько въ томъ, что́ мы собственно разумѣемъ подъ *оборотами*, сколько въ цѣломъ строѣ его рѣчи, въ гладкости и чистотѣ ея, въ смѣлыхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ словъ, въ живыхъ и яркихъ выраженіяхъ. Все это можно видѣть болѣе

---

[1]) *Аглая* (2-е изд.) I, стр. 62, 69; II, стр. 108, 157.
[2]) *Письма* къ Дмитріеву, стр. 38
[3]) *Аглая* II, стр. 134.

изъ совокупности его первыхъ сочиненій, нежели изъ отдѣльныхъ выраженій.

Приведу однакоже нѣсколько примѣровъ:

«Пришла весна, и благодѣтельныя *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили его сердце*; вмѣстѣ съ цвѣтами *разцвѣтала душа его*, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый *духъ* его *оперялся*»; — «*знанія разливаются* какъ волны морскія». — «помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда.... *любили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой», — «доказательство, что сердца ихъ *отверзались впечатлѣніямъ* изящнаго» [1]); — «такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще *не мертваго душею* человѣка. Разныя *обстоятельства* измѣняли нашъ простой, добрый характеръ и *запятнали его* на время; видимъ людей, *углубленныхъ въ свою личность* и *холодныхъ для* всего народнаго» [2]).

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы рѣчи:

1) Большее и большее ограниченіе нелюбимыхъ имъ славянизмовъ, рѣдкое заимствованіе изъ *церковно-славянскаго* языка словъ и формъ. Карамзинъ понималъ его отдѣльность отъ другаго славянскаго языка, издревле употреблявшагося въ Россіи и получившаго (по его мнѣнію, отъ Норманновъ) названіе *русскаго*. Въ доказательство того онъ, еще въ 1803 году, противополагалъ переводъ Библіи языку Слова о Полку Игоревѣ. Но Карамзинъ ошибочно думалъ, что такое раздѣленіе древнеславянскаго языка произошло только вслѣдствіе перевода Св. Писанія. «Авторы и переводчики нашихъ духовныхъ книгъ», говоритъ онъ, «образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили

---

[1]) *Аглая*. I, 16, 55, 62; II, 64.

[2]) *Вѣст. Евр.* 1803, № 8: «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей», стр. 326.— Въ дополненіе къ этому см. въ Приложеніи VI еще образчики карамзинскаго языка.

вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго». До сихъ поръ не видно еще ложнаго пониманія, но къ этому прибавлено: «Слово о Полку Игоревѣ, драгоцѣнный остатокъ *сего*» (то-есть того же древняго славянскаго) «доказываетъ, что *онъ* былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ» [1]). Какъ бы ни было, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи очень хорошо понимали, что церковно-славянскій и русскій разные, хотя и имѣвшіе общее происхожденіе, языки. Смѣшеніе ихъ Дашковъ назвалъ *мнимымъ славянороссійскимъ языкомъ* [2]); Карамзинъ находилъ этотъ языкъ въ переводахъ Елагина и велъ отъ нихъ до своего времени особый періодъ русской прозы. Макаровъ прямо отвергалъ надобность церковно-славянской стихіи даже въ высокомъ слогѣ: «Высокій слогъ», говоритъ онъ, «долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями, картинами, цвѣтами поэзіи» [3]). Само собою разумѣется, что это мнѣніе не могло быть осуществлено во всей своей крайности, по тѣсному племенному родству и историческому сочетанію обоихъ языковъ. Въ прозѣ высшаго настроенія, у самого Карамзина, славянская стихія никогда не исчезаетъ вполнѣ, и какъ ни мало онъ ею пользуется уже въ началѣ своего поприща, но въ болѣе раннихъ трудахъ его есть еще такія черты ея, которыя лишь впослѣдствіи пропадаютъ (напр. «осьмой на десять» вѣкъ, окончаніе *ыя* въ родительномъ надежѣ прилагательныхъ женскаго рода). Задача состояла только въ вѣрномъ проведеніи границы, до которой эта стихія можетъ быть допущена. Удаляя изъ своихъ сочиненій устарѣлыя слова, Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* порицалъ ихъ, когда они встрѣчались ему у другихъ писателей (доказательство, что исключеніе изъ языка церковно-славянской примѣси не совершилось задолго до

---

[1]) *Вѣст. Евр.* 1803, № 13. «О русской грамматикѣ Француза Модрю»

[2]) *Легчайшій способъ*, стр. 3

[3]) *Моск. Меркурій*, дек. 1803, стр. 181.

Карамзина). Такъ, онъ охуждалъ слова: *учинить*, *изрядство*, *обращенія* (во множественномъ числѣ) и мн. др. Такъ, онъ съ самаго начала пересталъ употреблять въ прежнемъ смыслѣ слова: *изрядный* (вм. превосходный), *подлый* [1]) (вм. низкій по происхожденію), а впослѣдствіи и *довольный* (вм. *достаточный*), *упражняться*, *упражненіе* (вм. заниматься, занятіе). Это было, конечно, дѣломъ отрицательнымъ, но оно имѣло свою великую важность для слога, а притомъ сопровождалось и положительною замѣною такихъ словъ другими, болѣе точными или болѣе соотвѣтствовавшими духу новаго времени. Уже тогда Карамзинъ охуждалъ также (хотя еще только въ комедіяхъ) употребленіе мѣстоименій *сей* и *оный* [2]).

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій. «Нѣкоторыя чужестранныя слова», объяснялъ Макаровъ, «совершенно необходимы; ими только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (Французское, Арабское, Нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно.... Потерять счастливую мысль, или выразить ее слабо, для нѣкоторой чистоты языка, будетъ непростительное педантство [3]). Впрочемъ, Карамзинъ никогда не позволялъ себѣ необдуманнаго излишества въ употребленіи иностранныхъ словъ. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ они попадаются чаще нежели въ позднѣйшихъ, и даже въ первоначальныхъ ихъ изданіяхъ чаще нежели въ послѣдующихъ, однакожъ уже въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ одобрялъ счастливый *переводъ* научныхъ терминовъ; слѣдовательно, онъ не былъ противъ развитія языка путемъ образованія новыхъ словъ отъ собственныхъ его корней. Такъ, разбирая переводъ Естественной Исторіи Бюффона, сдѣланный Румовскимъ и Лепехинымъ, онъ замѣтилъ: «Самыя труднѣйшія фи-

---

[1]) Слово *подлый* въ этомъ значеніи встрѣчается еще во время *Моск. Журнала* Такъ, въ изданіи *Дѣло отъ бездѣлья* 1792 г. (ч. I, стр. 95) говорится: «...пѣвцовъ, которые знакомы ученому свѣту, а болѣе *подлому* народу».

[2]) *Моск. Журн.*, ч. I, стр 357.

[3]) *Моск. Меркурій*, дек., стр. 166.

зическія слова перевели они въ сей части весьма удачно» [1]). Но при этомъ онъ, разумѣется, требовалъ точности, и потому, похваливъ вообще счастливую попытку переводчиковъ, онъ указалъ нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, «могли быть иначе переведены»; именно ему не понравилось, что они перевели: jurisconsultes *правовѣдцы*, classes *статьи*, ordres *семейства*, minéraux *ископаемыя*, subdivision *подраздѣленіе*. Разсматривая подробно каждое изъ этихъ словъ, онъ между прочимъ говоритъ: «Я не знаю, для чего бы minéraux не назвать минералами; сіе слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ иностранныхъ языковъ не знаютъ. Названіе *ископаемыя* скорѣе могло бы означать fossiles, *фоссиліи*, слово не столь уже извѣстное въ Русскомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить eaux minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Русскому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять:* не лучше ли было бы сказать, вмѣсто *подраздѣленіе*, *передѣленіе?*» [2]) Послѣдній вопросъ время рѣшило противъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе эти строки замѣчательны, показывая, какъ онъ вообще вдумывался въ значеніе словъ и какъ смотрѣлъ на замѣну иностранныхъ названій русскими, которую въ принципѣ одобрялъ: мы видимъ отсюда, что и чужеязычныя слова допускалъ онъ не безъ разбора, требуя, между прочимъ, чтобъ они не слишкомъ поражали слухъ своею новизною. Иногда онъ предпочиталъ иностранное слово потому, что оно опредѣленнѣе русскаго; такъ, въ одной рецензіи онъ спрашиваетъ, зачѣмъ не сказано *публичный* вмѣсто *всенародный* [3]). Нѣкоторыя французскія слова, встрѣчающіяся у прежнихъ писателей, отвергнуты имъ, напримѣръ *резонъ*, *эстима*, *консидерація*, *универсальная апробація*, употреблявшіяся Фонъ-

---

[1]) *Москов. Журн.*, ч. I, стр. 242.
[2]) *Москов Журн.*, стр. 246
[3]) *Москов. Журн*, ч. IV, стр 111.

Визинымъ. Въ Письмахъ Русскаго Путешественника онъ постоянно пишетъ *приборы* вмѣсто *мебель*, слово, только въ позднѣйшіе годы принятое имъ во французской формѣ (*мёбли*, множ. ч.); тамъ же вмѣсто *меблированный* онъ пишетъ *прибранный*. Многихъ иностранныхъ словъ, впослѣдствіи вторгнувшихся въ языкъ, Карамзинъ вовсе не допускалъ. Такъ вмѣсто полюбившагося въ наше время *факта* онъ иногда употреблялъ *случай*; напримѣръ, въ статьѣ *О тайной канцеляріи*: «....могъ ли г. Шлецеръ не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)?» [1]). Слова: *моральный*, *интересный*, *натура* (которое онъ употреблялъ поперемѣнно съ словомъ «природа», но кажется, отличалъ въ каждомъ особые оттѣнки) и многія другія впослѣдствіи замѣнялись у него русскими: *нравственный*, *любопытный*, *занимательный для любопытства* и т. п. Изъ всѣхъ обвиненій Шишкова упрекъ въ употребленіи французскихъ словъ наиболѣе подходитъ къ истинѣ: Карамзинъ принялъ его къ свѣдѣнію, и на сколько было возможно, исправился отъ этого недостатка. Галлицизмы, въ которыхъ его укоряли, состояли почти исключительно въ отдѣльныхъ словахъ.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. Эту сторону обращенія Карамзина съ языкомъ лучше всего объяснилъ самъ Шишковъ, указавъ въ его сочиненіяхъ новое употребленіе словъ *потребность* и *развитіе*. Вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ онъ осудилъ и цѣлое выраженіе, которое показалось ему нерусскимъ: «путешествіе сдѣлалось потребностію души моей». Что касается до слова *развитіе*, то въ тогдашнемъ академическомъ словарѣ его нѣтъ вовсе, а есть только глаголъ *развиваю* и причастіе *развитый* въ собственномъ, чисто вещественномъ смыслѣ [2]). Примѣровъ употребленія извѣстныхъ словъ въ новомъ,

---

[1]) *Вѣстн. Евр.* 1803, № 6, стр. 123. Ср. тамъ же, стр. 229: «они сохранили нить случаевъ».

[2]) «Свернутое что въ клубъ развертываю, раскатываю; свитое, заплетенное, закрученное, вертя въ противную сторону, разнимаю, раскручиваю, раз-

распространенномъ или болѣе опредѣленномъ значеніи можно найти у него не мало. Такъ онъ вводитъ слово *образъ* въ примѣненіи къ поэзіи: называетъ situations въ драмѣ *положеніями*, Flickwort (cheville) *поставнымъ словомъ*; говоритъ о *выработанномъ* слогѣ и языкѣ; находитъ, что лучше сказать: «всѣ части учености *обрабатываются*, нежели *возлѣлываются*» [1]). Онъ же первый употребляетъ во множественномъ числѣ слово *вкусъ* [2]), которое Шишковъ такъ преслѣдовалъ «въ смыслѣ разборчивости», потому что наши предки, вмѣсто *имѣть вкусъ*, говорили *толкъ вѣдать*, *силу знать*.

4) Составленіе новыхъ словъ. Насильственное составленіе новыхъ словъ было несогласно съ характеромъ всего существа Карамзина и могло бы только мѣшать тому дѣйствію, какое онъ стремился сообщить своей рѣчи. Поэтому естественно, что новыя, имъ составленныя слова встрѣчаются у него рѣдко, и наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаются оговоркой. Таковы употребленныя имъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника *промышленность* [3]) и *достижимая* [4]) цѣль; кромѣ того онъ тамъ же замѣтилъ, что *тротуары* можно по-русски назвать *намостами* [5]).

Какъ смотрѣлъ онъ на творчество въ языкѣ, на «непосредственное обогащеніе» его, видно изъ собственнаго размышленія его объ изобрѣтеніи словъ. «Они», говоритъ онъ въ своей академической рѣчи, «раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое

сучиваю, расплетаю»; — «раскрученный, расплетенный разсученный, распустившійся». (*Слов. Ак. Рос.* ч. I. Спб. 1789).

[1]) *Моснов. Журн.*, ч. VI, стр. 232, 41; II, 209, VIII, 336; VI 177, III, 222.

[2]) *Аглая* I, стр. 11. «одинакые вкусы»

[3]) *Мосьов Журн.*, ч. III, стр 208, съ выноскою. «Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или Французскаго industrie?» (Соч. Кар т II. стр. 168). Вспомнимъ, что уже существовали и были употребительны слова: *промыселъ*, *промышлять*, *промышлёный*, *промышленникъ* (послѣднее соотвѣтствовало старинному *промысленникъ*). См. *Словарь Росс. Ак.*

[4]) «То-есть, до которой достигнуть можно: я осмѣлился по аналогіи употребить это слово». (Соч. Кар. т. II, стр. 244)

[5]) Тамъ же, стр. 680.

вдохновеніе Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно» [1]). Чѣмъ безыскуственнѣе новосоставленное слово, чѣмъ оно сообразнѣе съ прежними, чѣмъ менѣе бросается въ глаза, тѣмъ легче оно входитъ въ языкъ и тѣмъ прочнѣе въ немъ утверждается. У Карамзина разсѣяно много новыхъ или, по крайней мѣрѣ, до него не установившихся словъ этого рода, изъ которыхъ одни по простотѣ своей остались незамѣченными и не попали въ словари, какъ напр., *общественность*, *младенчественный*, *всемѣстный* (вм. повсемѣстный), *всетворящій*, *опѣняемый*, *живодѣтельный* [2]) (вм. животворный); другія сдѣлались общимъ достояніемъ, напримѣръ *усовершенствовать* [3]), *человѣчный* [4]), *общеполезный* [5]). Для выраженія множества понятій Карамзинъ рано почувствовалъ недостаточность существующаго запаса словъ русскаго языка, и еще во время своего путешествія, намѣреваясь переводить книгу Боннета, говорилъ въ письмѣ къ автору ея о необходимости составлять при томъ, по примѣру Нѣмцевъ, новыя слова [6]). Мы уже видѣли опытъ исполненія такой мысли надъ замѣткой Лафатера. И въ послѣдующихъ переводахъ Карамзина встрѣчаются слова частью новыя, подобныя выписаннымъ, частью прежнія, но съ новыми оттѣнками значенія или въ новомъ примѣненіи, при чемъ онъ иногда ставитъ въ скобкахъ подлинное слово. Примѣры послѣдняго случая были уже приведены выше; можно прибавить къ нимъ еще нѣсколько: *общія положенія* (въ законодательствѣ, dispositions générales), *отношенія* (rapports [7]), *тонкости*, *отвлеченія* и др.

Таковы были неологизмы Карамзина до Исторіи Государства Россійскаго, въ которой онъ, какъ извѣстно, сталъ болѣе и болѣе

---

[1]) Соч. Кар., т. III, стр. 644.
[2]) *Аглая* I, стр. 38, 34; II, 65, 86, 90.
[3]) Тамъ же, стр. 88.
[4]) См. выше переводъ изъ Лафатера.
[5]) *Вѣстн Евр.* 1803, № 8, «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей»
[6]) Соч. Кар., т. II, стр. 345. (*Моск. Журн.*, ч. VI, стр. 350).
[7]) *В Е.* 1802, № 2, стр. 83. № 3, стр. 71.

оживлять свое изложеніе словами, заимствованными изъ лѣтописей. При всей осмотрительности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ однакоже далъ значительный толчокъ лексическому развитію и обогащенію языка, и Шишковъ въ своемъ *Разсужденіи* съ досадою замѣтилъ: «Академическій Словарь нашъ хотя и недавно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится обветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка» [1]). Положимъ, что между вновь появившимися словами было большое число неудачно скованныхъ подражателями Карамзина и потому непрочныхъ; однако жалоба Шишкова, какъ и прежде уже произнесенная Подшиваловымъ (см. выше, стр. 135 и 138), показываетъ, какъ сильно было движеніе, возбужденное въ литературѣ примѣромъ Русскаго Путешественника.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены отзывы трехъ свидѣтелей этого движенія о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. Для дополненія данныхъ къ сужденію по этому предмету припомнимъ показанія двухъ близкихъ къ Карамзину лицъ. Дашковъ, не называя его, говоритъ однакоже съ явною о немъ мыслію: «Языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ *новый вѣсъ* и *значеніе*, *опредѣляютъ просодію* языка» (то-есть, теченіе рѣчи) «и обогащаютъ оный множествомъ *выраженій* и *оборотовъ*, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ» [2]). Еще гораздо важнѣе однородное свидѣтельство Дмитріева. Раздѣливъ исторію нашего книжнаго языка на два періода, онъ считаетъ началомъ втораго изъ нихъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Къ ученикамъ Ломоносова относитъ онъ между прочими Елагина и Фонъ-Визина, которые, по словамъ Дмитріева, «захотѣли сами быть

---

[1]) *Разсужд.*, стр. 69. — Всѣ ссылки на эту книгу здѣсь по изданію 1813 г. согласному впрочемъ, за исключеніемъ предисловія, съ изд. 1803.

[2]) *Лег. способъ*, стр. 60

начальниками школы Первый обратился къ *славянчизнѣ*,... другой, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *каданснрованною прозою*.... Послѣдователи ихъ захотѣли перещеголять своихъ учителей и уже начали еще болѣе употреблять славянскія речения и обороты [1])... Въ такомъ состояніи», продолжаетъ Дмитріевъ, «находилась наша словесность, когда Карамзинъ,... возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. *Обдуманная система уже предшествовала его началу*: вникая въ свойство языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то пестроту, неопредѣленность и вялость или запутанность, происходящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по *зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой* и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ *разговорному образованнаго общества* семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ [2]); въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ* [3]), а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи.... Съ того времени такъ-называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало по малу выходить изъ употребленія» [4]). Присоединимъ къ этому еще признанія мо-

[1]) Здѣсь Дмитріевъ называетъ нѣсколькихъ переводчиковъ (см. выше стр. 127).

[2]) На этомъ же самомъ основаніи и Подшиваловъ въ своемъ *Курсѣ росс слога* говоритъ, что свойства русскаго языка «можно болѣе примѣтить изъ *обращенія съ людьми не знающими кромѣ Русскаго никакого другаго языка*». (*Сокращ. курсъ русск. слов.*, стр. 28)

[3]) Точно такъ же Подшиваловъ совѣтуетъ «не избѣгать употребленія причастій, которыя болѣе Россійскому языку свойственны, нежели безпрестанное который, который» (тамъ же, стр. 52, 53).

[4]) *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 86.

лодыхъ писателей начала нынѣшняго вѣка (особенно Макарова и Дашкова), которые, разумно слѣдуя тѣмъ же указаніямъ и содѣйствуя къ утвержденію *новаго слога*, открыто провозглашали Карамзина своимъ учителемъ.

Изслѣдованіе привело насъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ показаніями современниковъ Карамзина. Сущность этихъ заключеній можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ и краткихъ выводахъ:

Карамзинъ былъ не доволенъ языкомъ, который онъ засталъ въ литературѣ, приступая къ самостоятельной дѣятельности.

Онъ захотѣлъ писать иначе.

Онъ захотѣлъ писать такъ же «пріятно», то есть, сообразно съ здравымъ вкусомъ, изящно, какъ пишутъ лучшіе иностранные авторы.

Для этого онъ принялъ въ руководство не французскій или англійскій синтаксисъ [1]), а русскій разговорный языкъ, развивая и обогащая его по возможности изъ собственныхъ его началъ, но въ случаѣ надобности заимствуя изъ другихъ языковъ отдѣльныя слова, иногда же и обороты, не противные духу русскаго языка.

Устранивъ господствовавшее прежде словосочиненіе съ частыми славянизмами, онъ отбросилъ также все шероховатое, грубое, устарѣлое.

Новый, такимъ образомъ, по своему строю, а отчасти и по составу языкъ его былъ новъ также по своей строгой правильности логической и грамматической, по точности и опредѣленности словъ и выраженій, по установленію твердыхъ началъ въ словоуправленіи [2]).

---

[1]) Уже одинъ изъ критиковъ Шишкова опровергалъ его мнѣніе, будто новые писатели начали *вновь созидать* русскій языкъ *на скудномъ основаніи французскаго*: «Я всегда думалъ», говоритъ этотъ критикъ, «что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и выраженія» и проч. (*Сын. Вѣстникъ*, 1804. ч. I, стр. 19).

[2]) Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, по внимательно-

Сверхъ того и слогъ Карамзина былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ которыхъ слова являлись въ новой связи, въ новыхъ, счастливыхъ сочетаніяхъ.

Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступавшая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы.

Эта проза имѣла еще свои недостатки; иногда ей вредила нѣкоторая искусственность, имѣвшая цѣлію удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. И замѣчательно, что такой недостатокъ развился наиболѣе въ послѣдніи и самый важный періодъ дѣятельности Карамзина. Высшей степени простоты и естественности проза его достигла въ *Вѣстникѣ Европы* (если исключить «Марѳу Посадницу»).

Карамзинъ далъ русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться.

сти къ требованіямъ языка, фраза Карамзина. «слѣдовалъ ихъ *волѣ* и *за* ихъ *знаменами*» (*Вѣстн. Евр.* 1803, № 5: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»)

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. (Къ стр. 93.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ РѢЧЕЙ, ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ ПРОФЕССОРАМИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ 1787 ПО 1805 ГОДЪ.

1. Изъ «Слова похвальнаго Екатеринѣ Второй», Зыбелина, произнесеннаго при окончаніи 25-тилѣтія ея царствованія, 30-го іюня 1787 года:

«Хочу упомянуть о томъ, что легко бы, хотя и непростительно, упустить было можно. Какъ пріобыкшіе къ истекающимъ всегда отъ солнца благодѣяніямъ, едва или рѣдко оныя воспоминаютъ, хотя и главное вся природа отъ него получаетъ оживленіе: равнымъ образомъ милосердіе Всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ толь есть свойственно и толь всѣмъ намъ оное извѣстно и обыкновенно, что во множествѣ щедротъ, безпрестанно изливаемыхъ, какъ въ обыкновеніе вшедшее, древнее и самопервѣйшее двадцати пѣтняго благополучнаго Ея царствованія благодѣяніе, могло бы изъ памяти выти: но благодарность многихъ тысящей обязанныхъ, наполняющая безпрестанно всѣхъ слухъ, заставляетъ чувствительное сердце провозвѣстить, или по крайней мѣрѣ повторить, какъ первой знакъ чадолюбивой Матери сіе Ея милосердіе, разумѣю, вѣрно служившимъ благодѣтельное по жизнь содержаніе и награжденіе» (*Рѣчи профессоровъ Москов. унив.*, ч. I. стр. 145).

2. Изъ Слова Страхова «О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе», произнесеннаго 30-го іюня 1788 года:

«Торжественное воспоминаніе знаменитыхъ происшествій тѣмъ живѣйшею радостію и усердіемъ наполняетъ сердца празднующихъ, чѣмъ

большихъ благъ оныя учинились причиною. Съ какимъ же чувствіемъ радости, усердія и благодарности ко Всевышнему долженствуютъ всѣ сыны отечества торжествовать благословенный день восшествія на Всероссійскій Престолъ Всеавгустѣйшія нашея Монархини! ибо количкихъ благъ источникомъ для Россіи учинилось сіе важное и во вѣки незабвенное происшествіе! Коль великія и непзреченныя милости всещедрая Десница Творца изліяла на насъ, оправдавъ царствовати надъ нами Великую Екатерину»! (Тамъ же, ч. II, стр. 228).

3. Изъ Слова Брянцева «О связи вещей во вселенной», произнесеннаго 30-го іюня 1790 года:

«Естьли, по мнѣнію общему, Государи, получившіе отъ Бога величество, власть и силу, суть на земли изображеніемъ Божества, благодѣянія свои человѣческому роду священными ихъ дланьми подающаго: то въ такомъ случаѣ всѣ ихъ дѣйствія нераздѣльнымъ соединены союзомъ съ пользою ввѣренныхъ имъ народовъ; и естьли отъ нападенія внѣшнихъ враговъ преоруженіе мужествомъ и силою, для безопасности отъ сограждан огражденіе законами и правосудіемъ, для изгнанія невѣжества распространеніе знаній клонятся къ единой цѣли, т. е. къ благосостоянію общества: то въ дѣлахъ Государей, къ единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваемъ взаимную связь? Чего для всеподданнѣйше свидѣтельствуя нашу благодарность Августѣйшей Монархинѣ и мыслями нашими благопримѣняясь къ связи, въ дѣйствіяхъ Ея находящейся, торжествующему нынѣ съ нами собранію намѣренъ я въ посильномъ разсужденіи предложить о *связи вещей во вселенной*» (Тамъ же, ч. III, стр. 17).

4. Изъ Слова Чеботарева, произнесеннаго въ 1800 году по случаю кончины И. И. Шувалова:

«...И потому, не возносясь дерзновенно выше сферы нашей и не касаясь тѣхъ отличныхъ добротъ, тѣхъ высокихъ министерскихъ, да тако скажу, и государственныхъ свойствъ патріотическаго духа, — которыя даровали Меценату нашему то, чего и самая превратность щастія похитить у него была не въ силахъ; — которыя въ теченіи цѣлаго полувѣка сохранили къ нему благоволеніе четырехъ великихъ нашихъ Государей; — которыя и проч.» ...«но оставляя все сіе, яко нѣчто великое и кругу нашихъ свѣдѣній несоразмѣрное, — ограничу себя, Слушатели, тѣмъ, что мѣсту сему приличнѣе, что намъ и всякому благомыслящему любезнѣе; — ограничу себя, при открытіи печальной сей бесѣды, простымъ и *краткимъ показаніемъ* тѣхъ только *отличительныхъ добротъ нашего Мецената* и тѣхъ услугъ его къ отечеству, — которыя въ лѣтописяхъ Рускихъ, предавъ

имя *Шувалова* безсмертію, за любовь его къ Наукамъ, за ободреніе и распространеніе ихъ въ отечествѣ нашемъ, память его содѣлаютъ любезною во всѣ грядущіе роды, доколѣ слава Россіи, слава Мудрыхъ, Человѣколюбивыхъ ея Монарховъ, — и слава самихъ Наукъ пребудутъ въ подсолнечной» (Тамъ же, ч. I, стр. 332).

5. Изъ Слова Сохацкаго «На полувѣковой юбилей Московскаго университета», произнесеннаго 30-го іюня 1805 года:

«Но и гдѣ жь — скажите! гдѣ есть толико великодушныя, несравненныя, истинно нарственныя способствованія народному просвѣщенію, какъ въ высокомъ примѣрѣ зиждущихъ благоденствіе Россіи мудрыхъ ея и благопромыслительныхъ Государей? Благословенны будутъ сердцами Россовъ священныя имена Ихъ навѣки!...

«Радостотворныя мысли и чувствованія!...

«Здѣсь, погрузясь въ глубокомъ безмолвіи, надлежало бы совсѣмъ остановиться, и исчисляя мысленно спасительныя отъ того послѣдствія, предаться всею душею пріятнымъ и неизъяснимымъ чувствіямъ сердечной благодарности, заключить предъ вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, краткое сіе, по приличію торжества нашего изображеніе.

«Но се! — Геній-Покровитель Наукъ, коего именемъ вся Европа и цѣлый свѣтъ гордится, предъ коимъ осчастливленная Россія съ восхищеніемъ благоговѣетъ; — се! Великій въ чистой, небесной добротѣ своей Александръ I, о семъ торжествующемъ университетѣ, въ сей самый вѣчно достопамятный годъ, въ Высочайше дарованной Грамотѣ являетъ отъ Престола свѣту и потомству несказанное Монаршее благоволеніе», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 92).

II. (Къ стр. 98.)

ЗАМѢЧАНІЯ КАРАМЗИНА О ЯЗЫКѢ, ИЗЪ РАЗБОРОВЪ ЕГО, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЖУРНАЛѢ (1791 И 1792 ГОДОВЪ).

1. Изъ разбора комедіи *Оптимистъ:*

«Что принадлежитъ до перевода піесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только немногія выраженія покритиковать можно. Напримѣръ: *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прицѣпиться, я бы больно его этимъ убилъ.* Прицѣпкою людей не убиваютъ; а это еще говоритъ оптимистъ, который вообще такъ краснорѣчивъ! — *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни,* говоритъ Извѣда; но говорятъ ли такъ молодыя женщины? *Какъ бы* здѣсь очень противно.

«*Я имѣлъ съ собою Руссо.* Это слишкомъ по-французски. *Какъ безстрашно онъ вдавался въ огонь!* Въ огонь можно броситься, а *вдаваться* въ него такъ же нельзя, какъ и въ воду. — *Человѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ вопли.* Производить вопли! — *Оно* (воспоминаніе) *ничего произвесть не можетъ, развѣ учинитъ навсегда меня нещастною.* Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ Французскаго: il ne fera que, а *развѣ* — въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено — и *учинить*, вмѣсто сдѣлать, нельзя сказать въ разговорѣ, а особливо молодой дѣвицѣ. — *Я буду жить*, говоритъ Зланѣтъ, *посреди милой жены и моей дочери.* Лучше бы было сказать: «я буду жить съ милою моею женою и дочерью», — а то здѣсь сообщается какая-то нехорошая идея. — Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Естьли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, кто бы захотѣлъ имъ заниматься»?

Тамъ же о содержаніи: «Тутъ также видно что-то не Русское»; далѣе о неестественности названій Зланѣтъ, Буремыслъ, Милоумъ и проч. и о необходимости ввести въ комедію имена и отчества (*Московскій Журналъ*, ч. I, стр. 232—235)

2. Изъ разбора перевода *Краткой исторіи королевской шведской фамиліи:*

«Что касается до перевода, то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, нельзя было написать: «У Петерсберга *раззорены* были Баннеромъ 12 полковъ», или: «Крѣпость, которая стоила Императору *столько тысячи* людей» или: «На Нѣмецкой колокольнѣ *учреждены были куранты*» (Тамъ же, ч. II, стр. 84).

3. Изъ разбора перевода *Генріады:*

«Здѣсь надобно не только выразить мысли Поэтовы, но и выразить ихъ съ такою же точностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно преодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой *негибкости* нашего языка, мѣра и рнема составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Рускаго, преодолѣть могъ... 2-й переводъ сей поэмы (такъ же какъ и 1-й, *вышедшій* за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволитъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ».

Выписавъ начало подлинника, Карамзинъ приводитъ и первые шесть стиховъ перевода:

Пою Героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ Французско государство:
Кто долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Число стиховъ то же: но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала? — Въ первомъ полустишіи, вмѣсто *кто*, надлежало бы, по Грамматикѣ, употребить возносительное мѣстоименіе *которой*. — Откуда зашло въ первый стихъ *коварство*? Въ оригиналѣ его нѣтъ. Да и можно ли *разрушить коварство*? — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *Достать Французско государство!* Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генрику и по праву наслѣдственности. Подъ *сопротивными силами* не льзя разумѣть ничего инаго, кромѣ непріятельскихъ войскъ: и такъ Генрихъ долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего. *Нещастія*, говорятъ онъ, научили его *царствовать*.... Confondit значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ*: съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрихъ гонителемъ, и притомъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *потомъ* сталъ ихъ отцемъ. *Покровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подставное* слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи послѣ *отца*».

Сравнивъ еще нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, Карамзинъ такъ заключаетъ:

«Конечно, во всякой пѣснѣ сей Руской Генріады можно найти нѣсколько хорошихъ стиховъ: но отъ переводчика такой поэмы, какъ Генріада, требуется, чтобы онъ *все* перевелъ хорошо, или по крайней мѣрѣ *почти* все». (Тамъ же, ч. II, стр. 207—214).

4. Изъ разбора перевода *Неистоваго Роланда*:

....«Рецензентъ съ своей стороны *желаетъ* того, чтобы слогъ былъ въ нихъ (въ слѣдующихъ частяхъ) еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такія выраженія: «Онъ клялся, что *не иной какой* шишакъ будетъ прикрывать его голову, *какъ не тотъ*, которой Роландъ нѣкогда отнялъ» и проч. «Графъ былъ *не меньше* учтивъ и человѣколюбивъ, *сколько* былъ храбръ» и проч. «Въ слѣдствіе чего, дабы» и проч. (Это слишкомъ по-приказному, и очень противно въ устахъ та-

кой женщины, которая, по описанію Аріостову, была прекраснѣе Венеры). — «Она (т. е Аріостова Комедія) изъ числа самыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Комедій....» (Естьли піеса Аріостова, то она не можетъ быть изъ числа Аристофановыхъ піесъ. Надлежало бы сказать: «Она принадлежитъ къ роду *такихъ-то* Комедій» и проч.). Г. переводчикъ, конечно, не осердится на Рецензента за сіе *желаніе*». (Тамъ же, ч. II, стр. 324, 325).

5. Изъ разбора перевода *Опыта о Швейцаріи:*

«Надлежало бы сказать не *обнаружить*, а *узнать* или *увидать* (склонности)». Похваливъ вообще отрывокъ, къ которому относится это замѣчаніе, Карамзинъ говоритъ: «Но, къ сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно. Нельзя на примѣръ похвалить слѣдующихъ мѣстъ: «Сіе увѣреніе *сильно было другими отвергнуто. Я много силился* узнать, правда ли сіе. — Всѣ части учености *воздѣлываются* тамъ съ успѣхомъ. (Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать по-Руски *обработываются*). — Прогулки и забавы народа смѣшаны съ полезными *обращеніями*; *изрядство и чистота составляютъ предметъ самыхъ ученыхъ разсужденій* (Рѣчь идетъ о Женевѣ Я жилъ въ семъ городѣ около шести мѣсяцевъ, а не понимаю, что хочетъ здѣсь сказать Г. Переводчикъ)», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 221, 222).

6. Изъ разбора перевода *Клариссы* Ричардсона:

«Всего трудиѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ»....

Выписавъ начало перевода, Карамзинъ приводитъ нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. «*Ни мало не сомнѣваешься въ томъ, какое участіе*, и проч., сказано не правильно; *какое* не можетъ отвѣчать *тому*. Надлежало бы сказать: «ты конечно не сомнѣваешься *въ томъ, что я* беру великое участіе. —....*Безпокойства возставшія въ твоемъ семействѣ*. Безпокойства не *ложатся*, не *возставать* не могутъ. — *Колико для тебя чувствительно* и проч. Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико* [1]). Впрочемъ Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ «толѣмыми претолковниками» и проч. (см. выше, стр. 126). — *Отличившій себя отмѣнными дарованіями* и проч. *Отличить* и *отмѣнить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованіями, то онѣ конечно были уже *отмѣнны*. Къ тому же во Французскомъ

[1]) Ср. въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 г., № 3, стр. 22

«Понеже, въ силу, поелику,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла»

подлинникѣ (подлинникѣ въ разсужденіи Рускаго перевода) говорится здѣсь не о *дарованіяхъ*, а о *свойствахъ* или *качествахъ* (qualités). — *Учинившейся предметомъ общаго почтенія* и проч. L'objet du soin public есть болѣе предметъ общаго *вниманія*, нежели *почтенія*. Въ простомъ слогѣ лучше сказать *сдѣлаться предметомъ* чего-нибудь, нежели *учиниться*. — *Узнать все о томъ подробности* и проч. Подробности *чего-нибудь*, а не о *чемъ-нибудь*» и т. д. (Тамъ же, ч. IV, стр. 113).

III (Къ стр. 132).

КРЫЛОВЪ ПРОТИВЪ КАРАМЗИНА.

С.-Петербургскій Меркурій, по своему расположенію, пріемамъ и претензіямъ, представлялъ какъ будто сколокъ съ *Московскаго Журнала*, который только-что прекратился, когда Крыловъ и Клушинъ въ 1793 году предприняли свое новое изданіе.

Уже въ *предисловіи*, подписанномъ ими обоими и очень напоминающемъ *предувѣдомленіе* Карамзина, видна замашка поперечить ему, особенно въ слѣдующемъ заявленіи: «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая цѣль скромничать именемъ, ежели цѣль сочиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ни чьего спокойствія?» Притомъ издатели, конечно также не безъ намека, предупреждаютъ: «Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части» (то-есть, по обѣщанной ими критикѣ *книгъ* и *театра*) «не есть сужденія *деспотическія*»; читатели уже видѣли, что и *Зритель* и *Росс. Магазинъ* обвиняли Карамзина въ безусловности его приговоровъ. Но прежде всего Крыловъ и Клушинъ выражаютъ притязаніе издавать журналъ, *подобный журналамъ иностраннымъ* и не похожій на большую часть русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ «или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ». Идея этой потребности и первый примѣръ удовлетворенія ея были поданы Карамзинымъ, и вотъ ими пользуются сами противники его. Въ числѣ неблаговолящихъ къ нему самъ Карамзинъ, въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 33), назвалъ Крылова, говоря о *Зрителѣ*; но въ *Меркуріи* будущій баснописецъ и членъ шишковской *Бесѣды* еще гораздо прямѣе и рѣшительнѣе высказался противъ будущаго же историографа и идеала Арзамасцевъ. Подписанная именемъ Крылова «Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей», явно содержитъ въ себѣ многія черты, которыя могутъ относиться только къ Карамзину. Главное достоинство Ермала-

фида [1]), выставляемое здѣсь на посмѣяніе состоитъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ никакимъ правиламъ и не подражаетъ красотамъ прежнихъ писателей. Онъ начинаетъ свое поприще трагедіей, въ которой герои «превыше всѣхъ страстей». Естественно, что противники Карамзина должны были въ сочиненіяхъ его находить прежде всего отступленіе отъ правилъ (то есть отъ рутины) и отъ старыхъ образцовъ. Что касается до трагедіи, написанной Ермалафидомъ, то подъ нею разумѣется переведенная Карамзинымъ Лессингова Эмилія Галотти. О драмѣ у Англичанъ и Нѣмцевъ и о драмѣ у Французовъ издатели *Меркурія* имѣли понятія совершенно противоположныя взгляду Карамзина. Въ 1-й же книжкѣ этого журнала напечатано «Разсужденіе объ Аглинской трагедіи, изъ сочиненій г. Вольтера» (стр. 66), причемъ Клушинъ въ особомъ примѣчаніи называетъ нѣмецкія драматическія произведенія *безобразными выродками литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ..., которые суть ни трагедіи, ни комедіи, гдѣ смѣшенъ плачъ съ смѣхомъ безъ всякой нужды*; въ числѣ упоминаемыхъ имъ пьесъ этого рода не забыта и *Эмилія Галотти*. Кончаетъ онъ словами: «И есть люди, которые предпочитаютъ Нѣмецкія драмы Французскимъ... Что думать о сихъ знатокахъ? Или, что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма; или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ Нѣмчизнѣ». О дѣйствіи трагедіи Ермалафида Крыловъ замѣчаетъ между прочимъ «Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью.... и естьли бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы конечно онъ подумалъ, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики» Не надобно забывать, что Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ* (ч. I, стр. 62) помѣстилъ разборъ *Эмиліи Галотти* и что онъ перевелъ также Шекспирова *Юлія Кесаря*. — Разберемъ еще нѣкоторыя черты Ермалафида. «Великій духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность, Мм Гг.! часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ ода или сатира это будетъ: но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично: а можетъ быть и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между Академіями войну

---

[1]) Это имя произведено отъ семинарскаго слова *ермолафія* (котораго нѣтъ еще въ нашихъ словаряхъ, — вѣроятно, искаженнаго греческаго *ирмологій*); оно означаетъ дребедень, многословную чепуху. См. въ IV томѣ академическаго изданія *Сочиненій* Державина, стр. 558, и объясненіе этого слова въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Рѣчь Ермалафиду напечатана во II-й части *С.-Петербургскаго Меркурія* (апрѣль 1793 г.), стр 26—55.

за споры, къ какому роду ихъ причислить». Здѣсь Карамзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотворцами *Московскаго Журнала*, осуждается за несоблюденіе наружныхъ формъ различныхъ родовъ поэзіи, что̀ въ то время было еще ново. Но этого мало: положивъ не слѣдовать никакимъ правиламъ, Ермалафидъ «вздумалъ свободные часы свои посвятить удовольствію Публики.... и для того то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія — короче сказать: началъ журналъ ... Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить Вселенную.... съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ!... Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія, суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы; но его это не устрашило» и проч. Далѣе: «Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ; и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія». Всѣ эти выходки, несомнѣнно, направлены на *Московскій Журналъ* съ его критикою; послѣднее замѣчаніе относится къ сужденіямъ, высказаннымъ въ разборѣ русскаго подражанія *Сиду* Корнеля [1]). Здѣсь Карамзинъ, показавъ, что подлинная пьеса «имѣетъ пороки, и великіе пороки», выписываетъ отзывъ д'Аламберта о французскихъ трагедіяхъ вообще, кончающійся словами: «Потому-то нынѣ почти никто не бываетъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи и очень не много, когда Расиновы представляютъ», и затѣмъ произноситъ свой собственный приговоръ французскимъ трагикамъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. «Письма Русскаго Путешественника», въ которыхъ высказано подобное же мнѣніе объ этомъ предметѣ [2]), также задѣты въ похвальной рѣчи Крылова. Именно онъ говоритъ о Ермалафидѣ: «Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстатѣ о Гомерѣ, напомнить, что дрова дороги; — и, хваля Юговы нощи, замѣтить, что Нѣмцы обуваются щеголеватѣе Французовъ». Вѣроятно, это намекъ на одно мѣсто «Писемъ» изъ южной Франціи, напечатанныхъ въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Журнала* (декабрь 1792): послѣ разныхъ литературныхъ воспоминаній, въ которыхъ приведены имена Петрарки, Оссіана, Гомера и др., въ одномъ письмѣ встрѣчается такая замѣтка: «Но весьма не по-

---

[1]) *Моск. Журн.*, ч. III, стр. 84 и сл.

[2]) Тамъ же, ч VIII, стр. 86.

любились мнѣ деревянные башмаки французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ» [1]). Противъ Карамзина же направлена слѣдующая выходка похвальной рѣчи: «Я знаю — говоритъ Ермалафидъ—склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ». Это относится къ одному мѣсту письма русскаго путешественника къ Боннету. Сбираясь переводить его Contemplation de la Nature, Карамзинъ говоритъ: «Недобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе» [2]).

Конечно, далеко не все въ Ермалафидѣ можетъ быть примѣнено къ Карамзину: иное относится къ другимъ; такъ, напримѣръ, подъ комедіей написанной Ермалафидомъ послѣ трагедіи, разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь современное подражаніе *Мельнику* Аблесимова, или *Сбитенщику* Княжнина: «На сценѣ появляется цѣлый народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ залромомъ — въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія» и т. д. [3]). Тѣмъ не менѣе, изъ всего вышеприведеннаго, кажется, ясно, что похвальное слово Ермалафиду есть въ особенности замаскированная аттака на Карамзина и на многочисленныхъ приверженцевъ, которыхъ уже доставилъ ему *Московскій Журналъ*: онъ пропитчески выставляется какъ образецъ «для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать; или занимать ихъ у Сумарокова».

IV. (Къ стр. 156).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БЮФФОНА ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ А. Ѳ. МАЛИНОВСКАГО, ЛЕПЕХИНА И КАРАМЗИНА.

1. Алексѣя Малиновскаго, въ книгѣ *Духъ Бюффона* (1783, стр. 1).

«Я воспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ

---

[1]) *Моск. Журн.*, ч. VIII, стр. 318.

[2]) Тамъ же, ч. VI, стр. 350.

[3]) Крыловъ уже прежде, въ разборѣ комедіи *Смѣхъ и Горе* своего товари-

которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющая земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и неска-занньмъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня».

2. Ив. Лепехина, въ 1-й части *Естественной Исторіи* Бюффона (1792, стр. 61).

«Исполненъ веселія и смущенія привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли, и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находяся составляли существенную моего сложенія часть».

3. Карамзинъ, въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности* (1798, кн. II, стр. 58)

«И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудное бытіе свое Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа».

V. (Къ стр. 156).

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА ИЗЪ ЖУРНАЛОВЪ НАЧАЛА 1790-ХЪ ГОДОВЪ.

1. Изъ московскаго изданія *Сатирическій Вѣстникъ*, «удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣдо-

---

ща, Клушина, высказался противъ подобныхъ комическихъ оперъ: «Какъ сіи же рукоплесканія не рѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ». *Спб. Меркурій*, ч. I, стр. 104.

маго числа, незнаемымъ сочинителемъ». (Издавался въ 1790 и 1791 годахъ Н. И Страховымъ; въ 1795 онъ напечатанъ вторично въ 9 частяхъ, составившихъ три томика. Объявленіе о 5-й части его см. въ *Моск. Вѣдом.* 1790, № 91). Вотъ отрывокъ изъ 1-й части, стр. 63—65.

....«Желательно, чтобъ тѣ молодые люди, которые имѣли прежде въ г. Псолюбовѣ одобрителя своего, послѣдовали его примѣру, оставя таковыя праздныя упражненія, а тѣ, кои равноподобно ему содержатъ великія стаи собакъ, число оныхъ содѣлали бы соотвѣтствующимъ цѣли, для которой принято упражненіе сіе, или бы лучше совсѣмъ истребили такую склонность, которая вмѣсто того, что должна была служить пріятною заманкою къ движенію, поспѣшествующему здравію, бодрости и веселію нрава, по злоупотребленію своему сдѣлалась напротивъ того такою страстію, которая занимаетъ цѣлую жизнь, росточаетъ цѣлыя имѣнія, разоряетъ бѣдныхъ крестьянъ, и доставляетъ въ насъ цѣлымъ уѣздамъ и обществамъ юношъ худой и растлительной примѣръ добрыхъ нравовъ. При томъ колико удивительно и жалко видѣть такихъ людей, которые для доставленія себѣ минутныхъ зрѣлищъ на зайца и бѣгущихъ за нимъ собакъ, въ сихъ упражненіяхъ провели всю жизнь, прожили все имѣніе, разорили всѣхъ крестьянъ, и не иное что оставили въ наслѣдіе бѣднымъ и безпомощнымъ своимъ дѣтямъ, какъ одинъ только хорошо устроенный собачій дворъ, но опущенное жилище; хорошихъ псарей, но раззоренныхъ крестьянъ; многія своры собакъ, но и многія тысячи долгу!»

2. Изъ журнала *Дѣло отъ бездѣлья* «или пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая». (Выходилъ въ Москвѣ въ 1792 году, слѣдовательно, въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Издателемъ *Дѣла отъ бездѣлья* былъ Андрей Рѣшетниковъ, составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства). Отрывокъ изъ статьи *Человѣкъ* (ч. IV, стр. 59—61):

«Много было нравоучителей, да и нынѣ находятся между человѣками пресмыкающіеся духи, которые человѣческую природу столь страшно унижаютъ, что естьли бы возможно было имъ повѣрить, надлежало бы стыдиться быть человѣкомъ. Иные думаютъ, что божественное смирен-

помудріе требуетъ, дабы о человѣчествѣ имѣть толь низкія понятія; и потому почитаютъ за должность свою презрительнѣйшими и гнуснѣйшими образованіями учинить человѣческую природу ненавистною. Но человѣкъ себя за ничто почитающій не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почтенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низость мыслей.... Внѣ человѣка находится Виновникъ природы и весь міръ. И такъ есть-ли мы возхотимъ разсматривать человѣка въ отношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ еще существующимъ; тогда долженствуемъ обозрѣть не токмо то, въ какомъ отношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе, сколь тѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ».

3. Изъ академическаго изданія *Новыя ежемѣсячныя сочиненія*:

(Выходило съ 1786 по 1796 годъ подъ главнымъ наблюденіемъ тогдашняго директора Академіи, княгини Дашковой). «При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи 18-го вѣка — вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсть прочное учебное образованіе» [1]).

Вотъ какъ выражался въ 1790 году, описывая *аккулу*, знаменитый академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь Россійской Академіи (*Нов. ежемѣс. соч.*, ч. XLVI, май, стр. 43):

«Сколь ни ужасна сія рыба человѣку и морскимъ животнымъ, однако не можетъ защищаться отъ небольшой рыбки *задержкою* называемыя, которая къ ней прилепляется, и преплываетъ съ нею морскія пространства; ибо въ Индійскомъ морѣ рѣдко ловятъ Аккулъ, на конхъ бы не были прицѣпившись сіи рыбки. Другое обстоятельство, заслуживающее вниманіе при Аккулахъ, болѣе удивительно, ибо, а наипаче къ жаркихъ климатахъ, видны всегда впереди въ нѣкоемъ отстояніи плывущіе передъ Аккулою провозвѣстники называемые *костера путеводитель*. Если бы сіе было примѣчено токмо изрѣдка, то можно бы приписать оное случайности: но какъ сіе не токмо простые мореходцы, но и странствовавшіе Природы испытатели согласно утверждаютъ, то не можно не принять сего за истину; хотя въ прочемъ заподлинно утверждать не можно, какая причина побуждаетъ сихъ малыхъ рыбокъ, сопутствовать, или предшествовать сему человѣкоядцу: ибо обыкновенное о семъ случаѣ мнѣніе,

---

[1]) *Учен. Записки Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ*, ч I, стр. LXXXIX

будто сіи малыя рыбки предшествуютъ Аккулѣ въ томъ намѣреніи, чтобы предувѣдомлять ее о приближеніи ея гонителя Кашалота, и будто она изъ благодарности къ нимъ не токмо не дѣлаетъ вреда, но и удѣляетъ имъ отъ своей добычи, тѣмъ болѣе походитъ на вымышленную басню, что зубы у нее устроены не для раздробленія добычи, но для придержанія оныя и поглощенія цѣлкомъ; слѣдовательно она и не можетъ ничего удѣлять малымъ своимъ сопутникамъ».

VI. (Къ стр. 158).

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА КАРАМЗИНА ВЪ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ЕГО АВТОРСТВА.

1. Изъ «Цвѣтка на гробъ моего Агатона» (*Аглая*, ч. I, стр. 14):

«Наконецъ *я* возвратился — (тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра) — спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость.... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ исчезаетъ.

«Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!»

2. Изъ статьи «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» (*Аглая*, ч. I, стр. 63—65 [1]):

«Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобно тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами

[1]) Здѣсь, какъ и во всей этой статьѣ, ссылки на *Аглаю* по 2-му ея изданію, 1796 года.

златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство.... Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять ими всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ жилищахъ?»

3. Изъ перевода рѣчи Порталиса въ *Вѣстникѣ Европы* (1802, февраль, стр. 70):

«Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ перемѣняется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ человѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щастливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естьли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохранять всю зрѣлость древняго. Въ дикой землѣ можно всячески дѣйствовать остріемъ косы; но земля обработанная требуетъ вниманія: надобно скосить однѣ вредныя травы».

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издало въ 1852 году «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря»; получивъ потомъ новые матеріалы того же рода, оно признало полезнымъ сдѣлать и ихъ доступными публикѣ. Трудами покойнаго А. Х. Востокова напечатанъ въ 1858 г. дополнительный томъ Областнаго Словаря. Опытъ встрѣченъ былъ съ полнымъ сочувствіемъ филологами и вообще людьми, понимающими важность подобныхъ предпріятій не только для разработки языка, но и въ этнографическомъ отношеніи. Такъ какъ однакожъ это было у насъ дѣломъ еще совершенно новымъ, то не удивительно, что польза его не тотчасъ была всѣми оцѣнена. Желая содѣйствовать къ правильному обсужденію предмета, я намѣренъ указать на то, что́ сдѣлано въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ, и примѣнить эти указанія къ оцѣнкѣ важности Русскаго Областнаго Словаря.

Германская литература представляетъ изумительное богатство пособій для изученія областныхъ нарѣчій нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: «Die Litteratur der Deutschen Mundarten» (Литература нѣмецкихъ нарѣчій) *). Это

*) Ein bibliographischer Versuch von Paul Tromel. Aus Petzoldt's Anzeiger fur Bibliographie und Bibliothekwissenschaft, besonders abgedruckt Halle, 1854. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ литература этого предмета еще значительно обогатилась; въ Германіи ежегодно появляются новые словари мѣстныхъ нарѣчій. Изъ числа вышедшихъ послѣ изданія названнаго указателя замѣтимъ: 1) Ostfriesisches Wörterbuch, von C. H Stürenburg (Aurich, 1857); 2) Wb der niedersachsischen Mundart der Furstenth. Göttingen u. Gruben-

систематическій каталогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается тутъ до 446. Сюда входятъ конечно не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсенъ и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія германскія, обзоръ раздѣленъ на 3 большіе отдѣла по тремъ главнымъ отраслямъ нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія, напримѣръ: аллеманское, швабское, нижне-лотарингское, вестфальское и т. д., всего 44 нарѣчія; изъ нихъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи, помѣщены еще нарѣчія нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами 16-го столѣтія и относятся къ нижне-саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность такъ называемаго верхне-нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинаютъ являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770-хъ годовъ. Наконецъ, съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе развивается.

---

hagen, von G. Schambach (Hannover, 1858), 3) Wb der Altmarkisch-plattdeutschen Mundart, von J F. Danneil (Salzwedel, 1859), 4) Karntisches Wb., von V M Lexer (Leipzig, 1862); 5) Beitrage zu einem Wb. der Siebenbürgisch-sachsischen Mundart, von I. K Schuller (Prag, 1865); 6) Idiotikon von Kurhessen, von A. F C. Vilmar (Marb u Leipzig, 1868) и 7) Wb der Coblenzer Mundart. (Cobl., 1869). Появившіеся въ 1866 г. труды этого рода исчислены въ Bibliographische Ubersicht etc. von K. Bartsch (изъ Pfeiffer's Germania, XII, Wien, 1867), гдѣ въ отдѣлѣ VI (Deutsche Mundarten) одни словари занимаютъ №№ 69 — 84 Указаніемъ этихъ пособій обязанъ я А. А. Шифнеру. Между исчисленными выше словарями особеннаго вниманія заслуживаютъ №№ 2 и 6. Послѣдній составленъ по образцу упоминаемаго ниже въ настоящей статьѣ шмеллерова баварскаго словаря.

Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, я отдѣляю изъ ряда подобныхъ книгъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаю здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Начнемъ съ нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch) словаря, напечатаннаго 1781 г. *). Вотъ что между прочимъ сказано въ предисловіи: «Я не хотѣлъ оставлять безъ вниманія выраженій, формъ и пословицъ, употребляемыхъ простонародьемъ и даже самою грубою чернью. Приличіе не должно изгонять ихъ изъ книги такого рода, если мы желаемъ придать ей нѣкоторую полноту. Чей нѣжный слухъ не въ состояніи выносить ихъ въ общежитіи, тотъ воленъ миновать ихъ съ зажмуренными глазами». Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе показываетъ, какъ умно авторъ смотритъ на географическіе предѣлы языка, который долженъ входить въ составъ словарей этого рода. «Я не ограничивался», говоритъ онъ, «особенностями нижне-нѣмецкаго языка, встрѣчающимися исключительно въ избранныхъ мною мѣстностяхъ (Помераніи и Рюгенѣ). Это, кажется, имѣли въ виду всякій разъ, когда областнымъ словарямъ давали заглавіе: idiotica. Но я еще не знаю ни одного труда, который по справедливости могъ бы такъ называться: немногое, что въ нихъ есть вполнѣ особеннаго, бываетъ всегда перемѣшано съ словами, употребляемыми и въ другихъ мѣстностяхъ. Я старался включить въ свой словарь весь нижне-нѣмецкій языкъ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляется у насъ въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, не разбирая, что̀ въ немъ есть согласнаго или несогласнаго съ языкомъ нашихъ сосѣдей. Наши идіотизмы легко замѣтитъ всякій, кто въ нихъ имѣетъ надобность; а что употребительно въ другихъ мѣстахъ, намъ же чуждо, того и искать здѣсь не слѣдуетъ».

Въ 1800 г. Шютце сталъ издавать въ Гамбургѣ голштин-

*) J. K. Dähnert. Platt-Deutsches Wb. nach der alten u. neuen Pommerschen u. Rugischen Mundart. Stralsund

скій «Idiotikon»*) или, какъ онъ прибавляетъ въ заглавіи, матеріалы къ исторіи народныхъ правовъ. Заглавіе это въ самомъ дѣлѣ оправдывается множествомъ помѣщенныхъ въ словарѣ поговорокъ, пословицъ, народныхъ стиховъ и объясненій обычаевъ, нравовъ, игръ и праздниковъ голштинскихъ. Такой важный трудъ долженъ былъ получить довольно обширный объемъ и составилъ постепенно четыре тома. Авторъ въ своемъ вступленіи самъ говоритъ, что «въ этомъ дѣлѣ никто прежде него не поставлялъ себѣ цѣли такъ серьезно», хотя и увѣренъ, что «послѣ него многіе конечно будутъ ставить ее столь же серьезно и еще лучше».

«Виландъ говоритъ: ««Духъ націи всего живѣе отражается въ ея языкѣ: эта лучшая ея характеристика. Французскому можно позавидовать въ томъ, что онъ такъ богатъ подслащающими и прикрывающими оборотами, которые приходятъ на помощь страждущему тщеславію и набрасываютъ легкую тѣнь на предметы, для которыхъ полный свѣтъ былъ бы неблагопріятенъ»». Нижненѣмецкій языкъ поступаетъ совершенно наоборотъ. Онъ не прикрываетъ, но подслащаетъ, а обыкновенно называетъ всякую вещь настоящимъ ея именемъ. Должно ли это уменьшать для насъ цѣну его? Чтобы глубже проникнуть въ оригинальный характеръ этого языка (говорю это для тѣхъ, которые меня спрашивали: зачѣмъ я мараю себя обращеніемъ съ такимъ грязнымъ языкомъ), я старался различать и разработывать двоякій голштинскій языкъ. Одинъ называется простонароднымъ, потому что на немъ говоритъ низшее сословіе, стараясь по своему украшать и обогащать его. Другой употребляетъ образованное городское общество въ дружескихъ сношеніяхъ, конечно съ приличіемъ, но къ сожалѣнію не съ надлежащею правильностію и чистотою. Чтобы яснѣе показать духъ народа въ языкѣ его, я не хотѣлъ стѣснять правъ ни той, ни другой рѣчи и не могъ уступить убѣжденіямъ тѣхъ, которые умильно просили меня обращаться съ ребенкомъ опрятно и особенно

*) J. F. Schutze Holsteinsches Idiotikon (1800—1806)

соблюдать строгую разборчивость при сообщеніи народныхъ поговорокъ, присловій и пѣсенъ, потому-де, что нѣкоторыя изъ нихъ какъ ни остроумны, но могутъ оскорбить чувство читателя. Однакожъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, богатство и грязь въ физическомъ и въ нравственномъ быту человѣка бываютъ въ тѣсной связи между собой, и большая часть простонародныхъ реченій и оборотовъ именно и составляетъ богатство голштинскаго нарѣчія, то я долженъ былъ послѣдовать мнѣнію, которое со мной раздѣляютъ многіе достойные и свѣдущіе сотрудники мои, признавшіе такую осторожность и чопорность неумѣстными. Sit venia linguae! naturalia non sunt turpia! Для чистыхъ все чисто! Этого, надѣюсь, достаточно въ оправданіе богатства и непринужденности языка, который въ этомъ отношеніи конечно совершенно противоположенъ французскому».

Составитель геннебергскаго идіотикона*) въ предисловіи ко 2-й части этого сборника такъ выражаетъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ имъ въ руководство:

«Я уже въ 1-й части замѣтилъ, что слишкомъ мѣстные идіотизмы подозрительны, хотя бы они были придуманы фамиліями, имѣющими большой вѣсъ, и распространялись ихъ приверженцами. Напротивъ, такіе, которые слышатся во многихъ областяхъ— если притомъ они германскаго происхожденія — посятъ на себѣ отпечатокъ истинной національности и прививаются къ языку. Но если они—мѣстные въ томъ смыслѣ, что указываютъ на какую-нибудь географическую или историческую черту края, то они драгоцѣнны для науки, какъ памятники и свидѣтельства. — Еще я долженъ оправдаться въ томъ, что привелъ нѣкоторыя дѣтскія слова, особенно же такія, которыми кличутъ животныхъ. Пусть они до времени остаются на своемъ мѣстѣ: можетъ быть, между ними есть первобытныя названія, восходящія далеко за начало нашего лѣтосчисленія, какъ напримѣръ Ate (у Ульфилы Atta)

*) W. F Hm Reinwald Hennebergisches Idiotikon, mit etymol. Anmerkg 2 Thle. Berl. u. Stettin. 1793. 1801

отецъ, husj и wiberle, употребляемыя для скликанія гусей и изъ которыхъ первое — славянское, а другое — нѣмецкое слово. Напротивъ того, я исключилъ съ намѣреніемъ множество ругательныхъ словъ и синонимы выраженій, означающихъ побои».

Въ «Опытѣ швейцарскаго идіотикона*), перемѣшаннаго этимологическими замѣчаніями» (1812, ч. I, предисловіе), находимъ слѣдующія интересныя для насъ поясненія:

«Пусть швейцарскій идіотиконъ выставляетъ наружу разные грамматическіе грѣхи, разныя варварскія отступленія отъ чистоты языка: тѣмъ не менѣе нѣмецкіе филологи найдутъ здѣсь богатую сокровищницу годныхъ словъ для означенія понятій, не имѣющихъ въ общеупотребительномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій; они найдутъ здѣсь чисто-нѣмецкія реченія въ почтенной прадѣдовской одеждѣ, затерянные корни, кроющіеся въ вѣковыхъ родникахъ языка, и особенно обиліе звукоподражательныхъ словъ.

«Подъ швейцарскимъ идіотизмомъ я разумѣю: а) всякое въ народномъ языкѣ еще теперь живущее слово, которое въ языкѣ письменномъ или вовсе не находится, или и есть, но не въ полной силѣ, и б) всякое даже въ общемъ нѣмецкомъ языкѣ принятое слово, какъ скоро оно имѣетъ значеніе, которое въ письменномъ языкѣ либо не было извѣстно, либо затерялось.

«Поэтому мною выпущены: а) всѣ въ мѣстномъ нарѣчіи только искаженныя или испорченныя слова письменной рѣчи, а равно незначительныя отъ нѣмецкаго языка отступленія, напр. Ambeis, Ambeiski вм. Ameise, Birre вм. Birne и т. п.; б) простыя междометія или и членораздѣльные звуки, выражающіе чувство, такъ какъ они почти одинаковы, и в) сокращеніе крестныхъ именъ, употребительныя въ просторѣчіи, напримѣръ Elsi вм. Elisabeth.

«То, что я кое-гдѣ отмѣчалъ о происхожденіи словъ, считалъ я дѣломъ второстепеннымъ, и желаю, чтобы критики такъ же

*) Fr. Jos. Stalder. Versuch eines Schweizerischen Idiotikons mit etymol. Bemerkungen untermischt. 2 Bde Aarau

смотрѣли на эти отрывочныя замѣчанія. Никогда бы я не рѣшился предпринять опытъ обще-швейцарскаго идіотикона, еслибъ долженъ былъ присоединить къ нему этимологическій глоссарій или какъ безсмертный Лейбницъ удачно переводитъ это иностранное выраженіе, — ключъ языка (eine Sprachquelle)».

Употребляемыя въ Баваріи нарѣчія (Mundarten) разсмотрѣны грамматически незабвеннымъ Шмеллеромъ *), умершимъ въ 1852 году. Вотъ какъ онъ между прочимъ разсуждаетъ:

«Излишне было бы распространяться о важности подобныхъ изслѣдованій и о значеніи народныхъ нарѣчій. Мыслящимъ любителямъ языкознанія я бы ничего новаго не могъ сказать. Тѣхъ же, которые привыкли считать слово и духовную жизнь девяти десятыхъ народа за ничто въ сравненіи съ тѣми же проявленіями остальной десятой части его, трудно было бы убѣдить, что свойственный массѣ народа языкъ, переходящій изъ рода въ родъ съ своими измѣненіями, есть фактъ, въ которомъ болѣе нежели въ чемъ-либо другомъ выражается какъ духовная, такъ и физическая жизнь и дѣятельность народа во времени, и что поэтому такіе факты столько же заслуживаютъ быть передаваемы грядущимъ поколѣніямъ для сравненія и поученія, сколько многіе другіе, составляющіе обычный предметъ такъ называемой политической исторіи.

«Для меня народныя нарѣчія передъ письменнымъ языкомъ то же, что богатый рудникъ передъ запасомъ добытаго уже и очищеннаго металла или нетронутый тысячелѣтній лѣсъ передъ такою частью его, которая обращена въ рощу. Если на явленія мѣстныхъ нарѣчій обыкновенно смотрятъ такъ, какъ простолюдинъ Италіи или Греціи смотритъ на окружающіе его повсюду обломки и развалины зданій, т. е. съ жалкою мыслью, какъ бы убрать ихъ или пожалуй употребить съ пользою: то они могутъ разсматриваться и иначе, именно съ тѣмъ чувствомъ благоговѣ-

*) J. And Schmeller. Die Mundarten Bayerns grammatisch dargestellt etc. Munchen, 1821

нія, какое пробуждаютъ остатки сѣдой старины, — разумѣется въ томъ, кто понимаетъ ихъ значеніе. Признаюсь, что нѣчто подобное внушило мнѣ любовь къ этому роду изслѣдованій и терпѣніе, безъ котораго они невозможны».

Тотъ же Шмеллеръ позднѣе (1827 — 1837) издалъ Баварскій словарь *). Изъ предисловія къ этой превосходной книгѣ выпишу лишь нѣсколько строкъ, многозначительныхъ для сужденія объ однородномъ трудѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

«Сборниковъ такого рода никогда нельзя считать конченными; для нихъ много уже сдѣлано, когда имъ положено начало и дѣлается все возможное, когда работа хоть сколько-нибудь продолжается». Передъ этимъ авторъ говоритъ о несовершенствѣ своего труда и въ подкрѣпленіе такого сознанія предлагаетъ всякому, кто пріобрѣтетъ его книгу, прибавить къ ней нѣсколько бѣлыхъ листовъ и записывать на нихъ всѣ слова, которыя окажутся недостающими или неудовлетворительно занесенными въ словарь, для пополненія и исправленія его при новомъ изданіи. Желаніе это выражаетъ онъ особенно относительно тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ находиться для общаго употребленія въ публичныхъ библіотекахъ, присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ.

Швабскій словарь Шмида (1831)**) снабженъ этимологическими и историческими примѣчаніями. Авторъ, какъ самъ онъ высказываетъ, старался стать въ уровень съ современнымъ состояніемъ филологіи и прибавляетъ, что онъ счелъ бы потерянымъ время, употребленное на этотъ трудъ, еслибъ тутъ не было ничего кромѣ собранія словъ въ алфавитномъ порядкѣ, хотя и тогда,

*) Шмеллеръ, котораго высоко цѣнилъ Яковъ Гриммъ, и послѣ того усердно продолжалъ собирать мѣстныя слова, дополнялъ и исправлялъ свой трудъ. Накопившіеся такимъ образомъ рукописные матеріалы доставили г. Фромману, по смерти Шмеллера, возможность предпринять новое, значительно распространенное изданіе его словаря, которое уже и начало появляться въ 1869 году (Bayrisches Worterbuch).

**) J. Ср Schmid. Schwab. Wb. mit etymol u histor. Anmerkg. (2-е изд. Stuttg. 1849).

конечно — замѣчаетъ онъ — словарь не былъ бы безполезенъ. Здѣсь же кстати привести нѣсколько строкъ изъ книжки, хотя и совсѣмъ другаго рода, но по содержанію близкой къ занимающему насъ вопросу: «Der Oldenburger in Sprache und Sprüchwort»*). Такова особенно первая глава ея: «Языкъ есть народъ», въ которой находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждая особенность языка — состоитъ ли она въ необыкновенномъ выговорѣ или удареніи, открываемъ ли ее у цѣлаго народа или у нѣкоторой части его,— не должна казаться намъ одной случайной, смѣшной привычкой или чѣмъ-либо подобнымъ; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится въ связи съ своеобразною духовною жизнью цѣлаго народа или части его. Случайная особенность, не соотвѣтствуя потребностямъ духа, не могла бы распространиться, или, еслибъ по какой-нибудь модѣ и сдѣлалась до нѣкоторой степени общею, — все-таки была бы вскорѣ оставлена, какъ неловкая и стѣснительная».

Авторъ нижненѣмецкаго словаря, изданнаго 1858 г. въ Ганноверѣ (см. выше на стр. 156) выставляетъ еще новую научную сторону важности подобныхъ трудовъ. «Въ нихъ», говоритъ онъ, «удовлетворяется не одинъ литературный интересъ... Какъ ни высоко должно цѣнить мѣстныя парѣчія для болѣе глубокаго изученія всего языка,—они имѣютъ еще высшее значеніе для разнообразнѣйшихъ областей исторіи, особенно же для возникающей только въ наше время культурной исторіи. Для разысканія древнихъ племенныхъ отношеній кроется въ народныхъ нарѣчіяхъ богатѣйшій источникъ, и будущій бытописатель при помощи ихъ можетъ проникнуть въ такую эпоху, которая восходитъ далеко за предѣлы письменныхъ памятниковъ».

Сравнивая всѣ эти выписки, мы находимъ, что нѣмецкіе мыслители, которыхъ труды передъ нами, совершенно согласны между собою въ главномъ, т. е. въ общемъ воззрѣніи на языкъ на-

*) Von Dr. J. Goldschmidt. Oldenburg, 1847.

родный, на мѣстныя нарѣчія, какъ на драгоцѣнное и существенное, даже необходимое дополненіе къ языку литературному. Только въ подробностяхъ выполненія задачи мнѣнія лексикографовъ нѣсколько расходятся, и именно тутъ можно отличить два главныя направленія: одни вносятъ въ словарь всѣ безъ изъятія слова мѣстнаго нарѣчія, находя, что только въ массѣ всѣхъ разнообразныхъ явленій языка можно видѣть отраженіе народнаго духа; другіе исключаютъ извѣстные разряды словъ, напримѣръ слова ругательныя, или вообще служащія для выраженія слишкомъ низкихъ понятій, междометія, сокращенныя имена собственныя, звуки, употребляемые для скликанія животныхъ, слова слишкомъ мѣстныя или повидимому недолговѣчныя, также тѣ, которыя въ звукахъ представляютъ только видоизмѣненіе другихъ извѣстныхъ словъ. Сверхъ того одни ограничиваются простымъ объясненіемъ значенія, другіе присоединяютъ къ тому замѣтки о происхожденіи словъ, о мѣстныхъ обычаяхъ, играхъ и пр. Понятно, что такія дополненія могутъ придать словарю много интереса и достоинства; но отсутствіе ихъ не отнимаетъ цѣны у такого труда, въ основаніе котораго положенъ менѣе сложный планъ. А что касается до опущенія разнаго рода словъ, то также ясно, что оно требуетъ большой осторожности, потому что, отбрасывая повидимому только лишнее, легко наложить руку и на такія слова, которыя имѣли бы свою относительную, а иногда и безусловную важность для полноты соображеній изслѣдователя. По этому предмету приведу мнѣніе современнаго скандинавскаго филолога Осена (Aasen), выраженное имъ въ замѣчательномъ словарѣ народнаго норвежскаго языка*). Разсуждая объ исключеніи словъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ, онъ такъ оговаривается:

«Однакожъ часто случается, что слово, которое такимъ образомъ кажется неважнымъ по значенію, бываетъ важно по формѣ, когда имъ поясняется какой-нибудь переходъ въ языкѣ или цѣ-

*) Ordbog over det norske Folkesprog, af Ivar Aasen Kristiania, 1850.

лое семейство словъ. Поэтому надо быть осмотрительнымъ въ такихъ опущеніяхъ: въ отвергнутомъ словѣ можетъ впослѣдствіи оказаться польза, какой въ немъ сперва не подозрѣвали. Въ началѣ моего труда я былъ очень склоненъ къ исключенію подобныхъ словъ, опасаясь, что ихъ наберется слишкомъ большое множество и что они повредятъ достоинству языка. Но по мѣрѣ того, какъ мнѣ становилось яснымъ, что многія слова этого рода имѣютъ глубокое основаніе въ законахъ языка и находятся въ связи съ истинно-древними формами, я все менѣе и менѣе брезгалъ излишними на первый взглядъ словами; итакъ они у меня включены, но съ возможною краткостью въ объясненіяхъ, отчасти съ одною ссылкою на другое болѣе извѣстное слово того же значенія».

Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія европейской науки на предпріятіе 2-го Отдѣленіи Академіи Наукъ собрать всѣ областныя слова великорусскаго языка; слѣдовательно вопросъ только въ томъ, какъ это предпріятіе выполнено? Опытъ Областнаго Словаря былъ изданъ до моего поступленія въ Академію; я не принадлежалъ къ ней и тогда, когда уже приготовлялись Дополненія къ Опыту: итакъ могу говорить объ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастно. При обширности съ одной стороны плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, а съ другой — непомѣрнаго пространства, въ предѣлахъ котораго они живутъ въ устахъ народа, Отдѣленію предлежалъ трудъ огромный, возможный только при тѣхъ способахъ, какіе предоставлены были Академіи содѣйствіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изъ напечатаннаго при Словарѣ указанія источниковъ видно, какое множество лицъ, по большей части училищнаго вѣдомства, занималось на мѣстахъ собираніемъ реченій и слѣдовательно приготовленіемъ матеріаловъ для задуманнаго изданія. При всемъ томъ эти матеріалы не могли быть полны, и Отдѣленіе, какъ показываетъ помѣщенное передъ Словаремъ предисловіе, само ясно сознавало ихъ недостаточность. Но какимъ правиламъ Отдѣленіе

слѣдовало въ подробностяхъ труда своего, объ этомъ, къ сожалѣнію, оно не сочло нужнымъ распространяться. Изъ его предисловія мы узнаемъ только слѣдующее относительно состава Словаря: «Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частію вѣрно сохранившіяся, частію измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились въ слѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа. Издаваемый Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія». — Но употреблены ли въ дѣло всѣ безъ изъятія слова, доставленныя въ Отдѣленіе, или оно пользовалось ими съ нѣкоторыми ограниченіями, и вообще, какими соображеніями оно руководствовалось, поступая такъ, а не иначе, все это вопросы, которые въ предисловіи не разрѣшаются. Впрочемъ многое объясняетъ намъ самый текстъ Словаря. Каждое слово обозначается въ немъ троякимъ образомъ, т. е. мы узнаемъ: 1) его удареніе, 2) его значеніе, нерѣдко подкрѣпляемое фразами, 3) губерніи и иногда уѣзды, гдѣ слово подслушано собирателями. Изъ этихъ трехъ указаній наименѣе удовлетворяетъ насъ послѣднее: намъ важно знать не то, гдѣ слово случайно, такъ сказать, уловлено, а далеко ли употребленіе его распространяется. Конечно, на первый случай необходимо и то неполное указаніе мѣстностей, какое намъ даетъ Словарь, но на это указаніе надобно смотрѣть только какъ на матеріалъ для болѣе точныхъ и полныхъ по этому предмету свѣдѣній впослѣдствіи. Покуда мы можемъ только, по характеру, образо-

ванію или происхожденію слова, догадываться о степени обширности его географическихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи слова, входящія въ составъ Словаря, раздѣляются повидимому на 3 категоріи: 1) слова, принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ — слова областныя; 2) слова, употребляемыя великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству Россіи — слова народныя, и 3) слова, нечуждыя даже и языку образованныхъ сословій Великороссіянъ — слова общеупотребительныя. Словъ этого послѣдняго разряда въ лексиконѣ конечно немного и Отдѣленіе вносило ихъ, въ видѣ исключенія, только въ такомъ случаѣ, когда они опущены въ академическомъ Словарѣ общеупотребительнаго языка, или хотя и находятся въ немъ, но не во всѣхъ своихъ значеніяхъ объяснены. Поступая такъ, Отдѣленіе безъ сомнѣнія побуждалось тѣмъ соображеніемъ, что всѣ его лексическіе труды составляютъ какъ бы одно цѣлое и должны пополнять другъ друга. Этотъ взглядъ оправдывается практическою его пользою при употребленіи лексикографическихъ изданій Академіи. Сказанное мною до сихъ поръ о разсматриваемомъ Словарѣ приводитъ къ заключенію, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, и именно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, это въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка или, еще вѣрнѣе, — въ совокупности, народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Великороссіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ*), и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Во вторыхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе представляетъ не болѣе какъ *матеріалы* для полнаго словаря такого рода.

Но эти матеріалы такъ драгоцѣнны, что изданіе ихъ всегда

*) Та же мысль высказана г Далемъ въ статьѣ, еще неизвѣстной мнѣ въ то время, когда я писалъ эти строки. См. выше, стр. 27 и 28.

будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка и одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Такое значеніе Опыта Областнаго Словаря, какъ перваго начинанія въ дѣлѣ, которое должно имѣть обширное развитіе въ будущемъ, — кажется, налагало на Отдѣленіе обязанность сообщить собранные имъ матеріалы во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ виду разнообразнаго примѣненія, какое такой словарь можетъ имѣть при всякихъ разысканіяхъ надъ языкомъ, еще весьма недостаточно изслѣдованнымъ, не должно было пренебрегать никакимъ словомъ, никакимъ измѣненіемъ звуковъ или ударенія въ словахъ уже извѣстныхъ, ничѣмъ, что можетъ послужить сколько-нибудь полезнымъ указаніемъ наблюдателю, желающему изучить современный намъ языкъ во всѣхъ его явленіяхъ. Повидимому Отдѣленіе такъ и поступило. Если при этомъ въ словарь вошли кое-какія невѣрности или излишества, то съ ними легче примириться, нежели съ невознаградимыми пропусками и недомолвками, которыя были бы неизбѣжны при большей заботливости объ очищеніи словаря отъ словъ сомнительныхъ. Слова, которыя впослѣдствіи окажутся невѣрно записанными или излишними, легко могутъ быть исправлены, или отброшены: для пріобрѣтенія болѣе дѣятельной помощи въ этомъ отношеніи, а также для постояннаго пополненія словаря, надлежало, кажется, разослать экземпляры его ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ получаемы были матеріалы, — съ просьбою заняться просмотромъ словъ, относящихся къ мѣстности, гдѣ живетъ каждый изъ этихъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря уже и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ трудъ чрезвычайно полезный для изученія русскаго языка и народа. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при Словарѣ*), объ этой пользѣ говорится съ замѣчательною сдержанностью и даже какъ будто безъ полнаго сознанія всей важности труда. Еслибъ нужно

*) Оно было составлено покойнымъ И. И. Давыдовымъ

было точнѣе опредѣлить услуги, обѣщаемыя подобнымъ словаремъ, то можно бы обозначить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ общеупотребительномъ языкѣ часто слышится прилагательное *безалаберный*, но нѣтъ слова, отъ котораго можно бы произвести его; въ нашемъ Областномъ Словарѣ находимъ существительное *алаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи.

Въ общеупотребительномъ языкѣ не видимъ, откуда взялось имя *оскомина*; въ народномъ же открываемъ глаголы *скомить* — имѣть боль въ какой-либо части тѣла — и *скомлѣть* — страдать отъ болѣзни: лошадь скоми́тъ на заднюю ногу, онъ что-то скоми́тъ лѣвой рукой.

Извѣстный глаголъ *угомонить* объясняется областнымъ словомъ *гомонъ* — громкій говоръ, шумъ въ толпѣ людей, крикъ. Въ томъ же смыслѣ слышится мѣстами *гомъ* или *гомь*, — а это — то же самое, что болѣе употребительное слово *гамъ*, отъ котораго въ народномъ языкѣ произведены еще глаголы: *гамить*, *гамѣть* и *гамять*. Переходъ отъ значенія имени *гомонъ* къ значенію общеупотребительнаго глагола *угомонить* объясняется намъ областнымъ безпредложнымъ *гомонить* въ смыслѣ говорить потихоньку, дружески: что вамъ за дѣло? мы гомонимъ про себя, а не про другихъ.

Первоначальное значеніе глагола *страдать* — работать — является еще очевиднѣе въ областномъ языкѣ, нежели въ извѣстныхъ словахъ: *страда* и *страдная* работа. Въ Арх. губ. говорятъ: сей годъ мы рано *пострадали*, вмѣсто: рано кончили работы. Тамъ же имя *страда́ль* означаетъ работника въ полѣ, и такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ намъ старинное употребленіе слова *страдалецъ* въ смыслѣ подвижника.

Мы знаемъ слово *опоекъ* только въ значеніи выдѣланной телячьей кожи, но Областной Словарь знакомитъ насъ съ настоя-

щимъ, кореннымъ значеніемъ этого имени — теленокъ (опивающійся молокомъ). Въ Вятской губерніи, гдѣ оно замѣчено, говорятъ *опойчина* вмѣсто телятина.

Въ сѣверной же Россіи сохранилось древнее значеніе имени *стогъ*, т. е. куча вообще, тогда какъ до сихъ поръ это слово было извѣстно намъ только въ своемъ частномъ примѣненіи къ означенію кучи сѣна. Подтвержденіе того, что имя *стогъ* первоначально означало вообще кучу, представляютъ намъ языки германскіе въ своихъ подобозвучн. именахъ stock (нѣм.), stack (шв.) и пр.

Происхожденіе имени *рычагъ* ясно видно изъ областной болѣе чистой его формы *ручагъ* (отъ руки). Есть языки, въ которыхъ понятіе рычага выражается не иначе какъ сложнымъ существительнымъ, первою частію котораго служитъ именно слово *рука*.

Въ акад. Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слово *тло* объяснено такъ: «то же, что *тлѣнъ*; употребляется только въ выраженіи: до тла. Пожаръ истребилъ мой домъ до тла». Это же слово встрѣчаемъ въ Опытѣ Областнаго Словаря съ такимъ объясненіемъ: «Дно въ ульѣ». Дальнѣйшія изслѣдованія, къ которымъ это указаніе приводитъ насъ, при помощи другихъ славянскихъ нарѣчій, убѣждаютъ, что *тло* не имѣетъ ничего общаго съ *тлѣномъ*, а значитъ и въ приведенномъ выраженіи: *дно, земля*: домъ сгорѣлъ до тла, значитъ — до самаго основанія, до поверхности земли *).

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, чтобы доказать, какое обильное средство для полнѣйшаго пониманія общеупотребительнаго языка представляютъ слова областныя.

2) Посредствомъ областныхъ словъ объясняются также многія имена собственныя, которыя вслѣдствіе того иногда оказываются нарицательными или по крайней мѣрѣ имѣющими корень въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень*, *Ряса*, *Соловки* откры-

*) Ср. выше стр. 38.

вается опредѣленное значеніе: *ильмень* есть озеро, поросшее камышемъ; *ряса*, названіе многихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи, означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (то же, что Нева, по-фински newo). Слова *соловки* собственно нѣтъ въ Областномъ Словарѣ, но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобозначащее *соловцы* — бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? Любопытно также объясненіе именъ *Кострома*, *Калуга*.

3) Областныя русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Такъ для выраженія понятія *кусокъ* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слово, котораго корень встрѣчается во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ, но которое у насъ въ литературномъ нарѣчіи неизвѣстно. Это слово — *ковáлокъ*, находящееся и въ польскомъ языкѣ (kawał, kawałek); — въ исландск. kafli, въ финск. kappale. Подобныя наблюденія иногда могутъ вести къ интереснымъ результатамъ.

4) Областныя нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, что слово *навье*, которое недавно еще извѣстно было только изъ остатковъ древняго языка, живетъ и нынѣ въ устахъ народа въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ: «навье — мертвецъ (Орл.); навій — относящійся къ мертвецу (Кур., Тул.)». Сравненіе же съ чеш. nawiti (утомлять) приводитъ насъ къ заключенію, что эти слова въ этимологическомъ сродствѣ съ нашими *ныть*, *унывать* (слава, слыть). Слова *туга* (то-

ска) и *буесть* (отвага), вслѣдствіе появленія Областнаго Словаря, должны быть также исключены изъ числа обветшалыхъ, и даже прозваніе перваго великаго князя Московскаго — *калита* употребляется до сихъ поръ, какъ нарицательное имя, въ разныхъ губерніяхъ.

5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. Такъ по значенію, въ которомъ мѣстами употребляется слово *сланецъ* (мелкій кустарникъ, стелющійся по землѣ), становится очевиднымъ, что собственно это слово, извѣстное у насъ въ другомъ смыслѣ, должно писаться *стланецъ* (вмѣсто *постлать* такимъ же образомъ слышится *послать*). А по аналогіи можемъ предположить, что слова *слой* и *слюда* того же происхожденія и по настоящему также должны бы имѣть форму: *стлой*, *стлюда* (слюда состоитъ изъ тончайшихъ пластинокъ или слоевъ).

6) Находимыя въ Областномъ Словарѣ ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи русскаго языка.

7) Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ не достаетъ соотвѣтствующихъ словъ. Въ примѣръ подобныхъ случаевъ приведу два слова, означающія довольно обыкновенныя естественныя явленія: *подина* — ледъ, находящійся въ землѣ и тающій поздѣе прочаго, — и *временить* или *времениться* — измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: острова временятъ. Такихъ, не только не излишнихъ, но и необходимыхъ новыхъ реченій для понятій всякаго рода можно отыскать въ Областномъ Словарѣ очень много.

8) Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія правовъ и обычаевъ народа.

Наконецъ, чтобъ однимъ словомъ опредѣлить всю важность Опыта Областнаго Словаря, не смотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное.

КЪ СООБРАЖЕНІЮ

БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I. ШВЕДСКІЙ АКАДЕМИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ*).

(ЗАПИСКА НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМІИ).

Множество начатыхъ, но неконченныхъ словарей, говоритъ одинъ стокгольмскій журналъ по поводу этой записки, уже доказываетъ, какія усилія дѣлаемы были въ Швеціи для составленія сколько-нибудь полнаго лексикона; это еще болѣе подтверждаютъ старанія ученыхъ обществъ съ давнихъ временъ: особенно эпоха Густава III отличалась усердіемъ къ разработкѣ роднаго языка. Тѣмъ не менѣе ея стремленія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ всѣ извѣстные доселѣ шведскіе словари сравнительно не полны. Еще не успѣли собрать той богатой жатвы

*) Шведская Академія, основанная въ 1786 году, слѣдовательно только тремя годами позже Россійской, до сихъ поръ еще не кончила давно предпринятаго ею словаря и тѣмъ вновь доказала, что напрасно, для достиженія окончательнаго совершенства, отлагать выполненіе труда, который и въ менѣе безукоризненномъ видѣ могъ бы удовлетворить первымъ потребностямъ и послужить побужденіемъ къ дальнѣйшей разработкѣ предмета Печатаемая здѣсь записка была составлена около 1860 года бывшимъ непремѣннымъ секретаремъ Шведской Академіи, недавно умершимъ барономъ Бесковомъ, извѣстнымъ въ шведской литературѣ прекрасными сочиненіями въ разныхъ родахъ. Предлагаю ее въ сокращенномъ переводѣ.

словъ, какую могутъ доставить разнообразныя областныя нарѣчія. Объ этомъ давно уже помышляли, и Ире въ свое время много сдѣлалъ по этому предмету, но вѣроятно еще болѣе остается сдѣлать. Еще въ 1720-хъ годахъ Линдестольпе говорилъ: «Очень желательно было бы, чтобъ заботливое правительство избрало ученыхъ и толковыхъ людей, въ провинціяхъ, изъ судей, пасторовъ, бургомистровъ и др., — которые бы записывали всѣ добрыя старинныя слова, еще понынѣ употребительныя въ простомъ народѣ, и идіотизмы, господствующіе въ каждой мѣстности, а также, чтобы изъ древнихъ сагъ, хроникъ и уложеній собирали годныя къ употребленію слова: послѣ чего можно бы учредить académie suédoise (по примѣру парижской) для разсмотрѣнія отысканныхъ словъ». Однакожъ это патріотическое и благоразумное предположеніе, въ которомъ выразилась первая мысль о Шведской Академіи, долго оставалось безъ исполненія. Словарей послѣ того издано не мало, но между ними нѣтъ ни одного вполнѣ удовлетворительнаго.

Большія — чтобъ не сказать непреодолимыя трудности — такъ начинаетъ Бесковъ — сопряжены съ работой, которая, болѣе всякой другой требуя единства, поручается обществу, не только состоящему изъ членовъ съ различными и часто даже противоположными взглядами, но періодически измѣняющемуся въ своемъ составѣ. Эти трудности не могли укрыться отъ вниманія членовъ, съ которыми учредитель академіи король Густавъ III совѣщался о задачѣ составленія словаря. Въ соображенія ихъ входило между прочимъ то обстоятельство, что члены Шведской Академіи не живутъ, подобно французскимъ академикамъ, почти всѣ въ столицѣ, а разсѣяны по всему краю, такъ что вопросы по составленію словаря, даже различныя мнѣнія о правописаніи или значеніи словъ должны бы разсматриваться не иначе какъ перепискою. Далѣе было приводимо, что число членовъ Шведской Академіи, 18, не равняется и половинѣ состава французскаго учрежденія, которое, несмотря на то, употребило 60 лѣтъ на приготовленіе перваго изданія своего словаря; почему и можно бы

ожидать, что на шведскій потребуется вдвое болѣе времени (!); — что при Французской Академіи находился для этой работы получавшій особое жалованье словарный комитетъ, члены котораго исключительно занимались своимъ порученіемъ, тогда какъ члены Шведской Академіи почти всѣ либо несутъ разныя должности по службѣ гражданской, духовной или учебной, либо живутъ частнымъ литературнымъ трудомъ и потому могутъ посвящать академической дѣятельности не многіе только часы; — что Французская Академія въ дѣлѣ лексикографіи имѣла нѣсколько счастливыхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ Шведская на предстоящемъ ей поприщѣ не можетъ воспользоваться чужими приготовительными работами; — что въ Швеціи тогда не было какого-нибудь лексикографическаго генія, который подобно Джонсону или Аделунгу могъ бы взять на себя главное наблюденіе за такимъ трудомъ, и что къ сожалѣнію превосходные лексикографы вообще рѣдки во всякой литературѣ; — что поэты и ораторы, составляющіе двѣ трети всего числа членовъ Шведской Академіи, менѣе всѣхъ годны для работы, въ которой много механическаго, и болѣе способны создавать и обогащать языкъ нежели собирать и распредѣлять входящія въ составъ его реченія. На остальную же треть членовъ, какъ любителей словесности, равнымъ образомъ нельзя разсчитывать для такой задачи; — что въ члены поступаютъ люди по большей части уже пожилые, дѣятельность которыхъ или уже вполнѣ опредѣлилась, или закончена совершенно (изъ числа первыхъ академиковъ четверымъ было болѣе 70 лѣтъ, другимъ около 50 и 60), когда уже невозможно ожидать новыхъ, не испытанныхъ прежде утомительныхъ трудовъ; — что наконецъ языкъ, которымъ учредитель справедливо восхищался, языкъ, пріобрѣтавшій тогда новый блескъ подъ перомъ писателей Густавова вѣка, еще продолжалъ развиваться, — замѣчаніе тѣмъ болѣе основательное, что многіе изъ лучшихъ произведеній этихъ талантовъ тогда или еще не были написаны, или по крайней мѣрѣ оставались неизвѣстными публикѣ. Можно сказать, что языкъ, на который король смотрѣлъ какъ на основу

предположеннаго словаря, еще не вполнѣ выработался, когда надо было приступить къ этому труду.

Между тѣмъ, для исполненія воли своего покровителя, окружавшіе его писатели тотчасъ занялись существенными вопросами по составленію лексикона. Вскорѣ совѣщанія коснулись спорнаго пункта, предмета, о которомъ и теперь, по прошествіи почти 70-ти лѣтъ, мнѣнія еще не вполнѣ согласились, и по которому между лексикографами конечно всегда будетъ разномысліе, — именно вопроса о томъ, какъ поступать съ вошедшими въ языкъ иностранными словами. Встрѣтилось разногласіе и по другимъ предметамъ. Черезъ нѣсколько времени Густавъ III скончался; избраніе одного новаго члена, не понравившагося правительству, послужило поводомъ къ тому, что Академіи приказано было пріостановить свои занятія.

По возобновленіи ихъ чрезъ два года, Шведская Академія признала нужнымъ прежде всего опредѣлить начала правописанія. Она издала по этому предмету сочиненіе, стоившее ей многолѣтнихъ соображеній; трудность рѣшенія этой задачи оцѣнитъ всякій, кто знаетъ, что для образованнаго языка правила не могутъ быть составляемы произвольно, но должны быть результатомъ вѣрныхъ наблюденій и совершеннаго пониманія духа языка. Вѣроятно, безъ этого изданія установленіе точныхъ орѳографическихъ законовъ замедлилось бы еще надолго; важность труда Академіи легко понять, сравнивъ разнообразіе и произволъ, господствовавшіе въ правописаніи до появленія его, съ тѣмъ по крайней мѣрѣ относительнымъ единообразіемъ, какое замѣчается у хорошихъ шведскихъ писателей нашего времени. Можетъ быть, вліяніе этого труда было бы еще рѣшительнѣе, еслибъ черезъ нѣсколько лѣтъ не было повелѣно Академіи и другимъ общественнымъ учрежденіямъ снова измѣнить правописаніе и писать иностранныя слова такъ, какъ издавна было принято, вслѣдствіе сего правительственныя мѣста удержали старинное правописаніе, а въ общій обычай вошло предложенное Академіею*). Одна-

*) По старинному способу греческія, французскія и другія иностранныя

кожъ въ новѣйшее время вездѣ стали брать верхъ принятыя Академіею основанія.

Другой важный трудъ, долженствовавшій предшествовать словарю, составляла грамматика, которая поэтому и была издана Академіею вслѣдъ за сочиненіемъ о правописаніи. Французская Академія по истеченіи 200 лѣтъ еще не издала грамматики, — что́ доказываетъ какъ трудно обществу изъ разномыслящихъ дѣятелей согласиться въ основаніяхъ труда, требующаго въ малѣйшихъ частяхъ своихъ единства и послѣдовательности. Въ примѣръ затрудненій, всегда встрѣчающихся при совокупной работѣ многихъ, можно бы еще привести датское ученое общество, которое въ цѣлое столѣтіе не окончило своего словаря, хотя могло пользоваться множествомъ приготовительныхъ работъ и имѣло въ своемъ распоряженіи, между прочимъ, извѣстнаго лексикографа*).

Еслибъ Шведская Академія была основана — такъ какъ La Crusca и Академія Испанская — главнымъ образомъ для разработки языка, то она могла бы исключительно посвятить себя филологическому труду. Но мы видимъ совершенно противное. Предназначенная съ самаго начала служить литературнымъ судилищемъ, она должна была и въ дѣятельности своей, и въ избраніи своихъ членовъ руководствоваться прежде всего этимъ назначеніемъ. Съ наступленія октября мѣсяца до годовщины своей (5 апрѣля) Академія бываетъ непрерывно занята чтеніемъ и разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ къ соисканію наградъ: число ихъ простирается иногда до 30, 40 и даже 50-ти. Послѣ годичнаго торжества многіе изъ получившихъ преміи, а часто и изъ неудостоенныхъ ими писателей просятъ о сообщеніи имъ замѣчаній Академіи; совѣщанія по этому предмету наполняютъ большую часть засѣданій въ послѣдующіе мѣсяцы; къ чему надобно

слова пишутся у Шведовъ съ точнымъ соблюденіемъ первоначальной ихъ орѳографіи, напр phiosophie, lieutenant, capitaine; Академія же предложила писать: filosofi, lojtnant, kaptén — на основаніи выговора.

*) См. объ этомъ ниже особую замѣтку.

прибавить, что и другіе авторы литературныхъ сочиненій или словарей, грамматикъ, разсужденій о правописаніи и т. п. просятъ отзывовъ Академіи о своихъ трудахъ: слѣдовательно и ихъ необходимо подвергать разбору и составлять о нихъ письменныя мнѣнія. Затѣмъ на болѣе постоянныя занятія по словарю только и можетъ быть употреблено остальное время до 1-го іюня, когда начинаются академическія вакаціи*). Но само собою разумѣется, какъ медленно такой обширный трудъ долженъ подвигаться при столь ограниченномъ времени и какъ вредятъ успѣху его продолжительныя остановки. Не говорю уже о томъ, что встрѣчающіяся недоумѣнія разсматриваются въ общемъ собраніи и что, такъ какъ въ случаѣ разногласія вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, то окончательный приговоръ зависитъ отъ случайнаго обстоятельства, сколько на лицо членовъ, раздѣляющихъ такое-то мнѣніе. Гораздо благопріятнѣе для строгой послѣдовательности въ частностяхъ было бы, еслибъ работа, какъ во Французской Академіи, исполнялась комитетомъ изъ одномыслящихъ по главнымъ вопросамъ членовъ: только въ такомъ случаѣ и можно бы достигнуть (сколько вообще подобный трудъ допускаетъ это) двойственной цѣли — единства и скорости въ работѣ.

Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія шведскій языкъ обогатился многими реченіями и оборотами, извлеченными изъ Библіи и изъ сагъ, или заимствованными изъ нѣмецкаго языка, какъ прежде слова почерпались изъ французскаго. Составъ Академіи не могъ не подвергнуться измѣненію сообразно съ новымъ литературнымъ направленіемъ. Изъ членовъ, участвовавшихъ въ первыхъ совѣщаніяхъ о словарѣ, почти никого уже не было въ живыхъ. Ихъ замѣнили новыя лица, явились иные образцы краснорѣчія и поэзіи, предѣлы отечественнаго языка раздвинулись, филологическія изслѣдованія проложили себѣ невѣдомыя прежде стези, и потребность въ болѣе обширномъ лексиконѣ сдѣлалась настоятельною.

*) Вакаціи Шведской Академіи продолжаются отъ 1-го іюня до 1-го октября.

Извѣстно, что при составленіи такого пособія для живаго языка есть два исходные пункта: можно либо, по примѣру Французской Академіи, довольствоваться объясненіемъ употребленія словъ посредствомъ придуманныхъ самими составителями примѣровъ, либо, поступая какъ La Crusca, какъ Испанская Академія, какъ Джонсонъ, Ричардсонъ и др., можно, такъ сказать, извлекать словарь изъ классическихъ писателей приведеніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій. Находя, что послѣдній способъ ближе къ настоящей цѣли словаря, Шведская Академія рѣшилась измѣнить свой первоначальный планъ. Вслѣдствіе этого необходимо было просмотрѣть всѣхъ хорошихъ писателей какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, за тотъ періодъ, въ который сложился шведскій языкъ, т. е. отъ короля Густава I и введенной имъ реформаціи до настоящаго времени; при чемъ надлежало выписывать — во 1-хъ, старинныя, теперь забытыя слова, которыя заслуживаютъ быть возстановленными; во 2-хъ, годные и по возможности полные образцы правильнаго употребленія современныхъ словъ, и въ 3-хъ, указанія на исторію языка, которыя можно было получить этимъ путемъ. Ясно, что приготовительныя работы для словаря такого рода требуютъ несравненно болѣе труда и времени, нежели означеніе словъ съ особо составленными для нихъ примѣрами изъ современнаго языка. Сколько извѣстно Академіи, ни для какого шведскаго словаря еще не было изготовляемо такихъ сборниковъ словъ, которые должны заключать въ себѣ какъ бы пересмотръ всего языка за 300 лѣтъ слишкомъ. Такое измѣненіе плана принято окончательно послѣ академическаго торжества 1836 года, и легко понять, что Академія не иначе какъ вслѣдствіе продолжительныхъ разсужденій могла рѣшиться на заключеніе, съ которымъ она не только должна была пожертвовать большею частью прежнихъ приготовительныхъ работъ, но и отказаться отъ болѣе или менѣе близкаго окончанія своего предпріятія. Итакъ приступлено было къ составленію выписокъ изъ произведеній старинной и новой литературы; до сихъ поръ просмотрѣно 400 томовъ и изъ нихъ извлечено до 128.000

образцовъ языка, въ которыхъ множество словъ не вошедшихъ въ изданные доселѣ словари. Такъ какъ пріисканіе примѣровъ для употребленія одного лишь слова въ разныхъ его значеніяхъ иногда требуетъ просмотра нѣсколькихъ писателей, то легко судить сколько времени и труда потребно на эти выписки. Безусловной полноты невозможно ожидать въ первомъ опытѣ подобной работы, особенно въ живомъ языкѣ, котораго составныя части безпрестанно обновляются; это всего убѣдительнѣе доказывается образцовымъ словаремъ La Crusca, 5-е изданіе котораго, вышедшее черезъ 200 лѣтъ послѣ учрежденія этой Академіи, потребовало весьма значительныхъ дополненій и поправокъ.

Между тѣмъ собранныхъ образцовъ оказалось достаточнымъ для приведенія матеріаловъ въ порядокъ, послѣ чего надлежало продолжать отдѣльные сборники для каждой буквы, чтобы по возможности пополнять пропуски. Всякій, кто знакомъ съ подобною работою, можетъ засвидѣтельствовать, что всѣ болѣе замѣчательныя сочиненія надобно перечитывать по нѣскольку разъ (иначе многія частности ускользаютъ отъ вниманія) и что очень часто чтеніе остается безплоднымъ, потому что фразы, заключающія въ себѣ искомое слово, либо оказываются слишкомъ длинными и не могутъ служить примѣрами въ словарѣ, либо, отдѣленныя отъ цѣлаго, не довольно ясны. Случается также, что выписанные образцы излишни оттого, что уже пріисканы другіе примѣры для того же слова, такъ какъ и самая счастливая память при чтеніи разныхъ писателей въ разное время, иногда спустя цѣлый годъ, не можетъ удержать всего записаннаго. Такимъ образомъ, по расположеніи образцовъ въ алфавитномъ порядкѣ, многіе превосходные примѣры приходится отбрасывать, тогда какъ ради словъ, для которыхъ еще не найдено образцовъ, необходимо снова перечитывать тѣ же сочиненія, а для этого требуется напряженіе, на которое не всякій способенъ. Съ другой стороны, посредствомъ приведенія примѣровъ словарь пускаетъ въ оборотъ множество прекрасныхъ мыслей и важныхъ истинъ, выраженныхъ на родномъ языкѣ; образцы же почерпнутые изъ

старинныхъ памятниковъ объясняютъ производство и образованіе словъ, а указаніе ударенія при каждомъ реченіи составляетъ также важное дополненіе къ изученію его.

Всякій, кто сколько-нибудь ознакомился съ литературою словарей и понимаетъ трудность или, вѣрнѣе, невозможность составить совершенно удовлетворительный лексиконъ живаго языка, конечно не можетъ ласкаться надеждою произвести трудъ, который былъ бы исключеніемъ изъ общихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что лексиконъ не имѣетъ, какъ всякій другой ученый или литературный трудъ, своего особаго круга читателей, а находитъ судей на всѣхъ возможныхъ ступеняхъ образованія; то, что одному кажется излишнимъ, другой считаетъ не досказаннымъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ другихъ разногласій въ сужденіяхъ. Еслибы задача была такъ проста, какъ многіе воображаютъ, то безъ сомнѣнія она уже давно была бы рѣшена какимъ-нибудь однимъ литераторомъ, который могъ бы посвятить ей все свое время и всѣ свои силы, и которому при единствѣ и постоянномъ ходѣ работы легче было бы достигнуть цѣли. Еслибы Швеція произвела Джонсона и Аделунга, или еслибъ Ире принадлежалъ нашему времени и Академія не воспользовалась такимъ талантомъ для выполненія порученнаго ей дѣла, то конечно она заслужила бы обвиненія, иногда на нее возводимыя за неизданіе словаря. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы литературный талантъ могъ съ успѣхомъ быть употребленъ на составленіе словаря, и неизбѣжное противорѣчіе между составомъ Академіи, какъ литературнаго общества, и лексикографическою ея задачею, въ высшей степени затрудняетъ замѣщеніе открывающихся въ ней вакансій. Конечно, естественно желать, чтобъ достойнѣйшіе члены ея дѣятельно участвовали въ составленіи лексикона; но этого никакъ нельзя обратить имъ въ непремѣнную обязанность. Она не исполнила бы возложеннаго на нее перваго долга пещись о поэзіи и краснорѣчіи, еслибъ стала требовать, чтобы такіе писатели, какъ напримѣръ: Чельгренъ, Оксеншерна,

Франце́нъ, Валли́нъ, Тегне́ръ, Гейеръ, оставили лиру или каѳе-дру, или отказались отъ трудовъ, украсившихъ отечественную словесность, и на перекоръ своему призванію подвергли бы себя тяжелому труду изъ старыхъ и новыхъ сочиненій откапывать и выписывать слова, разставлять ихъ въ азбучномъ порядкѣ, отмѣчать ихъ грамматическія свойства и т. д.; что́ все конечно достойно уваженія, но для мыслителя и поэта такъ же мало сообразно съ его назначеніемъ, какъ еслибъ зодчаго, создавшаго идею прекраснаго зданія, заставили самого складывать матеріалы для строенія. Всѣ изложенныя трудности достаточно объясняютъ замедленіе, происшедшее въ изготовленіи шведскаго словаря.

Но теперь, когда Академія, не смотря на ограниченныя средства свои, уже приготовила значительную часть своего труда, для него начинается новый періодъ. Приведеніе въ систему образцовъ и списковъ реченій (тѣ и другіе составляютъ уже около трехъ тысячъ листовъ), а также переписываніе ихъ въ алфавитномъ порядкѣ требуютъ особыхъ сотрудниковъ, которые могли бы употребить на это всю свою дѣятельность. Стоитъ только взглянуть на списокъ академиковъ, чтобы убѣдиться, что нынѣ какъ и прежде, согласно съ основаніями учрежденія Академіи, всегда было чрезвычайно мало такихъ членовъ, которымъ посторонніе обязанности или другіе литературные труды не мѣшали бы заняться этимъ дѣломъ, и что сверхъ того эти немногіе по лѣтамъ своимъ уже выслужили право на пенсію, а слѣдовательно и на отдыхъ. Притомъ, такая, почти совершенно механическая работа справедливо покажется многимъ недостойною академика, еслибъ даже время и здоровье не служили къ тому препятствіемъ. Итакъ необходимо прибѣгнуть къ помощи сторонніхъ лицъ. Однакожъ здѣсь нельзя употребить обыкновенныхъ писцовъ: при редакціи каждаго слова надобно наблюдать много мелочей; нужно много внимательности къ каждой части труда, въ которомъ встрѣчаются безпрестанныя ссылки, и малѣйшая неисправность можетъ произвести неясность и замѣшательство; поэтому для окончательной редакціи цѣлой работы нуженъ человѣкъ, который съ лекси-

кографическимъ тактомъ соединялъ бы общее образованіе, особливо если предположить, что для бо́льшаго удобства ему же впослѣдствіи поручено будетъ чтеніе первой корректуры при печатаніи словаря, такъ какъ соблюденіе множества объяснительныхъ знаковъ, сокращеній, особенныхъ шрифтовъ для разныхъ случаевъ подъ каждымъ словомъ и проч. требуетъ нѣкотораго навыка въ лексикографическомъ дѣлѣ. Изъ опыта извѣстно, что такому сотруднику по редакціи нельзя назначить въ вознагражденіе менѣе 600 руб. въ годъ. Помощника ему для переписки словъ и примѣровъ въ алфавитномъ порядкѣ можно найти за 300 руб. Если прибавить 100 руб. на наемъ, по мѣрѣ надобности, переписчиковъ для техническихъ и научныхъ словъ, то составится годовая сумма въ 1000 руб. для приведенія матеріаловъ въ порядокъ передъ окончательною редакціею словаря. Ясно, что еслибъ можно было имѣть болѣе сотрудниковъ, то дѣло пошло бы еще скорѣе. Помянутому комитету Французской Академіи ассигнована была немаловажная сумма. Мы въ основаніе своей смѣты положили самый умѣренный разсчетъ, чтобы хоть сколько-нибудь ускорить работу.

Однакожъ эти сторонніе сотрудники должны будутъ работать подъ надзоромъ особо избранныхъ академиковъ, которые имѣютъ не только продолжать отдѣлку неконченныхъ частей словаря, но и просматривать весь трудъ и заниматься окончательной его редакціей. Уже давно предполагалось составить, по примѣру Французской Академіи, словарный комитетъ; но отъ этой мысли надобно было отказаться, потому что не предвидѣлось возможности доставить членамъ его ни необходимаго при этомъ увольненія отъ другихъ важныхъ обязанностей, ни справедливаго вознагражденія за прекращеніе частной литературной дѣятельности. По настоящему положенію приготовительныхъ работъ конечно желательно было бы, чтобъ образованіе такого комитета состоялось; но издержки, которыхъ оно бы потребовало, не позволяютъ, по крайней мѣрѣ впредь до времени, думать объ осуществленіи этого плана. Между тѣмъ, здѣсь не излишне упомянуть, что Фран-

цузская Академія, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, получаетъ 3000 руб. сер. для своего словарнаго комитета, да сверхъ того почти столько же на уплату стороннимъ сотрудникамъ, на покупку книгъ и проч., всего около 6000 руб. ежегодно, на расходы по этой статьѣ. Такая сумма не покажется слишкомъ значительною, если сообразить, какъ трудно между литераторами, уже избравшими опредѣленный кругъ дѣйствія, найти готовыхъ принять на себя утомительный трудъ составленія словаря. Многолѣтняя опытность достаточно показываетъ, что изъ всѣхъ родовъ авторства, участіе въ этомъ трудѣ, даже и при сравнительно выгодныхъ условіяхъ, привлекаетъ наименѣе дѣятелей. При всемъ томъ теперь представляется уже неизбѣжнымъ назначить опредѣленное жалованье одному члену или и нѣсколькимъ совокупно, съ тѣмъ, чтобы они болѣе дѣятельно участвовали въ трудѣ и наблюдали за работою сторонніхъ помощниковъ. Кажется, на этотъ предметъ надлежало бы назначить по меньшей мѣрѣ 500 руб. въ годъ. Такимъ образомъ итогъ расходовъ на изготовленіе словаря составлялъ бы по 1500 руб. ежегодно.

Желательно было бы, чтобъ Академія могла изъ собственныхъ средствъ покрыть этотъ расходъ. Но это къ сожалѣнію невозможно, потому что доходы ея, особливо въ послѣднія 20 лѣтъ, безпрестанно были уменьшаемы, тогда какъ издержки увеличивались, и то и другое по причинамъ, отъ нея независѣвшимъ. Въ доказательство представимъ краткій обзоръ ея экономическаго положенія.

Первоначально на содержаніе Шведской Академіи ассигновано было изъ государственной казны около 2000 рублей сер.; но мало по малу, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сумма эта уменьшилась почти на цѣлыя двѣ трети. Ежегодныя издержки Академіи на награды и медали за лучшія сочиненія, на изданія ея записокъ, на публичныя собранія, на наемъ квартиры для библіотеки, на жалованье секретарю и другимъ лицамъ, уже равнялись означенной суммѣ, и потому Академія давно была бы вы-

нуждена объявить себя несостоятельною къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, еслибъ учредитель ея не даровалъ ей другаго источника доходовъ, который, хотя и назначался имъ въ частное вспомоществованіе академикамъ, но, составляя ея собственность, могъ быть добровольно употребляемъ ею и на покрытіе издержекъ, необходимыхъ для достиженія предлежавшей ей цѣли. Такимъ источникомъ доходовъ было право располагать газетою, которая въ началѣ пользовалась исключительной привилегіей сообщать политическія извѣстія, распоряженія правительства, и освобождена была отъ взноса на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, вслѣдствіе чего число подписчиковъ въ самое благопріятное время возросло до 7000. Но когда, послѣ извѣстнаго переворота 1809 года, право изданія политическихъ газетъ сдѣлалось общимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространены на нихъ тѣ же льготы, кругъ читателей офиціальной газеты уменьшился въ четыре раза, и изъ выручаемой съ нея суммы уже ничего нельзя было откладывать въ академическую кассу. Въ этихъ обстоятельствахъ тогдашній попечитель Академіи разрѣшилъ отдать эту газету на откупъ за 2500 руб. въ годъ.

Съ помощію этой добавочной суммы и съ пожертвованіемъ тѣхъ денежныхъ пособій, которыми до сихъ поръ пользовались достойнѣйшіе члены Академіи, она могла пополнять недостатокъ въ ассигнованныхъ ей доходахъ. Но для значительныхъ издержекъ, требующихся, какъ выше показано, по изданію словаря, она не имѣетъ средствъ, будучи прежде всего, на основаніи своего устава, литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ для поощренія лучшихъ писателей и поэтовъ, для увѣнчанія преміями превосходнѣйшихъ сочиненій и для сохраненія въ біографіяхъ памяти знаменитыхъ заслугами соотечественниковъ. Она не должна вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что одною изъ цѣлей Густава III при учрежденіи ея было: въ странѣ, гдѣ литературная дѣятельность рѣдко обезпечиваетъ безбѣдное состояніе и гдѣ молодые таланты часто изнемогаютъ подъ бременемъ нищеты или отъ недостатка поощреній, — доставлять вспоможеніе лицамъ, оказав-

шимъ услуги шведской литературѣ, или пещись о дальнѣйшемъ воспитаніи талантливыхъ юношей. Такимъ образомъ Академія способствовала къ тому, что такіе люди, какъ Гюлленборгъ, Чельгренъ, Леопольдъ, Розенстейнъ и другіе, могли въ лучшую пору жизни почти исключительно посвящать себя литературѣ. Послѣ нихъ подобныя пособія производились Валлúну, Францéну, Тегнéру и др., въ такія эпохи ихъ дѣятельности, когда это, хотя и незначительное вспомоществованіе было имъ очень важно. Нѣтъ надобности прибавлять, что такія пособія въ настоящее время столько же или еще болѣе нужны и желательны: всякому любителю литературы извѣстно, что Академія при Густавѣ III и въ послѣдующее время состояла на половину изъ членовъ, которые по своему общественному и экономическому положенію находились въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что могли изъ собственныхъ средствъ производить пенсіи; теперь же большая часть сочленовъ не можетъ обойтись, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ временно, безъ выдаваемыхъ ею пособій. Такъ Академія главнымъ образомъ изъ доходовъ съ офиціальныхъ объявленій въ вѣдомостяхъ доставляла нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей Швеціи пособія, на которыя въ другихъ странахъ ассигнуются значительныя суммы изъ государственной казны. Но Академія, при назначеніи такихъ вспоможеній, не ограничивалась своимъ собственнымъ составомъ, она поддерживала и такіе таланты, которые къ ней не принадлежали, каковы напримѣръ г-жа Ленгренъ, Галленбергъ, Никандеръ, не говоря о другихъ еще живыхъ писателяхъ. Кромѣ того Академія выдавала пособія оставшимся въ бѣдности вдовамъ и семействамъ заслуженныхъ литераторовъ. Наконецъ, Академія имѣла возможность воздвигать памятники нѣкоторымъ изъ поэтовъ Швеціи, напр. Бельману, или по крайней мѣрѣ участвовать въ сооруженіи монументовъ другимъ, какъ-то: Тегнеру, Берцеліусу и Гейеру, или же сохранять черты геніальныхъ писателей въ мраморныхъ изваяніяхъ, выполненныхъ отличнѣйшими художниками Швеціи: всѣ такіе знаки уваженія къ литературнымъ заслугамъ отража-

ютъ на себѣ духъ учредителя; все это долги, уплаченные именемъ отечества, согласно съ волею Густава, чтобы Академія дѣйствовала для «славы и безсмертія», почему и суммы, которыми располагала Академія, конечно были употреблены сообразно съ своимъ назначеніемъ.

Таково, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе записки г. Бескова. Изъ донесенія, впослѣдствіи представленнаго Академіею королю, видно, что во вниманіи къ затрудненіямъ, которыя она встрѣчаетъ въ своемъ предпріятіи, государственные чины, въ 1854 году, ассигновали ей на четыре года дополнительную сумму по 1,200 руб. въ ежегодно. Получивъ такимъ образомъ средства назначить особое вознагражденіе одному изъ членовъ своихъ, который будетъ имѣть возможность постоянно заниматься редакціею словаря, Шведская Академія предложила эту работу профессору Лундскаго университета Гагбергу (Hagberg) и для того испросила ему на первый случай двухлѣтнее увольненіе отъ должности. Отдавая королю отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ по словарю, она указываетъ на число листовъ (2,500), наполненныхъ выписками, и статей (30,000), обработанныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Изъ всего здѣсь сообщеннаго можно заключить, что причины, почему Шведская Академія до сихъ поръ еще не кончила давно начатаго ею словаря, главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Изготовленіе словаря соединенными силами многихъ вообще представляетъ большія затрудненія по недостатку при такомъ условіи единства, необходимаго во всякомъ сложномъ предпріятіи, а особливо въ предпріятіи этого рода.

2) Такая совокупная работа тѣмъ болѣе трудна для Стокгольмской Академіи, что это общество основано преимущественно для поощренія въ Швеціи изящной литературы; — что всѣ члены его обременены другими, болѣе обязательными занятіями

либо по государственной службѣ, либо по литературѣ, которыя доставляютъ имъ средства къ существованію; — что многіе изъ нихъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни охоты къ напряженной дѣятельности; — что между ними нѣтъ человѣка, который, подобно Джонсону или Аделунгу, соединялъ бы въ себѣ всѣ качества для обширнаго лексикографическаго труда, и наконецъ, что шведскіе академики считаютъ ниже своего достоинства нѣкоторыя, отчасти механическія подробности этого труда, которыя, однакожъ, по собственному ихъ сознанію, требуютъ пониманія дѣла и много такта.

3) При такихъ обстоятельствахъ и такомъ взглядѣ на дѣло Шведская Академія прибѣгла къ единственному средству, которое еще могло почетнымъ образомъ вывести ее изъ затрудненія: она передала весь трудъ одному изъ живущихъ внѣ Стокгольма членовъ своихъ, назначивъ особыя денежныя вознагражденія какъ ему, такъ и другимъ стороннимъ сотрудникамъ, которые будутъ въ его распоряженіи для окончательныхъ работъ по редакціи словаря.

Примѣръ Шведской Академіи въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно поучителенъ для всѣхъ ученыхъ обществъ, которымъ предлежитъ рѣшеніе однородной задачи. Вникнувъ во всѣ затрудненія, столь откровенно ею самою сознанныя, нельзя не согласиться, что они въ большей или меньшей степени неизбѣжны для всякой коллегіи, и что если, не смотря на то, задача составленія словаря иногда успѣшно выполнялась академіями, то такое явленіе принадлежитъ къ числу исключеній и было всегда результатомъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Составленіе словаря, какъ и всякій другой обширный и многосложный трудъ, требуетъ со стороны занявшагося имъ воодушевленія, изъ котораго рождается другое столь же рѣдкое и для такого предпріятія необходимое свойство — неистощимое самоотверженіе и терпѣніе. Такое плодотворное воодушевленіе къ дѣлу, для большей части людей вовсе не привлекательному, дается только тому, кто къ этому дѣлу *призванъ*, т. е. соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя для успѣшнаго выпол-

ненія его свойства и надлежащую подготовку. Если и предположить, что эти условія въ равной степени соединяются въ нѣсколькихъ членахъ даннаго общества, то все таки различіе ихъ взглядовъ, началъ и другихъ особенностей составитъ почти неопредѣлимое препятствіе къ единству и равномѣрности совокупнаго труда. Съ другой стороны, самый способъ раздѣленія работы между сотрудниками представляетъ задачу не легкую. Есть два главные рода такого раздѣленія. Можно либо раздать всю работу, на цѣломъ ея протяженіи, по разнороднымъ предметамъ, какъ-то: 1) по собиранію и размѣщенію словъ; 2) по грамматическому ихъ опредѣленію; 3) по объясненію ихъ значеній; 4) по пріисканію къ нимъ примѣровъ и т. д., смотря по принятому плану. Либо можно раздать работу по частямъ внѣшняго ея состава, по буквамъ, съ тѣмъ, чтобы каждый сотрудникъ обработалъ порученныя ему буквы по всѣмъ внутреннимъ отдѣламъ. Сравнивая оба способа, нельзя не убѣдиться, что если первый въ сущности раціональнѣе въ отношеніи къ цѣли единства, то онъ на практикѣ менѣе удобенъ нежели второй, который доставляетъ возможность болѣе скораго и живаго труда, но за то подвергаетъ словарь той опасности, что онъ можетъ состоять изъ частей, не совсѣмъ соразмѣрныхъ между собой по внутреннему содержанію и достоинству. Собственно говоря, если дѣйствительно дорожить условіемъ строгаго единства, то коллективный трудъ надъ словаремъ можетъ быть допущенъ только развѣ въ приготовительныхъ къ нему работахъ, именно въ чтеніи различныхъ писателей или памятниковъ, съ выборкою изъ нихъ словъ и примѣровъ. Окончательная же редакція словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумѣется, при помощи нѣсколькихъ отданныхъ въ его распоряженіе помощниковъ. Еслибъ Шведская Академія въ самомъ началѣ своего предпріятія поступила такъ, какъ она рѣшилась сдѣлать послѣ долговременнаго опыта, то по всей вѣроятности задуманный ею словарь давно бы уже былъ изданъ.

Кончая здѣсь первый отдѣлъ предлагаемыхъ мною соображеній, не могу не упомянуть о трехъ статьяхъ И. И. Срезнев-

скаго, относящихся къ этому же предмету и помѣщенныхъ имъ въ *Извѣстіяхъ* 1854 года подъ общимъ заглавіемъ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей». Эти статьи никакъ не должны быть выпущены изъ виду при настоящемъ вопросѣ. Въ нихъ авторъ сперва разсматриваетъ общія требованія, которымъ въ наше время долженъ удовлетворять словарь отечественнаго языка, а потомъ разбираетъ важнѣйшіе труды этого рода у Французовъ, у Англичанъ и отчасти у Нѣмцевъ, сравнивая главныя начала, которымъ слѣдовали составители. Я съ своей стороны преимущественно обращаю вниманіе на практическую часть составленія словарей, представляю матеріалы къ рѣшенію вопроса, какъ вести дѣло, и разсматриваю ходъ лексикографіи у народовъ, не затронутыхъ или только слегка затронутыхъ И. И. Срезневскимъ. Такимъ образомъ наши труды по этому предмету, сходясь въ общемъ своемъ направленіи, различаются въ точкѣ зрѣнія, съ которой каждый изъ насъ смотритъ на предметъ и необходимо дополняютъ другъ друга въ дѣлѣ, занимающемъ Отдѣленіе.

II. ПРОГРАММА СЛОВАРЯ БРАТЬЕВЪ ГРИММОВЪ,

СОСТАВЛЕННАЯ

ЯКОВОМЪ ГРИММОМЪ *).

Все что мнѣ надо сказать изложу я отъ своего собственнаго имени; когда Вильгельмъ впослѣдствіи возьметъ свое болѣе мягкое перо, ему легко будетъ подтвердить и дополнить мое первое объясненіе. Преданный безпрерывному труду, который привлекаетъ меня тѣмъ сильнѣе чѣмъ болѣе я съ нимъ знакомлюсь, чувствую въ преклонные годы, что надъ нимъ обрываются нити другихъ начатыхъ мною работъ, другихъ книгъ, съ которыми я долго носился и которыя теперь еще держу въ своихъ рукахъ. Какъ снѣгъ, иногда по цѣлымъ днямъ падающій съ неба мелкими, частыми хлопьями и наконецъ непомѣрнымъ слоемъ покрывающій всю окрестность, такъ меня засыпаетъ масса словъ, которыя тѣснятся ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей. Иногда

---

*) Предлагается здѣсь въ извлеченіи изъ Deutsches Worterbuch. Erster Band. Leipzig, 1854. Въ выводахъ предыдущей статьи утвердился я еще болѣе, найдя имъ подкрѣпленіе въ мысляхъ Як. Гримма, развитыхъ имъ во вступленіи къ нѣмецкому его словарю. Вопросъ чрезвычайно важенъ для нашей молодой литературы, и мы при разрѣшеніи его не можемъ не принять въ соображеніе взгляда одного изъ знаменитѣйшихъ Филологовъ нашего времени. Это не значитъ, чтобъ мысли его по этому предмету во всемъ могли служить для насъ непреложнымъ руководствомъ; напротивъ, есть между ними такія, съ которыми трудно согласиться, другія у насъ не примѣнимы; но за всѣмъ тѣмъ въ идеяхъ Я. Гримма остается еще довольно такого, чѣмъ мы можемъ и должны воспользоваться. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ его программы прилагаю особыя примѣчанія

мнѣ хотѣлось бы подняться и разомъ все стряхнуть съ себя, но чрезъ минуту не могу не опомниться. Безразсудно было бы стремиться упорно къ менѣе важнымъ цѣлямъ и упустить высшую.

И если я достигну этой цѣли, значеніе которой кроется болѣе въ самомъ предпринятомъ дѣлѣ нежели въ моихъ способахъ, какая бѣда, что я не пойду по потаеннымъ стезямъ, по которымъ хотѣлъ идти, что будетъ недоставать доказательствъ, которыя привели бы къ тому же результату? Они могли бы присоединиться, но въ нихъ нѣтъ крайней надобности. Я убѣдился, что основа органовъ человѣческаго слова, прирожденныя намъ условія языка подчинены таинственнымъ законамъ, которые естествознаніе вездѣ являетъ намъ неизмѣнными; но въ то же время я понялъ, что въ языкѣ есть еще другой, болѣе теплый и подвижной элементъ отысканія его, усвоенія, перехода изъ рода въ родъ и усовершенствованія, — элементъ, который вводитъ его въ область исторіи и даетъ начало всему великому разнообразію литературы. Отношеніе языка къ естественнымъ звукамъ на безчисленныхъ ступеняхъ должна показать преимущественно грамматика, а изобразить приливъ и отливъ ихъ явленій во времени есть дѣло словаря, для котораго богатѣйшіе сборники запасовъ языка такъ же необходимы, какъ акты для исторіи.

Подобный трудъ тогда только можетъ идти успѣшно, если начало его озарено свыше благодатнымъ созвѣздіемъ. Такое свѣтило стало мнѣ ясно въ двухъ знакахъ, которые обыкновенно далеки другъ отъ друга, но на этотъ разъ сблизились, движимые однимъ и тѣмъ же внутреннимъ побужденіемъ,—въ быстромъ развитіи нѣмецкой филологіи и въ живомъ сочувствіи народа къ родному слову, возбужденныхъ укрѣпившеюся любовью къ отечеству и неугасимымъ желаніемъ ему болѣе твердаго единенія. Что же у насъ общаго, если не языкъ и литература?

Великіе поэты доказали предъ цѣлымъ народомъ, какая сила въ нашемъ языкѣ, а иноземное иго въ началѣ пышнѣшняго столѣтія убѣдило всѣхъ, съ какою гордостью мы должны держаться сокровища роднаго языка. Съ той поры сознаніе искони крою-

щихся и въ немъ основныхъ законовъ было такъ облегчено, что оно вдругъ могло сдѣлаться нагляднымъ при самыхъ простыхъ средствахъ. Это радушно принятое сознаніе, къ счастію, встрѣтилось съ появленіемъ возбужденной Санскритомъ сравнительной филологіи; не гнушаясь никакою собственностью языка, она тѣмъ болѣе не могла не отдать справедливости отечественному слову, которое многими струнами еще откликалось на болѣе полные звуки достопочтенной прародительницы. Такъ при разныхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ постепенно образовалась, въ большемъ объемѣ чѣмъ когда-либо прежде, нѣмецкая филологія. Бывало, все что съ трудомъ было издано изъ памятниковъ нашей старины могло совмѣститься въ какихъ-нибудь двухъ фоліантахъ или квартантахъ; теперь же въ библіотекахъ цѣлыя по́лки уставлены старонѣмецкими книгами, и уже книгопродавцы издатели не боятся этой литературы. Сколько бы ни оставалось еще сдѣлать, видно похвальное усердіе пополнить всѣ пробѣлы и выгѣспить плохія изданія болѣе удовлетворительными. Уже источники нашего языка не остаются закрытыми; ихъ ручьи и рѣки можно иногда прослѣдить до самаго того мѣста, гдѣ они впервые пробились; но за то впредь нѣмецкая грамматика, нѣмецкій словарь, чуждые этихъ изысканій и всѣхъ вызванныхъ ими требованій, не могутъ ни имѣть значенія, ни служить къ дѣйствительной пользѣ.

Въ настоящее время уже и серьезное настроеніе народа начинаетъ отвращаться отъ всякого поверхностнаго труда. При расположеніи къ разработкѣ естественныхъ наукъ, которыя занимаютъ умъ и самыми простыми средствами производятъ полезнѣйшія дѣйствія, народъ нашъ вообще гнушается всѣмъ безполезнымъ и дурнымъ. На что ему вѣчные ручные словари и извлеченія изъ сокровищницы нашего могучаго языка, нашего древняго наслѣдія? Эти пособія только отталкиваютъ отъ него и предлагаютъ безвкусный отваръ его силы и полноты, неспособный ни питать, ни насыщать, какъ будто нельзя подойти къ языку прямо и наблюдать его лицомъ къ лицу. Изслѣдованіе силъ без-

конечной природы успокоиваетъ и возвышаетъ, но не есть ли самъ человѣкъ благороднѣйшее ея произведеніе, не составляютъ ли плоды его духа высшую цѣль? Теперь народъ болѣе прежняго желаетъ наслаждаться своими поэтами и писателями, не только нынѣшними, но и отжившими; надобно открыть шлюзы, чтобъ волны старины доходили до настоящаго. Немногіе чувствуютъ призваніе къ изслѣдованію свойствъ древняго языка, но въ массѣ есть потребность, влеченіе, любопытство узнать весь объемъ живой рѣчи, не раздробленной и не разложенной. Грамматика для ученыхъ, словарь для всѣхъ; рядомъ съ учсною и вмѣстѣ живою основой, онъ имѣетъ цѣль и назначеніе, которыя въ благороднѣйшемъ смыслѣ заслуживаютъ названіе практическихъ.

Теплое участіе народа было необходимымъ условіемъ появленія этого нѣмецкаго словаря, который такимъ образомъ составляетъ рѣзкую противуположность съ словарями другихъ языковъ, возникшими въ ученыхъ обществахъ и изданными на счетъ правительствъ, какъ было во Франціи, въ Испаніи и въ Даніи; нынче академія словесности въ Стокгольмѣ готовитъ шведскій словарь. На такое сотрудничество надобно смотрѣть различно, смотря по неодинаковому положенію народовъ. Гдѣ, какъ во Франціи, языкъ вполнѣ опредѣлился утонченностью общественнаго быта, тамъ онъ едва ли и можетъ инымъ путемъ найти и выяснить свой свѣтскій тонъ; по крайней мѣрѣ Dictionnaire de l'académie утвердилъ его на нѣсколько поколѣній; когда-нибудь, конечно, сбросятъ его невыносимыя оковы; отъ истиннаго же понятія словаря dictionnaire съ самаго начала былъ далекъ. Но въ другихъ странахъ выгоды совокупнаго труда исчезаютъ передъ сопряженными съ нимъ препятствіями и недостатками: посреди дѣятельности и согласія могутъ возникать предлоги къ лѣни и раздору. Поэтому вся дѣйствительная тягость труда должна бы быть предоставлена въ руки одного или нѣсколькихъ лицъ, сознающихъ въ себѣ настоящее призваніе къ дѣлу. Но тогда такой трудъ могъ бы развиваться и независимо, внѣ круга общества, которое бы взяло на себя только покрытіе вполнѣ или отчасти издержекъ по пред-

пріятію и такимъ образомъ стало бы въ главѣ всего дѣла. Съ этой стороны нельзя конечно отрицать благотворнаго участія ученаго общества въ составленіи словаря. Но въ Германіи, при маломъ уваженіи, которымъ пользовался отечественный языкъ, академіи, охраняющія преимущественно классическую и восточную филологію, естественныя науки и исторію, никогда не оказывали содѣйствія ни къ начертанію новаго, ни къ поддержанію начатаго уже нѣмецкаго словаря. Отъ первыхъ нашихъ лексикографовъ до Аделунга и Кампе, вообще всѣ наши словари печатались безъ всякаго общественнаго поощренія или пособія, и къ стыду нашему памятники отечественнаго языка, по большей части, издавались при самыхъ скудныхъ средствахъ, чуть не противъ воли бравшихъ на себя издержки, почти безъ всякого вознагражденія издателямъ *).

Перехожу къ частнымъ замѣчаніямъ:

1. Словарь есть азбучная роспись словъ какого-нибудь языка. Понятіе его обнаруживаетъ основную разность древнихъ и новыхъ временъ. Выраженія Wörterbuch не знало еще 17-е столѣтіе; сколько мнѣ извѣстно, первый употребилъ его Крамеръ (1719) по образцу нидерландскаго woordenboek; отъ насъ оно перешло къ Шведамъ и Датчанамъ. Но прекраснѣе несложное славянское *словарь*, *словникъ*, *рѣчникъ* отъ *слова*, *рѣчь*. Греческое ῥηματικόν (т. е. βιβλίον) соотвѣтствовало бы нынѣшнему значенію, но древними оно такъ не употреблялось.

Греки и Римляне не знали словарей, и названія, впослѣдствіи образовавшіяся въ ихъ языкѣ: lexicon, glossarium, dictionarium,

*) Въ русской литературѣ нельзя не признать благотворнаго значенія Академіи въ дѣлѣ выполненія задачи составленія словаря Кажется, Я Гриммъ выпустилъ тутъ изъ виду весьма важную сторону вопроса, именно степень литературнаго развитія націи. Безъ Россійской Академіи, которая въ 11 лѣтъ составила свой первый словарь, у насъ можетъ быть еще и до сихъ поръ не было бы подобнаго труда. Но точно такъ же думается, что теперь, послѣ всѣхъ изданій Академіи по этому предмету, дѣло усовершенствованія русскаго словаря успѣшно можетъ быть ведено частными лицами, лишь бы нашлись приготовленные къ тому люди, которые имѣли бы возможность посвятить ему всю свою дѣятельность.

vocabularium, заключаютъ въ себѣ другой смыслъ: λεξικόν (βιβλίον) отъ λέξις, dictionarium отъ dictio, есть сборникъ оборотовъ, выраженій; glossarium объясняетъ старинныя, непонятныя реченія, содержитъ въ себѣ глоссы; vocabularium предлагаетъ немногія только слова, собранныя для учащихся или вообще съ какой-нибудь особенной цѣлью. Такъ Дюканжъ и Орбелинъ справедливо называютъ свои труды глоссаріями, французскіе академики свою превосходную выборку — dictionnaire; но отдѣльные, къ изданію какого-нибудь писателя приложенные реестры не должны бы называться словарями. Если Французы когда-нибудь дождутся полнаго словаря своего языка, то они конечно дадутъ ему болѣе вѣрное названіе нежели dictionnaire или lexique. Понятіе словаря, во всей его обширности, часто выражали еще заглавіемъ: thesaurus, tesoro, trésor, sprachschatz, или присоединеніемъ прилагательнаго (totius latinitatis lexicon).

Самимъ древнимъ никогда не приходило на мысль собирать *всѣ* слова языка ихъ, а тѣмъ болѣе языковъ сосѣднихъ варваровъ; они любили только объяснять отдѣльные слои или ряды словъ, преслѣдовать въ нихъ извѣстные грамматическіе законы образованія или выяснять темныя, забытыя выраженія. Ихъ этимологія, иногда замысловатая и мудреная, по большей части не знала правилъ науки. Самая твердая память не могла бы удержать всѣхъ выраженій, которыя у Грековъ и безъ того способны были къ безконечному развитію; а еслибъ до этого и можно было постепенно дойти совокупными усиліями многихъ, то оно ни къ чему не повело бы. Какая была бы польза отъ собранія массы словъ, которое никого не интересовало и могло быть распространено не иначе какъ посредствомъ списковъ, стоившихъ и много труда и большихъ издержекъ? Греки и Римляне еще и не думали о сравненіи языковъ; они не чувствовали къ тому ни малѣйшей охоты; не то, конечно сдѣлали бы въ этой области изумительныя открытія.

Рѣшительную перемѣну произвело только книгопечатаніе, преобразовавшее всѣ науки; послѣдствія этого великаго изобрѣ-

тенія, какъ и паровой силы, до сихъ поръ неисчислимы. Какъ въ глубокой древности письмо впервые доставило людямъ возможность употреблять руку самымъ духовнымъ образомъ, дало имъ средства пересылать свои мысли и передавать ихъ потомству, такъ распространеніе письма въ печати удесятерило эти средства. Безъ этого изобрѣтенія послѣдовавшія за нимъ возрожденіе классической литературы и реформація были бы невозможны или по крайней мѣрѣ не вполнѣ успѣшны. Съ тѣхъ поръ какъ писанія печатаются и повсюду читаются, возникли словари, и для языкознанія проложены совершенно новые пути; это произошло конечно не вдругъ, а дѣлалось мало по малу, сперва случайно, потомъ все сознательнѣе: наконецъ поняли, какъ важны полныя хранилища языковъ. Въ филологическомъ направленіи нынѣшнихъ миссіонеровъ языкоученіе можетъ со временемъ пріобрѣсти такую опору, что оно часто будетъ въ состояніи замѣнять отсутствіе или утрату историческихъ памятниковъ богатствомъ и остроуміемъ своихъ соображеній: это мы уже и теперь предвкушаемъ въ нѣкоторой степени. Но на участіе въ этой новой филологіи всѣ языки земнаго шара имѣютъ равное право, и ни одинъ не долженъ быть презираемъ, точно такъ, какъ всѣ слова равно принадлежатъ словарю и въ немъ пользуются одинаковыми правами. Итакъ стремленіе къ полнотѣ въ собираніи и разработкѣ составляетъ для словаря первую потребность и этимъ обусловливается всесторонность его употребленія. Ибо все что выходитъ изъ печати назначено для всѣхъ безъ исключенія; что всѣмъ должно и можетъ служить, не имѣетъ права исключать или отвергать что-либо.

Столько же необходимъ для словаря азбучный порядокъ, отъ котораго зависитъ съ одной стороны возможность полнаго занесенія и разработки словъ, а съ другой — вѣрность и скорость употребленія. Кто располагаетъ богатыми матеріалами, долженъ въ точности знать мѣсто, куда ихъ помѣстить, и не быть принужденнымъ искать чтобъ удостовѣриться, включено ли уже такое-то слово или нѣтъ: пчела напередъ знаетъ, въ какую ячейку ей

положить медъ. Кому была бы охота рыться въ словахъ, когда неизвѣстно, гдѣ ихъ найти? Уже древніе въ своихъ ограниченныхъ сборникахъ соблюдали алфавитный способъ размѣщенія, а кто теперь отъ него отступаетъ, тотъ грѣшитъ противъ филологіи.

Но никакой порядокъ такъ не противенъ цѣлямъ словаря, какъ расположеніе словъ по корнямъ, за которыми слѣдуютъ производныя и сложныя реченія; многіе даже при составленіи глоссаріевъ и списковъ не могутъ воздержаться отъ страсти систематизировать, и отнимаютъ у грамматики то, что ей принадлежитъ. Заботиться и въ словарѣ объ этимологіи естественно и неизбѣжно; но такъ какъ она, безостановочно развиваясь, во всѣхъ направленіяхъ расширяетъ познаніе корней, то порядокъ словъ не долженъ быть ею сбиваемъ; иначе всякая этимологическая находка влекла бы за собой измѣненія, и въ словарѣ ни одно слово не стояло бы прочно на своемъ мѣстѣ. Когда уже есть другіе словари, можно съ пользою располагать по алфавиту и изслѣдованія надъ корнями, какъ напр. Миклошичъ издалъ разные труды этого рода, или Розенъ собралъ особо санскритскіе корни*). Но одинъ азбучный порядокъ упрочиваетъ за отдѣльными словами до времени ихъ независимость и нейтральность, которыхъ не должно нарушать прежде завершенія разысканій, не относящихся къ словарю.

2. Что составляетъ цѣль словаря? По обширности своего назначенія онъ долженъ имѣть цѣль великую и далекую.

Онъ долженъ быть святилищемъ языка, хранить все богатство его и содержать открытый къ нему доступъ. Собраніе словъ растетъ какъ соты и становится драгоцѣннымъ памятникомъ народа, котораго прошедшее и настоящее въ немъ сливаются.

Языкъ есть общая собственность и вмѣстѣ тайна. Сильно привлекая ученаго, онъ возбуждаетъ и въ толпѣ естественное къ себѣ сочувствіе и охоту: «Какъ бишь такое-то слово, кото-

*) Здѣсь нельзя не вспомнить и нашего Шимкевича.

раго я не припомню?».... «Этотъ человѣкъ странно выражается: что бы онъ хотѣлъ сказать?».... «На это слово можно найти лучшіе примѣры: поищемъ въ словарѣ».

Такая охота много облегчаетъ пониманіе. Словарю вовсе не нужно стремиться къ пошлой ясности; онъ можетъ спокойно прибѣгать къ обычной обстановкѣ, безъ которой наукѣ такъ же трудно обойтись какъ и ремеслу, и читатель либо уже приноситъ съ собой нужное умѣнье обращаться съ нимъ, либо пріобрѣтаетъ къ тому навыкъ безъ особенныхъ усилій. Спросите о чемъ-нибудь сапожника или булочника, и онъ отвѣтитъ вамъ своими словами, которыя рѣдко потребуютъ толкованія.

Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы все было всѣмъ понятно, чтобы каждое слово было объяснено каждому; пусть онъ пройдетъ мимо непонятаго; можетъ быть, оно въ слѣдующій разъ сдѣлается ему доступнѣе. Назовите хоть одну хорошую книгу, которой пониманіе было бы всякому легко и не оставляло за собой неизмѣримой бездны смысла. Содержаніе словаря обыкновенно бываетъ такъ полновѣсно, что многое и ученѣйшихъ ставитъ въ тупикъ, или по крайней мѣрѣ затрудняетъ. Въ безчисленныхъ случаяхъ и другіе читатели могутъ оставлять въ сторонѣ то, что имъ не подъ силу, что не входитъ въ ихъ кругозоръ или даже отталкиваетъ ихъ. Читатели всякаго званія и возраста, на необозримыхъ пространствахъ языка, должны поступать по обычаю пчелъ, спускаться только на тѣ травы и цвѣты, которыя ихъ привлекаютъ и нравятся имъ.

Есть множество книгъ съ неудачно-придуманнымп заглавіями, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и предлагаютъ самую пеструю и неудобоваримую смѣсь разнородныхъ знаній. Еслибъ распространился вкусъ къ простой пищѣ роднаго языка, то словарь могъ бы сдѣлаться предметомъ домашняго обихода, и его стали бы читать съ охотой, иногда даже съ благоговѣніемъ. Только не надо сравнивать привлекательной силы рога изобилія, какъ обыкновенно называютъ словарь, и оказываемую имъ пользу съ жалкими услугами скуднаго ручнаго словаря, который раза два въ

годъ снимаютъ съ запыленной полки, чтобы рѣшить споръ, какое изъ двухъ плохихъ правописаній заслуживаетъ предпочтеніе, или отыскать натянутый переводъ всѣмъ извѣстнаго иностраннаго выраженія.

Какъ велико благотворное вліяніе словаря въ томъ смыслѣ, что онъ противодѣйствуетъ людямъ, которые щеголяютъ чужеземными языками, и заставляетъ живѣе чувствовать достоинство, часто даже превосходство своего; а запасъ наглядныхъ примѣровъ, независимо отъ прямой ихъ цѣли, усиливаетъ любовь къ отечественной литературѣ. Блескъ древнихъ языковъ возвышали и поддерживали поэзія и произведенія духа; кажется, словарямъ предназначено способствовать къ упроченію новѣйшихъ языковъ: вотъ еще причина, почему надо стараться о распространеніи хорошихъ словарей. Если они не въ силахъ охранять всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ оберегаютъ большую часть ихъ; немногіе изъ читателей какого-нибудь словаря станутъ отрицать, какъ много они ему обязаны въ частностяхъ. Конечно, всего живѣе слова передаются изъ устъ въ уста; и смотря по различію странъ, одно племя бываетъ развязнѣе другаго и ловчѣе справляется съ языкомъ, нежели другое. Но брошенное сѣмя можетъ оплодотворять и запустѣвшія поляны.

Успѣхамъ языковѣдѣнія благопріятно все, что дѣлается для памятниковъ, и поприще его неизмѣримо. Но безъ всякаго сравненія важнѣйшую помощь оказываетъ ему словарь, который всѣ реченія представляетъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ такомъ удобномъ для обзора порядкѣ, какого и самый неутомимый трудъ ничѣмъ не можетъ замѣнить. Словарь похожъ на вооруженное, готовое къ битвѣ войско, съ которымъ можно совершать чудеса и противъ котораго безсильны отдѣльные, хотя и самые отборные отряды. Я это испыталъ на себѣ, когда хотѣлъ построить древнюю грамматику еще безъ помощи словаря, а теперь при полной азбучной разработкѣ языка замѣчаю, что только такимъ твердымъ и равномѣрнымъ шагомъ можно дойти до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, которыя иначе остались бы въ сторонѣ. Подобно

часамъ, словарь и для простолюдина долженъ быть устроенъ съ тою же точностью, къ какой стремится астрономъ, и вообще онъ можетъ быть вполнѣ полезнымъ только тогда, когда удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки.

3. До сихъ поръ понятіе и значеніе словаря разсматривались столь общимъ образомъ, что выводы отсюда могутъ быть примѣняемы ко всѣмъ языкамъ; теперь поговоримъ о нѣмецкомъ словарѣ въ особенности.

(Здѣсь считаю нужнымъ передать только вкратцѣ слишкомъ частныя для насъ замѣчанія Якова Гримма).

Объемъ словаря, говоритъ онъ, опредѣляется границами самаго языка. Подъ нѣмецкимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ надобно разумѣть употребляемый тѣми Нѣмцами, которые остались въ политическомъ союзѣ. Этотъ языкъ раздѣляется на верхне-и нижненѣмецкое нарѣчіе, между которыми перебой звуковъ полагаетъ такое рѣзкое различіе, что послѣднее изъ обоихъ болѣе сходно съ другими германскими языками, нежели съ верхненѣмецкимъ нарѣчіемъ. Поэтому нижненѣмецкія реченія не могутъ найти мѣста въ нѣмецкомъ словарѣ. Но за то для него чрезвычайно важно познаніе всѣхъ верхненѣмецкихъ народныхъ говоровъ, и здѣсь Яковъ Гриммъ съ особенной похвалой отзывается объ областныхъ словаряхъ: баварскомъ Шмеллера и швейцарскомъ Стальдера, изъ которыхъ первый онъ ставитъ еще гораздо выше послѣдняго. Упомянувъ потомъ объ эльзасскомъ и аллеманскомъ отличіяхъ, онъ прибавляетъ: однакожъ изъ всѣхъ этихъ нарѣчій нельзя заимствовать непосредственно, т. е. безъ устраненія звуковаго различія, съ которымъ отчасти теряется и прелесть ихъ.

4. Мы видѣли, какому ограниченію подлежитъ понятіе нѣмецкаго словаря по пространству; спрашивается, какіе предѣлы должны быть положены ему во времени?

Верхненѣмецкій языкъ распадается на три періода. Древнѣйшіе памятники его, отъ 7-го до 11-го столѣтія, образуютъ старо-верхненѣмецкій періодъ; отъ 12-го же до середины 15-го идетъ средне-верхненѣмецкій; необходимо отличать оба

эти періода какъ между собой, такъ и отъ ново-верхненѣмецкаго, потому что формы стараго языка полнѣе и благороднѣе формъ средняго, а эти чистотою далеко превосходятъ нынѣшніе. Въ словарѣ часто нужно было прибѣгать къ старо-верхненѣмецкому и даже къ готскому, чтобы добраться до самой древней и правильнѣйшей формы какого-нибудь реченія. Еще чаще, и особенно ради живости выраженій, вносимы были средне-верхненѣмецкіе примѣры, такъ что иному читателю можетъ даже показаться, что ихъ слишкомъ много. Необходимость ихъ понималъ иногда уже Аделунгъ, но старо-верхненѣмецкіе приводитъ онъ рѣдко, готскихъ у него вовсе нѣтъ.

Главное дѣло въ томъ, чтобы по возможности исчерпать объемъ всего ново-верхненѣмецкаго періода и тамъ не только достигнуть пониманія отдѣльныхъ выраженій, но и возбудить снова любовь къ забытымъ писателямъ. Всего ошибочнѣе было бы отвернуться отъ старины и самодовольно отмежевать нѣмецкому словарю тѣсное пространство настоящаго, какъ будто какое-нибудь время можетъ быть понято только изъ самого себя и обойтись безъ того, что устарѣло, вышло изъ употребленія. Уже и у Гете надо часто отличать прежній способъ выраженія отъ позднѣйшаго, потому что онъ въ теченіе своей долгой, богатой жизни постепенно обращался къ другимъ формамъ и словамъ. Еще чаще попадаются у Виланда слова, которыхъ новѣйшіе писатели почти никогда или даже вовсе не употребляютъ *).

Каждый языкъ находится подъ вліяніемъ не только ближайшаго къ нему круга, но отчасти и болѣе отдаленныхъ, обширнѣйшихъ круговъ, которыхъ сознаніе еще не вполнѣ имъ утрачено,

---

*) Вопросъ о періодѣ времени, какой долженъ войти въ предѣлы словаря, особенно важенъ у насъ Мѣра включенія въ него церковно-славянскихъ словъ всегда будетъ самымъ затруднительнымъ пунктомъ задачи. Кажется, всего справедливѣе и проще было бы отдѣлить на первый случай всю ту часть литературы, которая отмѣчена церковнымъ шрифтомъ, и ограничиться тою, которая живетъ въ гражданской грамотѣ. Русскій словарь обнялъ бы слѣдовательно, собственно говоря, только 18-й и 19-й вѣкъ Но къ нему надо бы еще

какъ иногда передъ памятью внезапно возстаютъ самые отдаленные предметы. Невыносимымъ стѣсненіемъ для языка было бы лишеніе его права брать назадъ свою собственность и пользоваться знаменательными словами, отъ древности получившими торжественность. Языкъ, который, сверхъ своего наличнаго ходячаго запаса, не имѣлъ бы прибереженной денежки и кое-какихъ рѣдкихъ монетъ, былъ бы бѣдный языкъ; выставить эти сокровища есть дѣло словаря.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы опять познакомились съ поэтическими произведеніями среднихъ вѣковъ, а за ними еще открываемъ угасающую старо-верхненѣмецкую поэзію, намъ вдругъ представились въ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ и всѣ послѣдующія столѣтія, потому что точное познаніе старины не допускаетъ пробѣловъ и въ позднѣйшемъ времени. Геллерта и Гагедорна мы не понимаемъ безъ Каница и Гюнтера, а этихъ безъ Опица и Флеминга; какъ же намъ отказаться отъ бо́льшаго могущества XVI-го столѣтія? Языкъ Лютера, доселѣ живущій въ Библіи, не могъ бы быть вполнѣ изученъ, еслибъ былъ вырванъ изъ цѣпи явленій своего времени. Никакой нѣмецкій словарь не можетъ обойтись безъ Лютера и Гансъ-Сакса, слѣдовательно ему принадлежатъ и современники этихъ мужей, а еслибъ онъ не выполнилъ такого требованія, то не имѣлъ бы существеннаго достоинства и значенія.

5. Какіе у насъ предшественники и что ими сдѣлано?

(Пропуская здѣсь мало поучительныя для насъ замѣчанія Якова Гримма о первыхъ начаткахъ и опытахъ нѣмецкихъ словарей, обратимся къ тому, что́ онъ говоритъ о трудахъ Аделунга, Кампе и ихъ послѣдователей).

присоединить. 1, русскія слова изъ старыхъ памятниковъ исторіи и народной литературы, грамотъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п. и 2, корни церковно-славянскіе, встрѣчающіеся въ производныхъ или составныхъ русскихъ словахъ. Само собою разумѣется, что въ этотъ словарь должны бы войти и тѣ церковно-славянскія слова, которыя употреблялись нашими свѣтскими писателями послѣ введенія гражданской печати. Что касается до писателей духовныхъ, то изъ ихъ трудовъ слѣдовало бы извлекать слова съ осмотрительностью.

По смерти Готшеда (1766), который незадолго передъ тѣмъ издалъ неудовлетворительные образцы пространнаго нѣмецкаго словаря, Аделунгъ взялся за это дѣло и въ послѣдующее время трудился надъ нимъ неутомимо. Можно принять, что оно исключительно занимало его во все продолженіе 70-хъ годовъ; второе изданіе, появившееся постепенно въ 90-хъ годахъ, стоило уже меньшихъ усилій. Оно по многимъ пропускамъ, которые не вознаграждаются кое-какими дополненіями, стоитъ ниже перваго, а въ языкоизслѣдованіи не подвигаться впередъ, но стоять на мѣстѣ — почти то же, что идти назадъ.

Несмотря на употребленный имъ непомѣрный трудъ, скромный ученый назвалъ первое изданіе опытомъ. Надо согласиться, что никогда еще не было столь тщательно и настойчиво выполненнаго труда по нѣмецкому языку, и этотъ словарь долженъ былъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе. Его главное достоинство заключалось, во первыхъ, въ богатомъ запасѣ словъ, который составленъ былъ хотя съ нѣкоторою воздержностью, но за то въ строжайшемъ порядкѣ, и превосходилъ по обилію всѣ прежніе сборники, а во вторыхъ — въ спокойномъ и осмотрительномъ развитіи значеній, правда ужъ слишкомъ широкомъ, но подкрѣпленномъ хорошо-прибранными примѣрами. Все здѣсь носитъ отпечатокъ невозмущеннаго, равномѣрнаго труда, который скоро достигъ высшей точки, какой только могъ достигнуть, и остался свободнымъ отъ всякаго вліянія фантазіи.

Здѣсь, послѣ долгаго времени, снова соблюденъ былъ строгій азбучный порядокъ, и всѣ увидѣли его преимущества; но первый законъ для словаря — безпристрастное принятіе и охраненіе всѣхъ выраженій — принесенъ былъ въ жертву ошибочному взгляду Аделунга на свойства нашей письменной рѣчи. По его мнѣнію, только употребительный въ верхней Саксоніи утонченный нѣмецкій языкъ, какъ бы придворный языкъ учености, можетъ служить нормою, хотя ни одинъ классическій писатель не употреблялъ его. Изъ высокаго тона, такъ думалъ онъ, языкъ спускается въ благородный, изъ благороднаго въ фамильярный,

а потомъ въ низкій и простонародный; простонародный же не достоинъ вниманія языкоизслѣдователя, который низкое принимаетъ въ соображеніе только изъ уваженья къ комическому: словъ этого рода, говоритъ онъ, въ первомъ пылу допущено въ словарь слишкомъ много. Сверхъ того словарь не глоссарій и не долженъ быть слишкомъ щедръ на устарѣлыя слова. Такъ разсуждалъ Аделунгъ.

Между тѣмъ нѣмецкая поэзія достигла блестящаго развитія, а онъ не показалъ ни малѣйшей воспріимчивости къ ней, и второе изданіе его словаря нисколько не обогатилось тѣмъ, что всѣхъ воодушевляло. Его равнодушіе должно было непріятно поражать всѣхъ людей съ поэтическимъ настроеніемъ; наконецъ Фоссъ высказалъ долго сдержанную хулу, — высказалъ ее умно и рѣзко, но несправедливо, потому что не умѣлъ оцѣнить той обильной общеполезной жатвы, какую собралъ Аделунгъ въ тѣсныхъ, добровольно назначенныхъ себѣ предѣлахъ. Фоссъ лучше его былъ знакомъ съ литературой 16-го и 17-го столѣтій, но въ древнемъ языкѣ познанія обоихъ были слишкомъ не достаточны, и нельзя назвать удачною такую хулу, изъ которой для хулящаго проистекаетъ еще большее осужденіе. Не смотря на частые промахи Аделунга, доказывающіе незнакомство съ старинными формами языка, словарь его выдержитъ еще не одинъ порывъ вѣтра, еще долго онъ будетъ сохранять свое значеніе, и долго изыскатели будутъ съ нимъ совѣтоваться.

Вскорѣ по окончаніи втораго изданія Аделунга и послѣ долгихъ приготовительныхъ работъ, явился въ 1807—1811 годахъ нѣмецкій словарь Кампе, — тяжелый, далеко уступающій предыдущему трудъ, вызванный желаніемъ съ одной стороны пополнить сборникъ недостающими у Аделунга словами (которыя, при алфавитномъ порядкѣ, легко было отыскать), а съ другой стороны, изъ угожденія неосновательному пуризму, изгнать изъ нѣмецкаго языка всѣ иностранныя реченія. У Аделунга все какъ будто вылилось съ разу и зрѣло обдумано; здѣсь же, вмѣстѣ съ Кампе, работали двое сотрудниковъ разныхъ свойствъ и спо-

собностей; они старались наскоро сработать словарь, который могъ обойтись безъ учености, такъ какъ отбросилъ всѣ этимологическія производства, и «рѣчь ежеминутно мучащаяся въ родахъ» служила пищею торопливо схватывающей, а не спокойно-прилежной дѣятельности собирателя.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать, что многія изъ пропущенныхъ Аделунгомъ словъ помѣщены у Кампе и что въ набросанномъ со всѣхъ сторонъ сорѣ могутъ скрываться годныя зерна, которыхъ расположеніе въ азбучномъ порядкѣ заслуживаетъ благодарность; но не видно ни плана, ни точности въ занесеніи какъ старой, такъ и новой литературы; выписки же обезображены множествомъ опечатокъ. Масса дополненій состоитъ преимущественно изъ сложныхъ словъ, какихъ, по свойству нашего языка, можно образовать цѣлыя сотни. Исчисленіе ихъ въ словарѣ доказываетъ не богатство языка, а только насиліе синтаксису его. Что касается до частицъ, то конечно допустить присоединеніе каждой изъ нихъ къ простымъ словамъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ значило бы открыть широкій путь произволу: тогда языкъ сталъ бы походить на неестественное дерево, у котораго сучья, вѣтки и листья разрослись во всѣ стороны. Въ аналогіи данъ языку могущественный законъ; но въ исключеніяхъ и отступленіяхъ отъ нея опять-таки скрываются правила, которыя должны быть соблюдаемы. Я не утверждаю, чтобы трудившіеся надъ словаремъ Кампе хотѣли собрать всѣ возможныя словосоставленія съ частицами, но для многихъ словъ этого рода они довольствуются тѣмъ, что слѣдуютъ одной аналогіи или приводятъ такіе примѣры, которые не въ состояніи доказать живаго происхожденія сложнаго слова. Не всѣ подобныя слова рѣшительно негодны, но они непріятны, когда не могутъ быть достаточно подкрѣплены, и большая часть ихъ возбуждаетъ сомнѣніе. Если прибавимъ, что сверхъ этой страсти употреблять во зло способность нѣмецкаго языка къ произведенію и составленію словъ, Кампе придерживается несноснаго пуризма, о которомъ скоро будетъ говорено подробнѣе, что онъ съ другой стороны не вос-

пользовался болѣе близкими и существенными дополненіями къ Аделунгову труду, которыя представляетъ наша литература, то трудно будетъ признать разсматриваемый словарь дѣйствительно годнымъ къ употребленію и полезнымъ для успѣховъ нѣмецкаго языка. Поставленные передъ словами знаки конечно не заслуживаютъ одобренія и только увеличиваютъ безжизненность, которою эта книга безъ того страдаетъ

Нѣтъ надобности распространяться о прочихъ, со времени Аделунга явившихся, нѣмецкихъ словаряхъ, ручныхъ, полныхъ словаряхъ Морица, Гейнзіуса, Гейзе, Кальтшмидта и другихъ. Они различнаго вида и устройства, предприняты съ благимъ намѣреніемъ и составлены отчасти съ умѣніемъ; но я сомнѣваюсь, чтобы хоть одинъ изъ нихъ оказалъ истинныя и прочныя услуги самому языку. Они считаютъ потребностью описывать, извлекать и сокращать добытые доселѣ результаты, вмѣсто того, чтобы возвышать и увеличивать ихъ. Зачѣмъ, въ отсутствіи земледѣльцевъ, столько ногъ утаптываютъ обширную ниву слова? лучше бы ей было пролежать нѣсколько времени въ пару.

6. Иноземныя слова.

Всѣ языки, пока они въ здоровомъ состояніи, имѣютъ естественное побужденіе отстранять отъ себя чужое, а если оно разъ уже вторглось, — вытѣснять его снова или, по крайней мѣрѣ, сглаживать туземными элементами. Нѣтъ народа способнаго къ развитію всѣхъ возможныхъ звуковъ, и всякій языкъ избѣгаетъ тѣхъ, которые ему не свойственны и противны. Что справедливо о звукахъ, то еще болѣе относится къ словамъ.

Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, наперекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное. Это видно въ особенности на множествѣ мѣстныхъ названій, но также и на другихъ словахъ: Abenteuer, Armbrust, Eichhorn представляютъ совершенно нѣмецкіе звуки, хотя не имѣютъ ничего общаго съ понятіями: Abend, theuer, Arm, Brust, Eiche, Horn. Нужды нѣтъ, что́ они по видимому значатъ; всякій знаетъ

что̀ они дѣйствительно выражаютъ, и слухъ нашъ не возмущается ими. Иногда и чисто нѣмецкія, но затемнившіяся выраженія этимъ же способомъ становятся яснѣе, хотя и безъ смысла: такъ Moltwurf, съ тѣхъ поръ какъ перестали понимать его, превратилось въ Maulwurf *).

Путемъ христіанства, латинской учености и сношеній съ сосѣдями, иноплеменныя слова врывались къ намъ во множествѣ. Нѣкоторыя были удачно и смѣло передаваемы по-нѣмецки какъ-то: Taufe, Sünde, Hölle, Ostern и др. Гораздо большее число удержалось съ передѣлкою, напр. Engel, Teufel, Priester, Altar и проч.; изъ peregrinus сдѣлалось pilgrim, изъ pyrethrum Bertram **) Ассимиляція была всего сильнѣе, когда словамъ придавалась и наша своеобразная флексія, напр. глаголы schreiben и preisen спрягаются въ прошедшемъ schrieb, pries.

Къ принятію иноземныхъ реченій наша старина побуждалаеь не только ихъ связью съ преданіями церкви и школы, вмѣстѣ съ разительнымъ сходствомъ искони родственныхъ словъ, но также ихъ благообразіемъ и удобствомъ, или лѣнью пріискивать на своемъ языкѣ соотвѣтствующія имъ выраженія.

Мало по малу отвращеніе къ чуждымъ звукамъ стало ослабѣвать и уступать мѣсто педантической заботѣ о сохраненіи полнаго ихъ выговора; съ этимъ чутье къ родному языку еще болѣе притупилось, и иноземнымъ словамъ безъ нужды облегченъ до-

---

*) Есть и у насъ примѣры словъ, осмысленныхъ народнымъ употребленіемъ или просто измѣненныхъ по недоразумѣнію. Таковы взятыя первоначально изъ другихъ языковъ: *высокосный*, *шировары*, *крылосъ*. Подобное нѣмецкому Maulwurf представляетъ наше прилаг *близорукій*, передѣланное изъ *близорокій* или правильнѣе *близзорокій* (зоркій), которое до сихъ поръ сохранило свою настоящую форму въ Псковской губ. (см. Опытъ областнаго словаря) Такое измѣненіе словъ, по требованію народнаго слуха, замѣтно у насъ особенно въ собственныхъ именахъ; такъ изъ *Сарскаго села* народъ, еще прежде оффиціальнаго переименованія этого города, сдѣлалъ *Царское село*; такъ въ нашихъ историческихъ актахъ, вмѣсто *Стокгольмъ*, изстари писалось до самаго Петра Великаго *Стеколна*

**) У насъ: налой, просвира, паникадило, исполать, вмѣсто: аналогій, просфора, поликандило, исполлети́.

ступъ: считали какой-то заслугой оставлять свое и замѣнять его чужимъ.

Языкоизслѣдованіе и въ особенности словарь обязаны противодѣйствовать безмѣрному и незаконному наплыву чуждыхъ элементовъ и полагать строгое различіе между двумя весьма несходными видами иноземныхъ словъ, хотя граница между ними иногда довольно неопредѣленна.

Невозможно исключить всѣхъ тѣхъ, которыя давно укоренились на почвѣ нашего языка и пустили изъ нея новые отпрыски; посредствомъ многообразныхъ производствъ и составленій, они такъ срослись съ нѣмецкою рѣчью, что мы безъ нихъ уже не можемъ обойтись. Сюда относятся напр. имена всѣхъ завезенныхъ къ намъ изъ другихъ странъ животныхъ и растеній, для которыхъ нѣтъ нѣмецкихъ названій: кто бы хотѣлъ наприм. отказаться отъ словъ Rose, Röschen, Viole, Veilchen? Сюда принадлежатъ также онѣмечившіяся уже лѣтъ тысячу тому назадъ речения, какъ-то: Fenster, Kammer, Tempel, Pforte, Schule, Kaiser, Meister, Arzt, которыхъ туземныя имена либо забыты, либо замѣнены болѣе опредѣлительными чужими названіями.

Напротивъ того, нѣмецкій словарь отвергаетъ множество изъ греческаго, латинскаго, французскаго и другихъ языковъ заимствованныхъ словъ, которыхъ употребленіе у насъ сильно распространилось, или по крайней мѣрѣ допускается, хотя они и не могутъ считаться окончательно усвоенными нашему языку. Правда, они пытались утвердиться и занять мѣсто, которое оставалось свободнымъ или изъ котораго они уже вытѣснили было туземное слово; но имъ не удалось въ собственномъ смыслѣ водвориться. Они у насъ во многихъ случаяхъ, кажется, только гости и никто не замѣтитъ ихъ удаленія, какъ скоро настоящее слово займетъ принадлежащее ему мѣсто. Хотя такія иноземныя выраженія и слышатся каждый день, но нѣмецкому языку до нихъ дѣла нѣтъ, потому что у него есть свои, столь же хорошія слова, или что онъ не старается обозначать заключающихся въ нихъ понятій: для чего напр. сталъ бы онъ пускать въ ходъ боль-

шое число иностранныхъ цвѣточныхъ названій, употребительныхъ въ садахъ или теплицахъ? Пусть остаются въ оборотѣ латинскія техническія названія. Другія конечно болѣе касаются насъ; въ наукѣ и училищѣ, на войнѣ и посреди мира, во вседневномъ обиходѣ завелось такъ много иностранныхъ словъ, что только съ помощію ихъ можно заставить понять себя. Когда сдѣлается яснѣе сознаніе въ достоинствѣ нашего языка и усилится знакомство со всѣми средствами, которыя онъ предлагаетъ намъ для пріисканія болѣе опредѣлительныхъ и соотвѣтственныхъ выраженій, тогда уменьшится и употребленіе иностранныхъ словъ. Вообще не надо забывать, что чужеземныя стихіи занесены въ нашъ языкъ не изъ среды народа, а введены къ намъ княжескими дворами, приверженными къ иностраннымъ обычаямъ, принужденнымъ слогомъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, а также стремленіемъ всѣхъ наукъ приноравливать свои термины къ иноземнымъ и предоставлять послѣднимъ преимущество передъ каждымъ своимъ словомъ.

Этой привязанности къ иноземному, этого смѣшенія языковъ словарь не долженъ поддерживать; онъ долженъ, напротивъ, честно противодѣйствовать имъ, стараясь однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводятъ непризнанные очистители слова. Не умѣя вполнѣ оцѣнить красоту и богатство нашего языка, этотъ докучный пуризмъ преслѣдуетъ и истребляетъ чужое, гдѣ бы оно ему ни попалось; неуклюжимъ молотомъ куетъ онъ свое негодное оружіе. Что языкъ давно уже имѣлъ, или въ чемъ вовсе еще не нуждается, то этотъ пуризмъ старается навязать ему, надѣвая на него силою платье, вывороченное на изнанку.

7. Собственныя имена *).

Нашъ словарь строго осуждали за то, что онъ опускаетъ собственныя имена нѣмецкія. Никакое другое обвиненіе не могло

*) Братья Гриммы, какъ и нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ лексикографовъ, совершенно изгнали изъ словаря иностранныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя искони слились съ языкомъ: такъ вы у нихъ напр не найдете именъ:

обнаружить такого незнанія дѣла; но, говоря объ этомъ предметѣ, я долженъ отличить имена мѣстъ отъ именъ лицъ.

Имена странъ, городовъ, мѣстечекъ, деревень, рѣкъ, рѣчекъ, горъ, долинъ, низменностей, холмовъ, полей и лѣсовъ очень многочисленны, и такъ какъ нашъ словарь долженъ бы заняться ими съ большею основательностію, нежели съ какою разсматриваютъ ихъ имѣющіеся географическіе словари, то отъ этого слишкомъ увеличился бы объемъ изданія. Конечно познаніе и объясненіе этихъ именъ чрезвычайно важно для языка вообще; но при изслѣдованіи ихъ встрѣчается великое затрудненіе. Эти наименованія мѣстъ произошли въ разныя времена, и нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ за эпоху переселенія нѣмецкаго племени въ наши страны. Когда дѣло идетъ о кельтскихъ и римскихъ остаткахъ въ предѣлахъ Германіи, то прежде всего слѣдуетъ искать ихъ въ именахъ мѣстъ. Сверхъ того, въ большей части нѣмецкихъ земель племена въ разное время смѣнялись, и удаляющіяся или вытѣсняемыя налагали на отдѣльныя мѣста печать своего особеннаго нарѣчія. Отсюда слѣдуетъ, что исчисленіе именъ съ большимъ основаніемъ должно бы войти въ средне-или старо-верхненѣмецкій словарь, нежели въ ново-верхненѣмецкій, отъ словъ котораго они бы слишкомъ рѣзко отличались, не смотря на ихъ многократное подновленіе. Но если впослѣдствіи кому-нибудь удастся, всего лучше въ особомъ сочиненіи, изслѣдовать ихъ точнѣе, то ново-верхненѣмецкій словарь извлечетъ изъ нихъ болѣе пользы, чѣмъ могъ бы извлечь теперь въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Uniform, Universitat. Другому правилу слѣдовала наша Академія въ своемъ словарѣ: въ немъ помѣщены всѣ вошедшія у насъ въ общее употребленіе иностранныя слова. Такая метода русской лексикографіи вполнѣ оправдывается потребностью нашей публики въ словарѣ, который бы заключалъ въ себѣ весь запасъ языка. У насъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ сборниковъ иностранныхъ словъ, которые у Нѣмцевъ издаются подъ именемъ Fremdwörterbuch и такимъ образомъ дополняютъ словари, исключительно посвященные ихъ собственному языку. Русскій словарь, въ которомъ не было бы употребительныхъ иностранныхъ словъ, представлялъ бы весьма существенный недостатокъ.

Личными именами, даваемыми при крещеніи, ново-верхненѣмецкій языкъ чрезвычайно бѣденъ. Къ чему послужило бы помѣстить здѣсь пятьдесятъ или сто нѣмецкихъ именъ, жалкій остатокъ безпредѣльнаго богатства нашей старины? Нельзя же было бы допустить иноземныхъ, по большей части библейскихъ, которыхъ число почти такъ же велико. Относительно собственно-нѣмецкихъ надо повторить то, что замѣчено было о мѣстныхъ названіяхъ: наши личныя имена также возникли у разныхъ племенъ и потомъ уже распространились далѣе, напр. Сигфридъ произошло въ другой мѣстности нежели Густавъ, Конрадъ не тамъ, гдѣ Фердинандъ; ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ тѣсный кругъ ново-верхненѣмецкаго словаря. Хотя они моложе приросшихъ къ самой землѣ именъ мѣстностей, однакожъ также принадлежатъ отдаленной старинѣ. Нѣкогда ихъ насчитывались не сотни, а тысячи, такъ что одно собраніе ихъ, еслибъ оно обнимало всѣ формы и видоизмѣненія, составило бы болѣе тома и только полнотою могло бы дѣйствительно оживиться. Такой сборникъ прольетъ когда-нибудь неожиданный свѣтъ на всѣ части и времена нашего языка. Въ словарь должны войти только нѣкоторыя ласкательныя формы именъ, какъ-то: Benz, Kunz, Götz и друг., которыя болѣе въ связи съ особенностями нынѣшняго языка. Все прочее надо было исключить.

Наконецъ позднѣйшія прозванія или родовыя имена (фамиліи), какъ образованныя изъ употребительныхъ словъ, существительныхъ или прилагательныхъ, мало поучительны, но весьма многія состоятъ изъ названій мѣстъ, передъ которыми выпущено означеніе лица, напр. Vogelweide, Keisersberg означаютъ человѣка изъ Фогельвейде, изъ Кейзерсберга.

8. Языкъ пастуховъ, охотниковъ, птичниковъ, рыболововъ и т. д.

Я тщательно отыскивалъ всѣ слова древнѣйшихъ состояній народа, находя, что они доставляютъ самые обильные матеріалы для исторіи языка и нравовъ. Главные слѣды пастушескаго быта нашей старины найдутся конечно въ Альпахъ Швейцаріи, Тироля

и Штиріи; у Стальдера и у Шмеллера есть драгоцѣнныя, но еще недостаточныя извѣстія; кто сообщитъ мнѣ новыя свѣдѣнія, заслужитъ живѣйшую мою признательность. Всѣ выраженія егерей, сокольниковъ и птичниковъ привлекательны по своей свѣжести и простотѣ; они также восходятъ до глубокой древности и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія; бѣднѣе по видимому языкъ рыболововъ, которые какъ будто такъ же нѣмы, какъ животныя, ими преслѣдуемыя. Тѣмъ оживленнѣе по всей вѣроятности бытъ моряковъ, но ново-верхненѣмецкое нарѣчіе представляетъ весьма скудный запасъ словъ этого разряда: изъ нижней Германіи и Нидерландовъ заимствованы мало по малу почти всѣ слова, относящіяся къ мореплаванію, вмѣсто которыхъ наша старина конечно имѣла многія собственныя, несходныя съ нынѣшними названія. Но, наравнѣ съ другими нижне-германскими словами, и большая часть морскихъ реченій не могла найти мѣста въ словарѣ. Бывшія у меня въ рукахъ пособія для языка виноградарей, который мнѣ бы хотѣлось изслѣдовать, не облегчили употребленнаго на эту часть труда. Жаль, что и изданные по горнозаводскому языку сборники не исчерпываютъ его и составлены безъ ученыхъ объясненій. Болѣе сдѣлано для словъ, относящихся къ пчеловодству, садоводству и вообще къ земледѣлію, словъ, которыя не такъ рѣзко отдѣляются отъ остальнаго состава языка и болѣе извѣстны въ народѣ. То же можно сказать и о ремесленныхъ выраженіяхъ, на которыя еще Аделунгъ обращалъ вниманіе. Поваренныхъ и врачебныхъ книгъ издавна очень много, и между ними есть полезныя для языкоизслѣдованія. Смѣшанный языкъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, который отчасти состоитъ изъ нѣмецкихъ стихій, былъ собираемъ въ новѣйшее время часто и всего удовлетворительнѣе; желательно, чтобы языкъ стариннаго ратнаго дѣла подвергнутъ былъ особенному изслѣдованію; нѣкоторыми сторонами онъ сближается съ языкомъ стариннаго рыцарскаго сословія, другими — съ охотничьимъ.

Въ нашемъ ученомъ сословіи нѣтъ уже болѣе своеобразнаго навыка въ употребленіи и развитіи нѣмецкаго слова. Духовное

краснорѣчіе совершенно подчинено закону общаго хода языка и само себя лишило, въ изреченіяхъ и пѣсняхъ, большой части своего древняго могущества. Однакожъ между духовными какъ протестантской, такъ и католической церкви, продолжаетъ обнаруживаться похвальное вниманіе къ народному языку и заботливость о собираніи его. Между законовѣдцами почти совершенно изгладились всѣ слѣды стариннаго богатаго судебнаго языка, который сохранялся еще до 16-го или 17-го столѣтія; нынѣшній юридическій языкъ, болѣзненный и сухой, сильно обремененъ римской терминологіей.

Долгое время врачи, болѣе всякаго другаго сословія, заботились о разработкѣ нѣмецкаго языка, можетъ быть потому, что ихъ подстрекали къ тому туземныя названія болѣзней или лѣкарствъ, въ особенности же травъ и животныхъ; пріятно видѣть, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія преимущественно врачи переводили иностранныя книги на нѣмецкій языкъ; составители нашихъ древнѣйшихъ словарей были врачи же или естествоиспытатели. И въ нынѣшнее время врачи, при частыхъ сношеніяхъ съ людьми всякаго рода, съ которыми они разговариваютъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, могли бы въ точности узнать весь объемъ языка и взять простое изложеніе Гиппократа за образецъ, какъ сдѣлать разсказъ о болѣзняхъ поучительнымъ и для искусства и для жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія сто лѣтъ между ними не было ни одного языкоизслѣдователя. Вошедшіе во всеобщее употребленіе латино-греческіе термины еще затрудняютъ ихъ движенія на родной почвѣ и отбиваютъ у нихъ охоту воздѣлывать ее. — Химія выражается на ломаномъ латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; только въ устахъ Либиха она мастерски владѣетъ словомъ. — Философамъ, которые понимаютъ точную связь между представленіями и словами, должно бы быть сродно углубляться въ тайны языка, но ихъ превосходство развивается болѣе изнутри и такъ много зависитъ отъ особенности собственной натуры каждаго, что они мало обращаютъ вниманія на общеупотребительный языкъ и часто безъ

причины отъ него отступаютъ. — Всѣхъ болѣе соображается съ нимъ Кантъ, и потому словарь не могъ не пользоваться его живою рѣчью, насколько она относится къ области нѣмецкаго языка.

9. Непристойныя слова.

Раздѣлять языкъ вообще на возвышенный, благородный, дружескій, низкій и простонародный — ни къ чему не ведетъ, и Аделунгъ этимъ путемъ придалъ многимъ словамъ ложное значеніе. Какъ часто онъ измѣняетъ призванію языкоизслѣдователя, говоря: «эти слова такъ низки, что ихъ почти не стопло бы приводить», и какъ смѣшиваетъ онъ всѣ эти разряды.

Прилагая непосредственно къ языку сословныя отношенія, въ томъ видѣ, какъ они являются въ старонѣмецкомъ правѣ, я замѣтилъ слѣдующую простую трилогію. Свободный человѣкъ занимаетъ середину, изъ которой съ одной стороны отдѣляется благородный, а съ другой несвободный. — Такъ точно изъ свободнаго языка, изображающаго полную мѣру естественной способности слова, выходитъ съ одной стороны благородная, а съ другой — несвободная рѣчь. — Благородное называемъ мы также возвышеннымъ, высокимъ, утонченнымъ; несвободное — низкимъ (bas langage), плоскимъ, пошлымъ, мужиковатымъ, грубымъ, жесткимъ. — Естественный языкъ заключаетъ въ себѣ расположеніе къ обоимъ видоизмѣненіямъ — къ утонченной и къ грубой рѣчи: изъ благороднаго языка устранена грубая стихія, изъ грубаго — благородная; грубое, жесткое легко становится нечистымъ, грязнымъ (sordidum, turpe), утонченное — украшеннымъ и чопорнымъ (ornatum, molle) или даже соблазнительнымъ (lubricum).

Природа научила человѣка скрывать отъ другихъ актъ произрожденія и испражненія, а также прятать служащія къ тому части; все, что оскорбляетъ это чувство цѣломудрія и стыдливости, называется непристойнымъ (obscoenum). А что не выставляется на глаза толпы, того не захотимъ мы передавать и слуху, того не станемъ произносить. Но такое запрещеніе не безу-

словно: такъ какъ эти отправленія естественны, даже необходимы (naturalia non sunt turpia), то они не всегда могутъ быть называемы, только тайно: въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволительно означать ихъ и публично.

И здѣсь-то является различіе между украшенной и грубой рѣчью. Грубая бываетъ часто расположена называть неприличныя вещи, не прикладывая листа ко рту; утонченная же старается избѣгать какъ этого, такъ и всего, что имѣетъ не только близкое, но и отдаленное къ тому отношеніе, или стремится по крайней мѣрѣ прикрывать все нечистое. Конечно при этомъ надо имѣть въ виду различныя степени и настроенія въ нравахъ народовъ. Свобода языка и поэзіи Грековъ смѣло пользовалась грубою стихіей; римскому языку указаны были болѣе тѣсные предѣлы, и въ этомъ отношеніи замѣчательно одно письмо Цицерона (Fam. 9,22). Неоспоримая, можно сказать, цѣломудренная жесткость нѣмецкой литературы всего 16-го столѣтія далека отъ французскаго распутства, отъ чопорности нашего нынѣшняго утонченнаго общества (моднаго свѣта), которое, напримѣръ, боится произнести такое слово какъ Durchfall (поносъ) и вмѣсто того употребляетъ чужеземное Diarrhöe, подъ которымъ грекъ разумѣлъ совершенно то же самое, что̀ выражаетъ приведенное нѣмецкое слово! Давность употребленія могла же, въ иномъ французскомъ реченіи, привести въ забвеніе самую грубую основу, напр. ſeculer, culbuter, culotte. Находить неприличнымъ честное древнее слово hose (франц. chausse), въ высшей степени нелѣпо.

Помѣщать ли въ словарѣ зазорныя слова, или исключать ихъ? Въ пособіяхъ, которыя даютъ одни лохмотья языка, можно и должно, не колеблясь, опускать подобныя слова; это доставитъ такимъ словарямъ хоть кажущееся достоинство. Иначе они подверглись бы упреку, что съ намѣреніемъ принимаютъ въ себя то, что подобно многому иному легко могло бы остаться въ сторонѣ.

Словарь не заслуживалъ бы своего названія, еслибы онъ умалчивалъ слова, вмѣсто того, чтобъ выставлять ихъ наружу.

Онъ не скрадываетъ ни одного жесткаго словечка, ни одной дѣйствительно живущей въ языкѣ формы, а тѣмъ болѣе — цѣлыхъ рядовъ названій, которыя существуютъ съ незапамятныхъ временъ и по необходимости придаются тому, что есть въ природѣ. — Такихъ реченій мы не имѣемъ права устранять точно такъ же, какъ не можемъ уничтожить естественныхъ предметовъ, которые насъ безпокоятъ.

Никому не пришло бы въ голову исключить ихъ изъ греческаго или латинскаго словаря, обнимающаго весь составъ языка; и у Гейнриха Стефануса, у Форчеллини не пропущено ни одного непристойнаго слова, которое можно было отыскать въ источникахъ. Какъ въ другихъ областяхъ языковъ, такъ и здѣсь обнаруживается несомнѣнное древнее родство, и здѣсь находимъ общее достояніе почти всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Языкосравненію вообще и полному знанію связи нѣмецкихъ нарѣчій между собою вредило бы несправедливое ограниченіе собранія этихъ словъ, ученая разработка которыхъ и безъ того уже уменьшаетъ впечатлѣніе ихъ непристойности. — Негодующій читатель легче примиряется съ неприличнымъ словомъ, когда онъ рядомъ съ нимъ встрѣчаетъ соотвѣтствующее латинское или греческое. Нерѣдко также дурной смыслъ пропадаетъ, когда мы приблизимъ слово къ его происхожденію, и первоначальное значеніе оказывается благороднымъ

Въ нѣмецкомъ словарѣ тѣмъ необходимѣе помѣстить и всѣ эти реченія, что они почерпнуты изъ источниковъ нашего древняго языка и употреблялись людьми, которые, бывъ одарены болѣе крѣпкими нервами, нежели говорящіе нынѣ, не отступали передъ рѣзкимъ, грубымъ словцомъ, когда надо было придать силу тому, что они хотѣли сказать. Правда, самое ихъ время привыкло къ языку болѣе непринужденному, суровому и безыскусственному, который, по нынѣшнимъ понятіямъ, слишкомъ любилъ грязное; но какъ умѣли уже Кейзерсбергъ, Лютеръ и особенно Фишартъ умѣрять излишество; а гдѣ нужно было, они смѣло давали волю языку. Еще и Гёте очень хорошо понималъ, что

крѣпкое словцо иногда бываетъ чрезвычайно кстати. Въ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы гдѣ-нибудь не было самымъ лучшимъ и не стояло на своемъ мѣстѣ. Сами по себѣ всѣ слова чисты и невинны; они только отъ того стали двусмысленными, что употребленіе смотритъ на нихъ съ боку и извращаетъ ихъ. Притомъ, часто было бы невозможно выразить гнѣвъ или презрѣнье, сказать насмѣшку, остроту, брань или проклятіе безъ задорнаго слова, которое насильно срывается съ языка, и комизмъ потерялъ бы много силы и разнообразія красокъ, еслибъ онъ не могъ свободно со всѣхъ сторонъ запасаться выраженіями. Такъ поступалъ Аристофанъ, и слова его вошли въ глоссаріи.

Словарь пишется не для нравоученія; это — научное предпріятіе, которое должно удовлетворять самымъ многообразнымъ потребностямъ. Даже въ библіи нѣтъ недостатка въ словахъ, которыя изгнаны изъ утонченнаго общества. Кого смущаютъ нагія статуи или восковые анатомическіе препараты, ничего не минующіе, тотъ пусть и въ этой залѣ не останавливается передъ неприличными словами и разсматриваетъ несравненно большее число другихъ.

10. Источники.

Сказано было, что словарь долженъ обнять весь верхне-нѣмецкій письменный языкъ, отъ 15-го столѣтія донынѣ, за исключеніемъ собственныхъ именъ и, какъ само собою разумѣется, большей части обращающихся между нами чужеземныхъ словъ. Количество книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ въ четыре столѣтія, неисчислимо, и конечно принятое правило должно понимать въ такомъ смыслѣ, что никакая книга не устраняется преднамѣренно какъ источникъ, ибо очевидно, что нѣтъ возможности, уже въ началѣ этого труда, дѣйствительно обозначить всѣ книги или хотя большую часть тѣхъ, которыя будутъ употреблены въ продолженіе его.

Нигдѣ нѣтъ полныхъ росписей этимъ книгамъ; между самыми опытными знатоками нѣтъ такого, которому всѣ онѣ были бы извѣстны, а тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста, гдѣ бы всѣ онѣ были со-

браны. Многихъ сочиненій, не только изъ первыхъ двухъ столѣтій, но и изъ послѣднихъ, нельзя найти даже и въ богатыхъ библіотекахъ. Наше собственное собраніе книгъ, при всей своей ограниченности, имѣло по необходимости то значеніе, что давно знакомыя намъ изданія, бывшія у насъ подъ руками, предпочитались тѣмъ, хотя и лучшимъ, которыя можно было бы достать въ другихъ мѣстахъ. Итакъ въ распоряженіи нашемъ была только малая часть обширной нѣмецкой литературы, и иногда въ несовершенныхъ изданіяхъ.

Изъ нѣкоторыхъ книгъ заимствованы нами только немногія мѣста, изъ иныхъ даже только отдѣльныя выраженія, попадавшіяся намъ случайно или съ намѣреніемъ отысканныя. Какая была бы возможность прочесть отъ доски до доски всѣ указанныя нами книги, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и занести эти выписки въ словарь? Назначенный ему объемъ въ такомъ случаѣ распространился бы непомѣрно.

Къ предположенной полнотѣ надо было стремиться совершенно въ другомъ смыслѣ. Она должна состоять не въ утомительномъ накопленіи отрывковъ, а въ точномъ отысканіи всѣхъ отдѣльныхъ словъ, при которыхъ слѣдуетъ приводить достаточныя, хорошо прибранныя доказательства — когда ихъ много, и не опускать даже самыхъ скудныхъ — когда нельзя найти лучшихъ. Богатыя и господствующія слова должны быть выясняемы; бѣдныхъ и забытыхъ не надо презирать.

Надлежало въ каждомъ столѣтіи призвать на помощь самыхъ могучихъ и знаменательныхъ свидѣтелей языка и внести въ словарь по крайней мѣрѣ важнѣйшія ихъ сочиненія. Изъ Кейзерсберга, Лютера, Гансъ-Сакса, Фишарта, Гёте не было еще ни въ одномъ словарѣ представлено хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ, а тѣмъ менѣе обильныхъ извлеченій. Они и теперь не исчерпаны, но путь указанъ и проложенъ. Къ полному употребленію сочиненій Гёте были, по счастью, приняты самыя тщательныя мѣры; пусть изъ другихъ писателей будетъ недоставать многаго: изъ Гёте должно быть опущено какъ можно менѣе.

Намъ предлежала между прочимъ задача представить все богатство поэзіи, которая во всякомъ языкѣ дѣйствуетъ всего могущественнѣе, — и гдѣ ни развернете нашъ словарь, вы найдете явственно отдѣляющіеся стихи. Это обстоятельство не маловажное, а существенное, и должно доставить ему болѣе читателей. Уже происоединеніе къ прозѣ стиховъ, которые все выясняютъ, и какъ мѣсяцъ появляются изъ-за облаковъ, составляетъ неоцѣненную выгоду. При этомъ становится также несравненно легче находить снова то, что разъ было пріискано. Уже Аделунгъ и Кампе понимали, какъ необходимо поступать такимъ образомъ, но они не довольно выписывали изъ стихотвореній. Линде и Юнгманъ въ своихъ превосходныхъ словаряхъ польскомъ и чешскомъ, составленныхъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ, затрудняютъ доступъ поэзіи и печатаютъ ее какъ прозу. Но трата мѣста съ лихвой вознаграждается наглядностью.

Естественно было, при самомъ началѣ работы, искать помощи для просмотра источниковъ и изготовленія выписокъ: къ доставленію ея ничего не было упущено со стороны издателей, принявшихъ на себя съ готовностью и значительныя, сопряженныя съ тѣмъ издержки. Такимъ образомъ произошли весьма полезные и дѣйствительно необходимые сборники; но не смотря на то, что для составленія ихъ былъ начертанъ и принятъ въ основаніе точный планъ, эти сборники, по разнымъ свойствамъ писателей и по различію умѣнія и вкуса дѣлавшихъ выписки, вышли очень разнообразнаго достоинства. Нѣкоторыя извлеченія были вполнѣ удовлетворительны, другія требовали бо́льшихъ или меньшихъ исправленій. Иныя очень запоздали или и вовсе не были доставлены.

11. Подтвержденіе словъ примѣрами.

Слова требуютъ примѣровъ, примѣры нуждаются въ надежномъ ручательствѣ, безъ котораго значеніе ихъ было бы не полно. Не довольно и самаго имени автора; надобно дать возможность отыскать всякое мѣсто въ книгѣ, откуда оно взято. Такая легкость отысканія очень пріятна читателю, потому что какъ ни искусно извлечены примѣры, онъ нерѣдко чувствуетъ

потребность видѣть ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ: вникая глубже, онъ рядомъ съ приведенными выраженіями находитъ еще что-нибудь такое, что сообщено не было, и такимъ образомъ все становится ему понятно. И въ классической филологіи принято за правило указывать на источники всякаго заимствованія. Ссылки безъ надлежащихъ подкрѣпленій то же, что случайно набранные, недостовѣрные, не присяжные свидѣтели. Самымъ удобнымъ способомъ указаній представляются ссылки на томъ и страницу. Само собою разумѣется, что съ старинными, особенно книгами 16-го столѣтія, это не всегда возможно и что въ такомъ случаѣ надобно придумать другой способъ указаній.

Могутъ замѣтить, что иногда помѣщено слишкомъ много ссылокъ, особенно изъ Лютера и изъ Гёте. Но надобно было вполнѣ и наглядно показать вліяніе перваго на языкъ, и силу, съ какою второй владѣетъ имъ; всякій согласится, что даже въ повторяющихся выраженіяхъ каждый оборотъ заключаетъ въ себѣ особенный интересъ. При множествѣ словъ примѣры помѣщены въ такомъ изобиліи съ намѣреніемъ, чтобы нельзя было сомнѣваться въ обширности употребленія этихъ словъ; и на оборотъ, малое число примѣровъ даетъ знать, что слово употребляется неохотно. Ссылки должны не только сами по себѣ нравиться своимъ содержаніемъ, но и раскрывать полную исторію слова, давая проникнуть во всѣ изгибы его значенія.

12. Терминологія.

Между филологами давно утвердились латинскіе термины, которые даже въ употребительныхъ сокращеніяхъ всѣмъ понятны и которыхъ безъ неудобства нельзя измѣнять. Къ чему въ нѣмецкихъ или славянскихъ словаряхъ замѣнять ихъ туземными выраженіями? Такіе новые термины не только были бы неясны для Нѣмцевъ и Славянъ, но и мѣшали бы распространенію сочиненій въ другихъ странахъ. Датчанинъ Раскъ испестрилъ свои труды неловкими грамматическими наименованіями этого рода, а за нимъ многіе Исландцы стали придумывать и другіе.

Объ этихъ нововведеніяхъ можно то же сказать, что выше замѣчено было о неалфавитной системѣ звуковъ: никакая память не удержитъ ихъ; они стоятъ пугалами только въ книгахъ, которыя себѣ же во вредъ приняли эти безплодныя изобрѣтенія. Хотя пуризмъ всегда спѣшилъ передавать эти выраженія на нѣмецкій языкъ, однакожъ его неуклюжія составныя слова оставались безъ пользы, и давнишнія названія всякій разъ возвращались на прежнее мѣсто.

Буквами m. f. n. всего проще означаются роды: вмѣстѣ съ тѣмъ эти три буквы однѣ уже показываютъ, что слово есть имя существительное; прилагательное, не способное принимать всѣ три рода, остается безъ этого означенія. — Указывать въ словарѣ различіе склоненій, кажется, излишне; всякое замѣчательное отступленіе отъ правилъ обозначается особо, или слѣдуетъ изъ примѣровъ.

Глаголъ въ нашемъ языкѣ узнается по самому окончанію. — Отдѣлять залоги дѣйствительный, страдательный и medium нѣтъ надобности, или вѣрнѣе — возможности, такъ какъ въ нашемъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ двухъ послѣднихъ формъ. Но кажется, вмѣсто того, чтобы принимать дѣйствительные и средніе глаголы, точнѣе было бы противополагать между собою переходящіе и непереходящіе (transitiva и intransitiva), потому что наши глаголы по большей части способны принимать и то и другое значеніе: называть переходящій глаголъ имѣющимъ цѣль (zielend), а непереходящій — безцѣльнымъ (ziellos) неудобно. Нидерландцы зовутъ первый побудительнымъ (bedrijend), а второй безсторонним (onzijdig), что̀ соотвѣтствуетъ названію neutrum въ именахъ, однакожъ вовсе не указываетъ на непереходящее значеніе глагола: ходящій можетъ двигаться вправо или влѣво и слѣдовательно непремѣнно направляется въ какую-нибудь сторону. — По примѣру Нидерландцевъ нѣкоторые пробовали такъ называемый правильный глаголъ означать ровнотекущимъ (gelijkvloeijend), а неправильный неровнотекущимъ (ongelijkvloeijend); но такъ какъ отступленія именно показываютъ древнѣйшій законъ флек-

сіи, то кажется, нельзя было выбрать менѣе удачнаго наименованія. — По важности признаковъ такъ называемой неправильности, я всегда давалъ такимъ формамъ мѣсто въ алфавитномъ порядкѣ, что̀ всего явственнѣе выставляетъ ихъ; все же прочее видно изъ примѣровъ.

13. Опредѣленія.

Труднѣе будетъ оправдать присоединеніе къ слову латинскихъ выраженій, объясняющихъ значеніе его, хотя необходимость латинской терминологіи уже пролагаетъ имъ путь. — Въ обоихъ случаяхъ одинаковая польза. — Можно бы видѣть въ томъ ошибочное возвращеніе къ старинному обычаю, оставленному Аделунгомъ и всѣми позднѣйшими лексикографами нашими. — Почти всѣ словари другихъ языковъ, нынѣ появляющіеся, отвергаютъ помощь латыни, однакожь Boiste, наприм., часто еще прилагаетъ латинское слово къ французскому. Считаютъ всякій языкъ освобожденнымъ отъ школьнаго ига латыни и видятъ какую-то честь въ томъ, чтобы объяснять его одними собственными средствами. — Составители словаря La Crusca конечно любили свой родной языкъ, но они нисколько не затруднялись придавать итальянскому слову латинское въ проводники и помощники. — Толкуемъ же мы готское или старо-верхненѣмецкое слово посредствомъ ново-верхненѣмецкаго; такъ точно почти нѣтъ надобности доказывать, что всякое слово всего лучше объясняется не само собой, а другими словами.

Чего достигаютъ отклоненіемъ помощи, какую намъ доставляетъ извѣстнѣйшій и точнѣйшій изъ всѣхъ языковъ? Обременяютъ себя самыми подробными и безполезными толкованіями.

Когда я къ слову Tisch (столъ) представляю лат. mensa, то на первый случай сказано довольно, а что̀ нужно еще прибавить, видно изъ послѣдующаго. Вмѣсто того *столъ* опредѣляютъ такъ: возвышенная доска, передъ которою стоятъ или сидятъ для отправленія на ней разныхъ работъ, или еще: возвышенная или покоящаяся на ножкахъ плоскость, передъ которою или у которой исполняютъ разныя занятія. — Впрочемъ и то правда, что въ словѣ

τράπεζα, вм. τετράπεζα, не заключается ничего кромѣ представленія четвероногости, — свойства, принадлежащаго одинаково и стулу и всякой другой утвари, устроенной на этомъ числѣ ножекъ.

Опредѣленіе *носа* гласитъ: выдающаяся или возвышенная часть человѣческаго или животнаго лица непосредственно надъ ртомъ, сѣдалище и орудіе органа обонянія. Опредѣленіе кисти руки: членъ у человѣка для хватанія и держанія. — Это было бы коротко и ясно; итакъ надо подробнѣе: крайняя часть руки у человѣческаго тѣла отъ конца локотной кости до оконечностей пальцевъ со включеніемъ ихъ. Подобныя опредѣленія относятся къ физіологіи, такъ точно какъ слѣдующее было бы прямо взято изъ ботаники: лилія есть растеніе съ цвѣткомъ, имѣющимъ видъ колокольчика, принадлежащее къ разряду растеній съ шестью тычинками и однимъ пестикомъ — О такомъ многорѣчіи скучныхъ опредѣленій, которое со времени Аделунга наполняетъ нѣмецкіе словари, Фришъ и Штилеръ еще не имѣли ни малѣйшаго понятія и спасались отъ этого хлама употребленіемъ латинскихъ словъ.

Это вовсе не значитъ, чтобы языкоизслѣдователь вездѣ могъ обойтись безъ частностей, которыя заключаются въ объясненіи; наравнѣ съ другими признаками, отличающими предметъ, онъ ихъ выставитъ на видъ, какъ скоро въ томъ почувствуется надобность и когда нужно будетъ связать съ ними развитіе какого-нибудь значенія; но въ большей части случаевъ оказывается излишнимъ за каждымъ словомъ, котораго понятіе разомъ передано латинскимъ выраженіемъ, исчислять еще всѣ его свойства.

Отъ прилагаемыхъ латинскихъ словъ никакъ нельзя требовать, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали нѣмецкимъ, что́ при различіи языковъ было бы невозможно. — Они должны какъ бы только указывать путь къ центру слова, къ той точкѣ его главнаго значенія, откуда уже можно свободно и непринужденно осматриваться во всѣ стороны. — Какъ опредѣленіе не имѣетъ возможности исчислить всѣ существенные и слу-

чайные признаки предмета, такъ латинскій языкъ еще менѣе стремится исчерпать толкованіе слова; это всего лучше можетъ быть достигнуто послѣдующимъ нѣмецкимъ поясненіемъ.

Нельзя также требовать, чтобы всѣ употребленныя въ словарѣ латинскія выраженія были понятны для всѣхъ его читателей; не понимающіе по-латыни, перескакиваютъ ихъ и все таки пользуются словаремъ; точно такъ же какъ не останавливаются на словахъ, которыя по своему содержанію вовсе не привлекаютъ ихъ. — Для образованныхъ женщинъ латинскія выраженія столько же мало будутъ помѣхою при чтеніи словаря, какъ ихъ не отталкиваютъ отъ чтенія газетъ встрѣчающіеся здѣсь юридическіе, военные и дипломатическіе термины. — Каждый читатель приноситъ съ собой множество разнообразныхъ условій пониманія, которыя облегчаютъ ему доступъ къ словарю: желаніе руководить его на всякомъ шагу — не можетъ входить въ планъ научнаго труда, который преслѣдуетъ высшія цѣли. — Способность пользоваться словаремъ будетъ увеличиваться отъ самаго употребленія его. Когда одной говорливой француженкѣ хотѣли навязать грамматическія правила, то она съ живостью отвѣчала: mais je suis la grammaire en personne; такъ тотъ, кто самъ въ себѣ носитъ и предполагаетъ способность къ языкамъ, можетъ совѣтоваться съ этою книгой, не смущаясь латинскими реченіями *).

*) Съ мнѣніемъ Я. Гримма о безусловномъ превосходствѣ способа объясненія словъ латинскимъ ихъ переводомъ нельзя согласиться. Для кого назначается словарь? безъ сомнѣнія, для массы общества, для людей всѣхъ званій, между прочимъ и для женскаго пола. Что такова именно мысль самого Я. Гримма о назначеніи словаря, видно изъ многихъ мѣстъ его вступленія Но латинскія объясненія даютъ словарю характеръ ученый и дѣлаютъ цѣлую, весьма существенную часть состава его недоступною большинству націи Это конечно и было однимъ изъ основаній того упрека, который германская критика уже сдѣлала словарю братьевъ Гриммовъ: она обвинила его въ слишкомъ ученомъ характерѣ, въ непрактичности, и замѣтила, что съ этой стороны онъ много уступаетъ Аделунгову лексикону, который, не смотря на свою старину, остается покуда незамѣнимымъ. Такой взглядъ германскихъ критиковъ можетъ служить намъ весьма важнымъ указаніемъ относительно правилъ составленія русскаго словаря· то, что слишкомъ учено для германской публики

14. Средства къ образованію словъ.

Никакой языкъ не можетъ развить въ себѣ всѣхъ звуковъ, или сохранить безъ измѣненія тѣ, какіе въ немъ есть; такъ же точно ему принадлежатъ далеко не всѣ формы, и многія, которыми онъ прежде владѣлъ, съ теченіемъ времени утратились. — Удаленіемъ различныхъ нарѣчій изъ великаго круга исконнаго родства ихъ, отдѣльные языки вступаютъ въ особые вновь образовавшіеся круги, которымъ можетъ быть чужда своеобытность остальныхъ. Такъ объясняется разнообразіе происшедшихъ изъ одного источника языковъ. Въ каждомъ языкѣ нарушенное равновѣсіе опять возстановляется.

Таково исторически пріобрѣтенное достояніе языка, какъ оно ни богато или ни бѣдно; совсѣмъ другое — считающееся только возможнымъ, вымышленное, но не дѣйствительное расширеніе его по всѣмъ способамъ образованія. Тамъ. т. е. въ историче-

---

конечно еще менѣе было бы пригодно для русской. Вотъ почему мы въ своихъ лексикографическихъ трудахъ должны, кажется, еще болѣе брать въ примѣръ Французовъ, нежели Нѣмцевъ. словари первыхъ отличаются особенно своею примѣнимостью къ потребностямъ общества Отсюда не слѣдуетъ, чтобъ намъ не нужно было принимать въ соображеніе и началъ, которыми руководствуются Нѣмцы; но при этомъ мы должны остерегаться ихъ умозрительныхъ увлеченій. На употребленный братьями Гриммами способъ объясненія словъ одинаково со мной смотритъ и И И Срезневскій; въ своей статьѣ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» *) онъ между прочимъ говоритъ: «Едва ли, впрочемъ, убѣжденіе братьевъ Гриммовъ, по которому значеніе большей части словъ совершенно ясно можетъ быть только тому нѣмцу, который очень силенъ въ латинскомъ языкѣ, можно считать дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, а не простымъ рѣшеніемъ, и то вынужденнымъ случайно отчасти неудачами Аделунга въ опредѣленіяхъ словъ и непобѣдимостью трудностей этого дѣла, отчасти нежеланіемъ входить въ подробности, принадлежащія не филологіи, а другимъ наукамъ». Далѣе акад Срезневскій справедливо указываетъ еще на затрудненіе, происходящее отъ того, что латинскій языкъ есть «языкъ мертвый, книжный, недостаточный для выраженія всѣхъ понятій и условій быта народовъ новой Европы». Потомъ онъ разсуждаетъ о необходимости опредѣлять на родномъ языкѣ значеніе каждаго слова безъ исключенія. Соглашаясь и съ этимъ, я съ своей стороны считаю однакожъ нужнымъ сдѣлать здѣсь оговорку, что степень подробности и точности въ опредѣленіяхъ можетъ быть очень различна и должна зависѣть отъ степени надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Къ чему наприм педан-

*) Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, т. III, л 10 (1854 г.).

скомъ развитіи, всѣ движенія языка естественны и непринужденны; здѣсь онъ являлся бы искаженнымъ и изувѣченнымъ.

Кто бы могъ придать нашему языку хоть одну двугласную, которая никогда не была ему свойственна? Легче, повидимому, размножать употребительныя производства или соединять слова, которыя никогда не бывали между собой связаны, но и этому противится обычай языка, когда слово не оправдывается необходимостью или ловкостью его составленія. Одна возможность слова не есть еще доказательство его дѣйствительности или годности.

Способность нашего языка къ словосоставленіямъ такъ велика, что никакъ нельзя привести всѣхъ употребительныхъ, а тѣмъ менѣе всѣхъ возможныхъ составныхъ словъ. По первой или второй части каждаго такого составленія можно представить

тическая точность въ опредѣленіи общеизвѣстнаго слова *столъ*? Она становится только смѣшною и все-таки не достигаетъ цѣли, потому что чѣмъ болѣе вы соберете частныхъ признаковъ, тѣмъ труднѣе будетъ обнять ими всѣ возможные виды столовъ. Поэтому въ опредѣленіи такихъ понятій всего лучше держаться самыхъ общихъ признаковъ и наприм., при словѣ *столъ*, сказать только: «мебель (утварь) объ одной или нѣсколькихъ ножкахъ, служащая для помѣщенія на ней предметовъ». Не вѣрнѣе ли это было бы, чѣмъ то, что сообщаетъ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка: «широкая доска, утвержденная на ножкахъ, на которую что-нибудь кладется или ставится?» Изъ этого опредѣленія выходитъ: 1) что столомъ собственно называется не весь столъ съ ножками, а только доска, на нихъ утвержденная, т. е. то, что народъ мѣстами называетъ *столешница*; 2) что если эта доска будетъ узкая или круглая, то она перестанетъ быть столомъ; и 3) что широкая скамейка, на которую положенъ напр платокъ или поставлена бутылка, тоже будетъ столъ. Выписанное опредѣленіе между прочимъ доказываетъ, что не всякая поправка ведетъ къ лучшему, потому что въ словарѣ Соколова, изданномъ за 13 лѣтъ до академическаго, слово *столъ* опредѣлено такъ «Домашняя утварь, состоящая изъ деревянной, мраморной или другой какой-либо доски, на ножкахъ утвержденная и служащая для разныхъ употребленій». Хотя и противъ этого опредѣленія можно сдѣлать кое-какія замѣчанія, однакожъ кто не отдастъ ему преимущества передъ приведеннымъ выше? Что касается въ особенности до техническихъ терминовъ, то словарь конечно не обязанъ во всей подробности объяснять или описывать выражаемые ими предметы, что составляетъ дѣло науки. При именахъ растеній достаточно, кажется, какъ и сдѣлано въ нашемъ академическомъ словарѣ, объяснять ихъ латинскимъ названіемъ, прибавляя по-русски только слово: *растеніе*.

себѣ цѣлые ряды аналогій, но излишне было бы всякій разъ выставлять ихъ въ словарѣ.

Правильнѣе всего будетъ помѣщать въ немъ всѣ употребительныя и непротивныя слуху образованія этого рода, не заботясь о странной и дикой аналогіи другихъ; все то, въ чемъ еще не оказалось надобности при употребленіи языка, должно оставаться въ сторонѣ. Вообще же словарь долженъ заботиться болѣе о производствахъ, нежели о составленіяхъ, болѣе о простыхъ, нежели о производныхъ словахъ: несоблюденіе этого основнаго правила было причиною того, что наши нѣмецкіе словари, при всемъ ихъ мнимомъ богатствѣ, до сихъ поръ остаются такъ бѣдны.

15. Частицы.

Особеннаго вниманія требуетъ присоединеніе частицъ къ другимъ словамъ. Если вообще всѣ слова вначалѣ имѣли внутреннее значеніе, которое впослѣдствіи было, такъ сказать, растянуто и разведено, то кажется, надо согласиться, что оно въ частицахъ всего болѣе затемнилось, что частицы между всѣми простыми словами языка самыя отвлеченныя, и слѣдовательно составлены позже другихъ. Если мы примемъ глаголъ за корень и допустимъ, что непосредственно изъ него произошло причастіе, изъ причастія прилагательное, а изъ прилагательнаго существительное: то за частицами должно будетъ признать преимущественно номинальное значеніе; оно же всего рѣшительнѣе выразилось въ нарѣчіи и въ предлогѣ. Когда и предлогъ застываетъ, когда онъ утрачиваетъ силу управленія, то остается одна адвербіальная частица, какъ самая безжизненная стихія языка. Таковъ самый правильный ходъ, но конечно онъ не единственный: мы часто видимъ, что глаголъ прямо переходитъ въ существительное или въ нарѣчіе, а эта частица становится управляющею, т. е. опять возводится на степень предлога.

Какъ греческій языкъ, такъ и нѣмецкій пользуется неимовѣрною свободой составлять слова съ помощію частицъ, и едва ли можно найти болѣе обширное поприще для аналогіи. Если го-

ворятъ anregnen, anschneien, то почему же нельзя также сказать anblitzen, anleuchten и т. д.? Потому и принято нами за правило: для такихъ образованій всегда ожидать достаточнаго подтвержденія.

16. Объясненіе словъ.

Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ значеній слова лежитъ чувственное и наглядное, которое при происхожденіи его было первымъ. Это его тѣло, иногда закрываемое духовно, распространенное или улетученное; но его необходимо всякій разъ отыскать и развить; иначе словообъясненіе будетъ недостаточно. Это значеніе кроется обыкновенно въ простыхъ глаголахъ.

Ясно, что изъ чувственнаго содержанія слова возникаютъ, при его употребленіи, нравственныя и духовныя представленія, изъ которыхъ оно мало по малу заимствуетъ богатство своихъ отвлеченныхъ значеній. Нельзя принять обратнаго случая, чтобы напр. изъ разнообразныхъ понятій tractare, adhibere, explanare проистекло названіе чувственнаго дѣйствія.

Указывать и прежде всего выставлять эти чувственныя значенія — было въ цѣломъ словарѣ однимъ изъ стараній нашихъ; но невозможно было вездѣ идти этимъ путемъ, потому что есть много простыхъ глаголовъ, которыхъ чувственное значеніе уже непонятно и приняло уже постороннюю примѣсь, и кромѣ того есть большое число такихъ словъ, у которыхъ въ основаніи производства нѣтъ глагола, или къ которымъ онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть прiисканъ безъ глубокихъ изслѣдованій. Такъ въ глаголѣ sein (быть) не видно чувственной основы, на которой онъ утверждается, и трудно указать ее съ достовѣрностью при глаголахъ geben (давать) и finden (находить). Означало ли geben — класть въ руку или, можетъ быть, лить въ сосудъ? Заключалось ли въ finden понятіе: замѣтить, узнать или только подойти? Или какого глагола, и слѣдовательно какого смысла можно искать въ существительныхъ: дитя, сынъ, дочь? Ихъ значеніе всѣмъ извѣстно, но не какъ отвлеченное, приложенное къ понятіямъ, которыя они выражаютъ. Еще труднѣе рѣшить, какое предста-

вленіе первоначально скрывалось въ словахъ: вѣра и грѣхъ, свободный или глупый, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ; всего же темнѣе остается смыслъ частицъ. Здѣсь словообъясненіе всегда можетъ подвигаться только медленными шагами и должно оставаться на поверхности.

Но каково бы ни было словотолкованіе, никакой словарь не можетъ обойтись безъ него; уже прежде было сказано, что мы въ самыхъ рѣдкихъ только случаяхъ прибѣгали къ опредѣленіямъ, обыкновенно же старались разомъ давать объясненіе посредствомъ латинскаго слова. Это только первая жатва въ области слова, гдѣ солома срѣзается надъ землею; изслѣдованіе словъ должно проникать глубже и вырывать самый корень.

17. Словоизслѣдованіе.

Этимологія составляетъ соль или пряность словаря; безъ этой приправы предлагаемая имъ пища была бы не вкусна, хотя иное и пріятнѣе было бы сырое или не пересоленое.

Словопроизводство нажило себѣ дурную славу, потому что въ прежнее время, естественно, его искали въ одной игрѣ словъ и употребляли во зло. Долго оно только предугадывало свои правила и не сознавало ихъ; и теперь еще безпрестанно отыскиваются новыя.

Можно понимать слово изъ него самого и изъ ближайшаго къ нему круга, но можно также брать на помощь родственныя семейства и ряды словъ, а оттуда уже переходить къ смежнымъ нарѣчіямъ и языкамъ. Какъ скоро замѣтили и наконецъ обозрѣли связь нѣсколькихъ языковъ, то явилось, съ неизвѣстными прежде законами и выводами, сравненіе языковъ, которое, какъ выше было сказано, утвердилось научнымъ образомъ только съ помощію книгопечатанія и словарей.

Латинскій и греческій языки представляютъ намъ драгоцѣнное собраніе классическихъ памятниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть множество грамматическихъ правилъ, отчасти примѣнимыхъ къ нашему собственному языку. Только прежде привыкли навязывать эти правила насильно и подчинять имъ всѣ домашнія

требованія, вмѣсто того, чтобъ и этимъ предоставлять ихъ законную силу. Филологія, возникшая изъ знакомства съ Санскритомъ, болѣе справедлива, и признаетъ за всѣми остальными языками равныя права. Однакожъ чистота и глубокая древность его источниковъ доставляетъ ему естественное и заслуженное уваженіе, такъ что этотъ языкъ, кажется, призванъ разрѣшать сомнѣнія относительно звуковъ и корней; но судилище, прежде разъясненія спорнаго дѣла, должно принять въ соображеніе и силу доводовъ, которые оно представляетъ. Какъ ни велики надежды, возбуждаемыя Санскритомъ въ изумленномъ изслѣдователѣ, какъ ни вѣрны многія производства, которыя изъ него извлечены или еще могутъ быть заимствованы, — все таки каждый изъ исконно-родственныхъ языковъ сохраняетъ свою собственную прозрачность, которая должна имѣть силу въ надлежащихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что внутренніе, съ значеніемъ словъ тѣсно связанные результаты, часто заслуживаютъ предпочтеніе передъ самыми остроумными догадками, основывающимися на однихъ звуковыхъ отношеніяхъ и на перемѣнѣ или опущеніи отдѣльныхъ согласныхъ. Съ нашими нѣмецкими словами надобно прежде всего пробовать, нельзя ли ихъ объяснить дома на родной почвѣ, что́ конечно заставляетъ подвигаться не столь быстрыми, но за то часто болѣе вѣрными шагами.

Если корень многихъ словъ донынѣ еще ясно виденъ, то почему бы нельзя было собственными средствами допскаться и помутившагося или затемненнаго? По моему мнѣнію, этимологія, подвигаясь впередъ, должна быть все болѣе склонна и способна не увеличивать, а уменьшать число корней; она будетъ находить средства къ облегченію перехода отъ одного корня къ другому и къ поддержанію между ними сообщенія по проведенному мосту. При этомъ въ каждомъ языкѣ отдѣльные корни должны чрезвычайно распространиться по объему и богатству производствъ.

На волнистомъ морѣ языковъ слова́ всплываютъ и снова погружаются, въ этимологіи растутъ и расплываются. Часто одна форма въ правильномъ разнообразіи проходитъ чрезъ цѣлые ряды

словъ, и потомъ опять встрѣчаются рѣзкія различія, пробѣлы и пропасти, такъ что сходство, которое, казалось, уже въ рукахъ у насъ, вдругъ ускользаетъ. Въ нѣмецкомъ словарѣ мы считали обязанностью отыскивать всѣ средства и пріемы, предлагаемые собственнымъ нашимъ языкомъ, и такого взгляда будутъ ожидать отъ насъ даже тѣ, которые не надѣются отъ этого словаря много добра и далеко не все здѣсь одобрятъ. Съ успѣхами изслѣдованія добудутся новые результаты, къ которымъ будутъ служить побужденіемъ самые недостатки честно веденнаго труда.

18. Нравы и обычаи.

Для объясненія многихъ словъ необходимо было обращать вниманіе на бытъ и воззрѣнія старины и древности, которыхъ точнѣйшее изученіе много зависитъ отъ знанія языка. Потому-то словари областныхъ нарѣчій, если они составлены съ трудолюбіемъ и тонкимъ умомъ Шмеллера, служатъ столь важнымъ матеріаломъ для исторіи и нравовъ какъ настоящаго времени, такъ и прошлыхъ столѣтій.

Если трудъ нашъ когда-либо будетъ приведенъ къ концу, то очень будетъ полезно, по примѣру Дюканжа, приложить къ нему разнаго рода списки и росписи, по которымъ можно бы было обозрѣть всѣ отдѣльные обычаи, а также замѣчательныя слова и выраженія отдѣльныхъ званій, расположенныя въ строгомъ порядкѣ.

19. Форма буквъ и печать.

(Хотя эта статья повидимому относится только къ внѣшней сторонѣ нѣмецкаго словаря, однакожъ я рѣшился и ее сохранить въ извлеченіи, какъ любопытный историческій очеркъ употребительнаго въ Германіи письма, имѣющій притомъ косвенное примѣненіе и къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей орѳографіи.

Чтобы предлагаемыя здѣсь замѣчанія были понятнѣе для русскихъ читателей, считаю нелишнимъ напомнить, что у Нѣмцевъ до сихъ поръ употребляется двоякій шрифтъ: одинъ готическій т. е, угловатый или ломаный, а другой подобный латинскому—круглый. Я. Гриммъ рѣшительный противникъ перваго и доказываетъ исторически всю его несостоятельность; ученые Германіи въ этомъ отношеніи мало по малу переходятъ на сторону славнаго филолога; при всемъ томъ осуждаемый имъ шрифтъ все еще остается тамъ господствующимъ).

Естественно было устранить изъ нашего словаря тотъ безобразный шрифтъ, который большей части нашихъ книгъ придаетъ столь варварскій наружный видъ въ сравненіи съ книгами всѣхъ другихъ образованныхъ народовъ и останавливаетъ ихъ распространеніе.

Къ сожалѣнію, этотъ испорченный и безвкусный шрифтъ называютъ даже нѣмецкимъ, какъ будто всѣ злоупотребленія, какія у насъ въ ходу, можно извинить, наложивъ на нихъ штемпель нѣмецкаго происхожденія. Но такое мнѣніе ни на чемъ не основано, и всякому образованному человѣку извѣстно, что въ средніе вѣки по всей Европѣ и для всѣхъ языковъ употреблялось одно только письмо, именно латинское. Съ 13-го и 16-го столѣтій писцы начали заострять круглыя очертанія на поворотахъ, и придѣлывать крючки къ большой буквѣ, которая встрѣчалась почти только въ заглавіяхъ и въ началѣ отдѣловъ.

Изобрѣтатели книгопечатанія выливали свои буквы совершенно такъ, какъ находили ихъ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ первыя печатныя книги 15-го вѣка сохранили тѣ же угловатыя острыя буквы, все равно были ли онѣ на латинскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Этими же буквами печатались потомъ и всѣ датскія, шведскія, чешскія, польскія книги. Но въ Италіи, гдѣ писцы болѣе придерживались круглаго письма, имѣя передъ глазами прекрасныя древнія рукописи классиковъ, въ Италіи еще въ 15-мъ столѣтіи болѣе чистый вкусъ возвратилъ во многихъ книгопечатняхъ неискаженныя буквы для латинскаго или народнаго языка, и отъ другихъ народовъ зависѣло послѣдовать этому примѣру. Латинскаго письма нельзя было не измѣнить, и въ 16-мъ столѣтіи благородный почеркъ проникъ и въ тѣ классическія сочиненія, которыя выходили изъ французскихъ и нѣмецкихъ типографій; ученые дорожили этимъ. Напротивъ, дурной шрифтъ удержался для народа, который уже привыкъ къ нему, во Франціи только на нѣкоторое время, но въ Германіи рѣшительно и упорно; этимъ самымъ утвердилось вредное различіе между латинскими и общеупотребительными буквами,

Vulgarbuchstaben, которое стало господствовать не только въ типографіяхъ, но и въ школахъ. Но этого общеупотребительнаго письма никакъ нельзя называть нѣмецкимъ, потому что оно, кромѣ Германіи, было въ ходу также въ Англіи, Нидерландахъ, Скандинавіи и у Славянъ латинской церкви. Англичане и Нидерландцы мало по малу отказались отъ него совершенно. Поляки также оставили его, нынѣшніе Чехи и Шведы по большóй части; въ настоящее время оно, внѣ Германіи держится еще въ чешскихъ и шведскихъ газетахъ, въ Даніи, Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ однакоже всѣ писатели расположены перейти, а по большей части уже и перешли къ чистому латинскому шрифту.

Сначала всѣ буквы имѣли видъ прописныхъ; такъ высѣкали ихъ на камнѣ; для скорописи на папирусѣ и пергаменѣ связывали и уменьшали буквы, отчего очертанія ихъ болѣе или менѣе измѣнялись. Изъ начальныхъ буквъ, которыя на рукописяхъ расписывались кистью, пропстекла вычурная и искаженная форма большой буквы, которая еще и въ древнѣйшихъ печатныхъ книгахъ не набиралась, а вносилась красками. Въ латинскихъ книгахъ, кромѣ инціаловъ, только собственныя имена означались большою буквою, какъ дѣлается и теперь для облегченія читателя. Въ теченіе 16-го столѣтія ввелось, сперва шатко и неопредѣленно, а потомъ уже рѣшительно — злоупотребленіе распространять это отличіе на всякое существительное, вслѣдствіе чего оно уже не достигало своей цѣли: собственныя имена сдѣлались незамѣтны во множествѣ существительныхъ и вообще письмо получило пестрый, неуклюжій видъ, такъ какъ большая буква занимаетъ вдвое или втрое болѣе мѣста, нежели маленькая. Я увѣренъ, что обезображенное письмо было въ тѣсной связи съ безполезнымъ размноженіемъ большихъ буквъ; въ этомъ искали мнимой красоты и тѣшились какъ самыми крючками, такъ и размноженіемъ ихъ.

Едва ли кто изъ читателей этого словаря будетъ недоволенъ его латинскими и маленькими буквами *) или по крайней мѣрѣ не

*) Я. Гриммъ давно употребляетъ большія буквы только въ началѣ строки и въ собственныхъ именахъ. Даже послѣ точки по серединѣ строки онъ пишетъ маленькую букву

примирится съ ними легко; всякій же безпристрастный конечно согласится, что онѣ пріятнѣе для глазъ и сберегаютъ много мѣста. Если хоть одно поколѣніе пріучится къ новому способу письма, то въ послѣдующемъ никто и не подумаетъ возвращаться къ старому. Кто находитъ, что все равно какъ поступать въ подобныхъ вопросахъ, и всякій дурной обычай считаетъ неизмѣнною особенностью націи, тотъ не можетъ ни къ чему прикасаться и въ каждой порчѣ языка долженъ видѣть дѣйствительное улучшеніе. Но въ языкѣ нѣтъ ничего малаго, что бы не имѣло вліянія на великое, ничего неблагороднаго, что бы не наносило чувствительнаго вреда доброй его натурѣ. Вѣдь мы выводимъ же изъ обыкновенія на домахъ щипцы и выдающіяся балки, а на волосахъ пудру: зачѣмъ же намъ на письмѣ удерживать всякую дрянь?

20. Правописаніе.

Латинское письмо издавна перешло въ нашъ языкъ со стороны, и не безъ опасности оно было примѣнено къ нѣмецкимъ звукамъ; очень было дурно, что небрежный и превратный способъ писанія, вмѣсто того чтобъ примирить оба начала, ввелъ постепенно несообразности, которыхъ сперва нигдѣ не было. Въ послѣднія три столѣтія нѣмецкое письмо представляетъ такую шаткую и позорную непослѣдовательность, какой не видано ни въ какомъ языкѣ, и поправить дѣло чрезвычайно трудно. Къ этимъ несообразностямъ всѣ привыкли съ дѣтства, и никого не встрѣчаютъ такъ дурно какъ того, кто противъ нихъ возстаетъ. Отступленія въ мелочахъ только слегка осмѣиваютъ и еще терпятъ кое-какъ, но кто предлагаетъ коренныя преобразованія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ величайшее равнодушіе и невѣжество Какая нужда до измѣненій писателю, который заботится только о безпрепятственномъ и непринужденномъ выраженіи своихъ мыслей, которому тяжело было бы задерживать и себя самого и своихъ читателей недоумѣніями въ формѣ, которую, какъ ему кажется, онъ давно побѣдилъ. Только втайнѣ безпокоитъ его мозоль на ногѣ, когда онъ иногда вдругъ замѣтитъ

у себя неточное или невѣрное выраженіе. Совершенный переворотъ можетъ, по видимому, произойти только тогда, когда, при подготовленной грамматической основѣ, въ воспріимчивую эпоху, ему окончательно будетъ проложенъ путь словаремъ. Настоящій словарь можетъ только имѣть въ виду изрѣдка пробовать дорогу и подготовлять преобразованіе. Языкъ не можетъ терпѣть въ себѣ ничего нечистаго, что противится естественному его теченію. Въ области его нѣтъ приказаній и, какъ есть république des lettres, такъ и о словахъ и способѣ писанія ихъ окончательно рѣшаетъ обычай и народный судъ; начальство и правительство могутъ только подавать добрый примѣръ, такъ же точно, какъ они иногда подавали дурной. Справедливо было прежде всего обратить вниманіе на основательное опасеніе издателей, что публика, готовая принимать частныя улучшенія правописанія, испугалась бы слишкомъ сильнаго потрясенія того, что издавна принято и утверждено обычаемъ. При всей предоставленной намъ свободѣ, мы охотно подчинились благоразумнымъ ограниченіямъ: почти всегда умѣренныя и постепенныя реформы принимались, а слишкомъ крутыя находили сопротивленіе. Во всѣхъ ли случаяхъ мы держались надлежащей мѣры, покажетъ время

21. Удареніе.

Аделунгъ въ своемъ второмъ изданіи означилъ произношеніе многихъ отдѣльныхъ словъ посредствомъ удареній, но сомнительно, доставилъ ли онъ тѣмъ этому изданію преимущество передъ первымъ. Такое обозначеніе не совсѣмъ сходно съ употребительнымъ въ латинскомъ языкѣ и въ сущности мало приноситъ пользы. Ново-верхненѣмецкое удареніе падаетъ такъ однообразно, что оно почти всегда и безъ того извѣстно: въ простыхъ словахъ оно бываетъ на коренномъ слогѣ, въ составныхъ слѣдуетъ также опредѣленнымъ правиламъ.

(Здѣсь въ подлинникѣ слѣдуетъ краткое развитіе этихъ правилъ, подкрѣпленное примѣрами. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ, напротивъ, удареніе чрезвычайно разнообразно и законы его до сихъ поръ еще вполнѣ не изслѣдованы, да если и будутъ опредѣлены, должны оказаться довольно сложными, то ясно, что русскій словарь наоборотъ не можетъ обойтись безъ удареній).

22. Раздѣленіе труда.

Когда два каменьщика вмѣстѣ всходятъ на лѣса и одинъ работаетъ справа, а другой слѣва, то стѣны, колонны, окна и карнизы дома подымаются съ обѣихъ сторонъ совершенно единообразно, потому что все напередъ указано на чертежѣ и размѣривается по снурку. Случается также, что по натянутому холсту пишутъ два живописца, одинъ ландшафтъ, а другой фигуры, и первый оставляетъ послѣднему сколько нужно простора для разстановки и развитія ихъ. Можно бы подумать, что такимъ же образомъ и передъ словаремъ стоятъ два человѣка, которые, начертавъ себѣ опредѣленный планъ, кладутъ слоями и вправляютъ слова, поперемѣнно подаютъ другъ другу камни и передаютъ изъ рукъ въ руки инструменты, и что одинъ занимается этимологіей и формой, а другой значеніемъ словъ.

Но изслѣдованіе словъ требуетъ сосредоточенной умственной работы и уединеннаго размышленія; кто нашелъ происхожденіе слова, тотъ видитъ и проистекающія отсюда значенія, а кто съ одушевленіемъ углубился въ значенія, тотъ долженъ составить себѣ понятіе и о происхожденіи и корнѣ слова. Одно условливаетъ другое, и нити рвутся, какъ скоро выпустишь ихъ изъ рукъ. Иногда грунтъ, приготовленный однимъ изъ трудящихся, не былъ бы занятъ фигурами, придуманными другимъ, иногда такого грунта было бы недостаточно для этихъ фигуръ. На этомъ поприщѣ самыя сродныя мнѣнія легко расходятся, и уступчивое согласіе столь же вредно, какъ упорная настойчивость. Требовать, чтобы каждый изъ трудящихся подвергалъ свое оконченное изслѣдованіе суду сотрудника, было бы противно чувству самостоятельности, да притомъ такой судъ былъ бы неисполнимъ, потому что тутъ исправленіе стóитъ столько же труда какъ самая работа: вмѣсто того, чтобъ мнѣ шагъ за шагомъ идти по слѣдамъ другаго и снисходительно взвѣшивать всѣ его пріемы, лучше я не буду беречь самого себя и одинъ пойду тѣми путями. Къ тому же, когда оба работника стоятъ слишкомъ близко другъ къ другу, то они не свободны въ употребленіи инструментовъ.

Ясно, что участіе съ равными правами въ трудѣ словаря возможно только тогда, когда каждый изъ сотрудниковъ возьметъ на себя опредѣленныя части цѣлаго и на всемъ пространствѣ этихъ частей будетъ обращаться съ полною свободой. Что онъ отдѣлаетъ, должно безъ предварительнаго просмотра сотрудника входить въ составъ всей работы. Выборъ такихъ частей или отдѣловъ можетъ быть предоставленъ почти случаю, такъ какъ все въ области языка равно трудно и равно привлекательно. Но непримѣтно сообщество обращается къ взаимной пользѣ тѣмъ, что каждый изъ обоихъ сотрудниковъ съ своей точки зрѣнія, но при тѣхъ же средствахъ, въ то же время и, можно сказать, въ той же атмосферѣ, смотритъ, какъ товарищъ его выполняетъ общій планъ, и такимъ образомъ достигается необходимое единство цѣлаго труда. Они подобны двумъ поварамъ, которые, смѣняясь понедѣльно, подходятъ къ тому же очагу и готовятъ одинакую пищу въ той же самой посудѣ; пусть публика сама замѣчаетъ, гдѣ иногда одинъ положитъ слишкомъ мало соли, а другой пересолитъ; надѣюсь, что ни тотъ, ни другой не дастъ кушанью пригорѣть.

Въ первую недѣлю была моя очередь. Когда надо было приступить къ труду, я сказалъ Вильгельму: «Я возьму A, а ты возьми B:» — Это для меня слишкомъ скоро, отвѣчалъ онъ: дай мнѣ начать съ D. — Это казалось очень удобнымъ, потому что буквы A, B, C должны были составить первый томъ, и справедливо было предоставить каждому сотруднику особые томы. Но въ продолженіе работы оказалось, что букву B лучше разбить, чтобы не дать первому тому слишкомъ большаго объема. Вотъ почему мнѣ приходилось отдѣлать еще и порядочную долю втораго тома.

23. Сторонняя помощь.

Когда наконецъ дѣло должно было завязаться, то выступавшее, все еще не вполнѣ вооруженное словесное войско, въ рядахъ котораго открывались порожнія мѣста, не получало подкрѣпленій съ разныхъ сторонъ, откуда оно наиболѣе ожидало ихъ.

Ящики съ карточками, устроенные друзьями, которые ежедневно обращаются съ источниками языка, оставались пусты или нетронуты: такъ было трудно поддержать, въ виду обширнаго предпріятія, первоначальный жаръ и не дать ему превратиться въ лѣнивую дремоту. Тѣмъ пріятнѣе была неожиданная помощь.

(Упомянувъ здѣсь о двухъ принесенныхъ ему въ даръ богатыхъ собраніяхъ словъ, которыя составлялись не съ этою цѣлью, Я. Гриммъ называетъ потомъ 83 человѣкъ, дѣлавшихъ, по его порученію, разныя выписки собственно для словаря. Между этими лицами, прибавляетъ онъ, было человѣкъ 12 профессоровъ, 2—3 пастора; всѣ остальные были филологи, и ни одного юриста или врача, чѣмъ опять подтверждается сказанное выше на стран. 216-й. Не всѣ изыскатели равно ясно сознавали цѣль задачи, не всѣ работали съ тою же постоянною настойчивостью, такъ что многіе важные писатели едва только половиною своихъ трудовъ вошли въ словарь.)

III. СЛОВАРНЫЕ ТРУДЫ ДАТЧАНЪ.

Есть хорошій словарь датскаго языка, составленный покойнымъ Мольбекомъ. Сверхъ того, около ста лѣтъ тому назадъ Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ предприняло словарь; но онъ и до сихъ поръ не конченъ. Еще въ 1745 г., вскорѣ послѣ основанія Общества, въ немъ возникъ вопросъ о составленіи словаря; — но не прежде какъ черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1776 году, окончательно согласились въ основаніяхъ этого труда: положено было составлять словарь по идеѣ англичанина Джонсона. Въ самомъ началѣ уже дѣло шло вяло, редакторы мѣнялись, и къ концу 1780 г. отпечатана была только буква A. Первый же томъ (до конца буквы E) явился не прежде 1793 г., при чемъ тогдашній редакторъ подавалъ надежду, что весь трудъ будетъ конченъ чрезъ 15 лѣтъ. Но какимъ образомъ это могло осуществиться, когда на одинъ первый томъ употреблено было болѣе времени? Дѣйствительно, словарь и послѣ подвигался тихо; назначенная для изданія его коммиссія дѣйствовала безъ всякаго одушевленія и усердія, пересматривала изготовленныя буквы медленно, часто мѣнялась въ своемъ составѣ и избирала редакторовъ не всегда удачно, такъ что выходившія части словаря справедливо подвергались строгой критикѣ и не удовлетворяли требованіямъ науки. Такъ продолжается дѣло до сихъ поръ: отпечатана только 7-я часть словаря, доведеннаго до буквы U; наконецъ уже виденъ берегъ, но это будетъ мозаика, весьма неудо-

влетворительная въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ. Въ числѣ нынѣшнихъ членовъ словарной коммиссіи есть люди съ высокимъ ученымъ достоинствомъ и съ громкими именами, но они не могутъ смотрѣть съ любовью на дѣло, начатое безъ нихъ и успѣхъ котораго отъ нихъ уже не зависитъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія шла рѣчь о томъ, чтобъ оставить это дѣло; однакожъ ученое общество не сочло себя въ правѣ отказаться отъ предпріятія, на которое было положено столько трудовъ и издержекъ и которое сверхъ того было начато и ведено по волѣ правительства.

Словарь датскаго Общества наукъ служитъ новымъ доказательствомъ истины, въ которой мы и прежде уже убѣдились: что такое сложное и трудное дѣло, болѣе всякаго другаго требующее постоянныхъ, напряженныхъ усилій и единства въ исполненіи, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено многими; не можетъ быть также поручаемо тому или другому лицу, которое не чувствуетъ особаго къ тому влеченія и принимается за это дѣло не по призванію, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще въ умственныхъ трудахъ, требующихъ присутствія одной мысли и таланта, коллективная работа невозможна. Идея, будто цѣлое ученое общество можетъ общими силами трудиться за однимъ какимъ-нибудь предпріятіемъ, ошибочна. Фенелонъ желалъ, чтобы Французская Академія составила піитику; но, замѣтилъ г. Вильмень, разсуждая со мною объ этомъ[1]), есть ли возможность, чтобы люди, имѣющіе каждый свой самостоятельный образъ мыслей, сошлись по такому предмету, который допускаетъ наиболѣе разнообразія мнѣній и вкуса? На вопросъ мой Якову Гримму, кѣмъ онъ замѣнитъ покойнаго брата своего въ изданіи словаря, онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ стараться обойтись безъ сотрудника, потому что только братъ его и былъ способенъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ, не мѣшая ему.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я человѣка, который въ тишинѣ и неизвѣстности съ изумительнымъ терпѣніемъ трудится надъ сло-

[1]) Во время моего заграничнаго путешествія въ 1860 году.

варемъ своего народа. Это — г. *Левинъ*, уже лѣтъ 40 собирающій матеріалы для такого труда. При мнѣ онъ былъ занятъ выписываніемъ словъ и выраженій изъ писателей, изъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Составившіяся такимъ образомъ карточки — каждая носитъ одно только слово съ одною выпискою — распредѣляются по шкапикамъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 96-ти ящичковъ. Въ выпискахъ г. Левину помогаютъ два студента и, по его увѣренію, такіе два молодые сотрудника могутъ очень легко быть пріучены въ совершенствѣ къ подобному труду. Если г. Левинъ съ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовію къ избранному дѣлу соединяетъ такую же свѣтлость мысли и пониманіе дѣла, то можно надѣяться, что трудъ, который онъ совершаетъ въ одиночествѣ, далеко превзойдетъ словарь Общества наукъ.

IV. РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ

Г. МАКАРОВА (Спб. 1867 г.).

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно[1]), и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серіозные, многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ настойчивой дѣятельности. Словарь его удовлетворяетъ бо́льшей части требованій, существующихъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго; особенно будетъ онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго языка, во 2-хъ — въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ

[1]) Т. е съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ изъ продажи весьма хорошо составленный словарь И. И. Татищева, изданный въ 1824 году Глазуновымъ.

случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бо́льшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема непзбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней-мѣрѣ до замѣчательнаго труда г. Даля, не было въ нашихъ словаряхъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней-мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства. Г. Макаровымъ, между прочимъ, пропущены слѣдующія слова*): бытовой, водораздѣлъ, главенство*, голосованіе*, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (— ая повинность), корениться, крѣпостникъ*, мѣропріятіе, набросокъ*, накидокъ* (esquisse), настроеніе, непререкаемый,

*) Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ русскихъ словарей.

обрядовой, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный*, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (— вѣсіе)*, проходимецъ*, равноправный, самовосхваленіе*, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе*, самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ*, сопоставлять, сторонникъ, ступеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ*, цѣлесообразный*, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другаго рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. запмословіе, нѣщечко), частью слышатся въ общежитіи (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обознаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки [1]).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г. Макарова менѣе посчастливилось чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь упущено изъ виду

[1]) Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866, № 232.

значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, acteur, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный*, *дѣятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направленіе, direction». Надо было прибавить: tendance.

«Насущный, — хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». Quotidien не выражаетъ кореннаго значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος (*на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractères». Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Починъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался въ сторонѣ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de...

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ.

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Рознь, la différence, diversité». A divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся на одну главную мысль.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать*, *идти*, *молоть*, *стлать*, *брать*, *жать*,

мять и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду*, *шелъ*, *мелю*, *стелю*, *беру*, *жму*, *жну*, *мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près или il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить. «Не всякое слово въ строку». Г. Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Г. Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стóитъ вниманія и должно вмѣняться въ вину».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однакоже, что они не могутъ и не должны заслонять собою огромной массы всего хорошаго, чтó въ немъ заключается. Безъ критическихъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ бóльшихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно-изданный трудъ его.

ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ МѢСТЪ.

Въ октябрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго «о славянскихъ топографическихъ названіяхъ». Любопытное содержаніе ея подаетъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, еслибы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя рѣдко бываетъ случайнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ *снѣга* или его *бѣлизны:* Mont-Blanc значитъ бѣлая гора; Sierra Nevada (въ Испаніи) — снѣжная цѣпь; Snowdon (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; Snöhätta (на Скапд. полуостр.) — снѣжная шляпа; Schneekoppe или Sněžka (въ Чехіи) — снѣжная вершина; Бѣлуха въ Сибири; Гималай — жилище снѣга или зимы; Давалагири — бѣлая гора [1]), и проч. Для насъ наглядны

[1]) Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому albus; по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ *гора*

становятся многія урочища, когда намъ объяснится ихъ названіе: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта, Cordilleras de los Andes, перестаетъ быть мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что Anta у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а Cordillera на испанскомъ языкѣ — цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ германскимъ Erzgebirge, Рудный хребетъ[1]). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, на которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи или исторіи, и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языкознаніе болѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формой для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англіи небольшою книжкой подъ заглавіемъ: «The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained, by *Edwin Adams*»[2]). Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) «Словотолкователь» г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели какимъ располагалъ авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности не-

[1]) По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ *востокъ*.

[2]) То-есть, Географическій Словотолкователь или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году

удовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному своему населенію, потомству шестаго Іафетова сына «Meschech». Такимъ же образомъ и міръ западнославянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій топографическихъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и *термины* географическіе, напримѣръ, reefs, straits и т. п., что по настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе, что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, оставляя въ сторонѣ словопроизводство, которое, при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

Что касается до славянскихъ именъ мѣстъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Съв. Пчелу* 1849 №№ 6—15 [1]); но эта мысль, теперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда будетъ составленъ соотвѣтствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждаго установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ

[1]) Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Рыльскій*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ именъ мѣстъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: «Географическіе учебники, по большой части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; еслибы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тамъ славянскими туземцами, напримѣръ, Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ» Въ № 15 самъ издатель *Съв. Пчелы*, покойный Н. И Гречъ, хотя и глумится надъ мыслію замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими, однакожъ не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводитъ азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ

для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: «Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr. J. G. Th. *Graesse*»[1]). Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλς: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или корнеслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интересъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе переводить инородческія топографическія названія. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ-то: Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або)[2]); но многія другія, финскія, шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другаго случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кедипивъ, по другимъ спискамъ Кепедивъ,

[1]) То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

[2]) См. объ этихъ именахъ особое примѣчаніе въ концѣ настоящей статьи.

Декипивъ, переведено: *Солнца рука.* Это переводъ слова käde-päiwä, состоящаго изъ käsi (родит. пад. käden) — рука, и päiwä— солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. (См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144, и Карамз. II, пр. 144).

Подъ 1116 г. Оденпе — *Медвѣжья голова*; по-настоящему должно бы быть: Ohdonpää — городъ недалеко отъ Дерпта. (Объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построенія имъ города на Невѣ, сказано: «похвалившеся окаяньніи, нарекоша его Вѣнецъ земли» (Нов. I, 67). Такъ переведено имя Landskrona; на нынѣшнемъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. I, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. Aurajoki переведено: *Полная рѣка.* Настоящее финское названіе Awara joki (awara — обильный, обширный). Аурою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228, и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. Neuhausen переведено *Новый городокъ, Новгородокъ* (Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков. лѣт.). Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каянскую землю, *на десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Сиговая* и *Снѣжная* — названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Lumijoki и Siikajoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ Ботническій заливъ къ югу отъ Улео-

борга. Имя послѣдней, Сикаіоки, является вторично въ исторіи Финляндскаго похода 1808 г. (См. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Никон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность уяснять себѣ значеніе иноязычныхъ названій мѣстъ замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 года[1]). Тамъ рѣка эта называется *Sester;* да еще и гораздо позднѣе, въ 16-мъ вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Нынѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ — Systerbäck — утвердилось въ шведской дипломаціи не прежде какъ во второй половинѣ 16-го столѣтія. Настоящее финское имя этой рѣки — Rajajoki — явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (raja — граница, край[2]), а joki — рѣка); впрочемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «по старой пошлинѣ», то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt;* такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни Шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

---

[1]) Шведскій текстъ этого договора см въ журналѣ *Suomi*, Helsingfors 1841, стр. 64, и статью о нотеборгскомъ мирѣ въ *Kongl Vitterhets & c. Academiens Handlingar*, XX d., Sth 1852, стр. 179 и 180.

[2]) Любопытно это слово raja въ финскомъ языкѣ: по санскр. râjis, по русски *край* значатъ то же самое Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у Русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

Касательно названія *Орѣховъ*, *Орѣховецъ* или *Орѣшекъ*, замѣтимъ, что Русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, именовали ее такъ потому, что Финны самый островъ звали Päähkinä-saari (Орѣховый островъ). Впослѣдствіи и Шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается такая форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надо отнести названіе *Сердоболя* (Ф. Sorttawala), города впрочемъ новаго, возникшаго уже послѣ Столбовскаго мира. Оно происходитъ, вѣроятно, отъ финск. причастія sorttawa, *разсѣкающій*, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавшагося въ берегъ Ладожскаго озера[1]); слогъ *la* служитъ часто окончаніемъ въ именахъ мѣстъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ 18-го столѣтія (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»)— *Стеколна*[2]). Подлинное названіе значитъ *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ 13-мъ столѣтіи). *Царское Село* перво-

[1]) См. мои «Переѣзды по Финляндіи», стр. 14

[2]) Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдина.

начально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большаго ровнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе: *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде, нежели оно перешло въ офиціальный языкъ[1]). Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадается подъ именемъ *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Верещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, покойный финляндскій профессоръ Акіандеръ (Utdrag ur Ryska Annaler, стр. 129) предлагалъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогаръ на Куръ-островѣ[2]), то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma* — трупъ, покойникъ. Что асается до второй половины, то у Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar* — Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. Книга Большому Чертежу, изд. г. Спасскимъ, стр. 204—207); все это были имена городовъ. Въ историческомъ атласѣ Павлищева, а также на подробной картѣ генерала Шуберта названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близъ впаденія Унжи въ Волгу, и проч.

Нѣкоторыя имена мѣстъ являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г. встрѣчается названіе рѣки *Узьерва* (Новг. лѣт.; Урзево и Узерва по Кн. Больш. Черт.): оно взято съ финскаго uusi-järwi, что значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое

---

[1]) Въ офиціальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ частномъ быту употреблялось еще долго и прежнее названіе; напримѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

[2]) См. статью Базилевскаго въ *Сынѣ Отечества*, 1847 г.

образовалось на глазахъ народа, — вѣроятно, нынѣшнее *Суванто* близъ зап. берега Ладожскаго озера. Это Суванто произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ — отъ того ли, что вода въ озерѣ убыла, или отъ устроенія искуственной плотины; притомъ же и слово *Суванто* по-фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ*, *плесо*. Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешеекъ, отдѣлявшій Суванто отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять соединились.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: «Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею». Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Vuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; Русскіе называютъ ее Окса, Вокша (Кар. VII прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй — финское: *югъ* образовалось изъ juga или правильнѣе joki (у Зырянъ ju), что̀ значитъ *рѣка*; потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся joensuiset, то-есть, живущіе при *устьѣ рѣки*. Вторая половина приведеннаго имени (Устюгъ) встрѣчается и въ названіи *Пинега*, которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (pieni = маленькій, joga = рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki*. Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что Русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ іоты, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ, имя *якорь* соотвѣтствуетъ греческому ἄγκυρα, скандинавскому akkeri и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія; то-есть, при заимствованіи собств. имени, имѣющаго въ

началѣ своемъ іоту, эта послѣдняя откидывается, и звуки *йе, йо* превращаются въ *о* или *а*. Такъ, изъ именъ Евстафій, Іосифъ, Евдокія, Елена образованы Астафій, Осипъ, Авдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя нариц. имена, начинающіяся съ буквы *о*, напр. озеро, олень, осень, коимъ въ церковно-славянскомъ соотвѣтствуютъ начинающіяся съ *е*: езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ Новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV, прим. 114) между волостями Новгородскими упоминается и *Перемъ:* вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую Скандинавы перепменовали въ Біармію. Объясненія имени *Пермь* должно, по-видимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ: *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (perä = позади, maa = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ Пермяки, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гойны, жилъ необыкновенный силачъ, племени Чудскаго, который назывался *Перя*, отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ*, а потомъ и весь народъ стали, «для удобнѣйшаго выговора», звать *Пермяками*. Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (Komi, Komilaiset, Komy)[1]), по имени р. Камы или, по ихъ произношенію, *Кумы*, почему Акіандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермяками, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стóитъ нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрéна[2]), они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва*

[1]) Кастренъ въ Suomi 1845, стр. 9, и Акіандеръ въ Utdrag, стр. 123
[2]) Suomi 1845, стр. 7.

въ переводѣ значитъ: народъ у воды; *Зыряне*, *Мокшане*, *Печора* — также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси. Это понятіе на финскихъ языкахъ выражается звуками: wa (зыр.), wu (вот.), wit (черем.), wesi или собств. wete (финск.), wäd (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, Wasser, vatten. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми — mort (Зыряне) или тага (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ, теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur* (а это то же, что mort или murt — человѣкъ) и *та*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ, Мурома значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва — народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснить генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ [1]).

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію, употребляемому Петербургскими жителями для означенія Финновъ, населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *таа-*

[1]) Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

mies, или *maan-mies* (maa — земля, mies — мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista* — «не понимаю».

Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ Ingrikot [1]), а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе очевидно передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носоваго звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *г*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *е* (Ingermanland). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (И. Г. Р. I, пр. 485, и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Алдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Алдейгаборгъ* (вѣроятно, старая Ладога), упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ — въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *а*. Но что́ за слово *Альдога?* По-фински Aalto значитъ волна, валъ, и не удивительно было бы, еслибъ озеро, грозное своими бурями, своимъ волненіемъ, отъ этого признака получило свое названіе на языкѣ коренныхъ обитателей своихъ береговъ; въ такомъ случаѣ первоначальною формой имени его была бы Aaltoka. Впрочемъ надобно прибавить, что нынѣшніе Финны зовутъ это озеро, по примѣру Русскихъ — Laatoka.

Въ Лѣтописи и въ Книгѣ Большаго Чертежа оно носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (newo) значитъ болото или топь. Замѣчательно, что подобно нашей Невѣ многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе; это имя: *Ряса* [2]); оно такъ объ-

[1]) Отъ слова inger-рѣчка (Аніандеръ въ Utdrag, стр. 54).

[2]) Конечно, отсюда и названіе города Рясска, который давно забылъ свое

яснено въ Опытѣ Областнаго Словаря: «топкое или и просто мокрое мѣсто». Шведы передѣлали финское названіе нашей Невы въ Nyen (произн. Нюэнъ), такъ что когда въ 17-мъ столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе, то наименовали его *Nyenskans*, то-есть, Невскій шанецъ. Такое сложное слово для Русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы* (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. Slott = нѣм. Schloss, за́мокъ).

Названіе озера *Ильмень*, иначе *Ильмеръ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *yli-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ сродствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляетъ отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *Ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ Землѣ Донскихъ казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ*; мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: «Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.». Итакъ, и Ильмень и Лиманъ означаютъ: во 1-хъ, широкій разливъ рѣки; во 2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подкрѣпляется Книгою Большаго Чертежа, гдѣ о рѣкѣ Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ «проливу морскую въ *Ильмень*» (см. изд. Спасскаго, стр. 77, 99 и

происхожденіе и въ книжномъ языкѣ принялъ форму *Ряжска*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Рясскій*; они говорятъ: *изъ Рясскаго, въ Рясскомъ*.

102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣчено г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Лиманъ, а по старинному Ильмень». Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова Λίμνη — озеро, прудъ, «отъ котораго», прибавляетъ г. Спасскій, «вѣроятно получило свое имя и озеро Ильмень близъ Новгорода». Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе сродствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и названіе германской рѣки Ilmenau, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Ilmenau окончаніе есть нарицательное имя *au*, *aue*, которое сродни латинскому aqua, готскому ahwa и значитъ: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная). Есть и городъ Ilmenau.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло, изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большое число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше; такъ, и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова kivi (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: kanta (край, уголъ, рогъ, отъ нѣм. Kante) и lahti (заливъ): это угóльная, рогообразная губа Бѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Лукавка (см. Словари Областной и Даля). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ названій мѣстъ съ западно-и южнославянскими.

Вотъ нѣсколько, хотя и скудныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осу-

ществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кеппена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ «Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ» произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію, въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

ПРИМѢЧАНІЕ.

(къ стр. 254.)

Относительно именъ: *Колыванъ*, *Ругодивъ*, *Раковоръ*, *Людеревъ* и другихъ имъ подобныхъ мы находимъ объясненія и догадки въ брошюрѣ г. Нейса (H. Neus), изданной въ Ревелѣ 1849 года подъ заглавіемъ: «Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern, wissenschaftlich erklärt».

Раковоръ образовано изъ эстонскаго Rakwer, Rakkowerre, въ которомъ, по его мнѣнію, окончаніе werre соотвѣтствуетъ слогу fer въ нѣмецкихъ названіяхъ эстляндскихъ имѣній, а этотъ слогъ можно сопоставить съ гот. fera, др. верх. нѣм. fiara, страна, край, и съ финскимъ wieri, кайма, сторона. Г. Нейсъ полагаетъ, что придуманная къ объясненію приведеннаго имени финская форма Rahkawuori (болотистая гора) произвольна.

Названіе *Ругодивъ*, какъ онъ думаетъ, можетъ происходить отъ имени Röge, которымъ въ книгѣ Liber census Daniae означается страна по берегу Пейпуса, къ сѣверу отъ Дерпта, и кото-

рое можетъ быть объяснено эстонскимъ roog, тростникъ, камышъ.

Городъ *Людеревъ* (Або), по изслѣдованіямъ Лерберга (Untersuchungen, стр. 191, 196 и д.) получилъ это имя отъ своего строителя Людера.

Что касается до названія *Колывань* (Ревель), то производство его отъ имени Св. *Олава*, которому посвящена знаменитая церковь въ этомъ городѣ, кажется мнѣ въ высшей степени натянутымъ, и такъ какъ авторъ брошюры самъ напослѣдокъ отказывается отъ этого производства, то не совсѣмъ понятно, къ чему можетъ служить длинный рядъ сближеній для покрѣпленія его. То же можно сказать и о стараніи пріурочить *Колывань* къ миѳическому Kallevi. Всего важнѣе для объясненія этого имени приводимое въ книжкѣ указаніе покойнаго Святаго на существующее въ народномъ языкѣ слово *голыванъ*, что̀ значитъ скала или, въ бранномъ смыслѣ, бѣдняга, хотя впрочемъ и это сходство звуковъ еще не разрѣшаетъ вопроса: отчего бы *г* превратилось въ *к*? Но существованіе двухъ городовъ этого имени въ двухъ отдаленныхъ концахъ Россіи говоритъ въ пользу того, что объясненія слову *Колывань* надобно искать въ русскомъ языкѣ. Имя это можетъ быть сродни литовскому kalwas, холмъ, латыш. kalws, мысъ, эст. kaljo, скала, гора (Нейсъ, стр. 66).

Къ числу топографическихъ именъ, переведенныхъ въ русской лѣтописи, относится еще названіе *Клинъ*, встрѣчающееся подъ 1132 годомъ (I *Новг.* стр. 383. II *Новг.* стр. 15). Оно объяснено покойнымъ академикомъ Шегреномъ, который узналъ въ немъ переводъ подобозначащаго эстонскаго имени Wagia или Waiga, служившаго названіемъ части нынѣшняго Дерптскаго округа. При этомъ Шегренъ приводитъ также имена: *Медвѣжья Голова* (см. выше стр. 255) и *Городъ Воробіинъ*, эст. Warbale (I *Новг.* стр. 451). См. Mém. de l'Ac. Imp. d. Sc., VI Série, Sc. pol. & c., t. I, pag. 325).

ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

Укрѣпленная, стѣнами огражденная часть Москвы и многихъ другихъ старинныхъ городовъ русскихъ называется *кремлемъ*, а одно изъ укрѣпленій древняго Пскова извѣстно было подъ именемъ *крома:* не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?

Нарицательное имя *кромъ* до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ въ соединеніи съ предлогомъ *за*: *закромъ* означаетъ «забранное досками мѣсто въ видѣ неподвижнаго ларя» (*Толковый Словарь* Даля). То же самое, но въ болѣе обширномъ смыслѣ, значило старинное слово *кромъ*, часто встрѣчающееся въ Псковской лѣтописи какъ названіе укрѣпленія. Въ первый разъ оно употреблено тамъ подъ 1393 (6901) годомъ въ слѣдующемъ извѣстіи: «Заложиша Псковичи перси [1]) у крома, стѣну камену». Слѣдовательно, псковской *кромъ* былъ прежде деревянный. Кажется, онъ, согласно съ нынѣшнимъ значеніемъ *закрома*, служилъ сверхъ того запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ. Это заключеніе можно вывести изъ словъ лѣтописца при описаніи голода подъ 1422 г.: «А въ Псковѣ тогда быша старыхъ лѣтъ клѣти всякаго обилія изнасыпани на *кромѣ*» (*Пск. вторая лѣт.*). Авторъ *Историческаго описанія города Пскова* (Спб 1790), Ильинскій, постоянно и принимаетъ это слово въ исключительномъ значеніи запаснаго хлѣбнаго магазина и пишетъ *кромъ* съ маленькой буквы (см. въ его книгѣ стр. 38 и 43). Онъ старается опредѣлить и мѣсто *крома*:

[1]) Брустверъ (Примѣч. издателя лѣтописи).

по его мнѣнію, оно было «близъ соборной Троицкой церкви за Домантовой стѣной, на Псковѣ рѣкѣ». Съ конца 14-го столѣтія лѣтописецъ нерѣдко упоминаетъ, что на *крому* то ставили *костеръ* (башню), то закладывали *перси*. Такимъ образомъ *кромъ* получилъ значеніе укрѣпленія, но первоначально это слово означало только огороженное мѣсто, охранное строеніе.

Изъ положенія *псковскаго крома* наши лексикологи заключили, что *кромъ* значитъ вообще «*внѣшнее* городовое укрѣпленіе». Но это трудно доказать даже съ помощію нарѣчія *кромѣ:* въ основаніи его лежитъ конечно понятіе исключенія,— пожалуй, сторонности, внѣшности, но только въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ *кроме*, будетъ находиться внѣ прочаго. Что имя *кромъ* встарину дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости *вообще*, доказывается однимъ мѣстомъ синодальной библіи 1499 года, гдѣ сказано: «Обиташе же Давидъ въ *кроме*» (1 *Паралип.* 11, 7). Тутъ слово *въ кроме* соотвѣтствуетъ выраженію Вульгаты «in arce» и въ Острожской библіи замѣнено словомъ: *во обдержаніи* (въ Лютеровомъ переводѣ: «auf der Burg», во французскомъ «dans la citadelle»). Противъ приведеннаго мѣста въ синодальной библіи на полѣ приписано: инъ арце или въ вышегородцѣ [1]).

При словѣ *кромъ* должно упомянуть и объ особенномъ мѣстномъ употребленіи множественнаго числа его. *Кромы* во Владимірской губерніи означаетъ «ткацкій станъ со всѣмъ приборомъ и съ основою». В. И. Даль въ своемъ Словарѣ выводитъ изъ этого и названіе извѣстнаго города Орловской губерніи, но тутъ нашъ достойный лексикографъ ошибается: городъ *Кромы* названъ такъ по имени рѣчки *Кромы*, которая протекаетъ подъ нимъ и впадаетъ въ Оку [2]).

---

[1]) Указаніемъ этого мѣста изъ синодальной библіи обязанъ я И. И Срезневскому

[2]) Въ Воскресенской лѣтописи упомянутъ городъ *Кромъ* одновременно съ Москвою, т е. около середины 12-го столѣтія (*И. Г. Р.*, т. II, пр. 302). Вновь построенъ онъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, какъ пограничное укрѣпленіе противъ Татаръ, и тогда уже названъ *Кромы*. Заключается ли въ названіи рѣки *Кромъ* какое-нибудь понятіе, объ этомъ трудно судить безъ точнаго знакомства съ мѣстностью.

Рядомъ съ именемъ муж. р. *кромъ* есть еще имя женское, *крома* — ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю) или и вообще толстый ломоть чего-нибудь (по акад. Словарю), и уменьшительное его *кромка* — тотъ завершенный край матеріи, гдѣ нитка не высыпается; иногда же и просто край, кайма и т. п.

Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. *Церк.-Слав. словарь* его) старинное слово *кромьство* — внутренность.

Изъ предложныхъ именъ этого корня замѣтимъ *укроміе* — воздержаніе.

Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію *кромѣ*, которое собственно не что иное какъ мѣстный падежъ имени *кромъ*. Встарину это нарѣчіе встрѣчалось еще въ формѣ *кромѣ* (Словарь Востокова). Его значеніе было: *опричь*, *внѣ*, *въ сторонѣ*[1]).

Присоединимъ къ этому глаголъ *кромить* — отдѣлять, отгораживать (закромить, напр. гряду — «поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась» — Даль) и старинныя прилагательныя *кромный* и *кромѣшній* — внѣшній, также *укромный* (уютный, въ церк.-слав. воздержный) и *скромный* (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. чеш. kromni, частный.

Изъ противоположности въ значеніи словъ *кромьство* и *кромѣ*, *кромный* слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть присущее въ корнѣ слова и что *кромъ* означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное. Понятіе внѣшности придано его производнымъ по отношенію содержанія его къ постороннимъ предметамъ.

Переходя теперь къ слову *кремль*, замѣтимъ, что поводъ къ сближенію обоихъ названій заключается уже въ томъ, что самое слово *кромъ* въ эрмитажномъ спискѣ *Псковской лѣтописи* написано

[1]) Будучи мѣстнымъ падежомъ и соотвѣтствуя нынѣшнему *въ кромѣ*, это нарѣчіе первоначально должно было выражать идею изъятія посредствомъ огражденія отъ всего окружающаго· предполагаемый именительный падежъ долженъ быть *кромъ*, а не *крома*. Впослѣдствіи исконное значеніе слова забылось, и *кромѣ* дѣйствительно сдѣлалось равносильнымъ областному *сторонь*, приводимому г. Буслаевымъ.

однажды *кремъ*, что́ и означено между варіантами текста, изданнаго Археографическою коммиссіею (*Первая лѣт.* стр. 194). Эта форма *кремъ* псков. лѣтописи указана уже Шпмкевичемъ подъ словомъ *кремень* и едва ли можетъ считаться простою опискою, если принять въ соображеніе, что самое нарѣчіе *кромъ* встрѣчается въ видѣ *кремъ* (*Сборн.* 1073 г. 253: «еже *кремъ* сихъ то не въ роцѣ»[1]). Изъ другихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ сно равнымъ образомъ довольно распространено, словацкій имѣетъ также форму krem, kreme (см. Линде и Юнгмана).

Весьма важно для нашего сближенія извѣстіе, прочитанное Карамзинымъ въ Троицкой (впослѣдствіи утраченной) лѣтописи: «погорѣ (1331 мая 3) городъ *Кремникъ* на Москвѣ». Здѣсь *Кремникъ* есть, кажется, не что иное какъ видопзмѣненіе знакомаго намъ слова *кромъ* чрезъ посредство прилагательнаго *кромный*, или *кремный* (замкнутый въ себѣ, огороженный). П. М. Строевъ, справедливо отвергая догадку Карамзина, будто *кремль* происходитъ отъ *кремня*, замѣчаетъ: «Въ лѣтописи могло быть *кромникъ*: цитадель псковская называлась *кромъ*»[2]). Здѣсь г. Строевъ уже весьма близко подходитъ къ истинѣ; но ему неизвѣстна была другая форма слова *кромъ* съ гласною *е*, и онъ не имѣлъ въ виду той легкости, съ какою звуки *о* и *е* смѣняются въ словахъ одного корня. Поэтому вѣроятно, что уже въ первые вѣки послѣ построенія Москвы укрѣпленная ея часть, вышгородъ, пазывалась *кремникомъ*, и такъ какъ тогда городъ еще не могъ имѣть каменныхъ стѣнъ, то ясно, что *кремникъ*, такъ же какъ и *кромъ*, вначалѣ означалъ обнесенное деревянными стѣнами укрѣпленіе. *Кремникъ* и *кремль* — конечно слова одного происхожденія, но первое болѣе древняго, а другое позднѣйшаго образованія. Послѣднее слово, по замѣчанію г. Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ встрѣчается не прежде временъ Ѳеодора Ивановича[3]); но слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ народѣ оно не употреблялось ранѣе? Доказательство, что

[1]) По указанію И. И. Срезневскаго

[2]) См. *Указатель* при *Выходахъ царей и великихъ князей*. М. 1844.

[3]) Тамъ же.

оно было извѣстно и до указанной г. Строевымъ эпохи, представляетъ опять синодальная библія 1499 г, гдѣ въ 1 *Ездр.* 6, 2, имя *кремль* придано Экватанѣ [1]). По всей вѣроятности, слово *кремникъ*, подмѣченное Карамзинымъ, было извѣстно народу, но позднѣе сократилось въ *кремль*, и уже эта форма вошла въ языкъ книжный Что она имѣла значеніе не мѣстное, не собственнаго имени, а общее, какъ имя нарицательное, въ этомъ удостовѣряетъ насъ, сверхъ появленія *кремлей* во многихъ городахъ, еще и образъ письменнаго употребленія слова: кромѣ приведеннаго случая изъ синодальной библіи, важно въ этомъ отношеніи также мѣсто, выписанное Востоковымъ изъ хронографа 16-го вѣка, гдѣ слово *кремль* означаетъ дворецъ болгарскихъ государей: «црь Никифоръ на болгары поиде... и побѣди ихъ крѣпко, яко и г лемаго двора князя ихъ иже есть *кремль* пожещи его». Правда, Востоковъ прибавляетъ: «Не ошибка ли вмѣсто *Крумъ*, имени князя болгарскаго [2])? И дѣйствительно», продолжаетъ онъ, «въ Амартолѣ 1456 г.: яко и г лемаго двора князя ихъ иже авто крумля пожещи». Но для насъ знаменательна именно ошибка, доказывающая близкое знакомство переводчика или переписчика съ словомъ *кремль* [3]).

Впрочемъ, это или подобозвучное имя, въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ Русскимъ, а и другимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной хорутанской пѣсни:

Oj ti preljuba kremliza, ki si nasaBraniza [4]).

---

[1]) *Историч Грамм* Буслаева, ч. II, стр 9.

[2]) Крумъ, или Кремъ, сильный болгарскій государь въ началѣ 9-го столѣтія (*Сл др.* Шафарика, т. II, кн. I, стр. 281)

[3]) Нужнымъ считаю однакожъ оговориться: здѣсь *кремль* могло быть и не ошибкою, а правильнымъ притяжательнымъ отъ личнаго имени *Кремъ*, какъ *Ярославль* отъ *Ярославъ*. Итакъ наше *кремль* ужъ не названіе ли болгарскаго Кремова замка, перенесенное на всѣ подобныя постройки? Допустить этого нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ сейчасъ, и въ другихъ славянскихъ земляхъ встрѣчаются сходныя названія. Да и чѣмъ бы объяснялся тогда *кремникъ* 1331 года?

[4]) Urban Jarnik, Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart, Klagenfurt, 1832, стр. 237.

Сюда же относится, вѣроятно, и названіе древней венгерской крѣпости Kremnitz (кремница = кремникъ). Еслибъ имѣть въ рукахъ точные указатели названій мѣстъ въ разныхъ славянскихъ странахъ, то можетъ быть, нашлись бы и другія мѣста отмѣченныя подобными именами. По Россіи разбросано много древнихъ городовъ и селеній, въ названіяхъ которыхъ слышатся звуки, принадлежащіе, кажется, тому же корню. Не легче ли объясняются такимъ образомъ имена: *Кременецъ*, *Кременчугъ* (первоначально Кременчикъ?), *Кременчуки*, *Кременичи*, *Кременки*, *Кременскъ*, *Кременная* слобода, *Кременская* станица и *Кремлево*[1]), нежели съ помощью *кремня?* Непонятно было бы, отчего въ Россіи такъ много селеній названо по имени этого твердаго камня, тогда какъ далеко не всѣ исчисленныя названія означаютъ сильныя крѣпости, да и тѣ изъ нихъ, которыя издревле составляли укрѣпленныя мѣста, въ началѣ конечно не имѣли каменныхъ укрѣпленій. Гораздо естественнѣе принять, что въ этихъ именахъ

---

[1]) 1) *Кременецъ*, уѣзд. гор Волынской губ. Полагаютъ, что онъ былъ основанъ въ 8-мъ или 9-мъ в. Дулебами. Во всякомъ случаѣ замокъ уже упоминается въ Польской исторіи подъ 1068 г , когда владѣтель его, какой-то Моносей, изъ рода Денисковъ, сдалъ его Болеславу Смѣлому.

2) *Кременчугъ*, уѣзд. гор. Полтавской губ Время основанія достовѣрно неизвѣстно, и только Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи упоминаетъ о томъ, что Кременчугъ былъ заложенъ въ 1571 г. Въ книгѣ Большаго Черт. Крем. не упоминается, но Бопланъ, посѣтившій этотъ городъ въ 1655 г., нашелъ уже Крем довольно красивымъ городомъ.

3) *Кременчуки*, небольшое село Волынской губ. Заславскаго уѣзда

4) *Кременичи*, или *Кременецкій* погостъ Новгородской губ. Тихвинск. уѣзда Упоминается въ писцов. книгахъ 1582 г. (въ Обонежской пятинѣ); существуетъ и нынѣ

5) *Кременки*, значительное село Нижегородской губ. Ардатовскаго уѣзда

6) Тоже, значит. село Самарской губ. Ставропольскаго уѣзда.

7) Тоже, значит. село Симбирской губ. и уѣзда.

8) *Кременскъ*, небольш. село Калужской губ. Медынскаго уѣзда съ остатками стараго городища. Городъ Крем. упоминается въ кн Больш. Чертежа

9) *Кременная* слобода Харьковской губ. близъ города Славянска.

10) *Кременская* станица и при ней Кременецкій мон. въ области В. Донскаго Усть-Медвѣдицкаго окр.

11) *Кремлево*, значит. село Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда въ 15 верст. отъ уѣзд. города. (Изъ матеріаловъ П. П. Семенова.)

основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ *кромъ*, т. е. понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами, какъ бы закромленнаго. То же самое значилъ первоначально *городъ*, и мы также находимъ селенія подъ названіями *Городецъ*, *Городня*, *Городище*, и т. п. Московская крѣпость въ письменномъ языкѣ долго называлась *Городъ*, *Каменный городъ*, послѣ построенія Китая — *Старый Каменный городъ*, а по заложеніи Бѣлаго города (Царева) — *Кремль*[1]). Отсюда видно, что послѣднее названіе окончательно утвердилось только тогда, когда слово *городъ* утратило свое первобытное тѣсное понятіе и для выраженія этого послѣдняго потребовалось другое слово. Замѣчательно, что у западныхъ Славянъ, напротивъ, *градъ* сохранилъ свое первобытное значеніе и мѣстами соотвѣтствуетъ нашему *кремлю* (*Градчаны* въ Прагѣ).

Чтобы убѣдиться въ этимологическомъ родствѣ *кремля* съ *кромомъ*, надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: а) со стороны его значенія, и б) со стороны его формы.

Въ разсужденіи значенія имени *кремль*, мы находимъ близкія къ нему слова, которыя безъ всякаго отношенія къ укрѣпленной постройкѣ заключаютъ въ себѣ, такъ же какъ и производныя отъ *крома*, понятіе отдѣльности, особности въ пространствѣ. Первообразное жен. р. *кремь* значитъ, по академическому словарю, «ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучшій строевой лѣсъ», слѣдовательно нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго; оттуда *кремлевое* дерево — которое растетъ на краю лѣса, одиноко и на просторѣ, крѣпкое, здоровое (по Далю) и *кремлевникъ* — хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ (обл. словарь). Мы не знаемъ, съ достаточною ли точностью опредѣлены здѣсь эти слова, и догадываемся, что въ опредѣленіи первыхъ двухъ нѣсколько участвовало предвзятое понятіе, что они происходятъ отъ имени *кремль* въ значеніи крѣпости, тогда какъ они только паралельныя съ нимъ отрасли того же корня. Замѣчательно, что и по-польски слово «krem» означаетъ дерево,

[1]) Строевъ.

отобранное для улья, но еще не выдолбленное (см. Словарь Линде [1]).

Что касается до формы слова *кремль*, то для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ *кромъ* стоитъ только припомнить, какъ часто въ славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня, принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи, то *о*, то *е*, напр. *моръ — смерть*, *воля — велѣть*, *доля — дѣлить*, *звонить — звенѣть* и т. п. Правда, что все это слова глагольнаго корня; однакожъ есть подобные случаи и другаго рода, напр. *Волосъ* и *Велесъ*, и въ церковно-славянскомъ языкѣ слова: *столя* и *стеля* (потолокъ), *громъ* и *гремъ* (въ значеніи куста, см. словарь Востокова [2]). Не говорю уже о томъ, что есть слова, которыя въ одномъ славянскомъ нарѣчіи являются съ *о*, а въ другомъ съ *е*, напр. осень, озеро, — есень, езеро. Букву *л* въ концѣ слова *кремль* надобно признать не самостоятельною, а пришлою вслѣдствіе умягченія согласной, какъ въ словахъ *земля* (земь, оземь), *журавль* (журавъ) и др. *Кремль* относится къ *кроме* точно такъ же какъ *граждь* (церк.-слав. = огражденіе) къ *граду*.

Начиная отъ словаря Россійской Академіи, всѣ наши лексиконы при опредѣленіи слова *кремль* ограничиваютъ его понятіе признакомъ *внутренней* крѣпости. Г. Даль, пріурочивая названіе *кремль* по прежнему къ *кремню* (впрочемъ съ вопросительнымъ знакомъ), даже противополагаетъ *кремль кроме*, какъ означающему *наружное укрѣпленіе*. Отвергнувъ такое ограниченіе при словѣ *кромъ*, я долженъ отвергнуть его и при словѣ *кремль*, которое, по моему мнѣнію, значитъ вообще крѣпость: въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Буслаевымъ (*Истор. грам.* ч. II, § 109). Если обратимъ вниманіе на кремли разныхъ городовъ, то увидимъ, что и въ дѣй-

---

[1]) Любопытно, что какъ у насъ слова *кремь*, *кремлевый* (у Поляковъ также krem), употребляются въ отношеніи къ лѣсу, такъ у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ къ тому же служатъ *гремъ* (серб , дубъ), germ (хорут., кустъ): въ церк.-слав *громъ* и *гремъ* знач. кустъ.

[2]) Къ этой же категоріи словъ можно отнести нѣсколько именъ съ другими гласными буквами, напр. кудесникъ и чюдо (кюдо), кукла и чучела (кюкьла)

ствительности они далеко не вездѣ находятся внутри города, напр. въ Нижнемъ.

Но что же мы сдѣлаемъ съ словомъ *кремень?* Неужели точно столь явное для многихъ сродство его съ словомъ *кремль* есть только видимое? Кажется, этотъ результатъ самъ собой вытекаетъ изъ предыдущихъ замѣчаній. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе слова *кремень*, которое повело бы меня слишкомъ далеко, позволю себѣ только заявить сильное сомнѣніе, чтобы имя *кремень* можно было этимологически сближать съ глаголомъ *кресать*, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Во-1) невѣроятно, чтобы первоначальное названіе этой породы камня дано было ей отъ самаго случайнаго ея свойства; правда, кремень и по-гречески называется πυρίτης и по нѣмецки Feuerstein, но это уже позднѣйшія его названія, какъ по русски *кресиво* или *огниво*, исконное же названіе кремня и у Грековъ и у Нѣмцевъ совсѣмъ другое (κόχλαξ, Kiesel). Во-2) какъ могло *кресать* перейти въ *кремень*: гдѣ же осталось коренное *с*, и откуда окончаніе *мень?* Нельзя согласиться съ тѣми, которые въ этомъ слогѣ видятъ другую форму окончанія *мя* именъ *сѣмя*, *племя*, *пламя* или *пламень*. Нѣтъ примѣра, чтобы такое окончаніе носило удареніе, и въ родит. падежѣ принимало признакъ мужескаго рода съ исключеніемъ гласной *е* (*мня*)[1]). По виду, въ какомъ падается *кремень* внутри известковыхъ холмовъ (кругляками) и по легкости его отдѣленія отъ нихъ можно бы прямо признать это слово происходящимъ отъ того же корня, какъ имена *кромъ* и *кремль*, еслибъ не останавливало то соображеніе, что въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ словѣ *кремень р* является умягченнымъ чего не предполагаютъ слова *кромъ* и *кремль*.

Если станемъ искать первоначальнаго корня словъ *кромъ* и *кремль*, то намъ нельзя будетъ не остановиться на томъ явленіи, что въ славянскихъ языкахъ, для образованія многихъ словъ, выражающихъ понятія пространства, служитъ корень, состоящій

[1]) Напротивъ, слово *кремень* по образованію подходитъ къ именамъ *камень*, *ремень*, *кистень*, *плетень*, гдѣ окончаніе составляютъ буквы *ень*, предыдущая же буква принадлежитъ къ корню.

изъ буквы *р*, предшествуемой одною изъ гортанныхъ (к, х, г), иногда съ промежуточною гласною. Такъ произошли слѣдующія слова:

Съ помощію кр: край, церк.-слав. укръ (граница); кромъ, кремль, хорват. kram, отдѣльная комната, клѣть.

Съ помощію хр: храмъ (въ первобытномъ значеніи дома, зданія; еще въ Остр. ев оно зн. домъ), хоромы; польск. chromina, хижина, изба; хорут. hram, вмѣстилище, зданіе, кладовая; чеш. chram, строеніе, домъ [1]).

Съ помощію гр: грань; градъ, городъ (въ первон. знач. огороженнаго мѣста, чему соотвѣтствуетъ гот. gards, домъ; нѣм. garten, садъ; шв. gård, дворъ; лат. hortus); громада, огромный, громоздкій, словà, весьма распространенныя въ славянскихъ нарѣчіяхъ и которымъ въ староверхненѣмецкомъ соотвѣтствуетъ hrûmi, обширный, и rûm (Raum), пространство: въ скандин. rum и въ англ. яз. room, комната, въ лит. rume, пространство, дворъ, и rumaj, большое зданіе, дворецъ. Къ отрасли словъ съ гр надобно, наконецъ, отнести и русское *жердь*, родственное слову *градъ*; ср. гот. gairdan, др.-сканд. girda, опоясывать, англ. girdle, верх.-нѣм. gürtel, поясъ, также шв. gärde, изгородь.

Въ основаніи цр.-сл. громъ (кустъ) конечно надобно предполагать также понятіе отдѣльнаго пространства, а не перенесеніе понятія глухаго звука (какъ думаетъ Миклошичъ) на спутанную массу. Ср. лит. krumas, кустъ и лѣсъ.

---

[1]) Въ хорут. нарѣч. hramnik то же, что у насъ *кремнякъ* или *кремлякъ* = скряга; hramnosć, скупость (ср. по формѣ церк.-сл. кромьство и наше скромность). Замѣтимъ мимоходомъ и арабское *харэмъ* — огороженное мѣсто.

О ПРОИЗНОШЕНІИ БУКВЪ Е, Ѣ, Э.

Употребленіе трехъ буквъ, означенныхъ мною въ заглавіи этой статьи, представляетъ не мало затрудненій. Есть случаи, въ которыхъ особенно нелегко опредѣлить, правильнѣе ли написать *е* или *ѣ*. Но здѣсь я намѣренъ разсматривать ихъ не со стороны этого вопроса, а въ отношеніи собственно къ звуку ихъ. Прежде всего постараюсь рѣшить, есть ли въ произношеніи разница между *ѣ* и *е* (когда оно не превращается въ ё, о чемъ здѣсь и не будетъ рѣчи). Многіе отвѣтятъ на это утвердительно; но если бъ было такъ, то природное русское ухо должно бы во всѣхъ случаяхъ указывать, гдѣ слѣдуетъ писать *е* и гдѣ *ѣ*; между тѣмъ мы видимъ, что люди, въ одинаковой степени знающіе языкъ и въ произношеніи которыхъ не замѣтно ни малѣйшей разности, не всегда согласны между собой касательно употребленія *е* и *ѣ* (напр. въ словахъ: хмель, мелкій, лѣкарь). Случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ перемѣняетъ въ этомъ отношеніи прежнее свое правописаніе на новое, хотя въ выговорѣ его не произошло никакой перемѣны. Отсюда надобно вывести заключеніе, что буквы *е* и *ѣ* произносятся совершенно одинаково. Въ этомъ всякому легко убѣдиться, произнося одно за другимъ напр. слѣдующія слова: *мѣнь* и *олень*, *въ морѣ* и *въ море*, *членъ* и *плѣнъ*, *ѣли* и *ели*.

Итакъ надобно согласиться, что какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ и въ концѣ слога, *е* и *ѣ* суть, по произношенію, буквы тожественныя; въ началѣ слога каждая изъ нихъ служитъ двугласною (съ помощію *й* передъ звукомъ), въ серединѣ же и въ

концѣ гласною Буквою *э* изображаетъ тотъ же звукъ, когда онъ въ началѣ слога долженъ быть произносимъ чисто, безъ помощи *й*: *это*, *поэтъ*.

Въ произношеніи каждой изъ этихъ трехъ буквъ есть одинъ общій законъ, о которомъ кажется еще не было упоминаемо въ русской грамматикѣ. Чтобы яснѣе представить его, напомню, что въ русскомъ языкѣ какъ гласныя, такъ и согласныя раздѣляются на твердыя и мягкія. Гласныя *а*, *о*, *у*, *ы* справедливо называть твердыми въ противоположность мягкимъ: *э*, *е*, *ѣ*, *і*, *и*; точно такъ же и согласныя, въ свою очередь, бываютъ либо: *бъ*, *въ*, *дъ*, либо: *бь*, *вь*, *дь* и проч. Далѣе надобно замѣтить, что согласныя бываютъ то твердыми, то мягкими или сами по себѣ (напр. въ концѣ словъ), или отъ присоединенія къ нимъ мягкихъ гласныхъ, напр. въ сочетаніяхъ: *бь*, *ве*, *ти*.

Если станемъ внимательно сравнивать слова, въ которыхъ встрѣчаются буквы *э*, *е*, *ѣ*, то найдемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ *двоякій* звукъ, смотря по тому, стоитъ ли она передъ твердою, или передъ мягкою буквою, гласною или согласною. Сличите напр. слова:

вѣ-ру и *вь-рю*
чле-ны и *въ чле-нь*
э-то и *э-ти*
мѣ-ръ и *мь-рь*.

Чтобы увѣриться, какъ не сходны по выговору буквы *ь*, *е*, *э* первой колонны съ тѣми же буквами во второй, стóитъ только попробовать, начавъ произносить первый слогъ одной изъ колоннъ, приставлять къ нему второй слогъ изъ другой; произнеся *вь* (первой колонны) — прибавьте *рю*, и на оборотъ произнеся *вь* (второй колонны) — прибавьте *ру:* не ясно ли, что звукъ *ь* въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, какой слышится во второмъ?

Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ (чтобы показать

разницу ощутительнѣе, буду раздѣлять слова не всегда по слогамъ, а какъ удобнѣе для моей цѣли:)

сѣ-ла	*сѣ*-ли
свѣ-тъ	*свѣ*-тикъ
бре-нъ	*бре*-ніе
пе-ры	*пе*-ри
поэ-тъ	*поэ*-зія
Эл-лада	*Эл(лъ)*-лины

Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *е*, *ѣ*, *э* произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é (съ accent aigu).

Несправедливо было бы думать, будто въ такихъ словахъ, какъ напр. *звѣрь* и *звѣрскій*, вся разница произношенія ограничивается несходствомъ звуковъ *рь* и *рѣ:* внимательное наблюденіе покажетъ, что отъ различія этихъ звуковъ зависитъ и не одинаковое произношеніе буква *ѣ*. При этомъ случаѣ надобно нѣсколько распространиться вообще о мягкихъ согласныхъ, встрѣчаемыхъ въ серединѣ слова и произносимыхъ такъ, какъ бы за ними слѣдовалъ *ь*, хотя этотъ знакъ часто и опускается. Мы пишемъ *задній*, *горница*, *мысли*, *поздній*, *гвозди*, а выговариваемъ: *задьній*, *горьница*, *мысьли*, *позьдній*, *гвозьди*. На чемъ же это основывается? На томъ, что послѣ согласной, оканчивающей одинъ слогъ, слѣдуетъ другой съ мягкою гласной. По общему закону, изложенному мною касательно буквъ *е*, *ѣ*, *э* происходитъ, что когда одна изъ нихъ случится въ первомъ слогѣ, то и самое ея произношеніе сообразуется съ натурою слѣдующаго слога. Оттого въ словахъ *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *наслѣдникъ* не только *т* и *д*, но и *ѣ* произносится не такъ, какъ въ словахъ: *привѣтъ*, *бѣдствовать*, *наслѣдство*. Обратимъ также вниманіе на слова: *черви*, *вѣтви*, *терпитъ*, *наперсникъ*, *лѣстница*, *если*, произносимыя такъ какъ будто бы было написано *черьви*, *вѣтьви* и т. д.

Впрочемъ не всѣ согласныя передъ мягкою гласной имѣютъ всегда такое вліяніе на предыдущій слогъ; буквы: *к*, *х*, *г*, *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, лишены часто этого дѣйствія, что́ видно въ словахъ: *крѣпки*, *дѣвки*, *ветхи*, *биржи*, *вершина*, *старческій*, *въ сердцѣ*. Найдутся можетъ-быть и другіе случаи, въ которыхъ согласная передъ мягкимъ слогомъ остается твердой, а оттого и предшествующее *е* или *ѣ*, ежели оно въ словѣ есть, выговаривается широко. Общее положеніе только то, что произношеніе буквъ *е*, *ѣ*, *э* зависитъ отъ мягкаго или твердаго звука, непосредственно за нимъ слѣдующаго. Въ нѣкоторыхъ словахъ не видно, почему согласная произносится такъ или иначе, но законъ выговора *е* и *ѣ* остается неизмѣннымъ. Такъ *е* произносится сжато въ словахъ: *верхъ*, *церковь*, *первый*, *четвергъ;* оттого что тутъ *р* мягкое, хотя это въ правописаніи и не означается[1]). Въ словахъ: *рѣжь*, *пѣшь*, *тѣшь* буква *ѣ* произносится широко, потому что *ж* и *ш* нельзя выговорить мягко, хотя послѣ нихъ и стоитъ *ъ*. Напротивъ въ словахъ: *мечь*, *свѣчь*, *вещь*, *лещь*, слышится сжатое *е*, потому что, тутъ знакъ *ь* соотвѣтствуетъ дѣствительному смягченію согласныхъ *ч* и *щ* въ выговорѣ [2]).

Замѣчательно, что и послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ, *е* можетъ быть произносимо двояко; сравнимъ *шестъ* и *шесть*, *тщетный* и *дщери*, *'чествовать* и *честь*, *жертва* и *жерди*.

Въ концѣ слова *е* и *ѣ* всегда произносятся широко, напротивъ слѣдующія за ними буквы *и*, *й*, *е*, *ѣ*, *ю*, *я* придаютъ имъ произношеніе сжатое, напр. *вообще — кащей*, *въ добрѣ — добрѣй*, *на столѣ — веселѣй*, *въ шалашѣ — шея*.

Указанный здѣсь законъ произношенія буквъ *е*, *ѣ*, *э* тѣмъ

---

[1]) Объ этомъ случаѣ см. слѣдующую за симъ статью

[2]) Очень было бы хорошо, еслибъ слова на *ж*, *ш*, *ч*, *щ* писались какъ встарину со знакомъ *ъ*, а не *ь* въ концѣ. Тогда и въ правилахъ склоненія именъ существительныхъ на *ъ* было бы однимъ исключеніемъ меньше: всѣ слова, кончащіяся на эти шипящія буквы, имѣютъ въ родител. падежѣ множ. числа окончаніе *ей*, какъ всѣ имена на *ъ*, у которыхъ этотъ падежъ составляетъ собственно единственное отличіе склоненія противъ именъ на *ъ*.

болѣе заслуживаетъ вниманія, что мы не находимъ его въ другихъ языкахъ, гдѣ открытое *е* можетъ, такъ же какъ и сжатое, предшествовать слогу съ мягкою гласной и наоборотъ. Нѣмцы говорятъ: verschmähen, Ähren, Французы — arrêter, mêler, pêcheur. Оттого произношеніе подобныхъ словъ въ иностранныхъ языкахъ особенно затрудняетъ Русскаго, если онъ не преодолѣлъ этой трудности съ дѣтства.

Конечно этотъ законъ въ подробностяхъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія и развитія; мое намѣреніе было только указать на него въ общихъ чертахъ.

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ

ВЪ СИСТЕМѢ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ предыдущей статьѣ: «О произношеніи буквъ *е*, *ѣ*, *э*» было показано, что въ русскомъ языкѣ звукъ ɛ (на письмѣ е, ѣ, э) выговаривается двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій звукъ.

Академикъ Бетлингъ въ своей статьѣ: «Beiträge zur Russischen Grammatik», напечатанной въ академическомъ «Бюллетенѣ» [1]), остановился между прочимъ на томъ же явленіи, подмѣченномъ имъ изъ собственнаго наблюденія. О моей замѣткѣ г. Бетлингъ узналъ не прежде, какъ когда его разсужденіе почти все уже было набрано; разсказывая о томъ въ припискѣ къ своей статьѣ, авторъ добросовѣстно признаетъ, что я уже за нѣсколько лѣтъ до того указалъ на особенность русскаго языка, о которой, какъ думалъ онъ прежде, у насъ никто еще не упоминалъ.

Но у г. Бетлинга есть другое замѣчаніе, въ которомъ я не могу вполнѣ согласиться съ нимъ. Онъ находитъ, что умягченію передъ мягкою буквою подвергается не только звукъ ɛ, но и другія гласныя: *а*, *о*, *і*, *ы*. Объ этомъ подробно говорится уже въ самой его статьѣ; въ припискѣ же прибавлено: «Умягченіе этихъ

---

[1]) Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St Pétersbourg. № 195, 196. T. IX № 3, 4.

гласныхъ, по-видимому, ускользнуло отъ вниманія г. Грота, такъ какъ онъ о томъ не упоминаетъ, хотя это и было бы очень естественно». «Звукъ *а* въ словѣ *бани*» — сказано въ статьѣ г. Бетлинга — «гораздо мягче, нежели *а* въ словѣ *бабы*, среднее *о* въ *мололи* мягче, нежели въ *молола*; такое же различіе замѣчается въ произношеніи: буквы *ы* въ словахъ *была* и *были*, звука *и* въ *била* и *били*, наконецъ звука *у* въ *дула* и *дули*. Кому ухо въ этомъ случаѣ измѣняетъ, тотъ пусть наблюдаетъ положеніе рта, которое при произношеніи одного и того же слога (ба, ло, бы, би, ду) бываетъ очень различно, смотря по тому, слѣдуетъ ли за гласною мягкая, или твердая согласная. Тотъ же звукъ, какой имѣютъ *а*, *о*, *у* передъ умягченными согласными, слышится также въ двугласныхъ: ай (напр. въ *дай*), ой (напр. въ *мой*) й уй (напр. въ пожалуй). А, о, у съ предыдущими имъ умягченными согласными или по русскому правописанію: я, ё, ю, при означенныхъ условіяхъ, также измѣняются въ произношеніи: *я* въ словѣ *мяло*, если примемъ въ разсчетъ умягченіе предыдущей согласной, звучитъ совершенно такъ же, какъ *а* въ *бабы*, *я* въ *мяли* — какъ *а* въ *бани; ё* въ *зелёный* — какъ среднее *о* въ *молола*, *ё* въ *идёте* — какъ *о* въ *мололи*; *ю* въ *люто* — какъ *у* въ *дула*, *ю* въ *люди* — какъ *у* въ *дули*». При всемъ моемъ уваженіи къ мнѣнію ученаго филолога, я не могу не замѣтить, что здѣсь слухъ его былъ обманутъ предположеніемъ между ɛ и другими гласными аналогіи, которой я при моемъ изслѣдованіи то же искалъ, но не могъ найти, потому что дѣйствительно она въ этомъ случаѣ не существуетъ [1]). Въ приведенныхъ г. Бетлингомъ примѣрахъ вся разница произношенія заключается въ согласной буквѣ, а не въ предшествующей ей гласной, на которую слухъ ошибочно переноситъ такое различіе. Конечно, г. Бетлингъ и самъ сознавалъ, что предполагаемое имъ несходство произношенія помянутыхъ гласныхъ очень не явственно и сомнительно: потому-то онъ сначала разсмотрѣлъ

[1]) Или если и существуетъ, то по крайней мѣрѣ далеко не такъ опредѣленно и ощутительно, какъ при произношеніи звука ɛ

подробно только двоякій выговоръ звука ε, о прочихъ же гласныхъ упомянулъ отдѣльно уже послѣ, и притомъ счелъ нужнымъ опереться на тонкость слуха, потребную для открытія указываемой имъ разницы въ произношеніи буквъ *а, о, і, ы.* Ниже надѣюсь представить ясное доказательство, что буква *е* въ приведенномъ законѣ произношенія не подходитъ подъ одну категорію съ прочими гласными.

Для этого необходимо изслѣдовать то вліяніе, какое мягкія согласныя имѣютъ на умягченіе предыдущихъ согласныхъ же; но прежде, нежели займемся такимъ изслѣдованіемъ, взглянемъ на общее содержаніе статьи г. Бетлинга и остановимся въ ней на нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Она содержитъ въ себѣ два отдѣла: I. *Какіе звуки знаетъ нынѣшній русскій языкъ?* и II. *О вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную.* Въ обоихъ отдѣлахъ авторъ часто оспариваетъ мнѣнія русскихъ филологовъ, и особливо Павскаго; но касательно несогласія съ послѣднимъ самъ онъ оговаривается въ выноскѣ (стр. 44), отдавая полную справедливость трудамъ нашего ученаго. «Я бы вообще совсѣмъ не сталъ выставлять слабыхъ сторонъ *Филологическихъ наблюденій* (сказано тамъ же), еслибъ это сочиненіе по своимъ достоинствамъ не занимало такого высокаго мѣста въ грамматической литературѣ Русскихъ. Чѣмъ сильнѣе авторитетъ г. Павскаго, тѣмъ рѣшительнѣе должно оспаривать цѣлыя теоремы и частныя объясненія, которыя не могутъ выдержать строгой критики». Здѣсь Павскій не въ первый уже разъ встрѣчаетъ возраженіе на нѣкоторыя изъ своихъ мыслей. Особенно рѣзкую критику на многія мѣста «Филологическихъ наблюденій» находимъ мы въ книгѣ кіевскаго ученаго, Костыря: «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка». Хотя это сочиненіе не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, однакожъ въ немъ есть очень вѣрныя, остроумныя замѣчанія. Г. Бетлингъ, которому, какъ надобно думать, неизвѣстна была книга Костыря, сходится съ нимъ иногда въ своихъ сужденіяхъ. Приводя объясненіе Павскаго, будто въ гла-

голахъ *мыть*, *крыть* и т. п. буква *о* въ настоящемъ времени явилась для замѣны *ъ*, который, ставъ на мѣсто *ы*, не могъ устоять въ серединѣ слова, г. Бетлингъ говоритъ: «На общепонятномъ языкѣ это значитъ: гласная *ы* сокращается въ ничто (ъ), а чтобы соединиться съ личнымъ окончаніемъ, это ничто получаетъ въ помощь гласную *о*». Это замѣчаніе напомнило намъ «нигилизмъ еровъ» у Костыря, который въ § 9 первой части своего труда подробно разсматриваетъ придуманный Павскимъ законъ и приходитъ почти къ тому же заключенію.

Разсматривая вопросъ, въ какой мѣрѣ русское письмо дѣйствительно соотвѣтствуетъ живой рѣчи, г. Бетлингъ основательно замѣчаетъ, что въ нашей азбукѣ для гласныхъ по-настоящему слишкомъ много знаковъ, а для согласныхъ слишкомъ мало. Къ этой мысли приводитъ его наблюденіе, что такъ-называемыя мягкія гласныя: и, я, ю, ѣ, е (ѐ) въ сущности не составляютъ самостоятельныхъ звуковъ, и что когда онѣ слѣдуютъ непосредственно за согласною, то собственно смягчается она, а вмѣсто этихъ гласныхъ должны бы стоять твердыя: такимъ образомъ, если разложить слова: *пуля*, *морю* на дѣйствительно-находящіеся въ нихъ звуки, то выйдетъ, что надобно бы писать ихъ: *пулъа*, *моръу* или *пул'а*, *мор'у*, какъ пишетъ г. Бетлингъ, принявъ польскій способъ означенія мягкихъ согласныхъ. Та же самая мысль была уже прежде выражена русскимъ филологомъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1844 года (Т. XXXV) остроумный критикъ «Филологическихъ Наблюденій», Н. Н. (Надеждинъ), упоминая о системѣ азбуки, предложенной Сербамъ извѣстнымъ Вукомъ Стефановичемъ, въ которой буквы *я* и *ю* вовсе отброшены, а вмѣсто ихъ пишутся твердыя гласныя *а* и *у* съ предыдущимъ *ъ*, примѣняетъ этотъ способъ правописанія и къ русскому языку. «При употребленіи буквъ *я* и *ю*» — говоритъ онъ между прочимъ — «мы принуждены принимать особыя правила склоненія для именъ, кончащихся на *ъ* и на *ь*, и какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ, допускать исключенія изъ общихъ законовъ вездѣ, гдѣ встрѣчается придыханіе *й* явно, или скрытно въ буквахъ *я*, *ю* и *е*.

При системѣ правописанія Вукова, тутъ не требовалось бы никакихъ оговорокъ и различеній: ибо и *конь* склонялся бы совершенно какъ *законъ:* коня, коню, коньомъ, кони, коньами т. д.». Совершенно къ тому же заключенію приходитъ и г. Бетлингъ въ концѣ перваго отдѣла своей статьи. Исключивъ такимъ образомъ мягкія гласныя и введя, на мѣсто ихъ, мягкія согласныя, г. Бетлингъ представляетъ слѣдующую таблицу звуковъ:

I. Гласныя.

а) *Одногласныя.*

1. а, о, у
2. і, ɛ, ä (ɛ выражаетъ у него звукъ первой гласной въ словахъ: шея, сѣли, эти, а ä въ словахъ: шестъ, ѣхать, этотъ).
3. ы.

б) *Двогласныя.*

аі, оі, уі, ɛі (передъ й наши буквы е, ѣ, э никогда не могутъ имѣть звука ä, вотъ почему мы и не находимъ здѣсь сочетанія äі).

II. Согласныя.

а) *Простыя:*

Нѣмыя (Mutae) { жесткія: к, т, п; мягкія: г, д, б }

Носовыя (Nasales): н, м

Придыхательныя (Spirantes) { полугласная: j; жесткія: х, с, ш, ф; мягкія: ʒ, з, ж, в (ʒ означаетъ мягкое г въ словахъ: Господь, благо). }

Звуки л, р

б) *Сложныя*:

α) т + с : ц

β) т + ш : ч (щ выпущено, какъ буква составная).

γ) умягченныя посредствомъ j согласныя:

к' т' п'
г' д' б'
н' м'
х' с' ш' ф'
ꙗ' з' ж' в'
л' р'
ц' ч'

Ошибочно было бы однакожъ думать, будто г. Бетлингъ отдаетъ этой азбукѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, преимущество предъ общеупотребительною: онъ свою схему считаетъ только удобнѣйшею для теоретическихъ изслѣдованій языка; что же касается азбуки кирилловской, то онъ сознается, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, который такими малыми средствами можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, не оставляя никогда ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ согласная въ сказанномъ отношеніи должна быть произносима. Помощію такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ *я* и *ю* и знака умягченія (ь) можно было обойтись безъ j (іод) и 20 особыхъ знаковъ для согласныхъ, которыя совершенно слились съ этимъ j». Предложивъ свою систему русской азбуки, г. Бетлингъ разсматриваетъ отдѣльно каждую букву; остановимся на нѣкоторыхъ изъ частныхъ его замѣчаній.

О гласныхъ *i*, ɛ, *ä* (см. азбуку г. Бетлинга) онъ говоритъ: «Онѣ соединяются почти исключительно съ умягченными согласными и съ j. Поэтому можно бы ихъ назвать *умягчительными* гласными. Г. Павскій полагаетъ, что *и*, *е*, *ѣ* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ *к*, *г*, *х*, и съ губными буквами должны быть произносимы не мягко, а твердо. Въ переводѣ на нашъ способъ возрѣнія это значило бы, что *к*, *г*, *х* и губныя не умягчаются передъ *i*, ɛ, *ä*. Но моему уху слышится умягченіе *к* въ *вѣки*, *сѣки*

и *кьмъ*, *г* — въ *бъги*, *х* — въ *грѣхи* и *грѣхъ*. Стóитъ только сравнить приведенное *кьмъ* (т. е. к'ăм) съ нѣмецкимъ повелительнымъ *kätt* вмѣсто *kätte*, чтобы убѣдиться, что фонетическое различіе обоихъ этихъ словъ заключается единственно въ томъ, что въ *кьмъ к* выговаривается умягченно, а въ *kätt'* — не умягченно. Что въ словахъ *вьки*, *бъги* и *грѣхи* звуки *к*, *г*, *х* умягченные, подтверждается и произношеніемъ буквы *ъ*, завпсящимъ отъ этого умягченія». Все это совершенно справедливо. Въ подкрѣпленіе выраженной здѣсь мысли приведемъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Съ произношеніемъ слова *далёкія* сравните выговоръ небольшаго предложенія: *далёкъ и я*. Разница большая, а въ чемъ она заключается? только въ томъ, что въ первомъ случаѣ *к* мягкое (к'), а во второмъ — твердое, или, примѣняясь ко взгляду Павскаго,— что въ первомъ послѣ *к* стоитъ *и*, а во второмъ — *ы*. Сравните еще въ томъ же смыслѣ слѣдующіе примѣры: *смѣхъ и слёзы* — *смѣхи*, *слезы*; *нѣмъ Италіи* — *нѣми Таліи*; здѣсь различіе произношенія обнаруживается не только на буквѣ *и*, но и на *ѣ*, согласно съ закономъ, о которомъ говорено было въ началѣ нашей статьи; еслибъ буквы *х* и *г* въ этихъ примѣрахъ стояли безъ умягченія, то не было бы причины выговаривать предыдущую гласную въ словахъ *смѣхи*, *нѣми* другимъ образомъ, нежели въ словахъ *смѣхъ*, *нѣмъ*. Такъ-то законъ произношенія звука ѣ можетъ имѣть во многихъ случаяхъ примѣненіе, служа къ рѣшенію другихъ фонетическихъ вопросовъ. Г. Бетлингъ продолжаетъ: «Когда г. Павскій, въ опору своего мнѣнія, что буква *к* не смягчается въ словахъ *легкій*, *далекій* и *емкій*, ссылается на выговоръ предшествующаго ей *е* за *ё*, то противъ этого довода можно бы привести, что въ прилагательныхъ на *кій* — какъ г. Павскій самъ во многихъ мѣстахъ положительно замѣчаетъ — дифтонгъ произносится какъ *ой*, и въ этомъ случаѣ *к* естественно остается неумягченнымъ». Здѣсь г. Бетлингъ хотя и справедливо опровергаетъ доводъ г. Павскаго [1]), но самъ упустилъ изъ виду, что во

[1]) Фил. Набл. I, § 121, прим. 2.

множ. числѣ (*далекіе*, — *кихъ* и т. д.) буква *и* удерживаетъ свое собственное произношеніе: слѣдовательно основаніе возраженія должно быть другое. Въ словахъ *легкія* и *емкія* (беремъ нарочно множ. число) не можетъ быть рѣчи о вліяніи мягкаго звука на произношеніе *е*: потому что слоги *лег* и *ем* оканчиваются рѣшительно твердымъ звукомъ (лѣхъ, ёмъ), — отъ чего бы это ни происходило: отъ того ли, что слѣдующее за этими слогами *к* дѣйствительно никогда не умягчается, или отъ того, что умягченное *к* не оказываетъ вліянія на предшествующую ему согласную. То же самое находимъ мы въ словахъ: *плётки*, *пелёнки*, *сёмги*, *метёлки*. *ёлки* и многихъ другихъ. Перейдемъ къ слову: *далёкія*. Павскій думаетъ, что тутъ *ё* слышится потому, что за нимъ въ сущности слѣдуетъ не *ки*, а *кги* (кы). Отъ вниманія Павскаго укрылось, что звукомъ *ё* не такъ-то рѣдко кончается слогъ, за которымъ слѣдуетъ мягкій звукъ; для примѣра приведемъ слова: *тё-тя* [1]), *тё-тенька*, *Лё-ля*, *рублѐ-вичъ*, *конё-вій*, *Слё-нинъ*, въ *клё-нь*, *чернозё-мъ*, *ведѐ-те*, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ буквы *т*, *л*, *в*, *н*, *м* оставались безъ умягченія передъ гласными *я*, *и*, *і*, *ъ*, *е*. Итакъ приведенное Павскимъ обстоятельство въ подтвержденіе мысли его, будто *и* послѣ *г*, *к*, *х* нельзя считать за мягкую букву, не есть доказательство. Впрочемъ, и одинъ слухъ уже достаточно убѣждаетъ, что *ги*, *ки*, *хи* произносятся совсѣмъ не такъ, какъ еслибъ было написано *гы*, *кы*, *хы* — звуки, которые можно слышать только при сліяніи *ера* въ концѣ слова съ буквою *и* въ началѣ слѣдующаго; примѣры тому мы уже представили. По нашему мнѣнію, *и* произносится какъ *ы* (или почти какъ *ы*) только послѣ буквъ *ж*, *ш*, *ц*, да и то не всегда, или другими словами, только онѣ могутъ оставаться неумягченными передъ звуками *и*, *ɛ*. Это видно въ словахъ *невъ-жи*, *мъ-шій*, *цифра*. Въ послѣднемъ словѣ ясно слышится *ы*, въ двухъ первыхъ присутствіе его послѣ *ж* и *ш* доказывается широкимъ выговоромъ гласной *ъ*, которая передъ *і* должна бы

[1]) Въ словаряхъ находимъ: *тета*, но этому противорѣчитъ живой языкъ.

быть произносима сжато; надобно впрочемъ замѣтить, что иногда ее въ самомъ дѣлѣ такъ произносятъ въ этихъ словахъ; вотъ почему мы и говоримъ, что *ж* и *ш* только *могутъ* оставаться безъ умягченія передъ гласными *и*, *ɛ*. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія противорѣчіе, которое находимъ у Павскаго въ разсужденіи буквы *ц*. Въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 65) сказано: «хотя нынѣшнее правописаніе въ угодность уху допустило при *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* твердыя гласныя, смыслъ долженъ видѣть въ сихъ гласныхъ мягкія. Хотя пишемъ, *отецъ*, *стражъ*, *мечъ*, *юноша*, *рощу*, но должны воображать *отець*» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (I, стр. 91) напротивъ читаемъ: «Сказанное о небныхъ буквахъ *гкх* во всей силѣ относится и къ зубной буквѣ *ц*. И она не терпитъ послѣ себя ъ-я и предъ нимъ измѣняется на *ч*. Буква *ц* есть то же, что *кь* (ср. § 52). И слѣд. по приложеніи къ ней другаго ъ-я вышло бы стеченіе двухъ ъ-ей». Если такъ, то зачѣмъ же намъ вмѣсто *отецъ* воображать *отець*, которое, по 2-му изъ приведенныхъ мѣстъ, то же что *отечь*? Ссылка на § 52-й не разрѣшаетъ этого противорѣчія, хотя здѣсь авторъ «Филолог. Набл.» и признаетъ какое-то колебаніе буквы *ц*, находя, что она иногда допускаетъ послѣ себя мягкія гласныя, а иногда нѣтъ: «слоги *ци*, *це*», замѣчено тамъ, «часто видимъ на бумагѣ, а *ця*, *цю* никогда не слышны въ разговорѣ, и не показываются на письмѣ». Послѣ разсмотримъ мы подробнѣе натуру буквы *ц*, а теперь удовольствуемся предложенными замѣчаніями, такъ какъ предмета этого не возможно исчерпать до тѣхъ поръ, пока не обратимся къ взаимному соотношенію мягкихъ согласныхъ, предыдущихъ съ послѣдующими. Тогда займемся также буквою *ч* и увидимъ, справедливо ли Павскій утверждаетъ, будто послѣ *ч*, равно какъ и послѣ *ж*, *ш*, всегда слышится *ы* вмѣсто *и*, означаемаго на письмѣ.

Мы совершенно согласны съ г. Бетлингомъ, что у звукосочетаній *ай*, *ой* и т. п. никакъ нельзя отнять названія *дифтонговъ*. Справедливо замѣтилъ онъ также, что русскому языку не свойственны двоегласные *ый*, *ій*, которыхъ мы всячески избѣгаемъ, и что вообще языкъ не любитъ двоегласныхъ въ замкнутомъ слогѣ

(in geschlossener Silbe). Сверхъ приведенныхъ имъ примѣровъ этихъ особенностей, надобно упомянуть о прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи: *кривой*, *глухой* (вм.—ый, ій), также о словахъ: *змѣй*, *соловей*, *воробей*, *Сергѣй*, *лей*, *бей* и др., которыя образовались у насъ изъ первоначальныхъ *змій* и т. д. Дифтонгъ *ій* сохраняется только въ словахъ *витійство*, *убійство* (—ца), *кровопійца*, да въ род. пад. мн. числа такихъ именъ сред. рода, какъ *имѣніе*, *усиліе* и пр., и женскихъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: *стихія*, *претензія* и т. д.

Переходя къ согласнымъ буквамъ, авторъ статьи въ «Бюллетенѣ» начинаетъ свои замѣтки съ *г*. Нельзя не одобрить, что онъ отличилъ особымъ знакомъ тотъ звукъ этой буквы, который у насъ соотвѣтствуетъ греческому жесткому придыханію въ словахъ *Гомеръ*, *герой*, а также слышится въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ, какъ-то *Господь*, *благо* и проч. Надобность въ отличеніи этого звука призналъ и упомянутый нами прежде критикъ «Филологич. Набл.» въ Отеч. Запискахъ, помѣстивъ въ своей схемѣ, сверхъ Г (—G), еще особое Г (—H). Г. Бетлингъ пошелъ далѣе и отмѣтилъ этотъ звукъ знакомъ ʒ [1]), тѣмъ самымъ, который г. Шегренъ ввелъ для осетинскаго языка, а самъ авторъ употребилъ впослѣдствіи для якутскаго. У насъ, за неимѣніемъ въ языкѣ латинскаго и нѣмецкаго *h*, звукъ ʒ по необходимости заступаетъ мѣсто этого *h;* но, конечно, г. Бетлингъ правъ, говоря, что ʒ по выговору гораздо ближе соотвѣтствуетъ нѣмецкому *g* въ *wagen*, *wogen*, *Jugend*. Въ соотвѣтствіе буквѣ ʒ авторъ справедливо поставилъ х. Въ доказательство этого приведу съ своей стороны, что когда слово въ именит. падежѣ кончается на *г*, имѣющее звукъ *х*, то въ косвенныхъ падежахъ онъ превращается въ ʒ, напр. *Богъ*, *Бога; Петербургъ*, —*га*, *гу; Лейпцигъ*, —*га*, точно такъ же, какъ заключительное *г*, имѣющее въ имен. падежѣ

[1]) Г. Срезневскій употребилъ для этого звука также особый знакъ *г'*. См. его статью: «О сродствѣ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ» Журн. М. Н. Пр., т. XLVIII. Тотъ же звукъ г. Катковъ пишетъ *г* («Объ элем. и фор. славяно-рус. языка»).

звукъ *к*, въ косвенныхъ падежахъ слышится какъ чистое *г*: *врагъ*, *врага*, *лугъ*, *луга*[1]). Замѣчу еще, что передъ *д* букка *г* звучитъ всегда какъ ҕ, напротивъ передъ *т* — какъ *х*: сравните нарѣчія *когда*, *тогда*, *гдѣ* и проч. съ именами *ногти*, *когти*. Есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* по требованію выговора превратилась въ *г*, но приняла такое же различное произношеніе, смотря по слѣдующей согласной; эти два слова *гдѣ* (вм. кдѣ) и *мягкій* (вм. мяккій). Изъ взаимнаго соотвѣтствія буквъ ҕ и х г. Бетлингъ вывелъ интересное заключеніе касательно истиннаго выговора *г* въ старо-славянскомъ языкѣ: такъ какъ *х* посредствомъ умягченія превращалось въ *с* и *ш*, а *г* — въ *з* и *ж*, то весьма естественно принять, «что въ этомъ языкѣ *г* было соотвѣтственнымъ мягкимъ звукомъ не *к*, а *х*, и что у Русскихъ звукъ *г* образовался уже въ позднѣйшее время изъ ҕ. Потому насъ не должно поражать, что Малороссіяне до сихъ поръ произносятъ *г* какъ ҕ». Такимъ образомъ буквѣ *к* въ старо-сл. языкѣ не соотвѣтствовало *г*, и этимъ объясняется, почему послѣднее не умягчилось въ *дз* и *дж* подобно тому, какъ *к* получило свое двоякое умягченіе *ц* (тс) и *ч* (тш). «Въ польскомъ языкѣ» (говоритъ г. Бетлингъ), «гдѣ звукъ *г* болѣе укоренился, нежели въ русскомъ, умягченіемъ *ц* дѣйствительно является соотвѣтствующее ему *дз*; такъ слово *нога* въ дат. и мѣстномъ падежѣ имѣетъ *nodze*».

Въ одномъ примѣчаніи мимоходомъ упоминается о произношеніи гласной *о*, когда на ней нѣтъ ударенія. «Г. Срезневскій» — сказано тутъ — «считаетъ это *о* за звукъ, стоящій посрединѣ между *а* и *о*, и отличаетъ его знакомъ â. Я — продолжаетъ г. Бетлингъ — при всемъ моемъ стараніи, не могъ подмѣтить никакого различія между *о* безъ ударенія и такимъ же *а*». Въ этомъ случаѣ онъ опять расходится и съ авторомъ «Филолог. Набл.», который также говоритъ (I, § 113), что въ произношеніи *о* безъ ударенія слышится что-то среднее между *о* и *а*: «*олень*, *говорю* и

[1]) Сюда же относятся прилагательныя: благъ (х), блага, го (ҕа, ҕо), нагъ (к), нага, го (га, го) и др., и происшедшія отъ нихъ существительныя: блаҕость нагота.

пр. Не произносимъ прямо *алень*, *гаварю*, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаемъ яснаго выговора *о*». При этомъ спрашивается: тѣ, которые не признаютъ тожества выговора *о* безъ ударенія и *а*, не отъ того ли принимаютъ средній звукъ, что при повѣркѣ *о* буквою *а* они повышаютъ голосъ на послѣдней, такъ что она слишкомъ рѣзко слышится? Не имѣетъ ли *а* безъ ударенія также какого-то средняго звука, и не отъ того ли происходитъ, что природные Русскіе, у которыхъ, слѣдовательно, надобно предполагать самый утонченный въ своемъ языкѣ слухъ, нерѣдко пишутъ различно одни и тѣ же слова, именно *рости* и *расти*, *рождать* и *раждать*, *догорать* и *догарать*, *козакъ* и *казакъ*, *олтарь* и *алтарь*. Предоставляю еще на судъ читателей рѣшить, различается ли чѣмъ-нибудь выговоръ *о* и *а* въ словахъ: *умоляю* и *умаляю*, *притворю* и *предварю*, *разорю* и *озарю*, *наколю* и *накалю* (только надобно выговаривать, какъ всегда, т. е. умаля̄ю, а не умаля̄ю). Г. Бетлингъ не останавливается, впрочемъ, на сродствѣ буквъ *а* и *о*, о которомъ и Павскій упомянулъ только вскользъ; но это сродство заслуживало бы болѣе вниманія. Замѣчательно, что *а* съ удареніемъ у насъ иногда произносится, какъ *о*, и это не въ одномъ только родит. падежѣ прилагательныхъ *(молодаго, большаго)*. Павскій, замѣтивъ только этотъ послѣдній случай, объясняетъ его «предположеніемъ, что гласная *а* для сокращенія выпала, и мѣсто ея, какъ слѣдуетъ, заняли ея мѣстоблюстители, послѣ твердыхъ согласныхъ — ъ, а послѣ ж ч ш щ — ь, которыя по всѣмъ правамъ превратились потомъ въ бѣглыя *о*». Этимъ предположеніемъ не объяснятся другіе случаи превращенія *а́* въ *о́*. Въ глаголѣ *платить* буква *а* принадлежитъ къ корню; но какъ скоро на нее перейдетъ удареніе, мы говоримъ: *пло́тишь*, *пло́титъ*, *заплочено*, хотя по упрямству книжной рѣчи и пишемъ все-же *а*. Правда, такое превращеніе въ этомъ словѣ слышится не всегда, но къ нему слухъ народный обнаруживаетъ рѣшительную наклонность: такъ точно мы въ простонародномъ быту нерѣдко слышимъ: *ко́тишь* вмѣсто *ка́тишь*, *посо́дитъ* вм. *поса́дитъ*, а иногда еще *подо́ришь* вм. *подари́шь*, *во́лишь*, *во́ришь*, *то́щитъ*, вм. *ва́лишь*, *ва́-*

рищь, *та́щишь;* слово *заря́*, при переходѣ ударенія на первый слогъ, измѣняется въ *зо́рю*; *кайма* въ род. множ. числа имѣетъ *ко́ймъ*. Бываетъ и на-оборотъ, что когда *о* при видоизмѣненіи слова получитъ удареніе, то эта гласная уступаетъ мѣсто буквѣ *а́*. Такъ изъ *смотрѣть*, *удобрять*, *колоть* образовались: *разсма́тривать*, *уда́бривать*, *раска́лывать*. Случается иногда и просто, что *о́* переходитъ въ *а́:* такъ *настра́ивать* получилось изъ *стро́ить*. Всѣ эти явленія не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ тѣснымъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ родствомъ гласныхъ *а* и *о*. Замѣна ихъ одна другою встрѣчается иногда и при умягченныхъ согласныхъ, или, другими словами, *я́* превращается въ *ё:* вмѣсто *тре́тьяго дня* говорятъ *третёва дня*, вм. *запра́гъ — запрёгъ*, вм. *затря́сся — затрёсся*. Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ еще, что иногда предлогъ *раз*, когда па *а* упадетъ удареніе, превращается въ *ро́з*, а предлогъ *по́* въ *па́:* вм. *ра́зняли* говорятъ *ро́зняли*, вмѣсто *ра́зобрало — ро́зобрало*, вм. *ра́зсказни — ро́зсказни*, вм. *по́губа — па́губа;* въ Тамбовской губерніи земляннику называютъ *па́земкой* (не *поземкой*) [1]).

До сихъ поръ мы въ статьѣ г. Бетлинга касались только такихъ пунктовъ, которые болѣе или менѣе въ связи съ предметомъ нашего собственнаго изслѣдованія. Теперь мы могли бы уже перейти къ главной цѣли нашей; но, встрѣтивъ у г. Бетлинга одну весьма смѣлую этимологическую догадку, требующую ближайшаго разсмотрѣнія, мы сперва займемся ею. Говоря объ умягченіи губныхъ согласныхъ (п, б, м, в) посредствомъ звука *л*, авторъ разбираемой статьи увлекается мыслію, что *л* явилось этимъ путемъ не только въ глаголѣ *плевать*, но и въ словахъ *слюна*, въ которомъ будто бы передъ *л* выпала буква *n*, и такимъ образомъ онъ доходитъ до заключенія, что эти два слова принадлежатъ къ одному корню. Вотъ его доводы: «Латинскому глагольному корню *spu*-о соотвѣтствуетъ въ готскомъ языкѣ *pseiv*-an, въ новомъ верхне-нѣмецкомъ *spei*-en, въ литовскомъ *spjau*-ju,

[1]) Слышано мною въ селѣ Мохоновѣ. По-польски земляника — poziomka, poziemka.

въ латышскомъ *splau-ju*[1]). Сличая всѣ эти формы, невольно приходишь къ мысли, что *плевать* и *слюна* принадлежатъ къ тому же латинско-нѣмецко-литовскому корню, что *сплевать* потеряло *с* въ началѣ, а *слюна* — *n* между двумя согласными (ср. *уснy* вмѣсто *успну*). *Сплюна* могло составиться изъ *сплевана*, стрд. причастіе жен. р. отъ *сплевать*»[2]).

Что въ словѣ *плевать* буквы *пл*, каждая сама по себѣ, принадлежатъ къ корню, въ этомъ убѣждаетъ общее въ языкѣ явленіе, что губныя буквы умягчаются съ помощію *л* только въ окончаніяхъ: люблю, грабли, земля, конопля, журавль. Въ подтвержденіе своей мысли г. Бетлингъ ниже приводитъ слово *плечо* «которое» — говоритъ онъ — «едва ли можно отдѣлить отъ литовскаго péłis, péczio»; но онъ упустилъ изъ виду, что во всѣхъ славянскимъ нарѣчіяхъ, даже и въ тѣхъ, которыя не приняли умягченія губныхъ буквъ посредствомъ *л*, слова *плечо* и *плевать* начинаются одними и тѣми же коренными звуками *пл*; для примѣра приведемъ изъ польскаго языка *plecy* (плечи), *pluć*, *plwać* (плевать), хотя слова: *люблю*, *грабли*, *земля*, *конопля* и *журавль* встрѣчаемъ тамъ же въ формѣ: *lubię*, *grabie*, *ziemia*, *konop* (мн. ч. *konopie*) и *żóraw*. Не касаясь еще вовсе слова *слюна*, посмотримъ теперь, дѣйствительно ли глаголъ *плевать* можетъ быть отнесенъ къ одному корню съ латинскимъ *spuo* и нѣмецкимъ *speien*. Правда, и Дпфенбахъ, въ своемъ сравнительномъ готскомъ Словарѣ[3]), сближаетъ съ этими словами славянскія: pljuą, plyvati и проч., но онъ вообще слишкомъ щедръ на сближенія часто вовсе неосновательныя, и въ этомъ случаѣ также ошибается. Spuo, speien соотвѣтствуетъ греческому πτύω, которое ходило также въ видѣ ψύω; перестановкою ps (= ψ) объясняется близкое родство этого слова съ приведенными. Славянское *плевать*, напро-

---

[1]) Въ латышскомъ языкѣ перечеркнутое ł означаетъ не твердое л, какъ въ польскомъ, а напротивъ умягченное Прим. г. Бетлинга.

[2]) Bulletin, стр. 55.

[3]) L. *Diefenbach*. Vergleichendes Worterbuch der gothischen Sprache, 1852. 2-ter Band, s. 295

тивъ, есть одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ корня, который пустилъ вѣтви по всѣмъ языкамъ индо-европейскаго происхожденія. Санскритскій корень प्लु (plu, ходить, плавать, течь) является въ греческомъ языкѣ въ двухъ видахъ: какъ πλέω и какъ φλέω, которые въ славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ незнающихъ буквы Ф, должны были опять возвратиться къ первоначальному единству. Такъ и въ русскомъ языкѣ мы находимъ обѣ эти вѣтви съ однѣми согласными *пл*, но въ значеніи словъ этого корня замѣтно у насъ то же раздвоеніе. Такимъ образомъ мы съ одной стороны имѣемъ *плыть* (πλέω) съ его производными, а съ другой, между прочимъ, *плакать* (flere) и *плевать*. Во взаимномъ родствѣ послѣднихъ двухъ словъ мы легко убѣдимся, если вникнемъ въ разнообразныя значенія греческаго глагола φλέω и словъ, отъ него происшедшихъ. Онъ не только значитъ *течь*, *изливаться*, *бить ключемъ*, *изобиловать* (какъ вообще, такъ и въ особенности, говоря о тѣлѣ человѣческомъ, изобиловать соками и слизями); но, какъ глаголъ дѣйствительный, выражаетъ еще слѣдующее: *лить*, *изливать*, вообще *извергать*, съ *усиліемъ изъ себя выбрасывать*, когда рѣчь идетъ объ изверженіи *кипящихъ жидкостей*, о *рвотѣ* и т. п. Изъ основнаго понятія: течь, изливаться, проистекли латинскіе глаголы: fluo, pluo, fleo [1]). Сюда же должно отнести и наши слова *плевать* и *блевать*, которыхъ значеніе находится въ самой тѣсной связи съ заключающимися въ глаголѣ φλύω понятіями. Родство съ нимъ обоихъ русскихъ словъ тѣмъ очевиднѣе, что и въ греческомъ языкѣ производный глаголъ φλύω (почти однозначащій съ φλέω) принимаетъ иногда форму βλύω (въ доказательство происхожденія гл. плакать можно бы еще привести старо-слав. гл. плакати, lavare, и соотвѣтствующій ему по значенію греч. πλύνειν).

Рейфъ подошелъ довольно близко къ истинѣ, поставивъ въ параллель съ нашими двумя словами греческое φλύζειν, но онъ напрасно выбралъ эту малоупотребительную форму глагола φλύω,

[1]) *Passow.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1831. 2-ter Band. См. φλέω.

тогда какъ надобно было непремѣнно выставить коренное φλέω. Другую ошибку, которую указываетъ и г. Бетлингъ, сдѣлалъ Рейфъ, помѣстивъ сперва *блевать*, а уже подъ нимъ *плевать*, между тѣмъ какъ слѣдовало поступить на-оборотъ: потому что *бл* есть явное усиленіе первоначальнаго звука *пл*. *Плевать* и *блевать* находятся между собой въ такомъ же соотношеніи, какъ звукоподражательныя слова: *писк*ъ и *визг*ъ, *прыск*ъ и *брызг*ъ, *свистъ* и *звизд*ъ. Послѣднія два соотвѣтствія приняты и Рейфомъ, только опять не въ надлежащемъ порядкѣ; слова же *писк*ъ и *визг* представлены какъ имъ, такъ и Шимкевичемъ, каждое въ видѣ особаго корня. Что касается взаимнаго родства глаголовъ *плевать* и *блевать*, то оно видно уже изъ самаго значенія ихъ, которое въ германскихъ языкахъ соединяется въ одномъ словѣ. Наконецъ, касательно φλέω, какъ ключа для обоихъ нашихъ глаголовъ, нельзя умолчать объ аналогіи его съ ῥέω, обнаруживающейся тѣмъ, что въ переносномъ смыслѣ какъ тотъ, такъ и другой означаютъ: *болтать*, *врать*, *говорить вздоръ*.

Сказаннаго, кажется, достаточно для удостовѣренія, что герман. глаголъ *speien* и славянскій *плевать*, по происхожденію чужды одинъ другому; признать между ними этимологическое соотношеніе было бы то же, что признать родство между греческими словами πτύω и φλέω, а это было бы противно всѣмъ основнымъ законамъ словопроизводства. Въ разсужденіи латышскаго spłauju замѣтимъ, что его надобно сблизить съ славянскимъ, а не съ германскимъ корнемъ, и что оно въ началѣ передъ *p* приняло прибавочное *s* — явленіе, нерѣдкое и въ другихъ языкахъ, а въ латышскомъ весьма обыкновенное [1]).

Перейдемъ теперь къ слову *слюна*. Г. Бетлингъ полагаетъ,

[1]) Бопп производитъ слово sprechen отъ санскр. brav, объясняя это такъ: «durch Erhartung des *v* und *den Vorsatz eines dem p befreundeten s*». (Vergl. Gramm., стр. 125). Вотъ примѣры латышскихъ словъ, принявшихъ въ началѣ *s* передъ *p*: spigga (фига; буквы ф нѣтъ латышскомъ языкѣ), spohdrs (чистый; санскр. pûtas; латин. putus, фин. puhdas), spizzeht (печатать), spreddikis (проповѣдь, Predigt). Что касается литовскихъ словъ: spjauju и péczio, то мы на этотъ разъ удержимся отъ разсмотрѣнія ихъ, что повело бы насъ слишкомъ далеко.

что первоначальная его форма — *сплевана* и что между *с* и *л* выпало *п*. Не забудемъ, что онъ признаетъ здѣсь *л* только знакомъ умягченія *п*. Это былъ бы безпримѣрный въ русскомъ языкѣ процессъ словообразованія. Да и зачѣмъ бы здѣсь выпасть буквѣ *п*? сочетаніе *спл* совсѣмъ не трудно для выговора, доказательствомъ чего можетъ служить глаголъ *сплю*, гдѣ *л* именно составляетъ необходимое умягченіе *п*. Въ примѣръ опущенія этой послѣдней буквы г. Бетлингъ приводитъ слово ус(п)*нуть*; но тутъ она выпала, какъ выпадаютъ на ея мѣстѣ и другія согласныя передъ глагольнымъ окончаніемъ *нуть*, наприм. въ *ки(д)нуть*, *дви(г)нуть*, *оку(п)нуть*, *г(б)нуть* и проч. Далѣе, какъ могло бы страдательное причастіе женскаго рода съ *усѣченнымъ* окончаніемъ явиться въ видѣ существительнаго? Это былъ бы опять единственный случай въ языкѣ. Къ попыткѣ объяснить такимъ образомъ слово *слюна* привело г. Бетлинга то, что до сихъ поръ оно было объясняемо слишкомъ неудовлетворительно. Рейфъ въ Словарѣ своемъ поставилъ при этомъ словѣ въ скобкахъ: *de соль*, *sel*? а Павскій полагаетъ, что въ разсматриваемомъ словѣ *н* заступаетъ мѣсто придыханія *в* и прибавляетъ: *слюна* = *Лат. saliva* (Фил. Набл. II, стр. 147). Надобно помнить, что, кромѣ приведенной здѣсь формы и другой очень употребительной въ просторѣчіи: *слю́ни*, слово это имѣетъ еще третью: *сли́на*, и вотъ настоящая первоначальная его форма, что́ видно изъ сравненія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что оно должно быть поставлено въ параллель совсѣмъ не съ латинскимъ *saliva*, а съ весьма сходнымъ по звукамъ и по значенію словомъ, существующимъ во всѣхъ германскихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ сличимъ —

У Славянъ:	*У Германскихъ народовъ:*
слина (старо-сл.), *slina* (хорут., польск. и чеш.), *szlina* (нижнелуж.), *ssljene* (верхнелуж.), *сли́не* (серб.), *слюна* (лит.-русск.) и проч.	*slîm*, *slîhto* (старо-нѣм.), *slim* (исл., англо-сакс. и дат.), *slem* (швед.), *schleim* (нов. верхнегерм.), *sliem* (нижне-герм.), *slime* (анг.), *sloom* (аллем.) и проч.

По значенію, германское *slim* весьма близко къ нашему *слина*, означая въ особенности мокро́ту, но сверхъ того и вообще влажность, отдѣляющуюся какъ изъ растеній такъ и изъ слизистыхъ оболочекъ тѣла животныхъ. Какъ родственны между собою значенія того и другаго слова, видно между прочимъ изъ того, что мы находимъ ихъ соединенными въ одномъ польскомъ словѣ, именно въ существительномъ *flegma*, заимствованномъ изъ греческаго языка, но которое, сверхъ первоначальнаго своего значенія (мокро́та), приняло у Поляковъ еще смыслъ: «влага, слизь, вязкая матерія, слюна»[1]). То, что мы въ германскомъ словѣ слышимъ букву *м*, а въ славянскимъ *н*, не можетъ препятствовать намъ признать ихъ родство: мы знаемъ, что буквы *м* и *н* часто замѣняютъ одна другую; давно уже наше *цѣна* отнесена къ одному корню съ греческимъ τιμή, и въ собственномъ нашемъ языкѣ довольно примѣровъ тѣсной связи буквъ *м* и *н;* сто́итъ только обратить вниманіе на: *мы* и *насъ*, *мимо* и *миновать*, *простолюдимъ* и *простолюдинъ* и проч. Сближеніе имени *слюна* съ приведенными германскими ясно доказываетъ, что оно вовсе не одного корня съ глаголомъ *плевать*, въ подтвержденіе чего можно привести еще и то, что оно не у всѣхъ Славянъ имѣетъ даже и значеніе, близкое къ понятію этого глагола: такъ у Сербовъ *сли́не* соотвѣтствуетъ латинскому *tuscus*[2]).

Мнѣ остается, наконецъ, поговорить о вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предшествующія имъ согласныя же. Объ этомъ г. Бетлингъ замѣчаетъ: «Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ такое вліяніе имѣетъ мѣсто и въ какихъ не имѣетъ. Письмо только тогда означаетъ подобное измѣненіе предыдущей согласной, когда оно въ состояніи употребить для измѣненнаго звука особый знакъ, какъ на прим. въ словахъ: *шлю*, *умерщвленъ* и т. д. Когда же измѣненіе ограничивается однимъ умягченіемъ, которое мы отмѣчаемъ знакомъ тонкаго придыханія, то на письмѣ оно обыкно-

[1]) Словарь польско-россійскій Д. Бартошевича Варшава, 1841.

[2]) Сербскій Словарь Вука Стефановича Караджича. Вѣна, 1818.

венно остается неозначеннымъ. Такъ пишутъ наприм. *есть*, *пѣсня*, *мысль*, хотя произносятъ *есьть*, *пѣсьня*, *мысьль*. У Поляковъ въ этомъ отношеніи болѣе точности: они пишутъ: pieśń и myśl; въ jest они обѣ согласныя выговариваютъ твердо. При *л* и *н* умягченіе означается потому, что тутъ оно слышится всего яснѣе»[1]). Въ концѣ статьи авторъ возвращается къ этому предмету и разсуждаетъ о необходимости означать на письмѣ умягченіе одной согласной передъ другою, находя между прочимъ, что, въ противномъ случаѣ, «написанное слово слишкомъ неполно изображаетъ произносимое и можетъ легко подать поводъ къ невѣрному выговору, такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ всякій готовъ тотчасъ сослаться на письмо, какъ на сильный авторитетъ. Случается даже, что въ иномъ словѣ, какъ въ *первый*, передъ неумягченною согласной стоитъ умягченная, но которая на письмѣ не означена какъ таковая». Предвидя однакожъ, что означеніе умягченныхъ согласныхъ на письмѣ будетъ сочтено затруднительнымъ, г. Бетлингъ предлагаетъ, «чтобы по крайней мѣрѣ въ толковомъ словарѣ (thesaurus) и въ подробной грамматикѣ русскаго языка рядомъ съ обыкновеннымъ правописаніемъ, когда оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ произношенію, въ скобкахъ присовокупляемо было другое болѣе точное, которое разрѣшало бы всякое сомнѣніе».

Справедливость этихъ замѣчаній никто не станетъ оспаривать; но намъ кажется, что упоминаемое г. Бетлингомъ затрудненіе всего лучше будетъ устранено, если теорія языка опредѣлитъ, въ какихъ именно случаяхъ однѣ согласныя умягчаются передъ другими умягченными. Вмѣстѣ съ авторомъ разсматриваемой статьи мы сознаемъ трудность этой задачи; но трудность не есть еще невозможность, и мы попытаемся показать здѣсь, что такое умягченіе постоянно происходитъ въ извѣстныхъ только случаяхъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и постараемся исчислить.

Сравнивая одни слова съ другими, мы находимъ, что не всѣ

---

[1]) Bulletin, стр 56.

согласныя въ одинаковой степени подвергаются умягченію отъ вліянія стоящихъ за ними умягченныхъ. Наприм. въ словѣ *томленіе м* остается твердымъ, не смотря на то, что *л* умягчилось; напротивъ въ словѣ *если с* не можетъ быть произнесено иначе, какъ мягко (сь). Всего легче подвергается такому вліянію буква *р*, потомъ *н*, *з*, *с*, далѣе *д* и *т*, наконецъ губныя буквы.

Въ слѣдующихъ за симъ замѣчаніяхъ знакъ ' будетъ служить отличіемъ умягченныхъ согласныхъ.

1. Общій для всѣхъ согласныхъ законъ есть тотъ, что, въ случаѣ удвоенія одной изъ нихъ', предыдущая принимаетъ характеръ послѣдующей, т. е. если умягчена вторая, то умягчается и первая. Такъ слова: *пльньникъ*, *аллея*, *Россія*, *итти* произносятся какъ будто бъ было написано: *пльньникъ*, *альлея*, *Росьсія*, *итьти*. Законъ этотъ остается въ своей силѣ и тогда, когда удвоеніе согласной оказывается только въ выговорѣ, а не на письмѣ, т. е. *д* умягчается передъ *т'*, и *з* передъ *с'*: *идти*, *разсьянъ*.

2. *Умягченіе буквы* р. Прежде всего мы должны замѣтить, что произношеніе нѣкоторыхъ буквъ зависитъ не только отъ слѣдующей за ними умягченной *согласной*, но въ то же время и отъ стоящей впереди *гласной:* если передъ ними звукъ ɛ, то онѣ иногда умягчаются и въ такомъ случаѣ, когда послѣдующая согласная сама по себѣ не могла бы имѣть на нихъ такого вліянія. Къ числу этихъ буквъ принадлежитъ и *р*, а потому надобно разсмотрѣть:

а) умягченіе *р* независимо отъ предыдущей гласной,

б) умягченіе *р* послѣ звука ɛ.

а) Независимо отъ гласной, эта буква можетъ умягчаться передъ всѣми согласными, за исключеніемъ *к'*, *ж'*, *ш'*, но только ея умягченіе въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ полное, и потому не всегда даже соблюдается. Смягченіе *р* очень замѣтно въ словѣ *скорбь*, но оно шатко въ словахъ: *сгорбиться*, *армія*, *кормить*, *сварливый*, *портить*, *корзина*, *соловарня*, *спорщикъ* и пр. Напротивъ *р* вовсе не умягчается въ словахъ: горки, Турки, торжище, старшій.

б) За то предыдущіе *е* или *ъ*, особливо когда на нихъ ударѐніе, оказываютъ на *р* самое рѣшительное вліяніе. При ихъ участіи *р* произносится мягко:

1) передъ губными: *б'*, *п'*, *в'*, *ф'*, *м'*: Сербія, свербѣть, терпитъ, черви, верфь, Пермь, терминъ;
2) передъ *л'*, *н'*: стерлядь, сверлить, чернь, терніе;
3) передъ *д'*, *т'*: твердь, жерди, че́рти, чертить, смерть;
4) передъ *з'*, *с'*: верзило, перси;
5) передъ *ж'*, *ч'*, *ш'*: стержень, смерчь, довѣрчивъ; терцина.

Примѣчаніе. Ударѐніе на *е*, *ъ* усиливаетъ вообще умягчѐніе согласныхъ, подверженныхъ вліянію слѣдующихъ за ними мягкихъ звуковъ. Двоякое произношѐніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ будетъ объяснено ниже.

6) передъ *г*, *к*, *х*. Звукъ *ер* часто умягчается передъ этими тремя буквами даже и тогда, когда онѣ сами не принимаютъ умягчѐнія. Мы выговариваемъ *р* мягко въ словахъ: *Четвергъ*, *церковь*, *коверкать*, *верхъ*, *верхомъ*, точно такъ же какъ въ именахъ: *Сергій*, *Аверкій*. Такому же умягчѐнію *ер* подвергается иногда и передъ губными буквами: *в*, *б*, *п*; этотъ звукъ обыкновенно произносятъ мягко въ словѣ *первый*, и еще, хотя не такъ часто, въ *верба* и *Серпуховъ*[1]).

Особенная измѣняемость буквы *р* въ произношеніи показываетъ, какимъ вѣрнымъ тактомъ руководствовался изобрѣтатель славянской азбуки, когда онъ для наименованія знаковъ *ъ* и *ь* избралъ именно эту, а не другую какую-либо согласную. Соединивъ, въ этомъ названіи, съ буквою *р* гласную *е*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ въ своей азбукѣ различное произношѐніе послѣдней, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нею твердый или мягкій звукъ: ибо это различіе нигдѣ не можетъ слышаться яснѣе, какъ въ словахъ *ѐръ* и *е́рь*.

---

[1]) Въ Москвѣ многіе, какъ мы сами слышали, говорятъ *Серпуховскія ворота*.

3. *Умягченіе буквы н.*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, *н* умягчается:

1) передъ *д'*, *т'*: индѣ, Исландія, крендель; франтить, пентюхъ, зонтикъ;,

2) передъ *ч'*. *щ'*: кончикъ, вѣнчикъ, нынче; обманщикъ, женщина, деревенщина;

3) передъ *ц'*: Франція, провинція, индульгенція.

б) Послѣ гласной *е* буква *н* умягчается, когда слѣдуетъ *з'* или *с'*: вензель, претензія, пенсія.

4. *Умягченіе буквъ з, с:*

1) передъ *д'*, *т':* ѣздить, гвозди, грузди; расти, есть, гости;

2) передъ *л':* возлѣ, лѣзли, вязли; отрасль, гусли, послѣ;

3) передъ *н'*: жизнь, исчезнетъ, козни; мясникъ, проснись, пѣсня.

4) передъ *б'*, *в'*: въ избѣ, развѣ, рѣзвиться; косвенный, пресвитеръ. Сверхъ того *с* умягчается передъ *м':* осмина, присмирѣть.

5. *Умягченіе буквъ д, т*:

а) Независимо отъ предыдущей гласной, эти буквы умягчаются:

1) передъ *л'*: подлѣ, медлить, стыдливый: податливъ, петля, свѣтленькій;

2) передъ *н':* задній, бредни, рудникъ; братній, сотня, лѣтній;

3) передъ *ч':* переводчикъ, складчина; отчина, ветчина, клѣтчатый.

б) Послѣ звука ɛ:

1) передъ *в'*: медвѣдь, четвергъ, вѣтви;

2) передъ *с':* бѣдствіе, привѣтствіе;

6. *Умягченіе губныхъ буквъ*, а также *г* и *к* встрѣчается только при помощи звука ɛ, и именно:

1) *б*, *п* передъ *л'*, *р'*, *н'*, *с:* колеблю, дебри, гребни, хлѣбникъ; вепрь, великолѣпнѣе; молебствіе.

2) *в* передъ *н':* древній, деревни.

3) *м* передъ *л'*, *ч'*: зе́мли, дремлетъ; нѣмчикъ.

4) *г* и *к* передъ *л'*, *р'*: кегли, избѣгли, сѣкли; негритянка[1]).

Почти во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ только двѣ умягченныя согласныя сряду, изъ которыхъ одна находится подъ вліяніемъ другой, но часто встрѣчаются въ такомъ же соотношеніи три и даже четыре согласныя, на прим. въ словахъ: *отверзтіе*, *смьдствіе*. При этомъ открывается постоянный законъ, что каждая умягченная дѣйствуетъ только на непосредственно-предшествующую ей, которая въ свою очередь можетъ дѣйствовать на стоящую передъ нею и т. д., но случаи такого вліянія остаются тѣ же, какіе были выше сказаны. Такъ въ слóвѣ: *бьдствіе т* умягчается передъ *в'*, *с* — передъ *т'*, а *ьд* — передъ *с'*; то же находимъ въ словахъ *привьтствіе*, *шерсть*, *естественный*, *поздній*.

Разсмотрѣніе это даетъ возможность сдѣлать нѣсколько довольно-любопытныхъ выводовъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что вліянію умягченныхъ согласныхъ подвергаются съ*я* передъ ними только буквы: *р*, *н*, — *з*, *с*, — *д*, *т*, — *б*, *п*, *в*, *м*, — послѣднія четыре, впрочемъ, только послѣ звука ε; далѣе находимъ, что на *р* могутъ имѣть вліяніе, частью сами по себѣ, но болѣе при помощи ε, всѣ слѣдующія за нимъ умягченныя согласныя; самое большое вліяніе вообще на умягченіе предыдущихъ согласныхъ имѣетъ *н'*, за нимъ *д'*, *т'*; прочія буквы оказываютъ только частное вліяніе.

Иногда выговоръ бываетъ двоякій, наприм. одни говорятъ: *крѣпнетъ*, *дерѣвня*, *отвѣрзнетъ*, *твѣрже*, а другіе: *крѣпьнетъ*, *дерѣвьня*, *отвѣрьзнетъ*, *твѣрьже;* это происходитъ частью отъ того, что умягченіе нѣкоторыхъ буквъ въ извѣстныхъ случаяхъ колеблется, частью отъ того, что иныя согласныя могутъ, передъ такъ-называемыми мягкими гласными, то умягчаться, то оставаться неумягченными. Къ этому разряду согласныхъ принадле-

[1]) Для повѣрки замѣчанія о смягченіи буквъ *г* и *к* можетъ служить выговоръ звука ε, который въ приведенныхъ примѣрахъ произносится сжато; говорятъ обыкновенно не *ськли*, а *сѣкли* и т. д.

жатъ особенно буквы *ж*, *ш*, *ц*. Отчего звукъ ѣ произносятъ то открыто, то сжато въ словахъ: невѣжи, прежде, бѣшеный, тверже? Оттого, что въ первомъ случаѣ надобно читать: невѣ*жъ*и, преж*ъ*де и т. д., а во второмъ: невѣ*ж'*и, преж*ъ*де и пр. Въ этомъ отношеніи *ч* составляетъ совершенную противоположность буквѣ *ш; ч*, по существу своему, не можетъ оставаться безъ нѣкотораго умягченія, и вотъ почему передъ нею звукъ ѣ всегда бываетъ сжатый: сравнимъ произношеніе словъ *конечно*, *сердечный*, когда *ч* въ нихъ сохраняетъ свой настоящій звукъ и когда онъ превращается въ *ш*; въ первомъ случаѣ, мы говоримъ *конѣ́чно*, *сердѣ́чный*, а въ послѣднемъ — *конѣ̀шно*, *сердѣ̀шный*. Сравнимъ еще: *бѣ̀шеный* и *вѣ́ченъ*, *пѣ̀шка* и *рѣ́чка* (слово *пѣшка* опять можно произнести двояко), *мечъ* и *тѣшь*, *рѣчь* и *рѣжъ*. Отъ мягкости *ч* происходитъ, что буквы *н*, *д*, *т* умягчаются передъ нимъ даже и тогда, когда оно соединяется съ такъ-называемыми твердыми гласными; въ словахъ *кончать*, *вѣнчанный*, *клѣтчатый*, передъ *ч* слышится ъ. Причина та, что если разложить *ч* на составные звуки его *т* и *ш*, то въ немъ *т* окажется не твердое, а мягкое; *ч* = не *тш*, а *тьш;* передъ мягкимъ же *т* буквы *н*, *д*, *т* не могутъ оставаться безъ умягченія (см. выше 1 и 5). Павскій (I, § 110) находитъ, что буква *ч*, такъ же какъ *ж* и *ш*, не терпитъ послѣ себя ъ. Касательно *ж* и *ш* онъ отчасти правъ, въ отношеніи же къ *ч* приведенныя выше сравненія достаточно удостовѣряютъ въ противномъ. *Щ*, имѣя въ составѣ своемъ *ч*, находится въ одной съ нимъ категоріи: въ словахъ *лещь*, *вещи* гласная *е* произносится сжато и тѣмъ довазываетъ умягченіе слѣдующей согласной [1]). Слухъ нашъ также никакъ не можетъ убѣдить насъ, чтобы слово *чинъ* выговаривалось, какъ *чынъ* (§ 111). Гораздо слышнѣе *ы* въ *жила* и *шило*, но и тамъ это не

[1]) Съ помощію этихъ законовъ произношенія легко рѣшить ореографическій вопросъ: что́ на письмѣ правильнѣе *мечь*, *куличь*, *лещь*, *хрящь* или *мечъ куличъ*, *лещъ*, *хрящъ*? Отвѣтъ находимъ мы въ сжатомъ звукѣ буквы *е* передъ *ч* и *щ*: словъ *мѐчъ* и *лѐщъ* невозможно выговорить. Напротивъ, передъ *ж* и *ш*, оканчивающими слово, нельзя произнести сжатаго *е*, и потому послѣ этихъ согласныхъ слѣдуетъ писать ъ, напр. *манѐжъ*, *рубѐжъ*. Только въ именахъ женскаго рода и въ глаголахъ, послѣ этихъ буквъ должно ставить ь, какъ знакъ характеристическій, напр. *мышь*, *плышь*, *рѣжь*, *скажешь*.

настоящій звукъ *ы*, а средній между *ы* и *и*. Вникнувъ пристальнѣе въ этотъ отдѣлъ русскихъ гласныхъ, мы въ немъ дѣйствительно найдемъ три видоизмѣненія. Среднее *и* слышится не только послѣ *ж, ш*, но иногда и послѣ *ъ;* возьмемъ для примѣра слова: въ *иномъ мѣстѣ*; здѣсь мы произносимъ въ *иномъ* не такъ, какъ *виномъ*, но и не такъ, какъ *выномъ*, а даемъ буквы *и* упомянутый средній звукъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ сложная зубная *ц*. Павскій, распространяя и на нее несочетаемость съ *ь*-емъ, находитъ, что послѣ *ц* гласная *і* всегда произносится, какъ *ы*; въ примѣръ приводитъ онъ, рядомъ съ *цыфра* и *цыганъ*, слова: *порцыя, лекцыя*. Передъ согласными слогъ *ци* дѣйствительно выговаривается по большей части, какъ *цы* (медицина), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а особливо передъ мягкою гласною *я* немногіе позволяютъ себѣ такое произношеніе; по крайней мѣрѣ въ образованномъ кругу говорятъ ясно: лек-*ці*-я, провин-*ці*-я, стан-*ці*-я, Гре-*ці*-я. Это доказываетъ, что *ц* можетъ также умягчаться. Вотъ передъ такимъ-то *ц* буква *н* всегда подвергается умягченію: *Франція, индульгенція* произносятся какъ *Франьція, индульгеньція*. Въ этомъ случаѣ *ц*, бывъ разложено, равняется *тьсь*; во всѣхъ другихъ случаяхъ *ц* = *тс*, какъ видно изъ произношенія буквы *н* въ словахъ: *чужестранцъ, полотенце* и проч. Слоги *ця, цю* не допускаются потому, что они слишкомъ трудны для выговора: въ глагольныхъ окончаніяхъ (говорится, дѣлается и т. п.) долженъ бы слышаться слогъ *ця*, но въ живой рѣчи мы его избѣгаемъ, обращая *ся* въ *са*. Точно такъ же и въ нарѣчіи *отсюда*, для избѣжанія звука близкаго къ *цю*, буква *ю* произносится почти какъ *у*.

Такимъ образомъ законъ умягченія предыдущихъ буквъ по вліянію послѣдующихъ можетъ вести къ рѣшенію, въ русскомъ языкѣ, разныхъ фонетическихъ вопросовъ. Онъ служитъ и къ поясненію другихъ явленій, которыхъ иначе нельзя растолковать удовлетворительно. Авторъ «Филологическихъ Наблюденій», замѣтивъ, что передъ окончаніемъ *це* буква *л* всегда смягчается, говоритъ (II, § 70): «Передъ *це* всегда подразумѣвать надобно мягкое придыханіе *ь* (це = ьце = ице). Отъ того-то *гкх* и *ц*, еслибы

допустили послѣ себя окончаніе *це*, должны бы были измѣниться предъ нимъ на придыхательныя *ж*, *ч*, *ш*. Въ доказательство того, что передъ *це* скрывается *ъ* (= и), буква *л* передъ *ц* всегда ходитъ съ *ъ*-емъ, и отъ него получаетъ мягкій выговоръ. Дѣло, шило, мыло измѣняются на *дѣльце*, *шильце*, *мыльце*. Когда надобно будетъ приложить *ъце* къ такому имени, въ окончаніи котораго находится буква *ъ*, происшедшая тоже изъ *и*, тогда одинъ изъ двухъ *ъ-рей*, и именно второй, перейдетъ въ свою гласную *и*, если только удареніе стоитъ предъ ними, а не далѣе ихъ. Тутъ *це* явится въ полномъ своемъ видѣ *ице*. Изъ *имя́нье*, *чтéнье* дѣлаются уменьшительныя: *имѣньеце*, *чтéньеце*. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ придыханіе *ъ*, принадлежащее окончанію *це*, выпадаетъ не оставляя по себѣ слѣда, и согласныя буквы, стоящія предъ *це*, произносятся твердо. Отъ именъ *полотно*, *волокно*, *окно*, *письмо*, произошли: *полотенце*, *волоконце*, *оконце*, *писемцо́* и *письмецо́* безъ *ъ*-ря. Имена, кончащіяся на *ъе́*, принимаютъ *це* по этому же закону. Ихъ удареніе перейдетъ на *це* и превратитъ *це* въ *цо*. На прим. *копъе́* — *копъецо́*». Появленіе *ъ* послѣ *л* въ уменьшительныхъ *дѣльце*, *шильце* ввело Павскаго въ ошибочную теорію касательно всего окончанія *це*. Объ измѣненіи *гжх* и *ц* въ *жчш* передъ *це* не можетъ быть рѣчи потому, что языкъ не представляетъ тому примѣровъ; но если и допустить такое превращеніе по образцу старо-славянскаго языка, то для объясненія того нѣтъ надобности подразумѣвать мягкое придыханіе или мягкую гласную передъ *ц*. Что касается уменьшительныхъ *имѣньице*, *чтеньице*, то правописаніе колеблется между — *ице* и *еце*: *е* безъ ударенія въ произношеніи часто сближается съ *и* (наприм. въ поѣдемъ[1]); различать формы: *ице* (въ чтень*ице*) и *еце* (въ копь*ецо*) на основаніи ударенія — произвольно; шаткость этого правила видимъ между прочимъ изъ того, что въ академическомъ Словарѣ помѣщено: *платьеце*, а не *платьице*, хотя тамъ же читаемъ: *имѣньице*, *варенъице*. Перейдемъ къ умягченію *л* передъ

[1]) Павскій самъ говоритъ (I, § 123): «Есть случаи, гдѣ *е* безъ ударенія выговоромъ сближается съ *и*», и приводитъ разные тому примѣры.

це. Буква *л* почти передъ всѣми окончаніями находится у насъ въ исключительномъ положеніи. Это видно и въ склоненіи: въ именахъ на *ецъ* косвенные падежи принимаютъ *ъ* вмѣсто *е* только тогда, когда этому окончанію предшествуетъ *л*: *конецъ*, *конца*; *старецъ*, *старца*; *отецъ*, *отца*; но — *стрѣлецъ*, *стрѣльца*; *палецъ*, *пальца*. То же замѣчаемъ и въ уменьшительныхъ на *чикъ*: отъ *конецъ*, *ларецъ* образуются: *кончикъ*, *ларчикъ*, а отъ *палецъ*, *малый* — *пальчикъ*, *мальчикъ*. Наконецъ это умягченіе *л* повторяется и передъ окончаніями *скій*, *ство*, *ный*, тогда какъ другія буквы не только не принимаютъ здѣсь *ъ*-ря, но иногда даже теряютъ его: *звѣрь* — *звѣрскій*, *звѣрство*; *конь* — *конскій*; *вздоръ* — *вздорный*; напротивъ: *нахалъ* — *нахальный*, *нахальство*; *столъ* — *застольный*; *генералъ* — *генеральскій*; *сало* — *сальный*. Отчего же во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ *л* умягчается? ужели оттого, что передъ всѣми встрѣчающимися здѣсь окончаніями скрывается *ъ* или гласная *и*? Такъ дѣйствительно думаетъ Павскій, основываясь на смягченіи *л* и не находя другаго средства объяснить это явленіе (см. Фил. Набл. II, стр. 53, 115, также II, Отд. 2-е, стр. 61, 94). Но тщательное сравненіе множества словъ показываетъ, что изъ всѣхъ окончаній только начинающіяся небною буквою *к* не имѣютъ вліянія на умягченіе *л*, которое такимъ образомъ остается твердымъ въ словахъ: *мел-кій*, *кол-кость*, *вил-ка*, *ссыл-ка* и проч. Кромѣ этого случая, твердое *л* передъ согласною въ серединѣ слова встрѣчается у насъ только тогда, когда слѣдующая за нимъ буква принадлежитъ къ корню слова: *волна*, *полный*, *желтый*, *желчь*, *лба*, *молчать*, *толчетъ*, *толстый*, *молвить*, *холмъ*, *холстъ*, *долго*, *колдунъ*, *ползать*, *должать*, *толпа*. Сравните съ этими, кромѣ приведенныхъ уже словъ, слѣдующія: *гульбище*, *рисовальщикъ*, *корабельщикъ*, *земледѣльческій*, *стрѣльчатый*, *небывальщина*, *генеральша*; здѣсь опять *ъ* явился передъ окончаніями, не какъ ихъ принадлежность, а какъ необходимый спутникъ буквы *л*, что́ доказывается сравненіемъ примѣровъ: *кладбище* (не кладьбище), *ямщикъ*, *терщикъ*, *старческій*, *створчатый*, *барщина*, *аптекарша*. Еслибъ передъ та-

кими окончаніями въ самомъ дѣлѣ находилось *ъ* или *и*, то не было бы ему причины скрываться послѣ всѣхъ буквъ, кромѣ *л*. Мы это видимъ въ окончаніи *ба*, которому всегда предшествуетъ *ъ*: слова́ *гоньба*, *ходьба*, *свадьба*, *борьба*, *гурьба*, *ръзьба*, *просьба*, *женитьба*, принимаютъ передъ послѣднимъ слогомъ умягченіе точно такъ же, какъ *гульба*, *похвальба*, *мольба*[1]). Отсюда нельзя не вывести заключенія, что *л* передъ всѣми окончаніями, кромѣ *кій*, *ка*, *кость*, умягчается по закону чисто-фонетическому. Правда, этотъ законъ существенно отличается отъ того, по которому происходитъ умягченіе другихъ согласныхъ, но онъ такъ же постояненъ и очевиденъ. Только правописатели наши рѣшительно вывели букву *л* изъ ряду остальныхъ, означая всегда ея умягченіе на письмѣ. Отъ этого допущено одно только отступленіе: въ словахъ иностранныхъ, гдѣ встрѣчаются два *л* сряду и первое умягчается по вліянію послѣдняго, *ъ* между ними не пишется (Галлія, Валлисъ[2]). Такому отличію разсматриваемая буква обязана тѣмъ, что между твердымъ и мягкимъ *л* болѣе замѣтное и рѣзкое различіе, нежели между обоими видоизмѣненіями другихъ согласныхъ. Между послѣдними при буквѣ *н* чаще нежели при прочихъ умягченіе означается на письмѣ; такъ почти всѣ уже пишутъ: *раньше*, *тоньше*, *меньше*, *уменьшать*; однакожъ и при *н* знакъ *ъ* нерѣдко подразумѣвается, наприм. въ словѣ *благоденствіе*, гдѣ *ъ* ясно слышится передъ окончаніемъ *ствіе* по требованію послѣдующихъ согласныхъ. Этотъ послѣдній законъ по большей части такъ опредѣлителенъ, что иногда другой, въ случаѣ противорѣчія съ нимъ, ему уступаетъ. Извѣстно, что обыкновенно гласное *е* въ замкнутомъ слогѣ передъ мягкимъ звукомъ не произносится какъ ё (на прим. *ель*, а не *ёль*); но если ей придется стоять передъ звукомъ, умягченнымъ по означенному закону, то такое произноше-

[1]) Этому окончанію соотвѣтствуетъ латышское *iba*: ween-iba, единство, walst-iba, царство; baggat-iba, богатство; laul-iba, женитьба; leel-iba, похвальба. Только у насъ окончаніе *иба* нѣсколько сократилось и получило болѣе ограниченный смыслъ.

[2]) Есть два русскія слова, въ которыхъ также находятся два мягкія *л* сряду: *гульливый* и *шальливый*. Эти слова пишутся различно. Сложныя слова: *полмиста*, *пол-лота* и т. п., равно какъ и *пол-день*, сюда не относится.

ніе допускается, наприм. въ словахъ: *сплетни*, *переплетчикъ*, *клеенчатый*, которыя обыкновенно произносятся: *сплётьни*, *переплётьчикъ*, *клеёньчатый*. Первыя два слова слышатся иногда, впрочемъ гораздо рѣже, и въ такомъ видѣ: *сплётьни*, *переплётьчикъ*, но умягченіе *т* передъ *н* и *ч* все же остается въ своей силѣ.

Наконецъ возвратимся къ тому значенію, какое звукъ ѣ имѣетъ, какъ нами показано прежде, при умягченіи слѣдующихъ за нимъ согласныхъ. Мы видѣли, что буквы *р*, *н*, *д*, *т*, а также и губныя принимаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое умягченіе только тогда, когда имъ предшествуетъ гласная *е* или *ъ*. Наприм. *ѣ* слышится въ серединѣ словъ *стебль* (бьль), *вьтви* (тьви), *гребля* (бьля), но не слышится послѣ тѣхъ же согласныхъ въ *корабль*, *жатвъ*, *грабли*. Эта особенность буквъ *е*, *ъ* находится въ тѣсной связи съ ихъ свойствомъ сообразоваться въ произношеніи съ слѣдующимъ за ними звукомъ. Такимъ образомъ мягкій выговоръ промежуточной согласной часто опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ предшествующаго ѣ и послѣдующей согласной. Этимъ окончательно опровергается упомянутое выше положеніе г. Бетлинга, будто двоякое произношеніе, приписанное мною буквамъ *е*, *ъ*, *э*, наравнѣ съ ними свойственно и всѣмъ прочимъ гласнымъ. Еслибъ такъ было дѣйствительно, то другія гласныя раздѣляли бы также вліяніе звука ѣ на умягченіе одной согласной передъ другою. Если бы *а* могло получить болѣе мягкій звукъ передъ *лъ*, нежели передъ *лъ*, то въ словѣ *корабль* *б* произносилось бы съ такимъ же умягченіемъ, какъ въ словѣ *стебль*; между тѣмъ мы видимъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ именъ *б* вовсе не подчиняется вліянію послѣдующаго *ль*, которому по тому самому такъ трудно удержаться, что оно въ произношеніи охотно скрывается, и тогда *б*, какъ послѣдняя буква, принимаетъ звукъ *п*. Сло́ва *стебль* напротивъ никто не произнесетъ *степъ*.

Удерживаясь отъ дальнѣйшихъ подробностей по предмету нашего разсмотрѣнія, будемъ довольствоваться и тѣмъ, если намъ удалось указать въ системѣ русскихъ звуковъ нѣкоторые общіе законы, которые до сихъ поръ еще не были изслѣдованы.

О СПРЯЖЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА

И ВАЖНОСТИ ВЪ НЕМЪ УДАРЕНІЯ.

При всемъ различіи, встрѣчаемомъ у грамматиковъ нашихъ въ системѣ разсмотрѣнія русскихъ глаголовъ, мы находимъ у нихъ однакожъ одинъ общій пріемъ. Признавъ неопредѣленное наклоненіе за основную форму, они либо производятъ отъ него, либо по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ приводятъ 1-ое лицо един. числа настоящаго (или будущаго) времени изъявит. накл., а отъ этого лица образуютъ 2-е и всѣ остальныя того же времени [1]).

Хотя эти остальныя лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, чѣмъ надобно руководствоваться въ перемѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лицо един. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь*, очень сложно и сбивчиво.

Ломоносовъ, по образцу латинской грамматики, приводя прежде всего 1-е лицо ед. числа, объясняетъ, какъ отъ него образуются сперва 2-е лицо, а потомъ другія формы глагола, между прочимъ и неопредѣленное наклоненіе. Наоборотъ, Гречъ показываетъ, какимъ образомъ 1-е лицо наст. врем. производится отъ неопр. наклоненія. Такъ какъ послѣднее не представляетъ примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это вовлекло Греча въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ исключеній, всѣ случаи, когда при извѣстныхъ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія глаголъ образуетъ 1-е лицо един. числа наст. или буд. времени такъ или иначе.

---

[1]) Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лицо единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа.

Востоковъ умѣлъ избѣгнуть этого неудобства, но и онъ въ своихъ 10-ти *различіяхъ* глаголовъ показываетъ отношеніе между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и 1-мъ лицомъ наст. времени. Указаніе перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ не вошло у него въ составъ самой статьи о глаголахъ, а отнесено къ общей главѣ о слогоударенiи, составляющей послѣднюю часть его книги.

Павскій отвергъ надобность внѣшнихъ признаковъ для производства главныхъ глагольныхъ формъ, и основалъ свои правила спряженія на внутреннемъ составѣ глагола, на различномъ сочетаніи первоначальнаго, часто скрытаго корня его съ извѣстными окончаніями. Примѣненіе этой методы возможно только для филолога, но какъ могутъ воспользоваться ею учащіеся?

Г. Буслаевъ, показывая отношеніе между неопредѣленнымъ накл. и настоящимъ временемъ изъявительнаго, принимаетъ *различія* Востокова и затѣмъ приводитъ 1-е и 2-е лица един. числа, но не касается вопроса объ ударенiи (см. его *Учебникъ русск. Грамматики*, изд. 1870, стр. 39).

Существованіе двухъ различныхъ удареній во многихъ русскихъ глаголахъ есть обстоятельство чрезвычайно важное и заслуживающее точно такого же вниманія, какъ и различіе самыхъ окончаній. Ошибка въ ударенiи можетъ иногда болѣе поразить слухъ, нежели неправильное окончаніе, какое мы нерѣдко встрѣчаемъ даже и на письмѣ, наприм. въ формахъ: *стелятъ*, *надѣятся*, *строютъ*, вмѣсто *стелютъ*, *надѣются*, *строятъ*. Правда, въ ударенiи природный Русскій не ошибется; но здѣсь дѣло идетъ объ указаніи общихъ явленій языка, и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ иностранцамъ его изученіе.

Другое важное обстоятельство — то́, что присутствіе въ глаголѣ двухъ разныхъ удареній — если они есть — по большей части обнаруживается въ настоящемъ (или будущемъ) времени изъяв. накл., и именно такимъ образомъ, что въ 1-мъ лицѣ един. числа бываетъ одно удареніе, а въ прочихъ лицахъ обоихъ чиселъ — другое (смотрю́, смо́тришь, — итъ, — имъ, — ите, — ятъ).

Далѣе мы замѣчаемъ, что часто однѣ изъ формъ, принимаемыхъ глаголомъ въ спряженіи, бываютъ по ударенію сходны съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а другія отъ него отличаются, и что это различіе въ бо́льшей ча́сти случаевъ обнаруживается постоянно одинаковымъ образомъ.

Эти наблюденія убѣждаютъ насъ, что для вѣрнаго спряженія извѣстнаго глагола нужно, при самомъ такъ-сказать наименованіи его, уже имѣть указаніе: одно, или два въ немъ ударенія?

Изъ этого ясно видна необходимость, по меньшей мѣрѣ, *двухъ основныхъ формъ* для спряженія глагола. Всѣмъ извѣстно, что въ латинскомъ языкѣ для спряженія большей части глаголовъ надобно знать цѣлыя четыре формы; да и въ новѣйшихъ языкахъ нельзя спрягать глагола, зная одно только неопред. наклоненіе. У насъ всѣ согласны въ томъ, что спряженіе русскаго глагола имѣетъ въ основаніи своемъ *двѣ темы*; но затѣмъ остается рѣшить, какія изъ формъ, подходящихъ подъ эти двѣ темы, должны быть поставлены въ главѣ прочихъ, какъ руководство для спряженія[1]). Вообще считаютъ или подразумѣваютъ нужнымъ знать предварительно три формы: неопред. наклоненіе, 1 и 2 лица един. числа наст. времени; отъ того и въ нѣкоторыхъ словаряхъ выставлены именно эти три формы. Разсмотримъ каждую изъ нихъ.

Можетъ ли во-первыхъ неопред. наклоненіе служить основною формою?

Общую идею глагола почти на всѣхъ языкахъ принято выражать неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и въ самомъ дѣлѣ оно къ тому всего удобнѣе. У многихъ народовъ оно представляетъ еще и ту выгоду, что во всѣхъ глаголахъ оканчивается одинаково.

---

[1]) Основныхъ формъ не должно принимать въ смыслѣ *коренныхъ*. Корень глагола часто не бываетъ виденъ въ цѣломъ спряженіи, наприм. въ глаголахъ: *тонуть* (кор. топ) и *гнуть* (кор гб). Нельзя также сказать, чтобъ которая-нибудь изъ формъ глагола была въ отношеніи къ другимъ коренною, чтобы однѣ отъ другихъ дѣйствительно происходили. Дѣло только въ томъ, что глаголъ въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ принимаетъ разныя окончанія, и что между его измѣненіями есть такія, которыя представляютъ вѣрные признаки для образованія всѣхъ остальныхъ.

У нашихъ глаголовъ нѣкогда было также общее окончаніе на *ти*, но впослѣдствіи оно подверглось двоякому измѣненію: 1) въ большей части глаголовъ оно сократилось въ *ть*; 2) стоя послѣ буквъ *г* и *к*, оно вмѣстѣ съ ними (гти, кти) превратилось сперва въ *щи*, а потомъ въ *чь*. Уцѣлѣлъ слогъ *ти* только послѣ буквъ *с* и *з*, и притомъ единственно въ томъ случаѣ, когда на *и* ударе-ніе, да и тутъ онъ почти всегда можетъ сокращаться въ *ть*. Говорятъ, наприм., *нести* и *несть*, *везти* и *везть*. Только въ *расти*, *пасти*, *идти* окончаніе *ти* никогда не измѣняется; въ *трясти* и *ползти* оно сокращается рѣдко. Не смотря на то, что неопредѣленное наклоненіе во многихъ глаголахъ потеряло свой первоначальный видъ, согласимся, что оно, какъ по самому значе-нію своему, такъ и по удобству образовать съ помощію его раз-ныя другія глагольныя измѣненія, должно быть удержано въ качествѣ первой основной формы глагола. И въ преподаваніи языка, и въ словаряхъ неопредѣленное наклоненіе такъ уже укоренилось на первомъ мѣстѣ, что не легко было бы, да и нѣтъ надобности замѣнить его въ этомъ смыслѣ какою-либо другою формой.

Можетъ ли 1-е лицо един. числа наст. времени служить вто-рою основною формой?

Разсмотримъ это лицо въ двухъ отношеніяхъ: 1) относительно ударенія, 2) относительно окончанія.

1) Относительно *ударенія* мы находимъ, что это лицо вообще носитъ его на томъ же слогѣ, какъ неопред. наклоненіе, наприм. *по́мнить*, *по́мню*; *держа́ть*, *держу́*; *пла́кать*, *плачу́*; *трепета́ть*, *трепещу́*.

Подъ это правило не подходятъ только извѣстные однослож-ные глаголы: *пѣть*, *пою́*; *пасть*, *пасу́*; *класть*, *кладу́*; *клясть*, *кляну́*; также *бере́чь*, *берегу́* и нѣк. др.

Сверхъ того пять глаголовъ, у которыхъ настоящее время образуется двояко, представляютъ въ одномъ изъ его окончаній отступленіе отъ означеннаго общаго закона:

алка́ть — *алка́ю* и *а́лчу*,
колыха́ть — *колыха́ю* и *колы́шу*,

страда́ть — страда́ю и *стра́жду*,
хрома́ть — хрома́ю и *хра́млю*,
колеба́ть — колеба́ю (устар.) и *коле́блю*[1]).

Особому, но также постоянному закону въ этомъ отношеніи слѣдуютъ глаголы на *чь* и на *ова́ть* и *ева́ть* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; о чемъ будетъ говорено ниже.

2) Относительно *окончанія* 1-го лица мы замѣчаемъ, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака для спряженія; вотъ наприм. 4 глагола въ этой формѣ: *вяжу*, *вожу*, *сижу*, *держу*, но у каждаго изъ нихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи свое особое окончаніе: *вязать*, *водить* (и *возить*) *сидѣть*, *держать*. То же видимъ мы и въ глаголахъ *любить*, *скоблить*, *колебать*, у которыхъ 1-е лицо оканчивается одинаковымъ образомъ: *люблю*, *скоблю*, *колеблю*.

Мы находимъ далѣе, что 1-е лицо, по окончанію, всегда легко образовать отъ одного изъ слѣдующихъ, а для опредѣленія ударенія его, въ сомнительныхъ случаяхъ, указаніемъ служитъ неопредѣленное наклоненіе. Въ подробности это будетъ разсмотрѣно ниже, а здѣсь я удовольствуюсь заключеніемъ, что такъ какъ 1-е лицо всегда можетъ быть отыскано по другимъ формамъ, то нѣтъ причины ставить его въ число формъ основныхъ.

Не болѣе ли права на это имѣетъ которое-либо изъ прочихъ лицъ настоящаго или будущаго времени?

Разсматривая эти лица въ обоихъ числахъ вмѣстѣ, мы открываемъ во всѣхъ ихъ одно общее свойство — одинаковое *удареніе*, часто отличное отъ того, какое находится въ 1-мъ лицѣ един. числа. При этомъ всегда повторяется одно явленіе, именно то́, что въ 1-мъ лицѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ другихъ оно переходитъ на предпослѣдній, наприм. *рублю́*, *ру́бишь*, *ить*, *имъ* и т. д.; *держу́*, *де́ржишь*; *терплю́*, *те́рпишь*; *могу́*, *мо́жешь*.

[1]) Къ этимъ глаголамъ можно бы причислить еще два: *жада́ть — жада́ю* и *жа́жду*; *има́ть — има́ю* и *е́млю*; но въ первомъ неопредѣленное наклоненіе устарѣло и вмѣсто его установилась неправильная форма *жаждать*, а послѣдній въ русскомъ языкѣ неупотребителенъ безъ соединенія съ предлогомъ.

Обратной перемѣны, т. е., чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній — никогда не бываетъ.

Указать средство, какъ по 1-му лицу узнавать *удареніе* слѣдующихъ, нѣтъ возможности; но и образовать *окончанія* остальныхъ лицъ съ помощію 1-го чрезвычайно затруднительно, потому что при этомъ необходимо помнить, какимъ окончаніямъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтствуютъ извѣстныя окончанія 1-го лица, а на это нѣтъ постоянныхъ правилъ.

Конечно всякій согласится: 1) что если 1-е лицо легче образовать по одному изъ слѣдующихъ, нежели наоборотъ, то лучше рядомъ съ неопред. наклоненіемъ приводить не 1-е, а одно изъ прочихъ, и 2) что если нѣтъ правилъ для объясненія перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ, то нельзя обойтись безъ прямаго указанія одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это нужно.

Которое же изъ сходныхъ по ударенію лицъ настоящ. (или будущ.) времени предпочтительно должно быть принято за основную форму?

2-е и 3-е лица един. числа, 1-е и 2-е множественнаго не отличаются одно отъ другаго начальною гласною своихъ окончаній, которая всегда бываетъ *е* или *и;* напротивъ, въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаруживается бо́льшее разнообразіе: бер-*утъ*, пор-*ютъ*, вид-*ятъ*, держ-*атъ*, и предшествующія лица (кромѣ 1-го един. числа) не всегда сами по себѣ могутъ рѣшить сомнѣніе, какъ именно (на *утъ* или *ютъ*) должно оканчиваться 3-е лицо множ. числа. Конечно это сомнѣніе можетъ быть рѣшено 1-мъ лицомъ един. числа, но теперь мы предполагаемъ его еще неизвѣстнымъ; извѣстность же его прежде другихъ лицъ, какъ мы видѣли, мало доставляетъ выгодъ.

Напротивъ, 3-е лицо множ. числа прямо и несомнѣнно указываетъ окончанія другихъ лицъ обоихъ чиселъ того же времени; притомъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ корень глагола во всей чистотѣ, тогда какъ онъ въ остальныхъ однородныхъ по ударенію лицахъ подвергается измѣненію, наприм. въ глаголахъ

течь, *тек-утъ* (*теч-ешь* и пр.), *лгать*, *лг-утъ* (*лж-ешь*). Наконецъ прибавимъ, что съ помощію 3-го лица множ. числа давно уже во всѣхъ грамматикахъ образуются нѣкоторыя формы, именно дѣйствит. причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ, для 2-й основной формы всего удобнѣе оказывается 3-е лицо множ. числа.

Въ этомъ утверждаетъ насъ и аналогія нѣкоторыхъ другихъ языковъ: такъ въ арабскомъ, въ еврейскомъ и въ финскомъ 3-е лицо един. числа наст. времени считается коренною формой. Въ русскомъ языкѣ, для поставленія, рядомъ съ неопр. наклоненіемъ, 3-го лица множ. числа тѣмъ болѣе основанія, что у насъ между этими двумя формами по внутреннему значенію ихъ, есть нѣкото: рое сродство. Какъ неопр. наклоненіе означаетъ отвлеченное понятіе глагола безъ всякаго отношенія къ личности, такъ и въ 3-мъ лицѣ множ. числа настоящаго или будущ. времени это понятіе является хотя уже въ связи съ личностью, но иногда самымъ неопредѣленнымъ образомъ, такъ что субъектъ совершенно умалчивается, и въ такомъ случаѣ можно его представлять себѣ однимъ или нѣсколькими лицами, безъ ясной о нихъ идеи.

Отъ принятыхъ мною двухъ основныхъ формъ легко образовать всѣ прочія измѣненія глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (о *видахъ* здѣсь еще нѣтъ рѣчи). Остановимся только на немногихъ производствахъ, которыя, по новости своей, требуютъ объясненія. Прежде всего надобно доказать, что 1-е лицо един. числа настоящ. (или будущаго) времени дѣйствительно образуется всегда съ помощію 3-го множ. числа, при чемъ для опредѣленія мѣста ударенія служитъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, неопред. наклоненіе.

I. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *утъ* или *ютъ*, то для полученія 1-го лица единствен. числа сто́итъ только отбросить *тъ* [1]).

[1]) Конечно, буква *у* въ 1-мъ лицѣ един. числа по происхожденію существенно отличается отъ *у* въ окончаніи 3-го лица множ. числа, но при грамматическомъ указаніи глагольныхъ окончаній такое различіе не можетъ быть принимаемо въ разсчетъ.

Что касается до ударенія, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Если оно на *утъ* или *ютъ*, или передъ *ю* гласная буква, то мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ един. числа никогда не измѣняется и нѣтъ надобности имѣть въ виду неопред. наклоненіе, напр. *даю́-тъ*, *даю́*; *плыву́-тъ*, *плыву́*; *скоку́-тъ*, *скоку́*; *пою́тъ*, *пою́*; *мьня́ю-тъ*, *мьня́ю*; *дѣйствую-тъ*, *дѣйствую*; *образу́ю-тъ*, *образу́ю*.

2) Если передъ *утъ* или *ютъ* стоитъ *согласная* буква и удареніе на *предпослѣднемъ слогѣ*, то 1-е лицо един. числа принимаетъ удареніе неопредѣленнаго наклоненія, наприм.

Отъ *рѣзать*, *рѣжу-тъ* — *рѣжу*; отъ *плáкать*, *плáчу-тъ* — *плáчу*; отъ *красть*, *крáду-тъ* — *крáду*.

Напротивъ, отъ *колóть*, *колю́тъ* — *колю́*; отъ *вязáть*, *вяжу-тъ* — *вяжу́*; отъ *дремáть*, *дремлю-тъ* — *дремлю́*; отъ *трепетáть*, *трепéщу-тъ* — *трепещу́*.

Примѣчаніе. Пять вышеприведенныхъ глаголовъ: *алкать*, *колыхать*, *страдать*, *хромать*, *колебать*, съ двоякимъ настоящимъ временемъ, отступаютъ въ одномъ изъ его окончаній отъ указаннаго общаго правила и имѣютъ въ 1-мъ лицѣ: *áлчу*, *колы́шу*, *стрáжду*, *хрáмлю*, *колéблю*.

Исключеніе составляетъ еще глаголъ: *мочь*, *мóгу-тъ* — *могу́*; но это — только видимое исключеніе: форма *могу́* по ударенію согласна съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *мощи́* (малор. *могти́*).

II. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ятъ* или *атъ*, то въ 1-мъ лицѣ един. числа *ятъ* перемѣняется на *ю*, *атъ* на *у*; касательно же ударенія соблюдаются тѣ же два правила, какія изложены при окончаніяхъ *утъ*, *ютъ*, именно:

1) Когда удареніе на *ятъ*, *атъ* или когда передъ *я* гласная буква, то 1-е лицо един. числа всегда удерживаетъ то же удареніе: *вел-я́тъ*, *вел-ю́*; *говор-я́тъ*, *говор-ю́*; *трещ-áтъ*, *трещ-у́*; *дребезж-áтъ*, *дребезж-у́*; *сто-я́тъ*, *сто-ю́*; *стóя-тъ*, *стóю*; *тá-ятъ*, *тá-ю*.

2) Когда передъ *ятъ*, *атъ* согласная буква и удареніе на

предпослѣднемъ слогѣ, то 1-му лицу един. числа сообщается ударе-ніе неопредѣленнаго наклоненія:

Отъ *по́мнить*, *по́мн-ятъ* — *по́мн-ю;* отъ *тѣ́шить*, *тѣ́ш-атъ* — *тѣш-у.*

Напротивъ, отъ *вали́ть*, *ва́л-ятъ* — *вал-ю́;* отъ *служи́ть*, *слу́ж-атъ* — *служу́;* отъ *кури́ть*, *ку́р-ятъ* — *кур-ю́;* отъ *держа́ть*, *де́рж-атъ* — *держ-у́;* отъ *волочи́ть*, *воло́ч-атъ* — *волоч-у́.*

Примѣчаніе. Глаголъ *гнать*, *го́н-ятъ* — *гон-ю́* есть только видимое исключеніе, потому что неопредѣл. наклоненіе, соотвѣтствующее настоящему времени изъяв., есть *гони́ть*, но оно уступило мѣсто другому глаголу: *гнать.*

Случается, что передъ буквою *ю* въ 1-мъ лицѣ един. числа не могутъ устоять нѣкоторыя согласныя, какъ-то: *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*; *д*, *т*; *з*, *с*; тогда эти согласныя подвергаются извѣстному измѣненію, отъ котораго зависитъ и необходимый иногда переходъ буквы *ю* въ *у*, но самый законъ образованія 1-го лица въ сущности остается тотъ же; вся разница въ томъ, что вмѣсто *бю* произносятъ *блю*, вм. *пю* — *плю*, вм. *дю* — *жу* или *жду*, вм. *зю* — *жу* и проч.

Отъ 3-го лица множ. числа получаются еще проще какъ 2-е и 3-е единств., такъ и всѣ три лица множ., именно перемѣною:

— *ютъ*, *утъ* на *ешь*, *етъ;* *емъ*, *ете.*
— *ятъ*, *атъ* на *ишь*, *итъ*; *имъ*, *ите.*

Ударе-ніе во всѣхъ этихъ лицахъ постоянно то же, что въ 3-мъ лицѣ множ. числа.

Если окончанію *утъ* предшествуетъ *г* или *к*, то передъ гласною *е* въ другихъ лицахъ *г* смягчается въ *ж*, а *к* въ *ч: берег-утъ*, *береж-ешь* и т. д., *тек-утъ*, *теч-ешь* и проч.

Не считаю нужнымъ останавливаться на удобствахъ образованія нѣкоторыхъ другихъ глагольныхъ формъ отъ 3-го лица множ. числа. Упомяну только объ одномъ: страдат. причастіе настоящаго времени на *о́мый* является только тамъ, гдѣ это лицо оканчивается на *утъ* съ ударе-ніемъ: *несу́тъ*, *несо́мый*; *влеку́тъ*,

влекóмый; зовýтъ, зовóмый (не подходитъ подъ это замѣчаніе только *искóмый* при 3-мъ лицѣ множ. ч. *íщутъ*).

Производство прошедшаго времени изъяв. накл., въ отношеніи къ окончанію, отъ наклоненія неопредѣленнаго давно принято многими. Но почему слоги *ла*, *ло* въ един. числѣ этого времени и *ли* во множ. иногда носятъ удареніе, а иногда нѣтъ? Отъ чего въ одномъ случаѣ говорятъ: тек-*лá*, — *лó*, — *лú*, а въ другомъ сѣк-*ла*, — *ло*, — *ли*, хотя неопредѣленное накл. въ обоихъ оканчивается одинаково; также: вез-*лá*, — *лó*, — *лú* и — грыз-*ла*, — *ло*, — *ли*?

Такое различіе зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣленнаго наклоненія. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *зть*, *сть*, могутъ имѣть *зтú*, *стú* или и всегда сохраняютъ одно только послѣднее, полное окончаніе, — удареніе въ прошед. времени постоянно падаетъ на слоги *ла*, *ло*, *ли*, наприм. везть или вез*тú*: *везлá*, *лó*, *лú*; гресть или гре*стú*: *греблá*, *лó*, *ли*; па*стú*: *паслá*, *лó*, *лú*. Напротивъ, когда неопред. наклоненіе оканчивается только на *зть*, *сть*, когда слѣдовательно неупотребительное окончаніе его на *ти* не носитъ ударенія, тогда и въ прош. времени удареніе не можетъ падать на слоги *ла*, *ло*, *ли*: грызть, *грызла* и проч.; лѣзть, *лѣзла*; класть, *клáла*; сѣсть, сѣ́ла, *ло*, *ли*.

Такъ и въ двухъ глаголахъ на *чь*: *стричь*, *сѣчь* окончаніе *ла*, *ло*, *ли* въ прош. времени остается безъ ударенія (*стри́ла*, *сѣ́кла*, *о*, *и*) по той причинѣ, что первоначальное окончаніе ихъ на *гти*, *ктти* не носило ударенія, какъ видно донынѣ въ малороссійскомъ нарѣчіи, гдѣ эти глаголы сохраняютъ форму: *стри́гти*, *сѣ́кти*. Во всѣхъ прочихъ глаголахъ на *чь* окончанія прошедшаго времени *ла*, *ло*, *ли* принимаютъ удареніе, сообразуясь съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *гтú*, *ктú*.

Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и прошедшимъ врем. изъявительнаго по ударенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отсюда вытекаетъ и законъ ударенія въ страд. причастіи прошед. времени у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и на *зть* или *сть*. Когда

у нихъ въ прошед. врем. изъяв. накл. послѣдній слогъ *ло*, *ла*, *ли* остается безъ ударенія, тогда и въ страдат. причастіи оно не падаетъ на окончаніе *енъ*, наприм. *грызть*, *грызла*, *ло*, *ли* — *грызенъ*; *класть*, *клала* — *кладенъ*; *стричь*, *стригла* — *стриженъ*; *сѣчь*, *сѣкла* — *сѣченъ*. Напротивъ, слогъ *енъ* носитъ удареніе въ глаголахъ *вести*, *вела*, *ло*, *ли* — *веденъ*; *везти*, *везла*, *везенъ*; *влечь*, *влекла*, *влеченъ*; *беречь* (*беречи*), *берегла*, *бережена* и проч.

Въ прошедшемъ врем. многихъ односложныхъ глаголовъ на *ть* съ предыдущею гласною буквою, окончаніе одного женскаго рода (*ла*) принимаетъ удареніе, наприм. *была*, *жила*, *рвала*, *лгала*; но это — далеко не общее явленіе, какъ видно изъ примѣровъ: *била*, *жала*, *крыла*, *знала*. Есть одно постоянное правило касательно ударенія въ глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. времени глагола на *ть* окончаніе женскаго рода *ла* ходитъ съ удареніемъ, то, по присоединеніи къ глаголу мѣстоименія *ся*, это послѣднее въ мужескомъ родѣ означеннаго времени также принимаетъ удареніе, которое сообщается и слогамъ *ло*, *ли* передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* или *сь*, наприм. рва-*л-а*: рва-*л-ся*, рва-*ло́сь*; рва-*л-и́сь*; гнала: гнался, гнало́сь, гнали́сь; жила: (раз) жился,—жило́сь,—жили́сь; (от) перла,—перся, перло́сь, перли́сь; родила: родился, родило́сь, родили́сь,—хотя при отсутствіи возвратнаго мѣстоименія говорятъ: *рвало*, *рвали*, *гнало*, *гнали* и проч. О женскомъ родѣ прошед. времени возвратнаго залога говорить нечего: слогъ *ла* удерживаетъ свое удареніе и передъ *ся* или *сь*.

По изложеннымъ началамъ спряженія неправильными оказываются только тѣ глаголы, у которыхъ какія-нибудь окончанія не образуются по общимъ правиламъ отъ одной изъ основныхъ формъ. Такихъ глаголовъ не болѣе 10—12-ти. У однихъ неправильность обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ, у другихъ въ прошедшемъ времени, у третьихъ въ повелительномъ наклоненіи.

Въ *настоящемъ* или *будущемъ* времени неправильны глаголы: *бѣжать*, *бѣгутъ*; *чтить*, *чтятъ*; *хотѣть*, *хотятъ*; *ѣсть*, *ѣдятъ*; *дать*, *дадутъ*. Здѣсь неправильность состоитъ въ томъ, что отъ

3-го лица множ. числа нельзя образовать правильно всѣхъ остальныхъ лицъ въ обоихъ числахъ. Отъ *бѣгутъ* нельзя образовать *бѣжишь*, — *итъ*; — *имъ*, — *ите*; отъ *чтятъ* — *чту*, отъ *хотятъ* — *хочешь* и *хочетъ*; отъ *пдятъ* — *пмъ*, *пшь*, *пстъ*; отъ *дадутъ* — *дамъ*, *дашь* и все прочее[1]).

Въ *прошедшемъ* времени неправильны: *идти*, *идутъ*; *шибить*, *шибутъ*, потому что отъ *идти* нельзя на общемъ основаніи образовать *шелъ*, а отъ *шибить* — *шибъ*.

Въ *повелительномъ* наклоненіи неправильны: *лечь*, *лягутъ* — *ляг*; *пстъ*, *пдятъ* — *пшь*; *сыпать*, *сыплютъ* — *сыпь*.

Есть еще нѣсколько глаголовъ, у которыхъ то или другое изъ прочихъ окончаній образуется неправильно.

Хотя обѣ основныя формы никакъ не могутъ быть выводимы одна изъ другой, все-таки необходимо, въ теоріи спряженія русскаго глагола, показать, въ какомъ отношеніи эти двѣ формы находятся между собою у разныхъ глаголовъ. Наприм. глаголъ *дѣлать*, *дѣлаютъ* не похожъ на *пороть*, *порютъ*, и *терпѣть*, *терпятъ* — на *искать*, *ищутъ*. Несходство ихъ заключается въ различномъ отношеніи между 1-ю основною формой и 2-ю. Для систематическаго обзора глаголовъ по этому отношенію я нахожу удобнѣйшимъ сохранить тѣ самые разряды, какіе Востоковъ принялъ подъ именемъ *различій*, но съ тою перемѣною, что вслѣдъ за неопредѣл. наклоненіемъ слѣдовало бы приводить, вмѣсто 1-го лица един. числа, 3-е лицо множественнаго.

Немногіе глаголы, которые, по взаимному отношенію обѣихъ основныхъ формъ, не подходятъ подъ означенные разряды, должны бы составить, согласно съ теоріею Востокова, особый классъ неправильныхъ глаголовъ, причемъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ имъ въ 1-мъ отдѣлѣ перешли бы во 2-й, къ которому, такимъ образомъ, принадлежали бы слѣдующіе глаголы: *ревѣть*,

[1]) Въ послѣднихъ изъ этихъ глаголовъ своеобразность основывается на сохраненіи болѣе древнихъ формъ; у другихъ же она заключается въ томъ, что въ спряженіи сливаются два глагола, т. е. *бѣжать* и *бѣчь*, *чтить* и *честь*, *хотѣть* и *хотать* (неупотр.). Собственно говоря, неправильные глаголы справедливѣе было бы называть *своеобразными*.

реву́тъ; стена́ть, сто́нуть; гнать, го́нять, ѣхать ѣ́дутъ; идти, идутъ; быть, бу́дутъ; ѣсть, ѣдя́тъ; дать, даду́тъ[1]). Къ нимъ надобно еще причислить: *клясть, кляну́тъ; сѣсть, ся́дутъ* и *лечь, ля́гутъ*. Но почти всѣ эти глаголы неправильны единственно по такой несоотвѣтственности въ ихъ составѣ; спряженіе же ихъ, т. е. образованіе прочихъ окончаній отъ основныхъ формъ, происходитъ по большей части правильно.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Всякій, кто безпристрастно взглянетъ на предлагаемыя мною двѣ основныя формы, какъ на самыя явственныя представительницы *двухъ темъ* русскаго глагола, конечно согласится, что онѣ существенно служатъ къ облеченію правильнаго спряженія и къ уясненію его законовъ. Прежде другихъ наблюденіемъ моимъ воспользовался покойный профессоръ гельсингфорскаго университета Акіандеръ во 2-мъ изданіи своей «Rysk Spräklära» (Helsingfors, 1853), и многіе преподаватели финляндскихъ училищъ сознавались, что этотъ методъ спряженія оказалъ на практикѣ замѣтную услугу при изученіи русскаго языка. То же свидѣтельствовали мнѣ нѣкоторые Чехи, ознакомившіеся съ моею теоріею. Изъ русскихъ педагоговъ г. Стоюнинъ, въ 1-мъ изданіи своего «Высшаго курса русской грамматики» (Спб. 1855, стр. 66—71), также включилъ мои замѣчанія въ правила спряженія. Иные, напротивъ, оспаривали у насъ надобность принимать, для спряженія глагола, двѣ основныя формы. Они полагали, что

---

[1] Что касается до гл *спать*, отнесеннаго Востоковымъ къ числу неправильныхъ, то я раздѣляю мнѣніе Павскаго, который ставитъ его въ одинъ разрядъ съ глаголами *смотрѣть, лежать, стоять* и проч. (соотвѣтствующими 9-му различію Востокова).

для природнаго Русскаго такое указаніе совершенно излишне. Но если такъ, то не лучше ли согласиться, что для Русскаго и вообще русская грамматика безполезна? Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ отчасти и покойный нашъ сочленъ по Академіи, П. С. Билярскій. Говорю *отчасти* потому, что онъ въ отношеніи къ преподаванію сознавалъ вѣрность замѣченныхъ мною фактовъ и пользу предложенныхъ вслѣдствіе того правилъ; но находилъ, что наука ничего отъ нихъ не выигрываетъ. Въ этомъ смыслѣ Билярскій написалъ ко мнѣ письмо, напечатанное въ «Извѣстіяхъ» (1861, вып. 4) вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, изъ котораго считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь извлеченіе:

По моему мнѣнію, знаніе основной формы и правильное съ помощію ея составленіе другихъ формъ глагола можетъ служить важнымъ средствомъ къ облегченію обзора и уразумѣнія разнообразнаго состава и образованія русскихъ глаголовъ. Обращая вниманіе на основныя формы ихъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія устранить изученіе разрядовъ нашихъ глаголовъ по ихъ образованію, но я не касался этого предмета потому, что имѣлъ свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать, что принимаемыя въ наиболѣе распространенныхъ грамматикахъ нашихъ двѣ основныя формы: неопредѣленное наклоненіе и 1-е лицо единств. числа наст. времени не ведутъ къ желаемому результату, такъ какъ вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ постояннаго указанія относительно *окончанія* и особенно *ударенія* остальныхъ лицъ того же времени. Еслибъ въ нашихъ грамматикахъ не было этого недостатка, еслибъ онѣ вовсе не занимались производствомъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ отъ 1-го лица единств., то можетъ быть, мнѣ бы и не вздумалось обратить вниманіе на потребность въ болѣе пригодныхъ основныхъ формахъ глагола. Вы считаете достаточнымъ труднѣйшій путь изученія внутренняго состава русскихъ глаголовъ; но въ этомъ случаѣ вы слишкомъ много надѣетесь на силу анализа школы: это доказывается безпрерывными ошибками спряженія въ нашемъ книжномъ мірѣ, гдѣ вы то и дѣло встрѣчаете: они *строютъ*, *стоютъ*, *клеютъ*,

надьятся, *сыплятъ*, *колеблятъ*, *трепещатъ*, *морочутъ* и т. п. Я согласенъ съ вами, что въ сущности и другія лица того же времени (кромѣ однакожъ 1-го един. числа) имѣли бы право называться основною формой; но такъ какъ для руководства надо избрать одно лицо, то я отдаю рѣшительное предпочтеніе 3-му лицу множ. числа, въ которомъ всего виднѣе то, что́ вы справедливо называете темой глагола; напр. у глаголовъ подобныхъ *беречь* коренная буква *г*, въ этомъ разрядѣ лицъ, сохраняется только въ 3-мъ лицѣ множ., въ остальныхъ же умягчается въ *ж* (*бережешь* и т. д.). Я думаю, что еслибъ вообще на взаимное соотношеніе этихъ лицъ, при изученіи языка, было обращаемо болѣе вниманія, то наша орѳографія освободилась бы отъ многихъ ошибокъ.

Что при образованіи глагольныхъ формъ предполагается знаніе закона умягченія буквъ въ спряженіи, вовсе не показываетъ пренебреженія къ этому закону; напротивъ, это значитъ только, что съ нимъ должно ознакомиться уже предварительно. Въ моей статьѣ не упоминается о немъ подробно, потому что онъ здѣсь не относится прямо къ дѣлу, меня занимавшему. Вы указываете на встрѣчающееся иногда затрудненіе знать, какъ должны быть смягчены буквы *д* и *т:* должны ли онѣ обратиться въ *ж* и *ч* или въ *жд* и *щ*. Однакожъ, если ближе разсмотрѣть дѣло, то это совершенно частное затрудненіе разрѣшается довольно легко: смягченіе *жд* и *щ* является почти исключительно въ предложныхъ глаголахъ церковно-славянскаго или по крайней мѣрѣ книжнаго происхожденія, наприм: *преградить* (*преграждy*); *убѣдить*, *упредить*, *учредить; возмутить* (*возмущу*), *обогатить*, *посѣтить*, *сократить*, *укротить*. Тѣ изъ этихъ глаголовъ, которые употребляются безъ предлога или принимаютъ народно-русскую форму, вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ славянское умягченіе, наприм: *городить*, *опередить*, *укоротить* (*горожу* и т. д.). Изъ безпредложныхъ глаголовъ только очень не многіе (опять таки книжнаго происхожденія) способны принимать славянское умягченіе, и для примѣра мнѣ не приходитъ на память другихъ, кромѣ *претить* и *святить*. Впрочемъ, какъ эта особенность, такъ и случай, къ которому от-

носится приводимый вами примѣръ: *прослезюсь* вмѣсто *прослежусь*, вовсе не находятся въ связи съ той или другой основной формой, а просто составляютъ довольно рѣдкое отступленіе отъ формъ спряженія, объясняющееся частью историческими, частью логическими причинами.

Признавая, что указанные мною простые факты могутъ быть полезны въ преподаваніи, вы отстаиваете право науки и даже доказываете обязанность ея не заботиться какъ бы облегчить изученіе того, что́ само по себѣ сложно, хитро, запутано. Такой взглядъ показываетъ, что вы полагаете цѣлую бездну между цѣлями ученаго и задачами педагога, между знаніемъ научнымъ и знаніемъ практическимъ. Кажется однакожъ, что вы, думая такъ, уничтожаете одинъ изъ лучшихъ результатовъ новѣйшаго образованія, который заключается въ убѣжденіи, что наука мало приноситъ пользы, когда она не снисходитъ къ потребностямъ общества и что для ея распространенія необходимо стараніе самихъ ученыхъ упростить ея выводы и сдѣлать ихъ доступными для большинства.

Хотя вы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего письма, и отдаете предложенной мною формѣ (т. е. 3-му лицу множ. числа) преимущество передъ общеупотребительною (т. е. 1-мъ лицомъ един. числа), однакожъ думаете, что въ словаряхъ первая не замѣнитъ послѣдней, которую трудно выводить изъ неопредѣленнаго наклоненія.

На это я бы могъ возразить, что ее легко выводить изъ предлагаемыхъ мною *двухъ* формъ; но еще важнѣе другое замѣчаніе. Вы упустили изъ виду, что въ словаряхъ уже принято выставлять 3 формы: неопредѣленное наклоненіе, 1-е и 2-е лицо един. числа настоящаго времени, напр. *хвали́ть*, *хвалю́*, *хва́лишь*. Я полагаю, что указаніе сдѣлалось бы еще опредѣленнѣе и практичнѣе, еслибъ вмѣсто 2-го лица един. числа въ словари наши введено было 3-е лицо множеств., потому что въ остальныхъ окончаніяхъ этого времени рѣдко кто ошибется, но— повторяю — мы безпрестанно читаемъ въ печати: *объемлятъ*,

дремлятъ, *колышатъ*, *безпокоютъ*, *строютъ* (вм. объемлютъ, дремлютъ, колышутъ, безпокоятъ, строятъ) и т. п.

До сихъ поръ выписка изъ отвѣта моего Билярскому.

Для примѣра предлагаемой мною въ словаряхъ перемѣны беру глаголъ *орáть*, который, какъ извѣстно, имѣетъ два значенія: 1) пахать, и 2) кричать, и, согласно съ тѣмъ, два разныя спряженія. Въ 1-мъ случаѣ онъ спрягается такъ: *орý*, *óрешь*, — *óрютъ*; во 2-мъ же: *орý*, *орёшь*, — *орýтъ*. Раскрываю академическій словарь и нахожу въ немъ:

орáть, *орю́ óрешь*, а въ другомъ значеніи:
орáть, *орý*, *орéшь*.

По моему мнѣнію, указаніе выиграло бы въ ясности и опредѣленности. еслибъ вмѣсто того было поставлено:

орáть, *орю́*, *óрютъ*, а во 2-мъ случаѣ:
орáть, *орý*, *орýтъ*;

потому что относительно остальныхъ лицъ того же времени уже не можетъ быть сомнѣнія: буквы *ю* и *у* 3-го лица множ. числа одинаково измѣняются въ остальныхъ лицахъ на *е*.

Въ словарѣ г. Даля изрѣдка указываются при глаголахъ тѣ же формы, что и въ акад.; при гл. *орáть* онъ присоединяетъ, и въ первомъ его значеніи, къ формѣ *орю́* еще форму *орý*. Дѣло было бы яснѣе, еслибъ при этомъ, вмѣсто *óрешь*, было выставлено: *óрютъ* и *óрутъ*. Въ существованіи послѣдней формы, вытекающей изъ показанія В. И. Даля, позволю себѣ однакожъ усомниться.

Впрочемъ, надобно прибавить, что наши словари очень непослѣдовательны въ такихъ обозначеніяхъ. У г. Даля они совершенно случайны, и въ бóльшей части случаевъ онъ ихъ вовсе не ставитъ; слѣдовательно не даетъ никакого руководства относительно ударенія глаголовъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ его указанія въ этомъ отношеніи невѣрны. Такъ при глаголѣ *ры́скать*, онъ показываетъ 1-е лицо *рышу́* и *ры́скаю*. Первая изъ этихъ формъ по ударенію невозможна, и акад. словарь правильно ставитъ *ры́щу*.

Академическій словарь вообще въ этомъ дѣлѣ исправнѣе; но и онъ тутъ иногда ошибается, единственно потому, что не сознаетъ правильнаго основанія. Такъ при глаголѣ *дышáть* онъ показываетъ 2-е лицо един. числа наст. времени: *ды́шешь*, тогда какъ слѣдовало поставить: *ды́шишь*, какъ въ глаголѣ *слы́шать*, *слы́шишь* (см. у Востокова 9-е различіе). *Дышешь* есть форма другаго менѣе употребительнаго глагола *дыхáть* (какъ *пáшешь*, *мáшешь* отъ *пахáть*, *махáть;* ср. сказанное ниже на стр. 331); глаголъ же *дыхáть*, такъ же какъ и *махáть*, имѣетъ въ наст. времени еще и другую форму: *дыхáю* и т. д.; въ акад. словарѣ только эта форма и приведена при неопр. накл. *дыхáть*. Такія недоразумѣнія и неисправности были бы немыслимы въ словарѣ Академіи, еслибъ было обращено вниманіе на основныя формы глагола, которыя непосредственно служатъ къ отличенію его разряда. Такъ, обозначеніе глаголовъ *дышáть* и *дыхáть* въ словарѣ должно быть слѣдующее:

Дышáть, дышý, ды́шатъ.

Дыхáть, дыхáю, дыхáютъ, или: *дышý, ды́шутъ.*

Въ первомъ глаголѣ остальныя лица будутъ: *ды́шишь, ды́шитъ* и т. д.; въ послѣднемъ, при 2-ой формѣ, они будутъ: *ды́шешь, ды́шетъ* и проч.

Таково значеніе правильно поставленныхъ основныхъ формъ для пониманія тонкостей спряженія русскаго глагола, которыми знатокъ языка конечно пренебрегать не можетъ.

О ГЛАГОЛАХЪ

СЪ ПОДВИЖНЫМЪ УДАРЕНІЕМЪ (1).

Извѣстно, что одну изъ наименѣе обработанныхъ частей теоріи русскаго языка составляютъ правила ударенія. До сихъ поръ они опредѣлены только въ весьма немногихъ случаяхъ: въ другихъ удареніе наше такъ прихотливо, непостоянно, такъ ускользаетъ отъ всякаго изслѣдованія, что можно даже усомниться, дѣйствительно ли оно подлежитъ неизмѣннымъ законамъ и не зависитъ ли оно скорѣе отъ безотчетныхъ и неуловимыхъ требованій слуха.

Такое положеніе дѣла не освобождаетъ однакоже изслѣдователя языка отъ обязанности наблюдать разнообразіе просодіи его и отъ старанія указать, если не законы, то по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшія явленія сходства или различія удареній въ словахъ одинаковаго образованія. Только тогда, когда всѣ такія явленія будутъ тщательно собраны и обсужены, можно будетъ вывести окончательное заключеніе относительно законовъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Къ числу подобныхъ явленій принадлежитъ довольно многочисленный разрядъ глаголовъ, у которыхъ удареніе, въ разныхъ формахъ ихъ, бываетъ двоякое: въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 1-мъ лицѣ един. числа наст. времени оно упадаетъ на послѣдній слогъ, а въ остальныхъ лицахъ того же времени переходитъ на предпослѣдній; наприм. *смотрѣть*, *смотрю́*, и — *смо́тришь*,— *итъ*, — *имъ*, — *ите*, — *ятъ*. Изъ прочихъ формъ глагола однѣ

по ударенію соображаются съ неопред. наклоненіемъ, а другія съ отступающими отъ него лицами настоящаго времени. Къ первымъ относятся постоянно прошедшее время изъяв. накл. и повелительное наклоненіе: *смотрѣлъ*, *смотри́*. Къ послѣднимъ относятся *иногда причастія* и *дѣепричастія*; но ударенія этихъ двухъ формъ въ глаголахъ, о которыхъ рѣчь идетъ, не всегда опредѣляется одинакимъ образомъ, т. е. оно бываетъ согласно то съ 1-мъ лицомъ наст. врем., то съ другими, и потому мы здѣсь еще не будемъ касаться ихъ, тѣмъ болѣе что причастія и дѣепричастія свойственны далеко не всѣмъ нашимъ глаголамъ: особенно причастіе наст. страдат. и дѣепричастіе настоящ. не употребительны во многихъ глаголахъ, даже тогда, когда видъ или залогъ тому не препятствуютъ, наприм. дѣеприч. наст. въ глаголахъ: *рвать*, *пить*, *расти*, *тереть*, *сохнуть* или прич. страд. наст. въ глаголахъ: *колоть*, *рѣзать*, *брать*.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Глаголы, оканчивающіеся на *овать* и *евать*, по ударенію бываютъ двоякаго рода. Одни держатъ его на коренномъ слогѣ, наприм. *стра́нствовать*, *сѣ́товать*, *бѣ́шенствовать:* въ такомъ случаѣ ударе́ніе во всѣхъ формахъ глагола остается на томъ же мѣстѣ. Въ другихъ глаголахъ этого окончанія — и они гораздо многочисленнѣе — ударе́ніе падаетъ на послѣдній слогъ *ва́ть:* тогда въ настоящ. времени ударе́ніе постоянно измѣняется одинакимъ образомъ, переходя на предпослѣдній слогъ; наприм. *ворова́ть*, *ворую́*, — *ешь*; *воева́ть*, *воюю́*, — *ешь* и проч. Замѣчательно, что въ неопред. наклон. предпослѣдній слогъ съ гласною *о* или *е* никогда не принимаетъ ударенія. Указанныя два правила относятся однакожъ только къ такимъ глаголамъ на *овать* и *евать*, въ которыхъ не менѣе трехъ слоговъ. Но есть еще нѣсколько глаголовъ двусложныхъ: *кова́ть*, *жева́ть*, *блева́ть*, *клева́ть*, *сова́ть* и *плева́ть;* въ четырехъ первыхъ настоящее время удерживаетъ ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ, а въ послѣднихъ двухъ оно непостоянно: говорятъ *сую́* и *су́ю*, *плюю́* и *плю́ю*.

Такимъ образомъ глаголы съ этимъ окончаніемъ составляютъ,

въ отношеніи къ ударенію, отдѣльный разрядъ глаголовъ и не войдутъ въ наше разсмотрѣніе.

Посмотримъ на остальные глаголы съ занимающею насъ особенностью перемѣннаго ударенія. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду одни простые (несложные) глаголы, за исключеніемъ развѣ тѣхъ только немногихъ, которые безъ приставки къ нимъ предлога вовсе не употребительны, напр.: (при) *мьнить*, (раз) *лучить*. Подобныхъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ оказывается въ русскомъ языкѣ около *двухъ сотъ* — количество незначительное по сравненію съ общимъ итогомъ русскихъ глаголовъ простыхъ (которыхъ болѣе 2,000, не считая особо глаголовъ однократной формы на *нуть*). Двѣ трети всего числа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ глаголы съ окончаніемъ *ить*, и между ними *девять десятыхъ* — двусложные глаголы, каковы наприм.: *хвали́ть*, *хвалю́*, *хва́лишь; води́ть*, *вожу́*, *во́дишь*.

Прежде нежели будемъ говорить объ этомъ самомъ многочисленномъ классѣ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, обратимъ вниманіе на другіе глаголы, отличающіеся тою же особенностію.

Къ числу ихъ принадлежатъ во 1-хъ *есть* глаголы на *ать* съ бѣглымъ *а*, которому предшествуетъ одна изъ согласныхъ, способныхъ умягчаться въ 1-мъ лицѣ един. числа передъ *ю*. Итакъ всякій разъ, когда встрѣтится глаголъ такого рода: *вяз-а́ть*, *вяж-у́*, *пис-а́ть*, *пиш-у́*, не можетъ быть сомнѣнія, что въ слѣдующихъ лицахъ наст. врем. ударе́ніе у него перейдетъ на предыдущій слогъ. Такихъ глаголовъ у насъ 40 съ небольшимъ. Они частью двусложные, частью трехсложные. Первыхъ 30 съ небольшимъ; исчислимъ ихъ:

1) съ буквою *д* передъ окончаніемъ *а́ть*: гло-д-а́ть, гло-ж-у́, гло́-ж-ешь.

2) съ буквою *з:* вязать, казать, лизать, низать.

3) съ буквою *к:* скакать, икать, локать [1]).

[1]) Впрочемъ формы: *икаю, локаю* употребительнѣе чѣмъ *ичу́, лочу*.

4) съ буквою *м:* дремать.

5) съ буквою *п:* клепать, трепать, щепать, щипать.

6) съ буквою *с:* писать, плясать, тесать, чесать.

7) съ буквою *т:* клегтать, клохтать, метать, роптать, топтать, шептать.

8) съ буквою *х:* дыхать[1]), махать, пахать, пыхать.

9) съ буквами *ск, ст*: искать, плескать, блистать, свистать, хлестать (2).

У шести глаголовъ уже въ первомъ лицѣ удареніе переходитъ на первый слогъ: *зобáть, зóблю; зыбáть, зы́блю; алкáть, áлчу; страдáть, стрáжду; брехáть, бре́шу; хромáть, хрáмлю.* Этимъ глаголамъ подобенъ и односложный въ неопр. накл. *здать, зи́жду.*

Два глагола: *стонать* и *орать* (въ смыслѣ пахать), у которыхъ согласная передъ *ать* неспособна измѣняться, принадлежатъ также къ разсмотрѣнному выше разряду.

Трехсложныхъ глаголовъ только 12; почти всѣ они звукоподражательные съ буквою *т* передъ окончаніемъ *áть*, съ повторяющимися гласнымп *о* или *е* и вставкою между ними губной или гортанной буквы: *бормотать, грохотать, клеветать, клокотать, лепетать, рокотать, скрежетать, трепетать хлопотать, хохотать, щебетать, щекотать.*

Сверхъ того мы въ этомъ разрядѣ находимъ еще глаголы: *полоскать, колыхать* и *колебать;* послѣдніе два уже въ 1-мъ лицѣ мѣняютъ удареніе: колы́шу, коле́блю.

Замѣтимъ, что перемѣна ударенія уже въ 1-мъ лицѣ бываетъ по большей части у такихъ глаголовъ, которые имѣютъ двоякое настоящее, т. е. могутъ, или прежде могли, удерживать въ немъ передъ окончаніемъ гласную *а*: *хрáмлю* и *хромáю, áлчу* и *алкáю.* Изъ грамматикъ Ломоносова и Россійской Академіи видно, что нѣкогда говорили также: *колебаю* (вм. *коле́блю*). Форма эта встрѣ-

---

[1]) Настоящ. *дышу́, ды́шешь.* Отъ глагола же *дышáть* наст. будетъ: *дышу́, дышишь.* Слѣд. большинство у насъ неправильно пишетъ· *дышешь.* (Ср. выше, стр. 328.)

чается еще и у писателей 1-й половины нынѣшнято столѣтія, наприм. у Ѳ. Н. Глинки въ «Письмахъ русскаго офицера» (Ч. IV).

Далѣе встрѣчаемъ немногочисленный разрядъ глаголовъ на *о́ть*, въ которомъ удареніе въ настоящемъ времени всегда переходитъ по указанному закону: *боро́ть*, *коло́ть*, *моло́ть*, *поло́ть* и *поро́ть: колю́*, *ко́лешь* и проч.

Изъ глаголовъ на *нуть* четыре несложные *гляну́ть*, *мину́ть*, *тону́ть* и *тяну́ть* перемѣняютъ удареніе во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящаго врем.; но есть еще 2 такіе глагола, неупотребительные безъ предлога, именно: (об) *ману́ть* и (по) *мяну́ть: обману́*, *обма́нешь*; *помяну́*, *помя́нешь*.

Всѣхъ многочисленнѣе между глаголами съ подвижнымъ удареніемъ тѣ, которые оканчиваются на *ить*. Поэтому и заслуживаютъ они самаго подробнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что глаголы съ этимъ окончаніемъ въ изслѣдуемомъ отношеніи являются особенно прихотливыми.

Прежде всего надобно отдѣлить изъ числа ихъ тѣ глаголы, которые употребляются двояко, т. е. *могутъ* въ означенныхъ формахъ переносить удареніе на предпослѣдній слогъ, но иногда удерживаютъ его и на послѣднемъ. Исчислимъ ихъ по алфавитному порядку гласныхъ въ коренномъ слогѣ:

а:	сади́ть	—	сади́шь	и	са́дишь	(посо́дишь) (3)
	вали́ть	—	вали́шь	и	ва́лишь	(во́лишь [1])
	кати́ть	—	кати́шь	и	ка́тишь	(поко́тишь)
	дари́ть	—	дари́шь	и	да́ришь	(подо́ришь)
	вари́ть	—	вари́шь	и	ва́ришь	(во́ришь [1])
	гаси́ть	—	гаси́шь	и	га́сишь	
	трави́ть	—	трави́шь	и	тра́вишь	
	мани́ть	—	мани́шь	и	ма́нишь	
	тащи́ть	—	тащи́шь	и	та́щишь	(то́щишь [1])
е:	крести́ть	—	крести́шь	и	кре́стишь	
	черти́ть	—	черти́шь	и	че́ртишь	

[1]) Слышано въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи

	клеи́ть	—	клеи́шь	и	кле́ишь
	щени́ться	—	щени́шься	и	ще́нишься
и:	чини́ть	—	чини́шь	и	чи́нишь
о:	божи́ться	—	божи́шься	и	бо́жишься
	(за)нози́ть	—	занози́шь	и	зано́зишь
	(по)ложи́ть	—	лижи́шься	и	(по)ло́жишь
	вопи́ть	—	вопи́шь	и	во́пишь
	крои́ть	—	кроишь	и	кро́ишь
	коси́ть	—	коси́шь	и	ко́сишь
	твори́ть	—	твори́шь [1])	и	(за)тво́ришь
у:	кури́ть	—	кури́шь	и	ку́ришь
	тури́ть	—	тури́шь	и	ту́ришь
	студи́ть	—	студи́шь	и	(про)сту́дишься
	труби́ть	—	труби́шь	и	тру́бишь
	блуди́ть	—	блуди́шь	и	блу́дишь
	трудиться	—	трудишься	и	тру́дишься
	пруди́ть	—	пруди́шь	и	пру́дишь
	уди́ть	—	уди́шь	и	у́дишь
	тупи́ть	—	тупи́шь	и	ту́пишь
	кружи́ть	—	кружи́шь	и	кру́жишь
	(за)глуши́ть	—	глуши́шь	и	глу́шишь
	души́ть	—	души́шь	и	ду́шишь
	суши́ть	—	суши́шь	и	су́шишь
	туши́ть	—	туши́шь	и	ту́шишь
	(раз)лучи́ть	—	(раз)лучи́шь	и	(раз)лу́чишь
	(по)ручи́ть	—	(по)ручи́шь	и	(по)ру́чишь
	сучи́ть	—	сучи́шь	и	су́чишь
ѣ:	бѣли́ть	—	бѣли́шь	и	бе́лишь
	цѣди́ть	—	цѣди́шь	и	це́дишь
	гнѣзди́ться	—	гнѣзди́шься	и	гне́здишься
	рѣзви́ться	—	рѣзви́шься	и	ре́звишься

[1]) По грамматикѣ Смотрицкаго *твориши, творитъ*. См. у него парадигму 2-го спряженія. Сложные глаголы *затворить, притворить* и т. д. очевидно образованы изъ того же глагола. Сравни нѣмецк. zumachen — затворить.

	свѣти́ть	— свѣти́шь	и свѣ́тишь	
	мѣси́ть	— мѣси́шь	и мѣ́сишь	
	дѣли́ть	— дѣли́шь	и дѣ́лишь	
	лѣни́ться	— лѣни́шься	и лѣ́нишься	
	(за)мѣни́ть	— (за) мѣни́шь	и (за)мѣ́нишь	
	цѣни́ть	— цѣни́шь	и цѣ́нишь	
я:	ряди́ть	— ряди́шь	и ря́дишь	
	яви́ть	— яви́шь	и я́вишь	

Итого 50 глаголовъ съ *двоякимъ удареніемъ* во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящ. врем. Затѣмъ остается всего около 50-ти же глаголовъ, у которыхъ *постоянно-подвижное удареніе* въ лицахъ этого времени. Число незначительное, если примемъ въ соображеніе, что глаголовъ на *и́ть* съ неизмѣннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ можно насчитать у насъ около 200. Приведемъ же теперь тѣ глаголы, у которыхъ во 2-мъ лицѣ наст. врем. ударе́ніе всегда переходитъ на предпослѣдній слогъ, и разсмотримъ ихъ также по порядку гласныхъ начальнаго слога:

а:	дави́ть	—	да́вишь	
	хвали́ть	—	хва́лишь	
	плати́ть	—	пла́тишь	(пло́тишь)
	хвати́ть	—	хва́тишь	
	дразни́ть	—	дра́знишь	
е:	серди́ть	—	се́рдишь	
	жени́ть	—	же́нишь	
о:	(по)соби́ть	—	(по)со́бишь	
	копи́ть	—	ко́пишь	
	топи́ть	—	то́пишь	
	лови́ть	—	ло́вишь	
	броди́ть	—	бро́дишь	
	води́ть	—	во́дишь	
	ходи́ть	—	хо́дишь	
	(про)глоти́ть	—	(про)гло́тишь	
	корми́ть	—	ко́рмишь	

	ломи́ть	—	ло́мишь
	гони́ть (неупотр.)	—	го́нишь
	клони́ть	—	кло́нишь
	(у)рони́ть	—	(у)ро́нишь
	(при)слони́ть	—	(при)сло́нишь
	вози́ть	—	во́зишь
	проси́ть	—	про́сишь
	мочи́ть	—	мо́чишь
	(на)скочи́ть	—	(на)ско́чишь
	точи́ть	—	то́чишь
	моли́ть	—	мо́лишь
	скобли́ть	—	ско́блишь
у:	губи́ть	—	гу́бишь
	руби́ть	—	ру́бишь
	купи́ть	—	ку́пишь
	лупи́ть	—	лу́пишь
	ступи́ть	—	сту́пишь
	буди́ть	—	бу́дишь
	суди́ть	—	су́дишь
	пусти́ть	—	пу́стишь
	шути́ть	—	шу́тишь
	служи́ть	—	слу́жишь
	тужи́ть	—	ту́жишь
	(у)куси́ть	—	(у)ку́сишь
	учи́ть	—	у́чишь
ю:	люби́ть	—	лю́бишь
ѣ:	лѣпи́ть	—	лѣ́пишь
	лѣчи́ть	—	лѣ́чишь
	цѣпи́ть	—	цѣ́пишь
	бѣси́ть	—	бѣ́сишь
	(за)стрѣли́ть	—	(за)стрѣ́лишь

Съ перваго взгляда на этотъ списокъ бросается въ глаза сравнительно-большое число глаголовъ съ буквами *о* и *у* въ слогѣ,

предшествующемъ окончанію *ить*, особенно съ буквою *о:* такихъ глаголовъ болѣе 20, слѣдовательно около половины всего количества разсматриваемыхъ глаголовъ на *ить* съ непремѣнно-подвижнымъ ударѣніемъ. И наоборотъ, замѣчательно, какъ относительно-мало глаголовъ такого образованія между глаголами съ *двоякимъ* ударѣніемъ во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени.

Посмотримъ, нельзя ли въ исчисленныхъ глаголахъ отыскать какой-нибудь отличительной примѣты, сравнивая ихъ съ такими глаголами того же образованія, которые всегда сохраняютъ ударѣніе на концѣ. Вотъ нѣкоторые изъ послѣднихъ: *бодри́ть*, *водни́ть*, *вощи́ть*, *гнои́ть*, *годи́ть*, *гости́ть*, *громи́ть*, *двои́ть*, *долби́ть*, *дроби́ть*. Мы видимъ, что почти всѣ подобные этимъ глаголы — имѣющіе одно постоянное ударѣніе на послѣднемъ слогѣ — суть *производные*, т. е. составлены изъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ или числительныхъ (бодрый, вода, воскъ, гной, годъ, двое), тогда какъ глаголы съ подвижнымъ ударѣніемъ — *по большей части первообразные*, т. е. образованы хотя и не прямо отъ корня, но и не отъ слова другой части рѣчи. Къ сожалѣнію, обоихъ послѣднихъ выводовъ не можемъ мы сдѣлать безъ ограниченія ихъ словами *почти* и *по большей части*. Есть исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, наприм. въ 1-мъ случаѣ *долбить*, *доить*, а во 2-мъ *женить*, *сердить*, *застрѣлить*. Впрочемъ между глаголами съ безусловно-подвижнымъ ударѣніемъ очень рѣдки глаголы пропзводные; едва ли можно найти тому другіе примѣры, кромѣ сейчасъ приведенныхъ. Итакъ *глаголы съ подвижнымъ ударѣніемъ почти всѣ первообразные*. Напротивъ, между глаголами съ постояннымъ ударѣніемъ на концѣ — первообразныхъ очень мало: *родить*, *рыть*, *врать*, *копить*, *крыть*, *сулить:* вотъ чуть ли и не всѣ они.

Къ разсмотрѣнному разряду двусложныхъ глаголовъ надобно еще отнести тѣ немногіе, которые передъ окончаніемъ *ть* приняли вмѣсто *и* гласную *ъ* или, послѣ шипящихъ буквъ, гласную *а:* *вертѣть*, *смотрѣть*, *терпѣть*, *держать*, *дышать*, — у которыхъ 1-е лицо по ударенію также отличается отъ слѣдующихъ.

Изъ нихъ одинъ только — *вертѣть* — допускаетъ въ этихъ лицахъ двоякое ударе́ніе: *ве́ртишь* и *верти́шь*.

Глаголъ *хотѣть* спрягается въ един. числѣ наст. врем. такъ, какъ еслибъ неопр. наклоненіе оканчивалось на *ать* подобно глаголамъ *метать*, *топтать*, *шептать* и проч: *хочу́*, *хо́чешь*[1]). Здѣсь же наконецъ должны найти мѣсто односложные въ неопр. наклоненіи глаголы: *стлать*, (—) *ять* и *мочь*.

1) *стелю́*, *сте́лешь;* почему не *стелёшь*, какъ въ глаголѣ *брать*, *беру́*, *берёшь?* Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ют*ъ или *рют*ъ, то этотъ слогъ никогда не принимаетъ ударенія: сравнимъ: *о́рютъ*, *бо́рютъ*, *по́рютъ*, *ко́лютъ*, *по́лютъ*, *ме́лютъ*. Въ глаголѣ *стлать* это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ предыдущемъ слогѣ буква *е*, принимающая ударе́ніе, есть бѣглая.

2) *иму́*, *и́мешь* (напр. приму́, при́мешь). Но когда *и* выпадаетъ послѣ предлога *воз*, то ударе́ніе переходитъ на послѣдній слогъ: *возьму́*, *возьме́шь*. То же бываетъ, когда *и* превращается въ *й* послѣ отрицанія *не* и послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *неймёшь*, *займёшь*, *уймёшь*.

3) *могу́*, *мо́жешь*. Изъ всѣхъ глаголовъ на *чь*, это единственный съ подвижнымъ ударе́ніемъ въ настоящемъ времени, что́ приписать должно, какъ кажется, вліянію гласной *о* въ первомъ слогѣ, которая, какъ мы видѣли, легко принимаетъ на себя ударе́ніе въ двусложныхъ глаголахъ.

Между глаголами на *ить* нѣкоторые перемѣняютъ или не перемѣняютъ ударе́ніе, смотря по смыслу своему, если имѣютъ двоякій, и еще по тому, соединены ли они съ предлогомъ и съ какимъ именно, употреблены ли съ мѣстоименіемъ *ся* или безъ него. Приведемъ примѣры.

1) Вліяніе *значенья*. *Кре́стишь*, *кре́стишься*, говорятъ, когда дѣло идетъ о знаменіи креста; *крести́шь*, —*ся*, когда разумѣютъ обрядъ крещенія. *Ко́сишь*, когда означается срѣзываніе травы, и *коси́шь*, когда рѣчь идетъ о направленіи глазъ (4).

---

[1]) См. выше, стр. 222.

2) Вліяніе *предлоговъ*. *Твори́ть* безъ предлога въ наше время никогда не измѣняется въ ударенiи; съ предлогами *за*, *при*, *от*, *раз* говорятъ *твóришь*, при чемъ измѣняется и смыслъ [1]). *Чинить*, безъ предлога, употребляется съ двоякимъ удареніемъ въ наст. времени: глаголъ *учинить* всегда сохраняетъ ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ. Говорятъ *(по)лу́чишь*, а когда съ этимъ глаголомъ соединенъ предлогъ *раз*, то ударе́ніе допускается двоякое: *разлу́чишь* и *разлучи́шь*. (Точно такъ же въ будущемъ времени глагола *присла́ть* говорятъ иногда *при́шлешь*). Вліяніе предлоговъ на ударе́ніе такъ велико, что оно иногда обнаруживается даже и на неопредѣленномъ наклоненіи. Глаголъ *висѣть*, при предлогѣ *за*, переноситъ свое ударе́ніе на предпослѣдній слогъ: *завúсѣть*.

3) Вліяніе *мѣстоименія ся*. Говорятъ: *сади́шь* и *са́дишь*, но въ возвратной формѣ только *сади́шься*; *лóжишь* съ предлогами *по*, *при*, *раз* и др. всегда произносятъ съ ударе́ніемъ на первомъ слогѣ; а когда глаголъ этотъ употребляется въ возвратной формѣ безъ предлога, то говорятъ: *ложи́шься*. Другой случай представляетъ глаголъ *студить*, который при мѣстоименіи *ся* и предлогѣ *про* въ будущемъ времени всегда переноситъ ударе́ніе на слогъ *сту́*, тогда какъ *студишь* безъ этихъ приращеній выговаривается двоякимъ образомъ.

Перейдемъ теперь къ трехсложнымъ глаголамъ на *и́ть*. Ихъ вообще въ языкѣ немного — 20 съ небольшимъ, а подвижное ударе́ніе замѣчается только въ 12-ти изъ нихъ: *волочить*, *воротить*, *колотить*, *молотить*, *торопить*, *хоронить*, *городить*, *золотить*, *коротить*, *становить*, *теребить*, *шевелить*, (об)*локотиться*. Между ними большая половина, именно послѣдніе семь, допускаютъ въ наст. вр. двоякое ударе́ніе: *городи́шь* и *горóдишь*, *золоти́шь* и *зóлотишь* (особенно съ предлогомъ) и т. д. Здѣсь опять въ большей части случаевъ ударе́ніе падаетъ на букву *о*.

Въ этихъ глаголахъ еще одно обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Почти всѣ они представляютъ то, что́ у насъ принято

[1]) См. выше выноску, относящуюся къ списку глаголовъ, противъ слова *творишь* (стр. 334).

называть *полногласіемъ*, т. е. двойныя гласныя при буквахъ *р* и *л*, — составъ довольно сходный съ тѣмъ, какой мы видѣли въ трехсложныхъ глаголахъ съ окончаніемъ *тать* (бормотать, лепетать и т. д.), которые также перемѣняютъ ударѐніе во 2-мъ лицѣ наст. вр. Почти всѣмъ приведеннымъ трехсложнымъ глаголамъ на *ить* соотвѣтствуютъ церковно-славянскіе съ одною гласною вмѣсто двухъ: *влачить*, *вратить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *кратить*, и въ этихъ двусложныхъ глаголахъ ударѐніе остается уже постоянно на послѣднемъ слогѣ. Отсюда возникаетъ вопросъ: переносъ ударѐнія во 2-мъ и послѣдующихъ лиц. наст. вр. не есть ли исключительно народное свойство русскаго языка, чуждое старославянскому нарѣчію?

Къ сожалѣнію, въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ спискахъ евангелія ударѐнія вовсе не означены; они начинаютъ появляться не прежде какъ въ 15 и 16-мъ столѣтіяхъ. Но и въ рукописяхъ, относящихся къ этому времени, оказывается касательно ударѐнія большое разнообразіе; къ тому же надъ многими словами вовсе нѣтъ ударѐнія, въ другихъ оно поставлено надъ двумя слогами. Въ этомъ отношеніи наши тексты священнаго писанія могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Въ однихъ ударѐнія довольно сходны съ находимыми до сихъ поръ въ нашей славянской библіи и съ ударѐніями языка народнаго. Таковы они, наприм. въ уставномъ спискѣ евангелія 16-го вѣка, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ (№ 25 по ея каталогу[1]); здѣсь читается между прочимъ: *свѣ́тится*, *и́мутъ*, *ви́дѣхомъ*, *вопро́сятъ*, *вопроси́ша*, *испра́вите*, *у́зриши*, *пи́саное*. Однако тутъ же встрѣчаются случаи несходства ударѐнія съ нынѣшнимъ, и въ размѣщеніи его часто видна нѣкоторая шаткость: напр. слово *ви́дѣхомъ* въ другомъ мѣстѣ носитъ ударѐніе на 2-мъ слогѣ; далѣе читаемъ *созда́на* и проч. Къ этому

[1]) Здѣсь приводятся замѣтки, сдѣланныя мною при просмотрѣ разныхъ списковъ евангелія въ Публич. библ. Для удобства сличенія избралъ я однѣ и тѣ же первыя главы евангелія отъ Іоанна, которыя и прослѣдилъ во всѣхъ бывшихъ передо мною рукописяхъ, отмѣчая впрочемъ почти одни только глаголы, относящіеся къ предмету моего изслѣдованія

же разряду текстовъ относительно ударенія принадлежитъ и острожское изданіе 1581 года, а также виленское евангеліе 1575 года, напечатанное Петромъ Мстиславцемъ. Въ этихъ текстахъ, какъ и въ нынѣшнемъ, удареніе только мѣстами отступаетъ отъ употребительнаго въ наше время, какъ-то: *возложи́тъ*, *погуби́тъ*, *преклони́тъ*, *научи́тъ*, изъ чего надобно заключить, что въ Москвѣ ударенія церковно-славянскаго нарѣчія вообще выработались подъ вліяніемъ народнаго языка.

Другой разрядъ составляютъ такіе тексты, въ которыхъ ударенія по большей части вовсе не сходны съ нынѣ-употребительными. Такъ въ спискѣ конца 15-го вѣка (Кат. Пуб. библ. № 16) находимъ: *вопро́сиша*, *по́славшій*, *схо́дящь*, *тво́рите*, *на́плъните*, *о́брѣте*, *прі́ходитъ*, *о́сужденъ*, *о́сужденье*, *у́читель*, *до́стоинъ*. Въ полууставномъ 1537 года (К. Б. № 23): *все́лися*, *въ́просятъ*, *вопро́сиша*, *гря́детъ*, *схо́дящь*, *жи́веши*, *вкуси́*, *тво́рите*, *ро́дится*, *возлю́би*, *ре́коша*, *осу́жденъ* (но также *осужде́нъ*); *ре́мень*, *се́бѣ*, *учѐникъ*, *церко́вь*, *дѣ́ла* (множ. ч.), *лу́кава*. Подобныя ударенія встрѣчаются во множествѣ и въ полууставномъ спискѣ 16-го вѣка (К. Б. № 24), и въ уставномъ 15-го (№ 13); въ послѣднемъ, кромѣ удареній, много другихъ надстрочныхъ знаковъ; удареній же вообще мало. Еще болѣе разнообразія въ отношеніи къ просодіи представляетъ полууставный списокъ 16-го вѣка (№ 31), гдѣ читаемъ: *похо́ти*, *видѣ́хомъ*, *достои́нъ*, *отрѣ́шу*, *слышѝвшою*, *видѣ́въ же*, *се́бѣ*, *вѣрова́ша*, *име́те*, *не има́ть*, *встане́те*, *буде́те*.

Во всѣхъ этихъ спискахъ, въ большей части случаевъ, обнаруживаются слѣды сербской просодіи; это тѣмъ очевиднѣе, что надъ нѣкоторыми словами поставлено по два ударенія (*пу́сты́ни*, *по́сла́* — № 16), что́ также составляетъ принадлежность сербскаго правописанія [1]). Итакъ мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго заключенія, если предположимъ, что такіе тексты, отличающіеся особенностью своихъ удареній, списаны съ сербскихъ редакцій

[1]) Ср. Словарь Караджича и Грамм. Добровскаго, Гл. III, §§ III—VIII.

священнаго писанія. Въ этой догадкѣ утверждаютъ насъ два находящіяся также въ Публичной библіотекѣ сербскія евангелія, напечатанныя въ 16-мъ столѣтіи черногорскимъ монахомъ Мардаріемъ, родомъ съ рѣки Дрина — одно въ Бѣлградѣ, а другое въ монастырѣ «*Мрькшина црква въ подькриліе Чрьніе горы*». Въ первомъ изъ нихъ встрѣчаются между прочимъ такія ударенія: *твóрити, твóришн, не рóдится* (но на той же страницѣ не *роди́тся*, и *рóдитúся, рóждéнное*), *хощéтъ, слышúши, могýтъ, рéче*).

Соображая все это, мы не можемъ не признать, что глаголы съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ принадлежность собственно русскаго, народнаго, а не старо-славянскаго языка (5). Нѣтъ сомнѣнія, что просодія послѣдняго у насъ постепенно видоизмѣнялась подъ вліяніемъ перваго, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ прослѣдить всѣхъ ея измѣненій, по недостатку памятниковъ, гдѣ бы ударенія означены были со времени введенія на Руси письменности. Здѣсь мы только слегка коснулись этого предмета съ исторической точки зрѣнія; однакожъ и этого, кажется, достаточно, чтобы показать, къ какимъ любопытнымъ выводамъ можетъ привести разсмотрѣніе нашихъ рукописей въ отношеніи къ удареніямъ — сторона, до сихъ поръ еще не тронутая въ изслѣдованіи исторіи славяно-русскаго языка.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Терминъ *подвижное ударéніе* употребленъ въ первый разъ А. Х. Востоковымъ; см. его Русскую Грамматику (4-е изд.) § 182. Онъ принятъ и въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка, § 76.

2) Относительно глагола *блистáть* можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли это неопредѣленное наклоненіе принадлежитъ тому же глаголу, въ которомъ настоящее время: *блещý, блéщешь*, и точно ли эта послѣдняя форма тожественна съ другою: *блистáю, блистáешь*. Нельзя ли скорѣе принять ее за видоизмѣ-

неніе формы: *блещу́*, *блести́шь* отъ глагола *блестѣ́ть?* Форма *бле́щешь*, *бле́щетъ* и т. д. не можетъ отвѣчать неопр. наклоненію, у котораго передъ окончаніемъ *ть* бѣглое *ъ;* эта послѣдняя буква въ настоящемъ времени всегда замѣняется гласною *и* (исключеніе составляютъ только два глагола: *хотѣ́ть* и *ревѣ́ть*; въ послѣднемъ видимъ новую форму, заступившую мѣсто древней *рюти* [1]). Съ другой стороны окончаніе *ешь... утъ* (безъ удар.) съ предшествующею шипящей *ж ч ш щ* въ наст. врем. всегда указываетъ на неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ *гать, кать, тать, хать, сать, скать* или *стать*: *брызжутъ — брызгать, плачутъ — плакать, мечутъ — метать, машутъ — махать, пишутъ — писа́ть, ищутъ — иска́ть, хлещутъ — хлеста́ть.* Многіе изъ этихъ глаголовъ имѣютъ въ наст. вр. двоякую форму: *брызжу* и *брызгаю, мечу́* и *мета́ю, машу́* и *маха́ю, хлещу́* и *хлеста́ю.* Такъ точно и глаголъ *бле́щутъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи долженъ бы имѣть форму *блеста́ть*; но вмѣсто ея утвердилась другая — *блиста́ть;* для довершенія аналогіи, и этотъ глаголъ (какъ *хлеста́ть* и *плескать*) имѣетъ въ настоящемъ времени двоякую форму: *блещу* и *блистаю* [2]). Такъ смотритъ на него и А. Х. Востоковъ (ср. его Грамматику, § 75, Различ. II, е).

3) О частомъ превращеніи звука *а* въ *о*, когда на *а* падаетъ удареніе было уже говорено въ другой статьѣ: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка» (см. выше стр. 293). Нѣтъ, кажется, надобности объяснять, что въ словахъ *сади́шь* и *посо́дишь* буквы *а* и *о* въ коренномъ слогѣ тожественны.

4) Можно бы подумать, что формы *ко́сишь* и *коси́шь* принадлежатъ двумъ разнымъ глаголамъ, которые только случайно созвучны въ неопред. наклоненіи. Но что это одинъ и тотъ же гла-

[1]) См Остромирово Евангеліе, Грамматическія правила, § 39.

[2]) И въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ слова этого корня встрѣчаются въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ одна является съ гласною *и*, а другая съ *е* или *а*, напр. польск. błyszczeć и bleszczeć (стар.) błysk и blask; словацк. blysstim se, bleskati se. Въ лужиц. нарѣчіи послѣ *l* буква *o*: blosk, bloskam. (См. Словарь Линде)

голъ, въ томъ убѣждаетъ насъ совершенно сходный случай въ германскихъ языкахъ: въ исландскомъ глаголъ *sneida* — отъ корня *sneid*, косой — значитъ: 1) дѣлать косымъ, кривымъ, наклонять вкось, и 2) рѣзать. Такъ и въ шведскомъ прилаг. *sned* значитъ косой, а глаголъ *sneda* — косить, кривить и — наискось срѣзáть. То же представляетъ и областной норвежскій глаголъ *snide*. Въ нѣмецкомъ языкѣ глаголъ того же корня *schneiden* значитъ рѣзать, а въ датскомъ сущ. *snedker* — столяръ, тогда какъ прилаг. *snedig* — лукавый, криводушный.

5) По убѣжденію Добровскаго, «въ множайшихъ словахъ сербскія древнія книги сохранили удареніе прежнее, 9-го вѣка (хотя достовѣрно и не безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ)» — (Грамм. языка Слав. Ч. I, гл. III, § 1); но мы не можемъ опереться на это мнѣніе знаменитаго филолога, потому что оно не подкрѣпляется никакими положительными данными. Въ подтвержденіе нашей мысли объ отнесеніи къ народному языку подвижнаго ударенія въ глаголахъ, скорѣе надобно привести то обстоятельство, что въ священномъ писаніи до сихъ поръ носятъ постоянное удареніе многіе изъ такихъ глаголовъ, которые у насъ употребляются не иначе какъ съ удареніемъ подвижнымъ, наприм. учи́тъ вм. у́читъ, клони́тъ вм. кло́нитъ, погуби́тъ вм. поги́бнуть, и друг.

О РУССКОМЪ УДАРЕНІИ ВООБЩЕ

И ОБЪ УДАРЕНІИ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

I.

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. Неопредѣленность его во многихъ случаяхъ. Взглядъ Востокова. Два предмета изслѣдованія Удареніе въ переносныхъ словахъ Двоякая цѣль нашего ударенія. Два весьма опредѣленные закона его въ именахъ предложныхъ Имена съ производственными окончаніями мужескаго, женскаго и средняго рода: а) всегда имѣющими удареніе; б) являющимися то съ удареніемъ, то безъ ударенія, и в) никогда не принимающими его. Результаты изслѣдованія: указаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ удареніе въ производныхъ словахъ.

Приступая къ разсмотрѣнію законовъ просодіи въ Русскомъ языкѣ, мы прежде всего встрѣчаемъ вопросъ: что такое удареніе? Точно ли оно состоитъ, какъ всѣ мы повторяемъ послѣ Ломоносова, въ повышеніи голоса надъ слогами? Кажется, такое опредѣленіе сущности ударенія не совсѣмъ вѣрно. Еслибъ мы на каждомъ словѣ дѣйствительно повышали и понижали голосъ, то мы говорили бы на распѣвъ; сущность ударенія заключается въ усиленіи выговора нѣкоторыхъ слоговъ, т. е. въ увеличеніи силы, съ какою выталкивается воздухъ при произнесеніи звуковъ[1]). Поэтому не безъ основанія у насъ въ старину называли ударенія *силами*. Вслѣдствіе того слоги съ удареніемъ и въ русскомъ языкѣ могутъ становиться нѣсколько длиннѣе другихъ. Правда, у насъ нѣтъ напряженнаго протяженія или усугубленія гласныхъ, какое замѣчается въ иныхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и во

[1]) Спустя много времени послѣ того какъ эти строки были написаны, я нашелъ ту же мысль выраженною въ соч. Heyse, System der Sprachwissenschaft: § 152. Accent (стр. 328 и 329). Оно переведено на русскій языкъ г. Желтовымъ и печатается въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго.

французскомъ, однакожъ и съ нашимъ удареніемъ въ нѣкоторой степени связано удлиненіе слоговъ. Что касается до способа означать у насъ ударе́ніе на письмѣ, то нѣтъ причины употреблять то *острый* знакъ (´), то *тяжкій* (`): такъ какъ мы не имѣетъ фонетическаго основанія для разныхъ степеней удлиненія слоговъ, то и знакъ ударенія можетъ быть у насъ только одинъ, и именно острый (´), годный на всякомъ мѣстѣ слова: никакого нѣтъ основанія на окончательной гласной ставить тяжкій (`) знакъ.

Затѣмъ является другой вопросъ: есть ли въ русскомъ языкѣ твердо установленное ударе́ніе? Мы не будемъ распространяться о различіи его въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ нашего языка, ни о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его въ разныя времена; но и въ общеупотребительномъ современномъ нарѣчіи ударе́ніе часто слышится то на одномъ, то на другомъ слогѣ. Всякій, кто захотѣлъ бы въ точности опредѣлить ударе́ніе каждаго русскаго слова, въ весьма многихъ случаяхъ встрѣтилъ бы сомнѣніе; еслибъ, для разрѣшенія его, онъ сталъ обращаться къ знатокамъ языка, то и отъ нихъ услышалъ бы столько же разныхъ мнѣній, напр. одинъ говоритъ: *христіа́нинъ*, *гра́жданинъ*, *кла́дбище*, *вёсну*, *вре́менный*, *озёра*, *изобрѣте́ніе*, *се́рдиться;* а другой произноситъ: *христіани́нъ*, *гражданѝнъ*, *кладби́ще*, *весну́*, *временно́й*, *озера́*, *изобрѣтёніе*, *сердѝться*....

Въ статьѣ моей: «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ» было показано, что въ числѣ 100 двусложныхъ глаголовъ съ окончаніемъ *ить*, измѣняющихъ ударе́ніе въ настоящемъ времени, оказывается 50 такихъ, у которыхъ ударе́ніе въ этомъ времени (кромѣ 1-го лица единственнаго числа) можетъ падать и на 1 й, и на 2-й слогъ, напр. *ва́лишь*, *валѝшь*.

Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ нѣтъ постояннаго основанія для ударе́нія словъ. Но слова́ съ опредѣленнымъ удареніемъ несравнено многочисленнѣе: не подчинено ли оно хоть въ нихъ положительнымъ законамъ и нельзя ли выяснить эти законы? Самый этотъ вопросъ до сихъ поръ остается у насъ нерѣшеннымъ, потому что никто еще не подвергалъ об-

стоятельному разсмотрѣнію всѣхъ случаевъ разнообразія нашихъ ударенiй. Указаніе словъ съ *подвижнымъ* удареніемъ мы находимъ въ грамматикѣ Востокова (§ 182 и слѣд.); но онъ не принялъ на себя окончательнаго рѣшенія задачи, оговорившись такимъ образомъ: «Который именно слогъ должно произносить съ удареніемъ, сему научаемся изъ употребленія и изъ словаря, потому что *не прiискано еще на то опредѣленныхъ правилъ*». Послѣднія слова показываютъ однакожъ, что нашъ заслуженный филологъ не отвергалъ возможности открытія такихъ правилъ. При всемъ томъ эта отрасль разработки нашего языка до сихъ поръ почти не обращала на себя вниманія. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка» иногда указываетъ на тѣ случаи, когда удареніе явно присвоено извѣстнымъ слогамъ или окончаніямъ, но онъ вообще касается этого предмета только мимоходомъ и случайно, не входя въ подробное систематическое изслѣдованіе его. Конечно, трудность задачи и малое вѣроятіе успѣха въ рѣшеніи ея можетъ устрашить всякаго при самомъ приступѣ къ предпріятію, которое представляется неблагодарнымъ. Но кажется, оно не будетъ таково, если цѣлію поставить себѣ не именно опредѣленіе законовъ ударенія, а по крайней мѣрѣ рѣшеніе вопроса: есть ли въ русскомъ языкѣ возможность опредѣлить эти законы, или они до такой степени неощутительны и неуловимы, что установить ихъ невозможно? Настоящій трудъ и ограничивается этою цѣлью. Въ основаніе нашихъ наблюденій мы беремъ общеупотребительный языкъ, т. е. московское нарѣчіе съ тѣми видоизмѣненіями, которыя оно приняло по обширности предѣловъ своего распространенія. Впрочемъ мы обращали вниманіе отчасти и на областныя нарѣчія. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то въ настоящемъ случаѣ мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сознавая, что сравнительное изученіе хода развитія ихъ относительно ударенія можетъ имѣть свой интересъ и свою пользу, не думаемъ однакожъ, чтобъ собственно здѣсь, для цѣли нашей, такое сравненіе могло оказать намъ существенную услугу.

Прежде всего мы должны отличить два вопроса, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать:

1) Гдѣ находится удареніе въ прямой или такъ-сказать заглавной формѣ слова, т. е. у склоняемыхъ словъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, а у спрягаемыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи? и 2) когда удареніе во флексіи остается на томъ же мѣстѣ и когда оно переходитъ на другое мѣсто въ извѣстныхъ ея формахъ?

Поэтому и изслѣдованіе наше раздѣлится на двѣ соотвѣтствующія этимъ вопросамъ части. На первый случай займемся разсмотрѣніемъ именъ существительныхъ.

Объ удареніи существительныхъ въ именительномъ надежѣ единственнаго числа.

Здѣсь надобно отдѣлить имена *первообразныя* отъ *производныхъ* и опять между первыми *односложныя* отъ *двух-* и *трехсложныхъ*. Объ односложныхъ не можетъ быть рѣчи; что касается до остальныхъ, то если кто захочетъ опредѣлить, почему въ одномъ первообразномъ словѣ удареніе на такомъ-то мѣстѣ, а въ другомъ, сходномъ съ нимъ и по образованію и по роду выражаемаго понятія, удареніе не на томъ же слогѣ, такое стараніе будетъ почти всегда безплоднымъ. Это происходитъ отъ того, что удареніе, какъ принадлежность внѣшней формы слова, составляетъ одну изъ индивидуальныхъ его особенностей: оно образовалось вмѣстѣ съ словомъ, — почему такъ, а не иначе, это, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, тайна созданія слова, непроницаемая для наблюдателя точно такъ же, какъ тайна всякаго творчества; — это черта физіономіи слова, которой часто не разгадаетъ никакой Лафатеръ филологіи.

Но нельзя ли отсюда вывести заключенія, что удареніе въ русскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія и есть дѣло одной

случайности? Значеніе нашего ударенія можно, кажется, объяснить себѣ такимъ образомъ. У насъ всѣ слоги, по первоначальному свойству своему, одинаковы, состоятъ такъ-сказать на равныхъ правахъ; еслибъ мы и произносили ихъ совершенно одинаково, то слово не образовало бы отдѣльнаго цѣлаго; для приданія слогамъ его связи, для совокупленія ихъ въ фонетическое тѣло, мы должны одному слогу дать первенство, господство надъ другими. Такое предпочтеніе народный слухъ оказываетъ всякій разъ тому изъ слоговъ, на который въ произношеніи удобнѣе опереться; итакъ мѣсто ударенія въ первообразныхъ словахъ опредѣляется неуловимыми требованіями слуха. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности рѣшить, почему такъ, а не иначе произносятся слова: *вóрохъ* и *горóхъ; рукá* и *щýка*, *козá* и *кóжа*, *мѣ́сто* и *гнѣздó*.

Сверхъ того въ языкѣ нашемъ видно однако и постоянное стремленіе пользоваться удареніемъ для достиженія двоякой цѣли: 1) возможной ясности выговора и 2) опредѣлительнаго отличенія понятій и отношеній, что́ доказывается многими явленіями, на которыя впослѣдствіи будетъ указано.

Что касается до словъ производныхъ, то здѣсь съ перваго взгляда насъ поражаетъ чрезвычайное разнообразіе ударенія какъ въ отношеніи къ порядку слоговъ, на которые оно падаетъ, такъ и въ разсужденіи свойства ихъ; т. е. съ одной стороны, удареніе бываетъ то на первомъ слогѣ, то на послѣднемъ, то на одномъ изъ среднихъ; съ другой стороны, оно падаетъ то на коренной слогъ, то на бѣглую гласную, то на начальную приставку, то на окончаніе.

Здѣсь мы остановимся нѣсколько на томъ случаѣ, когда начальная приставка, т. е. предлогъ, связанный съ существительнымъ именемъ въ одно слово, принимаетъ удареніе. Изъ ряду такихъ приставокъ мы должны напередъ выдвинуть предлогъ *вы*, какъ имѣющій свои особые законы просодіи. Извѣстно, что будучи соединенъ съ глаголомъ, онъ носитъ удареніе всякій разъ, когда образуетъ *совершенный* видъ: *вы́разить*, *вы́ступить*, *вы-*

здоровьтъ. Но отглагольныя существительныя съ окончаніемъ *ніе*, хотя и произведенныя отъ этого вида, не всегда слѣдуютъ тому же правилу; такъ всѣ говорятъ: *выраже́ніе*, *выступле́ніе*, *выздоровле́ніе* (1), не смотря на то, что самое окончаніе *еніе* не необходимо является съ удареніемъ, какъ видно напр. въ словѣ *изобрѣтеніе*. За то *предлогъ* вы *непремѣнно носитъ удареніе*, *когда соединенное съ нимъ отглагольное существительное есть либо первообразное*, *либо производное съ окончаніями: окъ*, *екъ*, *ышъ*, *ецъ*, *икъ*, *щикъ*, *ка*, *ица*, *ина*, *ость:* напр. *вы́боръ*, *вы́вихъ*, *вы́носъ*, *вы́стрѣлъ*, *вы́мыселъ*, *вы́слуга*, *вы́родокъ*, *вы́селокъ*, *вы́кидышъ*, *вы́веденышъ*, *вы́ходецъ*, *вы́водчикъ*, *вы́дѣльщикъ*, *вы́ставка*, *вы́писка*, *вы́работка*, *вы́водчица*, *вы́боина*, *вы́пуклость*.

Примѣчаніе. Слово *выдумщикъ* произносятъ и иначе, т. е. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ (выду́мщикъ), но это неправильно. Когда имя съ окончаніемъ *остъ* произведено отъ сущ., оканчивающагося на *тель* или, вѣрнѣе, отъ прилагательнаго, кончащагося на *тельный*, то предлогъ *вы* не принимаетъ ударенія, потому что не носитъ его и при этомъ послѣднемъ окончаніи, напр. *вырази́тельность*.

Прочіе предлоги, соединяясь съ именами, то оставляютъ за ними удареніе, то сами принимаютъ его, напр. *дозо́ръ* и *до́водъ*, *завѣ́съ* и *за́кромъ*, *зазы́въ* и *за́мыслъ*, *обо́зъ* и *о́бодъ*, *посо́лъ* и *по́варъ* и т. д. Иногда въ такихъ предложныхъ словахъ удареніе различное, напр. говорятъ и *насмо́ркъ* и *на́сморкъ*, *позы́въ* и *по́зывъ;* иногда оно бываетъ двоякое, смотря по двоякому смыслу слова, напр. *замо́къ* и *за́мокъ*, *причётъ* и *при́четъ* [1]). Однакожъ въ именахъ, кончащихся на *ь*, открывается одинъ законъ, общій для всѣхъ предлоговъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *всякій предлогъ принимаетъ удареніе*, *если присоединенъ къ отглагольному или иному имени съ окончаніемъ* ь, *лишь бы тутъ не было наставокъ тель и ность*, напр. въ именахъ мужескаго рода: *за́рубень*, *о́бручь* (2), *о́плавь*, *о́боротень*, *о́хабень*, *пе́речень*, *по́ручень*, *при́-*

[1]) Подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета относится къ статьѣ объ удареніи предлоговъ.

хвостень, *про́лежень*, *у́валень*, *у́ровень*; — въ именахъ женскаго рода: *бе́зтолочь*, *за́висть*, *и́зморозь*, *и́сповѣдь*, *на́сыпь*, *о́бувь*, *о́пухоль*. *о́ттепель*, *о́чередь*, *пе́ревязь*, *по́честь*, *по́хоть*, *пре́лесть*, *при́голодь*, *при́мѣсь*, *про́пись*, *про́рубь*, *ро́спись*, *со́вѣсть*, *у́быль*, *у́даль*, *у́пряжь*, *у́тварь* и проч. и проч.

Если, вмѣсто предлога, въ такихъ именахъ находится отрицаніе *не*, то и оно принимаетъ удареніе, напр. *не́дорослъ*, *не́христь*, *не́учь*, *не́тель*, *не́видаль*, *не́погодь*, *не́нависть*.

На этомъ основаніи и нарѣчія, составленныя изъ одного или двухъ предлоговъ и подобнаго существительнаго, имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ: *по́рознь*, *и́здали*, *и́зстари*, *на́стежь*, *на́искось*, *на́отмашь*, *о́щупью*, *и́сподоволь*, *на́взничь*, *о́земь* и проч. Слѣдовало бы также говорить *и́скони*, а не *искони́*, какъ б. ч. говорятъ.

Это правило оправдывается многими десятками словъ, а исключеній изъ него мало. Вотъ едва ли не всѣ они: мужеск. рода — *недоу́чь*, женск. рода — *напа́сть*, *оби́тель*, *поги́бель*, *посте́ль*. Что касается до имени *перекопь*, которое въ этомъ видѣ также составляетъ по выговору исключеніе въ ряду именъ женск. рода, то замѣтимъ, что оно еще и въ древнихъ актахъ иногда писалось съ мужескимъ окончаніемъ (на ъ), а въ позднѣйшее время все чаще принимало эту форму: см. Словарь Щекатова Ч. IV, стр. 1043 и 1044; Кн. большаго чертежа, изд. Спасскимъ, стр. 221—225, И. Г. Р. I, пр. 437, и Акты Ист. Арх. Комм. т. II, стр. 201 («пушки побрали въ *перекопъ*»). Относительно слова *пріязнь* надобно помнить, что здѣсь *пріи* не есть предлогъ (Санскр. *пріа*, любезный).

Производственныя окончанія.

Изъ производственныхъ окончаній нѣкоторыя слѣдуютъ постояннымъ законамъ въ отношеніи къ ударенію. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія этихъ окончаній мы раздѣлимъ ихъ на 3 разряда, смотря по тому, принадлежатъ ли они именамъ мужескаго, женскаго или средняго рода. Въ двухъ первыхъ разрядахъ мы примемъ еще по 3 отдѣла: 1) окончаніи, всегда или почти всегда

сохраняющія на себѣ удареніе; 2) являющіяся то съ удареніемъ, то безъ ударенія, или носящія его то на одномъ слогѣ, то на другомъ, и 3) никогда не принимающія ударенія. Вслѣдъ за производственными окончаніями будемъ указывать и нѣкоторыя другія, не имѣющія опредѣленнаго значенія.

I. Окончанія мужескаго рода.

1) Съ постояннымъ удареніемъ.

а) Односложныя окончанія:

а́къ, *я́къ*. Въ какомъ бы значеніи ни являлись эти окончанія, они всегда бываютъ отмѣчены удареніемъ: *дуракъ*, *морякъ*, *чудакъ*, *острякъ*, *лошакъ*, *червякъ*, *тесакъ*, *пятакъ*, *пустякъ*, *сосякъ*, *Сибирякъ*, *холостякъ*, *обиняк* и проч. То же бываетъ, когда это окончаніе теряетъ свой чистый видъ отъ присоединенія къ нему другихъ звуковъ и обращается въ: *чакъ*, *щакъ*, *ьякъ*, *някъ*, наприм. *смѣльчакъ*, *лонщакъ*, *мышьякъ*, *дубнякъ*, *плитнякъ*. Одно только слово *завтракъ* составляетъ здѣсь по видимому исключеніе, но въ этомъ имени окончаніемъ служитъ собственно только *къ*, приложенное къ слову *завтра* (вм. заутра, т. е. поутру). Въ старину писалось *завтрокъ;* если признать эту форму за правильную, то и въ такомъ случаѣ понятно будетъ отступленіе въ выговорѣ окончанія *акъ*, котораго тутъ не было первоначально.

у́нъ всегда носитъ удареніе, означается ли этой наставкой[1]) лицо съ привычкою извѣстнаго дѣйствія, или вообще съ помощью ея образуется имя, наприм. *воркунъ*, *драчунъ*, *хвастунъ*, *хлопотунъ*, *горбунъ*, *валунъ*, *бурунъ*, и проч. Даже и въ именахъ, у которыхъ *унъ* не есть производственная наставка, или которыя заимствованы изъ другихъ языковъ, удареніе все-таки падаетъ на это окончаніе: напр. *перунъ*, *табунъ*, *драгунъ*. Подъ это явленіе не подходятъ только два слова: *пѣ́стунъ* и *ко́ршунъ*.

а́чъ, еще окончаніе личныхъ именъ, всегда отмѣченное ударе-

[1]) Подъ именемъ *наставки* я разумѣю суффиксъ, какъ подъ *приставкою*— префиксъ.

ніемъ: *богачъ*, *силачъ*, *толкачъ*, *скрипачъ*, *трубачъ*, *палачъ* и проч.: также *колачъ*.

а́й, *я́й*: *напрягай*, *поддергай*, *негодяй*, *лънтяй*, *нагоняй*, *глупендяй*, *скупердяй*, *урожай* и пр. Сюда относятся и слова́, въ которыхъ окончанія *ай* нельзя считать производственнымъ: *шугай*, *сарай*, *горностай*, *коровай*. Только въ именахъ *слу́чай* и *обы́чай* удареніе нынѣ слышится почти всегда на первомъ слогѣ. *Случай*, въ значеніи успѣха при дворѣ, иногда переноситъ ударе́ніе на *ай*:

«Да не вошелъ ли онъ въ случа́й клыками?»
Крыловъ, «Слонъ въ случаѣ»

а́нъ я́нъ: *брюха́нъ*, *велика́нъ*, *буя́нъ*, *бурья́нъ*. Но *ро́занъ*.

е́жъ: *мятежъ*, *грабежъ*, *дѣлёжъ*, *кутёжъ*, *платежъ*, *падежъ* (и *падёжъ*), *рубежъ*, *чертежъ*, *терпёжъ* и др.

Вотъ наболѣе употребительныя окончанія; еще есть нѣсколько такихъ, которыя или встрѣчаются въ немногихъ словахъ, или не составляютъ производственныхъ приставокъ.

Таковы:

а́въ: *рукавъ*, *буравъ*.

у́гъ, *ю́гъ*: *терпугъ*, *вертлюгъ*, *бѣльчугъ*, *смольчугъ*, *сычугъ*.

у́й, *ю́й*: *халуй*, *фатюй*, *почечуй*, *поцѣлуй*.

а́къ, *о́къ*: *рычакъ*, *очакъ*, *овракъ*, *батогъ*, *пирогъ*, *творогъ*, *чертогъ*.

у́къ, *ю́къ*: *каблукъ*, *клобукъ*, *сундукъ*, *паукъ*, *индюкъ*, *мишукъ*. *Барсукъ* произносится съ двоякимъ удареніемъ.

а́тъ: *халатъ*, *ушатъ*, *супостатъ*. Но *ба́рхатъ*.

а́шъ: *торгашъ*, *мура́шъ*.

у́чъ: *сиву́чъ*, *суриу́чъ*.

б) Двух- и трехсложныя окончанія:

а́тай: *ходатай*, *оратай*, *глашатай*, *соглядатай* и др. Такъ же произносятъ по аналогіи старинное слово *ратай*, хотя въ немъ наставку составляетъ только слогъ *ай*, на которомъ должно бы быть удареніе.

ёнокъ } Объ этихъ двухъ приставкахъ ниже при разсмо-
ёночекъ } трѣніи слога *окъ*.

*ёныш*ъ: *дѣтёныш*ъ, *гусёныш*ъ, *утёныш*ъ.

2) Окончанія мужескаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

окъ. Эта наставка служитъ очень часто для образованія уменьшительныхъ именъ, но она не вноситъ съ собою понятія уменьшенія, когда безъ нея имя неупотребительно, или и употребляется, но въ другомъ значеніи; напр. *сило́къ*, *висо́къ*, *вѣно́къ*, *лото́къ*, *возо́къ*, *судо́къ*, *росто́къ*, *зрачо́къ*.

Буква *о* передъ *къ* по большей части бываетъ бѣглою, но иногда она и удерживается въ косвенныхъ падежахъ.

Ни значеніе окончанія *окъ*, ни качество гласной *о* не имѣютъ вліянія на удареніе, которое зависитъ здѣсь отъ другихъ обстоятельствъ. Мы говоримъ: *знато́къ* (*о* постоянное), *свисто́къ* (*о* бѣглое), и *сви́токъ*, *поря́докъ* (*о* бѣглое). Различіе произношенія зависитъ здѣсь частью отъ числа слоговъ въ имени, частью отъ того, простое ли это имя или предложное.

При разсмотрѣніи этого окончанія мы должны имѣть въ виду и другую форму его, т. е. слогъ *екъ*, который рѣдко образуетъ не уменьшительныя имена и гдѣ буква *е* всегда бываетъ бѣглою.

А. *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе:

1) когда съ присоединеніемъ ихъ образуется двусложное простое имя, напр. *глазо́къ*, *кусо́къ*, *суро́къ*, *цвѣто́къ*, *верши́къ*, *домо́къ*, *куро́къ*, *поло́къ*, *носо́къ*, *клубо́къ*, *сучо́къ*, *горшо́къ*, *сово́къ*, *лубо́къ*, *ныро́къ*, *жидо́къ*, *кружо́къ*, *пято́къ*, *бѣло́къ*, *лото́къ*, *стрѣло́къ*, *игро́къ*, *знато́къ*, *ъздо́къ*, *сверчо́къ*; *денёкъ*, *валёкъ*, *кулёкъ*, *шпинёкъ*, *конёкъ*, *линёкъ*.

Исключенія рѣдки; ихъ легко перечесть: *пре́докъ*, *хло́покъ*, *ку́бокъ*, *и́нокъ*, *щёлокъ*, *ры́нокъ*, *во́йлокъ*, *лу́чекъ* и *ли́шекъ*. Почти во всѣхъ этихъ словахъ причина ихъ особеннаго произношенія очевидна.

Предокъ произносится своеобразно какъ единственное имя, образованное приложеніемъ слога *окъ* непосредственно къ предлогу.

Хлопокъ должно бы произноситься съ удареніемъ на *окъ*, еслибъ происходило отъ глагола *хлопать*, какъ *щелчокъ*, *толчокъ*, *зѣвокъ*, *швырокъ*, *свистокъ*, *пинокъ* и проч. происходятъ отъ соотвѣтственныхъ глаголовъ. Вѣроятно, слово *хлопокъ* выговаривается иначе для отличія отъ такихъ отглагольныхъ именъ.

Кýбокъ не русскаго происхожденія: можетъ быть, оно перешло къ намъ изъ Польши и оттого произносится какъ польское kubek.

Имя *инокъ* образовано сходно съ греческимъ μοναχός и германскимъ einog: тутъ окончанія *окъ* нельзя считать существительною наставкою, потому что въ такомъ случаѣ этотъ слогъ не могъ бы сохраниться и въ женскомъ имени *и́нок*-иня. Скорѣе можно видѣть въ словѣ *инокъ* усѣченное прилагательное (позволяю себѣ этотъ старый терминъ ради его удобопонятности), что́ оправдывается другимъ нашимъ прилагательнымъ: *одинокій* [1]).

Имя *щелокъ* — славянскаго происхожденія. И его окончаніе не есть производственная наставка, судя по тому, что этотъ же слогъ удержанъ, только съ умягченіемъ согласной, въ женскомъ имени *щелочь*. Притомъ, еслибъ въ словахъ *инокъ* и *щелокъ* окончаніе *окъ* было обыкновенною наставкой, то гласная *о*, не имѣя ударенія, была бы бѣглою, какъ во всѣхъ именахъ такого образованія, а она остается и въ косвенныхъ падежахъ: *инока*, *щелокомъ* (3).

Рынокъ есть измѣненное германское слово *ring*, которое нѣкогда означало между прочимъ круглую и особенно торговую площадь: у Чеховъ и Поляковъ *рынокъ* (rynek) и значитъ *площадь*.

Войлокъ — конечно также не русское слово. Въ лексиконѣ Линде оно показано татарскимъ, но это не подтверждается другими разысканіями (4). И это слово мы опять находимъ въ польскомъ языкѣ: wojłok.

---

[1]) Пав. Разс II, Б., стр. 302: «инокій, одинокій можно поставить въ паралель съ прил. именами высокій, глубокій» и проч.

Лу́чекъ, растеніе, выговаривается такъ для отличія отъ *лучёкъ*, орудіе. Въ обоихъ случаяхъ это уменьшит. отъ *лукъ*.

Явное исключеніе составляетъ только слово *ли́шекъ*.

Клинокъ въ значеніи главной части холоднаго оружія (нѣм. Klinge) произносится двояко.

Слова *за́мокъ*, *волокъ*, *опрокъ*, *турокъ* и, можетъ быть, еще нѣкоторыя другія сюда не относятся, потому что въ нихъ буква *к* очевидно принадлежитъ къ корню.

2) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе, когда для образованія уменьшительныхъ прилагаются: а) къ двусложному имени съ удареніемъ на первомъ слогѣ; б) къ такому двусложному имени съ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое въ косвенныхъ падежахъ держитъ это удареніе на окончаніи флексіи.

Примѣры случая *а*): *у́зелъ*, *узело́къ*; *во́лосъ*, *волосо́къ*; *вѣ́теръ*, *вѣтеро́къ*; *но́сохъ*, *носошо́къ*; *о́стровъ*, *островóкъ*; *ве́черъ*, *вечеро́къ*; *го́лосъ*, *голосо́къ*; *го́лубь*, *голубо́къ*; *ко́рень*, *корешо́къ*, *ло́скутъ*, *лоскуто́къ*; *мо́лотъ*, *молото́къ*; *но́рохъ*, *порошо́къ*; *сте́бель стебелёкъ*; *сби́тень*, *сбитенёкъ*; *фли́гель*, *флигелёкъ*.

Повидимому имя *ка́мень* въ уменьшительной формѣ представляетъ исключеніе, но въ сущности тутъ едва ли не другое окончаніе, именно: *ушекъ* (*камушекъ*, какъ въ словахъ *воро́бушекъ*, *соло́вушекъ*), а не *екъ*, передъ которымъ *н* будто бы превратилось въ *ш* (*ка́мешекъ*, какъ въ словѣ *гребешёкъ*), потому что никто такъ не произноситъ этого имени и правописаніе *камешекъ*, кажется, придумано искусственной грамматикой.

Примѣры случая *б*): *пиро́гъ* (а́), *пирожо́къ*; *ого́нь* (я́), *огонёкъ*; *оча́гъ*, *очажо́къ*; *реме́нь*, *ремешо́къ*; *котёлъ*, *котело́къ*; *дура́къ*, *дурачо́къ*; *пузы́рь*, *пузырёкъ*; *ручёй*, *ручеёкъ*; *хохолъ*, *хохло́къ*; *стари́къ*, *старичо́къ*; *пьтю́хъ*, *пьтюшо́къ*; *кошёль*, *кошелёкъ*.

3) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе въ отглагольныхъ безпредложныхъ именахъ, хотя и заключающихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, напр. *кипято́къ*, *кувыро́къ*, *колото́къ*.

4) Такимъ же образомъ, наконецъ, произносятся имена: *четверто́къ*, *василёкъ*, *комелёкъ*, и еще два уменьшительныя, въ

которыхъ передъ тою же наставкой является посредствующій слогъ съ буквою *н: муженёкъ, куманёкъ.*

Б. *окъ* и *екъ* остаются безъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ:

1) Когда эта приставка прилагается къ такому имени съ ударéніемъ на второмъ или на третьемъ слогѣ, которое во флексіи не переноситъ этого ударéніе на падежное окончаніе: *горóхъ* (а), *горóшекъ*; *барáнъ* (а), *барáшекъ; человѝкъ, человѝчекъ; орѣ́хъ, орѣ́шекъ; оврáгъ, оврáжекъ; лосóсь, лосóсекъ*[1]); примѣровъ этого случая мало, потому что такія существительныя, для образованія уменьшительной степени, чаще принимаютъ окончанія *ецъ* и *икъ*: *ухáбецъ, ушáтецъ, забóрикъ, нарóдецъ, урóдецъ* (по большей части предложныя).

2) Когда существительное съ окончаніемъ *окъ* образуется отъ предложнаго глагола или вообще съ помощью какого-нибудь предлога (кромѣ *вы*): *достатокъ, убытокъ, поступокъ, осадокъ, разсудокъ, отростокъ, обрубокъ, опоекъ, осколокъ, сколокъ, снимокъ, слѣпокъ, списокъ, недоносокъ, запивокъ, наперстокъ, оттолосокъ, перешеекъ, прилавокъ, проселокъ, простѣнокъ, недоуздокъ.* Сюда же слѣдуетъ отнести составныя имена: *полушубокъ, однолѣтокъ, межеумокъ* и др.

Здѣсь замѣчательны два обстоятельства: 1) что даже и двусложныя слова, какъ скоро въ составѣ ихъ есть предлогъ, не носятъ ударенія на окончаніи *окъ*, напр.: *списокъ, снимокъ, сколокъ, слитокъ, свитокъ, свёртокъ, взлобокъ*, тогда какъ въ двухсложныхъ именахъ безпредложныхъ эта наставка, какъ мы видѣли, почти никогда не остается безъ ударенія, и 2) что отъ присоединенія предлога къ двусложному имени, оканчивающемуся на *окъ*, ударéніе непремѣнно переходитъ съ этого окончанія на предпослѣдній слогъ, напр.: *ростóкъ, отрóстокъ; мысóкъ, перелѣсокъ.*

Предлогъ *вы*, какъ уже было показано, всегда принимаетъ ударéніе передъ такими именами: *вы́рѣзокъ, вы́родокъ.* Такое же

[1]) Послѣднее имя произносится еще и другимъ образомъ: *лóсось, лосóсекъ.* Это также правильно, но согласно съ первымъ закономъ.

свойство имѣютъ рѣже встрѣчающіеся при нихъ предлоги: *па* и *су*: *па́сынокъ*, *па́ерокъ*, *па́колокъ*, *па́робокъ* (стар.), *су́песокъ* (однакожъ *суглино́къ* произносится съ удареніемъ на среднемъ слогѣ). Еще говорятъ иногда *при́горокъ* вмѣсто болѣе правильнаго *приго́рокъ*.

Замѣтимъ, что когда предложное имя съ наставкою *окъ* есть уменьшительное, происходящее отъ другаго имени безъ этого окончанія, то удареніе слѣдуетъ общимъ правиламъ безпредложныхъ именъ, напр.: *о́блукъ*, *облучёкъ*; *о́бодъ*, *ободо́къ*; *по́водъ*, *поводо́къ*; *о́бразъ* — *о́къ*; *по́гребъ* — *о́къ* (какъ *по́рохъ*, *порошо́къ*; *во́лосъ*, *волосо́къ*).

Есть однакожъ и нѣсколько, хотя очень немного, исключеній изъ правила произношенія предложныхъ именъ на *окъ*, именно: *за́витокъ*, *поплаво́къ*, *позвоно́къ*, *позово́къ*, *смычо́къ*. Вѣроятно особенность выговора тутъ происходитъ отъ того, что это первоначально — уменьшительныя; по крайней мѣрѣ мы дѣйствительно находимъ въ языкѣ слова: *по́плавъ* (обл.) и *по́зовъ* (стар.) Въ словѣ *смычо́къ* совершенно потерялась идея его состава и, можетъ быть, оно такъ произносится для болѣе рѣзкаго отличія отъ женскаго имени *смы́чка*. Таково же *сморчо́къ*.

Опрысно́къ произносится чаще съ удареніемъ на окончаніи — что́ несвойственно русскому языку и ввелось конечно оттого, что это — церковнославянское слово. Въ книжный языкъ легко вкрадываются ударенія искусственныя, отвергаемыя народнымъ слухомъ.

Слова *потоло́къ*, *о́корокъ*, *о́бморокъ* сюда не относятся, потому что у нихъ окончаніе не есть наставка, а принадлежитъ къ корню. Чтобы убѣдиться въ томъ, стóитъ сравнить ихъ съ именами *тлакъ*, *кракъ* и *о́мракъ*, находящимися въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать двухъ словъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ приведенныхъ разрядовъ: *жа́воронокъ* и *щи́колотокъ*. Образованіе послѣдняго сомнительно; по Рейфу, это — измѣненіе сложнаго слова *щеколокоть*). *Желу́-*

докъ отличается удареніемъ отъ уменьшительнаго *желудо́къ*. *Осёлокъ* есть безпредложное имя, котораго корень находится можетъ-быть въ соотношеніи съ прилаг. *острый*. Такъ же, по ударенію, произносится *деся́токъ*.

Примѣчаніе. Здѣсь мѣсто разсмотрѣть слово *рису́нокъ* и опредѣлить законъ его ударенія. По мнѣнію Павскаго (Разсуж. II, А. § 87), это слово должно быть отнесено къ именамъ съ наставкою *унъ*, къ которой слѣдовательно здѣсь прибавлено окончаніе *окъ*. Но имя *рисунокъ* образовано не такъ: оно взято изъ польскаго языка (rysunek), гдѣ удареніе непремѣнно должно падать на предпослѣдній слогъ и гдѣ окончаніе *unek*, образованное изъ нѣмецкаго ung, довольно обыкновенно (szacunek, wizerunek). Съ нѣмецкимъ окончаніемъ ung Павскій сравниваетъ здѣсь наше *унъ*, приводя тутъ же, сверхъ слова *рисунокъ*, имена: *падунъ*, *болтунъ*, *корочунъ* и *лизунецъ*. Такое сближеніе едва ли основательно: въ имени *рисунокъ* наставка *унокъ* составляетъ одно нераздѣльное окончаніе (со вставкою гласной о), которое вкралось къ намъ исключительно въ этомъ словѣ (5).

Изъ разсмотрѣнія наставки *окъ*, *екъ* видно, что почти всѣ уменьшительныя, съ помощію ея образуемыя, носятъ удареніе на этомъ окончаніи. Отступаютъ только немногія слова: а) подобныя именамъ: *карма́шекъ*, *человѣ́чекъ* (см. выше Б. 1), которыхъ примѣты состоятъ въ томъ, что ихъ основныя формы: *карманъ*, *человѣкъ* въ косвенныхъ падежахъ сохраняютъ удареніе именительнаго падежа на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ и передъ приростомъ *екъ* измѣняютъ свою окончательную согласную; б) уменьшительныя отъ словъ съ окончаніемъ *икъ*, не имѣющимъ ударенія: *ры́жичекъ*, *ча́йничекъ*, и отъ предложныхъ на *окъ*: *спи́сочекъ*, *напёрсточекъ*; также *во́йлочекъ*, *желу́дочекъ*, *деся́точекъ*.

Когда, для усиленія степени уменьшенія, наставка *о́къ*, *ёкъ* удвояется, такъ что образуется двучленное окончаніе *очекъ* или *ечекъ*, то удареніе остается на первомъ его членѣ: *цвѣто́чекъ*, *голубо́чекъ*, *горше́чекъ*, *куле́чекъ*, *денёчекъ* и пр. Исключеніе: *мозжечо́къ*.

Когда окончанію *окъ* предшествуетъ слогъ *ен* въ уменьшительныхъ именахъ, то удареніе падаетъ всегда на этотъ предпослѣдній слогъ: *робёнокъ*, *барчёнокъ*, *поварёнокъ*, *жидёнокъ*, *попёнокъ*, *чертёнокъ* *бѣсёнокъ*, *орлёнокъ*, *ослёнокъ*, *львёнокъ*, *мышёнокъ*, *бочёнокъ*. Въ словѣ *щенóкъ* буквы *ен* принадлежатъ не къ окончанію, а къ корню. При удвоеніи слога *окъ* въ этой наставкѣ происходитъ окончаніе *ёночекъ*, напр. *бочёночекъ*, *телёночекъ*.

ецъ. Законы ударенія именъ съ этимъ окончаніемъ менѣе опредѣлительны; однакожъ и тутъ можно замѣтить нѣсколько общихъ явленій:

1) Въ двусложныхъ словахъ:

Двусложныя имена, оканчивающіяся на *ецъ*, по большей части носятъ на этомъ слогѣ удареніе: *отéцъ*, *конéцъ*, *пѣнéцъ*, *свинéцъ*, *зубéцъ*, *вдовéцъ*, *волчéцъ*, *дворéцъ*, *чепéцъ*, *багрéцъ*, *самéцъ*, *кострéцъ*, *боéцъ*. Особенно принадлежатъ сюда имена, образованныя: а) отъ глаголовъ: *ловéцъ*, *рубéцъ*, *рѣзéцъ*, *творéцъ*, *дѣлéцъ*, *купéцъ*, *борéцъ*, *истéцъ*, *жилéцъ*, *гонéцъ*, *гребéцъ*, *скопéцъ* и др.; б) отъ прилагательныхъ именъ: *мудрéцъ*, *глупéцъ*, *наглéцъ*, *гордéцъ*, *храбрéцъ*, *хитрéцъ*, *подлéцъ*, *скупéцъ*, *слѣпéцъ*, *хромéцъ*, *сырéцъ*, *мертвéцъ*, *бѣлéцъ* (отъ *бѣлый*), *пришлéцъ* (отъ *пришлый*).

Но есть двусложныя имена на *ецъ* съ удареніемъ надъ первымъ слогомъ, напр. *стáрецъ*, *пáлецъ*, *дýмецъ*. Особливо замѣтны между ними: а) уменьшительныя, когда они сохраняютъ значеніе тѣхъ именъ, отъ которыхъ произведены: *хлѣбецъ*, *дáрецъ*, *шкáпецъ*, *брáтецъ*; б) названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе: *нѣмецъ*, *гóрецъ*, *лúтецъ*, и в) слова, взятыя изъ другихъ языковъ: *пéрецъ*, *сúтецъ*, *тáнецъ*, *рáнецъ*, *шáнецъ*, *гля́нецъ;* въ послѣднихъ пяти гласная *е* вставлена только для облегченія выговора (ср. напр. Tanz, Glanz.) Двусложныя уменьшительныя на *ецъ*, которыя съ этою наставкою приняли и новый оттѣнокъ значенія, имѣютъ удареніе на концѣ: *ларéцъ*, *сучéцъ*, *столбéцъ*, *Донéцъ*. Послѣднее слово означаетъ также Донскаго

казака и въ такомъ случаѣ составляетъ опять исключеніе изъ правила о произношеніи именъ, показывающихъ происхожденіе лицъ и предметовъ. Слово *сланецъ*, названіе горной породы (вѣрнѣе *стланецъ*, отъ глаг. *стлаться*), произносится различно, но на мѣстахъ, гдѣ есть самый предметъ, имъ означаемый (по крайней мѣрѣ, въ Сибири), говорятъ *сла́нецъ*, и это лучше для отличія отъ *солоне́цъ* (то же, что *солончакъ*).

2) Въ многосложныхъ словахъ:

Въ многосложныхъ словахъ, наоборотъ, окончаніе *ецъ* почти всегда остается безъ ударенія, которое у нихъ падаетъ обыкновенно на предшествующій слогъ. Особенно относятся сюда:

1) Уменьшительныя, произведенныя по большей части отъ существительныхъ предложныхъ или иностранныхъ именъ, которыя, имѣя удареніе на послѣднемъ слогѣ, не переносятъ его во флексіи на окончаніе, напр. *футля́рецъ*, *журна́лецъ*, *узо́рецъ*, *дохо́децъ*, *уро́децъ*, *поста́вецъ* (но нѣкоторые произносятъ и *поставе́цъ*); также *хому́тецъ*.

2) Отглагольныя, образованныя отъ причастія на *л: владѣ́лецъ*, *корми́лецъ*, *постоя́лецъ*, *сидѣ́лецъ*, *прише́лецъ*.

3) Имена, произведенныя отъ прилагательныхъ и причастій, которыя сами имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *люби́мецъ*, *утря́мецъ*, *гости́нецъ*, *знако́мецъ*, *мизи́нецъ*, *торго́вецъ*, *лука́вецъ*, *учти́вецъ*, *льни́вецъ*, *краса́вецъ* (отъ неупотр. прил. *краса́вый*), *поселе́нецъ*, *урожене́нецъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести слово *младе́нецъ*, которое иные несправедливо считаютъ сокращеніемъ составнаго *младоде́нецъ*. Доказательствомъ невѣрности этого мнѣнія служитъ: 1) значеніе слова *младенецъ* въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ слову *юноша;* 2) старославянская форма *младя* (въ значеніи *младенецъ*).

4) Личныя имена, означающія принадлежность къ націи или странѣ: *помо́рецъ*, *испа́нецъ*, *грузи́нецъ*, *америка́нецъ*, *новгоро́децъ*, *новото́ржецъ*, *индѣ́ецъ*, *кита́ецъ*.

и 5) Слова составныя, хотя бы въ простомъ имени удареніе и было на слогѣ *ецъ*: *иноземецъ единовѣрецъ, стихотворецъ. миротворецъ* (хотя *творецъ*), *книгопродавецъ* (хотя *продавецъ*), *земледѣлецъ, живописецъ, мореходецъ, душегубецъ, однодворецъ, трезубецъ* и проч. Такъ же выговаривается имя *видецъ*, нынѣ употребительное только въ соединеніи съ другими словами, напр. *провидецъ, самовидецъ, ясновидецъ.*

У трехсложныхъ словъ на *ецъ* удареніе бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ надъ этимъ окончаніемъ, и именно: 1) когда уменьшительное, произведенное отъ двухсложнаго существительнаго съ удареніемъ на первомъ слогѣ, получаетъ новый оттѣнокъ значенія: *погребецъ* (отъ погребъ), *образецъ* (отъ образъ), *городецъ* (отъ городъ), *холодецъ* (отъ холодъ); 2) когда имя образовано отъ прилагательнаго съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *молодецъ* (отъ молодой), *удалецъ* (отъ удалой), *леденецъ* (отъ ледяной); 3) у нѣкоторыхъ именъ первообразныхъ и производныхъ, безъ явной причины: *голубецъ* (иначе *голбецъ*), *жеребецъ, изразецъ, огурецъ, варенецъ, пряженецъ, сорванецъ, продавецъ.*

Есть и такія имена съ наставкой *ецъ*, у которыхъ удареніе падаетъ на 3-й слогъ съ конца, напр. *первенецъ, мыканецъ, взысканецъ. перемазанецъ, привѣрженецъ, досканецъ, бархатецъ*, что объясняется почти всегда произношеніемъ первообразныхъ словъ. Имя *посланецъ* произносится различно. Однакожъ выговоръ *посланецъ* — самый употребительный.

икъ. Когда слогъ *икъ* придаетъ имени значеніе уменьшительнаго, то онъ никогда не принимаетъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ: *ротикъ, домикъ, прутикъ, столикъ, ножикъ, мостикъ, крестикъ, кустикъ, топорикъ, карандашикъ, кузнечикъ, обручикъ, гвоздикъ, солдатикъ* и проч.

Такъ же произносятся тѣ имена съ этимъ окончаніемъ, которыя безъ него не употребительны или даже не имѣютъ значенія: *ящикъ, кроликъ, вѣникъ, кортикъ, рыжикъ.*

Примѣчаніе. Рыжикъ, по мнѣнію Павскаго (Разс. II, А. § 37), происходитъ отъ прилаг. *рыжій;* но отчего же и по-шведски

этотъ грибъ назѣвается *riska?* Тотъ же ученый производитъ имя *пы́жикъ* отъ глагола *пы́житься*. Намъ кажется, что *пыжикъ* есть уменьшительная форма слова *пыжъ*, отъ котораго происходитъ и глаголъ *пыжиться*.

Въ имени *кули́къ* окончаніе *икъ* не есть производственное, судя по санскр. kalika, франц. courlis. Удареніе слова *мужи́къ* основывается на томъ, что при другомъ произношеніи это имя приняло бы видъ уменьшительнаго.

Наставка *икъ* носитъ удареніе, когда имя произведено: 1) отъ первообразнаго прилагательнаго (т. е. такого, которое состоитъ только изъ корня и окончанія *ый, ій*): *стари́къ, нови́къ, молоди́къ, семи́къ* (вм. седмикъ), *голи́къ, прями́къ, тупи́къ, цѣли́къ* (цѣликомъ), *боси́къ* (босикомъ), *матери́къ, крути́къ, слаби́къ* (обл.) и 2) отъ числительныхъ: *четвери́къ, пятери́къ, шестери́къ* и проч.

Къ разряду подобныхъ именъ принадлежатъ также слова́: *краси́къ* и *плави́къ*. Они, по мнѣнію Павскаго, происходятъ отъ глаголовъ: *красить* и *плавить*. По аналогіи *красикъ* лучше объясняется неупотребительнымъ прилагательнымъ *красый*, слѣдъ котораго остается въ сравнительной степени *краше*. *Плави́къ* есть слово новое, искусственное и можетъ дѣйствительно быть произведено ненормально отъ глагола, если не вѣрнѣе принять за начало его прилагат. *плавкій*. Впрочемъ названія минераловъ, кончающіяся на *икъ*, вообще носятъ удареніе на этомъ слогѣ: напр. *кравави́къ* выговаривается такъ, не смотря на окончаніе прилагательнаго (*авый*), отъ котораго оно происходитъ.

Имена на *никъ*, происходящія по большей части отъ прилагательныхъ (хотя и не всегда употребительныхъ) съ окончаніемъ *ный* или *ній*, обыкновенно не носятъ ударенія надъ наставкой и сохраняютъ его на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ прилагат. или причастіи, дѣйствительно ли существующемъ или возможномъ, напр. *ча́йникъ, моло́чникъ, пра́здникъ, пере́дникъ, взя́точникъ, картёжникъ, хлѣбникъ, дво́рникъ, е́льникъ, куста́рникъ, варе́никъ, му́ченикъ, тру́женикъ, ба́рочникъ, ма́сляникъ, любо́вникъ, церко́вникъ, проти́вникъ, наста́вникъ, попе́рникъ, садо́вникъ, чино́вникъ,*

вто́рникъ, *деся́тникъ*. Противное бываетъ: 1) когда самое прилагательное оканчивается на *ной* съ удареніемъ: *водяни́къ*, *волосяни́къ*, *двойни́къ*, *дощани́къ*, *печни́къ*, *мясни́къ*, *ночни́къ*, *ручни́къ*, *цвѣтни́къ*, *сѣнни́къ*, *дневни́къ*, *сквозни́къ*, *парни́къ*, *потни́къ*, *межни́къ*; 2) въ нѣкоторыхъ изъ именъ на *никъ*, означающихъ мѣсто, вмѣстилище или лицо, хотя въ прилагательномъ ударе́ніе и не на послѣднемъ слогѣ: *родни́къ*, *рудни́къ*, *тайни́къ*, *дойни́къ*, *холодни́къ*, *бечевни́къ*, *должни́къ*, *шутни́къ*, *блудни́къ*, *истопни́къ*, *озорни́къ*, *прихотни́къ*, *баловни́къ*, *клеветни́къ*, *проводни́къ*, *учени́къ*. Замѣтимъ, что это почти все такія личныя имена, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ неупотребительныхъ (напр. *шутни́къ*, *истопни́къ*).

Имена на *щикъ* всѣ означаютъ ли́ца извѣстнаго званія, ремесла или по крайней мѣрѣ занятія, и происходятъ либо прямо отъ прилагательныхъ съ примѣтою *скій*, либо отъ существительныхъ и глаголовъ при посредствѣ такого прилагательнаго, хотя и не употребляющагося. Одна половина ихъ носитъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ, а другая на окончаніи. Слогъ *щикъ* можетъ принимать ударе́ніе: 1) когда присоединяется къ существительному односложному или такому двусложному, у котораго ударе́ніе на первомъ слогѣ, а въ корнѣ звукъ *е* или *и*: *ямщи́къ*, *деньщи́къ*, *зеленщи́къ*, *сбитеньщи́къ*, *гребенщи́къ*, *погребщи́къ*, *временщи́къ*; 2) когда этому окончанію въ трехсложныхъ именахъ предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*: *гробовщи́къ*, *кормовщи́къ*, *браковщи́къ*, *овсовщи́къ*, *ростовщи́къ*, *вѣстовщи́къ медовщи́къ*, *мѣновщи́къ*, *часовщи́къ*, *цѣновщи́къ*, *вербовщи́къ*, *бунтовщи́къ*, *бечевщи́къ*; 3) въ нѣкоторыхъ отглагольныхъ именахъ, образованныхъ безъ посредствующаго слога *ов*: *лѣпщи́къ*, *покупщи́къ*, *поставщи́къ*. *Лицевщи́къ* (пишущій лица на иконахъ) отличается произношеніемъ отъ слова *лицо́вщикъ* (умѣющій придавать красивую наружность): Акад. Слов.

щикъ не принимаетъ ударе́нія и передаетъ его предыдущему слогу: 1) въ словахъ, имѣющихъ болѣе трехъ слоговъ: *лакиро́вщикъ*, *потако́вщикъ*, *молоти́льщикъ*, *бараба́нщикъ*; 2) въ трех-

сложныхъ, по образованію отступающихъ отъ приведенныхъ выше случаевъ: *рисо́вщикъ*, *таніцо́вщикъ* (отъ глаголовъ на *ова́ть*); *конто́рщикъ*, *плате́льщикъ*, *спо́рщикъ*, *набо́рщикъ*, *ходе́бщикъ*, *бахро́мщикъ*, *ко́рмщикъ*; 3) въ такихъ именахъ, у которыхъ окончанію *щикъ* предшествуетъ гласная: *сы́щикъ*, *во́щикъ*, *извощикъ*, *дonóщикъ*, *помо́щикъ*. Но имя *рѣщи́къ* приняло другое удареніе вѣроятно потому, что въ противномъ случаѣ, т. е. ежели бы выговаривалось: *рѣщикъ*, можно бы счесть его за уменьшительное (рѣ́зчикъ) отъ слова *рѣзе́цъ*, какъ *обра́зчикъ* отъ *образе́цъ*.

Если принять орѳографію *во́зчикъ*, *доно́счикъ*, то въ отношеніи къ выговору правило все-таки не перемѣнится (гласная непосредственно передъ звукомъ *щ*).

Иногда удареніе, вслѣдствіе производства, можетъ быть и на 3-мъ слогѣ съ конца: *жа́лобщикъ*, *да́кальщикъ*, *кро́вельщикъ*, *жа́рильщикъ*, *ма́зальщикъ*, *ка́менщикъ*, *зна́менщикъ*, *у́гольщикъ*.

Имена съ наставкою *чикъ* всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, кончающемся на согласную *д* или *т*: *газетчикъ*, *переплётчикъ*, *монетчикъ*, *отвѣтчикъ*, *челобитчикъ*, *лазутчикъ*, *переводчикъ*, *подрядчикъ*, — не говоря уже о томъ случаѣ, когда *чикъ* означаетъ степень уменьшенія въ словахъ, произведенныхъ отъ именъ на *ецъ*, и по общему правилу уменьшительныхъ на *икъ* (см. выше стр. 362) не можетъ принимать ударенія: *ла́рчикъ*, *вѣ́нчикъ*, *ку́пчикъ*, *ря́бчикъ*, *че́пчикъ*, *сту́льчикъ*, *кузне́чикъ*.

Наконецъ, наставкѣ *икъ* предшествуютъ иногда слоги *ов*, *ев*, *ив*, *ат*, *аст*, въ именахъ, произведенныхъ отъ прилагательныхъ съ окончаніями *овый*, *евый*, *ивый*, *атый*, *астый*. Такія существительныя удерживаютъ произношеніе прилагательныхъ, напр. *берёзовикъ*, *рублёвикъ*, *крестовикъ*, *паршивикъ*, *волоса́тикъ*, *голова́стикъ*; — *пудови́къ*, *половикъ*, *годови́къ*, *дождеви́къ*, *боровикъ*, *огневи́къ*; прил. *пухово́й* могло бы произноситься и иначе, т. е. *пухово́й*; сущ. *пухови́къ* приняло удареніе отъ послѣдней малоупотребительной формы.

Представимъ теперь менѣе употребительныя окончанія муж. рода, выговаривающіяся различно безъ видимой причины.

ичъ: рядови́чъ; — ро́дичъ, со́отичъ, ба́ричъ. Впрочемъ въ словѣ *рядови́чъ* удареніе на послѣднемъ слогѣ потому, что такъ произносится прилагательное *рядово́й.*

ышъ: коротышъ, глупы́шъ, каты́шъ, крѣпы́шъ, малы́шъ; — гла́дышъ, ду́тышъ, ла́ндышъ, мя́кишъ. Всѣ предложныя имена съ этимъ окончаніемъ (кромѣ *вы́игрышъ, про́игрышъ*), а также съ двухсложнымъ *еныш* имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *око́лышъ, найдёныш, обо́рышъ, подки́дышъ, зарóдышъ, дѣтёныш.*

отъ, етъ: хребе́тъ; — ко́четъ, кре́четъ, хо́ботъ, ши́воротъ. Въ именахъ отглагольныхъ, означающихъ звукъ или движеніе, окончаніе это никогда не носитъ ударенія: *ро́потъ, то́потъ, хо́хотъ, гро́хотъ, ле́петъ, скре́жетъ, тре́петъ.*

инъ: господи́нъ, дворяни́нъ, грузи́нъ, мѣщани́нъ, славяни́нъ, семьяни́нъ, простолюди́нъ, павли́нъ; — крестья́нинъ, англича́нинъ, однополча́нинъ, шу́ринъ, хозя́инъ, ба́ринъ.

Иногда въ одномъ и томъ же словѣ это окончаніе произносится различно, напр. говорятъ: *христіани́нъ*, и *христіа́нинъ*, *граждани́нъ* и *гра́жданинъ*, *мiряни́нъ* и *мiря́нинъ.*

ень: кремéнь, куре́нь, оле́нь, кисте́нь, ревéнь; — па́рень, ба́ловень, си́день, ка́мень. — Почти всѣ отглагольныя имена съ этимъ окончаніемъ не носятъ на немъ ударенія, наприм. *ли́вень, ста́вень, бу́день, сги́бень.*

арь: госуда́рь, буква́рь, ключа́рь; — лѣка́рь, пи́сарь, пе́карь.

олъ, елъ: хохо́лъ, орёлъ, козёлъ; — у́голъ, у́зелъ, ве́ртелъ.

Найдутся еще и другія окончанія муж. рода съ неопредѣленнымъ удареніемъ; но какъ они или рѣдки въ языкѣ, или не составляютъ собственно наставокъ, то мы и не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь всѣ безъ изъятія.

3) Окончанія мужескаго рода, никогда не принимающія ударенія.

Между этими окончаніями самое употребительное *тель;* оно рѣшительно отвергаетъ удареніе, когда означаетъ дѣйствующее лицо (или свойство въ словѣ *добродѣтель*). Безъ такого значенія оно встрѣчается только въ именахъ двухъ породъ птицъ: *свири-*

стéль и *коростéль*; впрочемъ, здѣсь наставку составляетъ только слогъ *ель*, буква же *т* принадлежитъ къ корню или, по крайней мѣрѣ, къ первичному образованію (отъ глаг. *свирестѣть* и *хрустѣть*; ср. польск. chrościel или chruściel).

По неразлучному съ нимъ понятію это окончаніе въ сущности можетъ принадлежать только названіямъ одушевленныхъ предметовъ; однакожъ оно усвоено также ариѳметическимъ терминамъ: *числи́тель*, *знамена́тель*, *мно́житель*, *дѣли́тель*, и замѣчательно, что, не означая собственно лицъ, эти имена все-таки склоняются подобно именамъ личнымъ; говорятъ напр. раздѣлить *числителя* на *знаменателя:* такъ значеніе дѣятеля существенно связано съ окончаніемъ *тель*.

Имена съ этой наставкой, въ отношеніи къ ударенію, слѣдуютъ по большей части неопредѣленному наклоненію тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ они образованы: *дѣ́латель*, *завоева́тель*, *пла́вательь*. Только когда окончанію *тель* предшествуетъ гласная *и* или *ѣ*, то на нее, независимо отъ неопредѣленнаго наклоненія, котораго часто и нѣтъ въ основаніи производства, — т. е. на гласную *и*, *ѣ* падаетъ ударение: *строи́тель*, *граби́тель*, *прави́тель*, *состаси́тель*, *наруши́тель*, *ревни́тель*, *покрови́тель*, *вои́тель*, *утѣши́тель*[1]), *свидѣ́тель*, *владѣ́тель*, *благодѣ́тель*. Слова́ *вѣри́тель*, *мыслитель* произносятся двояко. Отступленіе представляютъ имена: *мно́житель*, *дви́житель*. Замѣчательно, какъ единственный въ языкѣ случай, слово *во́лостель* или *вла́стель*, въ которомъ окончаніе *тель* приставлено прямо къ корню *влад*, въ которомъ буква *д*, какъ при глагольномъ окончаніи, обратилась въ *с*. Любопытно также областное *сви́стель*, гдѣ однакожъ наставкою служитъ, кажется, только слогъ *ель* (ср. другую форму этого слова: *сви́стень*).

Менѣе употребительное окончаніе, не терпящее ударенія: *овъ*, *евъ: кузовъ*, *островъ*, *боровъ*, *тетеревъ*.

---

[1]) Такой выговоръ окончанія *итель* съ удареніемъ на *и* такъ свойственъ языку, что даже и женское имя *обитель* (съ наставкой *ель*) произносится такимъ же образомъ, хотя оно, какъ предложное при мягкомъ окончаніи, должно бы имѣть ударение на первомъ слогѣ.

II. Окончанія женскаго рода [1].

1) Съ постояннымъ удареніемъ такихъ окончаній немного, да и тѣ мало употребительны, и притомъ не всѣ они производственныя. Вотъ главныя изъ нихъ:

а́га, я́га: ватага, кулага, сермяга, бодяга.

у́га, ю́га: бѣлуга, кольчуга, дерюга, вьюга (впрочемъ говорятъ и *вьюга́*).

ы́га, и́га: лодыга, мотыга, коврига, вязига, забулдыга.

а́ка, я́ка: писака, рубака, гуляка, забіяка.

а́ха, я́ха: замараха, рубаха, черепаха, неряха.

о́ха, ёха: обироха, завироха, суматоха, пройдоха, лепёха, тетёха.

у́нья: колдунья, хохотунья, прыгунья. Пьстунья выговаривается иногда и съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

у́ля: ходу́ля, козу́ля, сосу́ля. Слово *кара́куля*, вѣроятно, не русское по происхожденію; во всякомъ случаѣ измѣненное его удареніе завситъ, кажется, отъ бо́льшаго числа слоговъ.

у́ша: горбуша, кликуша, говоруша.

и́ка: въ названіяхъ ягодъ и растеній: *земляника, клубника, черника, ежевика, голубика, брусника, княженика, поленика, гвоздика, грудника, живика, зеленика.*

ла́: метла, игла, тесла, пчела, ветла. Кукла и *чучела* не русскаго происхожденія.

2) Окончанія женскаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

ица. Число женскихъ именъ на *ица* очень велико и они раздѣляются на двѣ почти равныя половины, изъ которыхъ въ одной это окончаніе является съ удареніемъ на *и*, а въ другой вовсе безъ ударенія.

Въ обѣихъ половинахъ надобно напередъ отдѣлить одинъ разрядъ словъ, которыхъ удареніе опредѣляется весьма постоян-

[1] Подъ этимъ названіемъ разумѣются здѣсь и такія наставки, которыя могутъ служить къ образованію именъ общаго или только мужескаго рода, но имѣютъ женскую форму.

нымъ образомъ. Это тѣ женскія имена лицъ и животныхъ, которыя произведены отъ именъ мужескаго рода перемѣною окончаній *ецъ* и *икъ* на *ица*. Здѣсь женское всегда слѣдуетъ ударенію мужескаго, напримѣръ:

жиле́цъ — и́ца, пѣве́цъ — и́ца, бѣле́цъ — и́ца, продаве́цъ — и́ца.

ста́рецъ — ица, краса́вецъ — ица, упря́мецъ — ица, страда́лецъ — ица.

учени́къ — и́ца, блудни́къ — и́ца, баловни́къ — и́ца, въстовщи́къ — и́ца.

го́рликъ — ица, у́мникъ — ица, помѣщикъ — ица.

Этому правилу слѣдуютъ и тѣ женскія имена, которыхъ мужескіе первообразы или вовсе не употребительны, или употребляются въ другомъ значеніи: *ме́льникъ — ица, моло́чникъ — ица, ко́нникъ — ица, ма́сленикъ — ица, сине́цъ — и́ца, молоде́цъ — и́ца, пятери́къ — и́ца, па́лецъ — ица.*

Исключеніе: *кузне́цъ — ица.*

За этимъ надобно разсмотрѣть тѣ женскія имена лицъ и животныхъ съ окончаніемъ *ица*, которыя происходятъ отъ мужескихъ именъ первообразныхъ или по крайней мѣрѣ не имѣющихъ наставокъ *ецъ*, *икъ*, каковы: *оселъ*, *орелъ* и др.

Сомнѣнія не можетъ быть на счетъ тѣхъ именъ этого разряда, которыхъ мужескія формы имѣютъ ударепіе на послѣднемъ слогѣ, сохраняя его и во флексіи на окончаніи: *орёлъ* (— *а́*), *и́ца*; *осёлъ* (— *а́*), *осли́ца;* но и другія подобныя имена охотно принимаютъ ударепіе на букву *и* въ окончаніи, какъ-то: *импера́торъ — трі́ица; ма́стеръ — и́ца; о́трокъ — отроковица; волкъ — ви́ца*; *го́лубь — и́ца*. Только когда въ двухсложномъ муж. имени ударепіе на послѣднемъ слогѣ и въ склоненіи не переходитъ на падежный прпростъ, то и окончаніе *ица* не принимаетъ его: *мъдвѣ́дь* (— я), *мъдвѣ́дица; проро́къ* (— а), *проро́чица.*

Окончаніе *ица* остается безъ ударенія еще въ именахъ: *ку́рица* (отъ стар. *куръ*, пѣтухъ), *дьяконица*, *ка́рлица.*

Вообще же окончаніе *ица* въ женскихъ именахъ лицъ, животныхъ и растеній по большей части является съ удареніемъ

даже и тогда, когда они не происходятъ отъ соотвѣтственныхъ муж. именъ: *дъвúца* (отъ *дъ́ва*), *кобылúца*, *роженúца*, *свекловúца*, *горчúца*, *шелковúца*, *мокрúца*, *чечевúца*, *сочевúца*, *кунúца*, *веверúца*, *площúца*.

Однакожъ сюда не могутъ относиться такія имена, которыя или образованы отъ прилагательныхъ на *ный* (безъ ударенія на этомъ окончаніи), или отъ мужескихъ существит. съ наставкою *тель*, напр. *родúльница* (отъ *родúльный*), *лúственица*, *просúтельница*, *владѣ́тельница*. Имена, кончащіяся на *тельница*, всѣ удерживаютъ ударепіе мужескихъ именъ съ наставкою *тель*.

Произношеніе слова *пáдчерица* основывается на томъ, что предлогъ *па*, которымъ оно начинается, всегда носитъ ударепіе, какъ видно напр. и изъ слова *пáсынокъ*. Подобнымъ же образомъ опредѣляется ударепіе въ словѣ *сýкровица:* предлогъ *су* въ женскихъ именахъ часто принимаетъ ударепіе (ср. *сýдорога*, *сýтолока*).

Имя *своя́чница* образовано отъ неупотребительнаго нынѣ *своячина*. Въ словахъ *лýковица* и *карака́тица* окончаніе не принимаетъ ударенія.

Разсмотрѣвъ имена, въ которыхъ *ица* служитъ примѣтою пола или означаетъ растеніе или животное, обратимся теперь къ прочимъ именамъ этого окончанія.

Наставка *ица* является въ нихъ съ ударепіемъ: 1) когда она приложена къ односложному слову или корню: *гранúца*, *тряпúца*, *скрипúца*, *частúца*, *столúца*, *ключúца*, *зънúца*, *станúца;* 2) когда *ица* въ существ. или прилаг. именп становится на мѣсто слога, имѣющаго ударепіе: *пшенó* — *úца*, *странá* — *úца*, *водá* — *водúца*, *земля́* — *úца*, *кора́* — *úца*, *крупá* — *úца*, *рукáвъ*, — род. п. *á* — *рукавúца*.

свѣтлá (комната) — *úца;* *темнá* — *úца*, *теплá* — *úца*, *больны́е* — *больни́ца;* *власяна́я* (одежда) — *úца*, *грудна́я* (болѣзнь) — *грудни́ца*, *денна́я* (звѣзда) — *денни́ца*.

Съ ударепіемъ на *ица* произносятся еще:

1) Слѣдующія образованныя изъ числительныхъ существительныя: *единúца*, *седьмúца*, *сторúца* (славянскія; см. ниже).

2) Слѣдующія имена предметовъ, относящихся къ одеждѣ: *исподни́ца, багряни́ца, сраче́ица, плащани́ца, петли́ца.*

Перебирая всѣ слова, съ окончаніемъ *ица*, нельзя не замѣтить, что оно нѣкоторымъ именамъ не придаетъ никакого новаго значенія, напр. *вдова*, то же что *вдови́ца*, *скрыпка* и *скрыпи́ца*, *кобыла*, и *кобыли́ца*, *тряпка* и *тряпи́ца*, *дрань* и *драни́ца*, *склянка*, и *скля́ница*. Такая двойственность окончанія не можетъ однакоже не имѣть какого-нибудь смысла: дѣйствительно, мы находимъ, что въ наставкѣ *ица* часто скрывается облагороживающее значеніе, какъ видно напр. изъ сравненія именъ *дѣва* и *дѣви́ца*: *дѣва* означаетъ женское лицо только въ естественномъ отношеніи, а въ имени *дѣви́ца* выражается уже оттѣнокъ общественнаго отличія. Такъ и слово *кобыли́ца* благороднѣе нежели *кобыла*, и т. п. Прилагаемое съ такою цѣлію окончаніе *ица* обыкновенно носитъ ударепіе, если только тому не противится самое производство слова. Изъ приведенныхъ примѣровъ только имя *скля́ница* безъ ударенія на окончаніи, потому что произведено отъ прилагательнаго на *ный* (стклянный = стеклянный), и сообразуется съ открывающимся при этомъ общимъ закономъ: если прилагат. оканчивается на *ный* или *ній* безъ ударенія, то и наставка *ица* въ производномъ существ. не принимаетъ его: *пья́ница* отъ пьяный, *во́льница* отъ вольный, *ра́зница* отъ разный, *ри́зница* отъ ризный, *го́рница* отъ горній.

По указанному нами оттѣнку значенія, вносимому въ слово наставкою *ица*, не удивительно, что имена, заимствованныя изъ церковно-славянскаго, держатъ удареніе на этомъ окончаніи всякій разъ, когда производсто не указываетъ прямо-противоположнаго закона произношенія. Чѣмъ болѣе слово, кончащееся на *ица*, носитъ характеръ искусственности, книжности, тѣмъ легче оно передаетъ удареніе этой наставкѣ. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы она въ народныхъ словахъ никогда не принимала ударенія: выше указаны уже случаи такого выговора; прибавимъ здѣсь еще для примѣра областныя слова *плъни́цы* (силки) и *сведени́ца* (отъ сведени́къ), сведеная сестра. Не значитъ также, чтобы во

всѣхъ славянскихъ словахъ съ окончаніемъ *ица* ударе́ніе падало на него (*тро́ица*). Мы только замѣчаемъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ или въ видимыхъ уклоненіяхъ отъ правилъ, означенное обстоятельство служитъ къ объясненію выговора. (Ср. *дѣви́ца* съ простонароднымъ *дѣ́вица*).

Обратимъ при этомъ вниманіе на произношеніе обиходныхъ словъ: *у́лица*, *но́жницы*, *лѣ́стница*, *пія́вица*, и съ другой стороны на слова: *голуби́ца*, *зѣни́ца*, *сраки́ца*, которымъ народъ предпочитаетъ болѣе сподручныя ему: *голубка*, *зѣнка*, *сорочка*.

Когда наставка *ица* присоединена къ имени, оканчивающемуся на *а* безъ ударенія, то и она по большей части не принимаетъ его. Такъ изъ словъ *каша*, *просьба*, *владыка*, *пуга* образованы: *ка́шица*, *про́сьбица*, *влады́чица*, *пу́говица*. *Ступица* произносится двояко. Замѣтимъ мѣсто ударенія въ словѣ *ви́сѣлица* (отъ *висѣ́лъ*).

Есть еще особый, довольно обширный классъ именъ съ этимъ окончаніемъ, въ которыхъ оно также никогда не носитъ ударенія. Это имена, означающія какое-нибудь дурное состояніе или недостатокъ, и потому большею частью отрицательныя или предложныя; они происходятъ то отъ существительныхъ, то отъ прилагательныхъ или причастій.

Таковы: *распу́тица*, *разла́дица*, *безсмы́слица*, *нелѣ́пица*, *околе́сица*, *безхлѣ́бица*, *бездоро́жица*, *безсо́нница*, *нескла́дица*, *разноголо́сица*, *неура́дица*, *усо́бица*, *пу́таница*, *суматица* и др. Однакимъ образомъ составлены слова: *бездѣ́лица*, *перено́сица*, *подно́лица*. Тому же закону произношенія подлежитъ слово *Богоро́дица*, какъ составное.

Съ окончаніемъ *ица* однородна наставка *ница*, при которой надобно принимать посредствующее прилагательное на *ный* для образованія существительнаго, напримѣръ: *пя́тница*, *лѣ́стница*, *зарни́ца*, *кошни́ца*, *гробни́ца*, *пороховни́ца*, *возни́ца*. Въ имени *гости́нница* собственно должно быть одно только *н*, потому что это слово образовано изъ прилагател. *гости́ный* съ помощію наставки *ица*.

ина. Окончаніе *ина* также весьма обыкновенно въ языкѣ. Оно является съ троякимъ удареніемъ: *ина́*, *и́на* и *ина* (оба слога безъ ударенія). Такое различіе зависитъ частью отъ производства и состава именъ, частью отъ значенія ихъ.

Напередъ отдѣлимъ случаи, въ которыхъ ударепіе этой приставки опредѣляется значеніемъ именъ.

1) *ина́.* Такое ударепіе встрѣчается довольно рѣдко и свойственно именамъ, означающимъ: а) пространство и время: *величина́*, *ширина́*, *длина́*, *вышина́*, *глубина́*, *толщина́*, *тонина́*, *низина́*, *старина́*, или б) вообще внѣшнее качество, напр. *прямина́*, *быстрина́*, *тишина́*, *цѣлина́*, *круглина́*, *косина́*, *краснина́*, или в) предметы и даже лица, напр. *новина́*, *свѣжина́*, *слабина́*, *ветчина́*, *старшина́*, *большина́*. Почти всѣ такія имена произведены отъ прилаг., имѣющихъ опять отношеніе ко времени или пространству. *Купина* и *сѣдина* произн. двояко.

2) *и́на.* Такъ произносится это окончаніе: а) въ именахъ (первообразныхъ) нѣкоторыхъ деревьевъ и плодовъ ихъ: *рябѝна*, *калѝна*, *малѝна*, *осѝна*. *Маслина* выговаривается одними такъ же, а другими съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

б) въ именахъ, означающихъ какой-нибудь важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ: *годѝны*, *родѝны*, *именѝны*, *крестѝны*, *сорочѝны* (исключ. *зарѝчины*, какъ имя предложное).

и в) въ мужескихъ именахъ увеличительныхъ: *дѣтѝна*, *купчѝна*, *дурачѝна*, *старичѝна*, *мужичѝна*, *молодчѝна*, *домѝна*.

3) *ина.* Въ именахъ отглагольныхъ (кромѣ нѣкоторыхъ, приведенныхъ подъ б) и въ предложныхъ наставка *ина* остается всегда безъ ударенія: *ро́дина*, *тре́щина*, *ры́твина*, *цара́пина*, *зу́брина*, *впа́дина*, *проба́ина*, *прома́ина*, *ока́лина*, *оска́мина*, *развали́на*, *прота́лина*, *уклю́чина*, *напра́слина*, *по́шлина*, *отду́шина*, *уро́дина*, *разсѣ́лина*, *испа́рина*, *пощёчина*, *опле́ушина*, *затре́щина*.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ наставка *ина* произносится съ удареніемъ на *и* или вовсе безъ ударенія, смотря по производству словъ или по эвфоническимъ требованіямъ языка.

Вотъ примѣры:

1) Въ именахъ, означающихъ мясо и кожу животныхъ:

а) *и́на: кони́на, овчи́на, осетри́на, мертвечи́на, свини́на* (оттого что говорятъ: *коня́, овца́, осетра́, мертвеца́, свинья́*). Такъ же произносятъ: *дичи́на, лососи́на, солони́на, буженѝна.*

б) *ина* (безъ ударенія): *за́йчина, бара́нина, медвѣ́жина, бѣлу́жина, говя́дина, теля́тина, порося́тина, куря́тина, осля́тина, гуся́тина, козля́тина* (отъ *за́яцъ* — *за́йца, медвѣдь* — *я*; *бѣлу́га, гова́до, теля́* — *я́ти* и проч.). Таково же окончаніе въ имени *па́далина* (отъ *па́даль*).

2) Въ словахъ, означающихъ единицу такихъ предметовъ, которые изображаются собирательными именами:

а) *и́на: дроби́на, песчи́на, крупи́на, роси́на, шелкови́на, шерсти́на, снѣжи́на, гради́на, порошѝна, были́на* (отъ *былѝе*).

б) *ина: изю́мина, горо́шина, жемчу́жина, минда́лина, соло́мина* (слѣдов. *соло́минка*, а не *соло́менка*), *посу́дина.*

3) Въ именахъ веществъ, урочищъ, мѣръ, предметовъ, и въ собирательныхъ именахъ:

а) *и́на: древеси́на, сердцеви́на, пучи́на, парусѝна, холсти́на, доли́на, равни́на, лощи́на, котлови́на, чужби́на, пружи́на, дуби́на, личи́на, образи́на, карти́на, горлови́на, половѝна, были́на, паути́на, пяти́на, стремни́на, плоти́на, полти́на, четверти́на, осми́на, десяти́на, вершѝна, дружѝна, скоти́на, лучи́на. Былина* (отъ *быль*) и *пятина* произносятся и съ удар. надъ *на.*

б) *ина: блебо́тина, харко́тина, рога́тина, га́дина, ра́ковина, мѣсячина, хи́жина, о́тчина, о́бщина* (по также *общи́на*), *Туре́чина, Нѣмѐчина, хра́мина, лы́сина, дико́вина, дю́жина, смороди́на.*

4) Въ именахъ отвлеченныхъ предметовъ: а) *и́на: кручѝна, причи́на, судьби́на*; б) *ина* — *и́стина.*

5) Въ именахъ, кончающихся на *щина*, по большей части образованныхъ отъ прилагательныхъ на *скій* и собирательныхъ:

а) *щи́на: чертовщи́на, бѣсовщи́на, даровщи́на, годовщи́на, мущи́на.*

б) *щина: же́нщина, деревѐнщина, ба́рщина, славя́нщина,*

бра́товщина, *дья́волыцина*, *быва́льщина*, *подёнщина*, *зе́мщина*, *солда́тчина* (гдѣ щ послѣ т замѣнилось звукомъ ч).

Оканчивая разсмотрѣніе выговора наставки *ина*, припомнимъ, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится двояко; говорятъ напр. *скла́дчина* и *складчи́на*, или (при присоединеніи слога *ка*) *кру́пинка* и *крупи́нка*. Такое явленіе указываетъ на шаткость ударенія въ разсмотрѣнной наставкѣ.

ота, ета. Это окончаніе произносится съ ударепіемъ на послѣдней гласной въ отвлеченныхъ именахъ качествъ, произведенныхъ или прямо отъ корня, или отъ именъ прилагательныхъ: *высота́*, *долгота́*, *широта́*, *красота́*, *духота́*, *тягота́*, *могота́*, *босота́*, *простота́*, *красноша́*, *черноша́*, *доброта́*, *тошноша́*, *чистота́*, *слѣпота́*, *хромота́*, *тѣснота́*, *правота́*, *суета́*, *синета́*, *нищета́*. Такъ же произносятся *пахота́* и *сирота́*.

Окончаніе *ота́*, какъ по значенію, которое оно даетъ именамъ, такъ и по ударенію, однородно съ наставкою *ина́*, такъ что нѣкоторыя имена, смотря по надобности, являются то съ тѣмъ, то съ другихъ изъ этихъ окончаній, изъ которыхъ каждое сообщаетъ имъ особенный оттѣнокъ значенія, напр. *высота́* и *вышина́*, *широта́* и *ширина́*, *толстота́* и *толщина́*, *красноша́* и *краснина́*.

ота произносится съ ударепіемъ на первой гласной въ именахъ, не означающихъ отвлеченныхъ качествъ: *дремо́та*, *лго́та*, *пъхо́та*. Сюда относятся между прочимъ многія имена, происходящія отъ глагольныхъ корней и означающія болѣзненное состояніе или припадокъ, напр. *рво́та*, *блево́та*, *ико́та*, *хрипо́та*, *зъво́та*, *ломо́та*, *дерю́та*, *перхо́та*, *харко́та*, *чихо́та*, *потяго́та*. Такъ произносятся еще слова: *добро́та*, — когда оно выражаетъ качество матеріальное, а не духовное, *мокро́та*, — когда означается вещество, а не качество, и *щедро́та*, въ смыслѣ милостиваго дара. *Сипота* произносится двояко (— *о́та* и — *ота́*).

Примѣчаніе. Отъ именъ съ наставкою *ота*, *ета* надобно отличать тѣ, въ которыхъ появляется то же окончаніе при другомъ образованіи слова: *рабо́та* (окопч. то же, что и въ герм. arbeit), *клевета́*, *хло́поты* (ср. гл. *рабо́тать*, *клевета́ть*, *хлопота́ть*).

ня принимаетъ удареніе, когда приложено къ глагольному корню для означенія дѣйствія сильнаго, шумнаго или частаго: *возня́*, *рызня́*, *хохотня́*, *хлопотня́*, *стряпня́;* иногда передъ этимъ окончаніемъ вставляется еще слогъ *от* или *ов*: *бьготня́*, *стукотня́*, *воркотня́*, *скрипотня́*, *трескотня́ болтовня́*.

ня въ другихъ случаяхъ произносится различно; напримѣръ— съ удареніемъ: *западня́*, *зубня́*, *клешня́*, *квашня́*, *размазня́*, *четверня́*, *родня́*, и безъ удренія: *ро́вня*, *дво́рня*, *схо́дня*, *со́тня*, *дере́вня*, *ба́рышня*, *у́треня*, *вече́рня*, *подворо́тня*. Имена съ этою наставкой, означающія помѣщенія или мѣста съ особымъ назначеніемъ, никогда не носятъ на ней удренія: *купа́льня*, *соловáрня*, *голубя́тня*, *конюшня*, *спа́льня*, *бъли́льня*, *бо́йня*, *па́шня*, *до́йня*, *колоко́льня*.

Исчисливъ тѣ окончанія женскаго рода, въ различномъ произношеніи которыхъ болѣе или менѣе выражается разумное основаніе, приведемъ теперь тѣ наставки женскихъ именъ, которыя выговариваются различно безъ всякихъ видимыхъ причинъ:

ба, съ удареніемъ: *гоньба́*, *молотьба́*, *гульба́*, *ходьба́*, *пальба́*, *борьба́*, *стрельба́*, *мольба́*, *рызьба́* (говорится впрочемъ и *ры́зьба*), *судьба́*, *гурьба́*, *ворожба́*. Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что имена этого образованія, означающія успленное дѣйствіе, носятъ удареніе на окончаніи.

ба, безъ удренія: *про́сьба*, *сва́дьба*, *же́нитьба*, *слу́жба*, *дру́жба*, *тя́жба*.

оба: худоба́; — *зло́ба*, *утро́ба;* — *жа́лоба*.

изна: новизна́, *крутизна́*, *желтизна́*, *кривизна́*, *бѣлизна́*, *прямизна́*; — *дороговизна́*, *дешевизна́*, *укори́зна*, *отчи́зна*. Почти всѣ имена послѣдняго разряда имѣютъ болѣе трехъ слоговъ. Вообще же имена на *изна*, произведенныя отъ прилагательныхъ, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

иха: купчи́ха, *шути́ха*, *щеголи́ха*, *зайчи́ха*, *слони́ха*, *волчи́ха*, *осли́ха;*— *ста́роста́ха*, *ме́льничиха*, *ма́чиха*.

ыня, *иня*: *госуда́рыня*, *ба́рыня*, *мона́хиня*, *ги́нокиня*, *ми́лостыня;* — *рабы́ня*, *боя́ня*, *княги́ня*, *гордыня*, *благостыня*.

овь: любóвь, свекрóвь, морковь, дорогóвь, — цéрковь.

ея: швея́, ворожея́, ячея́, шилея́, сулея́, верея́, вечея́, должея́, береся́ (собирательница ягодъ и грибовъ); — *тавлéя, линéя; — ля́двея.*

Примѣчаніе. Здѣсь съ сознательнымъ удареніемъ являются только отглагольныя, личныя имена, какъ: *швея́, ворожея́, вязея́, плетея́, ищея́, лазея́.* Взятыя изъ другихъ языковъ почти всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *траншéя, фузéя, тавлéя аллéя, линéя* (отступаютъ *шилея́, кисея́*).

уха, юха: 1) *требуха́, шелуха́, чепуха́;* 2) *ря́пуха, кóрюха, черёмуха;* 3) *старýха, стряпýха, сивýха, востриха́*, (имена отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, а не собирательныя, какъ въ двухъ предыдущихъ разрядахъ).

ша: львица́, лапша́; — генера́льша, профéссорша, сéкша (въ личныхъ именахъ *ша* никогда не принимаетъ ударенія).

3) Женскія окончанія, всегда остающіяся безъ ударенія.

ость, есть: тóлость, крóтость, ша́лость; — тя́жесть, гóресть.

ка: рýчка, трýбка, тётка (кромѣ *битка́, пенька́*). *Башка́* — не русское слово.

Въ соединеніи *ка* съ другими слогами надо особенно обратить вниманіе на слѣдующіе случаи:

ýшка, ю́шка въ именахъ уменьшительныхъ: *Марю́шка, вертýшка, рызвýшка, игрýшка, верхýшка, макýшка.*

ушка, юшка, безъ ударенія, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ, которыми почти всегда означаются одушевленные предметы: *мáтушка, голýбушка, корóвушка, бáтюшка; голóвушка.*

ёнка, въ уменьшительныхъ уничижительныхъ: *ручёнка, душёнка, старушёнка,*

енька, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ: *рýченька, дýшенька, старýшенька, маменька, Оленька.*

енка, въ названіяхъ націй: *Француженка, Черкéшенка* и изрѣдка въ другихъ именахъ: *нищенка.*

Замѣтимъ еще слѣдующія женскія наставки безъ ударенія:

тва: *жéртва*, *молúтва*, *бúтва*, *брúтва*, *ловúтва*. Въ словѣ *ботвá*, наставку составляетъ только слогъ *ва*.

ля, во множественномъ числѣ *ли*: *пéтля*, *грáбли*, *гýсли*, *áсли*.

ква: *брю́ква*, *ты́ква*, *смóква*.

едь, *ядь*, (*адъ*): *пéстредь*, *мóкредь*, *чéлядь*, *стéрлядь*, *плóщадь*.

III. Окончанія средняго рода.

Въ именахъ средняго рода мы не сохранимъ тройнаго подраздѣленія, потому что каждое ихъ окончаніе произносится то съ ударепіемъ, то безъ ударенія.

іе или сокращенное *ье* есть наиболѣе распространенное въ языкѣ окончаніе именъ средняго рода. При образованіи именъ отъ глаголовъ ему предшествуетъ то *н*, то *т*, смотря по тому, оканчивается ли причастіе глагола на *ный* или на *тый;* впрочемъ и во второмъ случаѣ иногда все-таки отглагольное имя образуется съ помощію буквы *н*, напримѣръ: *пѣніе*, *треніе*, *преніе*. Гласною передъ этимъ окончаніемъ бываетъ то *а* или *я*, то *е* или *ѣ*. Имена на *аніе* и *яніе* принимаютъ ударепіе глагола, отъ котораго произведены: *страдáніе*, *дóланіе*, *завоевáніе*, *кýшанье*, *сѣтованіе*, *сіáніе*, *чáяніе*, *раскáяніе* (кромѣ книжныхъ словъ: *покаáніе*, *вліáніе*, *дѣáніе*, *одѣáніе*[1]). Имена на *еніе* и *ѣніе* почти всегда носятъ ударепіе надъ *е* или *ѣ*, несмотря на произношеніе глагола: примѣры этому мы уже видѣли при разсмотрѣніи именъ, начинающихся предлогомъ *вы* (*вычисле́ніе* отъ *вы́числить*). Теперь укажемъ еще на слова, сложенныя съ другими предлогами, или простыя: *представле́ніе* отъ *представи́ть*, *видѣ́ніе* отъ *ви́дѣть*, *паде́ніе* отъ *пасть*, *умноже́ніе* отъ *умно́жить* и проч. Такъ же произносятся имена: *значе́ніе*, *ударе́ніе*, *одобре́ніе*, *усвое́ніе*, *увѣре́ніе*, *повиновéніе; кипѣ́ніе*, *велѣ́ніе*, *впечатлѣ́ніе* и мн. др. Однакожъ *е* передъ окончаніемъ *ніе* остается иногда безъ ударенія, и именно: 1) когда глаголъ, отъ котораго происходитъ имя, оканчи-

[1]) Книжное же слово *преуспѣяніе* произносится двояко, съ ударепіемъ то на третьемъ, то на четвертомъ слогѣ.

ваясь на *ить*, самъ образованъ отъ существительнаго или прилагательнаго, наприм. *чи́щеніе*, *кра́шеніе*, *ня́ньченіе*, *моро́ченіе*, *озабо́ченіе*, *сосредото́ченіе*, *упро́ченіе*, *намо́реніе;* 2) когда имя мало употребительно, и глаголъ, отъ котораго оно произведено, не можетъ принимать окончанія *а́ть* или *я́ть* съ удареніемъ, наприм. *хмуре́нье*, *тара́щенье*, *тра́ченье*. Наоборотъ, мы замѣчаемъ, что окончаніе *еніе* съ удареніемъ встрѣчается почти всегда въ такихъ именахъ, которыя происходятъ отъ глаголовъ, могущихъ принимать окончаніе *а́ть* или *я́ть*, напр. *прославле́ніе* отъ *просла́вить* — *прославля́ть*; 3) въ нѣкот. именахъ, означающихъ самое дѣйствіе, а не произведеніе его: въ этомъ смыслѣ *му́ченіе* отличается отъ *муче́ніе*. Имена *увеличеніе*, *из-при-обрѣтеніе*, *ограниченіе* произносятся двояко. Окончаніе *ьніе* остается безъ ударенья въ именахъ: *свѣ́дьніе*, *за́говьнье*, *ро́говьнье*, въ первомъ отличительно отъ слова *свѣде́ніе*, а въ послѣднихъ двухъ можетъ-быть потому, что для болѣе яснаго означенія противоположности понятій предлогъ принялъ удареніе. Сокращеніе буквы *і* въ *ъ* обыкновенно не влечетъ за собою перемѣны въ удареніи словъ этого окончанія. Только въ именахъ, произведенныхъ отъ односложныхъ глаголовъ, слогъ *нье* иногда принимаетъ удареніе, напр. въ простонародныхъ словахъ: *пьнье́*, *враньё*, *жданье́*, *тканье́*, *спанье́*.

Окончаніе *тіе*, когда принадлежитъ простымъ именамъ, произведеннымъ отъ односложныхъ глаголовъ на *ить* и *ыть*, требуетъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, и буква *і* сокращается въ *ъ*: *бритьё*, *литьё*, *шитьё*, *витьё*, *питьё*, *мытьё*, *вытьё*, *житьё*, *бытьё*. Иначе произносятся только *кры́тіе* и *ры́тіе* (иногда и *рытьё*). Отъ глаголовъ на *отъ* и *утъ* рѣдко образуются имена существительныя; въ нихъ окончаніе *тье* остается безъ ударенія: *колотье* (произносится двояко: ко́лотье и коло́тье), *гну́тіе*. Слово *чутьё*, происходящее конечно не отъ *чуять*, а отъ неупотребительнаго глагола *чуть*, держитъ удареніе на послѣдней гласной подобно другимъ двусложнымъ именамъ этого образованія.

Замѣчательно, что удареніе въ такихъ случаяхъ обыкновенно измѣняется отъ сложенія именъ съ другимъ словомъ, хотя бы и

съ предлогомъ. Ср. напр. *литьё* и *слі́тіе, разли́тіе, кровопроли́тіе, бытіе́* и *отбы́тіе, бритьё* и *брадобри́тіе, житьё* и *общежи́тіе.* Сюда же относятся слова, *взя́тіе, поня́тіе, нача́тіе* и другія неупотребительныя безъ предлога. *Забытьё* по значенію отличается отъ *забы́тіе.*

Въ именахъ, произведенныхъ не отъ глаголовъ, окончаніе *ье* носитъ почти всегда ударе́ніе, когда принадлежитъ двусложнымъ словамъ: *копьё, ружьё, тряпьё, старьё, бельё, жилье, бабьё.* Такъ же произносятся собирательныя имена: *дурачьё, мужичьё.* Но въ словахъ: *у́стье, зе́лье, пла́тье* и въ многосложныхъ именахъ ударе́ніе падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію: *здоро́вье, захолу́стье, помы́стье, безлю́дье, отре́бье, подво́рье.*

Въ словахъ съ окончаніемъ *овье, евье* ударе́ніе бываетъ различно: *кочевьё, кочёвье, зимовье, становье, верховье, низовье.*

При полномъ окончаніи *іе* (не всегда отглагольномъ) ударе́ніе лежитъ на предыдущемъ слогѣ, на которомъ остается и въ случаѣ сокращенія *і* въ *ь: бы́ліе те́рніе, ве́реіе, отли́чіе, уча́стіе, наси́ліе, вели́чіе, често́лю́біе, благоче́стіе, распу́тіе, усло́віе, суевы́ріе.* Только въ нѣкоторыхъ словахъ, образованныхъ отъ именъ на *мя* (*имя*), этотъ слогъ, ставъ передъ окончаніемъ *іе*, остается безъ ударе́нія, которое падаетъ на коренной слогъ: *зна́меніе, безвре́менье.* Но уродливое слово *мьстотлкёнье* и выговаривается неправильно.

Слогъ *ство* по бо́льшей части не носитъ ударе́нія: *во́инство, пе́рвенство, оте́чество, о́бщество, кова́рство, схо́дство, ца́рство, ка́чество, коли́чество, потёмство, убо́жество, многолю́дство, человѣчество, госпо́дство, влады́чество, вели́чество, могу́щество, замужество, то́жество, ю́ношество, ры́царство.* Ударе́ніе почти во всѣхъ этихъ случаяхъ остается на томъ слогѣ, который носитъ его въ первообразномъ словѣ. Только имя *лика́рство* выговаривается не такъ какъ *ла́карь*, можетъ-быть потому, что въ немъ совершенно исчезаетъ понятіе дѣйствующаго лица, придаваемое первообразному имени окончаніемъ *арь.* Имена *первенство, единство* и *общество* нѣкоторые произносятъ съ ударе́ніемъ на

послѣднемъ слогѣ, но этотъ выговоръ въ литературномъ языкѣ встрѣчается рѣдко. Слово *свойство* произносится различно, смотря по двоякому значенію своему; двояко выговаривается еще *волшебство* (é — ство́).

На общемъ основаніи произносятся и отглагольныя имена: *чу́вство, уби́йство, произво́дство, бы́ство, убра́нство, ходатайство, устро́йство.* Въ трехъ только случаяхъ окончаніе *ство* принимаетъ удареніе: 1) въ отглагольныхъ и другихъ трехсложныхъ именахъ, когда наставкѣ *ство* предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*, часто ею принимаемый даже и тогда, когда въ глаголѣ его нѣтъ, напр. *воровство́, мотовство́, колдовство́, сватовство́, плутовство́, врачевство́, хвастовство́, шутовство́, кумовство́. Шельмовство* произносится съ удареніемъ или на послѣднемъ слогѣ, или на среднемъ; 2) въ именахъ, произведенныхъ отъ другихъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, когда окончаніе *ство* становится на мѣсто отброшеннаго слога съ удареніемъ: *родство́* (а отъ этого и *сродство́*), *удальство́, щегольство́, вдовство́, ханжество́, сиротство́*, отъ *родно́й, удало́й, щегольско́й, вдова́, ханжа́, сирота́; скотство́* произносится такъ по косвеннымъ падежамъ слова *скотъ;* на этомъ же правилѣ основывается выговоръ именъ *большинство́, меньшинство́, старшинство́*, какъ произведенныхъ отъ *большина́, меньшина́, старшина́;* 3) въ нѣкоторыхъ трехсложныхъ именахъ первоначально принадлежавшихъ только книжному языку: *божество́, рождество́, вещество́, существо́, естество́, торжество́, празднество́, пиршество́* (послѣднія два произносятся иногда съ удареніемъ на первомъ слогѣ).

Церковно-славянское окончаніе *ствіе*, употребительное въ нынѣшнемъ языкѣ довольно рѣдко и по большей части свойственное только сложнымъ именамъ, никогда не принимаетъ ударенія, которое всегда падаетъ на предшествующій слогъ: *дѣйствіе, ше́ствіе, слѣдствіе, бѣдствіе, моле́бствіе, споко́йствіе, благоде́нствіе, удово́льствіе, напу́тствіе, привѣтствіе.*

Наставка *ище* является то съ удареніемъ на *и*, то безъ вся-

каго ударенія. Можно бы подумать, что такое разнообразіе въ произношеніи словъ, съ помощію ея составленныхъ, имѣетъ свое основаніе въ намѣреніи отличать ихъ отъ именъ особаго рода, у которыхъ то же окончаніе служитъ выраженіемъ необыкновенной величины предметовъ. Но это справедливо только отчасти.

Увеличительныя имена мужескаго и средняго рода на *ище* сами выговариваются различно, и потому мы должны напередъ коснуться ихъ. Мужескія имена односложныя и такія, которыя въ родительномъ падежѣ носятъ ударепіе на окончаніи, обыкновенно принимаютъ эту наставку съ удареніемъ на *и*: *столи́ще*, *доми́ще*, *двори́ще*, *ключи́ще*, *вози́ще*, *носи́ще*, *дружи́ще*, *куси́ще*, *снопи́ще*, *утюжи́ще*, *сапожи́ще*, *мужичи́ще*. Среднія трехсложныя имена принимаютъ такое же удареніе: *окни́ще*, *ведри́ще*, *пузи́ще*. Среднія имена на *ище*, имѣющія болѣе слоговъ, сохраняютъ удареніе положительной степени, напр. *зе́ркалище*. Имена мужескаго рода хотя и односложныя, но не русскія, или многосложныя, не имѣющія ударенія на послѣднемъ слогѣ родительнаго падежа, принимаютъ *ище* безъ ударенія: *сту́лище*, *шка́пище*, *забо́рище*, *стака́нище*, *огоро́дище*, *комо́дище*.

Поэтому имена на *ище*, если образованы отъ другихъ существительныхъ и не должны означать увеличенія, принимаютъ по большей части такое удареніе, которое бы отличало ихъ отъ увеличительныхъ. Говорятъ: *пожари́ще*, потому, что *пожа́рище* означало бы большой пожаръ. На томъ же основаніи произносятъ: *пепели́ще*, *голени́ще*, *поло́тнище* и — *чу́дище*, *по́лчище*, *со́нмище*, *то́ржище*, *ко́злище*, *дѣтище*. Слово *кнутови́ще* составлено для отличія отъ *кнути́ще*. Таково же и слово *станови́ще*. Иначе произносится *чудо́вище* (отъ *чудо́вый*), *горо́ховище* (отъ *горо́ховый*) и *ту́ловище*.

Отглагольныя имена на *ище* по большей части не держатъ ударенія на этомъ окончаніи: *и́грище*, *убѣ́жище*, *по́прище*, *приста́нище*, *ра́товище*, *позо́рище*, *про́звище*, *сокро́вище*, *за́йме́ще*. Такъ же произносятся старинныя имена: *вре́тище*, *ру́бище*, *ка́пище*, *тре́бище*, *чингу́лище*. *Гульбище*, *кладбище* и *стрѣльбище*

произносятся различно, съ удареніемъ то на *и*, то на первомъ слогѣ.

Имя женскаго рода *рѣпа* не могло перемѣнить ударенія отъ наставки *ище*; слово *рѣпище* самымъ окончаніемъ своимъ отличается отъ увеличительнаго женскаго рода *рѣпища*.

Логовище произносится двояко: съ удареніемъ на первомъ слогѣ по первообразному слову *ло́гово*, или на наставкѣ.

Городище носитъ всегда удареніе на *и*, означаетъ ли оно большой городъ, или мѣсто, гдѣ нѣкогда было селеніе.

Есть еще особенный разрядъ именъ на *ище:* это такія имена, которыя произведены отъ причастій съ гласными *а*, *и*, *ѣ* передъ *гъ*, и у нихъ удареніе тамъ же, гдѣ оно въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола: *влага́лище*, *обита́лище*, *риста́лище*, *съда́лище*, *суди́лище*, *свяще́нное*, *свяще́нник*, *свяще́нство*, *свяще́нный*, *святи́лище*, *игра́лище*, *страши́лище*, *вмѣсти́лище*, *учи́лище*, *храни́лище*, *па́далище*. По этому же образцу составлены имена *чисти́лище*, *узи́лище*, *гнѣзди́лище*, *зрѣ́лище*; въ первомъ изъ нихъ удареніе отступаетъ отъ глагольнаго; въ словѣ *жили́ще* оно бываетъ обыкновенно на наставкѣ.

Имена съ окончаніемъ *ло*, произведенныя большею частью отъ глаголовъ, бываютъ по удареніе троякія. Оно падаетъ либо на эту наставку, либо на слогъ ей предшествующій, либо на третій съ конца. Надъ *ло* удареніе бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда въ предыдущемъ слогѣ буква *е* или *ѣ*, отдѣляющаяся отъ окончанія какою-нибудь согласною, явною или выпавшею: *скребло́*, *гребло́*, *щемло́*, *сверло́*, *жерло́*, *тесло́*, *весло́*, *стекло́*, *ремесло́*, *съдло́*, *помело́* (*метло́*); такъ же произносятся слова: *крыло́*, *тяглó*, *дупло́*, *числó*. На предыдущій слогъ падаетъ удареніе вообще тогда, когда окончаніе *ло* приложено къ глаголамъ, образованнымъ съ помощію буквъ *а*, *я*, *и*, *ы*, такъ что оно принимаетъ видъ *ало*, *яло*, *ило*, *ыло*, или когда въ предыдущемъ слогѣ нѣтъ буквы *е:* *опаха́ло*, *покрыва́ло*, *черпа́ло*, *моча́ло*, *одѣя́ло*, *твори́ло*, *суши́ло*, *свѣти́ло*, *жи́ло*, *би́ло*, *мя́ло*, *мы́ло*, *ры́ло*, *сто́йло*, *по́йло*, *па́дло*, *го́рло*, *нача́ло*, *пря́сло*, *су́сло*, *пря́гло*, *коромы́сло*, *ма́сло*, *вя́сло;* наконецъ въ видѣ исключенія *кре́сло*. Такъ

же выговаривается слово *мотови́ло*. — Наибольшее число именъ съ окончаніемъ *ло* носитъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ.

На третій слогъ съ конца ударе́ніе падаетъ въ немногихъ только словахъ этой формы: *пу́гало*, *зе́ркало* (множ. *зеркала́*), *бу́ркало*, *вьи́ло*, *у́дило* (множ. *удила́*), *мѣ́рило*, *пра́вило*. *Мѣрило* слышится часто и съ ударе́ніемъ на *и*. Отъ *пра́вило* отличается *прави́ло* по значенію.

Съ окончаніемъ *ло* очень сходно другое, почти однозвучное *во*, являющееся всегда съ предшествующей ему буквою *и*, *е* или *о*. Слогъ *во* никогда не носитъ ударе́нія, которое падаетъ — въ двусложныхъ словахъ на предыдущій слогъ, а въ трехсложныхъ (или если и болѣе слоговъ) — на третій съ конца: *пи́во*, *жни́во*, *по́йво*, *кро́шиво*, *ва́рево*, *ме́ливо*, *мѣ́сиво*, *то́пливо*, *то́чиво*, *ку́рево*, *ло́гово*, *кру́жево*, *за́рево*, *де́рево*. Отъ такого ударе́нія происходитъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ передъ окончаніемъ *во* допускается то *е*, то *и*, напр. *кро́шево* и *кро́шиво*, *ва́рево* и *ва́риво*. *Огни́во* удерживаетъ ударе́ніе на томъ же слогѣ, на которомъ оно въ первообразномъ именн *огонь*, въ косвенныхъ его падежахъ (*огня́* и т. д.). Нѣкоторые произносятъ *топли́во*.

Наставка *мо* вообще является у насъ съ ударе́ніемъ: *письмо́*, *бѣльмо́*, *пряжмо́*, *ярмо́*, *дермо́*. Слова *клеймо́* и *па́смо* заимствованы изъ скандинавскихъ языковъ и потому окончанія ихъ нельзя считать производственнымъ. Различіе произношенія ихъ зависитъ вѣроятно отъ различія предшествующей окончанію гласной (см. замѣчанія о слогѣ *ло*).

Окончаніе *но* по большей части носитъ ударе́ніе, особенно послѣ гласныхъ *е*, *о*: *стегно́*, *веретено́*, *пшено́*, *бревно́*, *зерно́*, *звено́*, *окно́*, *полотно́*, *волокно́*, *толокно́*, *порохно́*, *лукно́*, *гумно́*, *сукно́*, *садно́*. Но бываетъ и безъ ударе́нія: *бра́шно*, *су́дно*, *ко́рзно*, *колѣ́но*, *полѣ́но*.

То же можно бы сказать и объ окончаніи *ро*: *ведро́*, *ребро́*, *перо́*, *ядро́*, *добро́*, *серебро́*, *нутро́*; — *вёдро*, *нѣ́дро*, *у́тро*. Но это окончаніе собственно сюда не идетъ, потому что въ немъ буква *р* почти всегда принадлежитъ къ корню.

Слогъ *то* принимаетъ удареніе послѣ гласной *е: рѣшето́*, *тенето́*, а послѣ *и* или *ы* отбрасываетъ его на предыдущій слогъ: *си́то*, *копы́то*, *кры́то*.

Перейдемъ теперь къ наставкамъ, служащимъ для образованія уменьшительныхъ именъ.

Слогъ *ко* рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ прибавленія къ нему еще какого-нибудь другаго слога; присоединяясь къ согласной, онъ обыкновенно получаетъ удареніе, а особливо въ двусложныхъ именахъ: *ушко́*, *очко́* (множ. *очки́*), *сѣрко́*, *гнѣдко́*, *воронко́*, *озерко́*. *Древко* произносится двояко. Если вставляется бѣглая гласная, то удареніе переходитъ на нее: *ведёрко*, *око́шко*, *бревёшко*, *луко́шко*, *дровёшки* (отъ *дро́вни*), *судёнко*. Когда *ко* присоединяется къ имени, оканчивающемуся на *я*, въ которомъ скрывается согласная *т* или *н*, то удареніе падаетъ на первый слогъ: *ди́тятко*, *вре́мячко*, *сѣмячко*.

Когда наставка *ко* присоединяется къ трех- или четырехсложному слову, которое и безъ того уже оканчивается на этотъ слогъ, то удареніе остается на прежнемъ мѣстѣ: *я́блочко*, *о́блачко*, *молочко́*, *око́шечко*, *ведёрочко*. Когда же *ко* прилагается къ имени, кончащемуся на *це* или *цо́*, то удареніе переходитъ на являющуюся передъ новою наставкою гласную, будетъ ли это бѣглое *е* или другая гласная: *коле́чко*, *крыле́чко*, *серде́чко*, *мѣсте́чко*, *яи́чко*, но *блю́дце — блю́дечко*.

Окончаніе *ико*, встрѣчающееся очень рѣдко, не носитъ ударенія: *ли́чико*, *пле́чико*.

Передъ слогомъ *ко* ставится иногда еще прибавочный слогъ *ыш* или *иш*. Окончаніе *ышко*, служащее только къ образованію ласкательныхъ уменьшительныхъ, никогда не принимаетъ ударенія: *го́рлышко*, *пя́тнышко*, *рёбрышко*, *зёрнышко*. Отсутствіе ударенія надъ этой наставкой такъ постоянно, что когда она присоединяется къ односложному имени *дно*, то въ немъ появляется вставочная гласная *о* съ удареніемъ: *до́нышко* (Пав. Ф. Набл. II. § 53, примѣч. 1).

Окончаніе *и́шко*, напротивъ, въ трехсложныхъ словахъ

всегда носитъ ударе́ніе на *и* и придаетъ слову значеніе унизительное: *дѣли́шко*, *сели́шко*, *съдли́шко*, *мѣсти́шко*.

Это же окончаніе придается иногда, въ томъ же смыслѣ, именамъ мужескаго рода, наприм. *кресте́шко*, *доми́шко*, *городи́шко*, *голоси́шко*, но тогда оно можетъ быть и безъ ударе́нія; именно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда первообразное двух- или трехсложное имя съ ударе́ніемъ на послѣднемъ слогѣ не перемѣняетъ своего ударе́нія въ косвенныхъ падежахъ: *забо́рище*, *огоро́дище*, *хала́тище*, *дива́нище* (отъ *забо́ръ*, — *а*, *огоро́дъ* — *а* и т. д.).

Да правду говорить, я и тому дивился,
Что *огоро́дище* твой кое-какъ идетъ.
Крыловъ, Огор. и Фил.

Къ имени мужескаго рода, означающему одушевленный предметъ, прилагаютъ охотнѣе окончаніе *и́шка* (а не *и́шко*); *мальчи́шка*, *вори́шка*, *плути́шка*, *хвастуни́шка*. Повѣрить это можно винительнымъ падежемъ: поймать *плути́шку*.

Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то *вори́шекъ* бьютъ.
Крыловъ, Вороненокъ

Иногда такое уменьшительное имя можетъ быть общаго рода: *дурны́шка*.

Окончаніе *це*, *цо́* прилагается къ именамъ средняго рода для уменьшенія ихъ, или и безъ этой цѣли, когда имя само по себѣ неупотребительно. По бо́льшей части слово сохраняетъ ударе́ніе первообразнаго имени, напр. *коры́тце*, *са́льце*, *ры́льце*, *зе́ркальце*, *блю́дце*, *винцо́*, *колесцо́*, *полѣнце*. Въ именахъ, кончащихся на *но* съ предыдущею согласною, ударе́ніе переходитъ на вновь появившуюся гласную *о* или *е*: *полоте́нце*, *волоко́нце*, *око́нце*, *до́нце*. Въ соединеніи съ словомъ *письмо́* окончаніе *цо* принимаетъ ударе́ніе — *письмецо́*; то же бываетъ еще въ соединеніи съ именами: *мясо*, *село* и *дерево*, чему причиною, кажется, звуки *я* и *е* въ предшествующемъ слогѣ; *сѣнцо́* произносится такъ еще и для отличія отъ женскаго *сѣницы*.

Присоединяясь къ нѣкоторымъ именамъ, кончащимся на *ге*,

эта наставка принимаетъ форму *еще* или *ище* безъ ударенія: *плáтьище*, *имѣньище*, *чтéньище*, или съ удар., какъ въ словѣ *копьецó*.

Въ предыдущемъ представленъ первый опытъ разсмотрѣнія, на сколько русское удареніе зависитъ отъ производства и состава словъ.

Теперь спрашивается: можно ли изъ этого разсмотрѣнія извлечь какіе-нибудь положительные результаты?

Мы видѣли, что есть много производственныхъ окончаній, имѣющихъ постоянное удареніе, — слѣдовательно много словъ, которыхъ произношеніе опредѣляется самымъ ихъ окончаніемъ. Вотъ главныя изъ такихъ наставокъ: муж. р. *акъ*, *якъ*, *укъ*, *юкъ*, *агъ*, *огъ*, *угъ*, *югъ*, *анъ*, *янъ*, *унъ*, *ачъ*, *ай*, *яй*, *уй*, *ежъ*, *áтай*, *ёнокъ*, *ёныш*ъ; — жен. р. *áга*, *яга*, *ýга*, *юга*, *ыга*, *ига*, *áка*, *яка*, *áха*, *яха*, *óха*, *ýнья*, *ýша*, *ика*.

Есть другія имена, у которыхъ удареніе никогда не бываетъ на окончаніи, а остается либо на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ первообразномъ словѣ, либо падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію. Здѣсь особенно замѣчательны въ муж. р. окончаніе *тель*, въ жен. *остъ* или *есть*, а въ ср. *іе* (у многосложныхъ именъ).

Что́ касается до наставокъ, имѣющихъ непостоянное удареніе, то часто произношеніе словъ съ такими окончаніями зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ; какъ-то: 1) отъ производства слова; 2) отъ числа слоговъ въ имени; 3) отъ присоединенія къ наставкѣ дополнительнаго слога; 4) отъ гласной буквы предшествующаго слога; 5) отъ того, простое ли имя, предложное, или составное, и 6) отъ самаго значенія слова.

Когда то или другое изъ этихъ обстоятельствъ должно имѣть вліяніе на удареніе, на это нѣтъ одного общаго закона, но каждое изъ нихъ имѣетъ въ разныхъ случаяхъ свое несомнѣнное значеніе. Между ними самое обыкновенное основаніе выговора составляетъ производство именъ; однакоже оно нерѣдко уступаетъ одному изъ прочихъ основаній. Припомнимъ здѣсь въ заклю-

ченіе главные изъ отдѣльныхъ случаевъ, когда каждое изъ этихъ обстоятельствъ опредѣляетъ удареніе именъ съ производственными окончаніями:

I. Производство слова.

1) Всѣ простыя имена на *окъ*, *произведенныя отъ глаголовъ*, носятъ удареніе на этомъ окончаніи, напр. *толчокъ*, *плевокъ*, *совокъ*, *кипятокъ*, *кувырокъ*.

2) Уменьшительныя на *окъ* и *екъ*, въ указанныхъ случаяхъ производства, выговариваются такимъ же образомъ: *комокъ*, *порошокъ*, *кошелёкъ* и пр.

3) Имена на *ецъ*, произведенныя отъ двусложныхъ глаголовъ и прилагательныхъ, также произносятся почти всегда съ удареніемъ на окончаніи: *творецъ*, *купецъ*, *рубецъ*, *хитрецъ*, *слѣпецъ*, *храбрецъ*.

4) Имена на *икъ*, *никъ*, *овикъ*, *евикъ*, *ивикъ*, *атикъ*, *астикъ* вообще сохраняютъ удареніе прилагательныхъ, отъ которыхъ они образованы.

5) Женскія имена на *ица*, ежели есть соотвѣтствующія муж. на *ецъ* или *икъ*, удерживаютъ удареніе этихъ послѣднихъ.

6) Произведенныя отъ прилагательныхъ именъ съ окончаніемъ *ина* держатъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ, наприм. *старина*, *новина*, *быстрина*.

7) Отглагольныя имена съ тою же наставкой носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *рытвина*, *зубрина*, *царапина*.

8) Отглагольныя имена, кончащіяся на *ея*, произносятся съ удареніемъ на послѣдней гласной: *швея*, *ворожея*.

II. Число слоговъ въ имени.

1) Двусложныя имена съ наставкою *окъ* или *ёкъ* передаютъ ей удареніе: *курокъ*, *конекъ* и т. д.

2) Такимъ же образомъ и окончаніе *ецъ* принимаетъ удареніе въ бо́льшей части двусложныхъ именъ: *свинецъ*, *отецъ*, *вѣнецъ*.

3) То же окончаніе въ бо́льшей части многосложныхъ именъ остается безъ ударенія: *червонецъ*, *упря́мецъ*.

4) Двусложныя имена на *ье* почти всегда имѣютъ удареніе на этомъ окончаніи: *питье*, *чутье*, *жилье*.

5) Такъ произносятся наконецъ и двусложныя имена съ приставкою *ко: ушко*, *гнѣдко*, *сърко*.

III. Присоединеніе къ наставкѣ дополнительнаго слога.

Имена мужескаго рода на *щикъ* и средняго на *ство* произносятся съ удареніемъ надъ этими наставками, когда передъ ними вставляется слогъ *ов* или *ев*, напр. *въстовщикъ*, *цѣновщикъ*, *колдовство*, *врачевство*.

IV. Гласная въ предшествующемъ слогѣ.

1) Звукъ *и* передъ наставкою *тель*, и гласная *е* передъ окончаніемъ *ніе* почти во всѣхъ случаяхъ присвоиваютъ себѣ удареніе: *правитель*, *строитель*, *правленіе*, *строеніе*.

2) Наставки: *ло*, *но* и *то* принимаютъ удареніе, когда въ предшествующемъ слогѣ находится гласная *е: весло*, *стекло*, *пшено*, *веретено*, *рѣшето*.

V. Соединеніе имени съ предлогомъ или съ другимъ именемъ въ одно слово.

1) Предлогъ *вы* передъ всякимъ первообразнымъ именемъ и передъ многими производными принимаетъ удареніе: *выводъ*, *выстрѣлъ*, *вылазка*, *выставка*.

2) Съ удареніемъ же произносится всякій другой предлогъ въ началѣ имени, кончащагося на *ъ*, какъ мужескаго, такъ и женскаго рода: *изгородь*, *навязень*, *пристань*, *утварь*.

3) Предложныя имена съ окончаніями *окъ*, *ышъ*, *ица*, *ина* носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *списокъ*, *просёлокъ*, *заморышъ*, *разладица*, *безхлѣбица*, *окраина*, *пробоина*.

4) Наставка *ецъ* въ составныхъ именахъ передаетъ всегда удареніе предыдущему коренному слогу: *міротворецъ*, *живописецъ*.

5) То же замѣчается какъ въ составныхъ, такъ и въ пред-

ложныхъ именахъ средняго рода, кончащихся на *тіе*, напр. *кровопролитіе*, *прибытіе*, *прожитіе*.

Здѣсь прибавимъ замѣчаніе, что вообще въ составныхъ именахъ у насъ удареніе принадлежитъ второму слову, напр. *честолю́біе*, *коновóдъ*, *самовáръ*, *духобóрецъ*, *суконнáльня*. Исключеній очень мало: *блáговѣстъ*. *пóлдень*, *пóлночь*, *пóлпиво*, *лѣтопись*, *кóновязь*, *вóдоросль* и другія т. п. имена женскаго рода на *ь*, которыя, какъ и предложныя имена съ такимъ окончаніемъ, отбрасываютъ удареніе на первую изъ своихъ составныхъ частей.

VI. Значеніе именъ.

1) Уменьшительныя имена никогда не носятъ ударенія на окончаніи *икъ*: *дóмикъ*, *сокóликъ*.

2) Имена, кончащіяся на *ота*, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, когда означаютъ отвлеченныя качества: *чистота*, *красота*.

3) Такъ же выговариваются имена съ наставкою *ина*, означающія качество, пространство и время: *круглина*, *глубина*, *старина*.

4) Наставка *ота* имѣетъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ въ именахъ, означающихъ болѣзненное состояніе или припадокъ: *ломота*, *перхота*.

5) Окончаніе *ина* (или множ. *ины*) произносится также съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ въ названіяхъ растеній или торжественныхъ случаевъ: *малина*, *калина*; *родины*, *крестины*.

6) Окончаніе *ня* принимаетъ удареніе въ отглагольныхъ именахъ, означающихъ сильное или частое дѣйствіе: *возня*, *толкотня*.

7) Слогъ *ня* остается безъ ударенія въ именахъ помѣщеній, зданій и т. п.: *салотопня*, *сушильня*, *швальня*.

8) Имена ягодъ на *ика* имѣютъ постоянное удареніе: *черни́ка*, *брусни́ка*.

Легко было бы еще увеличить число случаевъ, въ которыхъ обнаруживается вліяніе указанныхъ обстоятельствъ на произно-

шеніе словъ; но я удовольствуюсь изложенными наблюденіями. Они достаточно доказываютъ, что какъ ни прихотливо по видимому русское удареніе, однакожъ языкъ въ самомъ разнообразіи своей просодіи, чуждаясь безотчетнаго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстнымъ началамъ, которыя во множествѣ фактовъ доступны наблюденію и обличаютъ потребность ума человѣческаго подчиняться общимъ законамъ во всѣхъ безконечно-многообразныхъ явленіяхъ слова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Впрочемъ *выздоровлéніе*, какъ ясно видно изъ умягченія буквы *в*, происходитъ не отъ глагола *вы́здоровѣть*, а отъ неупотребительнаго *вы́здоровить*, какъ *явленіе* отъ *явить*. Форма *здоро́вить* есть въ языкѣ, но она обнаружилась только въ предложномъ глаголѣ *поздоро́виться* («отъ этого ему не поздоровится»), да еще въ славянскомъ *поздравить*. Производное имя отъ *выздоровѣть* было бы *выздоровѣніе*. Несовершенный видъ *выздора́вливать* могъ быть образованъ и отъ послѣдней формы глагола, какъ *разгавливаться* отъ *разговѣться*. Кстати замѣтимъ, что идея залога часто пропадаетъ въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія или состоянія. Такъ напр. *ослабле́ніе* происходитъ отъ дѣйствит. *осла́бить*, но можетъ означать и состояніе; такъ же точно нѣкоторыя имена этого образованія означаютъ не состояніе и не дѣйствіе, а конкретный предметъ, напр. *имѣніе*, *растеніе*.

2) Правописаніе *обручъ* (съ *ъ* на концѣ) было бы здѣсь не у мѣста, ибо рѣчь идетъ именно о словахъ съ окончаніемъ на *ъ*. Вотъ еще одно изъ многихъ доказательствъ что старинная орѳографія, по которой послѣ ж, ч, ш, щ въ концѣ именъ мужескаго рода писалось *ъ*, была правильнѣе той, которая нынѣ беретъ перевѣсъ и требуетъ въ такомъ случаѣ ера.

3) Продолжая свои изслѣдованія надъ именемъ *щёлокъ*, я убѣ-

дился, что оно происходитъ отъ корня, въ которомъ, сходно съ свойствомъ означаемаго этимъ словомъ предмета, скрывается понятіе разложенія, раздѣленія. Дѣйствительно, тотъ же корень является у насъ въ словахъ *щель* (отверзтіе, образовавшееся отъ раздвоенія) и *щелка́ть* (раздроблять со звукомъ). Въ послѣднемъ словѣ буква *к* есть уже придаточная къ корню: такова же она и въ имени *щелокъ*. Этотъ самый корень встрѣчается и въ германскихъ языкахъ, и замѣчательно, что тамъ (какъ и у насъ глаголъ *щелкать*) происшедшія отъ него слова выражаютъ, сверхъ показаннаго понятія, еще и звукъ: стар. нѣм. schellen значитъ: *щелять*ся, раздробляться, раздроблять, и также — звучать, издавать звонъ; швед. skilja — раздѣлять, разлучать, skall — звукъ. Но у насъ глаголъ *щелкать*, означая звукъ, произносится съ ударенiемъ на первомъ слогѣ (*щёлкать*).

4) Для уясненія вопроса объ имени *войлокъ* я обращался къ академику Б. А. Дорну, и онъ указалъ мнѣ на татарское слово *ojlik*, какъ единственное, которое и по значенію и по звуку *могло бы* дать начало нашему *войлокъ*. *Ойликъ* означаетъ: что служитъ къ покрытію чего-либо; для покрытія же кибитокъ изстари употреблялся у Татаръ войлокъ. Вотъ возможное соотношеніе обоихъ словъ, которое однакожъ не выдается за несомнѣнное.

5) Польское слово rysować перешло къ намъ конечно вмѣстѣ съ схоластическимъ ученіемъ изъ кіевскихъ школъ. Оно происходитъ отъ нѣмец. гл. reiszen, нѣкогда употреблявшагося въ томъ же значеніи, или прямѣе отъ сущ. Riss — чертежъ, которое принято Поляками только съ измѣненіемъ *i* на *y* (ы). У насъ оно извѣстно въ предложной формѣ — *абрисъ*. Независимо отъ этого Поляки образовали еще имя rysunek, взявъ для него окончаніе изъ нѣм. языка (ung), въ которомъ однакожъ подобнаго слова нѣтъ.

II.

О переходѣ ударенія существительныхъ именъ въ косвенныхъ падежахъ.

Переходъ ударенія во флексіяхъ существительныхъ именъ есть явленіе не общее въ нашемъ языкѣ. Съ этой стороны имена могутъ быть раздѣлены на имена съ подвижны́мъ удареніемъ — назовемъ ихъ *гибкими*, и на имена съ удареніемъ неподви́жнымъ — назовемъ ихъ *негибкими*. Само собою разумѣется, что здѣсь понятіе *гибкій* принимается совершенно въ условномъ, односторонемъ значеніи, только въ отношеніи къ просодическому свойству слова.

Въ разсужденіи гибко́сти или негибкости своего ударенія наши существительныя имена подчиняются слѣдующимъ *общимъ* условіямъ:

а) *Гибкими* именами могутъ быть только тѣ, у которыхъ не болѣе 3-хъ слоговъ въ именительномъ падежѣ. Если же въ этой формѣ болѣе слоговъ, переходъ ударенія почти никогда не встрѣчается (*сковорода́*, *ско́вороду* — рѣдкое исключеніе).

б) Переходъ удареній *большею частію* свойственъ именамъ первообразнымъ и простымъ.

в) Составныя имена всегда бываютъ *негибкими*, наприм. *водово́зъ*, *ли́топись*.

г) Предложныя имена допускаютъ переходъ ударенія только при томъ условіи, чтобъ удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа было на предлогѣ, наприм. *по́варъ*, *повара́; по́вѣсть*, *повѣсте́й; про́повѣдь*, *проповѣде́й*. Когда въ именитель-

номъ падежѣ единственнаго числа предлогъ не принимаетъ ударенія, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, напр. *завóдъ, завóды; приговóръ, приговóры; постéль, постéлей.*

д) Въ именахъ съ производственными окончаніями переходъ ударенія возможенъ почти исключительно только тогда, когда оно въ единственномъ числѣ на послѣднемъ слогѣ, наприм. *столя́ръ, столяра́; болту́нъ, болтуна́; пчела́, пчёлы; весло́, вёсла; письмо́, пи́сьма.* Впрочемъ изъ такихъ производственныхъ именъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ довольно гибки только имена мужескаго рода; въ именахъ женскаго и средняго съ производственными окончаніями подвижность ударенія составляетъ явленіе болѣе рѣдкое.

По отношенію къ *частнымъ* условіямъ перехода удареній имена должны быть разсмотрѣны по тремъ родамъ ихъ — мужескому, женскому и среднему.

А) Имена мужескаго рода.

1) Если мѣстный падежъ послѣ предлоговъ *въ* и *на* оканчивается не на *ѣ*, а на *у*, *ю*, то съ этимъ послѣднимъ окончаніемъ неразлучно удареніе, совершенно независимо отъ произношенія прочихъ падежей, наприм. *въ саду́, въ гробу́, на духу́, на берегу́, ввечеру́, въ раю́, въ строю́, въ корню́.* Замѣтимъ, что это окончаніе встрѣчается почти исключительно въ словахъ первообразныхъ, простыхъ и притомъ такихъ, у которыхъ въ именительномъ падежѣ не болѣе двухъ слоговъ, наприм. говорятъ *на ходу́*, но нельзя сказать *на проходу́* (т. е. когда *ходъ* соединилось съ предлогомъ); нельзя также сказать *въ колоколу́* (при трехъ слогахъ въ именительномъ падежѣ). Изъ предложныхъ именъ этому случаю могутъ подлежать только такія, которыя безъ предлога не употребительны, наприм. *о́ткупъ, по́гребъ, — на откупу́, въ погребу́.*

2) Оставляя въ сторонѣ этотъ особенный мѣстный падежъ, мы находимъ, что во всѣхъ другихъ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа удареніе бываетъ однообразное, т. е. если одинъ

изъ нихъ принимаетъ удареніе, то принимаютъ его и прочіе, напр. *полкъ*, — *á*, — *ý*, *óмъ*, — *ь́*. Въ такомъ случаѣ и всѣ окончанія множественнаго числа являются съ удареніемъ: *полки́*, — *óвъ* и т. д.

3) Напротивъ, по ударенію множественнаго числа нельзя судить объ окончаніяхъ косвенныхъ падежей единственнаго, наприм. во множественномъ *сады́*, — *óвъ*, а въ единственномъ *сáда*, — *у*, и т. д.

4) Въ переходѣ ударенія во множественномъ числѣ встрѣчаются два случая:

Или оно падаетъ на окончанія всѣхъ падежей, наприм. *сады́* — *óвъ*, — *áмъ*, — *áми*, — *áхъ*; *мужики́*, — *óвъ*, — *áмъ*, — *áми*, — *áхъ*.

Или оно, переходя на окончанія косвенныхъ падежей, остается неподвижнымъ въ именительномъ падежѣ, наприм. *зýбы*, — *óвъ*, — *áмъ*, — *áми*, — *áхъ*.

Чѣмъ обусловливается каждое изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь явленій перехода ударенія въ именахъ мужескаго рода, опредѣлить очень трудно. Еслибъ и удалось показать тутъ постоянные законы, то они были бы слишкомъ сложны и утонченны, а потому я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что это относится наиболѣе къ именамъ односложнымъ, и постараюсь указать въ отношеніи къ нимъ только тѣ случаи, когда удареніе остается неподвижнымъ, т. е. не переходитъ на окончанія. Это бываетъ:

а) Въ односложныхъ именахъ явно *отглагольныхъ*, особенно предложныхъ (съ предлогами *в-*, *с-*, *вз-*); *крикъ*, — *а*, — *у*; *и*, — *овъ*; *кликъ*, *искъ*, *вкладъ*, *входъ*, *вздохъ*, *вздоръ*, *сборъ*, *сводъ* и проч. Только слова *ходъ*, *садъ* и можетъ-быть нѣкоторыя другія, означающія не дѣйствіе или состояніе, а предметъ, отступаютъ отъ этого закона; говорятъ: *ходы́*, — *óвъ*, *сады́*, — *óвъ* и проч. То же явленіе отсутствія ударенія на падежныхъ окончаніяхъ отглагольныхъ односложныхъ именъ обнаруживается еще болѣе въ единственномъ числѣ: *бредъ*, — *а*; *мигъ*, — *а*; *моръ*, — *а*; *пылъ*, — *а*, *ревъ*, — *а*; *ходъ*, — *а*; *садъ*, — *а*.

б) Въ односложныхъ словахъ иностраннаго происхожденія, мало употребительныхъ, и вообще въ словахъ, не сдѣлавшихся народными, или не встрѣчающихся во множественномъ числѣ: *докъ*, *мулъ*, *нервъ*, *плугъ*, *флагъ*, *франтъ*, *хоръ*, *мракъ*, *адъ*, *воскъ*, *югъ*.

Если первоначально-иностранное слово, употребительное и во множественномъ числѣ, гибко въ произношеніи, то значитъ, что народъ совершенно свыкся съ нимъ, вовсе забылъ его происхожденіе, напр. *врачъ*, — *á*, *пажъ*, — *á*, *дьякъ*, — *á*, *крестъ*, — *á*.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ вопросу: не зависитъ ли степень гибкости слова отъ степени его употребительности и народности? Хотя положительный отвѣтъ на это и заключалъ бы въ себѣ идею слишкомъ общую, однакожъ въ ней есть нѣкоторая доля истины. Наблюденія надъ словами всѣхъ разрядовъ показываютъ намъ, что чѣмъ болѣе въ нихъ жизненности, чѣмъ болѣе они усвоены народомъ, тѣмъ легче они подвергаются переходу ударенія, если только такому переходу не противятся другіе, болѣе сильные и постоянные законы языка.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ одинъ случай перехода ударенія, о которомъ я еще не говорилъ. Разумѣю принятіе именами мужескаго рода въ прямомъ падежѣ множественнаго числа окончанія *а* или *я*. Съ этимъ окончаніемъ у нихъ ударепіе связано такъ же необходимо, какъ съ гласною *у*, *ю* въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа, и всѣ прочіе падежи множественнаго числа при именительномъ на *á*, *я́* всегда удерживаютъ удареніе на томъ же мѣстѣ, напр. *повара́*, — *о́въ*, — *а́мъ* и проч. Окончаніе *á*, *я́* во множественномъ числѣ именъ мужескаго рода чрезвычайно распространено въ языкѣ — и, можно сказать, безпрерывно дѣлаетъ въ немъ новыя завоеванія. Поэтому вовсе несправедливо смотрѣть на него, какъ на окончаніе неправильное, и на имена, принимающія его, какъ на исключенія. Напротивъ, оно именамъ мужескаго рода столько же свойственно, какъ и среднимъ: между послѣдними найдется даже гораздо менѣе словъ съ ударяемымъ *а* во множественномъ числѣ, нежели между именами мужескаго рода. И въ этомъ яснѣе всего является по-

требность народнаго слуха посредствомъ ударенія рѣзко отмѣчать такіе слоги, которые должны служить какою-нибудь примѣтою и которые безъ этого отличія не довольно явственны въ произношеніи. Сравнимъ напр. слова: *по́вары, лѣ́кари*, и *повара́, лѣкаря́:* не гораздо ли яснѣе и рѣзче выразилось примѣта множественнаго числа въ послѣдней формѣ?

Для изслѣдованія случаевъ появленія окончанія *а́, я́* въ именахъ мужескаго рода, мы должны раздѣлить слова по числу слоговъ ихъ и разсмотрѣть:

Во первыхъ, односложныя имена.

Окончаніе *а́, я́*, невозможно въ тѣхъ односложныхъ словахъ, которыя и во множественномъ числѣ остаются односложными, наприм. въ словахъ: *ледъ, левъ, лобъ, ротъ, ровъ* (множ. *льды, львы, лбы* и т. д.).

Далѣе, оно невозможно и вообще тогда, когда въ единственномъ числѣ ударе́ніе уже падаетъ на окончаніе флексіи; формы: *быка́, двора́, моста́* невозможны во множественномъ числѣ, потому что онѣ есть уже въ единственномъ. Итакъ первое условіе разсматриваемаго окончанія есть то, чтобъ оно дѣйствительно отличало множественное число отъ единственнаго. Таково въ самомъ дѣлѣ его свойство въ именахъ: *дома́, мѣха́, года́, вѣка́, хлѣва́, края́*, у которыхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа ударе́ніе стоитъ на первомъ слогѣ. Другими словами, окончаніе *а́, я́* можетъ становиться на мѣсто *ы, и* неударяемыхъ, но почти никогда не становится на мѣсто *ы, и*, имѣющихъ ударе́ніе.

Сверхъ того окончаніе *а́, я́* множ. числа въ односложныхъ именахъ носитъ обыкновенно и особенный оттѣнокъ значенія. Оно придается собственно только именамъ, означающимъ такіе предметы, которыхъ два или нѣсколько принадлежатъ къ одному цѣлому, къ одномъ ряду, и такимъ образомъ служатъ дополненіемъ одинъ другому, напр. *бока́, глаза́, рога́, дома́, струга́, стога́, хлѣва́, года́, вѣка́, рода́.* Еще принимаютъ это окончаніе имена, означающія во множественномъ числѣ не единицы, а массы, пространства или явленія, наприм. *луга́, лѣса́, снѣга́, края́, боя́,*

вѣтра́[1]). Хотя имена *хлѣба́*, *цвѣта́*, *мѣха́* могли бы быть отнесены къ первому случаю, но кажется, вѣрнѣе будетъ принять, что въ нихъ разбираемое окончаніе явилось только для отличія, по значенію, отъ формъ: *хлѣбы*, *цвѣты́*, *мѣхи́;* послѣднія два слова представляютъ рѣдкій случай встрѣчи въ одномъ и томъ же имени окончаній *а́* и *ы́*, *и́* съ удареніемъ: *цвѣта́* и *цвѣты́*, *мѣха́* и *мѣхи́*.

Во вторыхъ, двусложныя имена (т. е. состоящія изъ двухъ слоговъ).

Двусложныя имена, которыя въ прямомъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ ударе́ніе *на послѣднемъ слогѣ*, всегда принимаютъ во множественномъ числѣ окончаніе *ы* или *и*. Исключеніе составляютъ только два слова: *рука́въ* — *ва́* и иностранное *обшла́гъ* — *га́*, которыя приняли такую форму конечно по аналогіи съ именами: *глаза́*, *рога́* и *бока́*, означающими также пару предметовъ (двойственное число). Но наприм. слова: *глаго́лъ*, *ковче́гъ*, *коро́ль*, *моро́зъ*, *овра́гъ*, *орёлъ*, *пиро́гъ*, *буква́рь*, *кула́къ*, *боча́ръ*, *крику́нъ* оканчиваются во множеств. числѣ только на *ы* или *и*.

Окончаніе *а́*, *я́* свойственно только такимъ двусложнымъ именамъ мужескаго рода на *ъ*, которыя въ единственномъ числѣ носятъ ударе́ніе *на первомъ слогѣ* и притомъ не имѣютъ какихънибудь явныхъ въ концѣ наставокъ. Такъ имена *сто́ликъ*, *хло́покъ*, *мѣся́цъ*, *за́яцъ* и т. п., по причинѣ своего окончанія, не могутъ принимать такой формы множественнаго числа. Притомъ давность, употребительность слова въ этомъ числѣ составляетъ и здѣсь важное условіе для возможности окончанія *а́*, *я́:* такія имена какъ *и́долъ*, *гра́дусъ* не могутъ оканчиваться такимъ образомъ, потому что они сравнительно мало распространены въ вседневномъ быту. Употребительность же увлекла въ кругъ господства этого окончанія не только нѣсколько предложныхъ именъ, но и многія иностранныя.

Приведу прежде собственно-русскія простыя: *бе́регъ*, *ве́ртелъ*, *ве́черъ*, *во́лосъ*, *ве́редъ*, *вѣ́ръ*, *го́лосъ*, *го́родъ*, *жёлобъ*, *жёр-*

[1]) Эту форму множ. числа слово *вѣтеръ* приняло во флотѣ

новъ, *кóнюхъ*, *кóробъ*, *кýзовъ*, *нéводъ*, *óстровъ*, *пóясъ*, *тóрмазъ*, *тéремъ*, *стóрожъ*, *хóлодъ*, *шéлепъ*, *чéрепъ*, *áстребъ* и др.

Предложныя: *зáкромъ*, *óбразъ*, *óткупъ*, *пóгребъ*, *пóваръ*, *пóлогъ*, *пóпрохъ*, *прúставъ*, *прóмыслъ* и нѣкоторыя др.

Иностранныя: *вы́мпелъ*, *вáхтеръ*, *вѣ́ръ*, *гéтманъ*, *дóкторъ*, *кáтеръ*, *кúверъ*, *кóрпусъ*, *кýполъ*, *кýчеръ*, *лéкторъ*, *лóцманъ*, *мáклеръ*, *мáстеръ*, *мúчманъ*, *нóмеръ*, *óрденъ*, *пáрусъ*, *рóтмистръ*, *рýпоръ*, *тéноръ*, *фéршелъ*, *флю́геръ*, *фáкторъ*, *флáгманъ*, *фýрманъ*, *цéнзоръ*, *шáферъ*, *шкúперъ*, *штýрманъ*, *шóмполъ*, *ю́нкеръ* и др.

Дополнимъ этотъ списокъ именами на ъ, замѣтивъ напередъ, что между ними лишь немногія чисто-русскія: *пéкарь*, *пúсарь*, *мѣ́карь;* всѣ прочія иностраннаго происхожденія: *вéксель*, *вéнзель*, *грúфель*, *éгерь*, *крéндель*, *флúгель*, *штéмпель*, *цúркуль*, *я́корь* и др., которыя по большей части могутъ принимать во множ. числѣ окончаніе на *я́*.

Такимъ образомъ въ разрядѣ двусложныхъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *а́*, *я́*, оказывается даже болѣе иностранныхъ словъ, чѣмъ русскихъ. Разсматривая далѣе составъ именъ этого разряда, мы находимъ въ нихъ двѣ довольно общія черты:

1) Русскія слова, какъ коренныя, такъ и первообразныя съ производственными окончаніями, въ обоихъ слогахъ своихъ представляютъ по большей части либо одну и ту же гласную (*е*, *о*), либо двѣ однородныя (*о*—*а*, *о*—*е*, *е*—*я*), въ срединѣ же ихъ букву *р* или *л:* *бе́-регъ*, *вéр-телъ*, *че́-репъ*, *го́-родъ*, *хо́-лодъ*, *óст-ровъ*, *ко́-робъ*, *жёр-новъ* и т. д. (*берегá*, *вертелá* и проч.).

2) Почти всѣ иностранныя оканчиваются на *р*, *л*, твердое или мягкое съ предшествующими гласными *о* и *е;* есть между ними также нѣсколько именъ съ окончаніемъ *н* (*лоцманъ*, *орденъ* и др.).

Въ третьихъ, трехсложныя имена.

Трехсложныхъ мужескихъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ *а́*, *я́*, вообще очень мало.

Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) нѣсколько русскихъ словъ, отличающихся опять удареніемъ *на первомъ слогѣ* и образованіемъ своимъ,

т. е. одинаковостью гласной во всѣхъ трехъ слогахъ; таковы: *ко́локолъ*, *о́корокъ*, *пе́репелъ*, *те́теревъ;* 2) нѣсколько иностранныхъ съ окончаніемъ *оръ* или *ель* и удареніемъ *на предпослѣднемъ слогѣ: ефре́йторъ*, *дире́кторъ*, *инспе́кторъ*, *профе́ссоръ*, *фельдфе́бель*, и наконецъ 3) небольшое число русскихъ именъ, означающихъ должности, съ производственнымъ окончаніемъ *тель: учи́тель*, — *я́*. Въ послѣднее время начали также говорить: *служителя́*, *смотрителя́;* но это еще не освящено общимъ употребленіемъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ условіемъ для окончанія *а́*, *я́* оказывается то, чтобы ударѐніе въ единственномъ числѣ не было на послѣднемъ слогѣ. Оно должно быть на первомъ или на среднемъ.

Четырехсложныя имена не употребляются съ этимъ окончаніемъ, напр. *репети́торъ*, *экзамина́торъ*, *визита́торъ*.

Это изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ именахъ двух- и трехсложныхъ значеніе имѣетъ рѣдко вліяніе на принятіе ими разсматриваемаго окончанія. Прежде говорилось въ грамматикахъ, что изъ иностранныхъ именъ такъ склоняются преимущественно тѣ, которыя означаютъ какое-нибудь званіе; но мы, находя между ними много словъ совсѣмъ другаго значенія (напр. *вѣеръ*, *куполъ*, *киверъ*, *орденъ*), должны признать, что большое число личныхъ именъ, означающихъ званіе, составляетъ тутъ случайность, происходящую отъ ихъ окончанія *р*, *л*, охотно допускающаго за собою *а́* и *я́* во множественномъ числѣ. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ, будто формы *ле́кторы*, *профе́ссоры*, *дире́кторы*, *учи́тели* благороднѣе, нежели *лектора́*, *профессора́*, *директора́*, *учителя́*. Или, пожалуй, это мнѣніе справедливо только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ книжный, искусственный языкъ признаваемъ былъ благороднѣе разговорнаго, живаго. Притомъ же, принимая предпочтительно слова *профессоры*, *учители*, мы должны быть послѣдовательны и говорить въ косвенныхъ падежахъ также: *профе́ссоровъ*, *учи́телей;* ибо формы *профессоро́въ*, *учителе́й* возможны только при именительномъ падежѣ

профессора́, *учителя́*. Между тѣмъ въ косвенныхъ падежахъ никто уже не скажетъ напр. *профе́ссорами*, *учи́телями*, потому что тутъ окончанія далеко не такъ ясны, какъ если на нихъ ставится ударе́ніе. Чѣмъ же и въ именительномъ падежѣ безхарактерное, неударяемое *ы*, *и* лучше опредѣлительныхъ *а́* и *я́*, предпочитаемыхъ чуткимъ народнымъ слухомъ?

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя имена во множественномъ числѣ исключительно оканчиваются на *а́*, *я́*; другія принимаютъ иногда и окончаніе *ы*, *и*. Здѣсь очень важно, что къ первому разряду принадлежатъ названія самыхъ простыхъ предметовъ, наболѣе извѣстныхъ и понятныхъ народу, напр. *бока́*, *глаза́*, *рога́*, *лъса́*, *луга́*, *берега́*, *вечера́*, *города́*, *острова́*, *кучера́*, тогда какъ имена высшаго, болѣе духовнаго значенія терпятъ еще и книжное окончаніе, напр. *годы*, *вѣки*, *краи* (чужіе краи), *промыслы*, *авторы*, *цензоры*, *ректоры*, и еще обыкновеннѣе трехсложныя *директоры*, *профессоры*. Отмѣтимъ еще между двусложными именами слово *о́бразъ*, которое, смотря по *значенію*, принимаетъ во множественномъ числѣ двоякое окончаніе и этимъ становится въ одинъ разрядъ съ приведенными выше односложными словами: *хлѣбъ*, *цвѣтъ*, *мѣхъ*, оканчивающимися во множественномъ числѣ на *а́* только иногда, по требованію смысла.

Съ формою множественнаго числа *а*, *я* нѣсколько сходна другая, именно *ья*. Она встрѣчается въ двухъ различныхъ разрядахъ именъ мужескаго рода и обусловливается ихъ двоякимъ значеніемъ.

Окончаніе *ья* принимаютъ:

Во 1-хъ, такія имена (по большей части односложныя), которыя означаютъ предметы природы или домашняго быта, либо остроконечныя (мелкія или длинныя), либо круглыя и притомъ существующія или дѣлаемыя въ большомъ количествѣ; таковы: *крюкъ*—*чья*, *сукъ*, *клинъ*, *листъ*, *зубъ* (напр. у пилы), *колъ*, *брусъ*, *прутъ*, *стулъ*, *струпъ*, *пукъ*, *полозъ*, *копылъ*, *колосъ*, *корень*, *лоскутъ*, *черенъ*, *волдырь*, *пузырь*, *пупырь*, *клокъ*, *хлопъ*, *комъ*, *батогъ*, *ободъ*, *камень*, *уголь*. Въ этихъ словахъ окончаніе множе-

ственнаго числа *ья* остается безъ ударенія, которое падаетъ на слогъ предшествующій. Только въ словѣ *уголь* ударе́ніе и во множественномъ числѣ остается на первомъ слогѣ.

Такъ же оканчиваются во множественномъ числѣ нѣкоторыя имена средняго рода, представляющія тѣ же особенности значенія: *перо*, *дерево*, *звено*, *колѣно*, *полѣно*, *крыло*, *шило*, *помело*, *дно* (*до́нья*), и даже два имени женскаго рода съ подобнымъ оттѣнкомъ заключающагося въ нихъ понятія: *дыра*, *щель* (*ды́рья*, *ще́лья*). Ударе́ніе во множ. ч. опять на предпослѣднемъ слогѣ.

Во 2-хъ, имена, означающія лица, которыя находятся между собою въ отношеніяхъ родственныхъ, гражданскихъ или сердечныхъ. Тутъ окончаніе *ья* иногда остается безъ ударенія: *бра́тья*, *холо́пья*, но чаще принимаетъ ударе́ніе: *мужья́*, *зятья́*, *шурья́*, *князья́*, *дядья́*. Въ послѣднемъ случаѣ передъ окончаніемъ *ья* вставляется въ нѣкоторыхъ именахъ еще слогъ *ов: сыновья́*, *кумовья́*, *зятевья́*, *сватовья́*, *деверья́*.

Многія изъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *ья*, могутъ также оканчиваться въ мужескомъ и женскомъ родѣ на *ы*, *и*, въ среднемъ на *а*, иногда съ перемѣною значенія, напр. *зубъ*, *мужъ*, *колѣно*, иногда съ сохраненіемъ того же значенія, напр. *листъ*, *волдырь*, *пузырь*, *дерево*, или съ уничтоженіемъ только оттѣнка собирательныхъ именъ большаго числа предметовъ, напр. *крюкъ*, *пукъ*, *корень*, *камень*, *уголь*.

Въ склоненіи именъ мужескаго рода съ производственными окончаніями ударе́ніе слѣдуетъ одному общему закону. Если производственная приставка, состоящая изъ гласной и согласной буквы (напр. *икъ*, *ачъ*), носитъ ударе́ніе, то во флексіи это ударе́ніе переходитъ на падежное окончаніе, въ противномъ случаѣ оно остается неподвижнымъ. Напримѣръ: *остря́къ*, *-ка́*, и т. д., *хвасту́нъ*, *-а́*; *мятёжъ*, *-а́*; *кусо́къ*, *-ска́*, *знато́къ*, *-а́*; *коне́цъ*, *-нца́*; *голи́къ*, *-а́*, *ямщи́къ*, *-а́*; *коротышъ*, *-а́*; *кремёнь*, *-мня́*; *буква́рь*, *-я́*. Тому же закону слѣдуютъ имена съ приставкой *ей*: *ручёй*, *-чья́*, *соловёй*, *-вья́*.

И наоборотъ:

Ко́ршунъ,-а; пре́докъ,-дка; бра́тецъ,-тца; я́щикъ,-а; перево́дчикъ,-а; мя́кишъ,-а; па́рень,-рня; у́лей,-лья. Сюда же относятся и имена на *тель;* напр. *гада́тель, строи́тель* (кромѣ множественнаго числа словъ: *учи́тель, смотри́тель, служи́тель*).

Я назвалъ этотъ законъ довольно общимъ, потому что есть только двѣ наставки, при которыхъ онъ не всегда соблюдается, именно наставки *анъ* и *инъ: стака́нъ,-а; велика́нъ,-а* (только *каба́нъ* имѣетъ въ косвенныхъ падежахъ *кабана́*); *павли́нъ,-а.* Что касается до остальныхъ окончаній, то при нихъ отступленія отъ указаннаго закона очень рѣдки; такъ *госуда́рь,-я* и т. д. Есть случаи, которые съ перваго взгляда могутъ показаться исключеніями, но въ сущности не заслуживаюсь этого названія, потому что въ этихъ случаяхъ окончаніе не есть производственная приставка, напр. слова *овра́гъ,-а; драгу́нъ,-а; черто́къ,-а; хала́тъ,-а.* Это слова не русскія и перешедшія къ намъ съ готовымъ окончаніемъ. Правда однакожъ, что иногда, не смотря на то, такое окончаніе подвергается тому же закону ударенія, какъ производственная наставка, напр. *оча́гъ,-а́* (тюркское слово); *каплу́нъ,-а́.* Вообще подобныя иностранныя имена представляютъ нѣкоторую неопредѣленность въ переходѣ ударенія, такъ что иногда въ одномъ и томъ же словѣ косвенные падежи произносятся различно, напр. говорятъ то *эта́жа*, то *этажа́*, что́ замѣчается и во множ. числѣ (*эта́жи* и *этажи́* и т. д.).

Въ словахъ *у́голъ, у́зелъ, у́горь* — удареніе переходитъ на окончаніе флексіи (*угла́, узла́, угря́*), но надо вспомнить, что въ нихъ наставка не изъ тѣхъ, о которыхъ рѣчь идетъ, или даже не есть собственно производственная наставка, и гласная только вставная: въ косвенныхъ падежахъ она пропадаетъ.

Б) Имена средняго рода.

Въ большей части первообразныхъ именъ средняго рода и въ нѣкоторыхъ производныхъ (на *ло, мо, но, ье*) замѣчательна та особенность, что единственное число по ударенію отличается отъ множественнаго, и именно:

Въ двусложныхъ словахъ удареніе съ перваго слога переходитъ во множественномъ числѣ на второй, и наоборотъ со втораго на первый, напр. *сло́во, слова́; дно́, дна́; мо́ре, моря́; по́ле, поля́; се́рдце, сердца́; весло́, вёсла; стекло́, стёкла; село́, сёла; окно́, о́кна; копьё, копья́; кольцо́, ко́льца; лицо́, ли́ца.* Замѣтимъ однакожъ, что первый случай встрѣчается въ языкѣ гораздо рѣже, нежели второй.

Въ трехсложныхъ словахъ переходъ ударенія бываетъ обыкновенно съ перваго слога на третій, напр. *о́блако, облака́; о́зеро, озера́; зе́ркало, зеркала́; де́рево, деревá*, или на средній: *о́зеро, озёра*, и съ третьяго слога на второй: *колесо́, колёса; волокно́, воло́кна; полотно́, поло́тна.*

Въ этихъ трехъ случаяхъ всего яснѣе выражается наклонность языка соединять съ удареніемъ цѣль отличенія понятій единства и множества предметовъ при одинакомъ окончаніи въ падежахъ обоихъ чиселъ.

Трехсложныя имена съ удареніемъ на среднемъ слогѣ единственнаго числа, также и четырехсложныя, всегда удерживаютъ то же удареніе и во множественномъ числѣ: *копы́то, корыто, полы́но, боло́то.*

Имена съ производственными окончаніями *анье, янье, еньe, тье, ило* принадлежитъ къ разряду негибкихъ, напр. *жела́ніе, ку́шанье, гуля́нье, пла́тье, пра́вило, правѝло* и проч.

В) Имена женскаго рода.

Различіе между единственнымъ и множественнымъ числомъ по ударенію свойственно и именамъ женскаго рода, но въ гораздо меньшей степени нежели среднимъ.

Когда въ именахъ женскаго рода съ окончаніемъ *а* или *я* удареніе у двусложныхъ на первомъ слогѣ, а у трехсложныхъ на среднемъ, то оно во множественномъ числѣ никогда не переходитъ на другое мѣсто: *би́тва, и́скра, жа́ба, карти́на, забо́та, зано́за.*

Переходъ ударенія въ подобныхъ словахъ возможенъ только

тогда, когда оно у двусложныхъ именъ на второмъ слогѣ, а у трехсложныхъ на третьемъ. Въ обоихъ случаяхъ оно во множественномъ числѣ можетъ перемѣщаться на первый слогъ, напр. *вдова́, вдо́вы; возжа́, во́зжи; гора́, го́ры; скала́, ска́лы; доска́, до́ски; борода́, бо́роды; голова́, го́ловы; полоса́, по́лосы; середа́, се́реды.*

Хотя этотъ переходъ ударенія не составляетъ общей принадлежности всѣхъ подобныхъ именъ, однакожъ можно сказать, что ему подлежитъ большая часть женскихъ двусложныхъ именъ, у которыхъ въ единственномъ числѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Но это явленіе у двусложныхъ именъ иногда отличаетъ только именительный падежъ множественнаго числа, напримѣръ въ словѣ *гора́, го́ры*, и напротивъ — *гора́мъ, гора́ми, гора́хъ;* иногда же оно принадлежитъ всѣмъ падежамъ множественнаго числа: *и́гры, и́грами, жёны, жёнамъ*. Этотъ послѣдній случай рѣже. Часто въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа возможны оба ударенія, наприм. *слёзамъ* и *слеза́мъ, ска́лами* и *скала́ми*. Разборъ частностей въ этомъ случаѣ не привелъ бы насъ ни къ какому положительному результату.

Такимъ образомъ въ именахъ женскаго окончанія нѣтъ того однообразія ударенiй во всѣхъ падежахъ одного числа, какое замѣчается въ именахъ среднихъ.

Переходъ ударенія со 2-го и 3-го слога на 1-й у женскихъ именъ бываетъ иногда и въ винительн. пад. един. числа, наприм. *доска́, до́ску; вода́, во́ду; гора́, го́ру; голова́, го́лову;* но и на это невозможно отыскать опредѣлительнаго закона. Другіе падежи единственнаго числа по ударенію всегда бываютъ сходны съ именительнымъ.

У трехсложныхъ, переносящихъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа удареніе съ 3-го слога на 1-й, и прочіе падежи этого числа принимаютъ его по однообразному закону: *борода́, бо́роды, боро́дъ, борода́мъ; голова́, го́ловы, голо́въ, голова́мъ* и проч. Сходны съ ними по ударенію два четырехсложныя: *сковорода́, ско́вороды, сковоро́дъ, сковорода́мъ* и предложное употре-

бительное только во множественномъ числѣ: *по́хороны*, *похоро́нъ*, *похорона́мъ* и проч.

Г) Имена мужескаго и женскаго рода на ь.

Мужескія имена на ь, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, *почти* всегда переносятъ это ударе́ніе на падежное окончаніе, напр. *кошёль*, *я́*; *костыль*, *я́*; *пузы́рь*, *я́*; *монастырь*, *я́*; *ломо́ть*, *мтя́*; *кремёнь*, *мня́*; *ковы́ль*, *я́*; *фона́рь*, *я́*. Это ударе́ніе сохраняетъ свое мѣсто и во всѣхъ прочихъ падежахъ обоихъ чиселъ. Сюда же относятся имена, кончащіяся на шипящія буквы, не исключая и большей части односложныхъ: *ножъ*, *ножа́*; *мечъ*, *меча́*; *кули́чъ*, *кулича́*; *шала́шъ*, *шалаша́*; *клещъ*, *клеща́*; *плащъ*, *плаща́*. Въ словѣ *мужъ* ударе́ніе переходитъ на предаточный слогъ только въ косвенныхъ падежахъ множ. числа. — Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ именахъ съ окончаніемъ *тель*.

Въ именахъ женскаго рода на ь замѣчаются два общія явленія:

1) Ударе́ніе прямой формы не измѣняется въ единственномъ числѣ и остается на томъ же мѣстѣ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. *дань*, *и*; *по́вѣсть*, *и*; *посте́ль*, *и*. Только въ мѣстномъ падежѣ един. числа у многихъ именъ, послѣ предлоговъ *въ* и *на*, ударе́ніе переносится на окончаніе *и*, наприм. *въ крови́*, *въ ночи́*, *на степи́*, *на мели́*, *на лошади́*, *на площади́*. Въ этомъ случаѣ женское окончаніе *и́* совершенно соотвѣтствуетъ мужескому *у́* въ томъ же падежѣ и послѣ тѣхъ же предлоговъ. Здѣсь кстати упомянуть о неправильности, которая по аналогіи съ мѣстнымъ падежемъ вкралась въ склоненіе подобныхъ именъ. Обыкновенно говорятъ не только: *въ Твери́*, *на Руси́*, но также *изъ Твери́*, *съ Руси́*, что́ совершенно неправильно; слѣдуетъ говорить: *изъ Тве́ри*, *съ Ру́си*, какъ говорятъ *изъ кро́ви*, *до две́ри*, а не *изъ кровй́*, *до дверй́*.

2) Въ двусложныхъ именахъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ это ударе́ніе не измѣняется и въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа: *свирѣль*, *ей*; *горта́нь*, *ей*; *печа́ль*, *ей*;

боли́знь, ей; мозо́ль, ей. Когда выпадаетъ гласная съ удареніемъ, то оно переходитъ на падежное окончаніе *любо́вь, любви́.*

3) Напротивъ въ односложныхъ именахъ и особенно въ двухсложныхъ и трехсложныхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, это ударе́ніе часто переходитъ въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа на окончаніе: *вѣсть, е́й; честь, е́й; власть, е́й; кость, е́й; дверь, е́й; печь, е́й; тѣнь, е́й; кре́пость, е́й; ло́шадь, е́й; ска́терть, е́й; по́вѣсть, е́й; вѣ́домость, е́й; про́повѣдь, е́й.*

Настоящее разсмотрѣніе показываетъ, что хотя и нельзя теоретически опредѣлить всѣхъ частныхъ видоизмѣненій перехода ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ, однакожъ и это явленіе подчинено извѣстнымъ условіямъ, зависящимъ: 1) отъ числа слоговъ имени; 2) отъ производства его и образованія; 3) отъ степени его употребительности; 4) отъ мѣста ударенія въ прямой формѣ единственнаго числа, и 5) отъ логическаго стремленія языка къ опредѣлительности окончаній.

Сравнивая эти выводы съ тѣми, какіе были сдѣланы мною при разсмотрѣніи глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, можно уже позволить себѣ заключеніе, что вообще къ переходу удареній наиболѣе способны у насъ слова простыя, первообразныя, выражающія понятія, близкія къ народу, и потому слова самыя употребительныя, не мудреныя, обиходныя.

III.

По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи.

Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rucksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen bearbeitet von *Dr. L. Kayssler* (Ученіе о русскомъ акцентѣ, сравнительно съ системами ударенія родственныхъ языковъ обработанное *докторомъ Л. Кайслеромъ*. Берлинъ, 1866 г., мал. 8 д. л., 97 стр.).

Книжечка эта во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прежде всего мы не можемъ не порадоваться, что нашелся ученый, хотя и не единоземецъ нашъ, который, оцѣнивъ всю важность изслѣдованія мало разработанной стороны языка, рѣшился посвятить русскому ударенію особый трудъ. Въ нашемъ филологическомъ мірѣ до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно утвердилось убѣжденіе въ многозначительности ударенія при всѣхъ проявленіяхъ законовъ языка. Въ другихъ литературахъ такое положеніе дѣла уже измѣнилось къ лучшему. «Долго», говоритъ г. Кайслеръ въ своемъ предисловіи, «на удареніе смотрѣли какъ на весьма маловажный въ языкѣ элементъ, хотя уже древній грамматистъ Діомедъ называлъ его душою рѣчи. Только въ новѣйшее время оно стало обращать на себя болѣе вниманія. Бушманъ изслѣдовалъ (1832) англійское удареніе; Гёттлингъ (1835) греческое, Гумбольдтъ — во введеніи къ труду своему о языкѣ Кави (1836) — высказалъ остроумныя замѣчанія о сущности акцента; Бётлингъ занялся въ первый разъ (1843) удареніемъ Санскрита, а Боппъ, опираясь на его приготовительныя работы, сравнилъ (1853) санскритскій языкъ съ греческимъ, литовскимъ и отчасти русскимъ, при чемъ показалъ удивительное во многихъ случаяхъ сходство. Между тѣмъ Бенлёвъ (1847) изслѣдовалъ относительно ударенія цѣлую область индо-европейскихъ языковъ» (за изъятіемъ, къ сожалѣнію, славянскихъ нарѣ-

чій) «и установилъ теорію, которую впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Вейллемъ старался еще болѣе утвердить въ примѣненіи къ латинскому. Но вопросы, такимъ образомъ возбужденные, еще далеко не рѣшены окончательно». — Г. Кайслеръ надѣется, что трудъ его послужитъ началомъ матеріала, который необходимо собрать, прежде нежели можно будетъ вполнѣ уразумѣть сущность разнообразнаго русскаго ударенія. Но главная цѣль брошюры — практическая. Авторъ желаетъ доставить облегченіе изучающему языкъ на практикѣ, «дать ему путеводную нить въ хаосѣ русскаго ударенія и показать, что есть границы трудностямъ». Онъ имѣлъ въ виду представить особенно подвижность русскаго ударенія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; книжка его должна составлять дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ русскимъ грамматикамъ, которыя всѣ, какъ онъ замѣчаетъ, съ пренебреженіемъ относятся къ ударенію. — Какими же средствами располагалъ для этого г. Кайслеръ и въ какой мѣрѣ достигъ своей цѣли?

Въ самомъ началѣ своего предисловія онъ жалуется, какъ трудно иностранцу усвоить себѣ въ русскомъ языкѣ правильное удареніе, и сожалѣетъ, что русскія книги давно уже печатаются безъ означенія выговора въ этомъ отношеніи. Мало знакомый съ живымъ русскимъ языкомъ, почтенный авторъ могъ положить въ основаніе своихъ наблюденій только словари и грамматики, да показанія немногихъ лицъ, знающихъ языкъ практически, къ которымъ онъ обращался за справками. Изъ русскихъ грамматистовъ Востоковъ болѣе другихъ останавливается на удареніи, и потому понятно, что г. Кайслеръ преимущественно пользовался его грамматикой. Что касается до нашихъ посильныхъ опытовъ по тому же предмету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ и воспроизведенныхъ выше въ настоящемъ сборникѣ, то они остались неизвѣстны автору разбираемой брошюры [1]).

[1]) На это уже было указано въ *Slavisches Centralblatt* 1866, № 50, гдѣ помѣщенъ небольшой разборъ книжки г. Кайслера

Брошюра эта состоитъ изъ шести отдѣловъ, которые озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

1) Общія начала ученія объ акцентѣ.
2) Общая характеристика русскаго ударенія.
3) Удареніе въ склоненіи существительныхъ.
4) Удареніе прилагательныхъ.
5) Удареніе глаголовъ.
6) Удареніе въ словообразованіи.
7) Энклизисъ.
8) Списокъ подобозвучныхъ словъ, отличаемыхъ удареніемъ.

Въ первой главѣ показано, какъ смотрятъ на удареніе вообще нѣкоторые западные филологи, именно Бернгарди, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бенлёвъ и Боппъ. «Въ слогѣ», говоритъ Гумбольдтъ, «можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первыя два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ бы тѣлесный его видъ; удареніе же зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заклеймить произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ по себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ первому даетъ перевѣсъ, заставляетъ примыкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое цѣлое. Оба эти явленія — отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе

слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе. Удареніе больше всякаго другаго свойства языка подлежитъ двоякому вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго»[1]). Не отвергая этого взгляда, г. Кайслеръ находитъ его однакожъ идеалистическимъ и отдаетъ преимущество мнѣнію Бенлёва[2]), который между прочимъ утверждаетъ, «что первоначально мѣстомъ ударенія было послѣдне-опредѣляющее (das letzt Bestimmende), то-есть, та часть слова, которая сообщала значенію послѣднее видоизмѣненіе. Но противъ этого начала, уже и прежде заявленнаго Бенфеемъ, возстаетъ Боппъ, полагающій законъ санскритскаго ударенія въ томъ, что дальнѣйшее разстояніе акцента отъ конца слова считается благороднѣйшимъ и сильнѣйшимъ удареніемъ, законъ, который онъ признаетъ и въ греческомъ языкѣ, насколько это возможно при извѣстномъ свойствѣ этого языка, не позволяющемъ ставить акцентъ выше третьяго слога съ конца. Такъ какъ русскій языкъ по свободѣ ударенія подобенъ санскритскому, то, по мнѣнію автора брошюры, сказанный законъ ударенія относится и къ русскому. Въ этомъ взглядѣ г. Кайслеръ какъ нельзя болѣе ошибается, не замѣчая, что только теоріи, извлеченныя изъ самыхъ общихъ свойствъ ударенія, какъ напримѣръ теорія Гумбольдта, примѣнимы и къ нашему языку; тѣ, напротивъ, которыя основываются на частныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ или другимъ языкомъ, большею частью не годятся для русскаго.

Неоспоримо общее положеніе Боппа относительно трехъ системъ ударенія. Первая — логическая, которой слѣдуютъ языки германскіе, гдѣ удареніе падаетъ преимущественно на коренной слогъ слова; вторая — ритмическая, которая постоянно ставитъ

---

[1]) «О различіи организмовъ человѣческаго языка», перев. Билярскаго, Спб. 1859, стр. 151, 152.

[2]) Louis Benlœw. De l'accentuation dans les langues indo-européennes. Paris. 1847.

акцентъ на слогѣ, занимающемъ опредѣленное въ составѣ слова мѣсто (какъ въ языкахъ финскомъ, мадьярскомъ и чешскомъ, ударяющихъ на первый слогъ, и въ польскомъ, ударяющемъ на предпослѣдній); третья — свободная или грамматическая система, которою отличаются Санскритъ и, съ нѣкоторыми ограниченіями, греческій языкъ. Она свойственна также русскому и родственному съ славянскими нарѣчіями литовскому языку.

Въ русскомъ языкѣ, говоритъ г. Кайслеръ въ началѣ 2-й главы своей книжки, ударепіе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова и не зависитъ даже отъ вліянія *долготы* (количества), потому что или эта послѣдняя въ русскомъ вовсе не принимается въ разсчетъ, или чутье къ ней до такой степени пропало, что нѣтъ рѣшительно никакого протяженія въ слогахъ и всѣ они имѣютъ совершенно одинаковую долготу. Отъ этого по необходимости происходитъ, что въ русскомъ языкѣ возможенъ только одинъ родъ акцента — острый. Распространяя высказанное здѣсь замѣчаніе объ отсутствіи долготы въ русскомъ на *всѣ* славянскіе языки, авторъ брошюры опять ошибается. Извѣстно, что чешскій составляетъ въ этомъ отношеніи изъятіе. Приведемъ здѣсь слова уважаемаго чешскаго филолога Шумавскаго [1]): «Каждый языкъ представляетъ и количество и удареніе, но въ нѣкоторыхъ то и другое такъ слились, что человѣкъ, знакомый только съ однимъ такимъ языкомъ, не можетъ и представить себѣ, чтобы каждая изъ обѣихъ принадлежностей могла существовать сама по себѣ. Почти у всѣхъ Славянъ долгота (протяженіе) слилась съ удареніемъ; только у Чеховъ одно благозвучно держится рядомъ съ другимъ (не то, что одно въ другомъ). Если я говорю zdráva, то произношу удареніе, сросшееся съ долготой; когда же говорю zdravá, то уже на первомъ слогѣ акцентъ, на второмъ — долгота. У насъ, Чеховъ, удареніе всегда на первомъ слогѣ, и потому намъ не нужно означать его; напротивъ долгота, которая очень подвижна, должна быть означаема. У Русскихъ удареніе чрезвычайно разнообразно; долгота всегда соединена съ нимъ».

[1]) «Slovo o řecké mluvnici, od I. F. Šumavského», стр. 3 и 4.

Взглядъ г. Шумавскаго относительно русскаго языка совершенно согласенъ и съ нашимъ, уже прежде выраженнымъ мнѣніемъ [1]), что ударяемый слогъ всегда бываетъ и нѣсколько протяжнѣе прочихъ [2]). Это чувствуется особенно тогда, когда на слово падаетъ логическое удареніе. Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина:

«Я помню *чудное* мгновенье.
Передо мной явилась *ты*,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты»

Не ясно ли, что въ первыхъ двухъ стихахъ слова́, отмѣченныя курсивомъ, должны произноситься протяжнѣе остальныхъ? Но такъ произносится не цѣлое слово *чудное*, а только тотъ слогъ его, на которомъ лежитъ удареніе. Въ остальныхъ же двухъ стихахъ, правда, нѣтъ словъ, требующихъ особенно протяжнаго выговора; тѣмъ не менѣе и тамъ слоги ударяемые произносятся нѣсколько медленнѣе прочихъ. Отъ умѣнья выбирать слово, которое должно быть отмѣчено логическимъ удареніемъ, зависитъ главнымъ образомъ самое искусство чтенія.

Но различіе протяженія слоговъ въ русскомъ языкѣ этимъ не ограничивается: хотя слогъ безъ ударенія и не можетъ быть долгимъ, однакожъ не всѣ слоги неударяемые равны между собою по степени краткости. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы пріищемъ два такія слова, въ которыхъ одному и тому же слогу придется стоять то послѣ, то прежде ударяемаго.

Таковы, напримѣръ, слова: *мыш-ка* и *ка-мышъ;* для повѣрки, одинаково ли дологъ слогъ *ка* въ обоихъ этихъ словахъ, будемъ произносить каждое изъ нихъ нѣсколько разъ сряду:

Мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка.
Ка-мыш- ка-мыш- ка-мыш- ка-мышъ.

---

[1]) См. выше стр. 345.

[2]) Ломоносовъ не вполнѣ былъ неправъ, когда онъ сказалъ: «Въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки» (*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*). Въ первой половинѣ этого замѣчанія надобно было только прибавить слова́ *могутъ быть*.

Читая первую строку, мы увидимъ, что въ ней слогъ *ка* слишкомъ коротокъ для слова *камышъ;* читая же вторую строку, убѣдимся, что тутъ слогъ *ка* слишкомъ дологъ для слова *мышка.*

Тотъ же результатъ получимъ, произведя такой опытъ надъ словами *рáно* и *норá*, *тёлка* и *котёлъ*, *тóполь* и *палътó*, или надъ трехсложнымъ словомъ *заслóнка* и соотвѣтствующими ему двумя словами: *козá*, *слонъ*. Многократное повтореніе ихъ покажетъ, что слогъ *ка* или *ко* безъ ударенія имѣетъ въ обоихъ случаяхъ неравную степень краткости. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что когда слогъ съ неударяемымъ *а* или *о* слѣдуетъ за удареніемъ, то онъ въ произношеніи бываетъ короче, нежели когда стоитъ впереди.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе о совершенномъ равенствѣ русскихъ слоговъ въ отношеніи къ долготѣ подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Останавливаясь на свободѣ русскаго ударенія по мѣсту его, г. Кайслеръ выбираетъ для примѣра древній, распространенный по всѣмъ почти индо-европейскимъ языкамъ корень *вѣд*, и показываетъ, что удареніе можетъ стоять на всѣхъ составныхъ частяхъ слова:

а) на *корнѣ:*
вѣ́дать, вѣ́домо, увѣ́домить, извѣ́стіе.
б) на *окончаніи:*
увѣдомля́ть, заповѣдно́й, вѣстово́й, извѣсти́ть.
в) на *предлогѣ:*
выи́вѣдать, за́повѣдь, по́вѣсть.
г) на *приставкѣ:*
бла́говѣстить.

«Этотъ примѣръ», замѣчаетъ авторъ, «заимствованъ изъ словопроизведенія. Но русское удареніе такъ же свободно въ склоненіи и спряженіи.... Очевидно, что эта свобода проистекла изъ того воззрѣнія, что различныя составныя части слова имѣютъ равную цѣнность (einen gleichen Werth) и что удареніе зависитъ

отъ другихъ условій, а не отъ идеальной оцѣнки (von der ideellen Werthschätzung) слоговъ. Впрочемъ», прибавляетъ онъ, «надобно тотчасъ же замѣтить, что въ настоящемъ состояніи языка большинство русскихъ существительныхъ утратило подвижность ударенія».

Съ послѣднимъ взглядомъ трудно согласиться. Произношеніе, какъ составляющее самую живую и живучую сторону языка, менѣе всѣхъ прочихъ стихій его подвержено измѣненію. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ для сравненія нынѣшняго выговора въ отношеніи къ акценту съ тѣмъ, какой господствовалъ въ древнемъ народномъ языкѣ; но судя по тому, какъ еще и въ наше время подвижно удареніе въ коренныхъ и первообразныхъ русскихъ словахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобъ эта подвижность была гораздо значительнѣе въ древности. Что же касается до менѣе отдаленнаго отъ насъ періода, когда началъ развиваться русскій письменный языкъ, то мы не замѣчаемъ съ того времени большихъ перемѣнъ въ удареніи словъ; но и тѣ, которыя замѣчаемъ, ведутъ къ совершенно противоположному заключенію, то есть, что въ письменномъ языкѣ, по примѣру народнаго, подвижность ударенія усиливается. Нѣкоторыя невѣрныя ударенія, которыя допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, особенно Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ *быстро́* вм. *бы́стро*[1]). Правда, что такъ какъ языкъ въ позднѣйшую эпоху своего развитія обогащается по большей части второобразными словами (напримѣръ, именами оканчивающимися на *ніе*, *ность*, *ство*, *тель*, или предложными глаголами), то значительная часть новыхъ словъ является безъ подвижнаго ударенія. Но съ другой стороны, подвижное удареніе, какъ преимущественная принадлежность народнаго языка, болѣе и болѣе вторгается въ языкъ литературный по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній обогащается заимствованіями изъ перваго.

---

[1]) Соч. Сумарокова, ч. X, стр. 76 и 90, и *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 148.

Такъ, еще Ломоносовъ ввелъ *лѣта́* (множ. число) вмѣсто *лѣта*, на что́ несправедливо жаловался Сумароковъ, воображая, что это взято изъ малороссійскаго нарѣчія[1]). Подобно тому и въ наше время стали писать, согласно съ произношеніемъ просторѣчія: *учителя́*, *профессора́*, вмѣсто: *учи́тели*, *профе́ссоры*, что́ прежде считалось единственно правильнымъ въ книжномъ языкѣ. Въ 18-мъ вѣкѣ всѣ писали: *во́йски*, *вѣ́ки*, а теперь пишутъ: *войска́*, *вѣка́*.

По поводу своего замѣчанія о свободѣ русскаго ударенія, г. Кайслеръ сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ и приходитъ къ тому выводу, что послѣдній какъ богатствомъ формъ, такъ и разнообразіемъ акцента значительно превосходитъ первый. Предоставляя повѣрку этого мнѣнія знатокамъ литовскаго языка, къ которому авторъ и далѣе не разъ обращается для сравненія, остановимся только на томъ, что́ прямо относится къ главному предмету книжки.

Въ отношеніи къ вопросу о ходѣ развитія ударенія авторъ продолжаетъ: «Обстоятельство, что новыя слова, какъ бы искусственно образованныя посредствомъ производственныхъ окончаній и сложеній, имѣютъ неподвижное ударе́ніе, заставляетъ предполагать, что въ самомъ отдаленномъ періодѣ языка подвижность акцента была общимъ явленіемъ; но есть многія, несомнѣнно весьма древнія слова, не имѣющія подвижнаго ударенія». Ясно, что послѣднимъ замѣчаніемъ опрокидывается только-что высказанное предположеніе, составляющее основную мысль всей книжки. Также произвольны заключенія автора о постепенномъ ослабленіи энергіи ударенія, выводимыя изъ того, что въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода оно переходитъ съ послѣдняго на средній слогъ, а не на первый, какъ въ другихъ словахъ древнѣйшаго образованія, — что напримѣръ говорятъ: *остро́ту*, *остро́ты*, не такъ какъ въ словѣ *сковорода́*, гдѣ ударе́ніе въ извѣстныхъ падежахъ перескакиваетъ на первый слогъ, такъ что произносятъ: *ско́вороду*, *ско́вороды*. Мы уже видѣли, что г. Кайслеръ, руковод-

[1]) Соч. Сумар., ч. X, стр. 26.

ствуясь сужденіемъ Боппа о Санскритѣ, приписываетъ такому ударенію и въ русскомъ языкѣ значеніе особеннаго достоинства и энергіи; но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что переносъ ударенія съ третьяго или даже съ четвертаго слога на первый бываетъ у насъ только въ немногихъ именахъ женскаго рода, отличающихся особеннымъ образованіемъ, именно когда въ корнѣ буква *л* или *р* стоитъ между двухъ *о* или двухъ *е*, окончаніе же слова образуется голою гласной *а*, приложенной къ корню. Вотъ чуть ли не всѣ такія слова: *борода́*, *борона́*, *голова́*, *полоса́*, *сковорода́*, *сторона́*, *желъза́*, *середа́;* они, собственно говоря, двухсложныя (*брада́*, *глава́* и проч.) и удлинены только вслѣдствіе свойственнаго русскому языку полногласія, при которомъ ударѐніе переходитъ нерѣдко на дополнительную гласную. Такъ произносятся въ единственномъ числѣ имена мужескаго рода: *го́лосъ*, *во́лосъ*, *го́родъ*, *бе́регъ*, *ве́редъ;* у нихъ во множественномъ числѣ происходитъ обратное явленіе: акцентъ переносится съ перваго слога на третій — *голоса́*, *волоса́*, *города́*, *берега́*, *вереда́*. Можно ли же сказать, что тутъ въ ударѐніи замѣчается менѣе энергіи, чѣмъ при обратномъ его движеніи въ словахъ: *бо́роды*, *го́ловы* и проч.? Еще большее разстояніе перескакиваетъ ударѐніе въ словахъ: *ко́локолъ*, *о́корокъ*, *те́теревъ*, которыя въ множественномъ числѣ произносятся: *колокола́*, *окорока́*, *тетерева́*.

Что касается до переноса ударенія съ третьяго слога на второй въ словѣ *острота́*, (*остро́ту*, *остро́ты*), то г. Кайслеръ, справедливо признавая въ этомъ явленіе новѣйшаго происхожденія, ошибочно видитъ тутъ ослабленіе энергіи ударенія. Мы уже показали, что здѣсь образованіе слова не даетъ никакого повода къ переносу ударенія на первый слогъ; на второй же оно переносится по логическому началу, которое съ теченіемъ времени все болѣе пріобрѣтаетъ силы въ языкѣ: здѣсь ясно намѣреніе отличить именительный падежъ множественнаго числа (*остро́ты*) отъ родительнаго единственнаго (*остроты́*) по примѣру многихъ именъ женскаго рода; съ именительнымъ же множеств. сходенъ по ударенію и винительный единств. Въ доказательство новости этого

ударенія г. Кайслеръ ссылается на то, что о немъ не упоминаютъ наши грамматисты; но настоящая причина этого умалчиванія заключается скорѣе въ томъ, что вообще грамматисты наши, по крайней мѣрѣ прежніе, мало обращали вниманія на живой языкъ и справлялись съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ съ словарями и съ трудами своихъ предшественниковъ по грамматикѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что при окончаніи *отá* удареніе можетъ переходить на *о* только тогда, когда слова, такъ оканчивающіяся, означаютъ уже не отвлеченное свойство, а осязательный предметъ (получаютъ конкретное значеніе), напримѣръ *красóты*. По этой же причинѣ и слово *сиротá* можетъ въ извѣстныхъ падежахъ произноситься съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Подтвержденіе любимой мысли своей о первобытной свободѣ ударенія г. Кайслеръ находитъ въ русскихъ народныхъ пѣснях. Въ нихъ, по его словамъ, вовсе не нужно, чтобы ритмическій акцентъ совпадалъ съ правильнымъ словоударéніемъ: каждая пѣсня, говоритъ онъ, представляетъ десятки случаевъ, въ которыхъ этого не бываетъ, и по видимому полагается даже особенная заманчивость въ томъ, чтобъ одно и то же слово произносить то такъ, то иначе. Въ примѣръ особенностей пѣсеннаго ударенія онъ приводитъ отрывокъ изъ одной былины, въ которой слова *бояре*, *богатыри* и *девять*, нѣсколько разъ повторяющіяся, иногда произносятся *бóяре*, *богáтыри*, *девя́ть*. Намъ кажется, что такъ какъ языкъ стихотворный и особенно пѣсенный у всѣхъ народовъ пользуется своими исключительными льготами, то и нарушенія акцента, въ немъ допускаемыя, не могутъ служить въ пользу положенія автора. Всякому, кто слышалъ, какъ русскій народъ поетъ или, по его выраженію, *играетъ* свои пѣсни, извѣстно, что часто въ одномъ и томъ же стихѣ иное слово произносится, при повтореніи напѣва, то съ однимъ, то съ другихъ удареніемъ, но такого разнообразнаго произношенія обыкновенная рѣчь не знаетъ. По нашему мнѣнію, въ пѣсенномъ языкѣ слѣдовало обратить вниманіе на другаго рода отличіе ударенія, именно на то, что въ немъ нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *молодецъ* и *дѣвица*, постоянно

выговариваются съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ обиходной рѣчи. Сюда относится и тотъ случай, когда неполныя прилагательныя (*крáсенъ*, *ясенъ*), будучи употребляемы въ пѣсняхъ не какъ сказуемыя, а какъ опредѣлительныя, носятъ ударѐніе на послѣднемъ слогѣ, такъ что поющій выговариваетъ: *ясёнъ соколъ*, *бодрá мóлодца*, *чистó поле*, *синя́ моря*, при чемъ существительное, когда въ немъ не болѣе двухъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ, становится даже энклитическимъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ, которое, конечно, было общею принадлежностью древняго русскаго языка.

Высказавъ нѣсколько теоретическихъ положеній о русскомъ ударѐніи на основаніи изслѣдованій западныхъ филологовъ надъ другими языками, авторъ брошюры переходитъ къ разсмотрѣнію акцента во флексіяхъ, и прежде всего въ склоненіи именъ существительныхъ. Нельзя не пожалѣть, что вмѣсто того онъ не поставилъ впереди главу объ удареніи въ словообразованіи, которая у него отброшена къ концу труда. Прежде разсмотрѣнія перехода ударѐнія въ падежахъ естественнѣе было бы заняться произношеніемъ именъ въ прямомъ падежѣ и потомъ уже обратить вниманіе на измѣненія акцента въ другихъ падежахъ. Тогда, можетъ-быть, г. Кайслеръ пристальнѣе всмотрѣлся бы въ образовательныя окончанія именъ и избѣгъ бы многихъ промаховъ при изъясненіи словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, вліяніе окончанія на ударѐніе незамѣтно. Въ списокъ этихъ словъ попало у него довольно большое число такихъ именъ, гдѣ переносъ ударѐнія въ косвенныхъ падежахъ зависитъ рѣшительно отъ окончанія. Вотъ эти имена:

Кор-абль, гол-авль, жур-авль,
бур-авъ, рук-авъ,
рыч-агъ,
боч-аръ, гонч-аръ, ком-аръ, мал-яръ,
кис-ель, коб-ель, кош-ель, щав-ель,
каранд-ашъ, торг-ашъ, шал-ашъ,

паст-ухъ, пѣт-ухъ,
боб-ыль, горб-ыль, ков-ыль, кост-ыль.

Такимъ же образомъ въ помянутый списокъ именъ, переносящихъ удареніе на падежное окончаніе, вошло и нѣсколько такихъ, кои либо въ нѣкоторыхъ, либо и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ удерживаютъ удареніе на корнѣ, напримѣръ слова: *альтъ*, *басъ*, *бантъ*, *ланъ*, *овощъ*, *часъ*. Всякій Русскій скажетъ: пѣть *ба́сомъ*, *а́льтомъ*, а не басо́мъ, альто́мъ[1]). *Бантъ* во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на первомъ слогѣ. *Лань*, единственное имя женскаго рода, попавшее въ этотъ списокъ, ни въ одномъ падежѣ не переноситъ ударенія на послѣдній слогъ. *Овощъ* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа держитъ удареніе на первомъ слогѣ, а во множественномъ числѣ только въ косвенныхъ падежахъ *можетъ* переносить его на окончаніе. *Часъ* въ родительномъ единств. числа произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ только при количественномъ или дробномъ числительномъ: *два*, *три*, *четверть часа*; въ другихъ же случаяхъ говорятъ *ча́са*, напримѣръ *до втораго ча́са*, и *ча́су;* въ дательномъ и творительномъ единственнаго числа удареніе ставится также на первомъ слогѣ: *къ этому ча́су*, *цѣлымъ ча́сомъ*.

Подобные замѣченнымъ недосмотры въ разбираемой брошюрѣ показываютъ, что автору недоставало живаго знакомства съ русскимъ языкомъ; когда же онъ обращался въ своемъ трудѣ къ посторонней помощи, то не всегда получалъ вѣрныя указанія. Такъ и въ спискѣ именъ жен. рода на *а́*, переносящихъ въ вин. падежѣ един. числа удареніе на предыдущій слогъ, помѣщены, напримѣръ, слова: *руда́*, *свинья́*, тогда какъ никто не скажетъ *ру́ду*, *сви́нью;* въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ, тутъ же приведенныхъ безъ всякой оговорки, удареніе допускается двоякое; напримѣръ, говорятъ: *о́вцу* и *овцу́*, *ро́су* и *росу́*, *щёку* и *щеку́*. Такимъ же образомъ, исчисляя неполныя прилагательныя, которыя въ полной

[1]) Эти два слова въ нѣкоторыхъ падежахъ употребляются однакожъ и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ Припомнимъ стихъ Крылова. «Достали, нотъ, баса́, альта́, двѣ скрыпки»

формѣ носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (*воронóй*, *гнѣдóй*, *голубóй*), онъ приводитъ между прочимъ такія, по крайней мѣрѣ малоупотребительныя, если не совсѣмъ невозможныя въ русскомъ языкѣ формы *вóронъ*, *гнѣдъ*, *гóлубъ*. Въ другомъ спискѣ, при прилагательномъ *сóлонъ* не пояснено, что вмѣсто неупотребительной полной формы его служитъ причастіе *солёный*. Останавливаться на всѣхъ такого рода пропускахъ и промахахъ книжки г. Кайслера было бы слишкомъ долго и для читателей безплодно. Выписанные нами примѣры достаточно убѣждаютъ, что г. Кайслеръ не располагалъ всѣми нужными для выполненія своей задачи матеріалами.

Представляя по большей части только списки словъ, подходящихъ относительно ударенія подъ одинъ и тотъ же случай, онъ вообще справедливо жалуется на отсутствіе общихъ примѣтъ, по которымъ можно бы опредѣлять мѣсто ударенія. «Одинъ внѣшній признакъ», говоритъ онъ, «можно указать только въ томъ, что имена отглагольныя, изъ старославянскаго перешедшія въ книжный языкъ, а равно имена сложныя имѣютъ большею частью неподвижное удареніе, тогда какъ многія иноязычныя слова, особенно же односложныя, имѣютъ также и подвижное удареніе. По большей части, однакожъ далеко не всегда, удареніе измѣняютъ слова, носящія его на послѣднемъ слогѣ». Здѣсь, во-первыхъ, не ясно, какія именно отглагольныя имена разумѣетъ авторъ; если это имена дѣйствія, оканчивающіяся на *ніе*, то почему онъ считаетъ ихъ вообще заимствованными изъ славянскаго языка? Во-вторыхъ, односложность иноязычныхъ словъ никакъ не служитъ признакомъ подвижности ихъ ударенія, ибо ежели и есть нѣсколько такихъ именъ, на которыхъ это наблюденіе оправдывается (напримѣръ, *руль-я́*, *балъ-ы́-óвъ*), то гораздо большее число ихъ никогда не измѣняетъ ударенія (напримѣръ, *залъ*, *бантъ*, *ботъ*, *брикъ*, *шквалъ*, *штофъ*, *блокъ*, *классъ*, *рейсъ*). Что же касается до замѣчанія, что въ русскомъ языкѣ удареніе чаще переходитъ съ послѣдняго слога на предыдущіе, нежели наоборотъ, то справедливость его неоспорима.

До какой степени законы *свободнаго* ударенія трудно уловить не только въ русскомъ, но и въ другихъ языкахъ, гдѣ оно существуетъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Каслера: «Въ трудахъ Боппа и Бенлёва заключается небольшое только число, можетъ-быть, превосходно подобранныхъ примѣровъ, ведущихъ къ заключеніямъ, по которымъ все-таки нельзя вполнѣ удостовѣриться, подтверждаются ли они всею областью языка. Случается, что доказательствамъ на иное правило можно противопоставить такое множество исключеній, что поневолѣ приходитъ на мысль, не на сторонѣ ли послѣднихъ надо искать правила, если только давать силу численнымъ доказательствамъ, такъ какъ очень часто бываетъ и тотъ случай, что отъ древнѣйшаго состоянія языка остались лишь немногіе слѣды. Но разсматривая богатство ударенія въ русскомъ и литовскомъ языкахъ и въ немъ тѣ крупныя общія черты, которыя встрѣчаются и въ Санскритѣ, нельзя сомнѣваться, что въ первобытномъ состояніи эти языки отличались великимъ разнообразіемъ акцентуаціи, которое мало-по-малу исчезло, но которое прежде раздѣленія языковъ достигло періода полнаго органическаго развитія и господства. Если Боппъ за преобладающее начало санскритскаго акцента принимаетъ удареніе надъ началомъ слова, и если съ другой стороны мнѣніе Беплёва о вліяніи «послѣдняго опредѣляющаго» на акцентъ подтверждается тѣмъ, что въ четырехъ языкахъ (считая и греческій) удареніе часто падаетъ на падежныя окончанія, то само собою представляется объясненіе, что ни того, ни другаго начала нельзя признавать безусловно, правда же оказывается въ серединѣ, то есть, что корень и окончаніе флексій равно опредѣляли акцентъ и что все дѣло въ рѣшеніи, по какимъ законамъ то или другое брало перевѣсъ. Бенлёвъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ «слабость» санскритскаго акцента, и между ними выдающуюся роль играютъ тѣ случаи, въ которыхъ какая-нибудь форма или отдѣльное слово употребляется съ двоякимъ акцентомъ. Впрочемъ выраженіе «слабость» выбрано неудачно, потому что здѣсь надо означить конечный полюсъ, которому противоположенъ дру-

гой... Случаи, приводимые Бенлёвомъ, служатъ прямымъ доказательствомъ того мнѣнія, что удареніе опредѣляется не *однимъ* единовластнымъ, но двумя взаимно дѣйствующими началами».

Замѣчаніе это отчасти справедливо и въ отношеніи къ русскому языку: разница только въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ такъ называемаго Боппомъ сильнаго ударенія, то-есть, такого, которое предпочтительно падало бы на извѣстное мѣсто словъ, и есть не два, а нѣсколько разнообразныхъ началъ, отъ которыхъ оно зависитъ. При другомъ случаѣ нами была уже сдѣлана попытка опредѣлить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ началъ; мы показали напримѣръ, что соединеніе имени съ предлогомъ въ одно слово всегда отнимаетъ у окончанія *окъ* или *екъ* удареніе: *сни́мокъ*, *спи́сокъ*, *свёто́къ*, *просёлокъ*, *доба́вокъ*, тогда какъ при отсутствіи слитнаго предлога имена съ этимъ окончаніемъ, особливо двусложныя, почти всегда передаютъ ему удареніе: *толчо́къ*, *комо́къ*, *куро́къ*, *конёкъ*, *порошо́къ*, *кошелёкъ*, и проч. Или еще: всякій предлогъ въ началѣ первообразнаго имени, кончащагося на ъ, будь оно муж. или жен. рода, принимаетъ удареніе (исключеній почти нѣтъ): *при́стань*, *по́вѣсть*, *у́тварь*, *и́згородь*, *о́чередь*, *перечень*. Въ именахъ первообразныхъ гласная кореннаго слога иногда рѣшаетъ мѣсто ударенія; такъ, буква *е* въ именахъ средняго и женскаго рода обыкновенно отбрасываетъ удареніе на окончаніе: *весло́*, *стекло́*, *пшено́*, *село́*, *веретено́*, *метла́*, *жена́*, *пчела́*, *сестра́*, *весна́*. Въ именит. падежѣ мн. ч. эти имена, напротивъ, переносятъ удареніе на гласную *е*: *вёсла*, *стёкла*, *сёла*, *веретёна*, *мётлы*, *жёны*, *пчёлы*, *сёстры*[1]). Такъ и въ глаголахъ, особенно первообразныхъ, гласная, предшествующая окончанію, имѣетъ вліяніе на удареніе: буквы *о* и *у* въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ить* обыкновенно передаютъ ему удареніе, а во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени сами принимаютъ его: *ходи́ть*, *води́ть*, *городи́ть*, *проси́ть*, *носи́ть*, *лови́ть*, *души́ть*, *сучи́ть*, *куси́ть*, *суди́ть*, *руби́ть*, *ту-*

[1]) См. выше стр 388—391.

пи́ть, и: *хо́дишь*, *во́дишь*, *ду́шишь*, *су́чишь* и проч. Привычка переносить въ такихъ случаяхъ удареніе на *о* такъ велика, что и въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ слогъ, передъ *ить* имѣетъ букву *а*, эта послѣдняя въ наст. времени превращается въ *о*, такъ что народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говоритъ: *ко́тишь*, *пло́тишь*, *со́дишь*, *до́бришь*, *во́ришь*, *во́лишь* вм. *ка́тишь*, *пла́тить*, *са́дишь*[1]) и проч. Въ глаголахъ любопытно то обстоятельство, что 1-е лицо ед. ч. наст. времени (почти безъ изъятій) имѣетъ общее удареніе съ неопред. наклон., тогда какъ въ слѣдующихъ лицахъ это удареніе часто переходитъ на предпослѣдній слогъ. Примѣромъ тому могутъ служить приведенные сейчасъ глаголы. Такой переходъ ударенія составляетъ необходимое явленіе въ тѣхъ глаголахъ, кончащихся на *ать*, у которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоитъ измѣняющаяся въ наст. врем. согласная, напримѣръ: *вязáть*, *дремáть*, *писáть*, *плясáть*, *трепетáть*, *хохотáть*, *лепетáть*, *клеветáть*, *щебетáть*, *искáть*: *вяжу́*, *дремлю́*, *пишу́* и т. д., и *вя́жешь*, *дре́млешь*, *пи́шешь* и проч. Между подобными глаголами есть однакожъ и такіе, которые уже и въ неопред. наклон. держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; таковы: *плакáть*, *мáзать*, *сы́пать*. Съ другой стороны, между ними есть два, которые въ неопред. имѣютъ ударенія на окончаніи, но переносятъ его уже и въ 1-мъ лицѣ наст. врем.: *алкáть*, *áлчу*; *колебáть*, *колéблю*. Отчего же не *алчу́*, *колеблю́*? Тутъ-то и видно часто неуловимое разнообразіе началъ русскаго ударенія. Хорошимъ примѣромъ этого разнообразія можетъ также служить приведенный г. Кайслеромъ, какъ показано въ началѣ нашей статьи, корень *вѣд*, который, служа къ образованію множества словъ, то самъ принимаетъ удареніе, то уступаетъ его разнымъ другимъ частямъ именъ и глаголовъ. Этотъ же самый примѣръ можетъ быть употребленъ въ доказательство того, какъ мало удареніе въ русскомъ языкѣ зависитъ отъ той долготы, которая, какъ обыкновенно принимаютъ, первоначально была связана съ нѣкоторыми

[1]) См. выше стр. 333.

гласными, особенно съ *ѣ*. Соотношеніе долготы съ удареніемъ разсмотрѣно очень остроумно въ изслѣдованіи г. Каткова — *Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка:* для опредѣленія долгаго слога въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прибѣгаетъ къ сравненію съ чешскимъ, гдѣ долгота лучше всего сохранилась; но и это не приводитъ его ни къ какому положительному результату, ибо если въ прямой формѣ слова русское удареніе иногда и сходится съ чешской долготой, за то въ флексіяхъ это совпаденіе совершенно исчезаетъ, изъ чего ясно видно, какъ мало значенія въ русскомъ языкѣ первоначальная долгота имѣетъ для ударенія.

При разсмотрѣніи перехода ударенія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ упущенъ г. Кайслеромъ изъ виду одинъ весьма замѣчательный случай, состоящій въ томъ, что имя, носящее удареніе на послѣднемъ слогѣ, переноситъ его на предыдущій при сложеніи съ предлогомъ или какимъ-либо другимъ словомъ. Возьмемъ, напримѣръ, имена сущ. *житіе*, *бытіе* и прилагат. *земно́й*, *головно́й*, *слѣпо́й*, *морско́й*, *островско́й*. Составивъ изъ нихъ предложныя или сложныя имена, получимъ: *прожи́тіе*, *сожи́тіе*, *событіе*, *подзе́мный*, *средизе́мный*, *уголо́вный*, *подслѣпый*, *примо́рскій*, *замо́рскій*, *васильеостро́вскій*. Это одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ удлиненіе слова дѣйствуетъ на удареніе.

Въ замѣчаніяхъ г. Кайслера о предложныхъ глаголахъ приведено 18 причастій, передающихъ удареніе предлогу: «*взо́ткнутъ*, *взо́рванъ*[1]), *во́нанъ*, *за́званъ*» и проч. Отъ вниманія автора ускользнуло, что списокъ такихъ причастій можетъ быть значительно удлиненъ. Дѣло въ томъ, что, вообще говоря, причастныя окончанія *аный* (*анный*) и *утый* не терпятъ на себѣ ударенія: вко́паный, у́знанный, разо́гнанный, и́зданный, и́збранный, обо́рванный, пе́реданный, пере́гнанный, пере́сланный, смо́танный, чёсаный, пи́санный, ма́ранный, свёрнутый, изо́гнутый, разсте́гнутый, подо́ткнутый. Эти примѣры показываютъ, что не смотря

[1]) Въ этихъ двухъ словахъ, впрочемъ, удареніе падаетъ не на самый предлогъ, а на вставную гласную.

на произношеніе неопред. наклоненія (вкопáть, узнáть, мотáть, писáть, свернýть, изогнýть), удареніе въ причастіи переходитъ на предыдущій слогъ, будетъ ли онъ принадлежать глаголу или предлогу. Въ словѣ *пéреданный* оно перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ. Разность этого слова, по ударенію, съ словами *перéганный* и *перéсланный* знаменательна: соединеніе двухъ согласныхъ *гн* и *сл* даетъ опору второму *е* въ предлогѣ, и этотъ слогъ получаетъ удареніе. Противорѣчатъ общему замѣчанію о выговорѣ причастій на *анный* только слова: *желáнный*, *вѣнчáнный*, *избрáнный* и, можетъ-быть, еще весьма немногія. Причину такого отступленія въ первомъ примѣрѣ составляетъ гласная *е*, на что уже выше указано, послѣднія же слова представляютъ въ своемъ произношеніи вліяніе церковнославянскаго элемента: въ чисторусскомъ говорѣ естественнѣе произноситъ *вѣнчанный* (какъ и говорятъ: увѣ́нчанный, развѣ́нчанный), *и́збранный*. Слова *неописáнный*, *несказáнный*, получившія искусственное удареніе, плохо принялись въ языкѣ. Въ словѣ *назвáный* надобно видѣть скорѣе прилагательное, нежели причастіе.

Несостоятельность долготы, какъ основы русскаго ударенія, подтверждается, 1) многочисленностью случаевъ энклиза и 2) множествомъ словъ, имѣющихъ двоякое удареніе. Хотя г. Кайслеръ и обратилъ вниманіе на оба эти предмета, но каждый изъ нихъ требовалъ бы гораздо большей разработки. На предлогъ переходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе не только съ существительныхъ и числительныхъ, непосредственно за нимъ стоящихъ, но и съ прилагательныхъ, образующихъ въ соединеніи съ нимъ нарѣчіе, напримѣръ, *зáживо*, *замéртво*, *зáново*, *сызнóва*, *нáскоро*, *пóпусту*, *пóчасту*, *дóсыта*, *дóкрасна;* что́ опять возможно только тогда, когда удареніе въ самомъ прилагательномъ падаетъ на первый слогъ (*жúво*, *мёртво*, *нóво* и проч.). Подобный же случай представляетъ мѣстоименіе *что* въ выраженіи *ни зá что*, *ни прó что*.

Списокъ словъ, сходныхъ по звукамъ, но отличаемыхъ по ударенію, въ брошюрѣ не только не полонъ, какъ и самъ авторъ

ея сознается, но представляетъ и невѣрности или неточности. Такъ, слово *спѣшить* переведено: vom Pferde steigen; надобно было прибавить: lassen, такъ какъ *спѣшить* — глаголъ переходящій, а steigen — противоположнаго залога. При словѣ *трéтьяго* сказано: «Gen. von трéтій» и затѣмъ, какъ примѣръ инаго ударенія, приведено: «*третьяго* дня, vorgestern». Но развѣ *третьяго* (произн. *третьёва*) не есть также родительный падежъ того же числительнаго, и развѣ не говорятъ равнымъ образомъ: *трéтьяго дня?* Дѣло въ томъ, что числительное *третій* имѣетъ двоякое ударе-ніе, и не только въ род. падежѣ, но и въ именит., въ выраженіи: *самъ третéй*, — замѣчательный, едва ли не единственный случай, когда окончаніе *ій* обращается въ *ей*, точно такъ же какъ *ый* безпрестанно обращается въ *ой* (первый — первóй).

Этотъ случай наводитъ насъ на другой разрядъ словъ съ различнымъ удареніемъ, именно на такія слова, которыя, не перемѣняя значенія, произносятся однакожъ различно. Такъ одни говорятъ: *кладбúще*, другіе *клáдбище*, одни: *грáжданинъ*, другіе *гражданúнъ* и т. д. Сюда же относятся такія слова, какъ *высóко* и *высокó*, *далёко* и *далекó*, *сердúться* и *сéрдиться*, *воротá* и *воротá*, въ которыхъ перевѣсъ дается то одному, то другому началу ударенія. Всѣ подобныя слова требовали бы особаго разсмотрѣнія и пора было бы заняться рѣшеніемъ вопросе, на чемъ въ нихъ основывается различіе ударенія. Г Даль въ своей статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка[1]) выражаетъ убѣжденіе, что это различіе зависитъ первоначально отъ различія мѣстностей, гдѣ оно встрѣчается, и что въ этомъ отношеніи господствуетъ одно общее явленіе: въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ удареніе ближе къ началу словъ, въ юго-западныхъ къ окончанію. Повѣрка такого рѣшительнаго вывода требовала бы многочисленныхъ наблюденій въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи. Не позволяя себѣ прямо оспаривать его, считаемъ нужнымъ заявить однакожъ и о своемъ наблюденіи: намъ случалось замѣчать, что въ двухъ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга только на нѣ-

[1]) См. 1-й томъ его словаря.

сколько верстъ, одно и то же слово произносится различно, и наоборотъ, другое выговаривается одинаково въ двухъ губерніяхъ, находящихся на разныхъ концахъ Россіи, тогда какъ это же слово въ центральныхъ мѣстахъ имѣетъ иное произношеніе. Иногда, когда мы на мѣстахъ спрашивали у крестьянъ о произношеніи того или другаго слова, они отвѣчали нерѣшительно, и оказывалось, что слово въ одной и той же деревнѣ произносится то такъ, то иначе.

Возвращаясь къ двоякому ударенію такихъ словъ, которыя, при звуковомъ тожествѣ, имѣютъ различное знаменованіе, остановимся на одномъ замѣчаніи г. Кайслера. Не отвергая цѣли такого двоякаго ударенія, онъ однакожъ выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ логическомъ назначеніи его, такъ какъ есть довольно много словъ, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются удареніемъ, но за то въ другихъ опять совпадаютъ. «Когда напримѣръ», говоритъ онъ, «отличаютъ именит. множ. *ви́на* отъ именит. ед. *вино́*, то это конечно такъ, но родит. ед. отъ слова *вино́* (*вина́*) совершенно совпадаетъ съ именит. жен. рода *вина́*. Такихъ случаевъ множество. Съ другой стороны взглянемъ, напримѣръ, на слово *полкъ*, которое при склоненіи ударяетъ на послѣдній слогъ и потому въ дательн. пад. имѣетъ форму *полку́*. Но въ томъ же словѣ и мѣстный падежъ оканчивается на *у́*. Еслибъ языкъ вообще стремился избѣгать подобныхъ двусмыслій, то здѣсь было бы очень легко достигнуть того переносомъ ударенія или употребленіемъ правильнаго мѣстнаго падежа на *ѣ;* но такое телеологическое намѣреніе совершенно чуждо языку. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально отличалъ съ большею точностью тончайшіе оттѣнки и при этомъ не гнушался даже самыхъ тяжелыхъ формъ; но въ позднѣйшее время, когда духовное разумѣніе росло въ той же мѣрѣ, какъ исчезало богатство внѣшняго строя, языкъ очень мало заботился о томъ, вполнѣ ли достаточны формы, въ томъ сознаніи, что всѣ открывающіеся въ этомъ отношеніи пробѣлы вознаграждаются съ другой стороны. Въ отдѣльныхъ случаяхъ русскій языкъ даже очень ясно обнаруживаетъ такую небреж-

ность. Такъ, *рабъ* имѣетъ въ род. пад. *раба́*, въ дат. *рабу́*, въ именит. мн. *рабы́*. Но женское *раба́* имѣетъ въ вин. также *рабу́*, въ род. же ед. и въ им. множ. *рабы́*. Такимъ же образомъ совпадаетъ нѣкоторые падежи мужескаго *внукъ* и женскаго *внука*. Итакъ въ обоихъ случаяхъ произошло явленіе противоположное (вышезамѣченному): удареніе мѣшаетъ различенію».

Это видимое противорѣчіе въ явленіяхъ языка разрѣшается, какъ намъ кажется, очень просто. Двоякое удареніе въ подобозвучныхъ словахъ языкъ допускаетъ только тогда, когда это можетъ быть сдѣлано безъ насилія законамъ акцента; иначе пришлось бы принять, что акцентъ не имѣетъ никакого органическаго значенія, и ставится случайно, по произволу говорящаго. Но что удареніе служитъ однимъ изъ орудій мышленія, это также несомнѣнно. Если для отличенія разныхъ отношеній между предметами, для выраженія разныхъ видоизмѣненій мысли явились въ языкахъ флексіи, то почему же не могло быть употреблено для подобной же цѣли удареніе? Неестественно было бы, еслибъ умъ человѣческій пренебрегъ такимъ удобнымъ средствомъ для достиженія въ большей степени той точности и опредѣленности, къ которымъ онъ стремится въ выраженіи. Вотъ чѣмъ объясняется логическое назначеніе акцента, и очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ языка подъ вліяніемъ возрастающей строгости мышленія и анализа, логическое начало усиливается и въ этой области слова.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ замѣчаніяхъ г. Кайслера въ послѣднихъ главахъ его книжки. Вмѣсто того, чтобъ отмѣчать нѣкоторыя его ошибки и недоразумѣнія, выразимъ ему лучше признательность за то, что онъ задумалъ разработать въ системѣ и полнотѣ предметъ, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманіе. Правда, что г. Кайслеръ практическою стороною своихъ познаній не вполнѣ былъ приготовленъ для успѣшняго выполненія предпринятой имъ задачи; но не забудемъ, что онъ писалъ для иностранцевъ, а они безъ сомнѣнія могутъ найти въ его трудѣ много новыхъ и полезныхъ для себя указаній.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I.

Слова Областнаго Словаря, сходныя съ скандинавскими[1]).

Въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря найдено мною довольно много словъ, болѣе или менѣе явно сродныхъ съ словами языковъ скандинавскихъ. Не во всѣхъ случаяхъ можно утвердительно сказать, что русское слово заимствовано изъ иноплеменнаго языка; часто надобно ограничиться только признаніемъ общаго происхожденія словъ славянской породы съ словами скандинавскаго (или и вообще германскаго) семейства языковъ. Должно однакоже замѣтить, что тѣ изъ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, которыя собраны въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, особенно въ Архангельской, по большей части очевидно почерпнуты изъ этихъ языковъ.

Для нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ есть соотвѣтственныя въ двухъ или трехъ скандинавскихъ языкахъ. Въ такомъ случаѣ я избираю тотъ языкъ, въ которомъ оказывается слово самое близкое къ нашему, или отмѣчаю вообще *скандинавское* происхожденіе, если приводимое иноплеменное слово одинаково въ трехъ главныхъ языкахъ этой вѣтви, т. е. *Исландскомъ* (или старо-норвежскомъ), *Шведскомъ* и *Датскомъ*. Исландскій, какъ древнѣйшій по своимъ формамъ, всѣхъ ближе къ первоначальному, впрочемъ не сохранившемуся общему языку скандинавскихъ народовъ, и потому въ тѣхъ случаяхъ, когда можно колебаться въ выборѣ слова

[1]) Писано по вызову 2-го Отдѣленія Ак. Н. въ 1852 году

того или другаго, я предпочитаю исландскій. Четвертый отдѣлъ составляетъ народный норвежскій языкъ, содержащій въ себѣ также значительное количество словъ, которыя могутъ служить къ объясненію русскихъ.

Въ числѣ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, есть такія, которыя представляютъ родство съ словами и другихъ германскихъ языковъ: я отмѣтилъ ихъ равнымъ образомъ, такъ какъ исключить ихъ совершенно не было достаточнаго основанія. Однакожъ, если слово находится и въ другомъ германскомъ языкѣ, но у насъ гораздо ближе подходитъ къ скандинавскому, то оно такъ и означается мною.

Слова, которыя, по моему мнѣнію, дѣйствительно происходятъ отъ *скандинавскихъ* корней, отмѣчаю я звѣздочкою. При изслѣдованіи ихъ сравнивалъ я русскій языкъ и съ другими славянскими нарѣчіями.

Изъ сдѣланныхъ мною выписокъ видно, что число скандинавскихъ реченій, вошедшихъ въ составъ мѣстныхъ говоровъ Россіи, вообще незначительно: если сосчитать въ изданномъ Словарѣ всѣ слова несомнѣнно скандинавскаго происхожденія, то ихъ окажется едва ли болѣе 40. Этимъ подверждается высказанное уже прежде мнѣніе, что сношенія древней Руси съ Скандинавскимъ Сѣверомъ мало оставили слѣдовъ въ языкѣ ея народа. Но такое заключеніе нисколько не уменьшаетъ важности изученія скандинавскихъ нарѣчій для изслѣдованія языка русскаго: какъ ни мало онъ отъ нихъ заимствовалъ, однакожъ онъ находится съ ними въ весьма близкомъ родствѣ этимологическомъ, и для полнаго разумѣнія начала и состава множества русскихъ словъ нельзя обойтись безъ помощи языковъ скандинавскихъ. Остается опредѣлить точнѣе отношеніе, которое дѣйствительно существуетъ— впрочемъ наиболѣе съ лексической стороны — между нашимъ языкомъ и скандинавскими. При этомъ нельзя не вспомнить, что еще Добровскій считалъ языки старонорвежскій, датскій и шведскій тѣми изъ германскихъ нарѣчій, которыя представляютъ наиболѣе сходства съ славянскимъ.

АЛАЛА (вздоръ, бредъ[1]), **АЛАЛЫКА** (непонятно говорящій), **АЛАЛЫКАТЬ**: *сканд.* lalla, говорить съ трудомъ, непонятно. Ср. *нѣм.* lallen, *греч.* λαλέιν, *латин.* lallare.

АНКА* (галка): *шв.* anka, домашняя утка (Финское ankka, имѣющее то же значеніе, безъ сомнѣнія взято изъ шведскаго языка).

АРТЪ (толкъ, смѣтливость): *шв.* art, качество, нравъ; удача, сила, таланъ; *нѣм.* Art.

БАТЪ: *исл.* bátr, лодка.

БАУЛЪ (бочка): *шв.* bål, большая чаша, тазъ и т. п.; *анг.* bowl.

БЛЕКАВО (блѣдно): *шв.* blek, блѣдный.

БОНДЫРЬ (бочаръ): *шв.* (tunn-) bindare, обручникъ; *нѣм.* (Fasz-) Binder

БОТВА: *шв.* beta, свекла; *нѣм.* Beete. Ср. *латин.* beta.

БОТНИКЪ: *шв.* båt, лодка; *нѣм.* Boot, въ разныхъ видахъ встрѣчающееся во всѣхъ германскихъ языкахъ.

БУДКА: *исл.* bud, шалашъ. Ср. *нѣм.* Bude (корень bua, строить); *пол.* budować, строить.

БУЛГА (тревога), **БУЛГАТИТЬ** (тревожить): *исл.* bylgja. волна; *дат.* bølge, волноваться (говоря о морѣ), — *Примѣч.* Скандинавское *y* произносится какъ нѣмецкое *ü*. Датское *ø* есть то же, что нѣм. и шв. *ö*.

БУЛДЫГА (безпокойный человѣкъ): *дат.* и *анг.* bold, смѣлый.

БУЛЬБУШКИ: *шв.* bubbla, водяной пузырь. *Нѣм.* bubbeln.

БУНТЪ (множество хлѣба въ куляхъ): *шв.* bunt, пукъ, связка. *Нѣм.* Bund.

БУРАВЛЬ: *шв.* borr, буравъ. *Нѣм.* Bohrer.

БУРАКЪ* (корзина изъ сосновой драни): *шв.* burk, банка, буракъ, коробка.

БУРЛИТЬ: *шв.* porla, кипѣть, бить ключемъ, бурлить.

ВАЖАТЬ (вѣшать): *шв.* väga, вѣсить. *Нѣм.* Wage.

ГАРВА* (сѣть для ловли семги): *сканд.* garn, сѣть.

ГРАБИТЬ (сосватать): *дат.* gribe, хватать.

ГРИДНЯ* (свадебная комната): *исл.* grid, домъ, хоромы.

ГУГАЛА (качели): *шв.* gunga, качель. Ср. *хорут.* gúgati, качать.

ДРОТЪ, ДРОТЬ (проволока): *шв* tråd (нить; jern-tråd, проволока). *Нѣм.* Drath, котораго первоначальное значеніе тоже *нить* (*Шв.* jern = желѣзо).

---

[1]) Значеніе русскаго слова означаю въ скобкахъ только тогда, когда оно болѣе или менѣе отступаетъ отъ значенія сходнаго иноязычнаго слова.

ЕЛАХА (пиво): *сканд.* öl, пиво. Ср. *анг.* ale, *нѣм.* Ael, *фр.* aile. Сюда же должно отнести областныя слова: Аланя, Алаха.

ИКЛЫ (клыки, ногти у пѣтуха): *сканд.* klo, коготь. Ср. *нѣм.* Klaue.

ИКОТА: *шв.* hicka, икать. *Нѣм.* hicken.

ИНЪ (онъ, иной): *исл.* hinn, онъ, тотъ.

КАКОРКА, КАКУРА, КОКОРА (ватрушка, пышка лепешка) и проч. *исл.* kaka, пирогъ. Ср. *анг.* kake, *нѣм.* Kuchen.

КАЛДЫКА (хромой), **КАЛДЫХАТЬ, КОЛТЫНОГІЙ, КОЛДЫХАТЬ:** *шв.* halta, хромать.

КАРГА (ворона): *дат.* krage, ворона. Ср. *анг.* crow, *нѣм.* Krahe.

КАРИТЬ,-СЯ (выговаривать, жаловаться): *исл.* kaera, жаловаться, звать въ судъ. Ср. *лат.* qveri.

КЕРБЬ* (связка льну): *шв.* kärfve, связка, снопъ; *фин.* kerpo, связка изъ листьевъ или прутьевъ.

КЛЕЙНО* (клеймо): *исл.* kleima, пятно.

КЛИПЪ (подводный рифъ): *шв.* klippa, скала, особливо въ морѣ. *Нѣм.* Klippe.

КЛИТЬ (клѣть): *исл.* klefi, кладовая.

КЛЮКА (крюка): *шв.* krycka, посохъ, костыль. *Нѣм.* Krücke.

Примѣчаніе. Слово колымага, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть скандинавское, съ намѣреніемъ пропущено мною въ этомъ спискѣ. Я не могу согласиться съ авторомъ «Филологическихъ Наблюденій», который говоритъ (Разсужд. II, отд. 1-е, § 30). «Имя колымага (=hvèlvagn) сложено изъ скандинавскаго hvël, колесо, и vagn, повозка, и собственно значитъ: повозка на колесахъ». Сложное hvelvagn въ скандинавскихъ языкахъ не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться, потому что слово vagn само по себѣ уже означаетъ повозку *на колесахъ*. Притомъ слово коло есть чисто-славянское, и для объясненія его нѣтъ надобности прибѣгать къ посредству иноязычнаго hvel. Въ церковносл. колимогъ зн. шатеръ, куща (Вост.), въ древ.-русс. иногда зн. станъ (Ипат. 158: «И возвратишася во колымагы свои, рекше во станы»). Шафарикъ думаетъ, что это — сложное слово, въ которомъ первая половина *серб.* кола = (возъ), а вторая *латыш.* mahja = домъ. (Слав. древности, т. I, кн. 2, стр. 25).

КОНДА* (смолистая внутренность сосны): *шв.* kåda, *исл.* qvoda, смола. *Примѣч.* Шведское å соотвѣтствуетъ нашему *о*.

КОТУЕЪ (шалашъ), **КУТЪ, КУТЬ, КУТНИКЪ, КУТОКЪ** (уголъ): *исл.* kot, хижина;— kota, чуланъ, уголъ. *Фин.* kota, хижина;—koti,

жилище Ср. *анг.* cottage, *нѣм.* Hütte, *русс.* хата. — Сюда же можно отнести: Катухъ; сверхъ того: Закута съ его производными.

ЕРАМАРЪ*, *исл.* kramari, торговецъ. **ЕРАМЪ***, *исл.* kram, мелкій товаръ. } Ср. *нѣм.* Kram, Krämer.

КУЛЯ: *шв.* kula, пуля.

КУМКА (чайная чашка безъ блюдечка). Въ скандинавскихъ языкахъ подобное слово встрѣчается только въ сложномъ видѣ (*шв.* spilkum, полоскательная чашка); но въ нѣмецкомъ слово Kumme означаетъ вообще глубокій сосудъ, лаханку. Ср. *греч.* κύμβη; κύββα и *русс.* кубокъ.

ЛАВА, ЛАВЫ (плотъ, мостки): *шв.* lafve, нары, полокъ; *фин.* lawa, нары, помостъ; — lawo, полокъ.

ЛАДЬЯ, ЛОДЬЯ: *шв.* lodja, а также и *фин.* lotja заимствованы у Русскихъ.

ЛАГОДИТЬ, ЛАДИТЬ, -СЯ, ЛАДКА: *исл.* laga, устраивать, приготовлять, исправлять. *Фин.* laitta, съ тѣми же значеніями.

ЛАЙКА, ЛАЙКО (собака, воркунъ): *исл.* lái, хулить, охуждать.

ЛАПИКЪ, ЛАПИТЬ: *исл.* lappa, ставить заплатки.

ЛАРЬ (сундукъ): *исл* lar, ящикъ шкатулка; *фин.* laari конечно заимствовано.

ЛОГЪ (ровъ, оврагъ): *исл.* lág, углубленіе въ землѣ, ложбина.

ЛЯГА (ляжка): *исл.* leggr, лядвея. *Анг.* leg.

МЕРЁДА*, **МЕРЁТА, МОРДА** (рыболовная снасть): *шв.* mjärde; *фин.* merta есть слово заимствованное. Сюда же должно отнести слово: Нёрша, составленное изъ мерёжа съ перемѣною *ж* на *ш* и *м* на *н* (какъ въ словахъ: клейно, нимо и др.

МОЛВИТЬ: *исл.* maela, говорить; *шв.* mål, языкъ, рѣчь.

МУСЛЯТЬ* (мочить слюною): *исл.* musla, брать въ ротъ (вмѣсто munsla, отъ munnr, ротъ).

НЯМА (яма въ рѣкѣ): *исл.* nama, яма, рудникъ.

ОТЛОСТИТЬ (прибить): *исл.* liosta, бить, колотить. Сюда же можно отнести слова: лоскать и лощить.

ПАЛИ (сван): *шв.* påle, шестъ, свая; *нижне-нѣм.* Paal. Ср. *лат.* palus и сходныя слова въ другихъ языкахъ.

ПАСМА (мотушка льняныхъ нитокъ): *шв.* pasma, мотокъ. Судя по тому, что это слово находится въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, тогда какъ изъ скандинавскихъ языковъ одинъ шведскій принялъ его, надобно заключить, что оно перешло не отъ Шведовъ къ намъ, а скорѣе наоборотъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе,

что въ славянскихъ нарѣчіяхъ является и первообразное слово (пасъ = поясъ), которое теперь оказывается и въ русскихъ областныхъ словахъ: Опасъ, Опаска.

РАСКЕПИНА (щель): *исл.* skepia, дѣлить, раздѣлять. До сихъ поръ о корнѣ, заключающемся въ этомъ словѣ, можно было догадываться только по слову: раскепъ или правильнѣе: разскепъ. Ясно, что отъ того же корня произошелъ нашъ глаголъ щепать съ своими производными. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается онъ иногда и въ видѣ: скепать.

РУДА́ (что-н. грязное), **РУ́ДА** (кровь), **РУДИТЬ,-СЯ, РУДНЫЙ, РУДЫЙ:** *исл.* ryda, обмазывать, пачкать; обагрять кровію.

РУДО́Й (рыжій), **РУДѢТЬ** (краснѣть), **РУДЯНО́Й** (грязный): *исл.* raudr, красный; — rod, краснота. Ср. *анг.* red, *нѣм.* roth и *рус.* рдѣть.

РЮЖА*, РЮЗА: *дат.* ruse, рыболовная сѣть. Финское rysä заимствовано изъ скандин. языковъ. Ср. *нѣм.* Reuse.

РЮМАТЬ*, РЮМА (плакать): *исл.* rymia, ревѣть, кричать.

СКЕЯ* (анбаръ, погребъ): *исл.* skiar, пристройка для сушенія чего-либо.

СКИБА*, СКИПА: *исл.* skifa, ломоть, пластина.

СКРЫНКА, СКРЫНЯ (горшокъ, ларчикъ): *исл.* skrin, сундучекъ, ящикъ. Ср. *лат.* scrinium.

СЛЯЧА: *шв.* slask, слякоть.

СНАЧИТЬ (взять): *нар. норв.* snaka, схватить, утащить; — snak жадный. Ср. *анг.* to snatch.

СНИДОВАТЬ, СНѢДОВАТЬ (закусывать, обѣдать), **СНѢДАТЬ, СНѢДАНЬЕ:** *исл.* snád, пища, яство. Дифенбахъ въ своемъ Сравнительномъ Словарѣ готскаго языка признаетъ случайнымъ сходство между старо-славянскимъ снѣдь и старо-норвежск. snád. Если, однакожъ, принять въ разсчетъ, что это слово съ тѣмъ же значеніемъ не встрѣчается въ другихъ германскихъ языкахъ и что они равнымъ образомъ не представляютъ корня, изъ котораго бы оно естественно проистекало, то можетъ родиться вопросъ: не отъ Славянъ ли заимствовано Норманнами имя snád вмѣстѣ съ глаголомъ snaeda (исл.), кушать? Правда, въ англо-сакс. есть слова: snoed, кусокъ и snoedan подкрѣплять пищею, но и это, кажется, не даетъ права производить старо-норв. snád отъ готскаго глагола sneithan, рѣзать,—какъ сдѣлалъ Дифенбахъ, вообще слишкомъ нестрогій въ выборѣ сближаемыхъ имъ реченій. Приведенныя област-

ныя слова совершенно сходятся съ польскими: sniadać, завтракать, и sniadanie, завтракъ. Славянское происхожденіе ихъ такъ очевидно, что мысль г. Сабинина, будто снѣдь есть слово скандинавское не требуетъ опроверженія.

СНОТА* (догадка, смѣта): *исл.* snotr, благоразумный, искусный; *дат.* snu, хитрый, и snedig, лукавый. Ср. *гот.* snutrs, *англо-сакс.* snoter, *нижне-нѣм.* snóe и пр. *Нар. норв.* глаголъ snu seg, который собственно значитъ — повертываться, но также употребляется въ смыслѣ: приноравливаться, хитрить, заставляетъ предполагать, что показанныя здѣсь германскія слова находятся въ связи съ обще-скандинавскимъ глаголомъ snua (sno, snoe), вертѣть, вертѣться, быстро двигаться; а этотъ глаголъ въ самомъ тѣсномъ сродствѣ съ нашимъ сновать (Акад. Сл. «ходить, летать и плавать туда и сюда») и сноваться («соваться, бродить туда и сюда»). Родство тѣмъ болѣе несомнѣнное, что какъ скандинавскій, такъ и славянскій глаголъ имѣютъ еще другое однородное значеніе; напр. *шв.* sno, крутить, сучить (нитку и т. п.). Все сказанное позволяетъ догадываться что слово снота собственно и первоначально должно значитъ, изворотливость, хотя по законамъ нашего языка и не можетъ оно стоять въ прямомъ соотношеніи съ гл. сновать.

СПИЦА́* (спичка), **СПИЦЫНЫ** (деревянные гвозди): *нар. норв.* spik или spika, узенькій отколокъ дерева, тычинка, также лучина. Ср. *шв.* spik, гвоздь; *нижне-нѣм.* spiker, гвоздь; *голл.* spyker, гвоздь, клинъ; *анг.* spike, острый конецъ, гвоздь. Замѣчательно, что хотя во всѣхъ этихъ словахъ обнаруживается одинъ и тотъ же корень, но между германскими языками собственно только народный норвежскій представляетъ слово, которое совершенно подходитъ къ нашему спица́ или, въ общепринятомъ языкѣ, спичка. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе и *исл.* spita, деревянный гвоздь, щепка; но нельзя въ параллель съ русскимъ реченіемъ ставить *нѣм.* Spitze, въ которомъ внутреннее сходство съ нимъ ограничивается только общимъ понятіемъ острія. Отъ Spitze произошло у насъ другое слово, именно шпицъ, остроконечный верхъ.

СПРЕТЪ* (гадкій человѣкъ): *шв.* sprätt, франтъ, щеголь *Исл.* spreyta, gestibus superbus.

СТЕГА́, СТЕЖКА (проселокъ, тропинка): *исл.* stigr, тропинка. Ср. *гот.* staiga, *старо-верх.-нѣм.* stega. Изъ всѣхъ славянскихъ

нарѣчій едва ли не одно русское удержало въ этомъ словѣ коренную букву *г* безъ измѣненія въ *з* или въ *ж*.

СТОГЪ: *исл.* stackr, куча. Это слово, встрѣчающееся почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, получило въ нихъ смыслъ, по большей части ограниченный понятіемъ сѣна, но въ нашемъ областномъ, такъ же какъ въ польскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, оно наравнѣ съ старо-норвежскимъ stack удерживаетъ общее значеніе кучи. Въ нынѣшнихъ скандинавскихъ языкахъ оно приняло средній смыслъ, означая вообще стоящую въ полѣ кладь сѣна, соломы, ржи и т. п.

СТОДЪ* (идолъ): *шв.* stod, статуя. Ср. *греч.* στόα.

СТРАДА́, СТРА́ДА (рабочая пора, тяжелая работа), **СТРАДАТЬ** (трудиться), **СТРАДОВАТЬ, СТРАДОМЫЙ** и проч. *исл.* strita, работать съ усиліемъ, *нар. норв.* strita, таскать, носить тяжести; справлять тяжелую работу; — stritarbeid, тяжелая работа, для которой требуется одна сила, безъ всякаго искусства. Ср. *латыш.* strahdaht, работать, быть прилежнымъ.

СТЯГЪ* (колъ): *исл.* stiak, колъ; *дат.* stage. Ср. *старо-нѣм.* stekko, колъ, свая; *ново-нѣм* Stock, палка. Какъ наши слова: колъ, тычина происходятъ отъ колоть, тыкать, такъ и германское стягъ образовалось отъ однозначащихъ глаголовъ *нѣм* stechen и stecken. Хотя въ значеніи *знамя, хоругвь* это реченіе извѣстно и западнымъ Славянамъ («Мысли объ исторіи русскаго языка» И. И. Срезневскаго, стр. 153), однакожъ трудно не признать его иноплеменнымъ, такъ какъ оно въ славянскихъ нарѣчіяхъ стоитъ совершенно одиноко, не имѣя въ нихъ корня и не давъ отъ себя производныхъ. Понятіе о *водруженіи* знамени объясняетъ намъ связь обоихъ по видимому разнородныхъ значеній разсматриваемаго слова [1])

СУДА, СУДЕНКО, СУДКИ, СУДНИКЪ,-ЦА, СУДНІЙ, СУДНО, СУДНОВКА, СУДОВКА. Съ бо́льшею частію этихъ реченій прямо или косвенно соединяется идея посуды; однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ означаютъ просто шкафъ (судки, судовка), ящикъ (судникъ), окошко (судно). Кажется, первоначальное значеніе корня всѣхъ этихъ словъ, равно какъ и общеупотребительныхъ *судно, посуда*, и проч, заключается въ *исл.* sud, означающемъ: 1) сплоченныя доски; 2) бокъ корабля.

---

[1]) Въ значеніи знамя слово стягъ ближе соотвѣтствуетъ германскому, отъ того же корня происходящему Stange, stenge, steng и т. п., шестъ, палка, древко, и гласная нашего реченія въ этомъ случаѣ есть собственно а.

СУСОЛИТЬ (пить медленно, сосать), **СУСЛИКЪ, СУСЛЯ** (кто пьетъ понемногу) и проч. *нар. норв.* susla, плескать, болтать (мѣшая жидкость); — susl, пачкотня, бурда. Хотя *сканд* susla по смыслу и не совпадаетъ съ русскимъ сусолить, суслить, однакожъ нельзя отвергать нѣкотораго между ними родства, даже и въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ показанное здѣсь сходство и областная форма сусолить заставляютъ сомнѣваться, чтобъ г. Рейфъ правильно производилъ глаголъ *суслить* отъ *сосать*, хотя первый, въ областномъ языкѣ, и принимаетъ иногда значеніе втораго

СЫРКА́ (виноградный уксусъ): *сканд.* sur, кислый.

ТАЛОВАТЬ (воровать): *исл.* stal, прош. врем. отъ гл. stela, воровать. Ср. *англо-сакс.* stalu, *старо-нѣм.* stala и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ. *Таловать* можетъ соотвѣтствовать чужеплеменному s-tal точно такъ же какъ напр. глаголы тыкать, прыгать, относятся къ однозначащимъ съ ними s-ticka, s-pringa (шв.).

ТВОРИЛКА (квашня). Смыслъ этого слова прямо истекаетъ изъ втораго значенія глагола *творить*, какъ оно показано въ Академическомъ Словарѣ: «Разводить, размѣшивать въ водѣ. *Творить* известь. — *Творить хлѣбъ или квашню*: зн. смѣшивать муку съ водою». — Съ глаголомъ *творить* въ этомъ значеніи разительное сходство представляетъ датскій гл. tvœre, разводить, мѣшать что-либо сухое въ влажномъ, напр. «tvœre Meel i Vand» (растворять муку въ водѣ) — смѣшивать муку съ водою; въ исл. языкѣ 'pvari означаетъ скатанное комками тѣсто. Ср. русское *растворъ*, смѣшеніе чего-либо сухаго съ влажнымъ или одной влажности съ другою (Акад. Слов.). Это указаніе можетъ служить къ объясненію областныхъ словъ. тварь — мокрый и крупный снѣгъ, и творогъ — начинка. Въ послѣднемъ находимъ общеупотребительное слово съ перемѣною смысла, основанною на сходствѣ предметовъ (ср. творожная начинка), и оно съ другой стороны сближается съ нѣмецкимъ Qvarg и Qvark, означающимъ. 1) творогъ въ общепринятомъ смыслѣ и 2) мягкую грязь и вообще всякую влажную нечистоту (*сред.-нѣм.* Twark). Сродство звука qv съ tv, какъ и съ zw въ германскихъ языкахъ подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ приведенномъ датскомъ реченіи tvœre нельзя не признать близкой связи съ слѣдующими германскими глаголами, значащими также переворачивать, мѣшать: *сред.-нѣм.*

twern, (прош. twar), *старо-верх.-нѣм.* dweran, *ново-верх.-нѣм.* zweren, откуда пошли второобразные: *англ.* twirl, *ново-нѣм.* zwirlen и qverlen и проч., а отъ нихъ составились, съ значеніемъ мѣшалки, чумички имена: *англо-сакс.* thvyril, *сред.-нѣм.* twirel, *ново-нѣм.* Qviril и Zwirl, *дат.* tvœre, *нар. норв.* tvara или tvare. Ср. еще *нар. норв* tverel, пахтальная кирка Къ этимъ словамъ по формѣ и по происхожденію, хотя и не совсѣмъ по значенію, но все-таки также съ главною идеею мѣшанія, подходятъ русскія реченія: общеупотребительное творило и областное творилка[1]). Трудно рѣшить, какимъ образомъ творило въ областномъ языкѣ могло получить значеніе «поддона, на который ставятся ушаты», и потому можно предполагать, что это слово въ простонародномъ обиходѣ имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ, служащій переходомъ къ показанному въ Обл Словарѣ мѣстному значенію. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творило дѣйствительно является въ другомъ значеніи: тамъ оно по большой части означаетъ форму, въ которой окончательно сгущается сыръ, а мѣстами и вообще форму, образъ (отъ гл творить въ смыслѣ *образовать*): у Поляковъ оно сверхъ того значитъ: горшокъ для тѣста (Ср. русс обл. творилка[2])

Примѣчаніе. Изъ соображенія обоихъ значеній русскаго глагола *творить* возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи они находятся между собою и которое изъ нихъ надобно признать первоначальнымъ Вопроса этого нельзя рѣшить безъ помощи другихъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ являются соотвѣтствующія слова того же корня Древнѣйшимъ видомъ его надлежитъ принять *санскритское* tvar, спѣшить, скоро дѣлать[3]) Въ латышскомъ языкѣ tvert значитъ хватать схватывать Въ чешскомъ и польскомъ *творить* имѣетъ

[1]) Суффиксъ l во многихъ индо-европейскихъ языкахъ служитъ къ образованію словъ, означающихъ орудіе, средство. Ср *греч.* πτίλο, ὄπ-λο, *лат* vinculum, speculum, *нѣм.* Schlussel, Stachel и проч

[2]) Въ повѣсти г. Григоровича *Смедовская долина* (*Соврем.* 1852, № 1, Отд I стр. 106) употреблено слово *твáрня*. Желательно было бы принять въ соображеніе и это слово при разсмотрѣніи производныхъ отъ гл. творить; но къ сожалѣнію я нигдѣ не могъ найти указанія, что̀ значитъ тварня, котораго нѣтъ и въ Словарѣ г Даля Очень полезно было бы, еслибъ авторы повѣстей, взятыхъ изъ простонароднаго и вообще изъ провинціальнаго быта, присовокупляли къ нимъ объясненіе словъ неизвѣстныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ.

[3]) Г. Миклошичъ въ Radices linguae Slovenicae v d ошибочно принималъ корнемъ слова творить *санскр.* tu, *facere*. Ср. у Бопна въ Glossarium Sanscritum корень तवर् (твар), festinare, ratione habita radicem चर् (чар) et ire facere significare.

смыслъ — давать образъ или видъ: вотъ, кажется, исходная точка обоихъ значеній русскаго глагола; и основное понятіе, въ которомъ оба они соединяются, можно выразить такъ: посредствомъ быстраго движенія рукъ производить что-либо, имѣющее образъ; а отсюда уже проистекло болѣе отвлеченное значеніе этого глагола. Такъ и въ германскихъ языкахъ гл. schaffen, *сканд.* skapa, творить, заимствованъ отъ идеи: образъ (Ср. *анг.* shape, *шв.* skapnad — видъ, образъ). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творить значитъ также *строить* (греч. κτίζειν созидать, создавать). Такимъ образомъ въ славянскомъ глаголѣ соединились всѣ тѣ понятія, которыя въ разныхъ языкахъ отдѣльно послужили основаніемъ для выраженія идеи creare.

ТРУДИТЬСЯ (долго и тяжко хворать): *исл.* trauda, принуждать, затруднять; *нар. норв.* traute, продолжительный и тяжкій трудъ.

ТУЛЯТЬСЯ (прятаться): *дат.* dølge (прош dulgte), скрывать. Ср. *исл.* dula, покрывало, duldr, скрытый.

ТЫНЪ (плетень): *исл.* tun, селеніе, дворъ, застроенное мѣсто. Ср. *англо-сакс.* tun, ограда; *анг.* town, городъ. По мнѣнію Шафарика, тынъ — первоначально кельтское слово (Сл. Древн. Т. I, Кн. II, стр. 206).

УТЕЛЬГА (тюленья самка). Это слово утверждаетъ меня въ догадкѣ, что въ имени *тюлень* буква *ю* не есть первоначальная, а замѣнила собою гласную *е* (ср. для примѣра плюсна и плесна). *Тюлень* должно быть въ родствѣ съ *теля*, *теленокъ*, что́ не покажется страннымъ, когда мы вспомнимъ, что по-латыни vitulus значитъ и теленокъ и тюлень (ученый терминъ: phoca vitulina), да и на многихъ современныхъ языкахъ *тюлень* называется *морскимъ теленкомъ*, напр. по-польски ciele morskie, *фр.* veau marin, *нѣм.* Meerkalb. Въ польскомъ языкѣ cielę и безъ прибавленія morskie употребляется въ смыслѣ: *тюлень*. Тотъ же корень встрѣчается, въ этомъ послѣднемъ значеніи, и въ скандинавскихъ языкахъ (*исл.* selr, *шв.* själ), а равно въ *анг.* (seal) и въ *англо-сакс.* (syle). По всему сказанному трудно согласиться съ Павскимъ, чтобы слово *тюлень* образовано было изъ *анг.* seal (Фил. Набл. II, А стр. 146); такъ и въ реченіи *утелыа* нельзя признать чуждаго происхожденія.

ХВАТИНО, ХВАТЮГА (хватъ), **ХВАТСКО** (мастерски): *исл.* прил. hvatr (сред. р. hvatt), бойкій, смѣлый, проворный.

ХВИЛЫЙ: *исл.* qvilli, хилость, безсиліе.

ХРАКЪ (харканье, харкота): *исл.* hraki въ томъ же значеніи.

ХРАПЪ: *исл.* hrappr, буйный, наглый.

ХРИДА (человѣкъ, по неряшеству измокшій и проч.): *исл.* hrydia, плевать, харкать; прил. hrydiulegr, грязный, гадкій.

ХРИЗА (высокая, худая женщина): *исл.* hris, прутъ, хворостина.

ХРУНИ, ХРУННИКЪ, ХРУНЫ, ХРУНЬЕ: *исл.* hrae, изорванная вещь, ветошка.

ХУТРА, ХУТРО, ХУТРОВАТЬ; того же корня въ *сканд.* языкахъ foder, но слово хутра ближе къ однозначащему *нѣм.* Futter, подкладка, мѣхъ, а въ архитект. внутренняя обшивка или обдѣлка. Ср. *пол.* futro, futrować.

ШКАЛИКЪ*, ШКАЛЬЧИКЪ: *исл.* skál, чаша, чарка. Ср. *нѣм.* Schale.

ШКЕВЕНЬ, вм. штевень (см. общій Акад. Слов.): *исл.* stafn, *дат.* stavn, носъ у корабля, также корма. Наше слово взято вѣроятно съ *голл.* steven, килевая балка.

ШКУ́РА (древесная кора). Корень ska, sku, въ герман. языкахъ вообще означаетъ покрышку, верхній слой. Оттуда и *шв.* skara, снѣговая *кора* (настъ); skorpa, корка хлѣбная, земляная кора и т. п. Ср. *старо-нѣм.* Schur, мѣхъ, шкура, и *пол.* skórka.

ШКУРАТЬ (о птицахъ: быстро спускаться): *сканд.* skur, ливень, сильный градъ. Ср. *нижн.-нѣм.* schur, вообще сильное, мгновенное движеніе.

ШКУРЯТЬ (прогонять): слово того же корня. Ср. *нѣм* schuren, *старо-нѣм.* skurian, толкать, вышибать. Гриммъ принимаетъ готскій глаголъ skiuran, impellere, trudere. Сюда же надобно отнести междометіе: шкырь.

ШЛЕНЬКАТЬ (ѣхать слабой рысцой), **ШЛЕНЬКОМЪ, ШЛЫНДАТЬ, ШЛЯНДАТЬ**: *исл.* slen, slenta, безсиліе, лѣнь, *шв.* slentra, шляндать, шататься; ср. *нѣм.* slendern

ШЛЯХЪ* (дорога): *исл.* slog, тропа, слѣдъ. Ср. *нѣм.* Schlich, Schleichweg, и *пол.* szlak, szlad, откуда русское вѣроятно и заимствовано.

ШЛЯЧА: см. объясненіе слова сляча—слякоть.

ШНУРИТЬ, ШНУРЪ: *исл.* snura, черта, тесемка, вѣроятно въ сродствѣ съ гл. snua, сучить, крутить. Въ смыслѣ шнурить употребляется и у Нѣмцевъ schnüren.

ШНЫРА, ШНЫРИТЬ, ШНЫРЪ,-Ь, ШНЫХАРИТЬ: *исл.* snudra, обнюхивать по-собачьи; ср. *нѣм.* schnurren, скитаться, ища пропитанія; или отъ другаго корня *нар. норв.* snurre se, кружиться, вертѣться. Для слова шныхарить можно привести также *шв.* snoka, рыться, шарить, искать.

ШНЯКА* (лодка извѣстныхъ размѣровъ для рыбной ловли): *исл.* snákr, собственно змѣя, также родъ мореходнаго судна; иначе sneckia, легкое судно.

ШПАКЪ (скворецъ): *сканд.* spak въ древности значило умный, мудрый, а нынѣ смирный, ручной; оттуда *нар. норв.* spekt, способность говорить (въ старину мудрость). Ср. *анг.* to speak, говорить, и *старо-нѣм.* Spacht, говоръ, крикъ, птичье пѣнье; *голл.* spekt, дятелъ.

ШПИГОРЬ*: *дат.* spiger, большой гвоздь.

ШТОПОРИТЬ, ШТОПЫРИТЬ: *шв.* stoppa, затыкать, штопать. *Нѣм.* stopfen, *лат.* stipare и проч.

ШУКАТЬ: *шв.* söka, искать. Ср. *нѣм.* suchen, *пол.* szukać. *Примѣч.* Глаголъ шука́ть, записанный въ Курской губ., слышалъ я и въ окрестностяхъ самой Москвы (близъ Угрѣшскаго монастыря), гдѣ крестьяне часто употребляли его, разсказывая мнѣ о насиліяхъ Французовъ въ 1812 году и называя мародеровъ, дѣлавшихъ по деревнямъ поиски, шука́лами (шука́ло).

ШХОУТЪ, ШКОУТЪ: *шв.* skuta. Ср. *голл.* schuyt, извѣстнаго рода судно. Здѣсь заимствованіе произошло конечно изъ голландскаго языка

ЩВЕЛЬ, ЩЕЛИНА: *исл.* skilia, раздѣлять, разлучить;— skil (*нар. норв.* skjel), отверзтіе въ ткани (при тканьѣ)

ЩИРО (искренно): *шв.* skär, чистый, неподдѣльный. Ср. *пол.* szczery.

ЮРКІЙ, ЮРОВАТЫЙ, ЮРОВО, ЮРОВЫЙ: *шв.* yr, рѣзвый, живой.

ЯЛАЯ, ЯЛОВКА, ЯЛОВЫЙ: *исл.* géld, неплодный, сухой; о коровѣ: недающая молока, нетель (шв gall-ko). *Дат.* gold, безплодный, пустой, порожній

ЯРО (шибко), **ЯРОВАТЬ** (кипѣть), **ЯРОВАТЫЙ, ЯРЫГА** (работникъ), **ЯРЫЙ** (сердитый, сильный): *исл.* errinn, бойкій, пылкій, сильный, работящій, или: aer, ярый, бѣшеный.

ЯЩИКЪ (четвероугольное пространство на бахчѣ, четырехколесная телѣга). Рейфъ производитъ это слово отъ гл. *ять*, а Павскій (II, A 71) говоритъ только, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ имени *ящъ*, но не доискивается происхожденія слова. Оно въ первоначальномъ видѣ находится въ германскихъ нарѣчіяхъ, но всего ближе къ нашему является въ языкахъ скандинавскихъ. *Дат.* aeske, *шв.* ask, *исл.* eski, или askr значитъ именно: ящикъ, коробка и т. п. Ср. *нѣм.* asch, горшокъ, и *пол* jaszcz, jaszczyk, посудина для масла, творогу и проч.

II.

Слова Областнаго Словаря, сходныя съ финскими.

Вообще словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка, отыскалось въ Словарѣ довольно много. Большая часть финскихъ словъ собраны въ сѣверныхъ губерніяхъ; замѣчательно однакожъ, что нѣкоторыя подслушаны и въ среднихъ великороссійскихъ. Вопросъ объ отношеніи финскаго языка не только къ русскому, но и вообще къ индоевропейскимъ еще мало разработанъ, и самое знакомство европейскихъ Филологовъ съ этимъ замѣчательнымъ языкомъ началось недавно. Но при изслѣдованіи русскаго языка необходимо принимать въ соображеніе и финскій, который даже и въ грамматическомъ отношеніи можетъ представить нѣкоторыя интересныя сближенія съ первымъ. Здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ реченіи Областнаго Словаря, которое поражаетъ финскимъ образованіемъ своимъ, хотя по корню оно и русское, именно о нарѣчіи сравнительной степени: бережѣе. Его едва ли можно выводить изъ какого-нибудь прилагательнаго: въ сравнительную степень возведено тутъ существит. берегъ, въ чемъ удостовѣряетъ финское rannallampi, образованное отъ дательн. падежа существительнаго ranta (берегъ = шв. strand). Въ помѣщаемомъ здѣсь спискѣ приведены какъ слова, явно взятыя у Финновъ, такъ и немногія другія, которыя представляютъ только этимологическое родство или о которыхъ трудно сказать, кто у кого заимствовалъ.

АЛАНЬ (низменное мѣсто): *фин.* alanko, (отъ частицы ala, означающей низъ и соотвѣтствующей нашему предлогу *подъ*)

ВАГА (сила): *фин.* wäki, сила.

ВАРАКА (каменная гора): waara, каменная гора, скала.

ВАРАТОКЪ: wari, кипятокъ.

ВИЦА: witsa, розга. Здѣсь чуть ли не финское слово заимствовано отъ русскаго.

ГИРВАСЪ: hirwas, оленій самецъ.

ЗУЙ (мальчикъ, готовящій кушанье для промышленниковъ): syödä ѣсть (фин. y = нѣм. u).

КАНКА, КАНЪ (инд. пѣтухъ. курица): kana, курица.

КЕНДА (песчаный возвышенный берегъ озера): kentta, возвышенное невоздѣланное поле.

КЕРСТА (могила): kirstu, ящикъ, тюрьма.

КЕХТАТЬ (желать, много ѣсть): käkeä, желать, стараться; или kéhdata, не стыдиться, не скучать что дѣлать.

КИПАКА (каменный берегъ, гладкій камень выходящій изъ моря): можетъ быть, отъ гл. kippata, скакать, но kipakka, по словарю Ренвалля, значитъ быстрый бѣгъ.

КИРЗА (верхній слой земли): kirsiä, вскапывать поверхность земли; kirsi, ледяная кора, ледъ въ землѣ (подина).

КОБРА (пригоршня): kopra, ладонь, горсть.

КОНГА (сосновый рудовый лѣсъ): honka, pinus silvestris matura.

КУКЕУЙ (мясной пирогъ при свадьбахъ): kala-kukko, пирогъ съ рыбой (kala = рыба).

КУЛЕПНЯ (деревня, Костром.): kyla, деревня.

ЛАМБА, ЛАМБИНА (небольшое озеро): lampi, небольшое озеро.

ЛАХТА: lahti, заливъ морской.

ЛЕЙМА: lehma, корова.

ЛЕМБОЙ (чортъ): lempo, злой духъ, сынъ миѳологическаго героя Кáлевы.

ЛУЗИКЪ: lusikka, ложка.

ЛѢКА (счетъ), **ЛѢЧИТЬ** (считать): luku, число, счетъ; lukea, считать.

МЯНДА (верхніе слои сосны; лѣсъ): mänty, pinus silvestris.

НЕГЛА (лиственница): negla (nekla, neula), игла, хвоя

НОРИЛО (шестъ, которымъ продѣваютъ подо льдомъ веревку): nuora, веревка.

ПАВНА (болото): pauni, лужа, небольшое озеро.

ПАЛЕНИНА, ПАЛЪ, ПАЛЫ, ПАЛЬ: palo, выжженное мѣсто. Трудно опредѣлить, происходятъ ли эти слова отъ финскаго глагола palaa, горѣть, или отъ русскаго палить. Такъ какъ они употребляются не въ однѣхъ губерніяхъ, гдѣ народона-

селеніе отчасти финское, то нѣтъ достаточнаго основанія признать ихъ иноязычными.

ПАХТУСЪ (комъ масла изъ сметаны): paksu, густой, и гл. pahtaa сгущать, давать свернуться. Отсюда видно, что нашъ глаголъ пахтать—финскаго происхожденія. Здѣсь должно упомянуть и объ областномъ словѣ опахтанье.

ПЕРТЬ (жилая карельская изба): pirtti, черная изба, баня.

ПЕХТИЛЬ,-ЛО, ПИТКИЛЬ (пестъ, неповоротливый человѣкъ): petkeli и pötkeli, пестъ.

ПОЙГА (малютка): poika, мальчикъ, сынъ.

ПУДАСЪ: pudas, рѣчной заливъ, рукавъ, проливъ.

ПУРГА, ПУРЬГА: pyry, мятель, вьюга, и purku, сугробъ снѣжный.

ПЯККОИ: pieksu, сапоги особаго рода.

РАВГА: rauha, rauhainen, желѣзá.

РАГА: raha, деньги.

РОВГА, РОВДА, РОВКА: routa, ледъ въ землѣ.

РОПАКА,-КЪ, РУПАКА (стоячая льдина, ледъ): ropakko, грязь по дорогамъ, кóлоть.

РОПАСЪ (ледяной бугоръ): rapa, грязь, вообще что-нибудь ломкое и разсыпающееся.

РЕМОКЪ,-ОХА,-ОХЪ,-ОШИНА,-УШКИ; РЯМОКЪ,-МКИ,-МОЖНИКЪ,-МУГА (лоскутъ, тряпка): rämä, вещь изодранная и негодная.

РЯМЪ, РЕМА, РЕМНИКЪ (топкое мѣсто, поросшее мохомъ и кустарникомъ): rämet, болотистое мѣсто.

РЯНДА: rantä, мокрый снѣгъ.

РЯСÁ (мокрота, слякоть, топкое мѣсто): räisy, топкая земля.

РЯСКИ (изодр. платье): ratti, лохмотье, тряпка, или räpä, изодранное платье.

САЛМА: salmi, проливъ, иногда заливъ.

САРГА: sarja, тонкая и длинная дранница, употребляемая въ рыболовныхъ снастяхъ и т. п.

СЕЛЬГА (высокое пахотное мѣсто въ лѣсу): selka, хребетъ; оттуда вообще — возвышенное, болѣе видное мѣсто

СИКА: sika, свинья.

ХВАСТАТЬ (говорить, лгать), **ХВАСТЛИВЫЙ, ХВАСТУНЪ:** haastaa, говорить, нагло говорить, хвастать.

ХОВАТЬ: haudata, зарывать, хоронить.

Примѣчаніе. Глаголы хвастать и ховать, извѣстные и въ

другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не могутъ быть отнесены къ числу заимствованныхъ словъ, но помѣщены здѣсь только какъ сходные съ финскими по корню.

ХОВРА (неповоротливая, непонятливая женщина): houru, глупый, полоумный.

ХОЗАТЬ: hosua, бить, колотить.

ХОМУТЪ. Это слово, въ общемъ его значеніи, извѣстно и восточной Финляндіи (hamutta); но тутъ заимствованіе явно на сторонѣ Финновъ. Ср. хомутъ, съ разными измѣненіями въ звукахъ. у другихъ Славянъ, а также нѣм. kummet или komet

ХОНГА, ХОНОЖНИКЪ: honka, сосна. Ср. выше конга.

ХОРА (некладеный баранъ или олень): oro, жеребецъ, вепрь (кладеный). Ср. *чеш.* oř, voř, конь, жеребецъ (Н. Некрасова *Краледв. рукопись*, стр. 82 и 188), и *англ.* horse.

ХОРТЪ (борзой кобель, ловчій песъ): hurtta, охотничья собака, иногда волкъ; также рослый мущина.

ХУХНАРИКЪ (гвоздь у лошадиной подковы): huhmari, большая ступка, родъ жернова.

ШИРА: huri, мышь.

ШИШЪ, ШИШКО, ШИШИГА, ШИШИГАНЪ (домовой, бѣсъ). Только въ видѣ догадки можно здѣсь привести имя Hüsi, которымъ у Финновъ, по преданіямъ язычества, называется также злой духъ, бѣсъ.

ЮНДА (мережа особеннаго устройства): juoni (неопр. падежъ juonta), длинная рыболовная сѣть.

ЮРКО, ЮРКІЙ, ЮРЪ (покато, скользко, быстрина): jyrkka, крутой.

ЯЛАНЬ, ЯЛАНКА (голое пространство земли между лѣсомъ, прогалина; то же что алань): alanko, низменное мѣсто. Ср. выше алань.

Примѣчаніе. Если въ послѣднихъ листахъ Областнаго Словаря, сравнительно съ первою половиною его, оказалось немного финскихъ словъ, причиною надобно признать то, что буквы *ф. ц. ч. ш, щ,* совершенно чужды финскому языку.

III.

Сравнительно-филологическія замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ. [1])

АИСТЪ. Нелегко опредѣлить происхожденіе слова *аистъ*, которое, судя уже по первой буквѣ его, не можетъ быть русскимъ. По замѣчанію одного зоолога, въ Россіи аистъ показывается едва ли на трети ея протяженія, такъ что всей Сибири, даже южной, и средней континентальной части Европейской Россіи, онъ извѣстенъ только по названію. Такимъ образомъ пространство, заключенное между Западною Двиною, Эльбою, Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Днѣпромъ, сѳставляетъ мѣсто преимущественнаго распространенія бѣлаго аиста. Въ Москвѣ народъ его не знаетъ. Весьма естественно, что на обширномъ пространствѣ, гдѣ слышатся различныя нарѣчія, аиста называютъ различными именами. Общее названіе ему *аистъ* или *бѣлый аистъ* (въ отличіе отъ *чернаго*, который водится также въ южной части Россіи) [2]); въ юго-западныхъ губерніяхъ его называютъ *гайстеръ*, *чернохвостъ* [3]), *буселъ птица;* въ Полтавской — *лелека* [4]), въ Малороссіи и на Терекѣ — *бочанъ*, *неклейка*,

[1]) Извлеченіе изъ собранія разсмотрѣнныхъ такимъ же образомъ словъ, которое со временемъ можетъ быть издано въ болѣе полномъ видѣ. Замѣтка о словѣ *аистъ* составлена отчасти по матеріаламъ, за сообщеніе которыхъ я обязанъ А. А. Куникy.

[2]) Въ Харьковской губ. водится бѣлый аистъ, у Чернаго моря—черный.

[3]) Имени *чернохвостъ* въ значеніи птицы у Даля нѣтъ, но зато мы находимъ у него равнозначащимъ аисту *черногузъ*.

[4]) У Новогрековъ въ народномъ языкѣ λελέκι, въ литерат. ὁ λέλεκας (Kind, Handwb. d. neugr. Sprache). Hahn, Albanes. Studien, Iena 1854, стр 246 говоритъ. «Den Storch nennen Neugriechen, Albaneser u. Pinduswlachen übereinstimmend λελέκ и λειλjέκ... Leake betrachtet dies Wort als ein von den Turken vorgefundenes angenommenes — wir glauben jedoch dies Wort irgendwo auch als arabisches angetroffen zu haben.» Русское *леклекъ* (Акад. словарь) есть вѣроятно искаженіе новогреческаго слова, а оттуда конечно и приведенное выше *неклейка*, какъ дальнѣйшая передѣлка того же названія.

въ Астраханской—*колпикъ* [1]). (*Вѣстникъ естественныхъ наукъ*, М. 1854, № 1, стр. 7 и 8) Къ означеннымъ здѣсь предѣламъ нахожденія аиста надобно однакожъ прибавить и низовья Дона, откуда Петръ Великій выписывалъ эту птицу, какъ видно изъ переписки его съ воронежскимъ губернаторомъ Колычевымъ [2]). Въ словарѣ Линде находимъ hajstra со ссылкою на русск. *аистъ*, съ поясненіемъ, что польское слово (впрочемъ не общеупотребительное въ языкѣ) означаетъ большую птицу сѣраго цвѣта, и съ цитатою, что этимъ именемъ несправедливо называютъ породу чернаго цвѣта. Штраленбергъ напротивъ пишетъ: «Такихъ какъ въ Европѣ птицъ этой породы (Störche) я въ Сибири совсѣмъ не видалъ; но *черныхъ* съ красными носами и ногами, называемыхъ Agyst или Cara-Tschilan, у которыхъ перья имѣютъ почти такой же блескъ, какъ у павлиновъ, тамъ водится довольно» (Das Nord-u. Ostliche Theil von Europa u. Asia. Stock. 1730, p. 421). Большая часть нынѣшнихъ славянскихъ народовъ употребляютъ для названія этой птицы разныя формы приведеннаго выше слова *буселъ* или *бочанъ* (см. у Линде Bocian) [3]). У нѣкоторыхъ привилось въ различныхъ же видоизмѣненіяхъ германское Storch, которое и въ русскомъ приняло форму *стерхъ* (словарь Даля), а въ ц.-сл. *стрѣкъ* (Вост.). По мнѣнію А. А. Куника, Славяне потому не имѣютъ общаго названія для этой птицы, что она всегда водилась только въ нѣкоторой части ихъ первобытныхъ жилищъ въ Россіи.

Изъ всего сказаннаго можно, кажется, съ полною увѣренностью заключить, что слово *аистъ* не русскаго происхожденія; судя потому, что оно довольно распространено съ одной стороны въ югозападныхъ губерніяхъ Европ. Россіи, а съ другой въ Сибири, невольно задаешь себѣ вопросъ: не кроется ли въ немъ восточное начало?

Извѣстно, что Константинъ Багрянородный, приводя древ-

[1]) По словарю Даля, колпикъ—«чубатая птица изъ породы цапель, чапура, Platalea (бѣлая, носъ ложкою, перья идутъ на казачьи султаны)». У него же *теслоносъ* въ томъ же значеніи какъ колпикъ; но Линде *тесгоносъ* = бочанъ (аистъ)

[2]) Матеріалы военно-ученаго Архива Гл. Штаба Т I. Спб. 1871. стр. 50

[3]) Можно прибавить еще люнебургско-вендское butjan; лит busiuas. Лит ботаникъ Iundzill приводитъ еще bodziszek для означенія geranium (Куникъ). По удостовѣренію К Ѳ Кесслера, въ Астрахани подъ названіемъ «аистъ» разумѣютъ особую породу бѣлорыбицы.

нія названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: росскомъ (т. е. норманскомъ) и славянскомъ, говоритъ что четвертый изъ нихъ, главный, называется по-росски Ἀειφάρ, а по-славянски Νεασήτ, потому что въ камняхъ его гнѣздятся «πελεκάνοί» Такъ какъ первое, норманское, имя давно уже объясняютъ голландскимъ словомъ, которое значитъ *аистъ*, то мы, кстати, остановимся на этомъ названіи днѣпровскаго порога. Изъ поясненія Константина Багрянороднаго слѣдовало бы заключить, что подъ ἀειφάρ надобно разумѣть не аиста, а пеликана, или какую-либо другую водяную птицу. Но пеликанъ не былъ извѣстенъ Норманнамъ, и они, естественно, назвали порогъ по имени сходной птицы, у которой также длинный, хотя совершенно другой клювъ и которая похожа на пеликана и по цвѣту своихъ перьевъ, подобно какъ смѣшиваютъ между собой равнымъ образомъ аистовъ и журавлей [1]). Какъ имя *аиста* могло явиться на мѣсто другаго, объясняется географическимъ распространеніемъ этой птицы, которое довольно близко сходится съ областью распространенія бука. У Балтійскаго моря пеликанъ не является даже въ видѣ перелетной птицы, да и самый аистъ (т. е. ciconia alba) едва ли доходитъ на сѣверъ далѣе южной Швеціи. Поразительную аналогію представляетъ свидѣтельство македонскаго грека Никоклиса, который говоритъ, что нынѣшніе Греки въ Эпирѣ и Македоніи называютъ аиста не πελαργός, а πελεκάνος [2]). Подъ именемъ *неясыть* (старосл. неѧсыть), по мнѣнію А. А. Куника, должно разумѣть не иное что какъ пеликана или развѣ какой-нибудь видъ коршуна [3]); но по всей вѣроятности именно *пеликана* (котораго двѣ породы водятся у Чернаго моря), такъ какъ это слово еще осталось въ употребленіи у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Это отчасти подтверждается и име-

---

[1]) Такъ растеніе geranium называется по-нѣмецки Storchschnabel

[2]) De Albanensium origine et prosapia Dissertatio inauguralis quam scripsit Nicolaus Nikokles, Graecus Kozanae Macedoniae urbe natus. Gottingae 1855. 8⁰, стр 57

[3]) *Неясыть* въ библіи иногда употребляется въ значеніи коршуна (γύψ). Въ словарѣ Зизанія при словѣ *неясыть* сказано: «по грецку пелеканъ птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови» Въ другомъ же азбуковникѣ оно объяснено такъ: «птица подобна журавлю, а творитъ себѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ или камнѣхъ, или столбѣхъ» и проч. (Сахарова *Сказанія р. н.*, т. II, стр. 128 и 173).

немъ ἀειφάρ, потому что коршунъ могъ бы быть названъ какимъ-нибудь чисто норманскимъ словомъ.

Что касается до самаго имени ἀειφάρ, которому нѣтъ созвучнаго слова въ старо-норвежскомъ (норренскомъ или исландскомъ) языкѣ, то оно должно было принадлежать либо фризскому, либо какому-нибудь другому изъ нижнегерманскихъ народовъ, жившихъ при Сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ [1]). Соотвѣтствующее ему слышится и теперь въ нижнегерманскомъ (plattdeutsch)—äbêr (съ удар. на послѣднемъ слогѣ). Въ нынѣшнемъ голландскомъ языкѣ аистъ называется ôievâr (произн. ijefar). Гриммъ въ словарѣ своемъ помѣстилъ adebär, какъ слово не только принадлежащее нижнегерманскому, но встрѣчающееся и въ староверхненѣмецкомъ весьма древнее слово, и приводитъ разныя формы его (между прочимъ otivaro, otfer). Онъ думаетъ, что это названіе (вторая половина котораго bär, bero, по его мнѣнію, зн. *носитель*) находится въ связи съ повѣрьемъ, что аистъ приноситъ въ домъ счастье и дѣтей[2]). Какъ бы ни было, по этимъ даннымъ нѣтъ основанія отрицать существованіе слова aifar, ἀειφάρ (ει=ι) въ 10-мъ столѣтіи, хотя и трудно объяснить, какъ оно тогда уже явилось у Норманновъ въ этой сокращенной формѣ.

Къ подтвержденію достовѣрности этого слова служитъ и то, что въ началѣ прошлаго вѣка оно снова является въ спискѣ кораблей, построенныхъ Петромъ Великимъ въ Воронежѣ. Означая многія изъ нихъ голландскими названіями животныхъ и птицъ, онъ одному кораблю далъ имя *Айфаръ* или *Ойфаръ* [3]), совершенно отвѣчающее съ одной стороны вышеприведенному нынѣшнему голландскому слову, а съ другой—скандинавскому названію порога, упоминаемому Константиномъ Багрянород-

---

[1]) Всего подробнѣе нижнегерм. формы этого слова въ Kosegarten, Niederd. Wb, p 98. См также Stegman о нѣмецкихъ названіяхъ аиста въ Deutscher Sprachwart, т III, 1868 Матеріалы для сличенія разныхъ формъ ихъ можно найти въ извѣстномъ соч. А. А. Куника: Die Berufung etc., т. II, стр 431—433.

[2]) Deutsches Wb., т. I, стр. 176. Sparschuh (Berichtigungen zu Grimms Gesch. d. deutsch. Sprache, Mainz 1850, стр. 99) видитъ въ словѣ adebar кельтское происхожденіе Ср. Archiv des Vereins fur Freunde der Naturgeschichte in Mecklenburg. 8-tes Heft. Neubr. 1854

[3]) Объ формы встрѣчаются въ *Исторіи русскаго флота*, соч. Елагина, Прилож., ч. II, Спб. 1864, стр. 52, 173 и 174). Уже и Шишковъ въ *Спискѣ кораблей* (ч. I, Спб. 1799, стр. 14) приводитъ, между прочими голландскими названіями, и *Айфаръ*.

нымъ, но безъ всякаго сомнѣнія оставшемуся неизвѣстнымъ Петру Великому (трудъ византійскаго императора еще и не былъ изданъ въ то время); въ Воронежѣ были голландскіе мастера, которые завѣдывали строеніемъ кораблей.

Лербергъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ» даетъ слову ἀειφάρ символическое значеніе, пріурочивая это названіе къ исландскому прилаг. aefr (fervidus), но онъ конечно не поступилъ бы такъ, еслибъ ему знакомо было названіе петровскаго корабля. Точно такъ же и славянскаго слова *неясыть* нельзя принимать въ фигуральномъ смыслѣ, хотя по народному представленію нынѣшнее названіе того же порога (Ненасытецъ, Ненастынскій) [1]) и имѣетъ такое значеніе. О названіи ἀειφάρ Струбе говоритъ: «on a droit, selon moi, de juger que les pélicans n'étant point connus dans les régions du Nord et n'ayant par cette raison point eu de nom dans les langues boréales, les Russes (т. е. Норманны) auront mis à sa place celui *d'une autre espèce d'oiseaux aquatiques*, tels que les *cicognes* que dénote le mot *aïévar ou oïevar* conservé dans les dialectes tudesques (on trouve ce mot dans tous les dictionnaires hollandais) et qui revenaient ainsi par leur genre et sous l'idée que les Russes y attachaient, aux pélicans des Esclavons» [2]).

Въ недавно напечатанномъ трудѣ: «О мнимомъ призваніи Варяговъ» [3]) г. Иловайскій между прочимъ утверждаетъ, что *русскія* названія пороговъ у Константина Багрянороднаго должны быть также объясняемы славянскими, а не норманскими словами, т. е., иначе говоря,—что византійскій императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ, сознавая, что «не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія* названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій», не счелъ нужнымъ противопоставить тому соразмѣрную долю эрудиціи и употребить истинно-научные пріемы для опроверженія столь тщательно-выработанныхъ въ теченіе цѣлаго почти столѣтія доводовъ скандинавской школы. Необходимо было бы для этого, какъ водится въ наукѣ, подвергнуть основательному разбору

[1]) См. Шафарика *Слав. древности*, т. II, кн. 1, стр. 234.

[2]) Dissertation sur les anciens Russes. St. Pétersburg, 1785.

[3]) *Русск. Вѣстн.* 1871 г., ноябрь и декабрь.

каждое изъ толкованій, установившихъ убѣжденіе въ германскомъ составѣ такъ называемыхъ Константиномъ *россихъ* наименованій пороговъ. Необходимо было бы имѣть въ виду, что его двоякія названія должны отвѣчать одно другому по значенію, и что если объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, зато другія (какъ напр. третьяго порога Γελανδρί=звонецъ) до очевидности несомнѣнны. Что же вмѣсто этого дѣлаетъ г. Иловайскій? Онъ «для образца этихъ объясненій приводитъ толкованіе перваго русскаго названія, то есть Ульворси или Ульборси (Ὀυβορσί)», отвергаетъ весьма удачное во всѣхъ отношеніяхъ возстановленіе этого слова (Holmfors, островной порогъ), вполнѣ соотвѣтствующее славянскому названію Островьный прагъ (Ὀστροβουνίπραχ), и въ замѣнъ перваго толкованія предлагаетъ другое славянское же составное слово *Холмоборы* (*Холмогоры*) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, т. е. Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же что̀ въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул*, продолжаетъ онъ, существуетъ въ названіи рѣки *Ула*. И такъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Ульборси совсѣмъ и не означаетъ тоже самое что̀ Островунипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ-быть сокращеніе изъ *Ульборть*).» Ясно, что г. Иловайскій увлекается предвзятою идеею, которая здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу: положимъ, что новгородскіе Славяне и дѣйствительно не призывали Руси изъ Скандинавіи; но что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ, остается неопровержимымъ фактомъ, а въ такомъ случаѣ естественно было имъ напменовать пороги по-своему, переводя туземныя названія на родной языкъ. «Гдѣ же и когда такъ бывало?» спрашиваетъ г. Иловайскій: «географическія имена не переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ за разъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя[1]).» Здѣсь г. Иловайскій по-неволѣ дѣлаетъ уступки тому, что̀ самъ онъ въ то же время рѣзко отрицаетъ. Если

[1]) Только мимоходомъ упомяну о такомъ же взглядѣ г. Юргевича, который съ большими натяжками объясняетъ *росскія* названія пороговъ заимствованіями изъ «венгерскаго» (мадьярскаго) языка, и напр. въ имени Айфаръ

фактъ перевода мѣстныхъ именъ имъ допущенъ, то трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положить тому предѣлы. Выше, на стр. 254—257 и 266 этой книги, приведено довольно много примѣровъ такого обычая, весьма часто встрѣчающагося въ предѣлахъ русскаго государства. Можно отыскать ихъ еще гораздо болѣе: такъ, многія мѣстности Ижорскаго края носили двоякія, по значенію соотвѣтственныя названія на финскомъ и русскомъ языкахъ (Koivusaari, Березовый островъ), къ которымъ иногда присоединялось еще и шведское, переводное же (Björkö): крѣпость Орѣшекъ извѣстна была у Финновъ подъ именемъ Pehkinà-linna, у Шведовъ—Nöteborg (ф. pähkinä, шв. nöt=орѣхъ). Такимъ образомъ г. Иловайскій, отвергая весьма обыкновенный фактъ двоякаго названія одной и той же мѣстности однозначащими именами на различныхъ языкахъ, въ замѣнъ того предлагаетъ не встрѣчающееся въ области географіи явленіе, по которому мѣсто носило бы на двухъ различныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка (славянскаго въ данномъ случаѣ) названія, не имѣющія между собою ничего общаго.

АККУЛА. Еще въ первомъ изданіи Словаря Россійской Академіи это слово признано скандинавскимъ; тамъ сказано: «названіе, отъ исландскаго или норвежскаго наименованія *Гакколъ* нашими поморянами принятое.» Дѣйствительно, исл. hákall, нар. норвеж. haakall значитъ squalus carcharias. Различіе между русскимъ и скандинавскими реченіями состоитъ только въ томъ, что у насъ аккулою называютъ вообще породу squalus, а hákall означаетъ особый видъ ея, отличающійся огромностью (squalus carcharias — аккула исполинская, морской песъ, людоѣдъ, мокоп). По мнѣнію Бьёрна-Гальдорсена [1]), исландскому слову hákall соотвѣтствуетъ датское havkalv, морской теленокъ, но это едва ли справедливо: havkalv = sökalv = тюлень [1]).

ЕЖЪ, ИГЛА. Два имени одного корня: въ германскихъ языкахъ eg, egg (исл.) означаетъ на-оборотъ иглу, острее, а Igel (нѣм.) —ежа. Ср. нѣм. Egel или Igel (Blutigel) піявица, Ecke — уголъ исл. igull, iglda, ежъ, iglaz, щетиниться. Корень этихъ словъ, котораго первое значеніе—что-то острое, остроконечное, чрез-

---

видитъ венгерское Héja-var=замокъ коршуновъ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, т. VI, стр 63).

[1]) Biorn Haldorsen, Lexicon islandico-latino-danicum, Havniae, 1814.

[2]) По Фрицнеру, ст.-норвежская форма есть hákarl (Fritzner, Ordbog over det gamle norske sprog. Kristiania, 1867).

вычайно распространенъ по всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ: греч. ἀκη—острее, лат. acus—игла, шв. egg—лезвее, англосакс. ecged—острый и т. д.

КАРЕТА. У однихъ Датчанъ слово karreet употребляется совершенно въ томъ же значеніи какъ наше названіе закрытаго со всѣхъ сторонъ экипажа. У Нѣмцевъ die Carrete нынѣ болѣе не употребительно, но прежде означало небольшую коляску: по свидѣтельству Аделунга, это слово въ его время еще употреблялось въ презрительномъ смыслѣ для означенія дурной, жалкой повозки. Оно первоначально образовалось въ итал. языкѣ (carreta, carretta), какъ уменьшительное имени carro (отъ лат. currus), и означало всякую небольшую повозку. На среднелатинскомъ языкѣ carreta, carreda—двуколесная телѣжка.

КНУТЪ. По замѣчанію Шевырева (*Истор. Русс. Слов.* т. I, стр. 90) это слово шведское; но по-шведски knut значитъ узелъ, и слѣдовательно по смыслу нѣтъ собственно прямаго соотношенія между обоими однозвучными именами. Приводимыя Шевыревымъ въ примѣчаніи 68-мъ выраженія: få knut — быть биту кнутомъ, и ge knut—бить кнутомъ, явно заимствованы Шведами изъ русскаго языка. Наше слово *кнутъ* удобнѣе было бы пріурочить къ исландскому глаголу knýta, который иногда значитъ — бить кнутомъ, flagellare. Ср. нѣм. Knuttel; нижнесакс. knutten, вязать, и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ.

КОЛАЧЪ (калачъ). Правильнѣе писать *колачъ*, какъ пишутъ Сербы и какъ писалъ Ломоносовъ. Въ словарѣ Караджича объяснено: «когда идутъ въ гости къ другу или родственнику, то всегда въ котомкѣ кромѣ деревянной фляжки надобно имѣть и колачъ (т. е. пшеничный хлѣбъ); когда же возвращаются отъ пріятеля, то опять отправляющемуся оттуда надобно приготовить такой колачъ. Потому и говорятъ: южнымъ святкамъ и пріятельскому колачу не надобно радоваться (ибо пріятель принесетъ одинъ колачъ, а съѣстъ нѣсколько, и опять ему надобно приготовить колачъ въ дорогу).» Что касается до значенія слова, то у Караджича сказано: eine Art radförmiges Brot. Нѣтъ сомнѣнія, что оно происходитъ отъ *коло*, кругъ, колесо; итакъ оно по корню совершенно однозначаще съ германскимъ *Kringel*, происходящимъ отъ старонѣмецкаго *krmg* (кругъ), которое впослѣдствіи потеряло начальное *k* и въ этомъ видѣ сохранило значеніе кольца. Въ

исландскомъ языкѣ оно удержалось съ гортанною *k* или *h* передъ *r* (kringr или hringr); kring осталось и въ другихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ существ. или предлога: *вокругъ*. Наше *кренделъ* составилось изъ нѣмецкаго провинціальнаго *krengel*: измѣненіе *г* въ *д* послѣ *н* у насъ естественно; такъ простой народъ и дѣти вмѣсто *ангелъ* часто произносятъ: *анделъ*.

НАСТЕЖЬ. Хорут. stesaj, сущ. ж. р.—протяженіе, распространеніе, отъ гл. stesati, расширять, растягивать: duri so na stesaj odprte, дверь отперта настежь, т. е. во всю ширину (Murko). У насъ соотвѣтствующій глаголъ *стегать* значитъ не то, но сходное его значеніе видно изъ сложныхъ: *застегивать*, *разстегивать*.

ОБИДѢТЬ. Обыкновенно считаютъ это слово составленнымъ изъ глагола *видѣть* и предлога *объ* (см. Словарь Рейфа и *Корнесловъ* Шимкевича). Съ перваго взгляда это очень правдоподобно: по общему закону здѣсь губная *в* могла выпасть послѣ принадлежащей къ буквамъ того же органа *б*, какъ въ словахъ *обязывать*, *обернуть* и многихъ другихъ. Но еслибъ такъ было, то отчего же страдательное причастіе получило бы форму *обиженъ*, а не *обидѣнъ*, а неопредѣленное наклоненіе несовершеннаго вида форму *обижать*, а не *обидать* — по образцу простыхъ словъ: *видѣнъ* [1]), *видать*. Въ невѣрности приведеннаго мнѣнія о составѣ разсматриваемаго слова еще болѣе убѣждаютъ родственные языки. Въ народномъ норвежскомъ находимъ слово *Obyde*—досажденіе, непріятность; вредный или непозволенный поступокъ [2]). Въ литовскомъ *Abyda*—неправда, насиліе, и глаголъ *abydìti*, несправедливо поступать, обижать. Отсюда ясно видно, что нашъ глаголъ произошелъ отъ первообразнаго сущ. *обида* и что поэтому въ старину правильнѣе писали *обидить*. Ср. сербское *обѐдити*, *обѝдити* или *обијѐдити*—несправедливо обвинять.

СКАТЕРТЬ — названіе, перешедшее къ намъ путемъ торговли отъ Нѣмцевъ, у которыхъ всякая матерія, доведенная до жест-

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что это слово пишу я такимъ образомъ только какъ неупотребительное причастіе и отличаю его отъ прилагательнаго *виденъ видна*, *видно*, въ которомъ *н* не могло бы выпасть и гдѣ слѣдовательно гласная въ окончаніи мужескаго рода есть бѣглая *е*. Такъ же неосновательно пишутъ *больнъ* вмѣсто *боленъ*, гдѣ тоже вставлена гласная *е* (*больной*).

[2]) Ordbok over det norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania, 1850.

кости посредствомъ крахмала или клея, означалась словомъ scheter. (См. въ Аделунговомъ Словарѣ Schetter и Glanzschetter; также въ Handwörterbuch der Deutsch. Spr. von K. W. L. Heyse).

СОЛОМА въ родствѣ съ герм. Halm, нар. норв. helma, halma. — Ср. лат. calamu; *семь* съ греч. hepta, и предл. *со* съ латин. *cum* (санскр. сан).

СТРЕКАТЬ. Ср. псл. striuka, бить, ударять, также бѣжать. (Ср. дать стречка). Въ первомъ значеніи еще употребляется глаголъ: strikia, а въ послѣднемъ strika и stroka. Швед. ge stryk, поколотить.

СТРОКА. Ср. нар. норв. stroka, черта, длинный рядъ; нижне-нѣм. strak, анг. straight, прямой; нѣм. strecken, простирать.

СТРЯПЧІЙ. Какое основное понятіе скрывается въ этомъ сущ. и въ глаголѣ *стряпать*, отъ котораго оно несомнѣнно происходитъ? По нѣкоторымъ случаямъ употребленія этого глагола въ старинномъ языкѣ видно, что онъ значилъ: дѣятельно исполнять какую-нибудь работу, справлять дѣло, должность, хлопотать. («Онъ человѣкъ добрый, и ямскую стряпню стряпать можетъ», *Акты Юрид.* 287, или: да у доспѣха стряпаютъ дѣти князя Щетинина, *И. Г. Р.* III, прим. 98). Подтвержденіе тому находимъ въ литовскихъ словахъ: *stropus*—прилежный, усердный, проворный, и *stropti* — быть проворнымъ, усерднымъ. Что буквы *о* и *я* могутъ замѣнять одна другую, тому находимъ примѣры и въ русскомъ языкѣ: такъ сущ. *топоръ* происходитъ отъ глагола *тяпать* или стар. *тепать*, *тепсти* (см. *Корн.* Шимкев.). Ср. хор. tepazha, сѣчка; нѣм. der Tapp, ударъ; фр. taper, ударять; фин. tappaa, убить быстрымъ ударомъ.

ТОЛОКА́. Слово это неизвѣстно въ нашемъ образованномъ языкѣ; оно заимствовано здѣсь изъ Областнаго Словаря и замѣчательно тѣмъ, что указываетъ на весьма древній обычай въ сельскомъ быту, распространенный — какъ видно изъ другихъ языковъ — въ большой части Европейскаго Сѣвера — у литовско-латышскаго племени, у Поляковъ и у Финновъ. По Областному Словарю вотъ объясненіе этого слова: «Общинная, такъ сказать, уборка хлѣба или сѣна, принадлежащихъ одному хозяину, чрезъ приглашенныхъ къ нему сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ.» Въ Литовскомъ словарѣ Нессельмана читаемъ слѣдующія любопытныя замѣчанія при словѣ *Talkà*: «Всякій пиръ по окончаніи работы, выполненной при помощи многихъ, которыхъ нельзя вознаградить деньгами; — особенно пиръ по

окончаніи жатвы, на который приглашаются всѣ, добровольно помогавшіе другъ другу въ работѣ. По окончаніи какой-нибудь постройки хозяинъ также задаетъ *Talkâ*. Можетъ быть, *Talkâ* первоначально означаетъ не пиръ, а самую помощь взаимную и добровольную: въ этомъ я не могъ удостовѣриться.» Штендеръ въ своемъ латышскомъ лексиконѣ подъ словомъ *Talks* говоритъ: «Множество созванныхъ вмѣстѣ работниковъ обоего пола, которыхъ по окончаніи работы усердно угощаютъ (die nach der Arbeit brav traktiret werden).» Мнѣ самому случилось быть въ одномъ курляндскомъ имѣніи въ день такой *толокй* при окончаніи уборки хлѣба; за нѣсколько времени до того видѣлъ я подобный обычай, разумѣется, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и въ Финляндіи, гдѣ онъ повсемѣстно извѣстенъ подъ именемъ *talkko*: это, по словамъ Реннвалля, пирушка для работниковъ (epulum operariorum copiose collectorum; см. Lexicon linguae finnicae). Работникамъ въ поле безпрестанно выносятъ водку и пиво, и послѣ обильнаго ужина день кончается пляскою.

У Поляковъ (см. словарь Линде) tłuka означаетъ какъ самую уборку плодовъ или хлѣба, такъ и пирушку при окончаніи жатвы. Есть въ польскомъ языкѣ еще и слово tłoka, — родъ повинности, барщина, чему соотвѣтствуетъ у Хорутанъ и Хорватовъ *тлака* — въ томъ же значеніи — иначе *robota* у первыхъ и *робиja* у послѣднихъ (см. словари Мурко и Караджича). Въ дополненіе приведу, что и въ нашемъ академическомъ словарѣ церковно-славянскаго и общеупотребительнаго языка подъ словомъ *Толóка* есть между прочимъ такое объясненіе: «поголовная высылка на работу всѣхъ крестьянъ.» Что же касается до указанія Областнаго Словаря, гдѣ это же слово помѣщено съ другимъ удареніемъ, то тамъ оно отнесено къ губерніямъ Курской, Псковской, Смоленской и Тверской. Конечно, найдутся и другія, гдѣ соблюдается тотъ же обычай съ тѣмъ же названіемъ.

Спрашивается: у какого же изъ трехъ племенъ — славянскаго, латышско-литовскаго, или финскаго, обычай этотъ является первобытнымъ, а съ нимъ и самое слово—кореннымъ? Такъ какъ оно у Финновъ и Литовцевъ не находится въ органической связи ни съ какими другими словами, напротивъ у Славянъ составляетъ одну изъ отраслей общаго языкамъ ихъ корня, то слѣдуетъ кажется признать, что слово это, а слѣдо-

вательно и обычай происхожденія славянскаго. Въ языкахъ Славянъ это названіе представляется не безсмысленнымъ звукомъ, а состоитъ въ явномъ родствѣ съ глаголомъ *толочь* (къ гнѣзду котораго оно и отнесено въ словарѣ Даля) или точнѣе *толочься*, который у Поляковъ (tłuc się) и у Чеховъ (tlauc) значитъ суетиться, возиться, съ другими толкаться. Отсюда видно, что первоначальное значеніе слова *толока* не пиръ, а работа, справляемая многими вмѣстѣ. Такимъ образомъ названіе talka, talks, talkko, стоящее уединенно въ языкахъ литовскомъ, латышскомъ и финскомъ, находитъ себѣ объясненіе только въ нарѣчіяхъ славянскихъ [1]).

ШЛЯПА. На швабскомъ нарѣчіи der Schlapp значитъ: родъ маленькой, обыкновенно кожаной шапки. На верхне-нѣм. die Schlappe — шапка, чепецъ (Heyse). Аделунгъ подъ словомъ Schlepe говоритъ, что въ Баваріи женскій головной уборъ особеннаго устройства называется Schlappe.

ШУБА. Польск. szuba въ томъ же значеніи, серб. шуба, родъ женскаго широкаго платья. Слово это взято съ нѣмецкаго: Schaube въ верх. Германіи означаетъ длинное верхнее платье, покрывающее все тѣло и употребляемое лицами обоего пола; Nacht-Schaube — халатъ; Regen-Schaube, дождевой плащъ; того же корня франц. jupe, итал. giubba—юбка и особое мужское платье, исп. chopa. Ср. араб. джубба.

---

[1]) Въ Дополненіи къ Обл. Словарю показано еще любопытное значеніе слова *то́лока* въ Пск. и Тверск. губ.—шумъ толпы, гомонъ. Ср. также выше стр. 80.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

«Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова.»
Сумароковъ. (*Соч X, 32.*)

I.

У всѣхъ образованныхъ народовъ господствуетъ требованіе, въ большей или меньшей степени удовлетворяемое, слѣдовать однообразному, твердо установленному способу изображенія звуковъ языка на письмѣ. Оттуда и самое понятіе о *правописаніи*, и названіе этого отдѣла грамматики. Такое требованіе совершенно правильно и естественно: языкъ состоитъ изъ явленій, не случайныхъ, а основанныхъ на законахъ, которые органически связаны между собою общимъ, хотя и не всегда яснымъ единствомъ. Умъ человѣческій стремится къ раскрытію и объясненію этихъ законовъ. Въ устной рѣчи, какъ непосредственномъ дѣйствіи нашего духа, они соблюдаются нами безсознательно; но письмо, какъ результатъ науки, не можетъ происходить надлежащимъ образомъ безъ разумѣнія этихъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ соблюденія точныхъ, преданіемъ или обычаемъ установленныхъ правилъ. Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы и сами черезъ минуту послѣ начертанія звука[1]) вполнѣ понималъ и легко узнавалъ каждое написанное нами слово.

---

[1]) Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

Въ отношеніи къ правописанію образованные народы представляютъ двоякое явленіе: у однихъ письмо очень близко выражаетъ звуки языка, у другихъ оно болѣе или менѣе удаляется отъ произношенія. Въ первомъ случаѣ, значитъ, письмо основано на выговорѣ, или — употребляя научный терминъ — правописаніе установилось *фонетическое*, каково напр. италіянское: нужно только усвоить себѣ значеніе итальянскихъ буквъ и, разумѣется, узнать законы ударенія, чтобы по книгѣ довольно вѣрно произносить каждое слово. Во второмъ случаѣ различіе между письмомъ и произношеніемъ происходитъ большею частью отъ того, что въ живомъ языкѣ произношеніе отступило отъ его первоначальныхъ формъ, а письмо стремится сохранить ихъ. Таково происхожденіе *этимологическаго* правописанія. Очевидно, что оно имѣетъ научное значеніе, что оно — орудіе и вмѣстѣ пособіе науки. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ шведскомъ, *фонетика* получила мало по малу перевѣсъ надъ *этимологіей*; въ другихъ, особенно во французскомъ, произношеніе такъ исказило древнія формы словъ, что одно правописаніе сохраняетъ память ихъ происхожденія и даетъ имъ смыслъ. Есть наконецъ и такіе языки, въ которыхъ, хотя они и не потерпѣли такого фонетическаго искаженія, этимологическое начало правописанія все-таки преобладаетъ, какъ необходимый охранитель и регуляторъ языка: таковы языки русскій и нѣмецкій. Въ позднѣйшее время нѣкоторымъ казалось, что русское правописаніе могло бы совершенно отбросить производственный элементъ и сдѣлаться чисто звуковымъ; но эта мысль не можетъ устоять передъ мало-мальски серіозною критикой. Въ русскомъ языкѣ столько не вполнѣ опредѣленныхъ, не вполнѣ явственныхъ звуковъ, особенно гласныхъ, и притомъ столько видоизмѣненій ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, что для множества словъ явилось бы по нѣскольку начертаній и орѳографія лишилась бы всякаго руководящаго начала. Между тѣмъ преимущественно-этимологическое правописаніе способствуетъ къ уясненію исторіи языка; оно доставляетъ намъ вѣрнѣйшее средство отыскивать смыслъ въ формахъ рѣчи, правильно судить

о развитіи или упадкѣ языка, основательно сравнивать родное слово съ языками другихъ народовъ. Раціональное правописаніе, путемъ школы и литературы, имѣетъ несомнѣнное вліяніе на успѣхи языка, на употребленіе его въ средѣ образованныхъ классовъ, а посредствомъ ихъ это вліяніе можетъ, въ нѣкоторой степени, распространяться и на народъ. При такомъ значеніи этимологическаго правописанія, нельзя не заботиться о поддержаніи его въ той степени, въ какой языкъ, по своему характеру, этого требуетъ, и о томъ, чтобы основанія такого письма болѣе и болѣе очищались наукою отъ всякихъ ошибочныхъ толкованій.

Изъ только-что сказаннаго можно заключить, что языки въ разной мѣрѣ имѣютъ надобность въ этимологическомъ правописаніи. Дѣйствительно, не всякій языкъ равно къ нему способенъ и равно въ немъ нуждается. У Италіянцевъ звуки такъ опредѣленны, такъ чисты и просты, что производственное начало почти безъ борьбы уступило побѣду фонетическому. Обыкновенно же, чѣмъ менѣе формы языка самобытны, чѣмъ болѣе онѣ уклонились отъ своего первообраза или источника, тѣмъ правописаніе своенравнѣе, тѣмъ болѣе оно основано на многосложныхъ, частью условныхъ правилахъ, но въ то же время тѣмъ оно тверже, тѣмъ строже соблюдается всѣми. Мы замѣчаемъ это особенно въ языкахъ англійскомъ и французскомъ, гдѣ тотъ же звукъ въ одномъ словѣ изображается такъ, въ другомъ иначе, и гдѣ однакоже тотъ, а не иной способъ написанія каждаго слова совершенно установленъ и для всѣхъ обязателенъ. Напротивъ, въ языкахъ коренныхъ, болѣе или менѣе сохранившихъ свои первобытныя правильныя формы, орѳографія бываетъ разнообразнѣе и труднѣе устанавливается. Причина тому понятна: при постепенно усиливающемся уразумѣніи состава и формъ языка возникаетъ стремленіе измѣнять правописаніе, но улучшенія не легко проникаютъ въ общее сознаніе; съ другой стороны, потребность уясненія формъ такого языка даетъ просторъ произволу въ толкованіяхъ, и оттого являются разные способы начертанія однихъ и тѣхъ же словъ.

Въ такомъ положеніи находятся, въ наше время, языки русскій и нѣмецкій. Впрочемъ, частыя жалобы на пестроту и неопредѣленность нашего правописанія едва ли не преувеличены. Правда, что у насъ многія слова пишутся неодинаково; но, вообще говоря, русское правописаніе представляетъ гораздо менѣе разногласій, нежели нѣмецкое. Для уясненія вопроса въ отношеніи къ намъ, остановимся напередъ на правописаніи Нѣмцевъ.

У нихъ разногласіе начинается отъ самой основы письма — очертанія буквъ: одни пишутъ угловатымъ готическимъ шрифтомъ, другіе круглымъ латинскимъ. Столь же капитальный споръ идетъ у Нѣмцевъ о томъ, начинать ли каждое существительное имя, по старому, большою буквой, или нѣтъ. Далѣе, величайшее разнообразіе въ письмѣ возникаетъ отъ вопросовъ: употреблять ли для протяженныхъ слоговъ, въ однихъ словахъ двойныя гласныя (aa, ee, oo), въ другихъ букву h? когда изображать звукъ s двойною шипящею (ss) и когда знаками (ß, ſz, sz) и проч. Для нѣмецкой орѳографіи очень неблагопріятно то обстоятельство, что языкъ вполнѣ установился и литература достигла богатаго роста прежде нежели явилась въ своемъ высшемъ развитіи филологія. Извѣстно, что на всѣ означенные вопросы только въ 1820-хъ годахъ обращено было вниманіе ученыхъ Яковомъ Гриммомъ, который сталъ употреблять совершенно новое правописаніе; напр. онъ допускалъ большую букву единственно въ началѣ собственныхъ именъ, отвергая ее послѣ точки и даже въ началѣ красной строки. Извѣстно также, что правописаніе Гримма, не смотря на силу его авторитета, до конца его жизни находило не много послѣдователей и что самъ онъ, построивъ свою орѳографію на глубоко-обдуманныхъ филологическихъ основаніяхъ, не рѣшался примѣнять ея во всей строгости; такъ напр. изгнавъ h послѣ t въ окончаніяхъ (armut, reichtum), онъ удержалъ этотъ знакъ протяженія въ началѣ словъ (thun, that, thor) и говорилъ: «Пускай онъ тамъ покуда остается; довольно, если на первый случай удастся вырвать его изъ окончаній». Но далеко не такъ извѣстно, что самъ Яковъ Гриммъ, при всей сознательности своихъ началъ, никогда не могъ

усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Особенно трудно было ему согласиться съ самимъ собой относительно употребленія двойнаго s и знаковъ, которыми оно можетъ быть замѣняемо (ß, sz). Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гриммъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей орѳографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь одними отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гримма (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболѣе подробно разсмотрѣно оно въ гёттингенской брошюрѣ г. Андресена [1]), который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гримма, изучить всѣ основанія его орѳографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ онъ самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлисъ въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано [2]). Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороной языка самостоятельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы нѣмецкаго правописанія. Оттого въ современной нѣмецкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою. Менѣе разногласія видно еще между тѣми грамотеями, которые, не мудрствуя лукаво, держатся прежней орѳографіи. Но она дѣйствительно основана на такихъ произвольныхъ правилахъ, что знатокъ языка не можетъ съ нею примириться и по неволѣ ищетъ исхода изъ встрѣчающихся ему на каждомъ шагу несообразностей. Не удивительно, что въ разныхъ

[1]) Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Gœttingen 1867.
[2]) Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

концахъ Германіи безпрестанно издаются брошюры о правописаніи. Между прочимъ такая брошюра недавно издана въ Берлинѣ по соглашенію цѣлаго собранія училищныхъ преподавателей, гдѣ дѣло рѣшалось по большинству голосовъ[1]). По поводу ея одинъ германскій критикъ справедливо замѣчаетъ, что въ подобныхъ вопросахъ мнѣніе большинства никакъ не можетъ быть обязательнымъ, потому что большинство не всегда бываетъ на сторонѣ правды, особливо въ наукѣ. При этомъ невольно припоминаются слова нашего Сумарокова: «... по большей части вещи утверждаются большинствомъ голосовъ, а невѣжъ больше нежели просвѣщенныхъ людей[1])». Не смотря на господствующую въ нѣмецкомъ правописаніи пестроту, можно ожидать, что пробудившійся въ послѣднее время общій интересъ къ этому предмету и тщательное его обсужденіе многими мало по малу приведутъ пишущій міръ къ бо́льшему согласію. Строго-историческое начало, которое хотѣлъ исключительно провести Гриммъ, едва ли одержитъ полную побѣду и вѣроятно должно будетъ, слѣдуя измѣненіямъ въ языкѣ, дѣлать уступки фонетикѣ. Такъ Гриммъ, по этимологическимъ соображеніямъ, писалъ gieng, fieng, находя въ этихъ формахъ прошедшаго времени долгое i; но почти нигдѣ нынче такъ не произносятъ, и потому начертаніе ging, fing пріобрѣтаетъ перевѣсъ. На этомъ же основаніи не могла распространиться и оригинальная орѳографія покойнаго корреспондента нашей Академіи наукъ Шлейхера, который, идя еще далѣе Гримма, не признавалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою

---

[1]) Regeln und Worterverzeichniss fur deutsche Orthographie. Herausgegeben («auf Grundlage des Usus») von dem Verein der Berliner Gymnasial und Realschullehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 342. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt. «Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage». Также: Zeitschrift fur das Gymnasialwesen 1871, Juni — Кстати замѣтимъ, что въ слѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной орѳографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ средніе и народные училища (Lefmann).

[1]) Полн. собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, X, 21.

буквы h и писалъ напр. — вм. ihm, ihn — im, in, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога in съ краткимъ i.

Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ, въ послѣднее время появившихся по этому предмету, особеннаго вниманія заслуживаетъ изданная въ Берлинѣ г. Лефманомъ: «Ueber deutsche Rechtschreibung» [1]). Вотъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній изъ этой книжки: Гриммъ въ своихъ сочиненіяхъ провелъ безспорно двѣ основы орѳографіи — латинское письмо и устраненіе излишнихъ большихъ буквъ, тогда какъ другія несообразности, уже поколебленныя имъ, остались у него по винѣ его издателей. Гриммъ наконецъ уступилъ, объявивъ, что «о словахъ и ихъ начертаніи окончательно рѣшаетъ общее употребленіе и народная воля». Но онъ забылъ, что̀ эти двѣ силы должны быть руководимы, и конечно не издателями и наборщиками, а грамматистами. Въ массѣ пишущихъ старая орѳографія еще въ полномъ ходу; только въ ученыхъ сочиненіяхъ латинское письмо болѣе вошло въ обычай, да и остальными нововведеніями Гримма воспользовались почти одни ученые, особенно грамматисты и изслѣдователи языка; къ нимъ надобно присоединить еще нѣкоторые спеціальные журналы. Тѣмъ не менѣе, съ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, когда явилась «Исторія нѣмецкаго языка» Я. Гримма, для нѣмецкой филологіи и грамматики наступила новая эпоха. Въ 1852 году ученикъ Гримма, грацкій профессоръ Карлъ Вейнгольдъ указывалъ на необходимость признать его начала обязательными. Но этой строгой теоріи Рудольфъ Раумеръ противопоставлялъ здравый практическій смыслъ и правило: «Согласуй по возможности свое письмо съ своимъ произношеніемъ», т. е. историко-этимологическому началу онъ противополагалъ историко-фонетическое. Въ истекшее десятилѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже не много приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще

[1]) Dr. S. Lefmann Berlin 1871. Это — одинъ изъ выпусковъ изданія: Sammlung gemeinverstandlicher wissenschaftlicher Vortrage. VI Serie, Heft 129.

бо́льшую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теоріею и разумною практикою: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, что́ въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: «пиши такъ, какъ ты правильно говоришь». Правильно же говорить, по его мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣетъ почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признаютъ ограниченій, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ, достигнуть общаго признанія и принятія.

II.

Обращаясь затѣмъ къ нашему́ правописанію, мы находимъ (какъ уже и выше замѣчено), что оно далеко не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія существуютъ въ нѣмецкомъ. Встрѣчающіяся у насъ различія можно раздѣлить на два разряда: одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устранены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ возможно, конечно, двоякое рѣшеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр., написаніе прилагательныхъ: *больнъ* и *видѣнъ* съ буквою ѣ вмѣсто е, или глаголовъ: *сыплятъ*, *дремлятъ*, *надѣятся*, *морочутъ*, *дышутъ* съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто *сыплютъ*, *дремлютъ*, *надѣются*, *морочатъ*, *дышатъ*. Всякаго серіозно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орѳографія просто ошибочна. Къ другому разряду принадлежатъ между прочимъ слѣдующія разнорѣчія: употребленіе въ однихъ и тѣхъ же слу-

чаяхъ большой или малой буквы въ началѣ слова, смѣшеніе нѣкоторыхъ гласныхъ (е, о), вставка или опущеніе, сліяніе или разложеніе двухъ согласныхъ (з, с; зч=щ). Одни, напр., пишутъ: *Славяне*, *Нѣмцы*; другіе: *славяне*, *нѣмцы*. Одни пишутъ: *второй*, *втораго*, *легкій*, *рождать*, *мечемъ*, *ученый*, *душею*, *желтый*; другіе: *второй*, *второго*, *легкой*, *раждать*, *мечомъ*, *ученый*, *душою*, *жолтый*. Одни: *разсказъ*, *разсчетъ*, *приказчикъ*, *мужчина*, *искусство*, *отверзтый*; другіе: *расказъ*, *расчетъ*, или *разказъ*, *разчетъ*, *прикащикъ*, *мущина*, *искуство*, *отверстый*. Одни: *коммиссія*, *адрессъ*, другіе: *коммисія* или *комисія*, *адресъ*. Наибольшую же пестроту наше правописаніе представляетъ въ раздѣленіи или сліяніи словъ, образующихъ вмѣстѣ одно понятіе и принимаемыхъ многими, въ этомъ соединеніи, за предлогъ или нарѣчіе; таковы, напр., слова: *въ слѣдствіе*, *въ послѣдствіи*, *въ замѣнъ*, *по прежнему*, *по видимому*, *со временемъ*, которыя пишутся то врознь, то слитно.

Большая часть этихъ различій правописанія происходитъ и у насъ отъ встрѣчи въ немъ двухъ началъ—*фонетическаго* или *звукового* и *этимологическаго* или *производственнаго*. Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ беретъ перевѣсъ первое, а въ другихъ второе; наприм., въ начертаніи слитно-употребляемыхъ предлоговъ воз, из, раз, низ передъ глухими согласными пишется издавна буква с, или: въ словахъ *мягкій*, *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ* по той же причинѣ пишется г, з вмѣсто к, с (*мяккій*, *кдѣ*, *сдѣсь*, *весдѣ*), какъ слѣдовало бы писать по ихъ составу; напротивъ, въ словахъ *кто*, *что*, *сдѣлать*, *сдавать*, произносимыхъ *хто*, *што*, *здѣлать*, *здавать*, соблюдается законъ этимологіи. Кто же или что, въ такихъ разнородныхъ явленіяхъ, рѣшаетъ перевѣсъ того или другаго начала? Обычай или давность? Но обычай и давность бываютъ иногда, какъ удостовѣряетъ опытъ, въ прямомъ противорѣчіи съ истиною: слѣдовательно окончательный приговоръ въ этомъ дѣлѣ все-таки долженъ принадлежать высшему суду, и право такого суда можетъ быть признано только за наукой. Ей одной подобаетъ рѣшать, въ какихъ случаяхъ уступки со стороны

производственнаго начала въ пользу звукового и вообще въ пользу практическихъ удобствъ письма могутъ быть допускаемы какъ разумныя и потому законныя. Все же безпричинное, неосновательное, а тѣмъ болѣе нелѣпое, хотя и употребительное, должно быть ею строго осуждаемо и по возможности устраняемо изъ обычая. Употребленіе языка людьми мыслящими и вообще грамотными должно быть сознательное; каждый пишущій, если онъ сколько-нибудь образованъ, чувствуетъ потребность отдавать себѣ отчетъ въ начертаніи словъ и стремится къ достиженію въ этомъ возможной послѣдовательности. Отсюда, какъ уже было замѣчено, общее требованіе разумно-установленнаго, единообразнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, кѣмъ онъ употребляется; языкъ есть дѣло мысли, слѣдовательно мысль должна быть присущею въ каждый мигъ его употребленія, и нѣтъ причины допускать разнообразіе въ рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ однихъ и тѣхъ же законахъ. Здѣсь мѣсто повторить умныя слова Сумарокова, поставленныя нами въ эпиграфъ настоящаго труда: «правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова». Главнымъ орудіемъ къ исполненію этого вполнѣ законнаго требованія должна быть школа, — построенное на правильныхъ основаніяхъ обученіе молодежи чтенію и письму. Дѣло науки — руководить школу. Наука постоянно развивается, и потому естественно, что она должна отъ времени до времени повѣрять свои собственныя рѣшенія, а съ другой стороны не оставлять безъ изслѣдованія и утвердившихся обычаемъ правилъ. Мы замѣчаемъ дѣйствительно, что во всѣхъ странахъ орѳографія, благодаря успѣхамъ науки, постепенно измѣнялась. Заимствую изъ брошюры г. Лефмана слѣдующій краткій очеркъ такихъ перемѣнъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи установили іоническій алфавитъ, въ которомъ устранены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ хи и фи введены кси и пси, и для отличія долгаго и краткаго е приняты двѣ буквы (ε и η). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и устано-

вили свое письмо. Еще лучшіе примѣры доставляетъ болѣе близкое къ намъ время. У Итальянцевъ, до 16-го столѣтія, держались во многихъ словахъ буквы, совершенно бесполезныя для установившагося произношенія: писали *apto*, *scripto*, *octo*, а выговаривали *atto*, *scritto*, *otto*. Не ранѣе какъ въ сказанномъ столѣтіи грамматисты (особенно Леонардо Сальвіати) приняли за правило che la scrittura seguiti la pronunzia и тѣмъ положили основаніе прекрасной гармоніи между итальянскимъ письмомъ и живымъ словомъ. То же до нѣкоторой степени сдѣлано и въ испанскомъ языкѣ. Такъ и у Французовъ архаическія неумѣстныя особенности письма мало по малу уничтожены, и введенное Вольтеромъ различіе oi и ai до сихъ поръ удержалось подъ именемъ Вольтеровскаго правописанія, не говоря о другихъ, еще и теперь продолжающихся попыткахъ улучшеній. Конечно, въ консервативной Англіи, гдѣ письмо и произношеніе такъ далеко разошлись, едва ли удастся измѣнить «непріятное и почти до смѣшного неудовлетворительное правописаніе», какъ его называетъ знаменитый оріенталистъ прошлаго столѣтія серъ Вильямъ Джонсъ. Возвращаясь къ правописанію Нѣмцевъ, г. Лефманъ замѣчаетъ, что и у нихъ давно уже началось изгнаніе безобразнаго скопленія согласныхъ и протяженія гласныхъ [1]). Конечно, говоритъ онъ, такія излишества позволяли себѣ даже многіе изъ лучшихъ писателей, но они поступали такъ отчасти потому, что не заботились о чистовнѣшней сторонѣ своихъ безсмертныхъ созданій, а отчасти и потому, что довѣрялись своимъ издателямъ и наборщикамъ: не надо забывать, что искуство и наука въ жизни народовъ появляются не разомъ. Только изъ науки, не изъ литературы и искуства, могутъ быть почерпаемы законы и правила для простоты и правильности письма; только наука способна дать иногда толчокъ, отъ котораго бы встрепенулась масса пишущихъ, упорно привязанная къ старой привычкѣ и не расположенная пріучать глазъ и руку къ новому.

[1]) Нѣкогда писали: unndt, Thiſchthuoch, и не такъ давно еще стали исчезать формы: verlohren, Bluhme, Seegen, Schaaf, и т. п (Lefmann, стр. 11 и д.)

Такъ и у насъ, въ русскомъ языкѣ, многія употребительныя въ прошломъ столѣтіи и еще позже начертанія словъ отмѣнены въ слѣдствіе успѣховъ науки и общаго образованія. Прежде писали, напр.: *здѣлать*, *щастіе*, *щетъ*, *лутче*, *мѣлкій*, *мѣльница*, *чтиться* (вм. *тщиться*), *прозьба*, *истинна*, *протчій*, *порутчикъ*, *присудствовать*, *витъ* (вм. *вѣдъ*), какъ теперь никто уже не пишетъ. Съ другой стороны, однакожъ, и звуковое начало брало въ нѣкоторыхъ случаяхъ верхъ надъ производственнымъ (*если* утвердилось вм. *естьли*), или обычай принималъ въ руководство ложныя рѣшенія авторитетовъ: Гречъ, по примѣру Карамзина, сталъ писать *лечить*, *лекарь* вм. *лѣчить*, *лѣкарь*, и далъ ходъ этой орѳографіи ошибочнымъ толкованіемъ, будто глаголъ *лечить* есть искаженіе слова *легчить*[1]). Такимъ же образомъ въ недавнее время довольно распространились невѣрныя начертанія: *меткій*, *смета* вм. *мѣткій*, *смѣта*[2]), или *стоютъ* вм. *стоятъ*.

Какъ бы ни было, въ орѳографіи нашей несомнѣнно происходитъ движеніе подъ двойственнымъ вліяніемъ — *науки* (представляющей начало этимологическое) и *практики* (обновляемой нововведеніями, иногда наперекоръ наукѣ). Перваго рода движеніе совпадаетъ съ успѣхами филологіи; движеніе второго рода опредѣляется отчасти развитіемъ живого языка, отчасти не совсѣмъ благопріятными случайностями. Цѣль настоящаго труда заключается вовсе не въ какихъ-либо нововведеніяхъ и даже не въ окончательномъ рѣшеніи всѣхъ спорныхъ вопросовъ нашего правописанія (такая задача была бы слишкомъ смѣла), а въ томъ только, чтобы историческимъ путемъ уяснить мыслящему читателю настоящее состояніе русской орѳографіи и способствовать къ бо́льшему единообразію письма. Возможное при-

---

[1]) *Лѣчить* происходитъ отъ общеславянскаго корня *лѣкъ*. Ломоносовъ писалъ *лѣчить*. — Ср *Корнесловъ* Шимкевича, стр. 135.

[2]) *Мѣтокъ* не тотъ, кто ловко *метаетъ*, а тотъ, кто хорошо *мѣтитъ*. Очевидно, что и *смѣта* одного корня съ словами: *примѣта*, *замѣтка*, *отмѣтка* Выговоръ *смѣтка* ничего не доказываетъ, потому что въ народной рѣчи и ѣ иногда превращается въ ё. *смѣтливъ* одного происхожденія съ *примѣтливъ*.

ближеніе къ такому единообразію остается весьма желательнымъ не только по теоретическимъ причинамъ, но и по чисто-практическимъ соображеніямъ: ясно, какъ разнорѣчія въ правописаніи неблагопріятны для школы и какъ они неудобны для типографій. Мы очень хорошо понимаемъ, что достигнуть полнаго соглашенія въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ бо́льшей части человѣческихъ дѣлъ, мало надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что всякій безпристрастно ищущій истины охотно воспользуется нѣкоторыми служащими къ разъясненію ея указаніями. Мы желаемъ только облегчить каждому возможность сознательно употреблять то или другое правописаніе, оставаясь послѣдовательнымъ и всегда вѣрнымъ самому себѣ. По опыту извѣстно, что насильственныя измѣненія въ орѳографіи не удаются, но отмѣна нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій письма, не смотря на долговременную къ нимъ привычку, легко принимается людьми непредубѣжденными. Мы готовы сами подать въ этомъ примѣръ и принять въ нѣкоторыхъ случаяхъ чужую орѳографію, которой до сихъ поръ не держались, если найдемъ, въ пользу ея, убѣдительные доводы.

III.

Для большей ясности, обратимъ прежде вниманіе на нѣкоторыя характеристическія черты русской фонетики [1]). Въ ней поражаютъ особенно три явленія:

1) Двоякое произношеніе согласныхъ (кромѣ гортанныхъ и шипящихъ), означаемое въ концѣ, а иногда и въ серединѣ словъ, знаками ъ и ь, изъ которыхъ первый уподобляетъ приближенный звукъ сокращенному о, а второй сокращенному е или и. Извѣстно, что буквы ъ и ь нѣкогда замѣняли гласныя о и е при

[1]) Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только объ образованномъ языкѣ. Особенности нарѣчій въ этомъ отношеніи бесчисленны и къ сожалѣнію еще слишкомъ недостаточно изучены Полезнымъ пособіемъ по этой части могутъ служить статьи г Потебни въ *Филол. Записках*ъ (1865 и д.); но такъ какъ насъ теперь занимаетъ письменный языкъ, то мы и не касаемся вовсе діалектическихъ различій.

плавныхъ р и л, но произносились короче другихъ гласныхъ, почему и до сихъ поръ еще онѣ иногда называются *полугласными*[1]). Звукъ согласной передъ *еромъ*, явнымъ или подразумѣваемымъ, можетъ быть названъ *дебелымъ*, звукъ же передъ ь — *тонкимъ* (употребляя терминологію Смотрицкаго и Востокова[2]). Это двоякое произношеніе проникаетъ всю нашу фонетику и имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, отражаясь и на гласныхъ.

2) Произношеніе гласныхъ вслѣдъ за двоякими согласными очень характеристично: гласныя могутъ быть сами по себѣ также двоякія: дебелыя — а, о, у, и тонкія — э, и. Въ произношеніи первыхъ слышится тотъ же толстый или широкій звукъ, который у согласныхъ отмѣчается знакомъ ъ: а = ъа, о = ъо, у = ъу. Изъ тонкихъ гласныхъ только И можетъ слѣдовать непосредственно за дебелой согласной и тогда произносится широкимъ звукомъ, неизвѣстнымъ и труднымъ для западныхъ Европейцевъ и означаемымъ на письмѣ: ы = ъи (еры = еръ + и). Этотъ звукъ только тогда и слышится, когда и прислоняется къ дебелой согласной; онъ невозможенъ въ началѣ слога, а слѣдовательно и слова.

Къ разряду тонкихъ гласныхъ у насъ обыкновенно причисляютъ также буквы е, ё, ѣ, я и ю; но тутъ есть недоразумѣніе или, по крайней мѣрѣ, неточность: во первыхъ, все это — не простыя гласныя, а двоегласныя (йэ, йо, йа, йу), или, по Ломоносовскому термину, — потаенныя двоегласныя[3]); во вторыхъ, только въ основѣ е и ѣ лежитъ тонкая гласная э, въ основѣ же ё, я, ю лежатъ дебелыя о, а, у. Поэтому е и ѣ могутъ, пожалуй, быть называемы *тонкими* гласными, но только когда онѣ слѣдуютъ за согласною и произносятся точно такъ же, какъ произ-

---

[1]) Ломоносовъ называлъ ихъ *безгласными*; см. его *Грам.*, §§ 103 и 116.

[2]) У Ломоносова не находимъ термина для этого двоякаго произношенія согласныхъ; Тредіаковскій называетъ различный звукъ ихъ *отолщеннымъ* (при ъ) и *отонченнымъ* (при ь).

[3]) Явными двоегласными, или и троегласными, онъ считаетъ противоположныя сочетанія тѣхъ же звуковъ: **ай, ей, яй, ой, уй.**

носится на этомъ мѣстѣ и буква э, которая тоже можетъ слѣдовать только за *тонкою согласною*.

Дѣло въ томъ, что когда къ тонкимъ согласнымъ (бь, вь, дь и т. д.) прислоняются дебелыя гласныя а, о, у, то утонченіе согласныхъ передается на письмѣ гласнымъ, и вмѣсто а, о, у пишутся двоегласныя я, е, ю; но въ произношеніи слышатся все-таки первыя, въ чемъ легко убѣдиться, если выговаривать гласныя протяженно, напр. *коня* = *конь* — *аааа*, *синё* = *синь* — *оооо*, *велю* = *вель* — *уууу* и т. д. Иностранцамъ чрезвычайно трудно усвоить себѣ это произношеніе: непосредственно за согласной они выговариваютъ я, ё, ю такъ же, какъ въ началѣ слога, т. е. йа, йо, йу, напр. *конйа*, *синйо*, *велйу*.

Отсюда видно, что за тонкими согласными могутъ слѣдовать всѣ самостоятельныя гласныя[1]), но что въ такомъ случаѣ дебелыя гласныя (а, о, у) принимаютъ видъ соотвѣтствующихъ имъ двоегласныхъ (я, е, ю), которыя слѣдовательно исполняютъ въ русской азбукѣ двоякое назначеніе: въ началѣ слога онѣ сохраняютъ свой самостоятельный звукъ, въ концѣ же или въ серединѣ слога онѣ произносятся какъ дебелыя и означаютъ, что предшествующая имъ согласная должна выговариваться тонко. Другими словами: слоги *всё*, *вся*, *всю* и т. п. должны бы по настоящему писаться такъ: *всьо*, *всьа*, *всьу*.

Отъ показанныхъ выше особенностей происходитъ, что когда послѣ тонкихъ согласныхъ стоятъ тонкія же гласныя (или и двоегласныя) э, е, ѣ, и, і,—то образующіеся при этомъ слоги бе, вѣ, ри, лі и т. п. произносятся совсѣмъ иначе нежели такіе же по видимому слоги въ западно-европейскихъ языкахъ. Сравнимъ для примѣра русскія слова: *меньше*, *мьръ*, *вѣръ*, *сиръ*, *ли*, *нѣтъ*, *ть*, съ нѣмецкими *menschen*, *meer*, *wer* и французскими *sire*, *lit*, *nette*, *tes*: въ русскихъ словахъ слышится особенное іотированіе гласной буквы, которое происходитъ отъ утонченія предыдущей согласной и котораго вовсе нѣтъ въ подобныхъ же иностранныхъ словахъ.

[1]) Т. е. а, э, и, і, о, у; но никакъ не ы, которое не самостоятельно и по самой натурѣ своей никакъ сюда не идетъ

3) Замѣчательную черту русской фонетики составляетъ близкое родство между гласными а и о, между я и ё, между е и о, такъ что произношеніе то не ясно отличаетъ каждую изъ нихъ, то замѣняетъ одну другою. Оттого онѣ нерѣдко смѣшиваются и на письмѣ.

Справедливо замѣчаютъ, что буква а безъ ударенія послѣ шипящихъ буквъ ж, ч, ш, щ, а также буква я безъ ударенія въ началѣ слога произносятся почти какъ е, напр. въ словахъ: *жалѣть*, *часы*, *шалить*, *щадить*, *явить*, *яйцо*; но къ тому надобно прибавить, что это только одинъ видъ общаго явленія, въ силу котораго звуки а, я безъ ударенія, послѣ какихъ бы согласныхъ они ни стояли, произносятся не какъ дѣйствительныя а, я, а какъ что-то среднее между а и о, между я и е. Иначе выражаясь, буквы а и о, я и е, когда на нихъ нѣтъ ударенія, произносятся одинаково-неопредѣленно, какъ видно, напр. изъ словъ: *умалять*, и *умолять*, *пятакъ*, *пятно*, *мятежъ*, *мету*, *слеза*. Поэтому неудивительно, что въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ а, другіе о; таковы, напр., слова: *догорать* (*догарать*), *рождать* (*раждать*) или слова неяснаго происхожденія *тороватый* (*тароватый*), *творогъ* (*тварогъ*) и проч. По родству означенныхъ гласныхъ, такое различіе правописанія не всегда можетъ считаться ошибочнымъ [1]). Иногда одно и то же слово, въ разныхъ формахъ или сочетаніяхъ, пишется то съ о, то съ а, напр. *расти*, *росъ*; *ростъ*, *возрастъ*; *заря*, *зорю*; *платить*, *плотитъ*.

Сюда же относится частое превращеніе звука е и ѣ (йэ) въ йо или, послѣ тонкой согласной, въ о, что́ на письмѣ иногда означается начертаніемъ ё. Случаи этого произношенія въ первый разъ были разсмотрѣны, съ надлежащею подробностью, Востоковымъ [2]); но такъ какъ здѣсь правила допускаютъ много исключе-

[1]) Неясность произношенія русскихъ гласныхъ обнаруживается еще и въ томъ, что въ глагольныхъ окончаніяхъ я часто произносится, какъ ю (ѣздютъ, стóютъ), а въ окончаніяхъ именъ е выговаривается какъ и (цвѣточикъ, папинька, малинькій); но въ этихъ случаяхъ замѣна неправильна и на письмѣ не должна отражаться.

[2]) Въ книгѣ И. Борна: «*Краткое руководство къ Росс. словесности*, стр. 3—6.

ній, то я замѣчу только, что превращеніе е, а иногда и ѣ въ ё особенно свойственно народному говору и рѣдко сообщается словамъ книжной рѣчи, такъ что изъ двухъ словъ того же корня только народное принимаетъ это видоизмѣненіе, напр. изъ словъ *предметъ* и *подметки*, одинаково происходящихъ отъ глагола *метать*, только послѣднее представляетъ превращеніе е въ ё. Нѣкоторыя слова въ этомъ отношеніи произносятся различно въ народѣ и въ образованномъ языкѣ, напр. *крестъ*, *смертный* народъ выговариваетъ: *крёстъ* (или *хрёстъ*), *смёртный*.

IV.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній намъ легче будетъ говорить о правописаніи, какъ изображеніи звуковъ. Начнемъ съ происхожденія нашей гражданской грамоты и прослѣдимъ главныя измѣненія въ ходѣ развитія употребительной нынѣ орѳографіи, а также и разныя попытки преобразованій въ нашемъ алфавитѣ.

Составленіе гражданской азбуки по видимому произошло не вдругъ, а постепенно. Объ изобрѣтеніи ея и первоначальномъ введеніи сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало извѣстій. Лѣтъ десять тому назадъ высказана была догадка, что въ образованіи гражданской печати важное участіе принималъ справщикъ московской духовной типографіи Поликарповъ; но ученая критика не подтвердила этого предположенія и напротивъ замѣтила, что первые начатки гражданской азбуки появляются ранѣе того времени, къ которому обыкновенно относятъ ея происхожденіе: именно указано было на напечатанное въ 1699 году амстердамское изданіе Ильи Копьевича «Поверстаніе круговъ небесныхъ», гдѣ особенно курсивъ представляетъ поразительное сходство съ нынѣшними буквами [1]). И въ другихъ голландскихъ изданіяхъ уже замѣтна отчасти та круглота и чистота шрифта, которая позднѣе, въ москов-

[1]) *Наше Время* 1860, № 10, стр. 159: «Историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи» (г. Арсеньева?) по поводу статьи г. Безсонова «Типографская библіотека въ Москвѣ» (*Р. Бесѣда* 1859, V)

скихъ книгахъ новой печати, такъ нравилась Тредіаковскому. Вниманія заслуживаетъ, напр., напечатанная въ 1700 году книжка «Краткое собраніе Льва Мiротворца показующее дѣлъ воинскихъ обученіе». Здѣсь заглавіе набрано отчасти капителью, отчасти курсивомъ, въ которомъ многія буквы мало отличаются отъ нынѣшнихъ, а на послѣдней страницѣ книги слово *Конецъ* напечатано крупнымъ шрифтомъ, въ которомъ всѣ буквы, кромѣ латинскаго N, совершенно сходны съ введенною впослѣдствіи гражданскою азбукою. Такіе обращики новаго для глазъ шрифта вѣроятно поражали Петра В. и подали ему первую мысль преобразованія церковной печати для свѣтскихъ изданій. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ, кажется, считать Копьевича, который въ 1700 году завелъ въ Амстердамѣ свою собственную типографію, «самъ единъ труждаяся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ». По его же указаніямъ могъ быть подготовленъ и новый шрифтъ въ Голландіи[1]). Тредіаковскій говоритъ, что Петръ, видя красивую печать европейскихъ книгъ, пожелалъ имѣть такую же и въ русскихъ изданіяхъ. Поэтому онъ кому-то поручилъ составить образецъ гражданской азбуки и отправитъ ее въ Амстердамъ для вылитія тамъ новаго шрифта, который въ 1708 году и былъ привезенъ въ Москву.

Какъ бы то ни было, достовѣрно одно, что съ 1708 г. этимъ шрифтомъ стали печататься книги въ Россіи. Показанія Тредіаковскаго о постепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданской азбукѣ оказываются не совсѣмъ точными. Такъ онъ несправедливо утверждаетъ, будто новый *дружъ*, въ которомъ не было и, з, v, оставался безъ всякихъ перемѣнъ до 1716 года. Измѣненія начались уже въ 1710 году, но здѣсь безполезно было бы входить въ по-

---

[1]) Пекарскаго *Наука и Лит. при Петрѣ В*, I, 16, 18 Копьевичъ возвратился въ Россію около 1707 года; вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ можно полагать, что отлитіе новаго шрифта произошло по меньшей мѣрѣ за годъ до привоза его въ Москву; самое же образованіе буквъ и изготовленіе матрицъ должно быть отнесено еще къ болѣе раннему времени. По преданію, сообщенному Евгеніемъ Болховитиновымъ, гражданская азбука изобрѣтена самимъ Петромъ Великимъ около 1704 года (Сл. дух. писат., II, 277).

дробности ихъ [1]). Замѣтимъ только, что по словамъ Тредіаковскаго, въ 1733 году былъ вылитъ новый шрифтъ (нѣсколько продолговатѣе прежняго) для напечатанія, при Академіи наукъ, перевода «Меморій или записокъ» Сенъ-Реми объ артиллеріи. Тредіаковскій же говоритъ, что въ 1735 году изгнана буква ѕ (зѣло), а возстановлена з (земля), которая съ тѣхъ поръ и удержалась; отмѣнены ѵ (ижица) и ѯ (кси); прибавлены й и э (послѣдняя впрочемъ встрѣчается уже и ранѣе [2]); наконецъ тогда же опредѣлено слова́, имѣющія двоякое значеніе, отмѣчать знакомъ ударенія. Благодаря разысканіямъ Пекарскаго, мы знаемъ теперь, что эти нововведенія сдѣланы были по распоряженію Академіи наукъ, типографія которой въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій была единственною въ Россіи для печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ. Новая азбука была окончательно установлена учрежденнымъ при Академіи «Россійскимъ собраніемъ» и сообщена въ руководство типографіи двумя записками Тауберта и Шумахера [3]). Въ этой азбукѣ являлись, между прочимъ, два знака (и, і) для звука і (не считая й, какъ отличающагося особымъ произношеніемъ и потому не лишняго). Изъ нихъ і долго писалось не только передъ гласными, но и для означенія этого звука въ иностранныхъ словахъ. Различное употребленіе обоихъ знаковъ, смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними гласная или согласная, установилось, какъ увѣряетъ

[1]) Въ первопечатныхъ книгахъ 1708 года мы дѣйствительно находимъ только і (палочку безъ точки) и ѕ (зѣло), но уже въ 1710 появляются:

ї (съ двоеточіемъ), начертаніе, которое оставалось въ нашей печати чуть ли не до начала нынѣшняго столѣтія;

и въ трехъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи двухъ і (їи); 2) въ началѣ русскихъ словъ и 3) въ концѣ словъ. Такъ въ заглавіи одной книжки 1710 г. мы читаемъ: «Інструкціи и артікулы военные надлежащіе къ россіискому флоту».

з (*земля*) во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто отмѣненнаго ѕ (*зѣло*)

д для означенія звука *д*

Въ Географіи, напечатанной также въ 1710 году, ѕ очень рѣдко появляется вмѣсто з; а і только передъ гласною и для означенія соединительнаго союза; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, и даже въ иностранныхъ словахъ стоитъ и, недостаетъ только й. Тутъ же встрѣчаемъ уже и э.

[2]) См. предыдущее примѣч. *Ижица* вскорѣ опять была принята въ азбуку.

[3]) *Исторія Акад Наукъ* II, 639.

Тредіаковскій, съ 1738 года[1]). По свидѣтельству Ломоносова, і осталось въ употребленіи только для того, «чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало[2])».

Съ тѣхъ поръ составъ нашего алфавита уже не измѣнялся (за исключеніемъ развѣ того, что ѵ, ижица, почти совершенно вышла изъ употребленія). Попытки нѣкоторыхъ писателей усовершенствовать эту азбуку прибавленіемъ недостающихъ буквъ или исключеніемъ лишнихъ, остались безуспѣшными. Одно только нововведеніе было нѣсколько счастливѣе, именно двоеточіе надъ е для означенія извѣстнаго произношенія этой буквы, да и оно все рѣже и рѣже встрѣчается въ нашемъ письмѣ.

Въ первое время по установленіи русской гражданской азбуки замѣчательны орѳографическія соображенія трехъ главныхъ писателей, знаменитыхъ современниковъ — Тредіаковскаго, Ломоносова и Сумарокова.

Тредіаковскій написалъ по этому предмету цѣлую книгу, которая и была напечатана предлагаемою имъ орѳографіею[3]). Его нововведенія состоятъ въ слѣдующемъ: онъ вовсе не употребляетъ буквъ: и, э, щ, ѳ, з, и вмѣсто ихъ ставитъ: і, е, шч, ф, ѕ; послѣдняя, по его мнѣнію, красивѣе з и болѣе отвѣчаетъ цѣли Петра Великаго сблизить русскую азбуку съ латинскою. Кромѣ того, для означенія іотированнаго звука е и ѣ въ началѣ слога или слова онъ употребляетъ форму прописной буквы Е, и такимъ образомъ пишетъ, напр. *естъ* (не отличая *естъ* отъ *ѣстъ*), *двое* и т. п. Въ другихъ случаяхъ онъ, однакожъ, оставляетъ неприкос-

---

[1]) Относительно употребленія і въ древнихъ рукописяхъ И. И. Срезневскій замѣчаетъ: «і замѣняло въ древности и только случайно или по недостатку мѣста; но потомъ стали употреблять его и нарочно и между прочимъ съ двумя черточками (ï), означавшими и надписанное, и превратившимися еще позже въ точки (і); иные писцы пытались писать это і послѣдовательно передъ гласными».... Въ печатномъ Апостолѣ 1564 г. обѣ буквы уже употребляются по нынѣшнему (*О Русск правописаніи. Письмо 1е Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867).

[2]) *Росс. Грам.* § 85.

[3]) «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ орѳографіі старінной і новой». Спб 1748. 464 нум. стр.

новенною букву ѣ, полагая, что она и произношеніемъ отличается отъ е[1]). Наконецъ, онъ находитъ букву г годною только для звука, слышимаго напр. въ словахъ *Господь*, *благо*, *богатый*; для твердаго же гортаннаго звука въ словахъ *городъ*, *голодъ*, *голый* и т. п. предлагаетъ особое видоизмѣненіе этой буквы (Г) подъ названіемъ *голъ*. Впрочемъ замѣтимъ, что мысль объ этомъ нововведеніи въ первый разъ высказана была за 17 лѣтъ ранѣе въ русской грамматикѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при словарѣ Вейсмана и приписываемой Адодурову. «Иные», говорится здѣсь, «замѣтивъ недостатокъ буквы g, стали изображать ее литерою Г, какъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ до сего напечатанныхъ книгахъ. Итакъ было бы желательно, чтобы вошло въ обычай буквою Г всегда означать h, а буквою Г — звукъ g»[2]). Тредіаковскій въ своемъ *Разговорѣ* ничего не упоминаетъ объ этомъ болѣе раннемъ заявленіи мысли, которую онъ выдаетъ за свою; предлагаемую букву онъ иначе называетъ *гаммою* и поясняетъ, что у нея «верьхній кончікъ молоточкомъ сдѣланъ»[3]). Основнымъ началомъ орѳографіи Тредіаковскаго было требованіе, которое онъ горячо отстаивалъ: «писать по звонамъ» (т. е. держаться произношенія). Въ этомъ взглядѣ онъ шелъ такъ далеко, что писалъ напр. *порятку*, *свѣцкой* (вм. *свѣтскій*), *обрасцы*, *извѣсно*, *кресьяне*, *скушно*, *книшка* и т. п.

Иначе, но также весьма оригинально, смотрѣлъ на русское письмо Ломоносовъ. Особенно любопытно, что онъ не хотѣлъ вводить въ азбуку нѣкоторыхъ буквъ, которыя самъ употреблялъ и

---

[1]) Это утверждаютъ довольно многіе еще и теперь Но для опроверженія такого взгляда достаточно замѣтить, что еслибъ такъ было, то не встрѣчалось бы никакого затрудненія въ употребленіи буквѣ ѣ: стóило бы только ссылаться на произношеніе ѣ и е, чтобы заставлять отличать ихъ на письмѣ.

[2]) Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon. St.-Petersburg 1731. Anfangs-Grunde der Russischen Sprache. — Подтвержденія словъ автора грамматики объ употребленіи въ печати предлагаемой имъ буквы мы не встрѣчали въ книгахъ указываемаго имъ времени. Въ 1731 году Тредіаковскій, только что возвратившійся изъ за границы, жилъ у Адодурова, который въ то время былъ еще академическимъ студентомъ (Пек. *Ист. А. Н.*, I, 504; II, 18).

[3]) *Разговоръ* Спб. 1748, стр. 380, 386.

считалъ вообще позволительными въ употребленіи. Это были: і, щ, ѳ, ѭ (нынѣшнее ё). Относительно двухъ первыхъ онъ объяснялъ, что і произносится одинаково съ и и употребляется только для четкости письма, а щ состоитъ изъ двухъ звуковъ (шч) и «не больше права имѣетъ быть въ азбукѣ какъ ѯ и ѱ». Сверхъ того онъ не признавалъ надобности въ буквѣ э даже на практикѣ.

Рѣзкое разногласіе произошло между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ по возникшему тогда вопросу объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа, которыя до тѣхъ поръ писались въ этой формѣ какъ попало, то съ е, то съ я во всѣхъ родахъ. Тредіаковскій съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что въ мужескомъ родѣ они должны оканчиваться на ыи (іи), въ женскомъ на ые (іе), въ среднемъ на ыя (ія). Ломоносовъ, напротивъ, стоялъ за правописаніе, принятое академическою типографіею, по показанію Тредіаковскаго, съ 1733 года: въ муж. е, въ жен. и сред. я [1]). Споры о томъ начались между обоими писателями въ Академіи наукъ, еще въ 1746 году. Тредіаковскій сочинилъ тогда и представилъ въ конференцію цѣлое разсужденіе объ этомъ предметѣ, а Ломоносовъ написалъ возраженіе [2]). Позднѣе Тредіаковскій, въ *Разговорѣ* объ орѳографіи, повторилъ съ тою же настойчивостью свои доводы въ пользу придуманныхъ имъ окончаній, которыя (хоть онъ и не упомянулъ о томъ) какъ разъ соотвѣтствовали окончаніямъ множ. числа латинскихъ прилагательныхъ: муж. і, жен. ае, сред. а. Напротивъ того, Ломоносовъ, въ своей *Грамматикѣ*, выразился по этому вопросу

---

[1]) Тредіаковскій ошибочно утверждаетъ, что эта орѳографія уже соблюдена въ книгѣ: *Меморіи или записки артиллерійскія*, соч. Сенъ-Реми, перев. съ фр. при его, Тредіаковскаго, участіи (Спб. 1732 — 1733): на повѣрку выходитъ, что здѣсь прилагательнымъ въ именит. множ. числа окончанія даются совершенно случайно. Вотъ примѣры: *славныя Авторы, станки суть разныя, цѣльные пушки, пороховые ящики, веревки которые, вещей которые* Кстати, приведу еще нѣсколько обращиковъ правописанія этой книги: *ни одново, такова* (род. п. муж. рода), *о чомъ, щотъ, учоныхъ, щасливъ, очюнь, двацать, на конецъ* (нарѣчіе), *по нынъ*.

[2]) Пекарскаго *Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова*, Спб. 1865, стр. 98—119.

съ замѣчательною умѣренностью: «Е и Я, говоритъ онъ, нерѣдко за едино употребляются, особливо во множ. числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ Е и Я, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е прилпчнѣе въ мужескихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ» [1]).

Построенное на этомъ основаніи правило, какъ оно ни произвольно, такъ утвердилось мало по малу, что стало соблюдаться съ величайшею строгостью и отступленіе отъ него до сихъ поръ считается чуть не признакомъ круглаго невѣжества. Такова-то сила условныхъ соглашеній въ языкѣ: имъ обыкновенно подчиняются съ гораздо большею внимательностью, нежели многимъ дѣйствительнымъ законамъ его. Такимъ же образомъ, напр., немыслимо нарушеніе правила о различномъ употребленіи буквъ и, і. Замѣтимъ однакожъ, что въ первое время Ломоносовскому взгляду на окончанія прилагательныхъ не всѣ беспрекословно слѣдовали: между противниками его выдается особенно Сумароковъ, который во всѣхъ трехъ родахъ постоянно писалъ я.

Что касается общаго характера русской орѳографіи, то Ломоносовъ опять совершенно расходился съ Тредіаковскимъ. Послѣдній былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей фонетической методы, что твердо вѣрилъ въ будущее торжество ея. «Я не отчаяваюсь, говорилъ онъ, чтобъ въ нѣкоторое время не сталі всѣ у насъ (такъ) пісать, ешче и учоныі, ізъ которыхъ катоноватѣйшіі, позвольте учоное слово, наібольше хорохорятся противъ звоновъ» [2]). Съ своей стороны Ломоносовъ, на котораго явно мѣтятъ эти слова, выразилъ противоположный взглядъ съ крайнею осмотрительностью, требуя только: «что бы правописаніе не удалялось много отъ чистаго выговору и что бы не закрылись со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій» [3]).

---

[1]) *Росс Грам.* § 112.

[2]) *Разговоръ объ орѳографіи*, стр. 68 и 285 (изд. Смирдина).

[3]) *Росс Грам.* § 108.

Относительно буквы Ѣ оба писателя были между собой довольно согласны. Тредіаковскій, устами одного изъ своихъ вымышленныхъ собесѣдниковъ, спрашиваетъ: «Для чего бы вмѣсто Ѣ не писать вездѣ Е?» [1]) но рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ «воспослѣдуетъ превеликая гібель чістому нашему выговору, въ премногіхъ тысячахъ рѣчей»[2]): ему казалось, что если написать *тебе*, *победа*, *славе*, *верная*, *песнь*, *действо*, *крепко*, то здѣсь звукъ е останется не іотированнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эта буква имѣетъ двоякій звукъ, т. е. послѣ согласныхъ она выговаривается какъ э и только въ началѣ слоговъ какъ йэ [3]). Основываясь на этомъ, онъ считалъ необходимымъ сохранить букву Ѣ, когда она слѣдуетъ за согласною. Мы уже видѣли, что въ началѣ слоговъ онъ замѣнялъ ее буквою Е.

Ломоносовъ отстаивалъ букву Ѣ безусловно. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, онъ различалъ, въ отношеніи къ выговору, *просторѣчіе* отъ *чтенія* и *предложенія рѣчей изустныхъ*. Несомнѣнное въ наше время тожество произношенія буквъ е и Ѣ [4]) признавалось имъ только во вседневномъ говорѣ, да и то не вполнѣ: онъ находилъ, что «буквы Е и Ѣ въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ Е дебелости, въ Ѣ тонкости» [5]) (т. е. напр. съ каѳедры надобно произносить *дъэбъэлый*, *бъэзъ*, въ отличіе отъ вседневнаго выговора: *дебелый*, *безъ*, который сближаетъ эти слова съ произношеніемъ *бѣлый*, *бѣсъ*). Окончательно Ломоносовъ приходилъ къ такому заключенію: «Нѣкоторые поку-

---

[1]) *Разговоръ*, стр. 41.

[2]) Тамъ же, стр 127.

[3]) Въ этомъ Тредіаковскій, очевидно, ошибался: буква е можетъ стоять только послѣ тонкой согласной и въ такомъ случаѣ непремѣнно должна іотироваться. Иначе не можетъ произноситься, послѣ согласной, даже и буква э, потому что ей предшествуетъ тонкая согласная, вліяющая на всякую послѣдующую гласную Доказательствомъ тому можетъ служить русское произношеніе буквы и послѣ согласныхъ сравнительно съ выговоромъ того же звука въ словахъ иностранныхъ. (См выше, стр 473).

[4]) См. выше, стр. 479.

[5]) *Росс. Грам.* § 100.

шались истребить букву Ѣ изъ азбуки Россійской [1]). Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы Ѣ начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣлять Е отъ Ѣ умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ, будетъ противъ свóйства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу*, *летѣть* отъ *лѣчу*, *лѣчить*; *пеню* имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь*; *пенье*, *пеньевъ* отъ *пѣнье*, *пѣнья*; *пленъ*, родительный множественный отъ именительнаго *плена*, отъ *плѣнъ*, то есть *полóнъ*, которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются» [2]).

Между особенностями Ломоносовской орѳографіи стóитъ замѣтить еще слѣдующія начертанія: *расспѣть*, *иссушить*; *ево*, *твоево*, *слѣпова*; *доброй*, *синей*, *хорошей* (въ имен. муж. рода единств. ч.), *Василей*; *двацать*, *лутче*.

Не смотря на громкую славу Ломоносова, его правописаніе ни при жизни его, ни послѣ не сдѣлалось общимъ. Даже въ средѣ Академіи наукъ оно не было вполнѣ принято; такъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера, которыя издавались во все послѣднее десятилѣтіе жизни Ломоносова, является орѳографія, не всегда согласная съ его началами. Впрочемъ едва ли можно придавать этому обстоятельству особенное значеніе: оно могло происходить просто отъ недостаточнаго вниманія къ дѣлу, что́ часто замѣчается и нынѣ: большинство пишетъ по своему крайнему разумѣнію, не слишкомъ заботясь о строгой повѣркѣ своихъ правилъ или своей практики.

Бóльшаго распространенія правописаніе Ломоносова могло ожидать отъ школы; но многіе ли учились по его грамматикѣ, да и каково было ученіе? Съ другой стороны, распространенію Ломоносовскихъ правилъ мѣшала литературная вражда. Извѣстно,

[1]) Это замѣчаніе доказываетъ, что гоненія на букву ѣ начались очень давно.
[2]) *Русс Грам* § 114

какова орѳографія Сумарокова въ изданіяхъ его сочиненій; не лучше она и въ его рукописяхъ, какъ видно, напр., изъ его писемъ къ И. И. Шувалову [1]). Но хотя онъ и плохо зналъ употребленіе буквы ѣ, хотя и вообще писалъ небрежно, однакожъ любилъ разсуждать о правописаніи и посвятилъ ему три статьи: одну въ видѣ наставленія «типографскимъ наборщикамъ» [2]) и двѣ по поводу появленія постороннихъ трудовъ объ этомъ предметѣ [3]). Книжка, вызвавшая первую репензію Сумарокова, намъ неизвѣстна: онъ приписываетъ ее своему пріятелю *Б.* (не Баркову ли, переводчику при Академіи наукъ, хорошо знакомому съ грамматикой Ломоносова [4])?). Въ другой критической статьѣ своей Сумароковъ разбираетъ изданную въ 1773 г. при Академіи наукъ брошюру подъ заглавіемъ: «*Опытъ новаго россійскаго правописанія*». Подписанныя подъ предисловіемъ ея буквы *В. С.* означаютъ *Василія Свѣтова*, бывшаго также переводчикомъ при Академіи, издавшаго русскую грамматику и разные переводы. По показанію Евг. Болховитинова, онъ умеръ въ 1787 году, къ которому относится также 2-е изданіе его книжки о правописаніи. Въ его трудахъ обнаруживается рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова. Сумароковъ, разбирая его книжку, справедливо одобряетъ многія его мнѣнія, иногда же высказываетъ и свои собственныя. Во всѣхъ трехъ орѳографическихъ статьяхъ своихъ онъ, съ свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка, повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумныя замѣчанія, показывающія инстинктивную лингвистическую смѣтливость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опирается на потомство, и потомство оправдало его. Такъ онъ отвергаетъ Ломоносовское правило писать въ муж. родѣ един. ч. *синей, хо-*

---

[1]) *Записки Акад. Наукъ*, т. I

[2]) Полное собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, т. VI, стр. 307

[3]) Соч Сум, X, 6.

[4]) Билярскій, *Матер. для біогр. Лом.*

рошей, *Василей*, вм. *синій*, *хорошій* и т. д., хотя это правило и было совершенно послѣдовательно при тогдашней орѳографіи муж. р. *доброй*, *знатной*, вм. *добрый*, *знатный*. Вмѣстѣ съ Свѣтовымъ Сумароковъ осуждаетъ употребленіе въ иностранныхъ словахъ і вм. и (напр. *історія*), форму *генваръ* вм. *январь*, *всіо* вм. *все*, *щастіе* вм. *счастіе*, а относительно словъ, оканчивающихся на ж, ч, ш, щ совѣтуетъ *принять въ основаніе лёгкое правило*, что имена мужскія этихъ окончаній пишутся съ ъ (*ножъ*, *мечъ*), а женскія — съ ь (*ложь*, *вещь*).

Сумароковъ возставалъ также противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, замѣчая, что мы «великостью литеръ и Нѣмцевъ перещеголяли»... Въ старину, по словамъ его, «кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры, ниже во имени Божіемъ. Сіе пестритъ письма наши; да и на что то введено, въ чемъ кромѣ безобразія ничего нѣтъ?... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщики, думая, что я въ моей рукописи ошибся»[1]). Но въ то же время онъ такъ же безуспѣшно, какъ Ломоносовъ и Тредіаковскій, преслѣдовалъ букву э, которая всѣмъ имъ казалась лишнею: «Вошла было въ нашу азбуку», говоритъ Сумароковъ, «странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ»[2]). Такъ рѣшилъ и Свѣтовъ въ своей книжкѣ, но на практикѣ э удержалось. Что касается *ѳиты*, исключенной изъ азбуки Ломоносовымъ, то Сумароковъ, напротивъ, ее отстаивалъ, находя, будто она «произносится, хотя и не такъ какъ у Грековъ, но гораздо нѣжняе нежели ф». По этому-то поводу онъ передаетъ разговоръ свой съ знаменитымъ своимъ противникомъ: «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ ф, а не ѳ оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Ета де литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ»[3]).

---

[1]) Соч. Сум., X, 35, 36, 45.
[2]) Соч. Сум., VI, 314.
[3]) Соч. Сум., X, 10 и 48.

Сумароковъ не понималъ мысли Ломоносова, что такъ какъ обѣ буквы произносятся совершенно одинаково, то нѣтъ надобности для одного и того же звука имѣть два разные знака. Букву щ онъ терпѣлъ только по давности ея употребленія (такъ какъ для него главнымъ началомъ орѳографіи было писать такъ, какъ писали «наши разумные предки»[1]), но собственно онъ предпочиталъ шч. По тому самому у него вообще не лежало сердце къ гражданскому письму; онъ признавалъ большимъ неудобствомъ существованіе у насъ двухъ азбукъ и находилъ, что мы *нечувствительно* «отошли отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія» (принятаго за образецъ Петромъ Великимъ) «и пристали къ своему, давному намъ отъ Грековъ, откуда и Римляне свое начертаніе получили, и прилѣпилися мы къ подлиннику, отставъ отъ преображеннаго списка»[2]). Здѣсь онъ разумѣлъ преимущественно замѣну буквы *зѣло* (ѕ) *землею* (з). Такое ученіе Сумароковъ проводитъ главнымъ образомъ, конечно, par esprit de contradiction, наперекоръ Тредіаковскому и особенно Ломоносову, увѣряя, что грамматика послѣдняго построена на основаніи провинціализмовъ, то холмогорскихъ, то малороссійскихъ. Замѣчательно вѣрно, однакожъ, смотрѣлъ Сумароковъ на законы сочетанія нашихъ согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными и уже понималъ, что начертаніе послѣднихъ зависитъ отъ того, есть ли предыдущая — *тупая* (напр. бъ), или *острая* (напр. бь); въ послѣднемъ случаѣ онъ правильно разсуждалъ что бя есть не что иное какъ бьа, что въ сущности намъ ненужно буквы ю (т. е. йо или позднѣйшаго ё), потому что «когда она необходима, такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона*, *Семьонъ*[3]), а слова, какъ напр. *ежъ*, можемъ мы писати *йожъ*, *Іокаста*, *Йокаста*... но, прибавлялъ онъ, трудняе новости вводить, нежели выводить». Равнымъ образомъ онъ утверждалъ, что послѣ буквы і наши чистыя глас-

[1]) Тамъ же, 32.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Въ наше время нѣкоторые неправильно пишутъ: *милльонъ*, *батальонъ* вм. *милліонъ*, *баталіонъ* или *батальйонъ*, забывая, что *милльонъ* = *миллъ—онъ*, т. е. *милленъ*.

ныя а и у не могутъ оставаться безъ придыханія, почему и писалъ *Діяна*, *театръ*, какъ всѣ мы пишемъ: *матерія*, *Азія* или *іюнь*, *іюль* (не *іунь*, *іуль*); но здѣсь онъ былъ не совсѣмъ правъ, какъ показываютъ слова: *Яуза*, *поэтъ*, *Сіонъ* и др. Съ особенною настойчивостью онъ доказывалъ произвольность окончанія е, принятаго для прилагательныхъ муж. рода въ именит. падежѣ множ. числа. «Никто, говоритъ онъ по этому поводу, правила сего не устанавливалъ» (ср. выше, стр. 481, необязательное предложеніе Ломоносова); «но невѣжествомъ ввезено въ нашъ языкъ, ко трудности и ко безобразію онаго»[1]). — «Вы скажете, такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще сими заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ»[2]). Въ этомъ Сумароковъ жестоко ошибся: и его правило въ наставленіи наборщикамъ: «имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на я», осталось одною изъ сознательныхъ особенностей Сумароковской орѳографіи; осуждаемое же имъ правило сдѣлалось свято соблюдаемымъ закономъ. Браня Ломоносова, Сумароковъ однакожъ наивно жалуется на порчу языка по смерти великаго писателя. Въ своемъ обращеніи къ нему, онъ между прочимъ восклицаетъ: «Были врали и при жизни твоей; но было ихъ и мало, и были они поскромняе; а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, что бы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся» и т. д.[3]). Любопытно замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ ужаснулся бы, если бъ увидѣлъ, какъ по смерти его печатаютъ его сочиненія, слѣдуя въ нихъ такому правописанію, котораго онъ не могъ бы одобрить (*востокъ*, *източникъ*[4]). Для противодѣйствія искаженію языка онъ взываетъ къ Ададурову, Теплову, Полѣтикѣ, осо-

[1]) Соч. Сум., X, 29.

[2]) Тамъ же, VI, 309

[3]) Тамъ же, X, 25.

[4]) Тамъ же. (Ср. *Росс. Гр.*, § 123).— Извѣстно, что въ этомъ обвиняютъ Козодавлева, подъ надзоромъ котораго печатались при Академіи соч. Ломоносова.

бенно же къ Козицкому и Мотонису; онъ жалѣетъ, что нѣтъ ученаго общества, которому бы поручено было охраненіе языка, и что въ школахъ не учатъ ни правописанію, ни грамматикѣ [1]).

Дѣйствительно, послѣднее изъ этихъ обстоятельствъ еще долго оставалось препятствіемъ къ распространенію у насъ болѣе правильнаго и однообразнаго письма. Съ 1770-хъ годовъ начали появляться краткіе учебники грамматики и правописанія, но съ одной стороны недоставало хорошихъ учителей и разумныхъ методъ преподаванія, съ другой большинство пишущихъ лишено было всякаго школьнаго образованія. «Наука», справедливо замѣчаетъ г. Буличъ, «была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ Академіи и Московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски» [2]). Свѣтовъ жалуется на множество людей, «которые по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми, прибавляетъ онъ, я почитаю большую часть поддьячихъ» [3]). Просматривая тогдашнія изданія и особенно рукописи, мы находимъ, однакожъ, что тотъ же упрекъ падаетъ и на большую часть не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и писателей. Вспомнимъ, напр., какъ писали Бецкой и Державинъ. Нѣкоторые писатели не могли являться въ литературѣ съ своею собственной орѳографіей и при печатаніи своихъ трудовъ обращались къ помощи другихъ. Такое положеніе дѣла продолжалось еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи; Карамзинъ въ своей запискѣ о древней и новой Россіи (стр. 2259 [4]) говоритъ: «Въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе». Періодическія изданія уже и въ прошломъ столѣтіи представляютъ большое разнообразіе орѳографіи. Особенною обдуманностью ея отличалась *Всякая Всячина* (1769) Козицкаго,

---

[1]) Тамъ же, 14, 37 и 56.

[2]) *Сумароковъ и современная ему критика* стр. 221.

[3]) *Опытъ нов. правописанія*, 4.

[4]) По изданію *Русскаго Архива*.

котораго не даромъ хвалилъ Сумароковъ за знаніе языка [1]). Козицкій, по свидѣтельству ученика его, Свѣтова, называющаго его великимъ витіей, также написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ [2]). О тогдашнемъ нашемъ правописаніи, Свѣтовъ замѣчаетъ: «Оно подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чемъ ни будь въ правописаніи отъ другаго» [3]). Къ этому надобно прибавить, что даже въ каждомъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось однообразное правописаніе. Хотя нѣкоторые изъ этихъ изданій и печатались подъ надзоромъ одного лица (такимъ былъ напр. Козодавлевъ при *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой), однакожъ почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія конечно отъ особенностей письма авторовъ.

Вотъ нѣсколько обращиковъ орѳографіи *Собесѣдника*: *совсемъ*, *ково*, *отъ нее*, *знатной* (муж. р.), *младшей* (также), *нравственныя доводы*, и рядомъ съ тѣмъ *какіе лѣса*, *предмѣтъ*, *присудствовать*, *свѣденія*, *если*, а въ другихъ случаяхъ *естьли*, *порутчикъ*, *предмѣтъ*, *витъ* (вм. вѣдь), *что бы*, *на конецъ*, *Эйлеръ*, *эй* (т. е. э употреблялось, хотя тутъ же встрѣчаемъ *поезія*).

Любопытно, между прочимъ, что въ то время существовало во многихъ случаяхъ двоякое правописаніе, одно для просторѣчія, другое для *штиля* (т. е. высокаго слога): «Кажется, говоритъ Свѣтовъ [4]), что въ высокомъ слогѣ высокія особливо слова лучше кончить на ый, ій, оставивъ окончанія ой, ей просторѣчію и низкому, каковъ Комической, роду сочиненія». Этого правила при-

---

[1]) Не разъ онъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о Козицкомъ и Мотонисѣ; см. напр. его *Соч.* X, 53.

Вотъ нѣсколько примѣровъ правописанія *Всякой Всячины*: того (не тово), никакого, какій, честный, сомнѣніе (впрочемъ иногда и сумнѣніе), изчезли, если (не естьли); въ нѣкоторыхъ случаяхъ Козицкій конечно писалъ не такъ, какъ пишутъ нынѣче, напр. по томъ, въ прочемъ (но не протчемъ), рускій, вышшій, истинна. Буквы э и онъ не употреблялъ.

[2]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о Козицкомъ въ *Опытѣ нов. правопис.*, стр. 5.

[3]) *Опытъ нов. правоп.*, 7.

[4]) *Опытъ*, 17.

держивался еще и Карамзинъ (см. его *Письма къ Дмитріеву*), употребляя то или другое окончаніе, смотря по предмету, о которомъ онъ говорилъ. По этой же причинѣ, въ «Письмахъ Русскаго Путешеств.» (*Моск. Журналъ*) онъ писалъ *этова*, а другія прилагательныя въ род. пад. муж. р. ед. ч. обыкновенно оканчивалъ на *аго*. Это напоминаетъ, что еще не такъ давно подобныя правила соблюдались иногда и въ произношеніи: такъ въ высокомъ слогѣ не позволялось говорить *Пётръ* вм. *Пэтръ*. «Неопредѣленныя наклоненія, утверждалось такимъ же образомъ, кончить на ти можно въ высокихъ рѣчахъ, и чемъ ближе глаголъ Словенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе становится, напр. *вѣщати, глаголати*» [1]). Согласно съ этимъ поступалъ даже и Козицкій во *Всякой Всячинѣ*. Надобно однакожъ замѣтить, что Ломоносовъ съ обыкновеннымъ своимъ филологическимъ тактомъ отвергъ окончаніе ти въ глаголахъ[2]) и что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, его послѣдователи не воспользовались его примѣромъ. Это окончаніе глаголовъ не встрѣчается и въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* Миллера, хотя названное изданіе, какъ уже было замѣчено, не во всемъ слѣдовало Ломоносову. Вотъ нѣкоторыя черты орѳографіи этого замѣчательнаго журнала: *разсужденіе* (по правилу Ломон.), *прямого, святаго, пріятна, нужняя, притчина, протчимъ* (и въ то же время *въ прочемъ*), *въ низъ, въ верхъ, на статуахъ, аудіэнція, искусство, риѳма, эпитафія*. На всѣхъ словахъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различное удареніе, даже только въ разныхъ падежахъ, ставились *силы*, напр. *начáло, стоúтъ, потóмъ*.

Изъ всего сказаннаго видно, что орѳографія наша въ первыя десятилѣтія по смерти Ломоносова далеко не установилась. Нѣкоторыя слова писались просто неправильно; на счетъ другихъ были разныя мнѣнія. Иныя неправильности озабочивали грам-

---

[1]) *Опытъ* Свѣтова, 26.

[2]) См. его *Грамматику*, § 115, гдѣ онъ говоритъ, что буква и «отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единст. ч. давно отставлена».

матистовъ, которые однакожъ надѣялись, что онѣ со временемъ исчезнутъ. Такъ Свѣтовъ[1]) жаловался, что у насъ названія мѣсяцевъ искажены (*октябрь* вм. *октоврій*, *ноябрь* вм. *ноемврій*, *февраль* вм. *февруарій*), не замѣчая, что тутъ дѣло идетъ уже не о правописаніи, а о своеобразномъ произношеніи усвоенныхъ языкомъ, по его духу, названій. Поэтому, надежда его на будущее могла исполниться, и дѣйствительно исполнилась только въ отношеніи къ названію *января*, котораго другое написаніе *генварь* ему не нравилось. «Надобно, прибавляетъ онъ, исподоволь и по легоньку вводить въ употребленіе таковыя новости. Можетъ быть, со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію». Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибки являлись только въ правописаніи, онѣ впослѣдствіи исчезли, хотя и очень медленно, такъ что напр. слово *генварь* еще и нынче нѣкоторыми, но уже весьма немногими, пишется по старому.

Въ старинныхъ журналахъ нашихъ остались слѣды того, что спорные вопросы орѳографіи не всегда обсуживались хладнокровно. Такъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1787 года [2]), въ «Разсужденіи о стихотворствѣ россійскомъ» читается фраза: «не напрасно проименуются педантами или сими школьными упрямцами, которые за единую Ѳ объявляютъ кровавую брань своему ближнему». По временамъ эти споры вызывали въ періодической литературѣ замѣтки или предложенія перемѣнъ. Въ *Собраніи Новостей* 1775 года, журналѣ, который впрочемъ не щеголялъ орѳографіей, помѣщена довольно обширная статья безъ подписи [3]), присланная, по показанію редакціи, изъ Ярославля, подъ заглавіемъ: «Опытъ о языкѣ во общѣ (sic) и о россійскомъ языкѣ». Она раздѣлена на небольшія главы, изъ которыхъ одна посвящена замѣчаніямъ «о нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи». Какъ вся статья, такъ и эта глава, содержатъ въ себѣ большею частью не-

[1]) *Опытъ*, 27.
[2]) Ч. X, апрѣль, 83.
[3]) Октябрь, 58—79.

удачныя, отчасти даже нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе любопытныя мысли. Такъ напр. авторъ предлагаетъ: вмѣсто новой буквы э, которую вообще преслѣдовали, писать е съ точкой наверху (ѐ), и такою же точкой отмѣчать букву о, когда она произносится какъ а; далѣе онъ предлагаетъ вовсе не употреблять буквъ щ, ѣ, ѳ и ѵ, какъ ненужныхъ по его мнѣнію, а вмѣсто ихъ ставить шч, е, ф, и. «Но языкъ нашъ», говоритъ онъ, «имѣетъ нужду въ буквѣ ю, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ». Въ концѣ статьи авторъ выразилъ весьма дѣльное желаніе, «чтобы въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово». Желаніе это около того же времени высказывалось и другими. Незадолго передъ тѣмъ, въ *Собраніи Новостей* [1]) напечатанъ былъ планъ русскаго словаря, задуманный обществомъ «нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ»: предполагалось составить его съ толкованіями на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ языкахъ и въ то же время приготовить словари этихъ языковъ съ русскимъ; смѣлые предприниматели намѣревались періодически (черезъ каждые два года) напечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ три изданія, съ тѣмъ чтобы напередъ вызвать замѣчанія свѣдущихъ людей, и надѣялись окончить все предпріятіе въ 5 или 6 лѣтъ. Разумѣется, что оно такъ и осталось предпріятіемъ [2]). Около того же времени, въ октябрѣ 1779 года, въ

[1]) Сентябрь, стр. 115.

[2]) Мы не знаемъ, кто были эти лица, но вотъ нѣкоторое указаніе на нихъ. Въ началѣ 1778 года Фонъ-Визинъ писалъ изъ Монпелье къ Я. И. Булгакову: «A propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота Я купилъ уже le Grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le Grand Vocabulaire, продайте его и деньги ко мнѣ переведите» (*Соч. Д. И. Фонъ-Визина*, Спб 1866, стр. 273). Какой-то Даниловскій около 1783 былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ; въ Смирд. *Росписи* значится Іоакимъ Евеим. Даниловскій, который въ 1812 и 1814 г. напечаталъ два учебника, по географіи и по французскому языку.

Академическихъ Извѣстіяхъ (стр. 77) напечатаны «Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ», подписанныя В. С. (т. е. извѣстнымъ уже намъ Вас. Свѣтовымъ). Мечтая также о русскомъ словарѣ и предлагая нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній (хотя другія конечно отзываются тогдашнимъ младенчествомъ филологіи), онъ въ концѣ статьи говоритъ о Ломоносовѣ: «Онъ же и въ опредѣленіи числа россійскихъ буквъ и въ раздѣленіи ихъ кажется самъ съ собою не былъ согласенъ. Положивъ нужныхъ буквъ токмо 30, выключилъ изъ алфавита Росс. і, щ и ѳ, кои однако самъ вездѣ употреблялъ. Не смотря на одинакой и и і выговоръ, различается одна отъ другой тщательно въ правописаніи Россійскомъ. Букву щ за тѣмъ не внесъ въ число, что она сложена изъ двухъ письменъ шч или сч; но ежели по сему правилу поступать, то надлежало ему выключить также ц и ч, потому что ц сложена изъ тс или дс, ч изъ тш». Къ примѣчаніямъ приложена особая статейка: «Споръ у буквы и съ і». *Ѳита* рѣшаетъ этотъ споръ слѣдующими словами: «Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ: вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только ц и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія». Рѣшеніе *ѳиты* получило силу закона, но только собственное ея существованіе и до сихъ поръ не вполнѣ обеспечено.

Нельзя также оставить безъ вниманія орѳографическихъ соображеній Подшивалова, напечатанныхъ послѣ его смерти въ *Трудахъ общества любителей россійской словесности* (Ч. V, 1816), въ статьѣ: «Чтеніе и письмо» (стр. 82). И онъ полагаетъ, что со временемъ изъ русской азбуки изчезнутъ, какъ ненужныя, буквы: ѳ, и, щ, ѣ, э, вмѣсто которыхъ будутъ писать: ф, і, сч, е. Букву й предлагаетъ онъ замѣнить ī, а разные случаи употребленія е означать акцентами ˊ ˋ ˆ. Кромѣ того, онъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ ъ и ь, вмѣсто которыхъ можно бы ставить черточки (—) или знакъ апострофа (’), или *ерокъ*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, азбука наша можетъ быть сокращена до 27-ми или, много, 28-ми буквъ.

Гоненія на букву ъ начались очень рано. Еще Тредіаковскій

въ своемъ «Разговорѣ» упоминаетъ о «нѣкоторыхъ особахъ», которыя хотѣли замѣнить ее надстрочнымъ знакомъ[1]). Болѣе рѣшительныя покушенія противъ ера являются въ печати подъ конецъ прошлаго столѣтія. По распоряженію директора Академіи наукъ Домашнева, въ нѣсколькихъ книжкахъ *Академическихъ Извѣстій* за 1781 годъ печатался безъ этой буквы отдѣлъ: «Показанія новѣйшихъ трудовъ разныхъ Академій». Есть свѣдѣніе, что профессоръ Московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, въ своемъ латинскомъ разсужденіи De brachygraphia, предлагалъ выключить ъ изъ русской азбуки и употреблять на письмѣ, кромѣ того, разныя сокращенія; было ли это сочиненіе напечатано, намъ неизвѣстно; оно не отыскалось ни въ петербургской Публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Московскаго университета[2]). Но что Барсовъ дѣйствительно желалъ, въ концѣ словъ, обходиться безъ ера, на это есть другія доказательства: въ *Краткихъ правилахъ Россійской грамматики*, учебникѣ, составленномъ имъ для гимназій и изданномъ въ первый разъ въ 1771 году, а потомъ часто перепечатывавшемся, находимъ слѣдующее замѣчаніе: «ъ значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были какъ и въ срединѣ безъ него жъ выговариваются. Напр. въ словѣ *Антонъ* послѣдній складъ *тонъ* не иначе выговаривается какъ и первой

---

[1]) *Разговоръ*, стр. 222. Тутъ надо, вѣроятно, разумѣть главнымъ образомъ Адодурова, который «считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву ъ» (Пекар. *Истор Ак. Наукъ*, I, 506). Самъ Тредіаковскій находилъ, что мы могли бы обойтись безъ *ера*, и усердно доказывалъ, что **ъ** и **ь** не буквы, а только знаки извѣстнаго произношенія, въ чемъ онъ и правъ; но дѣло не въ названіи.

[2]) Евгеній въ своемъ Словарѣ, относя это разсужденіе къ 1790 году, говоритъ, что здѣсь Барсовъ совѣтовалъ также «писать многія русскія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя и даже прилагательныя». По біографическому Словарю профессоровъ Моск. университета, эта диссертація была произнесена въ 1768 году. Приношу Н. С. Тихонравову искреннюю мою признательность за его стараніе, хотя и не увѣнчавшееся успѣхомъ отыскать, по моей просьбѣ, сочиненіе De brachygraphia

Ан, слѣдовательно можнобъ оное слово такъ и писать всегда *Антон*, а потому и всѣ другія согласными буквами оканчивающіяся такимъ же образомъ, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ, хотя всякой изъ нихъ безчисленное множество словъ на согласныя кончащихся имѣетъ; итакъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній. Напротивъ того почитается надобнымъ, для отдѣленія согласной, принадлежащей къ первой части сложнаго реченія, отъ гласной, которая принадлежитъ ко второй части онаго, наприм. *объявляю*, *подъемлю*, *изъятіе* и проч., дабы не читать *обявляю*, *подемлю*, *изятіе*». Точно такъ же Барсовъ въ грамматикѣ своей признаетъ излишними двѣ греческія буквы ѵ и ѳ. О послѣдней онъ отзывается очень категорически: «какъ точное греческое оной буквы произношеніе большей части изъ Россіанъ неизвѣстно и трудно и она у насъ въ выговорѣ никакой не имѣетъ разности отъ ф, то можно вмѣсто ея вездѣ ф писать» [1]). Полнымъ образцикомъ правописанія, какого желалъ Барсовъ, можетъ служить отрывокъ изъ оставшихся послѣ него рукописей, напечатанный Карамзинымъ, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, въ *Московскомъ Журналѣ* 1792 года [2]), подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій россійскихъ». Вотъ нѣсколько строкъ оттуда: Словар Географіческій мѣст, с проісшествіямі в них случівшіміся, із коіх многіе частные словарі в том же отношеніі извлечены быт могут, на прім. Юрідіческій, ученый, военный, Історіі Естественної і проч. всеж то с пріобщеніем разных списков собрано імрек такимто, і нѣкоторым новым, сокращеннѣйшім протів обыкновеннаго образом і способом напечатано»...

Мысль объ изъятіи изъ нашего письма буквы ъ, вполнѣ или только въ концѣ словъ, не только повторялась многими, но и осуществлялась по временамъ въ печати, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи. О новѣйшихъ врагахъ этой буквы упомяну ниже, а здѣсь укажу, кромѣ названныхъ уже Домашнева и

[1]) *Краткія правила Росс. грамм.* М. 1782, стр. 84—88.

[2]) Часть VII, стр. 344—347.

Барсова, еще на Чеботарева, Шлецера, Н. Ѳ. Эмина, Лабзина, Языкова и Измайлова, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ. Здѣсь же кстати привести заглавія книгъ, въ былое время напечатанныхъ безъ ъ: 1) Ода на заключеніе мира съ Готоами. Н. Эмина. Спб. 1730[1]); 2) Кровопролитная война у Архипыча с'Еремѣевной. Соч. Михаила Бранкевича, М. 1810. (По словамъ г. Геннади, это сатирическая бесѣда, вызванная войною съ Турками). 3) Дух Эккартсгаузена, М. 1810[2]); 4) Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанные в' 1804 году во время путешествія одним Руским. Перевод с Нѣмецкаго (соч. Д. Языкова). Спб. 1808.

Что касается Чеботарева и Шлецера, то ихъ нерасположеніе къ буквѣ ъ видно изъ письма послѣдняго къ профессору Московскаго университета Гейму. Въ этомъ письмѣ (1804 г.) Шлецеръ, говоря объ учрежденіи ученаго общества для критическаго изданія русскихъ лѣтописей, замѣчаетъ, что свѣдѣніе о томъ сообщилъ ему «г. Чеботарев, который терпѣть не может ъ, и я также», прибавляетъ знаменитый историкъ[3]).

О враждѣ извѣстнаго мистика А. Ѳ. Лабзина къ буквѣ ъ мы знаемъ по преданію, которое подтверждается слѣдующими словами изъ записокъ В. И. Панаева: «Въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Безъеровъ*, вѣроятно потому что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ»[4]). Мы знаемъ, что Лабзинъ напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ

---

[1]) Къ этой-то одѣ, какъ теперь несомнѣнно, относится двустишіе Державина:

«Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ,
Но лучше бы еще, когда бъ совсѣмъ безъ словъ». (Соч. Держ. III, 199)

[2]) Заимствую эти указанія изъ двухъ статей, за подписью *Григорія Книжника* напечатанныхъ: въ *Моск. Вѣд.* 1856, № 92, и въ *Книжномъ Вѣстникѣ* 1862, № 11. Въ числѣ противниковъ *ера* г. Геннади называетъ также извѣстнаго Сковороду; по справкамъ, обязательно доставленнымъ мнѣ А. Ѳ. Бычковымъ, большая часть рукописей Сковороды оказывается съ *еромъ*; однакожъ у И. И. Срезневскаго нашлось нѣсколько собственноручныхъ писемъ малороссійскаго философа (1786—1788 г.), гдѣ онъ не употреблялъ ни ъ, ни ь.

[3]) «Hr. Чеботарев (der kein ъ leiden kan, ich auch nicht)»... см. *Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей* Ч. IV, кн 1, М. 1828.

[4]) *Вѣст. Евр.* 1867, IV, стр. 248, въ *Воспоминаніяхъ* Панаева.

Эккарстгаузена. Соображая то и другое свѣдѣніе, можно догадываться, что названное выше подъ цифрою 3 изданіе «Дух Эккартсгаузена» находится въ связи со взглядами Лабзина, хотя переводъ этой книги и принадлежитъ М. Бранкевичу, какъ видно изъ его подписи подъ посвященіемъ И. В. Лопухину. Біографъ Лабзина г. Безсоновъ, жалуясь на трудность перечислить всѣ его сочиненія и переводы, свидѣтельствуетъ, что есть такія изданія, которыя напечатаны безъ его имени, но составлены подъ его руководствомъ[1]).

Въ исторіи нашего *ера* случайно является также одно изъ знаменитѣйшихъ именъ европейской науки, впрочемъ опять на сторонѣ противниковъ этой буквы. Находясь въ Петербургѣ въ 1830 году, Александръ Гумбольдтъ, на вечерѣ у извѣстнаго А. Н. Оленина[2]), выразилъ свое мнѣніе о совершенномъ излишествѣ *ера* въ нашей азбукѣ. На другое утро онъ получилъ написанное изящнымъ французскимъ языкомъ письмо за подписью: «la lettre ъ», въ которомъ кто-то съ жаромъ вступился за права этой буквы, основанныя не только на древности ея, но и на ея значеніи, особливо въ серединѣ словъ. Авторомъ письма, за котораго Гумбольдтъ сперва принялъ-было Д. Н. Блудова, оказался потомъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, печатавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Антонія Погорельскаго[3]).

Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на орѳографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ однакожъ пи-

---

[1]) *Р. Архивъ* 1866, стр. 825.

[2]) Слышано отъ графа Ѳ. П. Литке, бывшаго также на этомъ вечерѣ.

[3]) Сколько мнѣ извѣстно, это письмо и отвѣтъ Гумбольдта были напечатаны четыре раза: 1) въ *Литер. Газетѣ* барона Дельвига, 1830, № 22; 2) въ *Маякѣ* 1842, кн. VIII; 3) въ сочиненіяхъ Погорельскаго, изд. 1853, т. II, и 4) въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1128—1138.

салъ не такъ, какъ мы теперь пишемъ и какъ самъ онъ писалъ впослѣдствіи: такъ въ *Моск. Журн.* мы читаемъ: *растѣніе*, *щастіе*, *не чего*, *по томъ*, *поселенцовъ*, *Руской народъ*, *яицы*, *этова* (какъ слово просторѣчія), *естьли*, *сверьхъ*, *яишница*, *молошный*, *порутчикъ*, *серебреной*, *ширъ*, *ни кто*, *лѣсница*, *ни чѣмъ*, *прилѣжность*, *почтилліонъ*. Но онъ уже писалъ *истина*, *свѣдѣніе*, *лучше* (не *лутче*), *плечо*, *искусство*, *лекарь*, *лечить*, *завтрашній*, *причина*, *письмо*, *страдальцевъ*, *эвиръ*, *вѣдь*, *прочее*, *навѣки*, *ввечеру*, *пѣвцомъ*, *лицомъ* и проч.

Постепенно Карамзинъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя частности своего правописанія. Такъ въ *Моск. Журналѣ* онъ писалъ сперва *почтилліонъ*, позднѣе же *почтильйонъ*, способъ написанія, который въ 1840-хъ годахъ былъ принятъ *Отеч. Записками*, а въ 60-хъ *Московскими Вѣдомостями* для словъ подобнаго рода (*батальйонъ*). Букву й употреблялъ онъ не только въ этомъ случаѣ, но иногда и въ началѣ иностранныхъ словъ, напр. въ имени *Йокке* (*Ист. Гос. Росс.* т. IV, стр. 161). Не любя надстрочныхъ знаковъ, не отмѣчая напр. ударенія, онъ однакожъ ввелъ *двоеточіе* надъ буквою е въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде писали ѣ. Въ одной изъ книжекъ *Аониды* въ первый разъ написано такъ, въ концѣ стиха, слово *слёзы* и въ выноскѣ замѣчено: «Буква е съ двумя точками замѣняетъ їѣ» [1]). Въ сложныхъ реченіяхъ, составленныхъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, онъ въ концѣ перваго (муж. рода) иногда не писалъ ера. Такъ въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II» написано: «*Ангальт-Цербстскаго Дома*» [2]). Слово *если* писалъ онъ долго со вставкою буквъ ть, и только въ послѣдніе годы сталъ писать его такъ, какъ оно теперь пишется и какъ иногда писалось уже въ весьма давнее время. (Такъ эта орѳографія встрѣчается уже, по крайней мѣрѣ разъ, въ *Духовномъ Регламентѣ*, напечатанномъ гражданскимъ шрифтомъ). Вообще же отличительную черту орѳографіи Карамзина составляетъ обиліе большихъ буквъ, которыми у него начинаются не только всѣ иностранныя существи-

[1]) *Аониды*, кн. 2-ая (1797), стр. 176: «Опытная Соломонова мудрость».

[2]) *Соч. Карамзина*, т. VIII, 6. М. 1804.

тельныя имена (не говоря уже о собственныхъ, сущ. и прилаг.), но и многія свои, которымъ приписывалось особое значеніе. Такъ напр. онъ пишетъ всегда, не измѣняя этой привычкѣ до конца жизни: *Авторъ*, *Литтература*, *Герой*, *Поэтъ*, *Лѣтописецъ*, *Вѣра* (даже *Магометова*), *Судьба*, *Правительство*, *Природа*, *Держава*, *Члены* (о лицахъ), *Науки*, *Искусства* и проч. Это дѣлалось и другими на основаніи правила, что большою буквою означаются имена *почтенныя* [1]) и что взятыя съ иностранныхъ языковъ слова отличаются отъ «природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою». Свѣтовъ сознавался, что на это нѣтъ достаточныхъ причинъ; но прибавлялъ, что такъ какъ большая часть писателей такъ поступаетъ, «то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согласиться и принять за правило, почитая за безполезное спорить о такихъ мѣлочахъ» [2]). Здѣсь не мѣсто говорить объ особенностяхъ Карамзинскаго языка; упомяну однакожъ объ одной, по связи ея съ орѳографіею. Карамзинъ не признавалъ глагольной формы *рѣшать*, которой нѣтъ во всѣхъ одиннадцати томахъ его Исторіи, и употреблялъ только форму *рѣшить*, считая ее несовершеннымъ видомъ. Того же мнѣнія былъ и Пушкинъ, который, въ особенной замѣткѣ, указывая на первую форму, какъ на ошибочную, хотя и многими употребляемую, заключаетъ: «Рѣшу спрягается какъ грѣшу» [3]). Очевидно, что разсуждать такъ значитъ налагать на языкъ произвольныя грамматическія оковы.

Впрочемъ Пушкина никакъ нельзя вообще упрекать въ подобномъ направленіи. Но, въ рукахъ нѣкоторыхъ другихъ, теоретическая разработка русскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла этотъ характеръ. Такою явилась она уже въ первомъ изданіи академической грамматики (1802), вызвавшемъ извѣстную статью Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы*: «Великій мужъ русской грамматики». Въ трудѣ Росс. Академіи, въ которомъ главное участіе принадлежало П. И. Соколову, первая часть по-

[1]) Правило, принятое уже Ломоносовымъ; см его *Грамматику*, § 129.
[2]) *Опытъ новаго росс. правописанія*. Спб 1787. стр. 16
[3]) *Соч. Пушк.* (изд. Анн.), т. V, стр. 43.

священа правописанію; но она въ этомъ отношеніи очень неудачно поправляетъ Ломоносова, наприм. буквы и и ы причисляетъ къ *сложнымъ* гласнымъ по той причинѣ, что «онѣ состоятъ изъ двухъ письменъ», а ъ и ь называетъ *средними* [1]) буквами: когда е произносится какъ ѣ, она совѣтуетъ удерживать въ правописаніи лучше букву е, исключая *синѣо*, *Маѣоръ*, *Маѣорскій*; о Карамзинскомъ начертаніи ё нѣтъ и помину. Въ главѣ объ «особенныхъ правилахъ правописанія» пропущены многіе случаи, на которые уже было обращено вниманіе Ломоносовымъ, Свѣтовымъ и Сумароковымъ, а вмѣсто того введены нѣкоторыя либо несостоятельныя, либо мелочныя правила; между прочимъ предлагается въ словахъ *щетъ*, *пещаный* и т. п. удерживать предпочтительно букву щ.

Въ 1808 году Ив. Март. Борнъ, учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, издалъ *Краткое руководство къ россійской словесности*, книгу, для насъ любопытную особенно тѣмъ, что въ ней напечатаны первыя грамматическія замѣтки Востокова, присоединенныя мѣстами къ тексту издателя, въ видѣ особыхъ примѣчаній, съ подписью *Остенекъ-Востоковъ*. Онъ является тутъ критикомъ Россійской Академіи и послѣдователемъ Карамзина. Въ главѣ «о правописаніи и словопроизношеніи» разъяснены съ особенною внимательностью случаи, когда буква е произносится какъ ѣ, и замѣчательно, что кромѣ этого послѣдняго начертанія принята въ многочисленныхъ примѣрахъ уже и буква ё (*берёза*, *дешёвой*, *жёлудь* и проч. [2]). Примѣчаніе оканчивается слѣдующими знаменательными словами: «Ломоносовъ въ грамматикѣ своей хотя не попалъ еще на настоящую точку, съ которой удалось мнѣ сію грамматическую мѣлочь разсматривать, однако сказалъ объ ней удовлетворительнѣе, нежели Академія, и по край-

[1]) Въ названіи этихъ буквъ долго не могли согласиться грамматисты Французъ Модрю (Maudru), 1808 г., называетъ ъ *слюнобезгласною*'

[2]) Впослѣдствіи Востоковъ говорилъ: «Для изображенія звука ѣ, слышимаго въ просторѣчіи вмѣсто е, введено начертаніе ё; но употребленіе сего начертанія нѣкоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать е» (*Русск. Грамматика*, Спб 1839, стр. 253).

ней мѣрѣ не пренебрегъ войти въ нѣкоторую подробность о бездѣлицѣ, ежели можно назвать бездѣлицею вниманіе къ механизму языка, непзслѣдованнаго и необработаннаго — вниманіе, которое должно вести къ отысканію многихъ важнѣйшихъ сего правилъ, донынѣ еще подъ Изиднпымъ покровомъ тоящихся. (Смотри Карамзина: *Великой мужъ Росс. Грамматики*)» [1]). Такъ же любопытны, хотя и не со всѣми ими можно согласиться, тогдашнія замѣтки Востокова о буквахъ ѣ, ъ, ь; особенно справедливо то, что́ онъ говоритъ о буквѣ ъ, которую считаетъ излишнею: «..пишется она только въ окончаніи словъ, а слышна бываетъ вездѣ, и въ началѣ и въ серединѣ словъ, напр. лъошадь, желъаю, полъка, нъашъ, гнъу, приманъка, съало, масъло, невѣсъта. Ежели она во всѣхъ сихъ случаяхъ не пишется, а подразумѣвается, то можетъ и въ окончаніи подразумѣваться, тамъ гдѣ не будетъ стоять ь: но и сію букву весьма бы можно замѣнить апострофомъ или какимъ другимъ знакомъ». Кстати замѣтимъ, что послѣ буквъ ж, ч, ш, щ, въ концѣ именъ муж. р., Востоковъ ставилъ ъ, отличаясь тѣмъ отъ Карамзина, который писалъ *мечь*, *лучь*, но послѣ остальныхъ шипящихъ также писалъ ъ. Относительно прописныхъ буквъ Востоковъ держался правила, что онѣ пишутся, между прочимъ, въ началѣ названій «важныхъ государственныхъ мѣстъ и чиновъ». Впослѣдствіи онъ видоизмѣнилъ это правило, сказавъ, что изъ нарицательныхъ именъ прописною буквою пишутся: «титла, чины и должности лицъ разнаго званія, выключая самыя низшія степени, какъ-то: *солдатъ*, *матросъ*, *дѣлчекъ*, *пономарь*», также: «имена Правительствъ и мѣстъ Судебныхъ, Обществъ и сословій; напр.: *Государство*, *Правительство*, *Сенатъ*, *Департаментъ*. *Дворянство*, *Купечество* и пр.» [2]).

Въ 1811 году на грамматическое поприще выступаетъ Гречъ, и вскорѣ русское правописаніе надолго подчиняется его вліянію.

---

[1]) *Кр. руководъ къ росс словесн*, стр. 6. Замѣтимъ, что заглавіе статьи Карамзина приведено Востоковымъ не совсѣмъ вѣрно: у Карамзина (1802 г.) грамматика уже названа *Русскою*.

[2]) *Русск. Грамматика*. Спб. 1839, стр. 37*.

Первымъ трудомъ его по теоріи языка была брошюра *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ* [1]). Но еще важнѣе было начатое имъ въ слѣдующемъ году изданіе *Сына Отечества*. Здѣсь, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ, Гречъ, въ отношеніи къ языку вообще и къ правописанію въ особенности, является строгимъ послѣдователемъ Карамзина. Вся его грамматика была впослѣдствіи построена на сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа. Нисколько не уменьшая услугъ, оказанныхъ Гречемъ русскому языку, особенно въ педагогической сферѣ, нельзя однакожъ не замѣтить, что онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ Готшедъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Господствующимъ направленіемъ Греча было не изслѣдованіе законовъ языка, для чего необходимо справляться и съ исторіею его, и съ народною, вообще съ живою рѣчью, а установленіе *правилъ* по избраннымъ литературнымъ образцамъ. Когда же образцы не давали отвѣта, или когда между ними замѣчалось разногласіе, — придумывались правила чисто-условныя,

[1]) «*Съ таблицею*» (Спб. 1811). Въ началѣ эпиграфъ изъ Гете. Въ маленькомъ предисловіи авторъ сознается, что основная мысль брошюры (раздѣленіе глаголовъ по значенію,—по объему дѣйствія,—на простые, однократные, учащательные и сложные) принадлежитъ Борну, его другу и предмѣстнику въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, въ которомъ этотъ опытъ былъ читанъ, поручило Востокову разсмотрѣть рукопись, и его отзывъ, вполнѣ одобрительный, напечатанъ въ концѣ книжки. Слѣдующій грамматическій трудъ Греча былъ напечатанъ въ 1823 г въ числѣ 50-ти экземпляровъ подъ заглавіемъ. *Корректурные листы Русской Грамматики*, тетрадь 1, въ 4 д. л., съ большими полями для замѣчаній. Въ предисловіи объяснено, что Общество любителей словесности предложило автору «привести въ порядокъ и издать собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ правила русской грамматики». Въ концѣ предисловія сказано: «Почтенный писатель нашъ В. А. Жуковскій сообщилъ мнѣ рукописныя свои замѣчанія о Р. Грам, изъ коихъ я заимствовалъ много новаго и полезнаго». (Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ). Въ 1827 г. напечатаны: *Практич. русская грамматика*, и *Пространная р. гр*, Греча, въ 1828 *Начальныя правила р гр*, и съ тѣхъ поръ тѣ же труды являлись въ разныхъ видахъ и подъ разными заглавіями.—Грамматическіе труды Востокова напечатаны были отдѣльно въ первый разъ въ 1831 году подъ заглавіями: *Русская Грамматика* и *Сокращенная р. грам. для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (по порученію Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій) Каждая изъ нихъ, особенно послѣдняя, перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ Въ началѣ Востоковъ заявилъ, какъ много онъ обязанъ труду чеха Пухмайера.

основанныя на механической правильности построенія фразы, или на внѣшнихъ соображеніяхъ. Свобода, разнообразіе, прихотливость языка, иногда видимыя отступленія отъ правилъ, не принимались въ разчетъ, или служили поводомъ къ *исключеніямъ*. Положимъ напр., что вы употребили выраженіе: «можно бы подумать» или написали: «всклокоченные волосы». Нѣтъ, восклицалъ Гречъ: надобно сказать: «можно было бы подумать»[1]), — «всклоченные волосы», не обращая вниманія на то, что вся Русь говоритъ иначе. Такъ и по орѳографіи говорилось: «пишите *лекарь*» (какъ писалъ Карамзинъ): это слово происходитъ отъ глагола *лечить*; пишите *близъ* (нарѣчіе) для отличія отъ существительнаго *близь*; пишите *наизустъ*, а не *наизусть*, потому что предлогъ *изъ* требуетъ родительнаго падежа: *устъ*. Но авторитетъ Греча, проповѣдывавшаго эти произвольныя правила въ многочисленныхъ изданіяхъ своей грамматики и проводившаго ихъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Булгаринымъ, въ журналахъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ отдѣльныхъ книгахъ, былъ такъ великъ, что правила этого рода сдѣлались господствующими и держались почти неизмѣнно лѣтъ двадцать, то есть до середины 1830-хъ годовъ. Разумѣется, впрочемъ, что въ первое время существованія *Сына Отечества* встрѣчаются въ немъ начертанія словъ, позднѣе оставленныя самимъ издателемъ. Такъ въ 1812 году онъ еще писалъ, напр:, *естьли*, *щастіе*, *порутчикъ*, *Рускіе*, *угнѣтенный*, т. е. писалъ такъ, какъ Карамзинъ до появленія *Исторіи Государства Россійскаго*.

Нѣкоторыя отступленія отъ Карамзинской орѳографіи становятся особенно замѣтными сперва въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго, а потомъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* Сенковскаго. Каченовскій (см. *В. Е.* 1830) не отдѣлялъ напр. частицы *не* отъ глаголовъ (*несмѣдуетъ*), любилъ ударенія (*какъ*, *такъ*, *ніже*, *находдите*), не употреблялъ ни э (*ето*, *Поезія*), ни ё (*Гете*), писалъ *идти* (не *итти*), *искуство*, *другій*, *вразсужденіи* (хотя онъ же

[1]) На томъ будто бы основаніи, что глаголъ *быть* можетъ подразумѣваться только въ настоящемъ времени.

писалъ *не уже ли*); но особенно оригинально его правописаніе въ греческихъ словахъ, въ которыхъ онъ для звука и писалъ то *і*, то *г*, напр. *Ілїада; Ѳвака, Ахіллесъ, Ѳерсітъ, Полїтіка; Улгссъ, Смгрна, сгстема.* Отступленія *Библіотеки для Чтенія*, которая начала издаваться съ 1834 года, заключаются главнымъ образомъ въ менѣе частомъ употребленіи прописныхъ буквъ и въ стремленіи обозначать черточками (единитными знаками, какъ называли ихъ въ старину) совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ словъ въ нарѣчіе (locution adverbiale); такъ здѣсь пишутся слова: *можетъ-бытъ* (иногда безъ запятой), *по-крайней-мѣрѣ, по-счастію, во-первыхъ, по-видимому, между-тѣмъ, едва-ли; несмотря* пишется слитно; тутъ же мы находимъ *смѣшонъ* и рядомъ съ этимъ орѳографію *лице.*

Еще далѣе въ подобныхъ, для того времени новыхъ начертаніяхъ пошли *Отечественныя Записки*, основанныя въ 1839 году А. А. Краевскимъ. Здѣсь прилагательныя *собственныя имена* начинаются уже во многихъ случаяхъ маленькою буквой (*русскій, нѣмецкій*); однакожъ имена народовъ (*Русскіе, Шведы*) и учрежденій (напр. *Дворянское Уѣздное Училище*) пишутся еще по прежнему съ прописною буквой; послѣ ж, ч, ш, щ иногда является о (*бичомъ*), въ предлогахъ воз, из, раз сохраняется передъ всѣми буквами з (*разкрыть, изтреблять*); слова *что́, нѐчего, ка́къ*, въ извѣстныхъ случаяхъ, отмѣчаются удареніемъ; но особенно выдаются черточки для соединенія словъ одного и того же реченія, напр: *въ-самомъ-дѣлѣ, въ-слѣдствіе, въ-послѣдствіи, потому-что, отъ-того, въ-теченіе, должно-быть, какъ-можно-строже.* Мало по малу многія изъ такихъ словъ стали писаться даже слитно, напр. *вслѣдствіе*, что́ сначала возбуждало общее вниманіе и толки, особенно когда увидѣли написанныя такимъ же образомъ слова *ксожалѣнію, ксчастію.* Съ этими двумя послѣдними начертаніями, такъ же какъ и съ прилагательною формой *петербуржскій*, которою отличались *Отеч. Записки*, публика никакъ не могла примириться, и редакція, если не ошибаемся, принуждена была наконецъ отказаться отъ нихъ. Менѣе противодѣйствія нашло введен-

ное ею опущеніе ера въ сложныхъ словахъ подобныхъ слѣдующимъ: *генералъ-адъютантъ*, *полъ-листа*; однакожъ и эта орѳографія мало распространилась.

Съ этихъ поръ нарушено было то довольно общее однообразіе правописанія, которое установилось-было по образцу Карамзинскаго, и началась пестрота его въ подобныхъ приведеннымъ случаяхъ. Болѣе и болѣе стала обнаруживаться наклонность не употреблять прописныхъ буквъ, писать слитно слова, прежде писавшіяся отдѣльно, и сближать письмо съ говоромъ, особенно употребленіемъ о вмѣсто е (ё) послѣ ж, ч, ш, щ, что́ теперь, по примѣру *Голоса*, принято и нѣсколькими другими изданіями.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ попыткамъ измѣнить въ томъ или другомъ отношеніи наше правописаніе. Эти попытки касались то самой азбуки нашей, то различныхъ способовъ передавать звуки существующими у насъ буквами. Такъ какъ то и другое часто соединяется въ предположеніяхъ одного и того же лица, то мы и будемъ разсматривать вмѣстѣ оба рода нововведеній.

Въ 1828 году нѣкто (по показанію г. Геннади, умершій 1835 П. Л. Яковлевъ[1]) издалъ въ Москвѣ книжку: *Рукописъ покойнаго К. А. Хабарова*, авторъ которой выдаетъ себя за отставнаго корректора и разсказываетъ, что тотчасъ по окончаніи своего ученія въ школѣ, онъ опредѣлился въ типографію. «Сталъ набирать, печатать, читать корректуру — разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи — и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная — за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ аппетитъ, всѣмъ разслабленнымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяцъ поработать въ типографіи въ должности тередорщика[2]). Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совершенно». По увѣренію автора, онъ цѣлые 22 года постоянно занимался при разныхъ типографіяхъ, а потомъ, наскучивъ этимъ дѣломъ, завелъ книжную торговлю. Онъ убѣдился, что русская азбука,

---

[1]) См. *Книж. Вѣстн.* 1862 № 11· «Библіографич справки по предполагаемому изгнанію изъ азбуки буквы ъ» Григорія Книжника.

[2]) Это слово, значащее печатникъ, взято съ итальянскаго tiratore. Я. Г.

Форма литеръ требуютъ большихъ преобразованій. «Всякій разъ, набирая какую-нибудь книгу, продолжаетъ онъ, я думалъ о улучшеніи литеръ азбуки: вмѣсто отдыха, послѣ работы, чертилъ формы буквъ или задумывался надъ безтолковой азбукой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли и предположенія о литерахъ и азбукѣ — вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти». Онъ умеръ будто бы въ 1803 году, и рукопись издана кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Сочиненіе это напечатано въ той же книжкѣ подъ особымъ заглавіемъ: «Усовершенствованная русская азбука или средства облегчить изученіе оной и способъ сократить число рускихъ буквъ, поясненные примѣрами. Бутырки, 1800 г. января 5 дня». Въ маленькомъ предисловіи мнимый Хабаровъ утверждаетъ, что мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась ему, когда онъ сталъ набирать съ рукописи профессора Барсова, въ которой не было буквъ ъ и и и которая была, какъ видѣли выше, напечатана въ *Московскомъ журналѣ*.

Улучшенія Хабарова состоятъ въ томъ, что онъ предлагаетъ: 1) исключить изъ русской азбуки буквы: і, щ, ъ, ь, Ѣ, э, ѳ, ѵ, такъ что вмѣсто 35-ти останется только 27 буквъ. По мнѣнію его, въ азбукѣ нашей недостаетъ двухъ буквъ ю и й, но ихъ не нужно вводить туда: ё занѣнитъ ю, а знакъ ⌣ надъ а, е, и, о, у, ы, ю, я замѣнитъ й. Вмѣсто і Хабаровъ совѣтуетъ употреблять вездѣ и, вм. щ — сч или шч, вм. ъ кавычку или черточку, вм. ь надстрочный знакъ ^, а вм. Ѣ ставить е.— «Ѣ, говоритъ онъ, буква безполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ! Ѣ совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишите Ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ И! Покорнѣйше благода-

римъ! слѣдовательно чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себѣ ручнаго Малороссіянина для справокъ?... Другіе, Богъ знаетъ съ чего рѣшительно вопіютъ: пишите ѣ въ словахъ: *гнѣздо*, *блѣдный*, *свѣтъ*, *мѣсяцъ*. *Но почему? зачѣмъ?* Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: *гнездо*, *бледный* и проч. Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ ѣ? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣющихъ уже букву Е, нужно еще Ѣ... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали — такъ пишутъ всѣ граматные — но будто ето доказательство?»

Мы видимъ, что Хабаровъ противъ буквъ ѣ употребляетъ совершенно тѣ же доводы, къ которымъ и въ наше время не разъ обращались, чтобы доказать ея излишество. Таковы же и аргументы его противъ другихъ осуждаемыхъ имъ на изгнаніе буквъ. Относительно *ѳиты* онъ справедливо замѣчаетъ: «Чему намъ учиться прежде: русской грамотѣ, или греческому, латинскому, французскому и татарскому языкамъ?».—Чтобы дать наглядное понятіе о правописаніи Хабарова, выпишемъ одинъ изъ предлагаемыхъ имъ самимъ примѣровъ новаго письма: «Глаз по своему образованию не может смотреѣ на себя без зеркала. Мы видим себя только в′ других предметах. Чувство бытия, личност̀, душа, все сие сусчествует только потому, что вне нас сусчествует» и проч.

Утверждая, что письмо наше будетъ одинаково понятно, писать ли вездѣ е, или ѣ, и приводя тому примѣры, авторъ этой книжки между прочимъ говоритъ: «Скажу: веденіе — напишу веденіе, или вѣдѣніе — все равно». Неумѣстность такого примѣра портитъ всю его аргументацію: очевидно, что именно между этими двумя начертаніями величайшая разница, потому что каждое изъ нихъ отличаетъ слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе.

Покойный Лажечниковъ въ романѣ *Басурманъ* (1838) попытался-было сблизить правописаніе съ произношеніемъ. Главныя черты его письма состояли въ слѣдующемъ: 1) мѣстоименія и

прилагательныя муж. и сред. рода въ род. пад. ед. числа оканчиваются на *ова, ева* : *ево, ничево, этова, старова, дальнева;* 2) буква е пишется съ двоеточіемъ всякій разъ, когда она извѣстнымъ образомъ произносится, а послѣ шипящихъ буквъ на мѣсто ея ставится о: *чорный, шолковый, въ чомъ, вошолъ*; 3) *вита* вездѣ замѣняется буквою ф: *Афанасій, Марфа*; 4) слова, составляющія вмѣстѣ какъ бы одно понятіе, пишутся слитно или соединяются черточками: *какбы, какбудто, както, сверхтово, квечеру, можетбыть, снебольшимъ, вутпшеніе*; *въ-самомъ-дѣлѣ, на-этотъ-разъ, Успенской-Соборъ;* 5) вмѣсто сч пишется щ: *нещастный, ращотъ*. Въ то же время, однакожъ, Лажечниковъ слѣдуетъ иногда противоположному правилу, т. е. усиливаетъ этимологическое начало, и пишетъ: *этѣ, этѣмъ*. Но его нововведенія не встрѣтили ни въ обществѣ, ни въ литературѣ сочувствія; напротивъ, они возбудили только насмѣшки, и во 2-мъ изданіи *Басурмана*, напечатанномъ въ 1841 г., мы уже не встрѣчаемъ этихъ странностей.

Въ 1842 году нѣкто г. Кадинскій, въ Петербургѣ, рѣшился выступить съ новою азбукой, составленною изъ латинскихъ буквъ, которымъ онъ въ разныхъ сочетаніяхъ давалъ совершенно условное значеніе для передачи звуковъ русскаго языка. Все это было изложено въ брошюрѣ, названной «Упрощеніе русской грамматики Uproscenie ruskoi grammatichi» и напечатано двоякимъ шрифтомъ: русскимъ и вновь предлагаемымъ латинскимъ. Какъ поводъ къ своему изобрѣтенію, составитель выдастъ некрасивость и неудобство русскаго шрифта, съ которымъ будто бы неизбѣжно связаны неясность при чтеніи и опечатки; далѣе ему кажется, что наша орѳографія будто бы такъ произвольна и трудна, что требуетъ измѣненія шрифта. Входить здѣсь въ подробности орѳографической затѣи г. Кадинскаго было бы утомительно и совершенно безполезно. Довольно, что въ свое время Бѣлинскій обстоятельно разобралъ эту брошюру [1]), справедливо замѣтивъ, что ее слѣдовало бы назвать не упрощеніемъ, а «затрудненіемъ» русской

[1]) *Соч. Бѣлинскаго*, т IX, стр 484—510

грамоты или новою, еще ужаснѣйшею путаницею нашей грамматики. Знаменитый критикъ съ особенной охотою занялся этимъ разборомъ, потому что русское правописаніе, какъ видно, сильно интересовало его и самъ онъ носился съ мыслями о преобразованіяхъ по этому предмету. Нашъ алфавитъ казался ему по многимъ изъ своихъ буквъ некрасивымъ и даже безобразнымъ; употребленіе ѣ находилъ онъ основаннымъ часто на шаткихъ правилахъ и потому нужнымъ только въ грамматическихъ окончаніяхъ; да и тутъ онъ предпочиталъ вмѣсто этой не нравившейся ему буквы писать е съ облеченнымъ знакомъ (ѐ); нѣкоторыя другія буквы представлялись ему также излишними; кромѣ того Бѣлинскій недоволенъ былъ слишкомъ искуственною орѳографіей нашихъ прилагательныхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ предлагалъ: 1) буквы п, ц, ш, щ изъ угловатыхъ сдѣлать округленными посредствомъ верхней и нижней поперечной черты (любопытно, что эта мысль, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ буквѣ п, была лѣтъ черезъ 20 выполнена въ московской типографіи М. Н. Каткова[1]); 2) выкинуть изъ азбуки буквы: и, й, ѣ, э, ѳ, ѵ; изъ нихъ й замѣнить длиннымъ латинскимъ j, а букву е, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, различать по свойству выражаемыхъ ею трехъ звуковъ; 3) для именительнаго падежа именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. и всѣхъ трехъ родовъ множ. ч. принять ихъ настоящія, естественныя, какъ ему казалось, окончанія (ой, ей—ыи, іи, еи: ед. больной, всякой, синей; мн. больныи, всякіи, синеи) вмѣсто искуственныхъ и книжныхъ: въ род. же пад. ед. ч. писать: славново, большово, верхнева, нижнева. Изъ этого видно, что въ предположеніяхъ Бѣлинскаго повторились мысли частью Ломоносова, также писавшаго *доброй, верхней* и не признававшаго э и ѳ, частью Тредіаковскаго, который писалъ во множ. *добрыи, верхніи*, а вмѣсто ѣ

[1]) Ту же мысль выразилъ въ *Маякѣ* 1843 года (т. VII) кто-то подписавшійся *Старая Кавыка* въ статьѣ: «Совѣтъ типографщику моему» и проч. Авторъ хлопочетъ особенно о красотѣ буквъ, предлагаетъ для звука д одно изъ начертаній, употребительныхъ въ скорописи (ꙋ или ꙗ), находитъ, что вмѣсто е слѣдовало бы, соотвѣтственно выговору, писать ѐ, поправляетъ порядокъ нашей азбуки и т. п.

ставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Е. Впрочемъ Бѣлинскій, серіозно предлагая эти измѣненія, какъ осуществимыя по его убѣжденію на практикѣ,—шелъ въ теоріи гораздо далѣе и доказывалъ, какъ было бы хорошо дать нашей азбукѣ болѣе латинскій характеръ, измѣнивъ значеніе нѣкоторыхъ изъ ея буквъ (такъ чтобъ напр. р значило п) и введя новыя латинскія же буквы вмѣсто тѣхъ, которыя бы такимъ образомъ остались за штатомъ. Но на такомъ коренномъ преобразованіи азбуки Бѣлинскій не настаивалъ, понимая, что «подобныя реформы не зависятъ отъ воли и желанія одного лица» и прибавляя, что онъ высказалъ свое мнѣніе только какъ мечту.

Что касается до г. Кадинскаго, то мы увидимъ ниже, что онъ не удовольствовался одною только попыткою дать ходъ своей странной орѳографіи.

Замѣтимъ, что мысли въ родѣ выраженныхъ Бѣлинскимъ о бо́льшемъ сближеніи нашей азбуки съ латинскою, высказывались и прежде, и послѣ него. Въ 1833 году, въ Москвѣ, появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Новыя усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита». Неизвѣстный авторъ заботится о томъ, чтобы облегчить и сократить *первоначальное ученіе*, и для того находитъ нужнымъ: перемѣнить въ нашей азбукѣ нѣкоторыя буквы, сообразно съ исправленіями, сдѣланными Петромъ Великимъ; къ заимствованнымъ прежде изъ латинскаго алфавита прибавить или приспособить еще нѣсколько буквъ, а излишнія вовсе исключить. Чтобы разомъ дать понятіе о предлагаемыхъ имъ измѣненіяхъ, выписываю другое заглавіе книжки, представляющее смѣсь латинскихъ буквъ съ русскими: «ОРЫТ WEDENIЯ NOVЫH RUSSKIH LITER». При такомъ нововведеніи, по мнѣнію автора, можно бы выкинуть изъ нынѣшней азбуки четверть буквъ и ограничиться 27-ю; «прекратились бы, говоритъ онъ, безпрестанные споры объ е, ѣ, э, и, і, ѵ, ф, ѳ и проч.; иностранцы не будутъ смотрѣть на наши буквы какъ на полуазіятскія; какое торжество для типографій! тогда прямо могутъ печатать красивыми Дидотовскими литерами или получать самые красивые шрифты изъ всѣхъ столицъ

Европы». Вовсе устраняются буквы и, щ, ъ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ; сохраняются: а, о, е (для звука е вообще) и т; вмѣсто остальныхъ буквъ предлагаются соотвѣтствующія латинскія начертанія (Б=B, В=V, Г=G и т. д.); вм. и, й—i, ї; вм. щ—сч, шч; вм. ъ — черточка, вм. ь—надстрочный знакъ.

Рядомъ съ этими фантастическими нововведеніями авторъ выражаетъ одну мысль, въ наше время уже осуществленную, но тогда еще совершенно новую, заимствованную имъ у германскихъ педагоговъ во время заграничнаго путешествія: онъ горячо рекомендуетъ звуковой способъ обученія грамотѣ.

Совершенно съ тою же идеею, по которой неизвѣстный москвичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ перестраивалъ нашу азбуку, выступилъ недавно г. Засядко въ книгѣ: «О русскомъ алфавитѣ» (М. 1871). Ему также наша азбука кажется не красивою и не довольно четкою; кромѣ того онъ видитъ въ нашемъ письмѣ «чрезмѣрную растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого напрасную трату времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія для издателей, писателей и типографій». Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ подвергнуть русскій шрифтъ коренному измѣненію, сохранивъ въ немъ «древній греческій корень», но исправивъ его съ помощію латинскаго алфавита. Особенно осуждается то свойство нашего шрифта, что онъ имѣетъ одну только форму для литеръ, которыя здѣсь почти всѣ прописныя: при введеніи Петромъ Великимъ гражданской печати не озаботились, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, дать строчнымъ литерамъ форму, отличную отъ прописныхъ. Въ латинской азбукѣ, замѣчаетъ г. Засядко, изъ 26 литеръ только 8 имѣютъ одинакія очертанія съ прописными; у насъ, наоборотъ, изъ 36 литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, только 5 (а, б, е, р, у) имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ различныя очертанія для прописной и для строчной формы; а всѣ остальныя, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно сходно[1]). Авторъ находитъ это весьма сгран-

[1]) До 1830-хъ годовъ для звука *т* была въ печати особая строчная буква, подобная рукописной (*т*), т. е. *ш* вверхъ ногами; строчное т было въ первый

нымъ, мѣшающимъ изяществу и четкости шрифта. Послѣ подробной критики нашего алфавита какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, т. е. какъ по очертаніямъ буквъ, такъ и по отношенію ихъ къ звукамъ (критики, въ которой о многомъ можно бы поспорить съ авторомъ), онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: буквы ъ, ь, ѣ, ы, и, й, э, ю, я, ж, ц, ч, ш, щ, ѳ должны быть изгнаны; вновь предлагаются: 1) латинскія h и j для выраженія густаго придыханія (Номеръ вм. Гомеръ), и іотированія гласныхъ (jолка, мojо, пojотъ); 2) я и ю замѣняются слогами ja, ju; 3) вмѣсто шипящихъ вводятся: ç (ц), zh (ж), ch (ш), çh (ч), cçh (щ). За этими и другими предлагаемыми авторомъ измѣненіями, вотъ его русская азбука: A, B, V, G, D, E, H. Z, I, J, K, Л, M, N, O, П, P, C, T, U, Ф, X, Ç, Zh, Ch, Çh (всего 26 знаковъ). Ъ и Ь замѣняются надстрочными черточками.

А вотъ и обращикъ письма по этой азбукѣ:

Ia, jakor', ctojauka, predjavleuije, objavit', pazjacuit', liuija, perja, ctpyçja.

Это читается такъ:

Я, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, линія, перья, стручья.

Читатель видитъ, что, расходясь въ частностяхъ, изобрѣтатели двухъ новыхъ азбукъ, являющіеся на разстояніи почти 40 лѣтъ одинъ отъ другаго, чрезвычайно согласны между собою и не очень далеки отъ г. Кадинскаго. Едва ли была бы какая-нибудь польза въ серіозномъ разборѣ подобныхъ попытокъ, совер-

---

разъ придумано и употреблено въ печати покойнымъ академикомъ Кеппеномъ въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», Спб. 1827. Мало по малу это нововведеніе вошло въ общій обычай; но сперва оно казалось страннымъ: въ газетѣ *Сѣверная Пчела* оно является только съ начала 1833 года; слѣдовательно тогда этою новою буквой завелась типографія Греча, примѣру которой послѣдовали затѣмъ и другія. Самъ Кеппенъ упоминаетъ о своемъ нововведеніи въ Bulletin de la Classe historico-philologique 1847 г. (V, 48). Въ курсивномъ шрифтѣ до сихъ поръ остается еще въ употребленіи *т* рукописное; недавно, по желанію А. А. Куника, въ типографіи Академіи наукъ отлито строчное *т* и для этого шрифта. Отсюда видно, что не всѣ, подобно г. Засядко, считаютъ неудобствомъ одинаковость формы строчныхъ и прописныхъ буквъ.

шенно чуждыхъ практической почвы. Приходится повторить то, что́ сказалъ Полевой при появленіи первой изъ этихъ двухъ книгъ: «Несовершенство русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ исправленіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній, противится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ русскихъ литеръ* не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій» [1]).

Къ попыткамъ этого же рода можно отнести и стараніе нѣкоторыхъ, впрочемъ гораздо болѣе раціональное, видоизмѣнить или дополнить тѣ или другія русскія буквы для болѣе точной передачи звуковъ въ иностранныхъ словахъ, особливо въ именахъ собственныхъ. Тутъ сперва является Тредіаковскій, о предложеніи котораго ввести букву *голъ* уже говорено выше. Позднѣе академикъ Палласъ, въ *Сравнительныхъ словаряхъ* [2]), далъ буквѣ г, для звука h, въ отличіе подстрочный значокъ (седиль). Академикъ Бётлингъ предлагалъ употреблять въ такихъ случаяхъ ɧ. Иные совѣтовали просто перенести въ русскій алфавитъ латинскую букву h. Бывшій профессоръ Гельсингфорскаго университета С. И. Барановскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ прибѣгалъ для этого звука къ знаку греческаго густого предыханія (῾). Покойный Ястребцевъ въ изданной имъ книжкѣ «О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста» [3]) ставитъ этотъ же знакъ, но не отдѣльно передъ гласною, а надъ самою буквой г, напр. онъ пишетъ Г῾игіена. Онъ же, для означенія англійскаго звука th, употребляетъ, какъ въ греческихъ именахъ, *виту* [4]); тонкое произношеніе буквы л отмѣчаетъ онъ надстрочнымъ *ерикомъ*, напр. Пал҃ласъ; наконецъ, для изображенія французскаго носоваго n (какъ въ словѣ Cousin) онъ сначала писалъ н' (съ апострофомъ), а потомъ, по совѣту египтолога Гульянова, сталъ ставить надъ н букву г, «такъ какъ

[1]) *Моск. Телеграфъ* 1833, № 14, стр. 263.

[2]) Ч. I. Спб. 1787: см Explicatio literarum Alphabeti Rossici.

[3]) М. 1831; отрывки были напечатаны въ *Моск. Телеграфѣ* 1832.

[4]) Что́ и въ наше время дѣлаютъ иные: Gatherly = Гаѳерли.

во французской носовой буквѣ n, кромѣ *словесной стихіи*, выражаемой русскимъ н, находится еще часть *стихіи*, выражаемой буквою г». Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали у насъ являться еще нововведенія въ правописаніи чужихъ собственныхъ именъ и другихъ заимствованныхъ словъ. Такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* вошло въ обычай писать ихъ иностранными буквами, а при склоненіи ставить апострофъ между именемъ и падежнымъ окончаніемъ, напр. съ Lagrange'емъ, beau monde'а; но не есть ли это вопіющій обращикъ Грибоѣдовскаго «смѣшенія Французскаго съ Нижегородскимъ?» *Отеч. Записки* начали писать: *Уальтеръ Скоттъ*, *Уашингтонъ*, *Бэкнъ*; многіе приняли эту орѳографію; другіе остались при прежней, какъ видно, напр., изъ напечатанной въ *Москвитянинѣ* 1849 года [1]) статьи М. Лихонина «О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ».

Названный выше профессоръ Барановскій, въ брошюрѣ «О согласованіи правописанія съ произношеніемъ» [2]), представляя свои наблюденія надъ фонетикой главныхъ нарѣчій русскаго народа, совѣтуетъ писать: «мужеск*ого* и средн*его* рода», «для господствующ*его* *русского* нарѣчія»; далѣе: «розличіе, розпространять» (т. е. предлогъ *раз*, по его мнѣнію, долженъ всегда писаться *роз*, потому что иногда онъ такъ произносится). Впрочемъ г. Барановскій — усердный защитникъ не только буквы ѣ, которая на его слухъ имѣетъ свое особое произношеніе, но также *ѳиты* и *ѵжицы*, полезныхъ, какъ онъ находитъ, для изображенія иностранныхъ звуковъ.

Мимоходомъ упомяну здѣсь о брошюрѣ г. В. Васильева: *Грамматическія разысканія* (1845), первая часть которой посвящена разсмотрѣнію буквы ё какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Хотя взглядъ автора и не совсѣмъ правиленъ въ строго-научномъ смыслѣ, однакожъ во многихъ случаяхъ онъ заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ брошюра осуждаетъ покойнаго Межевича

---

[1]) Ч. IV, Отд. III. Науки и художества.

[2]) Напечатанной отдѣльно безъ означенія года и помѣщенной также въ *Иллюстраціи*, когда именно, не упомнимъ.

за употребленіе начертаній: *почотный*, *счотъ*, *въ чомъ*, *чорный*, и приводитъ изъ *Сѣверной Пчелы* слова Булгарина, выражавшія его негодованіе противъ тѣхъ, которые говорили, что должно писать, какъ говорятъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за предлагаемыми г. Васильевымъ, не всегда основательными доводами, и предоставляемъ себѣ изложить ниже свое собственное мнѣніе объ этомъ нелегкомъ вопросѣ русской орѳографіи.

Въ 1852 году издатель С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей Фурманъ вздумалъ возбудить въ этой газетѣ вопросъ о русскомъ правописаніи [1]). «Не только каждый журналъ, говоритъ онъ, но почти каждый нѣсколько замѣчательный писатель придерживается *своего* правописанія... Съ одной стороны мы видимъ постоянное сліяніе предлоговъ съ существительными, ксожалѣнію, впродолженіи, втеченіе и т. п.; съ другой замѣненіе буквы е буквою о, учоный, чорный, душою, отцомъ и т. п.; далѣе особенную любовь къ дательному падежу,—подобнаго роду, такого разряду [2]) и т. д.». Затѣмъ авторъ статьи старается доказать, что буквы ѳ и э совершенно излишни. «Ѳ, говоритъ онъ, сдѣлалась въ нашей азбукѣ буквою *мертвою*, т. е. осталась только въ нѣкоторыхъ старыхъ греческихъ словахъ; во всѣхъ же другихъ, переходящихъ въ нашъ языкъ, начиная съ вѣка Екатерины II, является вмѣсто ѳ буква т. Слѣдственно, мертвый членъ можно отсѣчь легко, безъ всякаго ущерба для всего тѣла, особенно если онъ можетъ быть замѣненъ другимъ, *вполнѣ ему равносильнымъ*... Русскій языкъ не имѣлъ нужды поддѣлываться подъ греческій звукъ, а прямо превратилъ его въ свой губной звукъ, для выраженія котораго назначена буква ф. Для чего же ѳ? Развѣ для того только, что славянскіе учители были Греки и произносили ѳ по гречески. Для ихъ уха было странно превратить зубной звукъ въ губной; а быть можетъ они даже не угадывали, въ какой звукъ славянскій говоръ превратитъ ихъ ѳ. Вотъ какъ явилась въ славянской азбукѣ ѳ; явилась она *разумно*,

[1]) *Вѣд Спб. гор. полиціи* 1852, №№ 213 и 226.

[2]) Намекъ на Сенковскаго, который часто употреблялъ это польское окончаніе род. падежа.

не какъ лишняя, но какъ буква со своимъ особеннымъ звукомъ. Славянскій языкъ, по свойству своему, не принялъ этого звука. Зачѣмъ же остался знакъ, его выражавшій? Съ какой стати буква ф получила вовсе не нужный дупликатъ?» Что касается буквы э, то Фурманъ совершенно неудачно силится доказать ея безполезность и мнимую сбивчивость ея употребленія. Все дѣло въ томъ, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительно-существующему въ языкѣ звуку и что она необходимо принадлежитъ къ системѣ нашихъ гласныхъ, которая безъ нея не имѣла бы полнаго на письмѣ изображенія. Наши іотированныя гласныя (по Ломоносову, потаенно двоегласныя) произошли отъ чистыхъ: а, о, у; я=йа, ё=йо, ю=йу; очевидно, что и е=йэ, т. е. что это — іотированное э; безъ послѣдняго начертанія мы не могли бы правильно изобразить состава буквы е.

Замѣтки Фурмана и возбужденные ими толки подали поводъ г. Стоюнину помѣстить въ Полицейской же газетѣ [1]) дѣльную статью «о русской азбукѣ», гдѣ онъ противъ безотчетныхъ умствованій выставляетъ знамя науки. Разсматривая постепенное развитіе нашей азбуки со времени введенія гражданской печати, онъ останавливается подробнѣе на мнѣніяхъ Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова и наконецъ вступается за оспариваемыя нѣкоторыми права буквы ѣ. «Въ грамматическомъ устройствѣ языка», говоритъ г. Стоюнинъ, «обѣ буквы—ѣ и е—имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другаго законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть ѣ уступитъ всѣ свои права е, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква

[1]) 1852, №№ 242 и 243.

юсъ, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ у и я? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква ѣ существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы ѣ есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ буква ѣ не можетъ назваться *условною* буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свойство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки».

Особенною смѣлостью отличается орѳографическая попытка, выразившаяся изданіемъ книги: «Філоктіт, трагедія Софокла. С греческова перевел і замѣчаніями объясніл Н. Т. Санктпетербург 1856». Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: «... я держался правопісанія, которое назову правопісаніемъ безъяцкім — безъяцкіѣ, безъяк, без ѣ; прідержіваясь этова правопісанія я выпустіл із азбукі букву ѣ і все ізлішнія буквы, знакі не імеющіе ілі потерявшіе значеніе и смысл, я старался довесті русское правопісаніе до возможноѣ простоты; мне кажется, я надеюсь на то, я даже уверен в том, что это правопісаніе со временем должно воѣдті в употребленіе, ібо оно раціонально, оно просто, оно унічтожает всякія устаревшія, потерявшія значеніе, безсмысленныя і затрудняющія формы азбукі. Впрочем раціональная послѣдовательность требует ввестї новыѣ знак ę для обозначенія мягкова о, т. е. ё, ю, какъ напімер в словах: ещę, всę перевęл; такім образом все гласныя будут іметь знак для обозначенія іх смягченія, а іменно: а—ja=я, э—je=е, і—ji=ѣ, о—jo=ę, у—jy—ю;

о знаке ę не буду споріть: еслі можно прідумать лучшій, более удобный знак, то тем лучше».

Орѳографію того же рода находимъ въ книгѣ: «Греческая мифология, или сказание о вере и богах древних народов. Н. Причудинскова». (Спб. 1860. 12⁰). Авторъ находитъ, что при множествѣ предметовъ, которые русскому человѣку нужно изучать, ему нельзя «терять время на то, чтобы научиться писать букву ѣ и другія безполезныя буквы — нет, нет и тысячу раз нет!... Университетское изучение русскова языка и славянских наречий», объясняетъ онъ, «убедило меня в возможности выпустить букву ѣ и другия лишния буквы (ѳ, і, ъ въ конце слов); вот почему я написал эту книжку безъяцким правописанием». Послѣдкія слова и другія особенности этой книжки, хотя и не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что́ мы видѣли въ предыдущей, заставляютъ предполагать, чти обѣ одного происхожденія [1]).

Въ 1857-мъ году является опять г. Кадинскій; на этотъ разъ его книжка озаглавлена: «Преобразованіе и упрощеніе русскаго правописанія». Чтобы дать понятіе о скромномъ взглядѣ самого автора на свое изобрѣтеніе, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ послѣдней страницы этого творенія: «.... pri Latinscoi asbucae y pri moyx pravilax ni odin rebénoc ne moget sdeelath oxibchi v' pravopisaniy; potomu chto u menea caghdy zvuc imeeiet sobstvennoie nacertanie, nezameenimoie nicachim drughim nacertaniem; tac chto vseacoi proizvoll v' pravopisaniy na vsegda ustraneaietsea. Y docolae Ruscaia rech budet gith v' ustax naroda, dotolee moié pravopisanie soxranit neizmeenno svoi xaracter». При появленіи этой книжки, Сенковскій, остроумно поднявъ на смѣхъ такое письмо [2]), воспользовался случаемъ, чтобы и съ своей стороны предложить нововведеніе, не менѣе странное. Считая «истиннымъ горемъ русской грамоты отсутствіе въ ней всякой

---

[1]) По мнѣнію г. Геннади, это — соч Н. Тимаева; начальными буквами его имени означено и предыдущее изданіе

[2]) *Сынъ От.* 1857, № 32.

методы выражать съ надлежащею вѣрностью иностранныя собственныя имена», онъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ поправить эту бѣду. «Есть у насъ», говоритъ *Брамбеусъ* (такъ онъ подписался подъ статейкой), «одна *оборотная* буква (э). Основаніе системы положено: нельзя ли дать ей нѣкоторое развитіе... распространить кругъ оборотности? Почему бы оборотное г не могло выражать у насъ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго h[1])? Почему оборотный ерикъ ч, поставленный послѣ н, не указывалъ бы на французское носовое n? или оборотное л на англійское th?... Французское u можно было бы удобно выразить посредствомъ того же мягкаго знака, поставленнаго послѣ твердаго русскаго у такъ: уь. Глухое h хорошо выражается оборотнымъ апострофомъ: фамилія Victor Hugo приняла бы въ русской печати видъ «Викторъ 'Уьго»... и т. д. Сенковскій (серіозно или шутя?) находилъ эту мысль полезною и выражалъ желаніе, чтобы она удостоилась вниманія и утвержденія главнѣйшихъ періодическихъ изданій.

Послѣ г. Кадинскаго соотечественникъ его г. Котковскій пошелъ еще далѣе и въ изданной въ 1862 Кіевѣ брошюрѣ Postęp i wsteczność и проч. доказывалъ, что всѣ Славяне должны принять польскую азбуку и польское правописаніе (см. *Кіев. Курьер*, 1862 № 35, статья К. Шейковскаго «О польском правописаніи»). Вотъ что между прочимъ говоритъ рецензентъ этой брошюры: «Г. Котковскій видит в *гражданицъ* (так он называет теперешній русскій алфавит) много азіятскаго. Но в своей брошюрѣ он употребляет такіе филологическіе пріемы, которые и в Азіи уже не употребительны» и проч.

Въ 1860 году начали выходить въ Воронежѣ *Филологическія Записки*, изданіе, которое и до сихъ поръ ведется съ похваль-

---

[1]) Сенковскій по видимому не зналъ, что мысль объ *оборотномъ* г уже выражена въ слѣдующемъ примѣчаніи къ *Разговору* Тредіаковскаго: «Нѣкто изъ іскусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почітаю, вымышлятъ сей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію ҭ і сію ꙋ: но мнѣ сіе не нравится длятого что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ россійскімъ» (*Разг.*, Спб. 1748, стр. 382).

нымъ постоянствомъ и любовью къ наукѣ. Въ первомъ же выпускѣ его напечатана довольно обширная статья издателя А. А. Хованскаго «Взглядъ на правописаніе вообще». Хотя эта статья и не представляетъ полнаго и систематическаго труда, однакожъ авторъ ея заслуживаетъ благодарность за эту первую въ своемъ родѣ попытку выяснить современное положеніе русскаго правописанія и обозрѣть его видоизмѣненія въ разныхъ органахъ нашей печати. Г. Хованскій по большей части не входитъ въ критическое разсмотрѣніе того или другаго способа начертанія словъ, а довольствуется указаніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ видныхъ разнорѣчій правописанія и приходитъ къ такому заключенію: «Что же намъ наконецъ остается дѣлать, чтобы установить единство въ правописаніи? Остается одно — доказывать право употребленія той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на которомъ можно было бы основать неоспоримое доказательство того или другаго правила, — въ остальномъ согласиться не трудно, а согласіе въ этомъ необходимо: оно святое дѣло» [1]).

Кажется, эта статья не осталась безъ послѣдствій и имѣла нѣкоторое участіе въ возбужденіи тѣхъ орѳографическихъ состязаній, которыя въ первой половинѣ 1862 года обращали на себя вниманіе всего грамотнаго Петербурга. По крайней мѣрѣ г. Стоюнинъ, въ рефератѣ прочитанномъ въ первомъ засѣданіи, не забылъ упомянуть о статьѣ г. Хованскаго. Впрочемъ довольно необыкновенное явленіе этого грамматическаго конгресса было въ связи съ господствовавшими тогда въ нашемъ обществѣ стремленіями къ облегченію народнаго образованія, къ распространенію грамотности. Съ 1860 года во 2-ой петербургской гимназіи происходили, по два раза въ мѣсяцъ, педагогическія собранія. На одномъ изъ нихъ, въ январѣ 1862, г. Стоюнинъ предложилъ «пригласить всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобы они согласились въ общихъ орѳографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные

[1]) *Фил. Зап.* 1860, вып I, стр. 65

пункты, упростили бы самую орѳографію»[1]). Мысль эта была одобрена собраніемъ, и въ Великомъ посту начались совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ педагоговъ, приняли участіе и нѣкоторые журналисты; было тутъ много и любопытныхъ. Отчеты объ этихъ разсужденіяхъ печатались въ журналѣ *Учитель*, и притомъ печатались одно время съ новою, одобренной въ собраніяхъ орѳографіей. Въ первомъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, г. Стоюнинъ прочелъ составленную имъ записку о предлежавшей этимъ сходкамъ задачѣ. Его программа отличалась умѣренностью, и если бъ совѣшавшіяся лица остались вѣрны главнымъ его началамъ, то вѣроятно тогдашнія собранія имѣли бы большій успѣхъ, нежели какой въ самомъ дѣлѣ выпалъ на долю ихъ. Г. Стоюнинъ очень хорошо понималъ, что невозможно предоставить въ орѳографіи исключительнаго господства ни этимологическому основанію, ни фонетическому и что рѣчь можетъ итти только о примиреніи ихъ, объ опредѣленіи, «въ какихъ случаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія». Онъ очень умно замѣтилъ, что *историческое основаніе*, т. е. не одна филологическая сторона, но и давняя привычка, обратившаяся въ законъ, «никакъ не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, которыя должны были бы заставить все настоящее дѣйствующее поколѣніе переучиться писать и даже читать, и которыя могутъ угрожать будущимъ поколѣніямъ не понимать безъ особеннаго ученья того, что напечатано до настоящаго времени[2])». Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ, развивая далѣе частности своего плана, самъ забылъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое основное начало и предлагалъ между прочимъ такія нововведенія, которыя конечно принадлежатъ къ разряду коренныхъ преобразованій письма; напр. онъ предлагалъ писать по слуху: *голанецъ*, *голанскій*, *лапланецъ*, вм. *голландецъ* и проч., т. е. такъ, какъ до тѣхъ поръ никто не писалъ.

[1]) *Учитель* 1862, стр. 132.

[2]) *Учит* 1862, стр. 266.

Программа г. Стоюнина была принята собраніемъ; положено считать вопросы рѣшенными только по общему согласію, и приступлено къ разсмотрѣнію русскаго алфавита, причемъ немедленно рѣшено исключить изъ него *ѳиту*.

Собравшіеся во второй разъ, при самомъ открытіи совѣщаній, отступили уже отъ руководящей мысли первоначальнаго плана, заявивъ себя, большинствомъ голосовъ, на сторонѣ коренныхъ преобразованій, т. е. такихъ, которыя клонятся къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми. По прочтеніи г. Кеневичемъ остроумной записки, направленной противъ буквъ ѣ, ъ, ь, ѳ и ѵ, происходили долгіе споры о буквѣ ѣ; наконецъ почти всѣ согласились, что исключеніе ея было бы желательно, не смотря на возраженія г. Стоюнина и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ, указывавшихъ на практическія неудобства такого исключенія. «Есть ли возможность, спрашивалъ г. Стоюнинъ, учить орѳографіи безъ ѣ, пока эта буква не выйдетъ изъ печати, и можно ли надѣяться, что такое нововведеніе будетъ принято въ литературѣ и вообще грамотными людьми? Ученіе дѣтей происходитъ по книгамъ, а разлада или разрыва между ученіемъ и тѣмъ, что дѣти находятъ въ своихъ учебныхъ книгахъ, быть не должно. Дѣлать же пробу въ надеждѣ, что со временемъ такая орѳографія утвердится, не значитъ ли играть учениками, чего никто также позволить себѣ не можетъ»[1]). Кѣмъ-то было сдѣлано еще другое, не менѣе основательное возраженіе: «Положимъ, что правила правописанія, одобренныя настоящимъ собраніемъ, будутъ приняты и установятся въ свѣтской литературѣ; но духовная-то литература что скажетъ? Будетъ ли она согласна принять ихъ? А ея согласіе очень важно: мы теперь хлопочемъ о распространеніи грамотности въ народѣ, а народъ, какъ всякому изъ присутствующихъ извѣстно, всего охотнѣе берется за книги духовнаго содержанія».

Съ 3-го засѣданія увлеченіе педагоговъ желаніемъ передѣлать кириллицу, вопреки *историческому началу*, признанному въ

[1]) *Учит.*, стр 302. Ср. выше, стр. 516, защиту буквы ѣ въ прежней статьѣ г. Стоюнина.

1-мъ собраніи, замѣтно растетъ. Пренія касались особенно предложенія не употреблять буквъ ъ и ь и замѣнить ихъ надстрочными знаками. Но «вопросъ о знакѣ смягченія возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Г. Кеневичъ объявилъ, что онъ наводилъ справки въ типографіи Академіи наукъ и тамъ узналъ, что предлагаемый имъ знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ». Это заявленіе заставило собраніе отложить вопросъ о буквахъ ъ и ь. Между тѣмъ однакоже всѣ согласились принять за основаніе такое правило: каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; каждый существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть соотвѣтствующую букву въ алфавитѣ, но только одну; знакъ, не соотвѣтствующій никакому звуку, не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ[1]). На этомъ основаніи одобрено предложеніе г. Стоюнина ввести въ азбуку букву ё, и большинствомъ голосовъ опредѣлено ставить ее между прочимъ послѣ ж, ч, ш, щ и ц тамъ, гдѣ она звучитъ какъ о. Затѣмъ, для изображенія звука и, большинство отдало предпочтеніе буквѣ і и рѣшило оставить ее въ алфавитѣ, исключивъ и, а вмѣсто й употреблять і съ краткимъ знакомъ[2]). Замѣтимъ, что тутъ, вопреки первоначальному постановленію собранія, вопросы рѣшаются уже по большинству голосовъ, а не съ общаго согласія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Стоюнинъ, одобривъ принятыя совѣщавшимися заключенія, какъ согласныя съ установленнымъ предварительно основаніемъ (въ чемъ однакожъ трудно убѣдиться), напомнилъ между тѣмъ, что всѣ предложенныя исключенія буквъ могутъ быть заявлены «только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орѳографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать», замѣтилъ онъ, «не въ нашей власти; поэтому нельзя ихъ вводить и въ педагогическую

[1]) *Учит.*, 345.
[2]) *Учит.*, 347.

практику, пока онѣ не примутся въ печати» [1]). Затѣмъ онъ совѣтовалъ заняться болѣе практическими вопросами правописанія и перейти къ третьему отдѣлу программы, т. е. *перебрать всѣ разногласія въ орѳографіи по частямъ рѣчи.* Согласно съ этимъ и были разсмотрѣны нѣкоторые частные случаи, и тутъ высказаны коекакія дѣльныя и интересныя замѣчанія, но постановлено опять нѣсколько совершенно непрактическихъ по новизнѣ своей правилъ, напр. по предложенію г. Стоюнина опредѣлено писать: *щастіе*, *щитать*, *пищая бумага*, и далѣе: *рассказъ*, *разсужденіе*, *бесѣньѣе*, *бесловесный*, или еще: *Лягарпъ*, *Ляморисьеръ*, *маёръ* (вм. маіоръ), *петербурскій*, *выборскій*, *французскій*, *персицкій*. Г. Кеневичъ, прочитавшій особую записку о правописаніи слитныхъ предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* и подавшій ею поводъ къ приведенному окончательному заключенію по этому предмету, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ весьма основательный разборъ орѳографіи этихъ предлоговъ въ словарѣ Даля, который пишетъ: *бесбруйный*, *бесвязный*, *беславіе*, *бесловесный* и т. п.

Изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ новаго правописанія, задуманнаго педагогическими собраніями, достаточно видно, какъ они незамѣтно удалились отъ первоначально принятой ими программы и, въ прямомъ противорѣчіи съ нею, стали на путь, по которому итти далѣе было трудно. Отчетъ о 6-мъ совѣщаніи кончается заявленіемъ, «что по случаю наступающаго лѣта и каникулъ орѳографическія собранія откладываются до осени. Очередные вопросы слѣдуютъ: о флексіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ». Осенью однакожъ орѳографическія совѣщанія не возобновились; въ *Учителѣ* прочли только нѣсколько замѣтокъ по этому предмету, присланныхъ заинтересованными лицами на обсужденіе бывшихъ собраній и по большей части отличавшихся смѣлостью предложеній. Такимъ образомъ орѳографическія совѣщанія 1862 года не привели ни къ какому практическому результату и остались только любопытнымъ и по-

[1]) *Уч.* 401.

учительнымъ эпизодомъ въ исторіи попытокъ перестроить нашъ алфавитъ и наше правописаніе на новыхъ основаніяхъ. Если бъ затѣявшіе это дѣло сумѣли удержаться на практической почвѣ, если бъ ограничили свою задачу разъясненіемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и рѣшеніемъ, которое изъ двухъ или трехъ уже употребительныхъ начертаній болѣе раціонально, то можетъ быть результатъ былъ бы другой и публика сказала бы совѣщавшимся лицамъ спасибо. Но въ данныхъ условіяхъ орѳографическія собранія 1862 года послужили только новымъ подтвержденіемъ той истины, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпринятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя авторитетъ извѣстныхъ спеціалистовъ.

Органы нашей журналистики очень различно отнеслись къ орѳографическимъ совѣщаніямъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* явилась юмористическая статья въ видѣ отрывковъ изъ не существующаго журнала *Самодуръ*, напечатанныхъ на основаніи новой орѳографіи, въ которой осуществлены не только предположенія, одобренныя собраніями, но и нѣкоторыя черты частныхъ мнѣній, не принятыхъ ими[1]). Въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для чтенія* неизвѣстный авторъ статьи «По вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи» нападаетъ съ ожесточеніемъ на всякую связь правописанія съ грамматикой, и потому, находя даже предположенныя преобразованія недостаточными, требуетъ чисто-фонетической орѳографіи, не касаясь однакоже вопроса о практической возможности осуществленія такой мысли[2]). Особенно-живая статья по поводу петербургскихъ совѣщаній о правописаніи явилась въ журналѣ *Время* (март. книжка) подъ заглавіемъ: «Ортографическая распря». Извлеченіе изъ нея помѣщено въ приложеніяхъ къ настоящему труду. Съ безусловнымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ планамъ конгресса отнесся *Книжный Вѣстникъ*, напечатавъ (въ № 5) статью г. Бѣ-

---

[1]) *Отеч. Зап.*, т. CXLI, статья «Все и ничего», стр. 239—254

[2]) *Библ. для Чт.* т. 170, стр. 76—92.

лобородова, «Нѣсколько словъ объ упрощенія правописанія»[1]). Авторъ не сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ совѣщаній, приходитъ къ заключенію, что «какъ народъ нельзя заставить говорить такъ, какъ пишется, то, натурально, надо писать, какъ говорится», и представляетъ обращикъ новой орѳографіи, въ которой идетъ еще далѣе совѣщающихся и пишетъ напр.: географическаво, гражданскова, общева.

Между провинціальнымп газетами всѣхъ серіознѣе взглянулъ на дѣло *Кіевскій Курьеръ*. Въ статьѣ: «По поводу преобразованія нашего правописанія» разсказано о преніяхъ 2-го собранія и между прочимъ замѣчено, что тутъ были «и такіе господа, которые позволили себѣ недостойное глумленіе надъ наукою, чтó хотя было и остроумно, но вовсе не умно. Смѣйтесь надъ педантизмомъ, надъ рутиной, сколько вамъ угодно, а науку, воли которой не передѣлать, оставьте въ покоѣ». Всего любопытнѣе что вмѣстѣ съ тѣмъ редакція объявила, что съ слѣдующаго (12) нумера она изгоняетъ изъ своей газеты ъ въ концѣ словъ, и дѣйствительно во все остальное время изданія газеты, т. е. до конца іюля мѣсяца того же года, *Кіевскій Курьер* печатался безъ еровъ, начиная отъ заглавія и кончая подписью: «Редактор Петр Стрешнев».

Въ Москвѣ *Новое Время* напечатало по тому же поводу статью одного изъ тамошнихъ преподавателей, г. Робера, вступившагося за честь русской орѳографіи. Въ его статьѣ особенно важно заявленіе, что онъ, «къ удивленію своему, не видитъ ни малѣйшей причины къ такому возстанію противъ нашей орѳографіи», какое произошло въ Петербургѣ. «Едва ли какой языкъ», по его мнѣнію, «представляетъ такую правильность, такое богатое развитіе въ производствѣ словъ, какъ русскій языкъ... И едва ли есть языкъ, въ которомъ бы такъ ясно производство слова выражалось въ правописаніи. Только въ очень немногихъ случаяхъ наше правописаніе отступило отъ производства... Всякое коренное измѣненіе въ нашемъ правописаніи будетъ замѣною правилъ, осно-

[1]) Эта же статья была напечатана и въ С. О. 1862, № 36.

ванныхъ на разумныхъ началахъ, другими, основанными на простомъ условномъ соглашеніи: гдѣ же будетъ болѣе сбивчивости и шаткости»? Вслѣдъ за тѣмъ составитель предлагаемаго очерка помѣстилъ въ *Современной Лѣтописи* свои соображенія «по поводу толковъ о правописаніи»[1]). Не могу здѣсь умолчать объ этой статьѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она выражала не одно личное мое мнѣніе, а во-вторыхъ, она вызвала возраженіе со стороны одного изъ тѣхъ членовъ орѳографическихъ собраній, которые принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе. Статья моя была главнымъ образомъ посвящена вопросу о возможности сократить или пополнить нашъ алфавитъ. Желающіе ознакомиться съ тогдашними замѣчаніями моими найдутъ ихъ въ приложеніи къ настоящему труду. Здѣсь же упомяну только, что я находилъ неумѣстною въ *русскомъ* алфавитѣ *греческую* букву (*ѳиту*) и кромѣ того считалъ полезнымъ прекратить употребленіе въ концѣ словъ *ера*, который тутъ можетъ всегда подразумѣваться. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ предварительно согласились уважаемые сочлены мои по Академіи наукъ: покойный Востоковъ и И. И. Срезневскій. Только впослѣдствіи я узналъ, что Востоковъ уже въ самомъ началѣ своего филологическаго поприща былъ того же мнѣнія[2]).

Такъ взглянула на этотъ вопросъ и редакція газеты, гдѣ появилась означенная статья моя, и въ выноскѣ было помѣщено примѣчаніе: «Намъ также кажется, что дѣло слѣдуетъ начать съ отмѣны *ера* въ концѣ словъ; но мы полагаемъ, что для этого нужно согласіе по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ журналовъ. Мы заранѣе заявляемъ готовность присоединиться къ договору». Такое устраненіе буквы ъ (было замѣчено въ той статьѣ) не только сберегло бы много мѣста и времени, но уменьшило бы и издержки печатанія. При этомъ редакція газеты исчислила, что «сбереженіе составило бы приблизительно 8% на наборѣ, печати и бумагѣ. Изданіе, тра-

[1]) *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 (іюль).

[2]) См. выше, стр. 501; Борна *Крат. рукод. къ росс. слов.*, стр. 11.

тящее на эти предметы 100.000 р., платитъ за букву ъ приблизительно 8000 р.».

Относительно этого уже и въ орѳографическихъ собраніяхъ было исчислено г. Кеневичемъ, что ъ и ь «составляютъ болѣе чѣмъ двадцатую часть всего печатаемаго [1]). Такъ въ сочиненіи Буслаева «Историческіе очерки народной поэзіи», въ томѣ 40 листовъ; можно полагать, что изъ нихъ слишкомъ 2 листа заняты полугласными. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, который предполагается издать въ 40 томахъ, два тома будутъ заняты только полугласными; между тѣмъ изданіе тома обходится среднимъ числомъ около 15 тысячъ; слѣдовательно издатели Энциклопедическаго Лексикона платятъ 30 тысячъ р. только за полугласныя».

Десять лѣтъ прошло со времени всѣхъ этихъ разсужденій; однакожъ буква ъ и до сихъ не потеряла своего права гражданства на концѣ словъ въ русскомъ письмѣ, и невольно припоминается замѣчаніе русской грамматики, изданной въ 1750 г. на шведскомъ языкѣ: «Хотя этотъ знакъ въ произношеніи и начертаніи словъ не только никакой пользы не приноситъ, а напротивъ еще скорѣе затрудняетъ чтеніе, однакожъ онъ такъ вошелъ во всеобщій обычай, что почти нельзя ожидать, чтобы названный знакъ когда-нибудь былъ исключенъ изъ числа русскихъ буквъ»[2]).

---

[1]) Въ прошломъ столѣтіи враги буквы ѣ сдѣлали ариѳметическое вычисленіе, и нашли, что эта буква занимаетъ $^1/_{16}$ долю всего типографскаго набора буквъ (Стоюнинъ, *О русской азбукѣ*) *Въ Книжномъ Вѣстникѣ* утверждали, что отказавшись отъ буквъ **и**, **й**, **ѣ**, **ѳ**, **ѵ**, **ъ** и **ь**, мы «выиграемъ *шестую* часть времени и капитала, т е на $^1/_6$ часть будемъ меньше тратить бумаги, чернилъ, перьевъ и пр., а слѣдовательно меньше потребуется времени и писарей» (*К. В.* 1862, № 5). Еще до того Сенковскій, по поводу книжки Кадинскаго, говорилъ: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ ъ, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стоитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000 000 руб., — а какую приноситъ ей выгоду или честь?» и т. д. (*Листки бар. Брамбеуса.* Спб. 1858, стр. 633).

[2]) «Россійская Грамматика. Thet ar Grammatica Russica eller Grundelig Handledning till Ryska Språket &c. Utgifven af Michael Groening». Stockholm 1750.

Послѣ 1862 года было только одно довольно крупное изданіе, которое умѣло отрѣшиться отъ предразсудка, считающаго конечный ъ необходимымъ. Это *Настольный Словарь* покойнаго Толля, гдѣ ъ на этомъ мѣстѣ удержанъ только въ заглавныхъ словахъ: въ объясненіяхъ онъ исключенъ, оставаясь однакожъ какъ въ серединѣ словъ, гдѣ нужно (напр. въ словѣ «объявить»), такъ и при предлогахъ, состоящихъ изъ одной согласной (въ, къ). Такъ же точно и *ѳита* совершенно устранена изъ этого словаря.

Что касается до буквы ѣ, то въ статьѣ 1862 года я находилъ, что изгнаніе этой буквы равнялось бы уничтоженію этимологическаго характера нашей орѳографіи. Г. Кеневичъ, оставаясь вѣрнымъ тому, что́ онъ говорилъ въ собраніяхъ, является и въ возраженіи своемъ на мою статью непримиримымъ врагомъ этой буквы[1]). Главнымъ основаніемъ служитъ ему то, что правильное употребленіе ея въ корняхъ словъ издавна не вполнѣ соблюдается, такъ что во многихъ случаяхъ мы не пишемъ ея тамъ, гдѣ она въ древности писалась; во флексіяхъ же можно равнымъ образомъ обойтись безъ нея, такъ какъ мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, достаточно опредѣляетъ грамматическую форму слова. Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: «Сто́итъ ли учиться тому, что, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Сто́итъ ли терять время, замѣтьте, лучшее время жизни, на то, чтобы пріобрѣсть навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія». — Едва ли можно согласиться съ г. Кеневичемъ въ посылкахъ, на которыхъ построены его вопросы. Едва ли знаніе разнохарактернаго состава словъ языка и различнаго образованія его флексій можно считать безцѣльнымъ, неразумнымъ и безполезнымъ. Нельзя сказать, чтобы неодинаковое начертаніе такихъ словъ, какъ напр. *свѣденіе* и *свѣдѣніе*, ни на чемъ не было основано. Если скажутъ, что для различенія этихъ двухъ словъ при одинаковомъ начертаніи ихъ достаточно

[1]) *Съв. Пчела.* 1862, № 314: «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г Грота».

было бы знака ударенія, то можно спросить, чѣмъ же этотъ способъ былъ бы лучше и былъ ли бы онъ достаточно знаменателенъ?

Въ истекшее десятилѣтіе самыя замѣтныя отступленія отъ господствующаго правописанія позволилъ себѣ покойный В. И. Даль въ своемъ словарѣ. Вотъ главныя особенности его письма:

1. Находя, будто фонетикѣ русскаго языка противно удвоеніе одной и той же буквы, онъ во многихъ случаяхъ не допускаетъ такого удвоенія и пишетъ, напримѣръ: *беславіе*, *бесмертіе*, *бесмысліе*, *конченый*, *опредѣленый*, *исполненый*, также: *вобще*, *вображеніе*, *воружать* и т. п. Однакожъ надобно замѣтить, что Даль самъ не выдерживаетъ своего правила и, по мѣрѣ удаленія отъ начала словаря, болѣе и болѣе измѣняетъ себѣ: такъ предлогъ *из* передъ с онъ уже пишетъ то цѣликомъ, то ставя з въ скобкахъ, напр. *изсасывать*, *изсиня*, *и(з)спесивѣть*, *и(з)страдать*, *и(з)стари*, хотя въ обоихъ случаяхъ не слышно никакой разницы въ произношеніи; а предлогъ *раз* онъ уже нигдѣ не сокращаетъ передъ с и пишетъ: *разсажывать*, *разсуждать* и проч. Да и трудно было бы остаться вѣрнымъ правилу, основанному на совершенно ложномъ положеніи: русская фонетика не только не чуждается удвоенія буквъ, но напротивъ часто безъ основанія сдваиваетъ согласныя, особенно букву н, какъ видно изъ произношенія страдательныхъ причастій и прилагательныхъ въ родѣ: *деревянный*, *соломенный*, *мысленный*, также глагола *итти*, словъ подобныхъ *прочій*, *причина*, *поручикъ* и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ правописаніе давно уступило говору, и до сихъ поръ пишутъ съ двойнымъ н причастія и прилагательныя, а прежде писали на томъ же основаніи: *впротчемъ*, *притчина*, произнося: впроччемъ, и т. д.

2) Постояннѣе Даль держится своего правила въ иноязычныхъ словахъ, которыя считаетъ справедливымъ писать только по слуху, безъ соображенія съ подлинною ихъ орѳографіею; но между тѣмъ, строго слѣдуя принятому началу, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ произношеніемъ, когда напр. пишетъ: *каса*, *маса* и т. п.

Другія особенности орѳографіи Даля касаются частныхъ случаевъ, и я не буду останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе что онѣ уже обозначены мною въ другомъ мѣстѣ [1]). Нѣкоторыя черты этого правописанія нашли у насъ послѣдователей: есть люди, которые пишутъ *Росія*, *Прусія*, *комисія*, *професоръ*, *колегія*, *класъ* и проч. Но объ этомъ ниже.

Въ послѣдніе годы одинъ изъ типографскихъ корректоровъ въ Петербургѣ, г. Студенскій, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ пестроты нашего правописанія, издалъ одну за другою двѣ справочныя книжки для авторовъ и переводчиковъ. Первая изъ нихъ (1869, 52 стр.) озаглавлена: «Корректурный Списокъ 700 словъ наиболѣе требующихъ одинаковаго начертанія»: вторая (1870) названа: «Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ». Послѣдняя, и по объему (200 стр.) и по плану, гораздо обширнѣе первой и заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла: I. Рукопись. — Издатель. — Списокъ словъ, требующихъ одинаковаго начертанія. — Корректура. — Наборщики. — Типографія. — II. Грамматика и правописаніе. — III. Лексикографія. — IV. Языкъ и философія языка.

Нельзя не признать справедливою мысль автора о потребности въ такомъ пособіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у него исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ доброму намѣренію. Ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нѣтъ системы; вмѣсто серіознаго отношенія къ дѣлу, вездѣ странное балагурство; положительныхъ свѣдѣній мало, лишняго пропасть и наконецъ множество невѣрныхъ указаній и просто ошибокъ, такъ что пользоваться этою книжкой невозможно Что сказать, напр., о слѣдующихъ замѣчаніяхъ: «*Борются* матеріально, тѣлесно, напр. боксеры; *борятся* съ предразсудками и пр. *Надѣются* и *надѣятся* — разсужденія тѣ же» (стр. 28), или: «*С*ѣверная Америка, а не сѣверная, *Ю*жная Америка, а не южная, и это потому, что Америка самой природой такъ перехвачена въ срединѣ, какъ талія самой отчаянной ко-

[1]) См. выше Разборъ *Толковаго Словаря* для присужденія автору Ломоносовской преміи, стр. 43—47.

кетки. — А грудь?.. пожалуй спросите вы. — Соединенные Штаты. — А башмачокъ? — Огненная Земля... Сл. у Бокля о плодородіи Бразиліи и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о въѣздѣ Колумба» (стр. 72`. Но довольно... Иначе пришлось бы выписать почти всю книжку.

Недавно на нѣкоторыя трудности современнаго нашего правописанія указалъ бывшій преподаватель военно-учебнаго вѣдомства г. Новаковскій въ особой статьѣ, которую онъ представилъ въ Академію наукъ и потомъ напечаталъ[1]); въ этой статьѣ, имѣющей цѣлію примиреніе этимологической орѳографіи съ говоромъ, авторъ приглашаетъ Академію къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ своимъ авторитетомъ.

Мысль, что единство орѳографіи можетъ быть установлено только рѣшеніемъ ученаго ареопага, очень естественна. Ее выражали не разъ, и тѣмъ настойчивѣе, что примѣръ тому видѣли во Франціи. Такъ и одинъ изъ бывшихъ нашихъ сочленовъ, покойный П. А. Плетневъ, при разборѣ грамматическаго сочиненія, изданнаго въ 1844 г., замѣтилъ: «До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ или по прихоти, пока этотъ грамматическій вопросъ» (т. е. вопросъ объ орѳографіи) «не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истинныхъ представителей Русскаго слова»[2]). Надобно однакожъ замѣтить, что примѣръ Франціи остается до сихъ поръ чуть ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи: да и тамъ давно уже рѣшенія академіи принимаются не безусловно и не безъ критики, чему новѣйшимъ доказательствомъ можетъ служить недавно оконченный превосходный словарь Литтрé. Въ Швеціи, гдѣ учрежденная королемъ Густавомъ III академія также пыталась быть законодательницей въ дѣлѣ языка и, между прочимъ, правописанія, успѣхъ ея былъ далеко не полный. Можно навѣрное сказать, что и у насъ опредѣленія Академіи, если бъ и можно было достигнуть въ средѣ ея общаго соглашенія по этому предмету, не привели бы къ едино-

[1]) *Филол. Записки* 1872, вып 1 и 2

[2]) *Соврем.* 1844, т XXXIX, стр 311.

образію въ правописаніи: не только въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ своихъ орѳографическихъ привычекъ, но можетъ статься и тѣ, которые теперь взываютъ къ авторитету Академіи, первые отвергли бы ея опредѣленія, если бъ эти послѣднія не были согласны съ ихъ собственными взглядами.

Поэтому Академія, по выслушаніи письма г. Новаковскаго, передала его статью въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое поручило мнѣ разсмотрѣть ее. Настоящій трудъ и предпринятъ по этому поводу. Въ своей запискѣ г. Новаковскій, жалуясь на пестроту и шаткость нашей орѳографіи, указываетъ на необходимость согласить два разнородныя начала ея, и для того выставляетъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ, съ помощію этимологіи и логическихъ доводовъ, доказываетъ преимущество одного начертанія передъ другимъ или предлагаетъ новое.—Такъ онъ совѣтуетъ писать: 1) *ити* вмѣсто *идти* или *итти;* 2) *попрежнему*, *помоему*, *поныньшнему*, не отдѣляя предлога; 3) *въ слѣдствіе*, т. е. отдѣляя предлогъ, вм. *вслѣдствіе*; 4) *ниодинъ* слитно вм. *ни одинъ*, соображаясь съ словами: *никто*, *ничто*, *никогда* и проч.; 5) *двьстѣ*, какъ двойств. число, вм. *двѣсти*. Особенно настаиваетъ онъ на томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда е съ удареніемъ слѣдуетъ за шипящими буквами ж, ч, ш, щ, писать не о и не просто е, а е съ двоеточіемъ (ё), за исключеніемъ немногихъ словъ (*свѣжо*, *горячо*, *плечо*, *хорошо*), въ которыхъ окончаніе на о уже утвердилось.

Разбирая эти вопросы, затронутые г. Новаковскимъ, я счелъ нужнымъ расширить свою задачу и пересмотрѣть съ исторической точки зрѣнія все нынѣшнее наше правописаніе. Замѣчанія мои, по мѣрѣ ихъ составленія, читались то въ Академіи, то въ петербургскомъ Филологическомъ обществѣ, и хотя не во всѣхъ случаяхъ можно было достигнуть единогласныхъ заключеній, но по крайней мѣрѣ каждый спорный вопросъ подвергался многостороннему обсужденію, и предлагаемые ниже выводы основаны на внимательномъ соображеніи разнообразныхъ мнѣній.

Наконецъ, уже во время печатанія настоящаго опыта, въ *Голосѣ*[1]) появилась статья г. Скандовскаго о томъ, что разнорѣчія правописанія могутъ иногда, въ нашихъ гимназіяхъ, имѣть очень прискорбныя послѣдствія для экзаменующихся учениковъ. Жаль ежели въ самомъ дѣлѣ есть преподаватели, которые на обычныя орѳографическія разнорѣчія письма смотрятъ какъ на ошибки. Но здѣсь не мѣсто касаться этой стороны предмета. Для насъ любопытны наблюденія автора (хотя мы съ нимъ и не во всемъ согласны) надъ особенностями орѳографіи современныхъ газетъ и журналовъ; не лишенъ также интереса разсказъ его «о томъ, что происходило въ нынѣшнемъ году во 2-ой московской гимназіи въ комиссіи, обсуждавшей учебникъ русскаго правописанія, составленный *И. Е. Соснецкимъ*. Комиссія состояла изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей русскаго языка и словесности; инспекторъ (г. Гулевичъ) участвовалъ въ ней тоже въ качествѣ преподавателя словесности и русскаго языка. При обсужденіи разныхъ вопросовъ, каждый изъ насъ», говоритъ авторъ, «не разъ и не два оказывался несостоятельнымъ, и мы провѣряли себя академическимъ и другими словарями, которые, въ свою очередь, отказывались иногда отъ рѣшенія нашихъ вопросовъ. Г. Гулевичъ представилъ болѣе сотни словъ, предлагая устранить въ нихъ двоякое правописаніе и постановить что-нибудь одно, на научныхъ, прочныхъ основаніяхъ Но мы не пришли тогда ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, такъ какъ поднимались вопросы и о совершенномъ устраненіи нѣкоторыхъ словъ». Далѣе авторъ такъ разсуждаетъ: «Прочные результаты, безъ сомнѣнія, желательны во всякомъ дѣлѣ, но едва ли они достижимы тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ установленіи прочнаго въ непрочномъ, *обязательныхъ навсегда и для всѣхъ* правилъ *въ живомъ еще языкѣ*. Тутъ возможно только *временное* соглашеніе. Потрудитесь-ка сосчитать число грамматическихъ, *по нашему*, ошибокъ въ грамматикѣ *Ломоносова* и въ грамматикѣ *Востокова!* Устанете. Но кто же обвинитъ ихъ въ незнаніи грамматики?» — На эти замѣчанія, какъ надѣемся, предыдущее уже заклю-

[1]) 1872, № 162.

чаетъ въ себѣ отвѣтъ. Въ каждую эпоху правописаніе, дѣйствительно, представляетъ свои особенности, свою фазу развитія. Многаго, что́ писалъ Ломоносовъ, теперь конечно никто уже не напишетъ, напр. *двацать*, *бутто*, *съ перьва*. Но нельзя же не согласиться, что въ нынѣшнихъ начертаніяхъ этихъ словъ виденъ успѣхъ науки, и что она должна постоянно стремиться къ большему и большему установленію правильнаго письма. А что касается до Востокова, то и нынѣшнимъ грамотеямъ полезно было бы почаще справляться съ нимъ. Иное дѣло обычай, иное — наука. То, что Востоковъ предписываетъ, соображаясь только съ употребленіемъ, напр. большія буквы въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, могло измѣниться; но его научные выводы еще не скоро утратятъ свою цѣну.

Наше перечисленіе главныхъ фактовъ въ исторіи русскаго правописанія было бы неполно, еслибъ мы не упомянули объ ученыхъ трудахъ, способствовавшихъ къ ближайшему разъясненію происхожденія славянской азбуки и употребленія ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ: послѣ Востокова важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказали Павскій, Срезневскій и Буслаевъ, которыхъ изслѣдованія необходимо принимать въ соображеніе и при разсмотрѣніи орѳографіи позднѣйшаго времени. Собственное правописаніе покойнаго Павскаго отличалось нѣкоторыми особенностями (напр. *естьли*, *этъ*), которыя, однакожъ, не смотря на его ученый авторитетъ и на успѣхъ его книги, не перешли въ общее употребленіе. Указаніе на учебники повело бы насъ слишкомъ далеко.

V.

Изъ историческаго очерка нашей гражданской грамоты видно, что повторяющіяся у насъ отъ времени до времени попытки улучшеній по этой части относятся къ двумъ различнымъ предметамъ: 1) къ составу азбуки, и 2) къ правописанію словъ при имѣющейся азбукѣ.

Въ первомъ отношеніи, какъ уже было замѣчено, эти попытки не имѣли до сихъ поръ почти никакого успѣха; удалось

только устранить вошедшее-было въ обычай, съ середины прошлаго столѣтія, начертаніе ю (напр. всю) и на мѣсто его ввести ё, которое однакожъ никогда не было въ большомъ ходу и нынче пишется только въ рѣдкихъ случаяхъ; 1) для различенія словъ, одинаково изображаемыхъ, напр. *ведро* и *вёдро*, *признаетъ* и *признаётъ*, 2) въ стихахъ, для болѣе нагляднаго обозначенія рѳмы, напр. *заботъ* и *гнётъ*, и 3) въ иностранныхъ именахъ и другихъ реченіяхъ: *Гёте*, *Лёве*, *манёвры*, *сапёръ*. — Кромѣ того, въ свѣтскихъ книгахъ почти уже не употребляется ѵ: большинство пишетъ *символъ*, *миро*, и многіе отказались отъ *виты*.

Посмотримъ, есть ли дѣйствительная потребность въ пополненіи или сокращеніи нашей азбуки.

Изъ собственныхъ нашихъ звуковъ только одинъ, по настоящему, не имѣетъ соотвѣтственной буквы; это тотъ звукъ г, который слышится въ словахъ *Господь*, *благо*, *богатство*, въ нарѣчіяхъ *всегда*, *когда* и т. п., въ косвенныхъ падежахъ слова *Богъ* и нѣкоторыхъ собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія: *Петербурга*, *Лейпцига* и проч. Конечно, имѣть знакъ для отличенія такого г (который у славянскихъ народовъ, пишущихъ латинскою азбукою, выражается буквою h) было бы желательно, но оно тѣмъ менѣе необходимо, что приведенныя слова далеко не всѣми Русскими произносятся съ подобнымъ оттѣнкомъ звука г: такъ въ Рязанскомъ и нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ онъ всегда выговаривается твердо, какъ въ словахъ *городъ*, *говоритъ*. Затѣмъ рѣчь можетъ итти только о надобности особаго знака для передачи звука h въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ; но тутъ является болѣе общій вопросъ, вопросъ о принципѣ: слѣдуетъ ли имѣть въ азбукѣ буквы для выраженія иноязычныхъ звуковъ? Вопросъ этотъ прекрасно рѣшенъ еще Ломоносовымъ: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ, замѣчаетъ онъ, вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ Китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, естьли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква ы, оную въ какой нибудь чужестранной языкъ приняли, или бы вмѣ-

сто ея новую вымыслили». Собственно же относительно г Ломоносовъ, хотя и соглашается, что эту букву «выговаривать пристойно какъ h, гдѣ h; какъ g, гдѣ g у иностранныхъ», однако прибавляетъ, что «въ томъ нѣтъ дальней нужды»[1].

Одну чужую букву наша азбука изстари имѣла и до сихъ поръ имѣетъ: это греческая θ, которая конечно служитъ только къ затрудненію нашего письма, хотя, по увѣренію Мелетія Смотрицкаго, «между Ф и θ различіе опасно хранимо есть, ниже бо можетъ пишемо быти Феоѳилъ, Θіліппъ, Фекла; но Θеофілъ» и т. д. Ломоносовъ же, вѣрный своему началу, говоритъ[2], что *Θита* «отъ первыхъ сочинителей Словенской азбуки въ нее внесена напрасно: ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько не надобна, какъ Французамъ Ч или Ы, Нѣмцамъ Ж, Китайцамъ Р, которыхъ выговора они въ своихъ язы́кахъ[3] не имѣютъ». Не смотря на то, самъ Ломоносовъ, даже и въ своей Грамматикѣ, писалъ то *Федоръ*, то *Θедоръ*, *Тимоѳей*[4] и т. п. По мнѣнію Павскаго, при первоначальномъ изобрѣтеніе кириллицы, въ ней не было *ѳиты*; предположеніе его основывается на томъ, что эта буква, рядомъ съ ѯ, ѱ и ѵ, стоитъ въ самомъ концѣ азбуки и какъ будто прибавлена, вмѣстѣ съ ними, позднѣе[5]. По замѣчанію И. И. Срезневскаго, θ, нужная только для греческихъ и еврейскихъ словъ, уже въ древнихъ рукописяхъ очень часто была замѣняема буквою ф, а иногда и буквою т[6]. И нынче многіе ея уже совсѣмъ не пишутъ.

По всему этому нельзя ли бы, наконецъ, совершенно исключить букву θ изъ русскаго письма? Иностранныя слова можемъ мы вообще писать только такъ, какъ произносимъ ихъ, потому

---

[1]) *Росс Грам.* §§ 85, 99.

[2]) Тамъ же, § 22

[3]) Любопытно, что Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ постоянно отмѣчаетъ такимъ удареніемъ слово *языкъ* въ значеніи человѣческой рѣчи, для отличія отъ *языка́*, *языко́въ* въ смыслѣ тѣлесномъ Это различіе и теперь еще строго соблюдается въ нашихъ духовныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

[4]) См. изд. 1755, стр. 27 и 94.

[5]) *Филолог. наблюденія*, Разсужд. I, § 21.

[6]) *О Русс. правопис Журн. Мин. Нар Просв.* 1867.

во 1-хъ, что имѣемъ ограниченный запасъ буквъ, а во 2-хъ, что по неволѣ подчиняемъ иностранный выговоръ законамъ своей фонетики. Есть множество случаевъ, въ которыхъ иностранныя слова передаются по-русски въ искаженномъ видѣ не только по правописанію, но и по измѣненію самыхъ звуковъ, то въ окончаніяхъ, то въ самомъ корнѣ слова. Мы напр. говоримъ и пишемъ: *монастырь* (гр. μοναστήριον), *коленкоръ* (Фр. calicot), *билетъ* (Фр. billet), *трактиръ* (Фр. traiteur). Такъ точно мы постоянно искажаемъ и тѣ греческія слова, въ которыхъ употребляемъ вмѣсто υ (*ипсилона*) букву η (и, т. е. *иже*), напр. *типъ*, *мира*, *гимназія*, *мистика* (вм. тупъ, лура и проч.). Такимъ же образомъ мы искажаемъ *въ произношеніи* и греческія слова съ *ѳитою*, выговаривая эту букву по-своему, т. е. не какъ *шепелеватое* с (по выраженію Ломоносова), а какъ ф; но *на письмѣ* хотимъ скрыть это искаженіе и употребляемъ чужую, невозможную для насъ букву. Нельзя не согласится съ Хабаровымъ, что тутъ есть своя доля лицемѣрія. Испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ въ такихъ звукахъ какъ *Фекла*, *Фивы*, *Федоръ*, *Тимофей*, *Феклистъ* (вм. Ѳеоктистъ)[1]), мы хотимъ все дѣло поправить *для виду* и пишемъ *Ѳекла*, *Ѳивы*, безъ всякой пользы, только чтобы щегольнуть мнимымъ знаніемъ греческаго языка. Но когда мы въ другихъ случаяхъ произносимъ θ какъ т (напр. въ словахъ *театръ*, *математика*), то поступаемъ честнѣе и ничѣмъ не стараемся отличить на письмѣ 1-ое фальшивое т отъ 2-го истиннаго. Такъ же поступаютъ Итальянцы и Шведы, напр. въ словахъ: teologia, teologi, teatro, teater, trono, tron и т. п.[2]). И за что же отдаемъ мы предпочтеніе именамъ *Федоръ*, *Феклистъ* и пр., отмѣчая на письмѣ ихъ греческое происхожденіе и оставляя многія другія, не менѣе искаженныя, безъ такого обозначенія, напр. *Егоръ*, *Степанъ*, *Осипъ*?

---

[1]) Иностранцы, желая показать обрусѣвшій характеръ такихъ именъ, пишутъ Fedor, а не Theodor

[2]) Нѣмцы, Французы и Англичане продолжаютъ отличать не только **th** отъ **t**, но и **ph** (греч. φ) отъ своего одинаково произносимаго **f**.

Такимъ образомъ, въ теоріи отмѣна ѳ является совершенно справедливымъ дѣломъ: гораздо лучше было бы вездѣ сознательно передавать звукъ ф соотвѣтствующею ему буквою, какъ многіе уже и дѣлаютъ, нежели писать, какъ иногда случается видѣть даже въ изданіяхъ относительно ученыхъ грамотеевъ: *Ѳебъ*, *Никиѳоръ*, *ѳинансы*, *сѳера*, *исторіограѳъ* и т. п. Противится тому только давняя привычка, поддерживаемая однимъ весьма вѣскимъ соображеніемъ. Дѣло въ томъ, что ни одно собственно русское слово не содержитъ въ себѣ ни ѳ, ни ф: та и другая буква служатъ только для начертанія заимствованныхъ словъ: справедливо ли же будетъ, могутъ сказать, дать одной изъ нихъ предпочтеніе передъ другою, и тѣмъ, затмивъ происхожденіе многихъ иноязычныхъ словъ, отвергнуть разумную цѣль, съ какою введены къ намъ обѣ буквы? Цѣль эта могла быть, дѣйствительно, разумною въ свое время, когда область заимствованія чуждыхъ словъ ограничивалась одною Греціею; но теперь, когда всѣ языки міра служатъ источниками нашихъ заимствованій, когда буквою ф означается звукъ, существующій и у множества другихъ народовъ, — когда въ бесчисленныхъ случаяхъ мы не имѣемъ возможности точно означать своими буквами натуру иностраннаго звука, надобность въ отличіи ф отъ ѳ миновалась или по крайней мѣрѣ уменьшилась: принципъ поясненія на письмѣ происхожденія иностранныхъ словъ не можетъ быть выдерживаемъ. Притомъ, когда я пишу, напр., русскія фамильныя прозванія: *Федоровъ*, *Тимофеевъ*, *Фадеевъ*, *Фоминъ*, какая мнѣ нужда самому помнить и другимъ напоминать, что эти имена греческаго происхожденія? Итакъ пусть, по крайней мѣрѣ, употребленіе ф вмѣсто ѳ не считается ошибкою; пусть каждому будетъ предоставлено на волю либо употреблять обѣ буквы въ разнородныхъ случаяхъ, либо писать всегда ф по произношенію. Достигнуть въ этомъ общаго соглашенія едва ли когда-нибудь удастся. Древность *ѳиты* и видимая ея цѣлесообразность всегда или, по крайней мѣрѣ, очень долго еще будутъ мѣшать совершенному ея изгнанію. Между тѣмъ она родная сестра покойной *ижицы*, и обѣимъ, по-настоящему, одна дорога.

Что касается тѣхъ собственно-русскихъ буквъ, которыя многимъ кажутся лишними въ нашемъ письмѣ, именно: и, э, ѣ, ъ, то къ сказанному мною уже прежде прибавлю только слѣдующее:

1) Изъ нашихъ гласныхъ звукъ і всѣхъ чаще встрѣчается въ языкѣ, и потому двоякое изображеніе его имѣетъ практическое значеніе для красоты и удобства письма, такъ какъ беспрестанное повтореніе точки надъ строкою вредило бы и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

2) Безъ э система нашихъ звуковъ на письмѣ была бы не полна [1]). Въ новѣйшее время эту букву стали часто употреблять въ иностранныхъ собственныхъ именахъ для означенія чистаго, т. е. неіотированнаго звука е въ серединѣ или въ концѣ слога. Такъ напр. пишутъ *Бэкнъ*, *Тэнъ*, *мэрія*. Въ сущности всякая тонкая гласная въ русскомъ языкѣ можетъ быть приставляема только къ тонкой же согласной, при которой извѣстное іотированіе такой гласной неизбѣжно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить, напр., русское *ни* съ франц. *ni* или *nid*; слѣдовательно и э въ такомъ случаѣ произнесется не иначе какъ наше же е послѣ согласной, а не такъ, какъ еслибъ эта согласная была отолщенная (*бгэ*. *тгэ*); и потому употребленіе э послѣ согласныхъ оказывается безполезнымъ.

3) Въ возраженіяхъ противъ употребленія ѣ много справедливаго, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ корнямъ и окончаніямъ словъ, гдѣ дѣйствительно эта буква пишется либо непослѣдовательно, либо несогласно съ производствомъ и древнимъ обычаемъ; но, во флексіяхъ она имѣетъ важное грамматическое значеніе и можетъ, въ этомъ отношеніи, по праву быть названа *знаменательною*. Сильное въ правописаніи охранительное начало, основанное на исторіи языка, едва ли когда-нибудь допуститъ, чтобъ буква ѣ исчезла изъ русскаго письма, а потому и направленныя противъ нея гоненія стоятъ не на практической почвѣ. Сколько

[1]) Ср выше, стр 516.

путаницы произошло бы отъ уничтоженія буквы ѣ! Еслибъ напр. писать: *елъ*, *смелъ*, *умелъ* (вм. *пѣлъ*, *смѣлъ*, *умѣлъ*), то почему бы и не произносить этихъ словъ такъ, какъ мы произносимъ: *шелъ*, *мелъ*, *велъ?* произошло бы смѣшеніе словъ: *мѣлъ* и *мелъ*, *смѣлъ* и *смелъ*, *нѣкогда* и *некогда*, *чѣмъ* и *чемъ* и множества другихъ.

4) Бесполезность буквы ъ *въ концѣ словъ* до такой степени очевидна, что пельзя не желать отмѣны такого употребленія ея и не надѣяться, что русская печать рано или поздно освободится отъ этого лишняго и во многихъ отношеніяхъ обременительнаго прироста. Въ серединѣ словъ, гдѣ ъ имѣетъ существенное значеніе, нѣтъ никакой надобности замѣнять его другимъ знакомъ. Но въ концѣ словъ сохраненіе этой буквы въ нашу эпоху, когда время такъ дорого, есть анахронизмъ. Объ изгнаніи буквы ь не можетъ быть рѣчи.

Перейду теперь къ правописанію въ собственномъ смыслѣ и постараюсь разсмотрѣть спорные вопросы по слѣдующимъ группамъ:

1) Удвоеніе согласныхъ.
2) Правописаніе предлоговъ.
3) Буква ы вмѣсто ъи
4) Уподобленіе звуковъ.
5) Встрѣча зубныхъ съ буквою щ въ окончаніяхъ.
6) Употребленіе о послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ и послѣ ц.
7) Смѣшеніе шипящихъ.
8) Окончанія прилагательныхъ именъ.
9) Глагольныя окончанія и формы.
10) ъ и ь въ концѣ словъ.
11) Буква ѣ.
12) Правописаніе иноязычныхъ словъ.
13) Правописаніе именъ собственныхъ на ла и ко.
14) Большая буква въ началѣ словъ.
15) Сліяніе двухъ или трехъ словъ въ одно.
16) Правописаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ.
17) Строчные и надстрочные знаки.

1. Удвоеніе согласныхъ.

Удвоеніе согласныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, противно духу русскаго языка; но это мнѣніе справедливо развѣ только въ отношеніи къ церковно-славянскому или древнему русскому языку, на что указываетъ орѳографія: *бесѣмени*, *бесѣловесьный*.

Нынѣшній языкъ, напротивъ того, показываетъ во многихъ случаяхъ склонность къ удвоенію согласныхъ. Такое удвоеніе происходитъ въ немъ либо по закону образованія словъ, либо по безотчетному требованію слуха.

По закону словообразованія произносятъ и пишутъ, напр., *беззаконный* (два удвоенія въ томъ же словѣ), *одиннадцать*, *оттеретъ*, *иззябнуть*, *поддать*, *раззадорить*, *ранній*, *гуллливый*.

Однакожъ, когда могутъ встрѣтиться три или четыре согласныя рядомъ или когда составъ слова не такъ ясенъ, то иногда и въ выговорѣ и на письмѣ удвоеніе пропадаетъ. Мы говоримъ и пишемъ: *отворить* (вм. оттворить), *встать* (вм. взстать), *вступить* (вм. взступить), *разъѣхать*, *разинуть* (вм. раззѣвать, раззинуть), *разорить* (вм. раззорить). Въ двухъ послѣднихъ глаголахъ многіе, впрочемъ, пишутъ и два з.

Къ удвоенію согласныхъ должно относить и тотъ случай, когда въ слѣдствіе уподобленія звуковъ та же буква слышится два раза, хотя на письмѣ этого и не видно, напр. въ словахъ: *безсовѣстный*, *возстановить*, *изсушить*, *разсѣять*, *отдать*, *пріѣзжій*, *высшій*, *лучшій*.

Особенное явленіе представляетъ удвоеніе буквы н, безъ всякаго этимологическаго основанія, по прихоти слуха, въ страдательныхъ причастіяхъ и въ прилагательныхъ именахъ, напр.: *желанный*, *сказанный*, *приведенный*, *сожженный*, *спасенный*, *бездыханный*, *стеклянный*, *деревянный*, *огненный*, *мысленный*, *свойственный*, *искренній*, *внутренній*. Подобное встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и скандинавскихъ, гдѣ послѣ краткой гласной не только п, но и т часто удвояется, напр.

въ концѣ именъ существительныхъ: нѣм. mann, stamm, konigin-nen, шв. mannen, tummen, furstinna. У насъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ прилагательныхъ это удвоеніе такъ укоренилось, что отражается даже и въ сокращенной формѣ (*искренн*). Но въ вещественныхъ именахъ прилагательныхъ оно исчезаетъ, когда ударе́ніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ: *ко́жаный, серебряный, жестяно́й.* Прилагательное отъ *солома* обыкновенно пишется *соломенный,* но правильнѣе было бы *соломяный. Масляный и вътряный* по смыслу должны отличаться отъ *масленный* или *масленый* (глаголъ *маслить*) и *вътренный* или *вътреный* (глаголъ *вътрить*): *вътреная* рыба и *вътряная* мельница. На фонетическомъ же основаніи почти всѣ пишутъ *гостинница*, хотя это слово происходитъ прямо отъ прилагательнаго *гостиный.* Въ другихъ случаяхъ подобныя удвоенія буквы н въ существительныхъ именахъ начинаются уже съ причастій: *воспитанникъ, священникъ, промышленность* отъ *воспитанный, священный, промышленный.* По произношенію же нѣкогда писали *истинна* (имя сущ.).

Что двойное н въ причастіяхъ страдательныхъ не составляетъ необходимости, доказывается другою формой, которую многіе изъ нихъ принимаютъ, когда они употребляются въ смыслѣ прилагательныхъ или существительныхъ: *вареный, жареный, каленый, толченый, ученый, береженый, суженый, званый, названый, приданое.*

Удвоеніе согласнаго звука находимъ также въ глаголѣ *итти.* Въ послѣднее время очень распространилось начертаніе *идти* или съ предлогами: *выйдти, дойдти, зайдти, найдти* и проч., но едва ли оно правильно Въ этихъ предложныхъ глаголахъ являются невозможныя для русскаго языка звуки, ибо если каждое изъ этихъ словъ раздѣлить на слоги, то окажется либо: *выйд-ти, дойд-ти, зайд-ти,* либо: *вый-дти, дой-дти, зай-дти;* но *выйд, дойд, зайд* такъ же не согласно съ русской фонетикой, какъ и слогъ *дти.* Притомъ мы произносимъ *зайти, найти, пройти* и проч., а это уже показываетъ, что передъ послѣднимъ слогомъ нѣтъ удвоеннаго звука т. Дѣло очень просто: въ беспредложномъ глаголѣ

итти (который въ древнемъ языкѣ писался *ити*) первое т вставляется по прихоти слуха; въ предложныхъ же глаголахъ оно оказывается лишнимъ и слово принимаетъ свою первоначальную, правильную форму. Павскій справедливо считаетъ корнемъ глагола *итти* въ неопредѣленномъ наклоненіи одну букву и, а не слогъ ид. принадлежащій только настоящему времени [1]): трудно допустить, чтобы буква д въ неопредѣленномъ наклоненіи могла устоять передъ окончаніемъ ти и не измѣниться въ с, такъ какъ этому въ русскомъ языкѣ нѣтъ примѣра. Принимать же въ древнемъ языкѣ корень и, а въ новомъ ид нѣтъ основанія.

Писать ли два с въ словѣ *искусство?* По всей справедливости, одного с тутъ совершенно достаточно, потому что второго, при стеченіи столькихъ согласныхъ, не возможно слышать, послѣдняя же буква корня опускается и въ другихъ случаяхъ передъ окончаніемъ (см. ниже отдѣлъ 5). Тотъ, кто пишетъ *мущина, помъщикъ*, впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, если бъ не захотѣлъ писать *искуство*. Эта форма и была прежде господствующею въ нашей печати, по крайней мѣрѣ петербургской. Не забудемъ, что въ современномъ правописаніи вообще замѣтно стремленіе сближаться съ произношеніемъ и что такое сближеніе должно быть поддерживаемо, когда оно происходитъ на разумныхъ основаніяхъ. Кромѣ того, надобно заботиться и о возможномъ сокращеніи нашего письма, и такъ уже затрудняемаго излишнею долготою словъ, и безъ нужды нигдѣ не писать двойныхъ буквъ. Къ слову, нельзя здѣсь не коснуться начертанія *искуственый*, встрѣчаемаго, къ сожалѣнію, нерѣдко у нѣкоторыхъ изъ нашихъ грамотеевъ. Мы бы могли указать на цѣлыя книги, гдѣ оно безпрестанно повторяется. Откуда берется тутъ т при корнѣ *кус* и окончаніи *ный?*

2. Правописаніе предлоговъ.

Правописаніе предлоговъ *воз, из, низ, раз* уже достаточно установилось: передъ глухими согласными (к, п, т, ф, х), передъ

[1]) *Фил набл.* II, 113.

шипящими (ч, ш, щ) и передъ ц пишутъ *вос*, *ис*, *нис*, *рас*; а передъ звонкими удерживаютъ въ нихъ з, т. е. въ сліяніи съ другими словами эти предлоги пишутся такъ, какъ произносятся, исключая когда стоятъ передъ с. Не распространено это правило на одинъ предлогъ *безъ*: только не многіе пишутъ *беспокойный* и т. п. Но здравый смыслъ требуетъ, въ этомъ отношеніи, не отличать предлога *без* отъ остальныхъ того же окончанія, тѣмъ болѣе что начертаніе *бес* встрѣчается уже и въ древности (**бесчеловѣчество, бесплодьнъ**).

Къ вопросу о правописаніи предлоговъ слѣдуетъ отнести и тотъ случай, когда предлоги *раз* и *съ* дѣйствительно или видимо сходятся въ началѣ слова. Какъ писать: *разсчетъ*, *расчетъ*, или *разчетъ*? — *разсчитывать*, *расчитывать*, или *разчитывать*?

Разсчетъ, *разсчитывать* пишутъ тѣ, которые предполагаютъ, что предлогъ *раз* соединяется съ словами *счетъ*, *считывать*, а не *четъ*, *читывать*.

Посмотримъ, правы ли они, и для этого попробуемъ соединять то же слово съ другими предлогами При этомъ мы увидимъ, что глагольная форма *честь* присоединяетъ къ себѣ предлогъ непосредственно, форма же *читать*, *читывать* — то такимъ же образомъ, то при посредствѣ предлога *съ*: *зачесть*, *начесть*, *причесть*, *перечесть*, *отчесть*, *сочесть*; — *засчитывать* (или *зачитывать*), *насчитывать*, *насчитать*, *пересчитывать*, *пересчитать*, *отсчитывать*, *отсчитать*, *сосчитывать*, *сосчитать;* но *вычитывать*, *вычитать*. Изъ большинства случаевъ слѣдуетъ, что должно писать *пас-честь* и *разсчитывать*, *разсчитать*. Къ существительному корню *четъ* предлогъ также присоединяется прямо: *вычетъ*, *начетъ*, *зачетъ*, *отчетъ*, *расчетъ*. Чтобы яснѣе показать составъ слова при предлогѣ *раз* и такъ какъ въ иныхъ формахъ глагола этотъ предлогъ является въ неизмѣненномъ видѣ (*разочли*, *разочту*, *разочти*), то нѣкоторые не безъ основанія приняли такую орѳографію: *разчетъ*, *разчесть*.

Такимъ же образомъ спрашивается, писать ли: *разсказывать*, *разсказъ*, или *расказывать*, *расказъ*, или наконецъ *разказывать*, *разказъ*? И здѣсь сомнѣніе устраняется приставленіемъ къ основ-

ному слову другихъ предлоговъ. Мы говоримъ: *высказывать*, *досказать*, *насказать*, *пересказывать*, *подсказывать*. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ глаголы: *выказывать*, *доказывать*, *наказать*. Слѣдовательно, всякій разъ когда основному слову въ этихъ соединеніяхъ придается значеніе рѣчи, мы употребляемъ глаголъ *сказать*, а не *казать*. По этой причинѣ единственно-вѣрнымъ правописаніемъ будетъ: *разсказывать*, *разсказъ*.

Напротивъ, въ словахъ *разпрашивать*, *разпросы* нѣтъ надобности вставлять еще предлогъ *съ*, какъ показываютъ глаголы *допрашивать*, *вопросить*, хотя съ другой стороны говорятъ: *выспрашивать*, *переспрашивать*.

Предлогъ *раз*, *рас* принимаетъ иногда, вмѣстѣ съ удареніемъ, форму *роз*, *рос*, напр. въ словахъ *ро́зсыпь*, *ро́звальни*, *ро́зыскъ*, *ро́сказни*, *ро́спись*. Нѣкоторые на этомъ основаніи удерживаютъ въ этомъ предлогѣ гласную о при сочетаніяхъ съ словами того же происхожденія даже и тогда, когда онъ не носитъ ударенія, и пишутъ: *розысканіе*, *росписка*, *роспишется;* но къ этому, очевидно, нѣтъ основанія; иначе, чтобъ быть послѣдовательнымъ, пришлось бы писать также: *розсказывать*, *розваливаться* и проч.

Въ древнихъ формахъ *вожделѣніе*, *ождивеніе* сдѣлана уступка выговору словъ: *возжелѣніе* (возжеланіе), *изживеніе*, и фонетическое ихъ правописаніе издавна утвердилось.

Когда предлогъ *при*, въ сліяніи съ другимъ словомъ, стоитъ передъ гласною, то послѣдняя буква его обращается въ і, напр. *пріѣхать*. Немногіе отступаютъ отъ этого правила.

3. Буква Ы вмѣсто ЪИ.

Когда предлогъ, оканчивающійся дебелою согласною, сливается съ словомъ, которое начинается буквою и, то въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ пишутъ ъи, въ другихъ ы, напр. *предъидущій* и *взыскивать*. Ясно, что для такого различія нѣтъ никакого основанія, и что какъ скоро вмѣсто ъи можно разъ написать ы, то это слѣдуетъ дѣлать и *вездѣ*. Буква ы, сама по себѣ, всегда

и повсюду есть не что иное какъ ъи и для того единственно придумана, чтобы сокращенно изображать это сочетаніе. Итакъ пишите смѣло: *безыменный*, *безызвѣстно*, *предыдущій*, *розыгрышъ*, *сыскной*, какъ пишете уже: *взыскивать*, *обыскъ*, *отыскать* и проч. Этого требуютъ и логика и произношеніе.

Не удерживайте также *ера* при предлогахъ передъ другими чистыми гласными; не пишите *съузить*, *съумѣть*, какъ не пишете *съумасшедшій*, *объуза*, *отъучить*, *разъумъ*; на общемъ основаніи должно писать: *сузить*, *сумѣть*. Послѣ предлоговъ *воз* и *раз* буква ъ даже и немыслима, потому что они вовсе не употребляются отдѣльно. Совсѣмъ другое дѣло такія слова какъ *съемка*, *объѣздъ*, *отъявленный*, гдѣ ъ необходимъ для правильнаго произношенія слѣдующей за нимъ двоегласной.

4. Уподобленіе звуковъ.

Въ предложномъ падежѣ един. числа мужескихъ именъ на *ій* и среднихъ на іе, въ дательномъ и предложномъ един. же числа женскихъ на ія уподобленіе звуковъ требуетъ окончанія іи, напр. при *Василіи*, въ *имѣніи*, къ *Софіи*, въ *Россіи*, а не: при *Василіѣ* и т. д. Но когда і сокращается въ ь, тогда возможность уподобленія исчезаетъ[1]) и предложный падежъ такихъ именъ, по общему правилу, оканчивается на ѣ.

Смѣшивая е съ і, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: по аллеи, въ идеи вм. *по аллеѣ*, *въ идеѣ*. (Кстати, упомяну здѣсь мимоходомъ о встрѣчающемся довольно часто невѣрномъ правописаніи: къ обѣдни вм. къ *обѣднѣ*, на недѣли вм. на *недѣлѣ*).

Въ предложныхъ глаголахъ несовершеннаго вида на *а́ть* и *я́ть*, у которыхъ въ коренномъ слогѣ о, правописаніе иногда обращаетъ эту гласную въ а, соображаясь съ произношеніемъ гласной окончательнаго слога. Такъ всѣ пишутъ *полагать* вм. полагать (ср. положить). Нѣкоторые на томъ же основаніи приняли

[1]) Ср. выше, стр. 44 и 45.

орѳографію: *догарать*, *покланяться*, *поглащать* и даже, въ безпредложномъ глаголѣ, *раждать*. Однакожъ большинство пишетъ въ этихъ случаяхъ о, подобно множеству другихъ глаголовъ, гдѣ такое измѣненіе никѣмъ не принято, и для единообразія лучше сохранить это правописаніе, предоставивъ а одному глаголу *полагать*, согласно съ утвердившимся обычаемъ. Ту же двоякую гласную видимъ въ глаголахъ одного корня, но разнаго вида: *касаться* и *коснуться*.

Уподобленіе звуковъ отражается также на гласной и, когда она, подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, произносится какъ ы въ словахъ: *дыра*, *Давыдъ*, *латынь*, которыя такъ и слѣдуетъ писать, исключая развѣ того случая, когда *Давидъ* является не русскою, а церковно-славянскою формою имени.

Иное представляютъ слова *скрыпѣть* и *скрыпка*, въ которыхъ мы на письмѣ, вопреки общему выговору и безъ достаточной причины, замѣняемъ ы буквою и. Въ этихъ словахъ ы беретъ верхъ, по видимому, въ слѣдствіе особеннаго фонетическаго закона, по которому ни одно русское слово не начинается слогомъ *ри*, тогда какъ *ры* въ началѣ словъ очень обыкновенно. По этому же мы произносимъ *крыло* (ц.-сл. крило), *рынокъ* (отъ герм. ring), *крынка* вм. *кринка*, *скрыпъ* вм. *скрипъ*, *охрыпъ* вм. *охрипъ*. Даже и въ окончаніяхъ словъ замѣчается иногда та же наклонность: въ старину говорили и писали, напр., *товарыщъ*, форма, часто встрѣчающаяся въ раннихъ сочиненіяхъ Крылова. Замѣчательно, что и въ польскомъ нѣтъ словъ, начинающихся съ rі, но есть много такихъ, которыя начинаются съ ry (ры) и съ rzy (ржы).

5. Встрѣча зубныхъ (З, С, Ж) съ Щ въ окончаніяхъ.

Въ словахъ *прикащикъ*, *подпищикъ* и др. многіе на письмѣ разлагаютъ щ на зч и сч, тогда какъ они же пишутъ *извощикъ*, *помѣщикъ*, *рѣщикъ*. Для единообразія надобно согласиться писать во всѣхъ такихъ случаяхъ щ, потому что въ нихъ производственное окончаніе *щикъ*, означающее дѣятеля (ср. *ямщикъ*, *гребен-*

щикъ, *спорщикъ*), остается неприкосновеннымъ, а опускается, ради легкости выговора, предыдущая согласная. Отъ нихъ можно бы отличить слово *образчикъ* (уменьшит. отъ *образецъ*), гдѣ окончаніе *чикъ*, результатъ умягченнаго ц (ср. конецъ, кончикъ), ничего не имѣетъ общаго съ прежде упомянутымъ *щикъ*; но для избѣжанія слишкомъ тонкихъ отличій лучше и это слово писать *обращикъ* [1]).

Могутъ сказать, что послѣ буквъ з и с окончаніе *щикъ* передѣлывается въ *чикъ*, такъ же какъ послѣ д и т, напр. въ словахъ: *переводчикъ*, *переплетчикъ*, и что потому надобно писать: *приказчикъ*, *переписчикъ*. Повѣрить въ разсматриваемыхъ словахъ дѣйствительную форму окончанія нѣтъ возможности: при существованіи же одной буквы для выраженія сложнаго звука, лучше въ сомнительномъ случаѣ и пользоваться этою буквою, нежели писать двѣ, а иногда и три, какъ было бы, напр., въ словѣ *помѣстчикъ*.

Въ такомъ же положеніи слово *мущина*, въ которомъ окончаніе остается въ чистомъ видѣ (ср. *женщина*), а отбрасывается передъ нимъ буква ж. Въ прилагательномъ *мужской*, отъ котораго произведено это существительное, буква ж исчезаетъ только въ произношеніи.

Разложеніе звука щ на сч или зч останется только въ началѣ словъ для означенія корня ихъ въ соединеніи съ предлогомъ *съ* (*счастіе*, *считать* и проч.) и въ немногихъ другихъ случаяхъ, гдѣ обычай утвердилъ однообразное начертаніе: *писчій*, *песчаный*, *неотвязчивый*, *рѣзче* (хотя всѣ пишутъ *чаще*, вм. часче, и даже *слаще*, вм. сладче).

6. Употребленіе О послѣ шипящихъ Ж, Ч, Ш, Щ и послѣ Ц.

Еще въ 1808 году Востоковъ замѣтилъ, что буквы ж, ч, ш, щ «не имѣютъ ни дебелаго, ни тонкаго, а одно среднее произношеніе» и потому въ сущности не принимаютъ ни ъ, ни ь, и въ

[1]) Ср. выше, стр. 364, 365.

доказательство приводилъ, что онѣ не слагаются ни съ дебелою гласною ы, ни съ тонкими ё, ю, я: «слѣдовательно, прибавляетъ онъ, ъ и ь приписывается къ нимъ совершенно напрасно»[1]). На этомъ основаніи происходитъ, что когда за ж, ч, ш, щ слѣдуетъ е и по общему закону произношенія иногда обращается въ ё, т. эти согласныя не отончаются и звукъ о сливается съ ними почти точно такъ, какъ съ дебелыми, т. е. мы слышимъ слоги, почти вполнѣ соотвѣтствующіе начертаніямъ *жо*, *чо*, *шо*, *що*. Поэтому такое правописаніе уже и утвердилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ; всѣ давно пишутъ: свѣ*жо*, у*жо*, ч*жой*, об*жора*; горя*чо*, плечо, *чо*порный; хоро*шо*, боль*шой*, меньшой, *шо*рохъ; тру*щоба*. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые стали, при такомъ произношеніи, вездѣ писать о: *жолтый*, *жоны*, *счотъ*, *чорный*, *учоный*, *самошостъ*, *пшонный*, *щоку*, *возвращонъ*.

Случаи подобнаго правописанія встрѣчаются въ нашей печати съ самаго введенія гражданской азбуки; его иногда позволяли себѣ не только Тредіаковскій, но и Ломоносовъ. Между тѣмъ надобно согласиться, что употребленіе этого правописанія во многихъ случаяхъ такъ противно чувству грамматическаго приличія и общему характеру нашей преимущественно-этимологической орѳографіи, что такія начертанія едва ли когда-нибудь могутъ сдѣлаться общепринятыми. Но гдѣ же положить границу употребленію о послѣ ж, ч, ш, щ? Это употребленіе колетъ глазъ: 1) въ корнѣ слова, всякій разъ когда, при малѣйшемъ измѣненіи флексіи или нѣсколько иномъ словообразованіи, на мѣстѣ о является чистое е, напр., паралельно къ приведеннымъ выше примѣрамъ, въ словахъ: *жена*, *желтá*, *счесть*, *черн*ь, *ученіе*, *шестой*, *пшено*, *щека*, *возвращеніе*; или напр. въ словахъ *четъ* и *нечетъ*; 2) когда буква о является въ такихъ образовательныхъ или флективныхъ окончаніяхъ, гдѣ по законамъ языка она вовсе не можетъ стоять. Какъ можно напр. писать: влечошь, течоте. шолъ, положонный, разрѣшонный, мышонокъ, когда мы знаемъ, что во всѣхъ являю-

[1]) Борна *Краткое руководство къ росс. словесности*, 10

щихся тутъ окончаніяхъ о составляетъ фальшь; что глаголы въ спряженіи наст. вр. оканчиваются на *ешь*, *етъ*, *емъ*, и т. д.; глаголы извѣстнаго разряда въ прош. вр. на *елъ*; причастія страдательныя — на *еный*, *енный*, уменьшительныя имена молодыхъ животныхъ на *енокъ*, а не на *ошъ*, *отъ*, *омъ* и пр., не на *оный*, *онный*, не на *онокъ*, что́ сейчасъ обнаружится, когда возьмемъ въ примѣръ слово, гдѣ этимъ окончаніямъ предшествуютъ не шипящія, а другія буквы, напр. бере́шь, *варе́ный*, *львёнокъ*, или, еще яснѣе, когда перемѣнимъ удареніе, напр. *поло́женный*.

Отсюда естественно вытекаетъ правило, что послѣ шипящихъ буквъ можно писать слышимое тутъ о только въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда въ коренномъ слогѣ не легко обнажается противящаяся такой орѳографіи первоначальная гласная е; напр. въ словахъ: *чопорный*, *прожора*, *шорохъ*; 2) когда въ окончаніяхъ буква о не противна этимологическимъ формамъ, слѣдовательно въ прилагательныхъ: *большой*, *чужой;* въ нарѣчіяхъ: *свѣжо*, *хорошо*; въ существительныхъ: *плечо*, *душой*, *свѣчой*, *ножомъ*, *мечомъ*, *плащомъ;* въ нѣкоторыхъ уменьшительныхъ или имѣющихъ ихъ форму: *кружокъ*, *вершокъ*, *сверчокъ* и т. д.

Въ предложномъ падежѣ мѣстоименія *что* (въ *чемъ*), хотя окончаніе *омъ* и не было бы противно флексіи другихъ мѣстоименій, но оно не согласуется съ окончаніями прочихъ падежей того же мѣстоименія (*чего*, *чему*) и потому неумѣстно.

Что касается до буквы ц, то она, въ отношеніи къ сочетанію съ твердыми гласными, давно уже отличена отъ шипящихъ. Она терпитъ за собою даже ы; слѣдовательно ей нѣтъ никакой причины чуждаться о, которое и пишутъ послѣ нея всякій разъ, когда на этомъ мѣстѣ удареніе, напр. *лицо*, *концомъ*, *купцовъ*[1].

---

[1]) Уже Ломоносовъ писалъ: «лице или лицо». (*Грам.*, § 149); онъ же писалъ *плечо*, *горшокъ*, *сверчокъ*, *мѣшокъ* (§§ 179, 197) О словѣ *лицо* мимоходомъ позволю себѣ одно замѣчаніе, которое не относится къ орѳографіи. Когда *лицо* означаетъ человѣка, то въ винит. падежѣ множ. числа въ наше время говорятъ и пишутъ *лицъ*, напр. избрать способныхъ *лицъ*; но это невѣрно Правило, которымъ при этомъ оправдываются, относится только къ именамъ мужескаго и женскаго рода; у существит. же средняго рода винительный множ. бываетъ

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ е, напр. *зеркальце*, *перцемъ*, *иностранцевъ*, *улицею*. Однакожъ въ словѣ *танцовать* ставится о, на томъ основаніи, что тутъ ясно слышится широкая гласная и что наст. время изъяв. накл. имѣетъ форму *танцую*, а не *танцюю*. Но по настоящему въ неударяемыхъ окончаніяхъ *це*, *цемъ*, *цевъ*, *цею* также слышится не е, а средній звукъ между а и о, и потому тутъ также можно бы писать о, употребляя е только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ *лицевой*, *лицемѣръ*, *вѣнценосецъ*. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи о и е послѣ ц имѣетъ свою хорошую сторону, именно служитъ указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двоякое правописаніе.

Не совсѣмъ удобно только писать *це* въ фамильныхъ именахъ, особенно старинныхъ родовъ, напр. въ имени *Румянцевъ*, такъ какъ въ слѣдствіе введенія такого различія нѣкоторыя изъ нихъ пишутся теперь уже не такъ, какъ писались тѣми, которые ихъ носили. По настоящему, слѣдовало бы держаться правила писать фамильныя имена историческихъ дѣятелей безъ измѣненія современной имъ орѳографіи.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ и слѣдуетъ послѣ ц, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, сохранившими у насъ свой первоначальный видъ, и передѣланными на русскій ладъ или взятыми съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.:

Цифра, цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ.

Цыганъ, цыфирь, цырюльникъ.

7. Смѣшеніе шипящихъ.

Въ употребленіи ч и ш, ж и щ иногда ошибаются отъ не-

сходенъ съ именительнымъ, напр. Богъ одарилъ разумныя *существа* памятью. Отличаются въ этомъ отношеніи только имена ср. рода, которыя имѣютъ форму прилагательныхъ, напр. изучать *животныхъ*, рисовать *четвероногихъ*

вниманія къ производству и къ закону умягченія согласныхъ. Произношеніе бываетъ, въ этихъ случаяхъ не всегда надежнымъ руководителемъ. Такъ нѣкоторые пишутъ: *прянишный*, *прачешная*, *башмашникъ*, *яишница*, *горчишница*, теряя изъ виду, что тутъ ш только слышится, точно такъ же какъ въ словахъ *скучно*, *нарочно*, и что приведенныя имена происходятъ отъ *пряникъ*, *прачка*, *башмакъ*, *яйцо*, *горчица*, въ которыхъ к и ц, при дальнѣйшемъ словообразованіи, должны обратиться въ ч. Несправедливо также писать *лягшка* вм. *ляжка* (отъ *ляга*, *лядвея*).

Женскія отчества, происходящія отъ именъ Илья, Козьма, Никита, Ѳома, должны также писаться: *Ильинична*, *Козьминична*, *Никитична*, *Ѳоминична*, потому что въ основѣ этихъ именъ, какъ и у болѣе обыкновенныхъ: *Ивановна*, *Васильевна*, остается мужеское окончаніе.

Слово *вящій* правильнѣе было бы писать *вящшій*, потому что слогъ *шій* составляетъ тутъ нераздѣльное цѣлое, какъ принадлежность сравнительной степени (ср. лучшій и польск. większy); но первая форма, болѣе краткая и согласная съ выговоромъ, предпочтительна, такъ какъ корень этого слова русскому языку чуждъ и оно уже въ древнихъ рукописяхъ встрѣчается безъ ш: ѧщин, ѧще, иначе: ѧшитии, ѧшите.

8. Окончанія прилагательныхъ именъ.

Окончанія *ый* въ именительномъ падежѣ един. числа прилагательныхъ мужескаго рода и *ій* послѣ гортанныхъ и шипящихъ буквъ (*кій*, *хій*, *шій*), когда эти окончанія носятъ удареніе, давно уже выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто формѣ *ой*. Нынче почти всѣ пишутъ: *святой*, *хромой*, *второй*, *роковой*, *какой*, *сухой*, а не *святый*, *какій* и проч., хотя эти послѣднія формы еще и вошли въ академическій словарь 1840-хъ годовъ.

Послѣ такой уступки выговору въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ нѣтъ причины слишкомъ упорно стоять за *аго* въ родительномъ, когда удареніе падаетъ на предпослѣдній слогъ

и слышится *ова*[1]). Если большинство давно уже пишетъ *какого*, *такого*, то непонятно, почему нельзя писать также: *другого*, *иного*, *молодого*, *богатого*. Противъ этого можно сдѣлать только одно замѣчаніе, именно что въ такомъ случаѣ, при окончаніи *ій* въ муж. родѣ, придется въ род. пад. ед. числа иногда писать *его*, вм. *яго*, напр. *третьёго-дня*. Но что же въ томъ за бѣда? Вѣдь есть и другіе случаи, въ которыхъ буква я ударяемая произносится какъ ё, напр. вмѣсто *запрягъ*, *потрясъ* говорятъ *запрёгъ*, *потрёсъ*. Притомъ въ мѣстоименіяхъ родительный падежъ и безъ того кончается на *ого* и *его* Правило кончать родительный падежъ един. числа мужескаго рода на *ого* (по примѣру мѣстоименія *тотъ*) въ словахъ *самъ*, *этотъ*, *одинъ*, какъ имѣющихъ мѣстоименное, а не прилагательное окончаніе, вполнѣ разумно и вмѣстѣ съ тѣмъ полезно въ практическомъ отношеніи (*самого* отъ *самъ* — не то, что *самаго* отъ *самый*).

Здѣсь кстати отмѣтить одну очень обыкновенную невѣрность въ начертаніи прилагательныхъ именъ относительныхъ. Такія имена, образованныя отъ женскихъ собственныхъ (личныхъ или и мѣстныхъ) — *Анна*, *Екатерина*, *Пенза*, по большей части пишутся съ окончаніемъ *енскій*. Но чтобы убѣдиться въ неправильности его, надобно понять образованіе подобныхъ относительно притяжательныхъ именъ. Въ основаніи ихъ лежатъ *лично*-притяжательныя, которыя образуются: отъ муж. именъ съ помощію слога *овъ* или *евъ* (Иван-*овъ*, Сергѣ-*евъ*, Василь-*евъ*), а отъ женскихъ съ помощью слога *инъ* (Анн-*инъ*, Екатерин-*инъ*, Пенз-*инъ*). Для полученія же относительнаго имени, къ лично-притяжательному, въ обоихъ родахъ, прибавляется еще слогъ *скій*, и такимъ образомъ составляются имена: Анн-*ин-скій*, Екатерин-*ин-скій*, Пенз-*ин-скій*. Слогъ *ен* не имѣлъ бы тутъ никакого этимологическаго значенія, а слѣдовательно и оправданія. Въ доказательство правильности показаннаго производства, стóитъ только взять такія имена, у которыхъ удареніе падаетъ на образовательный

[1]) Уже и Павскій сказалъ «Ежели пишемъ *худой* вм худый, то почему не писать *худого* или *худово* вм. худаго?» (*Фил Набл.*, I § 112).

предпослѣдній слогъ: Алесандр-*ин*-скій, Балахн-*ин*-скій, Бугульм-*ин*-скій. Да притомъ никто не напишетъ: Елисаветенскій, Маріенскій: зачѣмъ же писать: Анненскій, Пензенскій? [1]).

9. Глагольныя окончанія и формы.

Глагольныя окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неопредѣленному или неправильному произношенію. Между тѣмъ такія отступленія дѣлаются нерѣдко.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь*, *итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ;* когда въ един. *ешь*, *етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ*; тѣ и другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. накл.[2]) Слѣдовательно, при существующей въ русскомъ языкѣ неопредѣленности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., *колеблятъ*, *хлопочатъ*, *держутъ*, *клеютъ*, *строютъ*, *безпокоютъ*, *надѣятся*, *сѣятъ*, *морочутъ*, вм. *колеблютъ*, *хлопочутъ*, *сѣютъ*,

[1]) Объ этомъ въ первый разъ было упомянуто мною въ замѣткѣ, напечатанной въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз и словесн.*, т. VIII, стр XIII Тамъ, между прочимъ, было сказано. «отъ собственныхъ именъ прилагательныхъ образуются. 1) лично-притяжательныя *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя. *Петр-ов-скій*, *Алексѣ-ев-скій*, *Марі-ин-скій*, 3) мѣстно-относительныя. *Клин-скій*, *Твер-скій*, *Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощію двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному — при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *Шекспир-ов-скій*, *Гомер-ов-скій*, *Виргилі-ев-скій*. Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени. *Петербурі-скій*, *Нев-скій* Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *ин*, напр. *Владимір-скій*, *Гофман-скій*, *Софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *инъ* вставляется, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Торжк-ов-скій*, *Балахн-ин-скій*, *Бугульм-ин-скій*, *Пенз-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій».

[2]) См выше стр. 311 и д.

надѣются, *морочатъ*, *держатъ*, *клеятъ*, *строятъ*, *безпокоятъ*, потому что въ един. числѣ *колеблешь*, *хлопочешь*, *сѣешь*, *надѣешься*, *морочишь*, *клеишь*, *строишь*, *безпокоишь*.

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ; такъ въ обычай вошло писать: *дышетъ*, *дышутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышитъ*, *дышатъ*, какъ *слышишь*, *слышатъ*, *значишь*, *значатъ*. Форма *дышешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашешь* — *пахать*[1]), *пышешь* — *пыхать*).

Съ окончаніями изъявительнаго наклоненія необходимо соображать и формы причастій; поэтому неправильны начертанія: *малозначущій*, *огнедышущій*, *стоющій* вм. — *ащій*, — *ящій*. Форму *стоющій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій*[2]); но писать неправильно, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ настоящемъ случаѣ должно писать *стóящій*. Собственно, и въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдовало бы писать: *стóять*, а не *стоить*; но въ этой послѣдней формѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ вопіющей неправильности: эта форма возможна.

Что въ обоихъ значеніяхъ является одно и то же слово *стоять*, различаемое только удареніемъ, это легко доказать: во 1-хъ, въ томъ же двоякомъ смыслѣ употребляется глаголъ *стать*: «во что вамъ это *стало?*» говорятъ вмѣсто: *что стоило?* во 2-хъ, такъ употребляется соотвѣтствующій глаголъ и въ другихъ языкахъ: лат. *constare* (въ значеніи стоить) далъ начало германскому kosten, фр. coûter, ит. costare; такимъ же образомъ Нѣмцы употребляютъ свой глаголъ kosten; zu kosten kommen значитъ стать, обойтись во что. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840-хъ годовъ и была попытка писать въ обоихъ случаяхъ *стоять*, но это правописаніе не нашло послѣдователей.

---

[1]) См выше стр 328.

[2]) См. выше стр 44.

2) Въ глаголахъ на *овать* и *ывать* должно съ разборомъ употреблять эти два окончанія. Окончаніе *овать* принадлежитъ особенно двумъ разрядамъ глаголовъ, образованнымъ: а) отъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ (*вьяровать*, *зимовать*, *миловать*) и б) отъ иностранныхъ глаголовъ (*арестовать*, *командовать*). Окончаніе *ывать* свойственно многократному или, при соединеніи глагола съ предлогомъ, несовершенному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго или, при предлогѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно составить *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *наказывать* — *наказать*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильна ли форма *обнародывать*, такъ какъ она не можетъ сокращаться? Можетъ ли она быть допускаема рядомъ съ другою, *обнародовать?* Первая обыкновенно употребляется для означенія вида несовершеннаго, позволяющаго поставить глаголъ въ настоящемъ времени: *обнародываю*. Обычай узаконилъ эту форму; но для оправданія ея необходимо предположить въ ней эвфоническое опущеніе одного слога, т. е. принять, что такъ произнесенъ слишкомъ трудный для выговора глаголъ: *обнародовывать*; тогда форма *обнародывать* можетъ быть приравнена къ глаголамъ *образовывать*, *разрисовывать* и др.

По-настоящему форма *обнародовать* сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ значенія совершеннаго вида, точно такъ же, какъ и форма *образовать*, потому что нѣтъ глаголовъ *народовать*, *разовать*; но первый изъ этихъ простыхъ глаголовъ можно, по крайней мѣрѣ, предположить; второй же совершенно невозможенъ, потому что предлогъ *объ* принадлежитъ уже къ составу имени, изъ котораго образованъ глаголъ. Причина неправильнаго пониманія кратности дѣйствія въ глаголѣ *образовать* кроется въ привычкѣ соединять понятіе совершеннаго вида съ предложными глаголами этой формы (*об—радовать*, *о—сновать*, или, иначе говоря, причиною служитъ тутъ аналогія, неправильно примѣ-

ненная къ глаголу *образовать*: но, какъ бы ни было, въ слѣдствіе подобнаго пониманія его допущена форма *образовывать*, а на томъ же основаніи можно допустить и потребность въ формѣ *обнародывать*.

Совсѣмъ другое представляетъ часто встрѣчающійся въ нашей печати глаголъ *совѣтывать*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Эта форма ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ съ другою правильною формой *совѣтовать* не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги *по*, *при*, *отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма цер.-слав. или русскому языку (*проповѣдовати*, *испытовати*, *связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется двояко: *проповѣдую* и *проповѣдываю*, *испытую*, *обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю*[1]).

3) Одни пишутъ *раскаиваться*, *разсѣивать*, другіе — *раскаяваться*, *разсѣявать*, третьи — *раскаеваться*, *разсѣевать*. Что правильнѣе? Для рѣшенія этого вопроса, здѣсь важнымъ указаніемъ служитъ удареніе. Въ простыхъ глаголахъ *каять*, *сѣять*, какъ и въ глаголахъ *таять*, *чаять*, *смѣяться*, корень составляютъ слоги *ка*, *сѣ*, *та*, *ча*, *смѣ*: если бъ къ корню принадлежала и гласная я, то для образованія многократнаго вида вставлялся бы слогъ *ва́* (съ удареніемъ), какъ въ глаголахъ *да-ва-ть*, *зна-ва-ть*; но въ настоящемъ времени буква я отпадаетъ, и въ неопредѣленномъ накл. многократнаго вида она должна замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ыва*, всегда остающимся безъ ударенія въ другихъ глаголахъ (*игрывать*, *дѣ-*

[1]) *Русская Грамм.* А. Востокова, Спб. 1839, стр. 141.

лывать). Итакъ правильно только первое изъ трехъ указанныхъ начертаній: *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*. У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ глаголовъ предложный несовершенный видъ образуется и иначе, т. е. вставкою слога *ва́* (съ ударе́ніемъ): *посъва-ть*, *затъ-ва-ть* (отъ *затъять*: *затъ́ивать* неупотребительно). Въ глаголѣ *сіять* буква я принадлежитъ къ корню; она не исчезаетъ въ настоящемъ времени (*сіяю*) и въ многократной формѣ, которая потому и образуется также вставкою *ва́* (*осіява́ть*).

4) Неопредѣленность неударяемыхъ гласныхъ подаетъ часто поводъ къ ошибочнымъ окончаніямъ страдательныхъ причастій. Пишутъ: *услышенъ*, *окончанъ*, *смѣшены*, *развѣшаны*, вм. *услышанъ*, *конченъ*, *смѣшаны*, *развѣшены*. Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо справляться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что окончанію *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи *анъ*, а окончанію *ить* — *енъ*. Когда неопред. накл. кончается, смотря по виду, то на *ать*, то на *ить* (*кончать*, *кончить*), то причастіе образуется только отъ послѣдняго (*конченъ*). *Слышанъ* отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе краткое прилагательное; въ жен. родѣ *слышана* — *слышна*. *Развѣшенъ* должно писаться съ е, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать*.

Въ причастіяхъ *разсмотрѣнъ*, *заподозрѣнъ* нѣкоторые пишутъ е, и не совсѣмъ безъ основанія, такъ какъ простые глаголы *смотрѣть* и *зрѣть* имѣютъ въ разныхъ нарѣчіяхъ и другую форму съ отличительною гласною и вмѣсто ѣ (ср. ц.-сл. съмотрити и народ. русск. *зрить*). Но такъ какъ образованный языкъ знаетъ только форму ихъ съ буквою ѣ, то въ обычай вошло ставить ее и въ причастіяхъ, подобно тому какъ пишутъ: *презрѣнъ*, *призрѣнъ*, *велѣно* и проч.

Двоякое окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи имѣетъ также глаголъ *обидѣть* (обидити, ц.-сл.), но употребительна только первая, съ ѣ; причастіе же страдательное образуется съ умягченіемъ буквы д, *обиженъ*. Такъ и отъ гл. *вертѣть* причастіе *верченъ*.

Малоупотребительное причастіе *видѣнный* (отъ гл. *видѣть*)

вовсе не употребляется въ краткой формѣ (*видѣнъ*). Съ этою послѣдней не должно смѣшивать прилагательнаго краткаго *виденъ*, которое иные ошибочно пишутъ съ буквою ѣ, забывая, что въ жен. родѣ говорятъ *видна*, сред. *видно*, мн. ч. *видны*, и что въ этихъ формахъ причастное ѣ не могло бы исчезнуть. Притомъ *виденъ* управляетъ дательнымъ падежомъ (кому), причастіе же страдательное сочетается всегда съ творительнымъ (кѣмъ).

Въ своемъ мѣстѣ была уже показана подобная же ошибка правописанія въ прилагательномъ *боленъ* (которое иные неправильно пишутъ съ буквою ѣ).

Причастію отъ глагола *жечь* нѣкоторые даютъ ошибочную форму *зженый* (вѣроятно по аналогіи съ словами *пзжу*, *возжи*); но они теряютъ изъ виду корень этого глагола, который обнаруживается въ настоящемъ времени *жгу*. Причастіе было бы слѣдовательно *жженъ*, но г при этомъ умягчается въ ж, и происходитъ форма *жженъ*, такъ же какъ въ наст. вр. *жжешь*, *жжетъ* и т. д.

Причастіе *отверстый* съ буквою с представляетъ весьма древнюю форму (отъ гл. *отъврѣсти*).

О неправильномъ окончаніи причастій на *онный* при предыдущей шипящей буквѣ (сберегонный, лишонный), было уже говорено выше въ отдѣлѣ о гласныхъ е и о послѣ этихъ буквъ.

Писать ли *плотишь* вм. *платишь*? Изъ многихъ глаголовъ которые въ народномъ языкѣ подвергаются такому измѣненію гласной (см. выше, стр. 333), только *платить* перешелъ въ литературную рѣчь съ формами *плотишь*, *заплочено* и проч. Всякій, кто такъ произноситъ, можетъ позволять ихъ себѣ и на письмѣ.

10. Ъ и Ь въ концѣ словъ.

1) Послѣ шипящихъ:

Извѣстно, что въ древности послѣ шипящихъ въ концѣ слова всегда писалось ь; но смѣшеніе въ этомъ случаѣ ъ и ь началось

уже очень рано. Смотрицкій предписываетъ на этотъ счетъ довольно сбивчивыя правила. Въ практическомъ отношеніи очень удобно, хотя и не основано на различіи въ звукахъ, господствующее нынѣ правило, которое предлагали еще Свѣтовъ и Сумароковъ, которое отчасти соблюдалъ уже и Ломоносовъ (*Грам.*, § 191),— т. е. въ имен. падежѣ ед. ч. именъ и причастій муж. рода писать ъ, а жен. рода ь, напр. *мечъ*, *Ильичъ*, *печь*; *ножъ*, *рожь*; *плащъ*, *блестящъ*, *вещь*; въ родит. же падежѣ мн. ч. именъ женскихъ на а также писать ъ, напр. *тысячъ*, *тучъ*, *крышъ*. Въ частицахъ *же* и *уже*, при сокращеніи ихъ, обыкновенно пишутъ также ъ: *что жъ*, *ужъ*.

2) Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Род. падежъ множ. числа женскихъ именъ на *нь*, при бѣглой буквѣ е безъ ударенія, обыкновенно кончается неправильно на ъ, напр. *пѣсенъ*, *басенъ*, *башенъ*, *купаленъ*, *колоколенъ* (хотя *бань*, *деревень*). Окончаніе *енъ* въ такихъ случаяхъ признавалъ уже и Ломоносовъ, какъ видно изъ § 165 его *Грамм.*, хотя онъ, приводя тутъ примѣры этого склоненія, и не остановился на разницѣ дебелаго и тонкаго окончанія. Подобно приведеннымъ словамъ, въ родит. пад. множ. числа оканчивается на *нъ* и слово *сажень*, принадлежащее къ другому склоненію.

Предлогъ *близъ* въ древности писался двояко, теперь же для отличія отъ существительнаго *близь* пишется съ *еромъ*. *Покамѣстъ* — такъ же, по причинѣ состава слова. *Наизусть*, напротивъ, пишется съ *еремъ* потому: 1) что никто не говоритъ *наизустъ*, а 2) что тутъ съ предлогомъ *на* соединилось существительное *изусть*, образованное отъ древняго глагола *изустъвати* (Вост.) или *изуштати* (memoriter dicere).

При образованіи прилагательныхъ отъ именъ мѣсяцевъ, кончащихся на *рь* и *нь*, буква ь обыкновенно сохраняется на письмѣ: пишутъ: *январьскій*, *іюньскій*, *сентябрьскій* и проч., хотя по закону нашей фонетики ь тутъ излишенъ, какъ показываютъ примѣры: *царскій*, *монастырскій*, *конскій*, *денской*. *Февральскій*, *іюльскій* не противорѣчатъ общему закону именъ нарицательныхъ.

11. Буква Ѣ.

Буква ѣ въ русскомъ языкѣ имѣетъ троякое употребленіе, именно: 1) въ корняхъ многихъ словъ, напр. *вѣдать*, *лѣто*; 2) въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ: *змѣй*, *индѣйскій*; 3) во флексіяхъ измѣняемыхъ частей рѣчи, напр. *имѣмъ*, *водѣ*, *хотѣть*, *добрѣе*.

Вполнѣ опредѣленное значеніе имѣетъ буква ѣ только въ 3-мъ случаѣ. Въ корняхъ же и въ образовательныхъ окончаніяхъ употребленіе ея не всегда поддается установленію точныхъ правилъ.

Первоначальное употребленіе буквы ѣ въ древности основывалось конечно на особенномъ ея произношеніи; но по мѣрѣ того, какъ исчезала эта разность выговора, оно становилось болѣе и болѣе шаткимъ: уже въ ц.-сл. рукописяхъ отдаленнаго времени многія слова являются то съ ѣ, то съ е [1]): напр. *зѣница* и *зеница*, *хмѣль* и *хмель*, *имѣти* и *имѣтати*, *лежати* и *лѣгати*, *летѣти* и *лѣтати*, *метаѣ* и *мѣтати*, *реку* и *рѣчь* [2]), *Матѳѣй* и *Матѳей*, *скудѣль* и *скудель*.

Въ русской письменности употребленіе буквы ѣ подверглось еще бо́льшимъ измѣненіямъ: 1) Слова, въ корнѣ которыхъ послѣ согласныхъ р и л въ церковно-славянскомъ писалось ѣ, но которыя по закону русскаго полногласія имѣютъ двѣ гласныя вмѣсто одной, теряли у насъ на письмѣ свою первоначальную гласную ѣ: вм. *брѣгъ*, *брѣза*, *млѣко*, *прѣдъ*, *чрѣзъ* Русскіе стали писать: *берегъ* и *брегъ*, *береза*, *млеко*, *передъ* и *предъ*, *черезъ* и *чрезъ*. Въ числѣ такихъ словъ только *плѣнъ* (при русской формѣ *полонъ*) сохранило и у насъ свою древнюю орѳографію.

2) Изъ церковно-славянскихъ словъ съ буквою ѣ, не подвергающихся у насъ измѣненію въ звукахъ отъ полногласія, большая часть удержала и въ русскомъ языкѣ свое начертаніе: *Глѣбъ*, *клѣть*, *плѣсень*, *плѣшь*, *слѣдъ*, *слѣпъ*, *хлѣбъ*, *грѣхъ*, *хрѣнъ* и др. Однакожъ и изъ такихъ словъ нѣкоторыя у насъ потеряли

[1]) Это обстоятельство до сихъ поръ у насъ еще не было достаточно изслѣдовано и требовало бы спеціальнаго разысканія

[2]) Въ этомъ одномъ корнѣ двойное начертанія сохранилось и до сихъ поръ въ русской орѳографіи.

Ѣ, какъ то: *время, блескъ, дрематъ, стрекать, преніе;* также: *векша, клей, кудель, колебать, мезга, песокъ, семья, темя* и др., которыя въ церковно-славянскомъ писались съ Ѣ.

3) Наоборотъ, въ русскомъ языкѣ стали писать Ѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ этой буквы въ древности не было или гдѣ ея по этимологіи не нужно, напр. *рѣшето, рѣшетка, рѣдька.*

4) Въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ стали писать Ѣ по произвольному и не выдерживаемому во многихъ другихъ случаяхъ правилу, что первоначальное і церковно-славянскихъ, і или аі иностранныхъ словъ должно обращаться въ Ѣ. На этомъ основаніи пишутъ: *змѣй, змѣя, Апрѣль, Алексѣй, Сергѣй, Матвѣй, Елисѣй, Еремѣй, индѣецъ, индѣйскій;* но это правило не соблюдается однакожъ въ бо́льшей части словъ, гдѣ, не смотря на первоначальное і или аі, нынче пишутъ е: *воробей, соловей, иней, Ѳаддей, Пелагея, батарея, лотерея, армейскій, библейскій, линейный.*

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы Ѣ въ корняхъ и образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго сознанія. Во многихъ случаяхъ Ѣ остается воспоминаніемъ особеннаго древняго произношенія слоговъ, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удалился отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка къ такому измѣненію могла бы только произвести еще бо́льшій разладъ въ орѳографіи.

Но есть и такія слова, гдѣ одни пишутъ Ѣ, а другіе е. На этихъ словахъ надобно нѣсколько остановиться, чтобы всякій могъ сознательно избрать то или другое правописаніе.

Брею, брадобрей. Глаголъ *брить* принадлежитъ къ тому же разряду глаголовъ, какъ *бить, вить, лить, пить, шить;* но, имѣя передъ окончаніемъ двѣ согласныя, *брить* не можетъ образовать

настоящаго времени такъ, какъ они: не сокращаетъ буквы і (какъ въ бію, вію, лію) въ ь, а обращаетъ ее въ е, т. е. поступаетъ точно такъ, какъ эти глаголы въ повелительномъ: *бей*, *вей*, *лей*, *пей*, *шей*. Ясно, что сходно съ этимъ слѣдуетъ писать: *брею*, *бреешь* (форма принятая и Павскимъ) и сущ. имя *брадобрей*, такъ же какъ *водолей*, *швея*. Къ бо́льшему еще подтвержденію правильности этого правописанія могутъ быть приведены принадлежащіе къ той же категоріи глаголы *выть*, *крыть*, *мыть*, *ныть*, въ которыхъ ы, при спряженіи, измѣняется въ о; буквѣ же о соотвѣтствуетъ е, такъ какъ гласной ы отвѣчаетъ и (крыть — брить, крою — брею).

Такъ должно писать и *грамотей* (отъ греческаго γραμματεύς).

Слово *копейка* сомнительнаго происхожденія, и нѣтъ никакой надобности писать въ немъ ѣ.

Хмель, *зеница* издревле писались двояко, а потому мы и имѣемъ полное право освободить ихъ отъ ѣ.

Звено—одного корня съ глаголомъ *звенѣть*; ср. польск. dzwono.

Рѣсница согласно съ ц.-сл. начертаніемъ *рѣсна* (впрочемъ встрѣчается и *ресна*).

Купель предпочтительно, такъ какъ ѣ въ окончаніи этой формы у насъ рѣдко; ср. *колыбель* (ц.-сл. колыбѣль, какъ *свирѣль*).

Двѣсти можемъ писать по выговору, не обращая вниманія на славянскую двойственную форму *двѣстѣ*, которая только ученымъ понятна.

Равнымъ образомъ мы пишемъ во всѣхъ родахъ *эти*, *этихъ* и т. д. по произношенію, а не *этѣ*, *этѣхъ*. Не считаемъ правыми и тѣхъ, впрочемъ немногихъ, которые только въ женскомъ родѣ пишутъ *этѣ*.

Въ словѣ *гречá* ѣ пишется нѣкоторыми совершенно неумѣстно, потому что оно явно происходитъ отъ названія страны, откуда этотъ родъ хлѣба первоначально привозимъ былъ въ Россію[1]).

---

[1]) Французы называютъ это зерно sarrasin — *сарачинскимъ* (какъ у насъ называется рисъ), т. е. восточнымъ; Поляки и Чехи *поганкой* (пол. pogaпka, tatarka, hreczka), т. е. пришедшей отъ поганыхъ, язычниковъ.

Взятое съ нѣмецкаго слово *цехъ* также не слѣдуетъ писать съ Ѣ; эта буква въ сущности неумѣстна и въ имени *вѣеръ*, котораго окончаніе явно обличаетъ иностранное происхожденіе (нѣм. fächer). По той же причинѣ, неправильно писалось въ древнихъ памятникахъ слово *пѣнязь* (англ.-сакс. penig. сканд. peningr).

Было уже упомянуто, какъ неосновательно писать *болѣнъ* и *видѣнъ*, *меткій*, *смета*, *сметливый* (см. выше, стр. 470 и 560).

Начертаніе *свѣденіе* ничѣмъ не оправдывается, потому что эта форма никакъ не могла бы произойти отъ русскаго глагола *свѣдать*, которая дала бы причастіе *свѣданъ*, а никакъ не *свѣденъ*. *Свѣдѣніе* образовано отъ церковно-славянской формы *свѣдѣти*, такъ же какъ *мнѣніе* отъ *мнѣти* (отъ *мнить* было бы *мненіе*). По аналогіи такъ пишется равнымъ образомъ *затмѣніе* и *затмѣвать*, хотя въ основѣ ихъ лежитъ русскій глаголъ *затмить*. Слѣдуетъ писать *обрусеніе* или *обрусѣніе*, смотря по тому, служитъ ли началомъ имени глаголъ *обрусить*, или *обрусѣть*; такимъ же образомъ возможна двоякая форма *омерзеніе* и *омерзѣніе*. Хотя уже Карамзинъ писалъ *лекарь* и теперь получила перевѣсъ эта орѳографія, но очевидность заставляетъ насъ стать тутъ на сторону меньшинства, въ главѣ котораго мы видимъ Ломоносова, указывавшаго на неудобство писать въ наст. вр. *лечу* вм. *лѣчу* (для отличія отъ *лечу*, *летѣть* [1]).

Въ имени *телѣга* вторая гласная должна быть также Ѣ; иначе это народное слово вѣроятно произносилось бы *телёга*. По мнѣнію Добровскаго, это имя — иностраннаго происхожденія [2]); однакожъ изъ словарей Линде, Шимкевича и Миклошича видно, что оно очень распространено у славянскихъ народовъ и что во 2-мъ слогѣ его большею частью слышится гласная i (напр. хорут. taliga); у Литовцевъ оно имѣетъ формы talenga, tolenga и зн. коляска. Кромѣ того, оно употребительно въ Валахіи и Венгріи.

Въ прежней нашей письменности встрѣчалось также различное начертаніе словъ: *мелкій*, *мельница*, *мель*, *прилежный*, *ли-*

[1]) См. выше, стр. 470 и 483.

[2]) Грамматика языка Слов., ч. I, стр. 154.

нейка, *унетать* и нѣк. др.; но такъ какъ нынче едва ли кто уже напишетъ въ нихъ ѣ, то и не распространяюсь объ этихъ словахъ.

12. Правописаніе заимствованныхъ иноязычныхъ словъ.

Здѣсь прежде всего припомнимъ замѣчательныя слова Гримма, повторенныя Шафарикомъ: «Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбѣжно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметами и словами, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію родного языка. Но я нахожу большое различіе въ томъ, какимъ образомъ мы въ нынѣшнее время допускаемъ въ свой языкъ чужія слова. Древность поступала при этомъ гораздо простодушнѣе и свободнѣе. Нынче мы стараемся сохранять и произносить чужія реченія совершенно такъ, какъ они употребительны у того народа, отъ котораго взяты; мы боимся нарушить вѣрность чужому слову, если какъ-нибудь переиначимъ его удареніе, сократимъ въ немъ одну букву или измѣнимъ его родъ, и охотнѣе налагаемъ руку на самихъ себя, всячески насилуя прирожденный намъ органъ рѣчи. Старонѣмецкій языкъ пользовался принадлежащимъ каждому языку правомъ приноравливать чужое слово къ своимъ звукамъ и привычкамъ»[1]). Все это можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ русскому языку. Древнѣйшимъ періодомъ подобныхъ заимствованій его, на памяти исторіи, было время принятія христіанства, и многія перешедшія тогда изъ Греціи слова получили на Руси такой видъ, по которому трудно даже узнать ихъ первоначальную форму, напр. *церковь*, *налой*, *просвира*, *пономарь*, *кутья*, *исполать*. «Съ греческаго языка», говоритъ Ломоносовъ, «имѣемъ мы великое множество словъ рускихъ и словен-

[1]) J. Grimms Deutsche Grammatik, III, 557 Шафар. Славянскія древности, т. I, кн. II, 339

скихъ, которыя для переводу книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что бутто бы они съ перьва въ Россійскомъ языкѣ родились»[1]).

Правописаніе подобныхъ словъ не представляетъ почти никакихъ затрудненій. Относительно словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, важнѣйшій вопросъ касается употребленія буквы ѳ, о чемъ уже достаточно говорено выше. Довольно установилась уже и орѳографія чужихъ словъ, перешедшихъ къ намъ въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтія изъ западно-европейскихъ языковъ. Эти слова также подверглись бо́льшей или меньшей передѣлкѣ, напр. *коллегія*, *адмиралтейство*, *биржа*, *гавань*, *офицеръ*, *ефрейторъ*, *ефесъ*, *портупея*, *арестовать*, *комендантъ* и проч. Въ этихъ словахъ мы видимъ преобразованія разнаго рода, по требованіямъ русскаго языка, именно: то въ окончаніяхъ (коллег*ія*, адмирал*тейство*), то въ примѣненіи къ своимъ звуковымъ законамъ, напр. биржа, гавань; сюда относится также исключеніе лишнихъ согласныхъ (въ оффицеръ, арестовать, канцеллярія, коммендантъ), или перестановка буквъ (футляръ, вм. футралъ). Въ словахъ, усвоенныхъ языку въ ближайшее къ намъ время, такія передѣлки, не смотря на наклонность къ нимъ языка, менѣе удаются, и искаженія, входящія въ народную рѣчь, тщательно исправляются литературнымъ пуризмомъ; такъ напр. слово *ярмонка* въ новѣйшее время стали писать *ярмарка*, хотя избѣжаніе двухъ р въ одномъ и томъ же словѣ совершенно согласно съ фонетикой славянскихъ языковъ, такъ что иногда эта особенность отражается даже въ своихъ собственныхъ словахъ (народъ говоритъ *пролубь* вм. *прорубь*[2]). Перестановкѣ подвергаются у насъ особенно буквы р и л, что́, хотя рѣже, встрѣчается и въ другихъ

[1]) Ркп. Лом № 112, стр. 14.

[2]) Глубокую причину имѣютъ въ этомъ законѣ искаженныя формы словъ, кажущихся смѣшными нашему литературно-образованному слуху: *колидоръ*, *антилерія*, *дилекторъ*, *секлетарь*, *лыцарь*, *бланкартъ* (отъ brancard), *фалеторъ*, *некрутъ* и мн. др. Отъ того произошло и общеупотребительное *февралъ* вм. *февраръ*. Такія же передѣлки слышатся въ народномъ говорѣ другихъ славянскихъ нарѣчій. Иногда и при двухъ л одно изъ нихъ превращается въ р, примѣромъ тому можетъ служить слово *фалбора* (фр. falbala).

языкахъ (фр. pélerin отъ лат. peregrinus). У насъ замѣтна особенная наклонность къ такой перестановкѣ буквъ, такъ что она отчасти проникаетъ и въ литературный языкъ, узаконившій напр. слова *тарелка* (нѣм. teller, дат. talerken), и *футляръ* (нѣм. futteral). *Клиросъ* издавна произносится *крылосъ*; вмѣсто *пелеринка* русскіе люди часто говорятъ и пишутъ *переминка*, противъ чего однакожъ протестуетъ литературный языкъ, который и самъ не всегда послѣдовательно охраняетъ подлинную форму заимствованныхъ словъ.

Такъ онъ упорствуетъ въ отношеніи къ слову *сюртукъ*, принявъ фальшивое окончаніе [1]), но поддерживая гласную перваго слога (вм. болѣе употребительнаго *сертукъ*). Пуристы долго доказывали, что нельзя писать *гувернантка* (вм. гувернанта), однакожъ русская форма теперь утвердилась. Въ словѣ *табакерка* передѣлка пошла еще далѣе, коснувшись и соединительной буквы окончанія (tabatière); впрочемъ въ старину и французское слово было: *tabaquière* (по-итал. и теперь tabacchiera). *Шкафъ* пишется обыкновенно такъ вопреки произношенію; впрочемъ и *шкапъ* на письмѣ не будетъ неправильно, такъ какъ въ нижне-нѣм., гол. и швед. слово это оканчивается на p, а не на f, составляющее его окончаніе только въ верхне-нѣм. и въ датскомъ. Всѣ говорятъ *конфеты*, а пишутъ *конфекты* по латино-нѣмецкой формѣ, но не вѣрнѣе ли тутъ слѣдовать италіянскому *confetti*: иначе какъ бы пришлось писать второобразныя слова: *конфетка* и *конфетчикъ?*

Въ отношеніи къ словамъ, заимствованнымъ изъ чужихъ языковъ въ новѣйшее время, главный вопросъ касается удвоенія согласныхъ. По примѣру нѣкоторыхъ старинныхъ словъ иностраннаго происхожденія, отбросившихъ двойную согласную, иные стали писать такимъ же образомъ и всѣ вообще чужія слова. Однакожъ такое правописаніе оказывается иногда въ разладѣ не только съ этимологіей, но и съ фонетикой. Въ начертаніи пришлыхъ словъ всего естественнѣе держаться произношенія и не избѣгать двойныхъ согласныхъ, когда такое удвоеніе ясно для слуха, напр.

[1]) Фр. surtout.

коллегія, *комиссія*[1]), *профессоръ*, *масса*, *касса*, *ванна*, *идиллія*, *группа*, *труппа*, *эпиграмма*. Особенно полезно удвоеніе согласныхъ, когда оно служитъ къ различенію словъ, близкихъ между собою по выговору; поэтому тѣмъ болѣе основанія писать: *вилла* (для отличія отъ русск. вила), *металлъ* (для отл. отъ глаг. металъ), *классъ* (для отл. отъ славянскаго класъ = колосъ), *баллъ* (для отл. отъ балъ). Иначе неслышное удвоеніе согласной въ *концѣ слова* всего менѣе нужно, какъ противное русской фонетикѣ, почему и пишутъ: *катаръ*, *партеръ*, *адресъ*, *интересъ*, *эполеты*, *протоколъ*, *камергеръ*, *геморой*. Разумѣется однакожъ, что когда удвоеніе слышно въ косвенныхъ падежахъ, то оно нужно и въ именительномъ. Оно большею частью соблюдается и въ именахъ собственныхъ: *Штаммъ*, *Витте*, *Траппъ*, хотя во многихъ фамильныхъ именахъ отступаютъ отъ этого правила и пишутъ: *Рашетъ*, *Лафайэтъ*, *Радзивилъ*, *Рейфъ* (Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff). Въ нѣмецкихъ именахъ собственныхъ окончаніе на *дт* сохраняется и въ русскомъ письмѣ: *Энгельгардтъ*, *Кронштадтъ*, а также иногда и двойная гласная, напр. *Аахенъ*, *Оомъ*, *Цеэ*, чтобы сохранить въ заимствованномъ собственномъ имени слѣды его состава. Съ другой стороны однакожъ нѣмецкое начертаніе st пишется у насъ по произношенію шт: *Штейнъ*, *штатъ*. Ср. *гошпиталь*, *пашпортъ*.

Нѣтъ причины не склонять иностранныхъ именъ собственныхъ, когда ихъ окончаніе поддается склоненію. Нынче на письмѣ въ общежитіи часто встрѣчаются такого рода фразы: *г-ну Гартманъ*, у *г-на Бокъ*. Но на это нѣтъ грамматическаго основанія; иначе пришлось бы также писать: сочиненія *Шиллеръ*, Иліада *Гомеръ*, трагедія *Вильямъ Шекспиръ*. Да наконецъ, тогда не слѣдовало бы склонять и такихъ именъ, какъ *Ѳедоръ*, *Александръ*, *Петръ*, потому что они въ сущности, по происхожденію, не болѣе русскія, чѣмъ *Фридрихъ*, *Карлъ* и проч.

---

[1]) Едва ли это начертаніе не самое раціональное: удвоеніе м для слуха не замѣтно, а с должно быть удвоено, потому что слышится въ словѣ *миссія* и тогда, когда оно само по себѣ употребляется. Пропускъ же одного м оправдывается такими словами, какъ *команда*, *офицеръ* и т. п.

Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы и другія невѣрности; надобно писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катавасія*, а не *привиллегія* и т. д.; также *экзаминаторъ*, а не экзаменаторъ, такъ какъ это слово въ самомъ лат. языкѣ образовано не отъ имени экзаменъ, а отъ глагола examinare и перешло къ намъ уже готовое.

Суббота пишутъ по большой части съ двумя б, но невѣрно: первоначальная форма этого слова — сѫвста (Остром.). Невѣрное начертаніе основывается безъ причины на греческомъ правописаніи σάββατον, откуда и латинское sabbatum.

Такъ какъ ни одно собственно русское слово не начинается съ буквы а, то въ древности и иностранныя слова, имѣвшія эту букву въ началѣ, писались у насъ съ о, напр. *олтарь*. Нынче принято писать, согласно съ латинскимъ производствомъ, *алтарь*. Напротивъ, правильнѣе писать *оладья* (отъ греч. ἔλαιον, елей, которому соотвѣтствуетъ другая форма *олей*, лат. *oleum*).

Въ нѣкоторыхъ изъ усвоенныхъ русскому языку греческихъ и другаго происхожденія именъ собственныхъ народный слухъ установилъ разнаго рода сокращенія, которыя допускаются и на письмѣ: *Ѳедоръ* (вм. Ѳеодоръ), *Дмитрій* (вм. Димитрій), *Прасковья* (вм. Параскева) и т. п. Иногда отбрасывается цѣлый слогъ или буква въ началѣ словъ, напр. *Ларіонъ*, *Лизавета*, *Сидоръ* (вм. Исидоръ), *Савелій* (вм. Ксаверій). Слогъ *Ев* въ началѣ нѣкоторыхъ именъ передѣлывается въ *А* или *Ав*, напр. *Астафій*, *Авдотья*, а иногда некстати приставляется, напр. *Евпатій* или *Елпатій* вм. *Ипатій*. Бываютъ и другія измѣненія: вм. Ирина — *Арина*, вм. Елена — *Алена* или, вѣрнѣе, *Олена* (ср. *Осипъ*, вм. Іосифъ, какъ *осень*, *озеро* = есень, езеро); вм. Леонтій — *Левонтій* и пр.

Въ серединѣ заимствованныхъ словъ особенную трудность представляетъ употребленіе чистыхъ гласныхъ а, о, у послѣ і и ь. Въ концѣ словъ а послѣ і всегда обращается въ я, напр. *Азія*, *матерія*; въ серединѣ же словъ одни пишутъ я, а другіе а, напр. *азіятецъ* и *азіатецъ*, *матеріялъ* и *матеріалъ*, *италіянецъ* и *ита-*

ліанецъ, *христіянинъ* и *христіанинъ* и т. п. Чтобы достигнуть однообразія въ начертаніи этихъ словъ, было бы одно только средство — согласиться писать послѣ і всегда я, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ словъ, напр.: *азіятецъ*, *персіянинъ*, *матеріялъ*, *италіянецъ*, *христіянинъ*, *фоліянтъ*, *варіянтъ*, *фортепіяно*[1]). Въ подобныхъ словахъ і можетъ иногда, смотря по удобству, измѣняться въ ь. Въ словахъ, уже издавна сроднившихся съ русскимъ языкомъ, напр. *дьякъ*, *дьяконъ*, *дьячокъ*, всегда пишутъ ь, подобно тому какъ принято писать *Васильевичъ*, *Григорьевичъ*, вм. *Василіевичъ*, *Григоріевичъ*, *судья*, а не *судія*. *Брильянтъ* (brillant), *бильярдъ* (billard) правильнѣе чѣмъ *брилліантъ* или *бриліантъ* и *биліардъ*.

Не вполнѣ установилось также правописаніе чужихъ словъ, въ которыхъ послѣ согласной слышится іотированное о, особенно когда оно во французскомъ языкѣ стоитъ послѣ такъ называемаго l mouillé. Проще всего въ такихъ случаяхъ писать по-русски *лі*: *баталіонъ*, *почтиліонъ*, *медаліонъ*, *папиліотка*, какъ *милліонъ* (million). Могутъ возразить, что въ первыхъ четырехъ словахъ одному франц. слогу соотвѣтствуютъ у насъ два, но здѣсь въ произношеніи і по необходимости сокращается въ й, притомъ то же самое допускается въ другихъ случаяхъ, напр. пишутъ *кампанія* для передачи *campagne* (такъ, какъ *компанія* для передачи *compagnie*). На этомъ основаніи можно писать и *Авиніонъ*, тѣмъ болѣе что по-латыни этотъ городъ называется *Avenio*. Если понадобится, по требованію стихотворной мѣры, въ подобныхъ словахъ убавить и на письмѣ одинъ слогъ, то можно принять для нихъ Карамзинскую орѳографію: *батальйонъ*, *почтильйонъ*, неудобную только тѣмъ, что она, для сокращенія звука, прибѣгаетъ

[1]) Прежнее правило писать въ серединѣ словъ я въ тѣхъ только случаяхъ, когда эта буква уже есть въ окончаніи первоначальнаго имени (напр. *матерія*, *матеріяльный*), неудобно, ибо такимъ образомъ приходится писать послѣ і различно одни и тѣ же прилагательные суффиксы, напр *матеріяльный* и *спеціальный*, *персіянинъ* и *христіанинъ*, и разница эта основана на одной случайности. Если въ концѣ словъ а не можетъ стоять послѣ і, то почему не распространить это правило и на середину словъ, по крайней мѣрѣ въ нарицательныхъ именахъ?

къ удлинненію письма. Но никакъ нельзя одобрить начертаній: *батальонъ*, *почтильонъ*, *мильонъ*, потому что ь, означая только умягченіе л, не достаточно іотируетъ гласную о, и эти слова въ такой формѣ могутъ быть прочитаны не иначе, какъ если бъ было написано: *баталёнъ*, *почтилёнъ*, *милёнъ*. Для повѣрки стóитъ только перенести слогъ *онъ* въ другую строку; тогда придется читать: *баталь-онъ* и проч. Вмѣсто начертаній *батальйонъ* короче было бы, конечно, писать *батальёнъ*, но мы естественно избѣгаемъ тутъ двоегласной ё, чувствуя, что она своимъ видомъ вовсе не напоминаетъ о и означаетъ только измѣненіе буквы е въ русскихъ словахъ. Допускается она въ словахъ: *курьёзный*, *серьёзный* по той причинѣ, что въ нихъ соотвѣтствуетъ фр. слогу eux, нѣм. ö; впрочемъ правильнѣе писать *куріозный*, *серіозный* (итал. curioso, serioso), но никуда не годится *серьозный* (= серёзный). Довольно употребительное нынѣ начертаніе *майоръ* ничѣмъ не лучше прежняго *маіоръ*, гдѣ і и такъ по неволѣ произносится коротко, такъ что слышатся только два слога[1]).

Передъ е можно писать і, но сходнѣе съ иностраннымъ произношеніемъ ь, въ словахъ: *пьеса*, *пьедесталъ*, *Пьерро*, *курьеръ* и т. п.

Французскій носовой звукъ *in*, *ain*, напр. въ *Saint*, *Villemain*, принято выражать буквами *енъ*: *Сенъ*, *Вильменъ*, или *ень*: *bulletin*, *Rollin* — *бюлетень*, *Роллень*; какъ ни далеки эти начертанія отъ настоящаго выговора, они лучше другихъ (напр. *янъ* или *янь*) и могутъ быть удержаны, какъ наиболѣе установившіяся.

Слоги *en*, *ant*, *ent* изображаются то ближе къ французскому выговору, то согласно съ ихъ начертаніемъ, напр. *ресторанъ*, *презентъ*. Двойная форма, въ какой у насъ ходятъ многія французскія слова съ носовымъ звукомъ, происходитъ отъ того, что

---

[1]) *Майоръ* началъ писать еще Карамзинъ (*Вѣст. Евр.* 1803, № 14, «Рыцарь нашего вр.»). Онъ же писалъ: *Монтескьйо*, *йонга* (*Моск Журн.* VII, 65, 93) и *Оверньйскій*, *гильйотинада* (*В. Е.* 1082 и 1803, № 11, стр. 185). По примѣру Карамзина, и Мартыновъ писалъ: *Монтаньй* (*Объ. Вѣст.* II, 7). Очевидно, что употребленіе й въ концѣ или въ серединѣ слога безъ гласной буквы не выдерживаетъ критики. Не видимъ также причины писать Йоркъ вм. *Іоркъ* и т. п.

нѣкоторыя изъ нихъ проникли къ намъ не прямо изъ французскаго языка, а отъ другихъ народовъ, которые сами ихъ заимствовали. Въ орѳографіи *сантиментальный* непослѣдовательность: первый носовый звукъ *ен* переданъ тутъ черезъ ан, а второй черезъ ен; болѣе основанія писать: *сентиментальный*.

Въ словахъ, взятыхъ съ англійскаго, разногласіе правописанія замѣтно особенно въ способѣ изображенія w передъ гласными. Нѣкоторые пишутъ *Уордсвортъ*, *Уиндзоръ*, *Уэстминстеръ*, *Уокеръ* и т. п., другіе — *Вордсвортъ*, *Виндзоръ*, *Вокеръ*. Такъ какъ ни то, ни другое начертаніе не передаетъ въ точности англійскихъ звуковъ, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому, которое болѣе соотвѣтствуетъ особеннымъ свойствамъ русской фонетики и обще-европейскому выговору. Таковъ, конечно, второй способъ, который, кромѣ того, уже установился для изображенія подобныхъ звуковъ въ словахъ латинскаго языка, напр. въ словахъ: *авторъ*, *Августъ*, гдѣ наше в выражаетъ u, принадлежащее къ дифтонгу *au*. Въ приведенныхъ англ. именахъ у (w) начинаетъ дифтонгъ, невозможный въ русскомъ языкѣ; у насъ эта буква прибавляетъ къ слову цѣлый лишній, неуклюжій слогъ, а этимъ произношеніе еще болѣе измѣняется, чѣмъ превращеніемъ у въ в. Какъ нелѣпо было бы, напр., писать: *Уулюичъ* (Woolwich).

Выше было уже говорено объ употребленіи послѣ согласныхъ буквы э въ чужихъ словахъ. Нынче многіе пишутъ *тэма*, *проблэма*, *Тэйлоръ*, *Бэнарэсъ*, — конечно съ цѣлію показать, что звукъ э долженъ оставаться неіотированнымъ [1]). Было также объяснено, почему эта цѣль въ сущности не достигается [2]). Притомъ, такимъ образомъ происходитъ несходство между словами новыми и издавна уже получившими въ языкѣ право гражданства. Странно было бы начать теперь писать: *тэрмомэтръ*, *баромэтръ*, *партэръ*. И потому, для единообразія орѳографіи, лучше совсѣмъ не

[1]) Нѣкоторыя хотятъ этимъ способомъ означить открытое или широкое произношеніе звука е, но они забываютъ, что выговоръ буквы э бываетъ различенъ, смотря по слѣдующему за нею звуку, дебелому или тонкому, напр въ словѣ *поэтъ* э произносится широко, а въ словѣ *поэзія* тонко. Ср. выше замѣчаніе о выговорѣ буквъ е, ѣ, э: стр. 278.

[2]) См выше, стр. 482.

употреблять буквы э послѣ согласныхъ, тѣмъ болѣе что для употребленія ея въ подобныхъ случаяхъ нельзя постановить точныхъ правилъ: по необходимости оно основывалось бы на произволѣ, и отъ неопредѣленности относительно третьяго э еще увеличилось бы затрудненіе, которое и безъ того уже производятъ двѣ буквы для одного и того же звука (е и ѣ).

Объ изобрѣтеніи Сенковскаго писать иностранныя имена и у насъ латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія было уже упомянуто въ предложенномъ выше историческомъ очеркѣ[1]). Странная мысль — отъ каждаго русскаго требовать умѣнія читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и уклоняться отъ труда выражать чужія имена русскимъ письмомъ. Конечно, они часто не могутъ быть начертаны удовлетворительно; но въ такихъ случаяхъ не лучше ли къ русскому ихъ изображенію прилагать въ скобкахъ подлинное? Русскія книги пишутся не для однихъ ученыхъ или свѣтски-образованныхъ, знакомыхъ съ произношеніемъ главныхъ европейскихъ языковъ; прочіе же читатели ничего не выиграютъ, если вмѣсто: «Брума» или «Юэллю» вы имъ напишете: «Brougham'a», «Wewell'ю».

Для передачи звука, образуемаго въ западныхъ языкахъ буквою l передъ гласными, одни употребляютъ у насъ чистыя а, у, другіе іотированныя я, ю, напр. въ словахъ: candélabre, Ludwig. Надобно помнить, что ни та, ни другая русская орѳографія (*ла—ля, лу—лю*) не соотвѣтствуетъ иностранному произношенію. Поэтому и оказывается, что до сихъ поръ изъ чужихъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, одни переносились къ намъ такъ, другіе иначе; напр., съ одной стороны, у насъ ходятъ слова: *астролябія, школяръ, популярный, полярный; лютеранинъ, плюсъ, полюсъ, Люциферъ, салютовать, иллюминація, флюсъ*; съ другой стороны: *фистула, салютъ, шоколадъ, классъ, планисфера; луна, лупа, блуза, клубъ, Лузитанія, Луиза.* Собственныя имена странъ и областей, образованныя съ помощію германскаго *land*, перешли

[1]) См. выше, стр. 514.

къ намъ также въ двоякомъ видѣ: присоединенныя къ Россіи области называются *ляндіяма*, тогда какъ въ именахъ прочихъ слышится слогъ *лан: Эстляндія*, *Лифляндія*, *Курляндія*, и — *Голландія*, *Исландія*, *Вермландія* (въ Швеціи), *Ландъ*, *Ланделандъ*, *Готландъ*. У насъ съ этимъ окончаніемъ осталась только *Ингерманландія*, изъ чего видно, что то́ или другое произношеніе находятся въ зависимости отъ степени распространенности имени во вседневномъ быту. Но въ началѣ словъ вообще гораздо употребительнѣе слогъ *ла: латынь*, *латунь*, *лама*, *лампа*, *лакъ*, *ландшафтъ*, *лакрица*, *Лаго-Маджоре*; напротивъ, слогъ *лу* вм. *лю* въ заимствованныхъ словахъ довольно рѣдокъ. Что же касается до буквы о послѣ л, то она почти никогда не передѣлывается въ ё, и л передъ нею произносится твердо, напр. *логаріѳмъ*, *лозунгъ*, *лотерея*, *ломбардъ*, *локомотивъ*, *флотъ*. Рѣдкій случай представляетъ слово *флёръ* (flor).

Такъ же точно и буква l сама по себѣ въ концѣ слога или слова переходитъ къ намъ двояко, — съ звукомъ то дебелымъ, то тонкимъ: *Карлъ*, *перлъ*, *каналъ*, *балъ*, *стулъ*, *палтусъ*, *малбертъ* (malbret), *галстухъ*, *кристаллъ*, *металлъ* и — *вальсъ*, *Вольтеръ*, *Вальтеръ*, *Даль*, *хрусталь*, *Бельведеръ*, *шаль*, *дуэль*. Французское l mouillé обыкновенно переходитъ въ *ль*, напр. *эмаль*, *портфель*, точно такъ же какъ окончаніе *ґне* въ *нь: Шампань*, *Колонь*, *Монтань*, *герцогъ де Линь* и проч.

Изъ словъ, взятыхъ съ италіянскаго, у насъ невѣрно произносятъ и пишутъ *крешчендо* вм. *крешендо* (sc передъ мягкою гласной выговаривается какъ ш). На этомъ же основаніи названіе города Brescia должно быть произносимо *Брешія*, а не *Бресчія*.

Много еще можно было бы сказать о правописаніи чужихъ словъ, но чтобы не слишкомъ вдаваться въ частности, остановимся здѣсь и кончимъ выраженіемъ желанія, чтобы заимствованіе у насъ иноземныхъ словъ не выходило изъ границъ той умѣренности, какую разумѣлъ Гриммъ, говоря о словахъ этой категоріи. Особенно важно при этомъ одно условіе: чтобы, по крайней мѣрѣ, заимствуемое слово имѣло для всѣхъ ясный и опредѣ-

ленный смыслъ, — не такъ, какъ напр. излюбленное нашимъ современнымъ языкомъ слово *шансы*, котораго большая часть употребляющихъ его не сумѣетъ даже и объяснить удовлетворительно, — слово, которое, за предѣлами Франціи, усыновлено только въ гостепріимной Россіи. Такія пріобрѣтенія не обогащаютъ языка и не служатъ къ чести его.

13. Объ именахъ собственныхъ муж. р. на ЛА и КО.

Къ первому изъ означенныхъ здѣсь двухъ разрядовъ именъ принадлежатъ мужскія крестныя имена, которыя, перешедши къ намъ, при введеніи христіанства, съ окончаніемъ *лъ*, измѣнили его въ народномъ языкѣ на *ла*: *Данила*, *Гаврила*, *Кирила*, *Михайла*. Причина такой передѣлки кроется вѣроятно въ томъ, что у насъ окончаніе *илъ* свойственно по большей части въ глаголахъ прошедшему времени (или, пожалуй, причастію) муж. р., а эта форма никогда не обращается въ сущ. имя. Напротивъ, въ существительное имя часто переходитъ женская и средняя форма этого времени. Женская форма является напр. въ словахъ: *курила*, *кутила*, *запѣвала*, *надоѣдала*. Подводя чужіе звуки подъ свои законы, языкъ, по аналогіи съ подобными словами, и передѣлалъ на свой ладъ чуждыя ему окончанія собств. именъ на *илъ*. Отъ личныхъ глагольныхъ именъ на *ла* отличаются имена сред. рода на *ло*, означающія орудіе: *мыло*, *рыло*, *сушило*, *одѣяло*, *опахало*, *покрывало*. Поэтому-то приведенныя собственныя имена греческаго происхожденія должны на письмѣ получать окончаніе не *ло*, а *ла*, что́ видно и изъ склоненія ихъ въ просторѣчіи: у *Гаврилы*, къ *Кириллѣ*, съ *Михайлой*. Вѣроятно, по примѣру этихъ-то именъ народный языкъ сталъ и другимъ собственнымъ именамъ муж. рода давать окончаніе а; такъ въ просторѣчіи изрѣдка слышатся странныя для образованнаго слуха формы: къ *Александрѣ Ивановичу*, у *Петры Петровича*.

Вообще женскія окончанія мужскихъ именъ очень обыкновенны въ русскомъ языкѣ: такъ окончанію презрительныхъ умень-

шительныхъ именъ для неодушевленныхъ предметовъ *ишко* (*домишко, крестишко, чинишко*) соотвѣтствуетъ для одушевленныхъ *ишка: воришка, мальчишка, плутишка*, которыя и склоняются какъ женскія. То же свойство языка доказываютъ слова: *батька, батюшка*, и уменьшительныя имена собственныя: *Ваня, Ванюшка, Ванька, Саша* и проч. и проч. Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣдко, сѣрко); прочія, какъ *сивка* и *бурка*, перемѣнили его на *ка* («отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки»).

Перейдемъ теперь къ другому разряду разсматриваемыхъ собственныхъ именъ. Это фамильныя имена малороссійскаго происхожденія на *ко*. Такъ какъ окончаніе это въ мужескомъ родѣ почти совершенно чуждо уху великорусса, то онъ до сихъ поръ всѐ еще не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходномъ произношеніи онъ давно обратилъ и это окончаніе въ *ка*, съ которымъ и склоняетъ ихъ какъ имена женской формы: у *Пащенки*, къ *Марченкѣ*, съ *Шевченкой*. Но на письмѣ онъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, охраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ имен. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, по большей части, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ, напр.: *Ивану Ивановичу Кованько*, отъ *г. Крамаренко*. Но избѣжать тутъ склоненія чрезвычайно трудно въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ именемъ нѣтъ никакого опредѣлительнаго слова, и потому многіе пишутъ: отъ *Крамаренки*, съ *Пащенкой*, чрезъ *Безбородку*; какъ-то рука не подымается, вопреки употребительному по всей Великой Россіи говору, написать: отъ *Никитенка*, съ *Пащенкомъ*, чрезъ *Безбородка*.

По настоящему, въ нашемъ великорусскомъ склоненіи именъ на *ко* нѣтъ ничего оскорбительнаго для малорусской національной чести; тѣмъ не менѣе однакожъ нѣкоторые настаиваютъ на охраненіи ихъ первоначальной формы соотвѣтственными во всѣхъ падежахъ окончаніями. Въ 1869 году г. Галаганъ напечаталъ замѣтку въ этомъ смыслѣ[1]), доказывая, что такія имена, будучи русскими,

[1]) *Русск. Арх.*, стр. 1718.

должны по всей Россіи склоняться такъ, какъ склоняются природными Малороссіянами. Онъ жалуется на то, что съ недавняго времени завелся обычай какъ въ книгахъ, такъ и въ офиціальныхъ бумагахъ оставлять такія имена безъ склоненія, какъ будто бы они были иностранныя: даже въ самой Малороссіи, изъ подражанія, говоритъ онъ, стали дѣлать эту грамматическую ошибку. Введеніе такого обычая авторъ приписываетъ малороссійскимъ дамамъ, которыя будто бы, не желая чтобъ ихъ называли, напр., *Коваленковою* или *Коваленчихою*, стали подписываться и печатать на карточкахъ свои фамиліи безъ грамматическихъ измѣненій. Но такое вліяніе со стороны Малороссіянокъ немыслимо: дѣло объясняется гораздо проще чутьемъ великорусскаго говора, который съ чуждыми ему звуками, хотя и не иностранными, издавна обращается по своимъ собственнымъ требованіямъ. Доказательствомъ тому, что онъ поступалъ такъ и прежде, могутъ служить выдержки изъ сочиненій прошлаго столѣтія; такъ авторъ извѣстныхъ записокъ Энгельгардтъ говоритъ: «о одержанной *Костюшкою* побѣдѣ»; — «она (бумага) хранилась у графа *Безбородки*» [1]). Такъ писалъ, по большей части, и Державинъ, напр. «послать на конгрессъ въ Яссы графа *Безбородку*» и нѣсколькими строками ниже: «переписка отъ *Безбородки* къ Зубову» [2]).

Замѣчательно, что съ фамильнымъ окончаніемъ *ко* поступаютъ такъ не только Великорусы, но и нѣкоторые другіе славянскіе народы, по крайней мѣрѣ Чехи, которые говорятъ напр.: u Vrt'átky (отъ Vrt'átko). Такое склоненіе именъ на *ко* внесено у нихъ даже въ грамматику [3]). То же слѣдовало бы сдѣлать и намъ, чтобъ положить конецъ невольно рождающемуся всегда при встрѣчѣ съ такими именами недоумѣнію. Нѣкоторыя малорусскія фамиліи, уже давно поселившіяся въ Великой Россіи, придали своимъ прозваніямъ и въ именительномъ падежѣ

[1]) Записки, стр. 157 и 195.

[2]) Соч. Держ., т. VI, стр. 625.

[3]) См. Грамматику Зикмунда, которая приводитъ слѣдующее склоненіе: «Jan Komedko, gen. Jana Komedky, dat. Janu Komedkovi, acc. Jana Komedku, lok o Janu Komedkovi, inst. Janem Komedkou».

окончаніе *ка* (т. е. на письмѣ; въ произношеніи это дѣлается всегда), напр. *Родзянка*. Удобно было бы распространить такое правописаніе и на всѣ фамильныя имена этого рода. Вся сбивчивость въ склоненіи ихъ происходитъ отъ того, что мы произносимъ *ка*, а пишемъ *ко*.

14. Употребленіе большихъ буквъ.

Было время, когда у насъ всякое иностранное существительное имя отличали на письмѣ большою буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ*, *Литтература*. Такъ же писались, еще долѣе, имена званій, должностей, учрежденій, наукъ, титулы, независимо отъ происхожденія словъ, напр. *Генералъ*, *Профессоръ*, *Предсѣдатель Департаментъ*, *Землеописаніе*. Но вскорѣ послѣ Карамзина старая привычка стала измѣняться. Вотъ что говорилъ Сенковскій въ 1835 году: «Смѣшно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство.... Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только пекутся о красивости изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараетъ печати, какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Поэтому умные литераторы стали писать маленькія буквы, вездѣ кромѣ собственныхъ именъ и двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и проч., и Государь, Императоръ, Король и проч., разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и т. д., а подъ вторыми собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ постороннихъ владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе пи-

сать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ, герцогъ, и т. д.» [1]).

Мы вполнѣ согласны съ Сенковскимъ, что относительно употребленія большихъ буквъ установить совершенно точныя правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется рѣшать такту и здравому смыслу. Оттого въ этомъ отношеніи и господствуетъ у насъ такое разногласіе. Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго. Нельзя сказать, чтобы англійская или, еще болѣе, нѣмецкая печать, изобилующія большими буквами, много теряли отъ этого въ изяществѣ. Гораздо важнѣе кажутся намъ логическія основанія.

Совершенно справедливо признать за общее правило, что съ большой буквы пишутся только слова, служащія *названіями*; но такую роль могутъ играть не одни собственныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, а также и нарицательныя—какъ существительныя, такъ и прилагательныя:

Имена лицъ: *Василій Темный, Петръ Первый.*

» странъ, мѣстностей, урочищъ, городовъ, улицъ, площадей, зданій: *Псковская* губернія, *Бѣлое* море, *Царское Село, Черная Грязь*; *Сѣнная* площадь, *Лубянка, Большая Морская, Каменный* мостъ.

» народовъ и населеній: *Русскіе, Славяне, Нѣмцы; Москвичи.*

» учрежденій: *Государственный* совѣтъ, *Академія наукъ, Харьковскій* университетъ, *Воспитательный Домъ.*

» дней и эпохъ: *Свѣтлое* воскресенье, *Великій* постъ; *Реформація, Пугачевщина.*

---

[1]) Собраніе соч. Сенковскаго, т. IX, стр. 366.

Имена книгъ и рукописей: *Капитанская дочка*, *Московскій Вѣстникъ*, *Изборникъ*.

Относительно названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти слова писать съ большой буквы, или только главное изъ нихъ?

Держась принятаго принципа не расточать большихъ буквъ, слѣдуетъ начинать такою буквою только первое слово подобныхъ названій, напр. *Государственный* совѣтъ, *Академія наукъ*, *Преображенскій* полкъ, *Тульская* губернія, *Министерство внутреннихъ дѣлъ*, *Зимній* дворецъ, *Сѣнная* площадь, *Каменный* мостъ, *Страстная* недѣля. Но когда названіе состоитъ изъ двухъ именъ, которыя оба употреблены какъ собственныя, то и второе должно писаться съ большой буквы, напр. *Царское Село*, *Воспитательный Домъ*, *Черная Грязь* (селеніе). Здѣсь слова *село*, *домъ*, *грязь* употреблены какъ собственныя имена.

Названія народовъ пишутся многими всегда съ малой буквы, конечно на томъ основаніи, что признаются нарицательными именами, означающими признакъ происхожденія, подобно другимъ родовымъ именамъ, показывающимъ общность принадлежащаго имъ признака, напр. — магометанинъ, матросъ, ремесленникъ. Но это не вполнѣ справедливо. Если названіе страны, мѣстности, города, деревни считается собств. именемъ, то какъ не признавать такимъ же и имя народа или жителей, по крайней мѣрѣ когда мы разумѣемъ населеніе во всей его совокупности, напр. въ предложеніяхъ: *Французы* воевали съ *Нѣмцами*; *Шведы* и *Норвежцы* населяютъ Скандинавскій полуостровъ. Иное дѣло, когда названіе націи служитъ только опредѣленіемъ другого имени или прилагается къ отдѣльнымъ лицамъ, напр.: *англичанинъ* Диккенсъ; Вальтеръ-Скоттъ былъ родамъ *шотландецъ*; я встрѣтилъ двухъ *голландцевъ*. Конечно, могутъ возразить, что такое различіе произведетъ сбивчивость въ правописаніи названій народовъ или населеній. Хотя это опасеніе, по нашему мнѣнію, и напрасно, потому что предлагаемое различіе всякому, даже и ребенку, понятно, однакожъ, если ужъ избирать одно постоянное правопи-

саніе для народныхъ названій, то слѣдуетъ предпочесть большую букву. Писать: «*русскіе*, *поляки*, *чехи*, *сербы* и проч. составляютъ славянское племя», по нашему мнѣнію, еще страннѣе, чѣмъ напр.: «Вукъ Караджичъ былъ *Сербъ*», или: «сюда пріѣхали трое *Русскихъ*».

Христіянскія, какъ и миѳологическія названія пѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, могутъ считаться нарицательными именами, какъ то: *ангелы*, *серафимы*; — *альфы*; *русалки*; *граціи*, *музы*, *нимфы*.

Прилагательныя имена, произведенныя отъ существительныхъ собственныхъ, должны писаться съ большой буквы тогда только, когда они сами служатъ собственными, т. е. названіями предметовъ, напр.: *Невскій* проспектъ, *Московская* губернія. Когда же такія прилагательныя имѣютъ значеніе относительныхъ, то теряютъ право на большую букву, напр. *невская* вода, *московскій* калачъ, *тульскій* самоваръ, *калужскій* житель, *рейнское* вино. Въ реченіяхъ *русскій* языкъ, *французская* литература прилагательныя принимаются также, хотя можетъ быть и не совсѣмъ правильно, за относительныя, а не за собственныя. Названія винъ пишутъ съ малой буквы, для отличія отъ именъ самыхъ мѣстъ, по которымъ они называются: *хересъ*, *мадера*, *малага*; такъ же пишутъ: *шампанское*, *портвейнъ* и проч.

Въ прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ личныхъ лучше всегда сохранять большую букву: *Гомерова* Иліада, *Екатерининъ* вѣкъ, *Петровскіе* полководцы, *Суворовская* тактика, *Смирдинское* изданіе, *Шекспировскія* вѣдьмы.

15. О слитномъ письмѣ составныхъ реченій.

Одинъ изъ вопросовъ, производящихъ наиболѣе пестроты и путаницы въ нашемъ правописаніи, состоитъ въ томъ, когда писать слитно и когда врознь такія два или иногда и три слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ цѣльная часть рѣчи, т. е. какъ нарѣчіе, пред-

логъ или союзъ, напр. многіе пишутъ слитно слова: *впослѣдствіи, встарину; вслѣдствіе, взамѣнъ; зато, оттого.*

Вопросъ этотъ особенно важенъ по своему значенію для лексикографіи, ибо слова, слитно пишущіяся, должны занимать отдѣльныя мѣста въ словарѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишнихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двусмыслію, напр. начертаніе *наряду* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ*. Да притомъ не видно и цѣли въ неумѣренномъ употребленіи такого письма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писать слитно многія слова въ подобныхъ случаяхъ совершенно законно и правильно: мы видимъ это обыкновеніе во всѣхъ языкахъ; но съ другой стороны чрезвычайно легко переступить въ немъ должныя границы. Въ нашей орѳографіи давно уже замѣчается такая наклонность, и потому небесполезно будетъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда явленій.

Начну съ мнѣнія, которое выразилъ по этому предмету Ломоносовъ. «Нѣкоторые», говоритъ онъ въ § 125 своей Грамматики, «неправильно соединяютъ предлоги раздѣльные съ именами, которыя съ ними знаменованіемъ походятъ на нарѣчія: *Ввечеру, книзу*, вмѣсто *въ вечеру, на низу*: ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительныя, съ предлогами сочиненныя въ пристойныхъ падежахъ и въ надлежащемъ знаменованіи. Дѣйствительно претворяются имена съ предлогами въ нарѣчія, и съ ними слитно поставлены быть должны, 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежемъ, напримѣръ: *Вдругъ*, ибо никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не сочиняется. 2) Когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напр. *вмѣстѣ*: ибо здѣсь разумѣется *купно*; и такъ писать должно: *Жить вмѣстѣ съ братомъ. Жить въ мѣстѣ многолюдномъ.* 3) Ежели пред-

логъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *Вдоль, вкось*».

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ломоносова мы прежде всего должны отмѣтить одну невѣрность: въ составѣ нарѣчія *вдругъ* онъ видитъ им. падежъ сущ. *другъ*, и на этомъ ложномъ основаніи строитъ правило, которое конечно не можетъ имѣть силы. Кромѣ того мы видимъ, что нѣкоторыя сліянія, которыхъ не допускалъ Ломоносовъ, послѣ него давно уже вошли во всеобщее употребленіе; нынче всѣ, или почти всѣ пишутъ: *ввечеру, внизу*, Конечно, предлагаемыя имъ два послѣднія правила еще и теперь оказываются справедливыми; но сверхъ того есть еще и много другихъ случаевъ, когда вошло въ обычай слитно писать слова, образующія вмѣстѣ какъ бы одну часть рѣчи. Опредѣлить такіе случаи точными правилами невозможно. Главнымъ тутъ руководителемъ долженъ служить установившійся обычай, и чѣмъ онъ давнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ права на то, чтобъ съ нимъ сообразовались. Нѣтъ надобности беспрестанно распространять количество такихъ словъ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознаніемъ; когда же встрѣчается сомнѣніе, писать ли ихъ слитно, или врозь, то лучше избирать послѣднее.

Слитно пишутся предлогъ и существительное большею частью тогда, когда оба слова теряютъ свое индивидуальное, самостоятельное значеніе и образуютъ вмѣстѣ одно понятіе или, въ грамматическомъ смыслѣ, нарѣчіе, напр.: *вверхъ, внизъ, вверху, внизу, вмѣстѣ, вокругъ, впередъ, врозь, вслѣдъ, втайнѣ, вдали, впослѣдствіи*[1]).—*Кстати, издали.*—*Сначала, сверху, снизу, слишкомъ.*—

---

[1]) На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствіи времени* Употреблять абсолютно въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе придается слову только въ соединеніи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ позволительнымъ видѣть тутъ нераздѣльное нарѣчіе.

Наверхъ, наверху, навпьки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, напримѣръ.

Характеръ такого соединенія виденъ изъ противоположныхъ случаевъ, когда имя сохраняетъ свое индивидуальное значеніе, будетъ ли къ нему (имени) присоединено опредѣленіе, или нѣтъ; или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой статьи, съ начала года, на конецъ* (напр. указать). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣстѣ многолюдномъ.*

Отъ словъ, слитыхъ въ одно нарѣчіе, надобно отличать такія слова, которыя составляютъ только метафору и потому должны писаться врознь, напр.: *въ гору, съ плеча.*

Мы здѣсь покуда говоримъ только о нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ предлога и имени существительнаго, и утверждаемъ, что не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованіе подобныхъ нарѣчій, что напр. должно писать отдѣльно слова: *въ добавокъ, въ заключеніе, въ старину, за границу, за границей, съ размаху, съ разу, со временемъ, въ волю, въ пору* и мн. др. Но еще осмотрительнѣе надобно быть въ составленіи такимъ образомъ новыхъ предлоговъ, ограничиваясь тѣми, которые издавна утверждены уже обычаемъ, напр. *вокругъ, вмѣсто, сверхъ.* Мы совершенно согласны съ г. Новаковскимъ, когда онъ спрашиваетъ: есть ли надобность въ искуственномъ образованіи такихъ предлоговъ, какъ напр. *вслѣдствіе, втеченіе, впродолженіе, взимѣнь?* и рѣшительно предпочитаемъ раздѣльное изображеніе этихъ словъ.

Нѣкоторые пишутъ: *въ теченіи, въ продолженіи*, но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежомъ съ помощію предлога *въ*, напр. *въ жизнь* не видѣлъ, *въ свой вѣкъ* испыталъ, сдѣлалъ *въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ*; случилось *въ царствованіе...*; *въ мою болѣзнь, въ ея пребываніе, въ вашъ пріѣздъ, въ твою бытность, въ отечественную войну.* То же видно изъ присоединенія опредѣлительныхъ словъ къ двумъ разсматривае-

мымъ выраженіямъ; мы говоримъ: *во все продолженіе*, какъ и *во все царствованіе*, а никакъ не — *во всемъ продолженіи*.

Правило Ломоносова писать предлогъ слитно съ именемъ, которое въ другихъ случаяхъ неупотребительно, едва ли и теперь можетъ встрѣтить противорѣчіе. Вотъ примѣры изъ нынѣшняго языка:

Вдоль, вдоволь, взаймы, взапуски, внутрь, внутри, вплавь, впредь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врозь, впроголодь, вопреки, взаперти, вблизи, впотмахъ, впопыхахъ, второпяхъ

Набекрень, навыворотъ, навзрыдъ, навзничь, навзрячь, назади, наземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки — икъ, наружу, снаружи, наяву; оземь, изстари, искони, поодаль, позади, поодиночкѣ, понутру, сзади, спереди, сплошь.

Подобныя сочетанія естественно изображать слитно, потому что нельзя принимать за отдѣльныя слова и заносить особо въ словарь такія существительныя, которыя сами по себѣ въ языкѣ неизвѣстны.

Кромѣ существительныхъ, съ предлогами соединяются еще въ одно понятіе прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и самыя нарѣчія. Разсмотримъ и тутъ каждый случай отдѣльно.

Прилагательное можетъ являться при этомъ въ четырехъ различныхъ формахъ:

1) Прилагательное полное средняго рода.

Такъ какъ подобное прилагательное можетъ и само по себѣ, безъ предлога, быть употребляемо какъ существительное, напр. кто *старое* вспомянетъ; то нѣтъ причины писать его слитно съ предлогами, напр. *по старому*, *по прежнему*, *по видимому*, *по дорожному*, *по приказному*, *по трактирному*, *по книжному*, *по домашнему*, *по праздничному*, *по будничному*. Другое дѣло, когда при такомъ соединеніи настоящее значеніе прилагательнаго какъ будто забывается, напр. *впрочемъ*.

Сюда же относятся и мѣстоименія притяжательныя, имѣющія форму прилагательныхъ: *по мо́ему*, *по вашему*, которыя также нѣтъ надобности писать слитно съ предлогомъ.

2) Прилагательное краткое средняго рода.

Такое прилаг., когда оно не играетъ роли сказуемаго, только и употребляется для образованія съ предлогами нарѣчій, которыя потому пишутся нераздѣльно: *вдалекъ, вообще, вполнѣ, вскорѣ, вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернѣ; вправо*[1]), *влѣво; докрасна, досыта*; *навѣрно, надолго, налѣво, направо, набѣло, начерно; налегкѣ, навеселѣ, наготовѣ*; *заново, запросто*; *слегка, слѣва, справа, смолоду, снова, сполна, сгоряча, свысока, изрѣдка, издалека, изсиня.* Сюда же можно отнести нарѣчіе *свыше.*

3) Прилагательное полное женскаго рода.

По неупотребительности прилагательныхъ въ этой формѣ отдѣльно, безъ существительнаго и безъ предлога, они пишутся слитно съ послѣднимъ: *вразсыпную, вкрутую, всплошную*; *зачастую, напропалую.*

4) Прилагательное полное множ. числа.

Подъ эту категорію подходятъ только числительныя порядковыя имена, которыя въ соединеніи съ предлогомъ *въ* образуютъ нераздѣльное нарѣчіе: *впервые*; *вопервыхъ, вовторыхъ* и т. д. Впрочемъ многіе предпочитаютъ начертаніе: *во-первыхъ, во-вторыхъ*, какъ болѣе наглядно выставляющее цифру, которая служитъ къ обозначенію порядка.

Другія числительныя могутъ также служить къ составленію нарѣчій: *вдвое, вдвоемъ, вчетверомъ*; *заодно*; *вдвойнѣ, подвое.*

Мѣстоименія съ предлогами образуютъ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *потому, посему, поэтому, почему*; *потомъ*; *притомъ, причемъ*; *дотого, зато, затѣмъ, зачѣмъ, начто, оттого.*

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ становиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, дойти *до того, платить за то*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того.* Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не должны писаться слитно, какъ это въ послѣднее время иногда стало встрѣчаться въ печати.

[1]) *Въ правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно

Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда*, *дотуда*, *доколѣ*, *доселѣ*, *дотолѣ*, *донынѣ*, *понынѣ*, *покуда*; *насколько*, *настолько*, *поскольку*, *поелику*, *покелику*.

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно*, *поочередно*, *дословно*, *поголовно*, *повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, правильно отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески*, *по-молодецки*, *по-стариковски*, *по-дѣтски*, *по-свойски*, *по-каковски*; *по-русски*; *по-французски*. Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Есть и предлогъ, соединяющійся съ другимъ предлогомъ въ нарѣчіе: *напротивъ*.

Для образованія составныхъ нарѣчій соединяются еще:

1) Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *двѣсти*, *триста*, *пятьсотъ*. Нѣтъ причины и въ косвенныхъ падежахъ не писать слитно: *двухсотъ*, *тремстамъ*. Слово *полъ* (половина) предъ другимъ существительнымъ слѣдуетъ отдѣлять отъ него черточкою: *полъ-груза*, *полъ-оборота*, *полъ-листа*: если бъ написать *полиста*, то пришлось бы читать *польиста*, такъ какъ при встрѣчѣ двухъ л, изъ которыхъ второе тонкое, первое всегда уподобляется ему (*мильіонъ*, *коллегія*). Что *полъ* не соединяется тутъ въ одно слово съ существительнымъ, видно изъ косвенныхъ падежей: въ реченіяхъ *полу́-листа́*, *полу́-пути́* по два ударенія, чего не могло бы быть въ одномъ словѣ, ибо извѣстенъ коренной законъ русской просодіи, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ можетъ быть только одно удареніе.

2) Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ*, *сегодня*, *тотчасъ*.

3) Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ: *тоже* (нарѣч.), *однакоже*, *ужели*, *также* (но раздѣльно: *такъ же*, *какъ*).

Въ другихъ случаяхъ частица *же*, *жъ* пишется отдѣльно: *кого же*, *что жъ*, *тотъ же*, *та же*, *то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы *ли*, *ль*, *бы*, *бъ*; *та ли*, *если бы*, *если бъ*, *ежели бы*, за исключеніемъ словъ *ужели*, *чтобы* (союзъ). Но когда *что* остается мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы*: *что бы* предпринять? Соединеніе частицъ *либо*, *нибудь*, *таки* съ предыдущимъ словомъ означается черточкою: *кто-либо*, *что-нибудь*, *все-таки*. Составной союзъ *итакъ* пишется слитно.

4) Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски*, *давнымъ-давно*, *ранымъ-рано*, *просто-напросто*.

Такимъ же образомъ обозначается соотношеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова*, *сыздѣтства*, *снаружи*, *наизусть*, *наискось*, *насупротивъ*, *наврядъ*, *вполсыта*, *вполпути*, *сполагоря*, *исподволь*. Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю разсмотрѣть, когда частица *не* должна писаться отдѣльно и когда слитно.

Отрицаніе *не* пишется у насъ, по большей части, безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что въ слѣдствіе того каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій*, *недавній*, *нестрашный*, *невѣрный*, *невольный*. Однакожъ тутъ возможенъ и другой случай. Если отрицается не самое прилагательное, а подразумѣваемый въ сказуемомъ гла-

голъ, то частица *не* должна писаться раздѣльно, напр. въ предложеніи: «это обстоятельство мнѣ *не* извѣстно», т. е. не есть извѣстно[1]).

Есть разница между выраженіями: случай *не обыкновенный* и случай *необыкновенный*, зависящая отъ того, отрицается ли только положительное качество, или придается качество отрицательное. Сходно съ этимъ и нарѣчія могутъ писаться то слитно, то раздѣльно съ частицею *не*. Напр.: это *не* хорошо (т. е. не есть хорошо) слабѣе нежели: это *нехорошо* (есть нехорошо). Онъ *немного* (т. е. немножко) работаетъ — не одно и то же, что: онъ *не много* работаетъ.

Присоединеніе къ отрицательному прилагательному дополнительнаго отрицанія требуетъ отдѣленія частицы *не*. Напр. *недовольный* пишется слитно; но если присоединить *никакими ласками*, то должно написать: *не довольный*. Такимъ же образомъ слѣдуетъ писать: *никому не опасный* и т. п. Отрицаніе, вошедши въ составъ слова, не можетъ требовать въ дополненіе себѣ другаго отрицанія.

Когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ: они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно.

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не знать*, *не хожу*, *не видать*. Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человѣкъ, *не любящій* ссоръ; ничего *не видящій*, *не любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отри

---

[1]) Эту разницу нагляднѣе представляютъ тѣ языки, гдѣ слитное отрицаніе получаетъ особенную форму, напр. въ нѣм. un, miss, во франц. in, dé, dés. Такъ, очень легко понять различіе между фразами il m'est désagréable и — il ne m'est pas agréable.

цается, то *не* пишется слитно: человѣкъ *нелюбящій*, *нелюбимый*, *независимый*, *несвѣдущій*, *неумолимый*.

Съ глаголомъ отрицаніе *не* можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея не употребителенъ: *ненавидѣть*, *негодовать*, *нельзя* [1]).

Реченія *не смотря*, *не взирая* часто пишутся слитно, но несправедливо, потому что входящіе въ составъ ихъ глаголы сохраняютъ свое отличительное свойство и требуютъ дополненія, которое можетъ стоять и въ отрицательной формѣ: *не смотря ни* на какія препятствія.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *ненависть*, *негодованіе*, *невѣрность*, *непокорность*, *невѣжда*, *неряха*, *нетель*, *недругъ*, *несчастіе*, *немилость*; случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ, кажется, особаго поясненія.

Въ реченіи *не что иное* (= не иное что) невѣрно пишутъ *ничто*. При этомъ послѣднемъ словѣ отрицаніе должно бы повториться передъ глаголомъ, и слѣдовало бы писать, напр.: это *не* было *ничто* иное, вм. это было *не что* иное.

16. О надстрочныхъ и строчныхъ знакахъ.

Этого предмета считаю достаточнымъ коснуться только слегка.

Знаки ударенія въ наше время употребляются рѣдко, и мы безъ нихъ очень хорошо обходимся. Впрочемъ намъ совершенно достаточно одного знака (остраго ´), такъ какъ наше удареніе всегда одинаково, и вовсе не нужно, какъ обыкновенно дѣлается, ставить въ концѣ слова на гласной другое (тяжкое `) удареніе. Къ соединительнымъ черточкамъ также не для чего прибѣгать безъ особенной надобности, сознаніе которой предоставляется усмо-

---

[1]) Собственно говоря, *нельзя* конечно не глаголъ, но представляетъ эту часть рѣчи въ слѣдствіе опущенія глагола *есть* То же можно сказать о словахъ: *не должно*, *не видно* и т д

трѣнію каждаго [1]). Гораздо важнѣе знаки препинанія. Извѣстно, что до послѣдняго времени у насъ въ употребленіи запятыхъ всѣми принята была система, основанная на теоріи разграниченія придаточныхъ предложеній. Недавно нѣкоторые стали отступать отъ старой въ этомъ отношеніи привычки и почти вовсе не отдѣлять знаками дополнительныхъ, опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ предложеній. Примѣръ тому поданъ былъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, вообще отличающейся сознательною правильностью языка и разумнымъ правописаніемъ. Надобно согласиться, что такое сокращеніе знаковъ препинанія, очень удобное въ типографскомъ отношеніи, особенно для ежедневной газеты, оправдывается и логическими основаніями, почему оно давно уже введено въ бо́льшей части европейскихъ языковъ, по примѣру Французовъ и Англичанъ (у Нѣмцевъ оно до сихъ поръ не сдѣлалось общимъ). Но что касается русскаго письма, то къ нему эта система пунктуаціи не совсѣмъ примѣнима, потому что наша конструкція допускаетъ большую свободу въ размѣщеніи словъ, тогда какъ французская и англійская придерживаются прямого словорасположенія. Такимъ образомъ, у насъ отдѣленіе запятыми придаточныхъ предложеній много способствуетъ къ ясности смысла. Къ тому же, и съ педагогической точки зрѣнія, старая наша пунктуація имѣетъ большое преимущество, облегчая въ значительной степени ученіе о предложеніяхъ, тогда какъ новая отнимаетъ у преподавателя одно изъ важнѣйшихъ пособій къ уясненію состава періодической рѣчи.

Съ другой стороны однакожъ и излишество запятыхъ затрудняетъ чтеніе, и потому по крайней мѣрѣ въ составѣ придаточнаго предложенія не слѣдуетъ означать на письмѣ всѣхъ тонкихъ разграниченій его.

Къ числу строчныхъ знаковъ принадлежатъ кавычки или вносные знаки. Употребительный у насъ знакъ « » недостаточенъ

---

[1]) Особенное значеніе такимъ черточкамъ придавалъ Тредіаковскій см. Пекарскаго *Ист. Ак. Наукъ*, II, 177

въ тѣхъ случаяхъ, когда въ цитату вставляются еще слова, которыя требуютъ подобнаго же знака. Поэтому хорошо было бы ввести у насъ въ употребленіе, кромѣ двойной кавычки, еще и одинакую, принятую въ англійской печати (‘).

17. Замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ.

Вядчина. Русскій, употребляя это слово, не сознаетъ его корня и пишетъ по произношенію *ветчина*. Но присутствіе тутъ корня *вяд* доказывается соотвѣтствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ wędzić, который именно значитъ «коптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и существительныя: wędzina, копченое мясо; wędziarz, коптильщикъ; wędziarnia, коптильня. Другой корень więd, еще болѣе соотвѣтствующій нашему *вяд*, далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: więdle mięso, więdzyna (вяленое, копченое мясо). Послѣднее изъ этихъ словъ наводитъ даже на мысль, не есть ли наше *вядчина*, такъ сходное съ нимъ, просто заимствованное съ польскаго: во 1-хъ, наше *вядчина* стоитъ въ русскомъ языкѣ совершенно одиноко, какъ бываетъ обыкновенно съ пришлыми словами; 2) у него удареніе необыкновенное (ср. дичи́на, солони́на [1]); 3) откуда въ немъ явилось ч послѣ д? органически оно не могло произойти; эти двѣ буквы тутъ только играютъ роль польскаго звука dz, который, какъ совершенно чуждый русскому слуху, замѣненъ другимъ. Притомъ, и многіе предметы колбаснаго производства носятъ у насъ чужія названія; самое слово *колбаса* скорѣе западно-, нежели восточно-славянское.

Вообще, у насъ еще остается довольно словъ польскаго происхожденія, которыя, по замѣчанію Ломоносова, «пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ Поляками» [2]). Эти слова должны быть еще отысканы и указаны.

---

[1]) Одно только слово *свѣжина*, изъ означающихъ мясо, носитъ также удареніе на послѣднемъ слогѣ; однакожъ говорятъ и *свѣжи́на*.

[2]) Акад. ркп. Лом. № 112, стр. 12.

Дальній (не дальный, какъ въ старину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *ній*, которыя всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ. Утренній, вечерній, ранній, поздній; зимній, весенній (вешній), лѣтній, осенній; нынѣшній, теперешній, прежній, прошлогодній; давній, древній, всегдашній, завтрашній; передній, средній, крайній, задній, послѣдній; тамошній, здѣшній, верхній, нижній; горній, исподній, сосѣдній, ближній, домашній; лишній. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искрь* (близъ). Въ старину неправильно писали: *искренный*. Эта неправильность до сихъ поръ остается въ нарѣчіи: *искренно*. Несогласно съ образованіемъ подобныхъ прилагательныхъ оканчивается также слово *малолѣтный* въ слѣдствіе двоякой формы ц.-сл. прилагательнаго отъ сущ. *лѣто*: *лѣтній* и *лѣтный*. Во всѣхъ другихъ сложеніяхъ употребительна первая форма.

Въ словѣ *синій* буква н принадлежитъ къ корню.

Итти. Правильна одна только древняя форма *ити*, гдѣ корнемъ служитъ первый слогъ и (ср. лат. itum, ire). Удвоеніе т въ новомъ языкѣ — не болѣе какъ уступка фонетическому требованію; нѣтъ основанія переносить въ неопредѣленное наклоненіе корень наст. изъяв. *ид*, котораго послѣдняя буква д непремѣнно обратилась бы въ с передъ *ти* (ср. поль. iść). Въ соединеніи глагола съ предлогами слухъ не требуетъ этого удвоенія, и тогда остается въ силѣ древняя форма: *войти*, *выйти*, *дойти зайти*, *найти*, *перейти*, *подойти*, *прійти*, *пройти*, *сойти*, *уйти*, *разойтись*. Только при предлогахъ *вы* и *при* перешла въ образованный языкъ и другая форма, допускающая удвоеніе т съ пропускомъ коренной и: *вытти*, *притти*.

Начертанія *войдти*, *зайдти*, *перейдти*, *пройдти* и т. п. совершенно противны законамъ русской фонетики, что особенно ощутительно при переносахъ: писать *войд-ти*, *перейд-ти* такъ же несообразно съ ея законами, какъ и *вой-дти*, *перей-дти* и проч. Звукъ й въ замкнутомъ слогѣ, какъ въ словахъ *войнъ*, *стойлъ* принадлежитъ къ числу рѣдкихъ исключеній.

Корокатица (sepia) отъ *корокъ* (кракъ), нога, чрезъ возможное

прилаг. корокатый — многоногій: это насѣкомое принадлежитъ къ породѣ такъ называемыхъ главоногихъ моллюсковъ (cephalopoda). Того же происхожденія слова: *корячить*, *окорокъ*. Болг. крака, нога; серб. крак, длинная нога.

Пенять, отъ *пеня* (poena).

Полоумный. Первая часть этого слова заимствована отъ прилаг. *полый*—пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *пологрудый*. Отъ прилаг. *полый* происходятъ сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *полынья*, также *половодье*. Многіе по недоразумѣнію пишутъ *полуумный*.

Поперекъ отъ корня *прек*, и потому прежняя орѳографія *поперегъ* уже рѣдко встрѣчается.

Потчевать. Павскій, первый, далъ это начертаніе глаголу, который прежде писали то *подчивать*, то *потчивать*, и объяснилъ, что правильная его форма была бы *почтевать* (предложный глаголъ), но она испорчена перестановкою буквъ. И. И. Срезневскій, на основаніи множества сравненій изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, признаетъ въ этомъ словѣ тотъ же корень, однакожъ пишетъ *потчивать* и сближаетъ вторую часть глагола съ прилагательнымъ *чтивый* [1]). Находя указаніе обоихъ филологовъ на корень чт въ глаголѣ *потчевать* несомнѣнно вѣрнымъ, я позволю себѣ только обратить вниманіе на странныя аномаліи, представляемыя этимъ глаголомъ: 1) При господствующей орѳографіи *потчивать* для неопредѣленнаго наклоненія, настоящее время имѣетъ однакожъ форму *потчую* [2]); 2) этотъ предложный глаголъ, заключая въ себѣ значеніе несовершеннаго вида, заставляетъ предполагать другую форму вида совершеннаго, но ея нѣтъ; 3) удареніе въ неопредѣленномъ наклоненіи падаетъ на предлогъ, чего никогда не бываетъ (если исключить предлогъ *вы* при совершенномъ видѣ).

[1]) *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.* т. VII, вып. 3.

[2]) *Въ Словарѣ Росс. Академіи* (изд. 1) показана двоякая форма настоящ. вр: «*подчиваю*, сокращенно же *потчую*». Гречъ и за нимъ Рейфъ были того же мнѣнія; на самомъ же дѣлѣ употребительна лишь послѣдняя форма, которая одна только и означена во 2-мъ изданіи словаря *Росс. ак.*, также въ словарѣ Отд. русск. яз. и сл. и въ *Толк. Слов.* Даля.

Наконецъ 4) и самое главное: это — глаголъ предложный, а между тѣмъ, для приведенія его въ совершенный видъ, къ нему присоединяются еще предлоги: *попотчевать*, *запотчевать*, *отпотчевать*, *употчевать*, — опять явленіе небывалое.

Такія неправильности можно, кажется, объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ народнаго сознанія относительно состава и натуры глагола, а это могло произойти единственно съ *заимствованнымъ* словомъ. По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, народъ и Великой и Малой Россіи, во многихъ краяхъ, вмѣсто *потчевать* употребляетъ другой глаголъ *почтовать* = *пощтовать*, и существительное *почтованье*=*пощтованье*. Что жъ это значитъ? Извѣстно, что глаголы съ окончаніемъ *овать* или *евать* всего чаще составляются изъ существительныхъ, и между прочимъ изъ иностранныхъ (проба—пробовать, танецъ—танцовать и проч.). Въ польскомъ языкѣ есть сущ. poczta[1]) (произн. по́чта) съ значеніемъ: почитаніе, почетный даръ, гостинецъ (Linde: Verehrung, ein Ehrengeschenk). Удивительно ли, что изъ этого слова, въ эпоху перехода къ намъ полонизмовъ, образовался русскій глаголъ *по́чтовать* (чествовать, угощать), который, по свойству языка, могъ подвергнуться въ устахъ народа двоякому измѣненію, именно: превращенію ч въ щ (*што* вм. *что*) или перестановкѣ ч и т. Случилось, смотря по различію мѣстностей, и то и другое; но *по́тчовать* должно было, по народной фонетикѣ, непремѣнно обратиться въ *потчевать* (такъ какъ ей противно о безъ ударенія послѣ шипящихъ[2]). А при этой формѣ правильно должно было выработаться настоящее время *по́тчую*. Такимъ образомъ трудность въ объясненіи этого на первый взглядъ страннаго глагола исчезнетъ, какъ скоро мы перестанемъ видѣть въ немъ чисто-русскій глаголъ и признаемъ чуждое его происхожденіе.

Самоё. Вин. пад. жен. р. мѣстоименія *сама:* оё—мѣстоименное окончаніе, котораго правильность доказывается формою её въ винит. падежѣ мѣстоим. *она*. Напротивъ, форма *саму́*, нерѣдко

[1]) Ср сущ. uczta, пиръ, угощеніе, и глаголъ uczłować, пировать, угощать.

[2]) По той же причинѣ Русскіе, вм. *шоколадъ*, произносятъ и пишутъ *шекладъ*.

встрѣчаемая въ печати, совершенно несогласна съ живымъ языкомъ и ничѣмъ не оправдывается.

Сегодняшній (не сегоднешній и не сегоднишній), потому что прилаг. образовано не отъ существ. *день*, а прямо отъ нарѣчія *сегодня*, какъ *вчерашній* отъ *вчера*, *завтрашній* отъ *завтра*.

Спесь, *спесивый* (а не спѣсь, спѣсивый), согласно съ Рейфомъ и Миклошичемъ, который ссылается на Поликарпова.

Творогъ. См. выше стр. 438. Нелѣпо сближаютъ съ этимъ словомъ имя *ватрушка*, которое гораздо вѣрнѣе, по Рейфу, пріурочивается къ новогреч. βουτυρικὸν, отъ βούτυρον, масло.

Тма, безъ ь (хотя по ц.-сл. тьма), потому что мы пишемъ *затмить*, *затмьніе*, а не *затьмить*, *затьмьніе*.

Тороватый отъ корня тр, въ родствѣ съ глаголами *тереть* и *торить* (а не *терять*, какъ думалъ Рейфъ). Ср. народное *тборово*, нарѣч., щедро.

Четвергъ. Нѣкоторые пишутъ *четверкъ*, предполагая въ концѣ сокращеніе слога *токъ*; но невѣрность этой ороографіи видна изъ произношенія другихъ падежей: *четверга*, *четверги*. Итакъ приведенное правописаніе имѣетъ два неудобства: оно основано на сомнительномъ толкованіи и несогласно съ выговоромъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

По поводу толковъ о правописаніи [1]).

I (къ стр. 527).

Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленіе ея было слѣдствіемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданію новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскій; вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленіемъ отъ преданій кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣко-

[1]) *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 Для избѣжанія повтореній, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

торыя буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впослѣдствіи. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ букны были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, — измѣненій, а можетъ-быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, повторяющіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вмѣсто *сдѣсь*, *гдѣ* вмѣсто *кдѣ*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языки образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности измѣнять коренныя начала нашей орѳографіи. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія орѳографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ *Словарѣ* не рѣшился принять всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію орѳографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень извѣстную *Исторію* съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ напослѣдокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредятъ сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже болѣе полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки нѣкоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели окажется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: ѣ, э, и, ѳ, ъ: которыя же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква ѣ въ нынѣшнемъ великороссійскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ е. Если бъ было иначе, то всякій Русскій по слуху узналъ бы безошибочно, гдѣ должно писаться ѣ. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая утонченная, неуловимая. Если бъ и было такъ, то разница этого рода, при бесчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *пѣли* и *ели*, *пѣсть* и *есть*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какая же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, въ слѣдствіе ея происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Нѣкогда буква ѣ конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мнѣнія различны; но у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ нашей буквѣ ѣ въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соотвѣтствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ ia (biały, wiara,

бѣлый, вѣра[1]), въ чешскомъ долгое î или звукъ ie, а въ малороссійскомъ нарѣчіи нашего русскаго языка — и (напримѣръ вм. *снѣгъ—снигъ*). Такимъ образомъ ѣ составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служитъ отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобозвучныхъ съ буквою е, напримѣръ *вѣд* (*вѣдать*) отъ *вед* (*веду*), *мѣт* (*мѣтить*) отъ *мет* (метать). Такъ же точно ѣ помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснять правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ смысла всей рѣчи. Нельзя однакожъ не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможнаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы ѣ въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются на-

---

[1]) Г. Кеневичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквѣ ѣ соотвѣтствуютъ не ia, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское е переходитъ въ ia (dziarzki, ziarno, wiadro), что наконецъ и польскій звукъ ie не соотвѣтствуетъ русскому ѣ «Изъ преведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и на оборотъ русской буквѣ ѣ соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ». Такимъ образомъ г. Кеневичъ не признаетъ, чтобы ѣ служило постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы ѣ было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непослѣдовательность Совершившееся давно уничтоженіе *юсовъ* даетъ ему новое оружіе противъ ѣ и служитъ поводомъ утверждать, что желающіе сохраненія этой буквы, должны стараться и о возстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ орѳографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде нежели грамматика могла вступиться за нихъ, и что возстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сберечь то, что еще имѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письмѣ слова разныхъ значеній, утверждая, что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразѣ. Однакожъ понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ менѣе ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, если бъ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, еслибъ напр. *san* означало и *сто*, и *чувство*, и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

примѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *полѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Припомню только, что ѣ рѣдко подвергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую [1]), тогда какъ е есть по большей части вставочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ имепъ е служитъ для прямой формы единств. числа (*море*, *здоровье*, *доброе*) именъ ср. рода; ѣ для косвенныхъ падежей един. числа (*водѣ*, *въ морѣ*) и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ (*тѣ*, *всѣ*). Для нашей цѣли достаточно вывода, что ѣ имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣть изгнать ее значитъ посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орѳографіи и вводить систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы ѣ заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописапія встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Первыя побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно бо́льшаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія раціональна.

Буква э (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять

---

[1]) Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы ѣ въ и, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ: *дитя*, *дѣти*; *льпить*, *липнуть*; *тѣснить*, *тискать*, *вѣсить*, *висѣть*, *сѣверъ*, *сиверко*. Такимъ же образомъ ѣ въ родствѣ и съ я (*пѣсть-яство*, *сѣсть-сяду*).

эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть йе), буква э не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдѣльный звукъ, дѣйствительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измѣряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ она слышится. Та же буква э находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха*, *эхо*, *элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадается ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ: это ѳ; ужели же мы за то изгоннмъ ее?

Для звука і мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ обще съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ онъ опять ввелъ и рядомъ съ і, мы не знаемъ положительно; вѣроятно, однакожъ, онъ при этомъ руководствовался мыслію, что такъ какъ звукъ і безпрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати несовсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два і сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ разчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредіаковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ э и з потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же, вопреки Петру Великому, опять исключилъ и, удерживая только й. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно и, да и теперь нельзя не согласиться, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скоропись тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палоч-

ки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней [1]). Да и печать, кажется, выигрываетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное и. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожъ, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать звукъ другою соотвѣтствующею ему буквой въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ и нѣтъ надобности отмѣчать происхожденіе чуждаго намъ слова, Это не то, что буква ѣ, которая важна именно потому что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквой и, напримѣръ въ именахъ: лира, типъ, ритмъ; такъ точно и вмѣсто и можно ввести і даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ риторъ, скипетръ и проч.

Еще менѣе можно стоять за *оиту*, которая служитъ только для передачи греческой ϑ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ*, *математика*, вмѣсто *феатръ*, *мафематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое т отъ втораго настоящаго. За что же фальшивый звукъ ф будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кириллъ* вмѣсто Кѵриллъ; *Федоръ*, *Федотъ* и *Агафья* ничѣмъ не хуже *Кипріана*, *Акиндина* и *Олимпіады*. Греческую υ мы изображаемъ то какъ и (напримѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ в (напримѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую ϑ то какъ т, то какъ ф, по требованію выговора?

---

[1]) Можно бы писать і безъ точки, какъ дѣлали древніе Греки; но въ скорописи такое і слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ похожее начертаніе.

Остается разсмотрѣть букву ъ. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что ъ и ь не буквы, а только знаки, принятые въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли ъ и ь?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать слóва и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно въ древнѣйшихъ крюковыхъ нотахъ, гдѣ ъ и ь въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ опредѣленнаго для насъ звука и очень краткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ серединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ о и е, напримѣръ въ словахъ *плъть* (плоть), *вьртъпъ* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ серединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полка*, *долго* безъ ъ послѣ л, и только умягченіе этой согласной отмѣчаемъ особеннымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *польза*, *только*. Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака послѣ согласной, то она произносится твердо. При сліяніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже ъ выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не радуемъся, *разумъ*, а не разъумъ. Напротивъ ь, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется; напримѣръ въ словахъ: *радоватися*, ты *гордишься*. Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Лѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ

какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напримѣръ, *оттого*, *вслѣдствіе*, *впослѣдствіи*; тотъ же журналъ принялъ орѳографію: *пол-листа*, *генерал-маіоръ* и т. п. Эти нововведенія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати*, *вверху*, *слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невозможнымъ пойти еще далѣе и исключить ъ въ концѣ словъ. Этимъ мы сберегли бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и денегъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письмѣ. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы должно было совсѣмъ исключить ъ изъ азбуки. Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами е, ѣ, я, ю, напримѣръ: *съемка*, *отъѣздъ*, *объятіе*. Вмѣсто пріисканія другого раздѣлительнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который переданъ намъ исторіей и будетъ жить въ тысячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами ъ совершенно излишенъ, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *съумѣть*, *сѣузить*, *отъучить*, когда они же пишутъ: *сумасшедшій* (не съумасшедшій), *обучать* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ ъ встрѣчается съ и, то слѣдуетъ писать просто ы, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ ъ и и. Зачѣмъ же употреблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать*, *обыскъ*: почему же не писать такимъ же образомъ *сыграть*, *безыменный*, *предыдущій?* Встрѣча ъ съ и наводитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ можетъ помѣшать безусловному опущенію *ера* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ?

Не потерпитъ ли правильность произношенія послѣдняго стиха отъ опущенія *ерова* передъ и? Отсутствіе ъ послѣ согласной

позволяетъ сліяніе ея съ послѣдующимъ и въ мягкій звукъ: *готов-и стол-и домъ*. То же можетъ случиться и при отдѣльностоящихъ предлогахъ; напримѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ и, то образуется слогъ, который не есть ни *ви*, ни *си*: *въ иномъ* случаѣ, *съ иломъ*. Итакъ можно ли писать: *в иномъ с иломъ*, или при подобныхъ встрѣчахъ должно удерживать ъ въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію ъ въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ сліянія съ послѣдующимъ.

Съ исключеніемъ *виты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно [1]), было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы г, именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо*, *Господь*, *Богу*, *богатый*. Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи h въ иностранныхъ именахъ, напримѣръ въ Halle, Heine, Hegel. При нынѣшнемъ употребленіи въ такихъ случаяхъ буквы г, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ*, *Хорацій*, *Бетховенъ*, было бы также не совсѣмъ вѣрно, потому что х соотвѣтствуетъ германскому ch, совершенно отличному отъ придыханія h. Тредіаковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько измѣнить очертаніе г. Палласъ, при изданіи «Сравнительныхъ словарей» Екатерины II, ввелъ для той же цѣли г съ подстрочнымъ хвостикомъ (cédille Испанцевъ и Французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать [2]), потому что есть и дру-

[1]) См *Спб Вѣд.* 1862, № 89

[2]) Кажется, дѣло звука h невозвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное г (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совсѣмъ выпалъ (исторія-Иракліъ), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ е (Елена).

гіе чужеязычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримѣръ германское ö или французское eu, особливо въ началѣ словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не соболѣзновать, что такимъ образомъ напримѣръ присваиваемъ жителямъ острова *Эзеля* (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, оселъ), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ Нѣмцы превращаютъ наше ж въ ш (Schukoffski), а Французы щ въ ш или въ ч (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской Дочки*, напечатанныя безъ ъ въ концѣ словъ. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіором в 17** году, с тѣх пор жил он въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина».

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознáемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ ъ въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія безполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое нисколько не затемняетъ смысла и вообще не влечетъ за собою никакихъ неудобствъ? Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ напримѣръ *под владом турском* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замѣчанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы ъ въ концѣ словъ

II (къ стр. 525.)

Изъ статьи: «Орѳографическая распря» [1]).

. . . . . .

Президентъ. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, еслибъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшонымъ, и потому неугодно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвесть *коренное* преобразованіе въ нашей ортографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразованіе въ нашей ортографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ и что̀ подъ второстепеннымъ?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто то. Мнѣ кажется напротивъ, граматика должна установлять выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ, даже въ установленіи правописанія, *должна быть постепенность.* Онъ начинаетъ издалека, рѣчь его тянется, тянется... Присутствующіе переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

Г. С-въ. Ужь если дѣлать въ нашей ортографіи измѣненія,

---

[1]) *Время* 1862, № 3 (т. VIII) Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттѣнокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацію автора статьи, который подписался: К Су—въ.

такъ ужь лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе «полумѣры» употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-ій. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьянскій вопросъ напримѣръ совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята небудетъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. Кчему ломать все? Всего ломать ненужно. Кчему непремѣнно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нъ. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Нынѣче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужь тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразованіе нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописанія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что̀ для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить въ письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мѣрѣ утроить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописанія у насъ останется попрежнему, хоть бы напримѣръ относительно употребленія

буквы ѣ, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой ѣ, пока совсѣмъ не изгонятъ єѕ изъ своего алфавита.

Президентъ установляетъ поднятые вопросы въ такомъ порядкѣ: мы должны опредѣлить 1) что̀ должны разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ нашей ортографіи и что̀ подъ второстепеннымъ; 2) какъ слѣдуетъ смотрѣть на историческую основу нашего правописанія и 3) что́ принять за норму, когда дѣло коснется сближенія нашей ортографіи съ произношеніемъ?

Г. К. Всѣ прежнія реформы нашего правописанія касались однихъ только мелочей и потому не имѣли успѣха; стало-быть и теперь намъ незачѣмъ гоняться за мелочами, и толковать о томъ, какое преобразованіе лучше — коренное или второстепенное, значитъ вступать въ совершенно безполезные споры. Кчему все давнымъ-давно уже пережованое пережовывать снова? По-моему ужь если дѣлать преобразованіе, такъ дѣлать радикальное. Будетъ ли оно всѣми принято, нѣтъ ли — какая намъ нужда толковать объ этомъ? На нашей сторонѣ *истина* — чегожъ еще больше? Ручательство за успѣхъ самое вѣрное.

Г. С-ій. Но чтоже такое мы должны разумѣть подъ именемъ мелочей? Писать напримѣръ *лекарь* черезъ е или черезъ ѣ, *матерьялизмъ* или *матеръялисмъ*.

Г. К. Всего лучше будетъ начать съ крупнаго, а тамъ дойдемъ и до мелочей.

Г. С-ій. Но всѣ главнымъ образомъ существующія разногласія въ нашемъ правописаніи заключаются именно въ мелочахъ: такъ нелучше ли поэтому начать съ мелочей?

Г. К. Позвольте мнѣ отклониться отъ этого вопроса. Я хотѣлъ только заявить собранію, что что̀ бы ни называли кореннымъ преобразованіемъ, во всякомъ случаѣ я объявляю себя въ пользу такого преобразованія.

Г. М-въ. Мы приглашены сюда затѣмъ, чтобы условиться въ установленіи правилъ нашего правописанія и чрезъ то облег-

чить самое преподаваніе этой части граматики. Но кажется намъ нечего бояться, что всякій будетъ писать по-своему...

Г. С-нъ. Съ этимъ нельзя согласиться: установленіе однообразія въ правописаніи намъ необходимо для установленія самаго говора. Но опять если мы будемъ сближать письмо съ говоромъ, мы вдадимся въ крайность; чрезъ это мы просто уничтожимъ всякое правописаніе.

Г. К-ій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ «Упрощеніе русской грамматики». Въ этомъ сочиненіи... вѣроятно кто-нибудь изъ общества читалъ его?

Слышатся смѣшанные голоса: «какже, читали, читали!.. Что это, К—скаго? еще бы!.. всѣ читали!».

Г. К-ій. Въ этомъ сочиненіи я предлагалъ сдѣлать коренное преобразованіе въ нашей граматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки; средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго русскаго шрифта латинскій. Я нахожу, что нашъ алфавитъ неудовлетворителенъ. Возьмемъ напримѣръ такую фразу: «онъ ее еще и гонитъ». Какъ прочтетъ ее тотъ, кто только что еще учится читать? А вотъ какъ: «онъ ээ эщэ и гонитъ». Все это греки. Самаго звука этого (то-есть э) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ій. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы г напримѣръ въ словахъ «господину Головину»? Или напримѣръ *вещь* и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы щ? Да вотъ вамъ, чегожъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее совѣщаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочелъ *умъли* вмѣсто *успѣли*.

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей граматикѣ слово *еще*: кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ій (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей граматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ій, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ій распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ій. А у меня всѣ граматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразованіе, предлагаемое г. К—скимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразованіе. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, которыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ій. Да они писать неумѣютъ. (Смѣхъ.)

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія напримѣръ звуковъ щ, ѣ и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу, какъ напримѣръ въ польскомъ носовые звуки ą и ę.

Г. К-ій. (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смирительнымъ колокольчикомъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ

словъ. Вотъ напримѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: «Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи.» Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочесть ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкій смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А неугодно ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ ѣ, неприбѣгая къ комбинаціи буквъ?

Г. К-ій. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться граматикѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставкѣ иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. «Это будетъ измѣненіе, а не преобразованіе!» слышится съ одной стороны. «Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Что намъ до нихъ за дѣло!» раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу разсмотрѣть вопросъ: что должно разумѣть подъ *коренными преобразованіемъ* нашего правописанія?

Г. Р-въ. Въ числѣ нашихъ ортографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; но съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья—одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ коренными преобразованіями надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ основаній держаться при корепномъ преобразованіи? Мнѣ кажется всего справедливѣе — тѣхъ, на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г. Н-ій. Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразо-

ваніе совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразованія. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно-сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ-быть десять мильоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется недолжны допускать иного преобразованія въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы и не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвесть въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себѣ внутреннюю силу и за него говоритъ сама истина, то оно примется; непремѣнно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложеніе: *въ виду распространенія грамотности необходимо произвесть радикальное преобразованіе въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятыя правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: «а какъ вы напишете напримѣръ *что-жъ?*» и чей-то отвѣтъ: «вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, когда будетъ предпринято коренное преобразованіе.» Звонокъ.

Президентъ. Сдѣлаемъ же теперь résumé изо всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благопріятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ

правописаніи радикальное преобразованіе, хотя бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленіе радикальнаго преобразованія, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразованіе. Послѣ этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ разсмотрѣнію нашей рѣчи, оставя алфавитъ всторонѣ.

Новый шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непремѣнно. Покрайней-мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ у насъ небудетъ вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ.)

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденіе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 447. О мѣстонахожденіи аиста нашъ сочленъ Л. И. Шренкъ, по поводу замѣчанія Даля, что «черный аистъ у насъ не водится», говоритъ слѣдующее: «Напротивъ, онъ-то и водится почти по всей Европейской Россіи, за исключеніемъ лишь западныхъ губерній да крайняго сѣвера, а равно и по всей Сибири, тогда какъ бѣлый аистъ или буссель встрѣчается только на западѣ и югѣ Европейской Россіи, да на Амурѣ, а въ Сибири его нѣтъ. Въ слѣдствіе этой ошибки, въ словарѣ и названія перепутаны, а именно: аистомъ, просто говоря, называется обыкновенно не Ciconia alba, для которой есть свое названіе, буссель, а Ciconia nigra. Названіе же «черный аистъ» не народное, а переводное съ латинскаго». (*Сборникъ Отд. русск. яз. и сл.*, т. VII, № 10, стр. 71).

Къ стр. 593. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ, перешедшихъ къ намъ изъ Польши, хотя большая часть ихъ — первоначально либо германскаго, либо другого чуждаго корня: булка (bułka, bułka)— вензель (węzeł, узелъ) — гарусъ (harus или arus, родъ матеріи) — гвалтъ (gwałt, насиліе, тревога, шумъ) — гербъ (herb) — дышло (dyszel) — карпетка (skarpeta, szkarpeta) — коштъ (koszt) — ладунокъ (ładunek, патронъ, зарядъ, свертокъ) — метрика (metryka) — оглобля (hołoble, отъ нѣм. gabel, gabeldeichsel) — огуломъ, огульный (ogół, ogółem) — погонъ, погончикъ (pogon, вм. ogon, хвостъ; ogonczyk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ[1]) — предмѣстье (przedmieście) — ратуша (ratusz) — рожа (болѣзнь, róża, нарѣчіе, оба значенія: роза и рожа) — рисунокъ (rysunek) — рыдванъ (rydwan) — рынокъ (rynek) — сеймъ (sejm) — тачка (tak, taczki) — темлякъ (temblak) — фигляръ (figlarz; figel, ударъ) — финтить (fint, хитрецъ) — фольга (folga) — фортель (fortel) —

[1]) Прежде говорили у насъ между прочимъ: «погонъ на шляпѣ» (См. письмо Екатерины II въ *Русск. Арх.* 1863, изд. 1-е, стр. 278)

Франтъ (frant) — фукать (fukać) — цырюльникъ (cyrulik) — шалберить (szalbierz, плутъ, обманщикъ) — шеренга (szereg) — шлея (szla, szleia) — шлыкъ (szlyk) — шомполъ (stępel) — шоры (szory) — штыкъ (sztych, въ старину значило bayonette[1]) — шуперъ (szuler) — щеголь (szczegol).

Сюда не включены нѣкоторыя слова, о которыхъ нельзя положительно сказать, заимствованы ли они нами изъ польскаго, или непосредственно изъ другихъ языковъ, откуда они взяты и Поляками. Таковы: *аренда* (польск. arenda, aręda; швед. arrende) — *будка*[2]) (польск. budka, buda) — *гаеръ* (по Рейфу, польск. gaier, отъ итал. gaio, веселый) — *дымка* (польск. dyma, турецкая бумажная матерія) — *киверъ* (польск. kiwior, по Рейфу съ венгерскаго)—*клумба* (поль. kłąb drzew, съ англ. clump) — *комната* (поль. komnata, ст.-верх.-нѣм. kamnate, лат. caminata)— *кофта* (польск. koftyr, kofter, турецкая шелковая матерія) — *музыка* (польск. musyka) — *слесарь* (польск. slosarz, нѣм. schlosser) — *тузъ* (польск. tus, нѣм. daus) — *филёнка* (польск. filunk, нѣм. füllung) — *фортка*, *форточка* (польск. fortka, forteczka, нѣм. pforte). Спрашивается также, не изъ Польши ли перешло къ намъ слово *коляска* (kolaska), которое, по мнѣнію даже иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré и др.), есть славянское слово, передѣланное западными Европейцами въ calèche и т. п. Подъ сомнѣніемъ остаются также слова: *мѣщанинъ* (польск. mieszczanin, отъ miasto, городъ) — *предметъ* (польск. przedmiot) — *шаровары* (польск. szarawary, турец. и перс. szalwar) и м. др.

Не ручаюсь за безошибочность предположенія о заимствованіи

---

[1]) Słownik polsko-francuzki. Berlin 1858.

[2]) При производномъ *будочникъ* замѣчательно фонетическое явленіе, что буква *д* и между двумя гласными сохраняетъ полученное въ концѣ слога (въ сущ. *будка*) произношеніе звука *т*. Подобное же явленіе видимъ мы въ прилаг. *свадебный*, гдѣ, наоборотъ, *т*, произнесенное за *д* въ слѣдствіе уподобленія звуковъ въ существ. *сватьба*, удерживаетъ этотъ выговоръ и между гласными. Примѣръ такого же произношенія буквы *т* представляетъ мѣстоим. *этакій* и нарѣчіе *этакъ*, которыя въ просторѣчіи всегда слышатся какъ *эдакій* и *эдакъ*.

черезъ Польшу *всѣхъ* приведенныхъ выше словъ: удерживаясь здѣсь отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ, ограничусь замѣчаніемъ, что этими указаніями я хотѣлъ только дать матеріялъ для изслѣдованій по вопросу, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ польскимъ словамъ, каковы напр. *жадный* (ни лкой), *л ,сить* (долженствовать [1]). Сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. forteca), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ значеніи («фортеція правды»).

---

[1]) Соловьева *Ист. Россіи*, т. XV, стр 186, 250, 308.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

КЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКИМЪ РАЗЫСКАНІЯМЪ.

I. Указатель именъ и предметовъ.

Аасенъ. См. Осенъ.

Аблесимовъ. Его отношеніе къ народной рѣчи. 6.

Адамсъ, Эд. Его «Географическій Словотолкователь» на англ. языкѣ. 252.

Аделунгъ. 98. 183. 190. 197. 204. 205. 209. 226. 454. Его ошибочный взглядъ на свойства нѣмецкой письменной рѣчи. 206. О недостаткѣ словъ въ его словарѣ. 207. 208. Обратилъ вниманіе на ремесленныя выраженія. 215. Его ложное пониманіе значенія словъ. 217. О присоединеніи въ его словарь къ прозѣ стиховъ и о недостаточномъ выписываніи стихотвореній. 222. По поводу присоединеній къ слову латинскихъ выраженій 225. Объ одномъ преимуществѣ его лексикона передъ словаремъ братьевъ Гриммовъ. 227. О его неудачахъ въ опредѣленіи словъ. 228. Объ означеніи произношенія многихъ отдѣльныхъ словъ посредствомъ удареній. 238.

Адодуровъ, В. Е. По поводу изображенія звука *г*. 479. Уваженіе къ нему Сумарокова. 487. О буквѣ *ъ* 494.

Академія наукъ. 430. 488. 527. Ея словари. 27. 171. 197. 213. 229. 328. 364. 409. Признательное слово Даля. 27. По поводу утвержденія гражданской азбуки. 477. Ею не вполнѣ принята была орѳографія Ломоносова. 483. Изд. при ней брошюра: «Опытъ новаго Россійскаго правописанія». 484. Ея типографія. 512. 523. О буквѣ *т*. 512. По поводу статьи и письма г. Новаковскаго. 532. 533.

Академія Россійская. 274. Ея словарь. 197. Ея отношеніе къ Карамзинскому слогу. 112. Изданная ею грамматика. 499.

Акіандеръ, бывшій финляндскій профес. 258. 260. Его «Utdrag ur Ryska Annaler». 252. 262.

Аксаковъ, С. Т. Языкъ его. 19. О словахъ его сочиненій, не помѣщенныхъ въ словарѣ Даля. 47.

Андресенъ, К. Г. Его брошюра «Ueber J. Grimms Orthographie». 463.

Арабскіе грамматисты. 468.

Археографическая комиссія. По поводу изданія ею текста псковской лѣтописи. 270.

Базилевскій. 258.

Барановскій, С. П., бывшій профессоръ Гельсингфорскаго университета. Его брошюра «О согласованіи правописанія съ произношеніемъ». 513. 514.

Барковъ, переводчикъ при Академіи наукъ. 484.

Барсовъ, Ант. Алексѣев., профессоръ Московскаго университета. Объ исключеніи буквы ъ изъ русской азбуки. Составленный имъ учебникъ: «Краткія правила Россійской грамматики». 494. 496. О буквахъ *ѵ* и *ѳ*. Обращикъ его правописанія. 495. 506.

Бартошевичъ, Д. Его словарь польско-россійскій. 299.

Безсоновъ, П. А. Его статья: «Типографская библіотека въ Москвѣ». По поводу вопроса о составленіи гражданской азбуки. 475. 476. Біографъ А. Ѳ. Лабзина. 497.

Бельманъ, швед. поэтъ. 188.

Бенлевъ, филологъ. По поводу ударенія. 408. 410. 411. 422. 423.

Бенфей. Объ удареніи. 411.

Бернгарди, фил. О его взглядѣ на удареніе. 410.

Берцеліусъ. 188.

Бесковъ, баронъ, секретарь Шведской академіи. Его записка. 175. 189. Его мнѣніе о причинахъ неудовлетворительности шведскихъ словарей. 196.

Бестужевъ, А. (Марлинскій). Его отзывъ о Карамзинѣ. 85.

Бетлингъ, От. Ник., ак. Его статья: «Beiträge zur Russischen Grammatik». Его замѣчаніе объ умягченіи гласныхъ передъ мягкимъ звукомъ. 282. 283. 286. Сошелся въ одномъ сужденіи съ Костыремъ. 284. Замѣчаніе о глаголахъ *мыть* и *крыть*. О буквахъ въ русскомъ языкѣ. 285. О гласныхъ звукахъ. 287. 288. 290. О звукѣ *г*. 291. 292. 513. О произношеніи звука *о*. 292. 293. Объ умягченіи губныхъ согласныхъ. 294. 295. 297. 298. 299. 300. Объ удареніи Санскрита. 408.

Бецкой, И. И. 488.

«Библіотека для чтенія». Статья: «По вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи». 525.

Билярскій, П. С., акад. Его мнѣніе объ основныхъ формахъ глагола. 324. Его переводъ соч. Гумбольдта «О различіи организмовъ человѣческаго языка». 411.

Блудовъ, графъ, Д. Н. 497.

Богдановичъ, П. Ѳ. Его отношеніе къ народной рѣчи. 6.

Болховитиновъ, Евг. 484. Свѣдѣніе объ изобрѣтеніи гражданской азбуки. 476. О гоненіи Барсова на букву ъ. 494.

Боннетъ. 136.

Боппъ, филол. По поводу ударенія. 408. 410. 411. 417. 422.

Борнъ, Ив. Март., учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. 550. Его «Краткое ру-

ководство къ россійской словесности». 474. 500. 550. Объ основной мысли брошюры Греча: «Опытъ о русскихъ спряженіяхъ». 502.

Брашкевичъ, Мих. Его изданія, напеч. безъ буквы ъ. 496. 497.

Брянцевъ, профес. Москов. универ. 142.

Буастъ, состав. французскаго словаря. 225.

Булгаковъ, Я. И. Къ нему письмо Фонъ-Визина. 492.

Булгаринъ, Ѳ. В. 503. По поводу вопроса о русской орѳографіи. 515.

Буличъ, Н. Н., проф. Его замѣчаніе о наукѣ въ Россіи XVIII стол. 488.

Буслаевъ, Ѳ. И., ак. 269. 274. Его историческая грамматика. 16. 42. 312. Его отзывъ о значеніи Карамзина. 86. Его заслуги въ исторіи русскаго правописанія. 535.

Бутковъ, П. Г., ак. Его предположеніе о словѣ: Ока. 259.

Бушманъ. По поводу ударенія. 408.

Бычковъ, А. Ѳ., акад. Доставленныя имъ справки о Сковородѣ. 496.

Бѣрнъ-Гальдорсенъ. 453.

Бѣлинскій, В. Г. Его замѣчаніе о языкѣ Фонъ-Визина. 92. Разборъ брошюры: «Упрощеніе русской грамматики». 508. Его мысли о преобразованіи азбуки. 509. 510.

Бѣлобородовъ. Статья его о правописаніи. 525 и 526.

Бюффонъ. 128. Его Естественная Исторія, перев. Румовскаго и Лепехина. 132. 150. Переводъ А. Ѳ. Малиновскаго и Карамзина 150. 151.

Валли́нъ, шведскій писатель. 184. 188.

Васильевъ, В. Его брошюра: «Грамматическія разысканія». О буквѣ ё. 514. По поводу вопроса русской орѳографіи. 518.

Вейлль. По поводу ударенія. 409.

Вейнгольдъ, грацкій проф., ученикъ и послѣдователь Я. Гримма. 465.

Вейсманъ. Его словарь. По поводу произношенія буквы г. 479.

Верещагинъ. 258.

Виландъ. Его отзывъ о французскомъ языкѣ. 159. О словахъ не употребляемыхъ новѣйшими писателями 204.

Вильмаръ. Idiotikon von Kurhessen. 157.

Вильмень. Отзывъ его о коллективномъ академическомъ трудѣ. 243.

Вольтеръ. Его правописаніе. 469.

Востоковъ, А. Х., академикъ. 271. 322. 342. 343. 472. 474. О его переводѣ сербскихъ пѣсенъ и объ изученіи состава русскаго народнаго стиха. 7. Его грамматика. 41. 534 Замѣчаніе о залогахъ. 41. Его трудъ по дополнительному тому Областнаго словаря. 156. Его Церковно-Славянскій словарь. 269. Его 10 различій глаголовъ. 312. О подвижномъ удареніи. 347. 409. Его первыя грамматическія замѣтки, напеч. въ «Краткомъ руководствѣ» Ив. Борна. Какъ критикъ Россійской Академіи и послѣдователь Карамзина. Его слова о Ломоносовѣ. 500. Его замѣтка о буквахъ *ѣ*, *э* и *ъ*. 501. 607. О прописныхъ буквахъ. 501. Его грамматическіе труды. 502. О безполезности *ъ* въ концѣ словъ. 527. Его взглядъ на буквы *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. 549.

«**Время**», жур. Статья о правописаніи: «Ортографическая распря». 525.

«Всякая Всячина», журналъ. Его орѳографія. 489.

Гагбергъ, проф. Лундскаго университета. 189.

Гагедорнъ. 205.

Галаганъ. Его замѣтка о склоненіи малорос. именъ собствен. на *ко*. 577.

Галленбергъ, швед. писатель. 188.

Гапсъ-Саксъ. Его значеніе для языка. 205.

Гейеръ, шведскій писатель. 184. 188.

Гейзе. «Handwörterbuch der deutschen Sprache». 52. 53. 209. «System der Sprachwissenschaft». 345.

Геймъ, профес. Московскаго университета. О письмѣ къ нему Шлецера. 496.

Гейнзіусъ. Его нѣм. словарь. 209.

Геллертъ. 205.

Геннади, Г. Н. Его замѣчаніе о малороссіянинѣ Сковородѣ. 496. Показаніе о П. Л. Яковлевѣ. 505. 518.

Географическое общество. 47. О присужденіи Константиновской медали за словарь Даля. 57.

Германскіе языки. О системѣ ударенія. 411.

Гёте. 204. 502. По отношенію къ языку. 219. 221. 223.

Гёттлингъ. По поводу ударенія. 408.

Глазуновъ. Изданный имъ русско-французскій словарь Татищева. 245.

Глинка, Ѳ. Н. О Карамзинѣ. 120.

Гоголь, Н. В. Народная стихія въ его прозѣ. 7.

«Голосъ», газета. Ея правописаніе. 505. Статья Скандовскаго. 534.

Готшедъ. Его образцы пространнаго нѣмецкаго словаря. 206. Его обращеніе съ нѣмецкимъ языкомъ 502.

Греки и **греческій** языкъ. О системѣ ударенія. 412. О буквѣ *г*. 603.

Грессе, докторъ. Его словарь: «Orbis latinus». 254.

Гречъ, Н. И. О славянскихъ названіяхъ мѣстъ. 253. Объ образованіи 1-го лица глагола. 311. О правописаніи слова *лѣчить*. 470. Его вліяніе на русскую орѳографію. 501. Его грамматическіе труды и «Сынъ Отечества». 502. 503. Его типографія. О буквѣ *т*. 512. Мнѣніе о словѣ *потчевать*. 595.

Грибоѣдовъ. По отношенію къ народному языку. 7. Указаніе Даля на его языкъ. 74.

Гриммъ, Як. 163. 243. По поводу его мыслей о нѣмецкомъ словарѣ. 194. 197. 203. Его отзывъ о трудахъ Аделунга и Кампе. 205. Его взглядъ на назначеніе словаря. 227. О готическомъ шрифтѣ. 234. Объ употребленіи большихъ буквъ. 236. По поводу принесенныхъ ему въ даръ двухъ богатыхъ собраній словъ. 241. Его новое правописаніе. 462. 463. 464. Двѣ основы его орѳографіи. Его «Исторія нѣмецкаго языка». 465. Замѣчаніе объ иноязычныхъ словахъ. 566. О заимствованіи иноземныхъ словъ. 575. Его словарь. 450. 598.

Гриммы, братья, нѣмецкіе лексикографы. 212. Объ упрекѣ нѣмецкой критики за ученый характеръ ихъ словаря. 227. Употребленный ими способъ объясненія словъ. 218.

Гулевичъ, инспекторъ 2-й Московской гимназіи. По поводу обсужденія учебника русскаго правописанія г. Соснецкаго. 534.

Гульяновъ, египтологъ. Его совѣтъ объ изображеніи франц. носов. *т.* 513.

Гумбольдъ, Александръ. О буквѣ ъ. 497.

Гумбольдъ, Вильг., фил. Его мнѣніе объ ударенiи. 408. 410. 411.

Густавъ I, король швед. По поводу вопроса о составленіи словаря. 181.

Густавъ III, король швед. 175. 178, 188. 189. Его совѣщаніе о задачѣ составленія словаря. 176. Его вѣкъ. 177. Цѣль при учрежденіи Академіи. 187.

Гюлленборгъ, швед. писатель. 188.

Гюнтеръ. 205.

Давыдовъ, И. И. Его предисловіе къ «Опыту Областнаго Великорусскаго Словаря». 169.

Даль, В. И. 161. 448. Его взглядъ на значеніе народнаго языка для литературнаго. 8. 9. Очеркъ его біографіи. 10. Начало его работъ по словарю. 12. Его первая статья о народномъ языкѣ и литературѣ: «Ueber die Schriftstellerei des russischen Volks». 13. Его статьи и замѣтки по предмету русскаго языка. 14. Мнѣніе о несостоятельности нынѣшняго письменнаго языка. 16. 17. 18. 20. 24. Неодобреніе появившихся въ 40-хъ годахъ словъ. 19. Преувеличенныя требованія и ожиданія отъ народнаго языка. 20. 21. О словахъ, придуманныхъ самимъ Далемъ. 21. 30. Сознаніе важности славянскихъ языковъ для обогащенія русскаго. 25. Объясненіе заглавія Толковаго словаря. 26. Значеніе для словаря Даля «Опыта областнаго словаря». Его статья «О нарѣчіяхъ русскаго языка». 27. Правило, какимъ руководствовался Даль въ помѣщеніи словъ въ своемъ словарѣ. 28. Заимствованія изъ академическаго словаря. 29. Отсутствіе теоретическаго начала. 30. Расположеніе словъ «Толковаго словаря». Семьи и гнѣзда словъ. 33. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ. 34. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздахъ. 35. 37. Неудобство метода Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ. 36. 37. Указаніе промаховъ въ его словарѣ. 39. Взглядъ Даля на грамматику. 40. 43. Объ исключеніи изъ словаря наименованій залоговъ. 41. Пропускъ грамматическихъ терминовъ въ словарѣ. 42. Своеобразная орѳографія. 43. Правило о несдваиваніи буквъ. Уступки въ пользу выговора. 44. 46. Разумное отступленіе отъ нынѣшней орѳографіи. 46. Примѣры въ словарѣ Даля. 47. 48. 49. Отступленія отъ правильнаго порядка въ размѣщеніи словъ. 49. 50. Недостатокъ системы въ толкованіяхъ. 50. 52. 53. О подборѣ синонимовъ. 51. Собраніе провинціализмовъ. 52. Реальныя или вещественныя толкованія нѣкоторыхъ словъ. 53. 55. 56. Отзывъ ак. Рупрехта относительно словъ по ботаникѣ. 56. Отзывъ ак. Шренка о словахъ по 57. 616. зоологіи. О присужденіи Константиновской медали за словарь. 57. Два личныя достоинства Даля въ исполненіи своей задачи по составленію словаря. 58. 59. Объ академической наградѣ. Дополненія и замѣтки къ «Толковому словарю». 61. Мнѣніе Даля объ «Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря». 168. 264. 268. Его объясненіе пословицы о лыкѣ. 250. По поводу разсмотрѣнія слова *кремль*. 274. Недостатокъ обо-

значеній въ его словарѣ при глаголахъ. 327. Его мнѣніе о различіи ударенія по мѣстностямъ. 427. 430. По поводу слова *аистъ*. 447. 615. Отступленія отъ господствующаго правописанія. 530. 531.

Данилевскій, Н. Я. Его изслѣдованія о рыболовствѣ въ Россіи. 47.

Даниловскій, Іоак. Евф. Его планъ перваго русскаго словаря. 492.

Даніилъ Заточникъ. О народной рѣчи въ его словѣ. 5.

Датскій языкъ и его словари. 242. 430. 431.

Дашкова, княг. Е. Р. Изд. «Новыя ежемѣсячныя сочиненія». 153. Ея «Собесѣдникъ». 489.

Дашковъ, Д. В. По поводу книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ. 112. 113. Указалъ на галлицизмы Шишкова. 116. Взглядъ его на славянскій и русскій языки. 131. Отзывъ о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. 137. Признавалъ Карамзина своимъ учителемъ. 139.

Дельвигъ, баронъ А. А. О народномъ духѣ въ его пѣсняхъ. 7.

Денертъ. Его «Plattdeutsches Wörterb.» 158.

Державинъ, Гавр. Ром. Его отношеніе къ народной рѣчи. О введеніи народнаго языка въ оду. 6. Указаніе Даля на языкъ Державина. 14. Правильное употребленіе слова *тщивъ*. 42. По поводу правописанія. 488. Его двустишіе на оду Н. Эмина, напечатанную безъ ъ. 496. Его орѳографія при склоненіи именъ собств. на *ко*. 578.

Джонсонъ, 181. 183. 190. О составленіи датскаго словаря по его идеѣ. 242.

Джонсъ, Вильямъ, оріенталистъ прошлаго столѣтія. Его слова объ англійскомъ правописаніи. 469.

Джунковскій, С. С. 517.

Дифенбахъ. Его «Сравнительный готскій словарь». 295. 435.

Діомедъ, древній грамматистъ. Объ удареніи. 408.

Дмитревскій, И. А. Какъ сотрудникъ Крылова и Клушина по изданію «Зрителя». 102.

Дмитріевъ, И. И. Въ перепискѣ съ нимъ Карамзина свидѣтельство о дружескихъ отношеніяхъ Карамзина съ Подшиваловымъ. 95. Замѣчаніе о славяноманахъ. 99. Отзывъ о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. 137. 138.

Добровскій, Іос. Его грамматика. 341. 344. О герман. нарѣчіяхъ, какъ болѣе сходныхъ съ славянскимъ. 431. О прусск. слова *темыа*. 565.

Домашневъ, С. Г., директоръ Академіи наукъ. Его распоряженіе о буквѣ ъ. 494. 495.

Дорнъ, Б. А., ак. О происхожденіи слово *войлокъ*. 392.

Дюканжъ. Его глоссарій. 198. 234.

Екатерина II, Императрица. По поводу раздѣленія исторіи нашего книжнаго языка на два періода. 137. По поводу доказательства Макарова о необходимости новыхъ словъ для новыхъ понятій. 121. «Похвальное ей слово». 128.

Елагинъ. Его «Исторія русскаго флота». 450.

Елагинъ, И. П. По отношенію къ славянскимъ реченіямъ и оборотамъ. 99. Языкъ его переводовъ. 131. Ученикъ Ломоносова, по словамъ Дмитріева. 137.

Елисавета Петровна, Императрица. Патріотическое при ней движеніе; его отраженіе въ литературѣ. 2.

Желтовъ. Его переводъ соч. Heyse «System der Sprachwissenschaft». 345.

Жизневскій, А. К. По поводу его собранія словъ, поговорокъ и т. п 83.

Жуковскій, В А. Указаніе Даля на его языкъ въ «Напутномъ словѣ». 14. Его замѣтка о способѣ выраженія Даля. 15. 16. Его рукописныя замѣчанія о рус. грам. 502.

Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ. О помѣщенныхъ въ немъ замѣткахъ Эрбена и Ламанскаго отн. названій мѣстъ. 251.

Засядко, Н. А. Его книга: «О русскомъ алфавитѣ». 511. 512.

Захаровъ, И. С., членъ Россійской Академіи. По отношенію къ славянизмамъ. 99.

Зизаній. Его словарь. 449.

Зикмундъ. Его чешская грамматика. 578.

Зыбелинъ, проф Москов. универ 141.

Ижорскій край. 453.

Извѣстія 2-го Отдѣленія Акад. Наукъ. О статьяхъ И. И. Срезневскаго подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ словарей». 192.

Измайловъ, Вл. Вас. По поводу его біографической статьи о Подшиваловѣ. 95. Отзывъ о немъ Карамзина. 111.

Иловайскій, Д. И. 452. 453. О русскихъ названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ. 451.

Ильинскій, авторъ «Историческаго описанія города Пскова». По поводу разсмотрѣнія слова *кромъ*. 267.

Ире, швед. ученый. Его трудъ по разсмотрѣнію словъ областныхъ нарѣчій. 176.

Испанскій языкъ. 469.

Итальянцы. 538. О фонетической сторонѣ ихъ языка. 461. Ихъ правописаніе. 469.

Іафетъ. По поводу «Словотолкователя» Эдвина Адамса. 253.

Іудеи. Ихъ масореты. 468

Кадинскій. «Упрощеніе русской грамматики». 508. 510. 512. Его «Преобразованіе и упрощеніе русскаго правописанія». 518. 519.

Кайслеръ, Л., докторъ. Его брошюра о русскомъ ударепіи. 408. 409. 412. Его ошибка во взглядѣ на законъ русскаго ударенія. 411. О свободѣ русскаго ударенія. 414. 416. 417. 418. 419. 421. 422. 424. 425. Сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ. 416. Объ энклизѣ и двоякомъ ударепіи. 426. 428. Общее замѣчаніе о его трудѣ. 429.

Кальтшмидтъ. Его нѣмецкій словарь. 209.

Каменевъ. 111. 120. 125.

Кампе. 197. 205 Его нѣмецкій словарь. 207. 208. О необходимости присоединенія въ словарѣ къ прозѣ стиховъ и о недостаточномъ выписываніи стихотвореній. 222.

Каницъ. 205.

Кантемиръ, кн. А. Д. Его отношеніе къ народной рѣчи. 5. По поводу замѣтки Карамзина о немъ. 114.

Кантъ. Языкъ его 217.

Караджичъ, Вукъ Степ. Его Сербскій словарь. 299 454. Его система

азбуки, предлож. Сербамъ. 285. Его система правописанія. 286.

Карамзинъ, Н. М. 259. 262. 270. 271. Очищеніе имъ письменнаго языка. 3. Нововведенія Карамзинской школы и нападенія на нихъ Шишкова. 4. Отношеніе Карамзина къ народному языку. 5 Особенности его прозы. О вредной сторонѣ грамматики Греча, построенной на Карамзинской прозѣ. 6. Указаніе Даля на Карамзина въ «Напутномъ словѣ». 14 О введеніи новыхъ словъ со временъ Карамзина. 18. О выходѣ изъ употребленія любимаго его слова *свѣдать*. 19. Карамзинъ, какъ преобразователь языка. 85. 88. 89. По поводу отзыва о немъ А. Бестужева. Его «Письма Русскаго путешественника». 86. 97. По поводу воззрѣнія г. Лавровскаго на языкъ его сочиненій. 87 «Московскій журналъ». 90. 93. 97. 98. 99. 100. 103. 147. Отношеніе къ устарѣлымъ реченіямъ. 91. Объ его предшественникахъ относительно языка. Объ отношеніи къ нему Сохацкаго и Подшивалова въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка. 94 95. Стихи, направленные противъ Карамзина: «Ода въ честь моему другу». О дружескихъ отношеніяхъ съ Подшиваловымъ. 95. Замѣчаніе о Карамзинѣ Шторха и Аделунга въ ихъ «Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи». Преслѣдованіе славянизмовъ и галлицизмовъ. 98. 99. О началѣ вліянія Карамзина на письменный языкъ. 100. О дѣйствіи «Московскаго журнала» на писателей. Изданія, враждебно относившіяся къ «Моск. журн.». Замѣчаніе Карамзина о Ломоносовѣ и Сумароковѣ. 101. Отношеніе къ Ѳ. Туманскому. 103. О вліяніи на другихъ писателей. 104. 105. Значеніе связи съ Новиковымъ. 106. Первоначальный взглядъ на простонародныя слова. 108. Взглядъ современниковъ на Карамзинскій способъ изложенія. 109. О нелѣпыхъ подражаніяхъ. 110. Отзывъ Карамзина объ Измайловѣ. 111 Противники и неловкіе подражатели Карамзина; Россійская Академія. 112. Обвиненія Шишкова противъ языка Карамзина. 114 115. 116 117. 118. Пріемы Карамзина при употребленіи необработаннаго литературнаго языка. Его статья: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» 119 120. Отзывъ его о дѣятельности Макарова. 120. 121. Послѣдователи Карамзина 122. 123. 124 Языкъ его сочиненій. 124 Его признаніе Каменеву. Его восхищеніе иностранными писателями. 125. Его взглядъ на письменный яз. и разговорную рѣчь. Забота о языкѣ своихъ сочиненій. 126. О неодобреніи стилистическихъ началъ Ломоносова. 127. Заслуги. 128. Его взглядъ на церковно-славянскій языкъ. 130. 131. О славянской стихіи въ его прозѣ. Удаленіе устарѣлыхъ словъ изъ его сочиненій. 131. Объ употребленіи иностранныхъ словъ. 132. 133. 134. Сообщалъ прежнимъ словамъ новое значеніе. 134. 135. Составленіе новыхъ словъ. 135. 136. О его подражателяхъ. Отзывъ о немъ Дашкова 137. Отзывъ Дмитріева о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. 137. 138. Выводы о значеніи Карамзина въ отношеніи къ литературному языку. 139. О простотѣ и естественности прозы «Вѣстника Европы». 129. 140. Замѣчаніе о языкѣ изъ его раз-

боровъ. 143. Крыловъ противъ Карамзина. 147. Обращики языка Карамзина въ первое время его авторства. 154 Одобреніе Карамзина за счастливый переводъ въ «Московскомъ журналѣ» научныхъ терминовъ. 132. О правописаніи слова *мѣчитъ*. 470. 565. Отзывъ его о малочистенности пишущихъ правильно. 488. Двоякое правописаніе окончаній прилагательныхъ. 490. Напечатанный имъ отрывокъ изъ рукописей Барсова. 495. Его забота о чистотѣ языка и правильности орѳографіи. Эпоха русскаго правописанія: «Московскій журналъ». 497. О постепенномъ видоизмѣненіи его правописанія. Отличительная черта его орѳографіи 498. 571. О глагольной формѣ *рѣшатъ*. Его статья: «Великій мужъ русской грамматики». 499. О начертаніи е. Одобреніе его Востоковымъ. 500. О буквахъ ъ и ь послѣ шипящихъ. 501. Его послѣдователь Гречъ. 502. Его правописаніе до появленія Исторіи Гос. Рос. Отступленія отъ его орѳографіи. 503. 505. О формѣ слова *майоръ*. 572. Правописаніе иностранныхъ сущест. 579.

Кастрёнъ. 260. 261.

Катковъ, М. Н. Его замѣтка о звукѣ г. 291. «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка». О соотношеніи долготы съ удареніемъ. 425. Объ измѣненіи въ его типогр. формы нѣкоторыхъ буквъ. 509.

Каченовскій, М. Т. По поводу книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ. 112. «Вѣстникъ Европы». Отступленіе отъ Карамзинской орѳографіи. 503.

Кеневичъ, В. Ѳ. Его записка о буквахъ *ѣ, ѳ, ъ, ѳ, г* 522. О знакѣ смягченія. 523. Его записка о правописаніи слитныхъ предлоговъ и разборъ орѳографіи предлоговъ въ словарѣ Даля. 524. О буквахъ ъ и ѣ. 528. О буквѣ *ѣ*. 529 600.

Кеппенъ, П. И., ак.. 265. «Собраніе словесныхъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи». О буквѣ *т*. 512.

Кириллъ Туровскій, епископъ. Элементъ народной рѣчи въ его произведеніяхъ. 5.

«Кіевскій курьеръ». По поводу совѣщаній о правописаніи. 526.

Кіевъ. Учрежденіе въ немъ школъ по польскому образцу. 2.

Клушинъ, А. И. Его комедія. «Смѣхъ и горе». По поводу разсмотрѣнія языка. 90. Замѣчаніе П. И. Пекарскаго о журналахъ Крылова и Клушина. 101. Какъ товарищъ Крылова по изданію «Зрителя». 102. «С. Петербургскій Меркурій». 104.

Книжникъ, Григ. 496. Его «Библіографическія справки по предлагаемому изгнанію изъ азбуки буквы ъ». 505.

Кнутсонъ, Т. Его походъ и построеніе города на Невѣ. 255.

Княжнинъ, Я. Б. Его отношеніе къ народной рѣчи. 6.

Козицкій, Гр. Вас. «Всякая Всячина». 488. 490. По поводу противодѣйствія искаженію языка. 488 Его сочиненіе о русской орѳографіи 489. Объ окончаніи глаголовъ на *ти*. 490.

Козодавлевъ, О. П. Обвиняется въ неправильномъ отпечатаніи сочиненій Ломоносова. 487. По отношенію къ правописанію. 489.

Колычевъ, воронеж. губернаторъ. Переписка съ нимъ Петра Великаго. 448.

Константинъ Багрянородный. 449. 451.

Копенгагенское королевское Общество. Предприняло датскій словарь. 242. 243. 244.

Коньевичъ, Ил. Его «Поверстаніе круговъ небесныхъ». По поводу составленія гражданской азбуки. 455.

Костровъ, Е. И. Его переводъ Оссіана. 103.

Костырь, кіевскій ученый. Его «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка». 284. «Нигилизмъ еровъ». 285.

Котковскій. Изд. имъ брошюра: «Postęp i wsteczność». 519.

Краевскій, А. А. О его правописаніи. 504. «Отечественныя Записки». 525. 605.

Крамеръ. По поводу употребленія слова: Wörterbuch. 197.

Крумъ, кн. болгарскій. 271.

Крыловъ. И. А. 114. Его отношеніе къ народной рѣчи. Его «Кофейница». Противникъ Карамзина во взглядахъ на народный языкъ. 6. 89. Его басни. 7. Указаніе Даля на его языкъ. 14. О пропускѣ словъ изъ Крыловскихъ сочиненій въ словарѣ Даля. 47. О языкѣ Крылова. 90. Замѣчаніе Н. А. Лавровскаго. 86. «Почта Духовъ». 90. 93. Предположеніе объ участіи Крылова въ изданіи «Утренніе часы». 94. Изданіе «Зрителя». 101. 102. Товарищъ Крылова по изданію «Зрителя» Клушинъ и ихъ сотрудники. 102. Замѣтка Пекарскаго о журналахъ Крылова и Клушина. 101. «С. Петербургскій Меркурій». 104. 147. По отношенію къ дѣлу улучшенія литературнаго языка. 104. По поводу смѣшенія славянскаго языка съ русскимъ. 115. О формѣ *товарыщъ*. 548.

Куникъ, А. А ак. 447. 449. 450 О словѣ *августъ* 448. О начертаніи буквы *т*. 512.

Лабзинъ, А. Ѳ. О буквѣ ъ. О немъ Записки Панаева. Его псевдонимъ Безъеровъ. Его біографія, составл Безсоновымъ. О его сочиненіяхъ и переводахъ. 496. 497.

Лавровскій, Н. А., проф. Его замѣчаніе о языкѣ Карамзина. 86. 87. 88. 124. О слогѣ Карамзина. 123.

Лажечниковъ. И. П. Его романъ «Басурманъ». Попытка его сблизить правописаніе съ произношеніемъ 507. 508.

La Crusca, флорент. академія. 179. 181. 182. 225.

Ламанскій, В. И., проф., Его замѣтка «О славянскихъ топографическихъ названіяхъ». 251.

Лафатеръ. 118. 119. 136.

Левинъ. Его трудъ по составленію датскаго словаря. 244.

Ленгренъ, шведс. писательница. 188.

Леопольдъ, шведск. писатель. 188.

Лео, историкъ. Его правописаніе. 598.

Лепехинъ, И. И., ак., непремѣнный секр. Россійс. Ак. 153. Его переводъ «Естественной Исторіи Бюффона». 132. 151. Сообщилъ преданіе о словѣ: Пермяки. 260.

Лербергъ, акад. 266. 451.

Лессингъ. Отношеніе къ нему Карамзина. 6.

Лефманъ, С., докт. Его брошюра «Ueber deutsche Rechtschreibung». 465. Его взглядъ на правописаніе. 466. 468 469.

Лейбницъ. 162.

Либихъ. Его языкъ при разработкѣ химіи. 216

Линде, Самуилъ. Его польскій словарь. 222. О словѣ *войлокъ*. 355. По поводу слова *августъ*. 448. О словѣ *телыга*. 565.

Линдестольпе, шведс. писатель. Его мысль о записываніи областныхъ словъ. 176.

Литке, Ѳ. П., графъ. 497.

Литовскій языкъ. О системѣ ударенія. 412. Замѣчаніе о немъ Кайслера. 416.

Лихонинъ, М. Его статья: «О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ 514.

«Liber census Daniae». 265.

Ломоносовъ, М. В. 115. 124. 127. 137. 484. 516. Его дѣятельность по отношенію къ языку. 2 Его разсужденіе «О пользѣ чтенія книгъ церковныхъ» 3. Ломоносовская теорія письменнаго языка. 4. 5. Его низкій штиль 5. 89. Народное выраженіе въ его одѣ «на взятіе Хотина». Его замѣчаніе о единствѣ русскаго народнаго языка. 26. Правильное употребленіе слова *пѣши*. 42. Его взглядъ на русскій языкъ. 60. По поводу языка послѣдующихъ писателей. 92. Сужденіе журнала «Зритель» о немъ. Замѣчаніе Карамзина. 101. Сравненіе съ Шишковымъ по употребленію славянскихъ словъ. 122. По поводу вопроса объ удареніи. 345. О долготѣ слоговъ. 413. Объ образованіи формъ глагола отъ 1-го лица. 311. О невѣрныхъ удареніяхъ. 415. 416. О правописаніи слова *колачъ*. 454. О правописаніи слова *мѣчитъ*. 470. 565. О буквахъ *ъ* и *ѣ*. 472. 561. О буквѣ *і*. 478. О буквѣ *ѣ*. 482. Его орѳографія. 483. 535. 550. Преслѣдованіе буквы *э*. О буквѣ *е*. 485 486. 537. 538. По поводу орѳографіи Сумарокова. 487. Объ окончаніи *ти*. 490. Замѣчаніе о немъ В. Свѣтова. 493. Объ употребленіи большой буквы 499. О неудачной поправкѣ его правописанія. Слово о немъ Востокова. 500. Повтореніе его мыслей въ предложеніяхъ Бѣлинскаго. 509. О выраженіи иноязычныхъ звуковъ. 536. О произношеніи звука *г*. 537. Употребленіе формъ *лице* и *лицо*. 551. Его замѣчаніе объ иноязычныхъ словахъ 566. Его мнѣніе о неправильномъ соединеніи предлоговъ. 583. 586. О составѣ нарѣчія *вдругъ*. 584. О словахъ польскаго происхожденія. 593.

Лопухинъ, П. В. 497.

Лютеръ. О его языкѣ. 205. 219. 223. О введеніи въ словарь важнѣйшихъ словъ изъ его сочиненій 221. О вліяніи его на языкъ. 223.

Мадьярскій языкъ. О системѣ ударенія. 412.

Майковъ, В. И. Его отношеніе къ народной рѣчи. 6.

Макаровъ, Н. М. 117. По поводу разбора «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ». 85. 112. Его мнѣніе относительно употребленія церковно-славянской стихіи. 131. Мысли о необходимости употребленія иностранныхъ словъ. 132. Считалъ Карамзина своимъ учителемъ. 127. 139. Отзывъ о дѣятельности Карамзина. 120. 127. 128 О необходимости новыхъ словъ для новыхъ понятій. 121. Издаваемый имъ журналъ: «Московскій Меркурій». 122. Его мнѣніе

относительно книжнаго и разговорнаго языка. 125.

Макаровъ, Н. П. Его русско-французскій словарь. 245. 250.

Малиновскій, Алексѣй Ѳ. Переведен. имъ «Духъ Бюффона». 150.

Малороссіяне. Какъ произносятъ букву г Склоненіе ихъ фамильныхъ прозваній на *ко* 292. 577.

Мардарій, черногорскій монахъ. Напеч. имъ сербскія евангелія. 342.

Мартыновъ, П. П. По поводу книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ. 112.

Межевичъ. По поводу правописанія. 514.

Мерзляковъ, А. Ѳ. О народномъ духѣ въ его пѣсняхъ. 7.

Meschech, сынъ Іафета. По поводу Словотолкователя г. Эдвина Адамса. 253.

Миклошичъ. Его труды. 200. 276. О корнѣ слова *творить*. 439. Его словарь. По поводу слова *телѣга*. 565.

Миллеръ, І Ф., ак. Его «Ежемѣсячныя сочиненія». Орѳографія этого журнала. 483. 490

Михаэлисъ. Его «Ueber J. Grimms Rechtschreibung». 463.

Модрю, французъ. О буквѣ ѣ. 500.

Мольбекъ. Его датскій словарь. 242.

Морицъ. Его нѣмецкій словарь. 209.

«Морской Сборникъ», журналъ. 47.

Москва. Объ учрежденіи въ ней школъ по польскому образцу. 2. 341.

«Москвитянинъ», журналъ. Помѣщенныя въ немъ статьи Даля. 14.

«Московскія Вѣдомости». О системѣ пунктуаціи. 592.

Московскій университетъ. Замѣчаніе Булича о наукѣ. 488.

Мотонисъ. По поводу противодѣйствія искаженію языка 488. 489.

Муравьевъ, М. Н. 17.

Надеждинъ, Н. И. Его разборъ «Филологическихъ наблюденій» Павскаго. 285.

Нейсъ. Его брошюра подъ заглавіемъ: «Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern wissenschaftlich erklärt». 265.

Нессельманъ. Его литовскій словарь. 456.

Несторъ, лѣтоп. 261.

Никандеръ, шведс. поэтъ. 188.

Никоклисъ, Н., грекъ. 449.

Никонъ, лѣтопись. 258.

Новаковскій, В. П. Его записка о русской орѳографіи. 532. 533. О правописаніи сложныхъ предлоговъ. 585.

Новиковъ, Н. И. Его сатирическій журналъ: «Живописецъ». 89.

Нѣмцы. 281. Объ образованіи ими учено-литературныхъ обществъ съ цѣлію изгнанія чуждыхъ стихій изъ языка. 24. Ихъ правописаніе. 460. 462. 469. 538.

Общество любителей Россійской словесности. Его отношеніе къ народности. 7. Читанная въ немъ статья Даля. «О русскомъ словарѣ» 14.

Общество любителей Словесности, наукъ и художествъ. 502.

Оксеншерна, шведс. писатель. 183.

Оленинъ, А. Н. По поводу буквы ъ. 497.

Опицъ, нѣм. писатель. 205.

«Опытъ областнаго великорусскаго словаря». 170. 174. 264. 430. О пользѣ его для работъ Даля по его словарю. 27. Объ изданіи его. 156.

166. 173. Дополнительный къ нему томъ. 156. Составъ его и значеніе. 167. 168. 169. Объясненіе областныхъ словъ. 171. 210.

«Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка». 342.

«Опытъ швейцарскаго идіотикона». Его содержаніе. 161.

Орбелинъ, Его глоссарій 198

Осенъ (**Aasen**), норвежскій филологъ Его словарь норвежскаго народнаго языка. Мнѣніе о невключеніи въ словарь словъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ. 165.

«Отечественныя записки», журн. 285. 291

Павлищевъ. Его историческій атласъ. 258.

Павскій, о Гер П 285. 323. 442 О словѣ *простокваша*. 76. Его «Филологическія наблюденія». 284 291. 292. 306 308 347 433. 442. Его замѣчаніе о произношеніи гласныхъ звуковъ: *е, и, ѣ*. 287. 288 289. 290. О произношеніи звуковъ *о* и *а* 293. По поводу разбора слова *слюна*. 298. Его замѣчаніе о буквѣ *ч*. 305 О произношеніи *і* послѣ *ц* 306. Объ окончаніи *це* 307 О смягченіи *л* 308 О спряженіи глаголовъ 312. Мнѣніе о словѣ *рисунокъ*. 359. О происхожденіи слова *рыжикъ*. 362. О происхожденіи словъ *красíкъ* и *плавíкъ*. 363. Его услуги въ дѣлѣ русскаго правописанія. Особенности его правописанія 535. Его мнѣніе о буквѣ *ѳ* 537 О глаголѣ *итти*. 544. О правописаніи род. над. ед. ч. прилагательныхъ. 554. О формѣ *брею, бреешь*. 564. О словѣ *потчевать*. 595.

Палласъ, ак. «Сравнительные словари». О буквѣ *г*. 513. 606

Панаевъ, В. И. О вражд А. Ѳ Лабзина къ буквѣ *ъ* 496

Панинъ, Н. И., графъ Сочин. с немъ Фонъ-Визина: «Описаніе жизни графа Панина». 91

Passow. 296

Пахомовъ, Мат., переводчикъ. По отношенію къ славянизмамъ 99.

Пекарскій, П П., акад. Его замѣчаніе о журналахъ Крылова и Клушина. 101 Его «Наука и Литература при Петрѣ Великомъ». 476. 477 591

Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ Его письмо къ Гумбольдту о буквѣ *ѣ*. Его псевдонимъ Антоній Погорѣльскій. 497

Перовскій, В. А 11

Петровъ, А. А., другъ Карамзина По отношенію къ славянскому языку. 99

Петръ Великій. 263. Заимствованіе при немъ иностранныхъ словъ 2 Время послѣ Петра Великаго по отношенію къ языку 5 По поводу слова *аистъ* 448 По поводу названія *Айфаръ*. 450. 451. Введеніе гражданской печати. 476. 478 486 510. 511. 597. По поводу употребленія буквы *і*. 502.

Петръ Мстиславецъ. Напеч. имъ виленское евангеліе. 341.

Плавильщиковъ. Сотрудникъ Крылова и Клушина по изд «Зрителя» 102.

Плетневъ, П А, быв ак По поводу мысли объ установленіи орѳографіи. 532

Погодинъ, М. П., акад. Его газета: «Русскій». 14.

Подшиваловъ. 137. По отношенію

къ дѣлу улучшенія литературнаго языка. 94. 95. Усердный послѣдователь Карамзина О главномъ участіи въ періодическихъ изданіяхъ университетскаго общества. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ. 95. О разницѣ между нимъ и Карамзинымъ, какъ стилистами 99. 100. Его журналъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени». «Сокращенный курсъ Россійскаго слога». 105. 106 110 Его орѳографическія соображенія, напеч. въ «Трудахъ общества любителей Россійской словесности» 493

Полікарповъ, справщикъ московской духовной типографіи. Предположеніе о принятіи имъ участія въ образованіи гражданской печати. 475.

Поляки и **Польскій** языкъ 300. О системѣ ударенія 412

Полѣтика, современникъ Сумарокова. 487.

Потебня. Его статья о нарѣчіяхъ русскаго языка. 471.

Причудинскій, Н. Его «Греческая мифологія, или сказаніе о вере и богах древних народов». Орѳографія. 518.

Пухмайеръ, чехъ. Заявленіе Востокова, какъ много онъ обязанъ его труду. 502

Пушкинъ, А. С. Его отношеніе къ народному языку 7 Упрекъ ему Даля на счетъ языка. 14. О глагольной формѣ *рѣшать*. 499

Раскъ, датчанинъ. Его трудъ 223.

Раумеръ, Руд Его взглядъ на правописаніе 465.

Рахманиновъ, Ив. Какъ главный издатель журнала «Утренніе часы». 93.

Рейфъ, Ф. П. 39 296. 297. Его словарь 298. О словѣ *ящикъ* 442. О словѣ *потчевать*. 595.

Ренвалль. 160 По поводу слова *толока* 457.

Ричардсонъ. 181.

Роберъ, препод Его статья въ «Новомъ времени» По поводу совѣщаній о правописаніи. 526

Розенстейнъ, шведс писатель. 188.

Розенъ. Его санскритскій корнесловъ. 200

Россійская Академія См Академія Россійская

Румовскій, Я С. Его переводъ Естественной Исторіи Бюффона. 132

Рупрехтъ, Ф. П., ак. Отзывъ его о словарѣ Даля 56.

«**Русскій**», газета, издаваемая Погодинымъ. 14.

«**Русскій Инвалидъ**». Описаніе засидковъ на одной петербургской фабрикѣ. 247.

Рыльскій, І Его замѣчаніе о незнаніи у насъ первобытныхъ именъ мѣстъ, исконно заселенныхъ славянскими племенами 253.

Рѣшетниковъ, Анд Изд. журнала «Дѣло отъ бездѣлья» и составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства 152.

Сабининъ. Пропск слова *снѣдь* 436.

Сальвіати, Леонардо, итал. грамматистъ. О правописаніи 469.

Санскритъ. 233 О системѣ ударенія. 408 412.

Сахаровъ, И П По отношенію къ устной поэзіи 7

Свѣтовъ, Вас., переводчикъ при Академіи наукъ. По поводу орѳогра-

фіи Сумарокова. 484 О буквѣ *э*. 485. Его замѣчанія о правописаніи. 488. 489. 500. О названіяхъ мѣсяцевъ. 491. Его «нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ», напечат. въ «Академическихъ Извѣстіяхъ». Замѣчаніе о Ломоносовѣ 493 Употребленіе большихъ буквъ. 499. О буквахъ ъ и ь послѣ шипящихъ. 561.

Семеновъ, П П. Его «Географическій и Статистическій словарь» 265.

Сенковскій, О. И. «Библіотека для чтенія». Отступленія отъ Карамзинской орѳографіи. 503 504. О письмѣ иностранныхъ словъ латинскими буквами. 514. 574 Употребленіе польскаго окончанія род падежа. 515. Его предложеніе объ оборотныхъ буквахъ. 518. 519. О буквѣ ъ 528. Объ употребленіи большихъ буквъ 579. 580.

Сенъ-Реми. Его «Меморіи или записки артиллерійскія». 477. 480.

Сербскій языкъ. О словѣ *калачъ*. 454. О буквѣ ъ. 607. Правописаніе. 341

Сидоровскій, Ив. свящ., членъ Россійской Акад. Его переводы. 99

Скандовскій. Его статья въ «Голосѣ» о разнорѣчіяхъ правописанія. 534

Скворцовъ, ученикъ Подшивалова. Изд. имъ: «Сокращенный курсъ Россійскаго слога» Подшивалова 105.

Сковорода, малороссіянинъ, какъ противникъ *ера*. Его рукописи. 496.

«**Slavisches Centralblatt**». 409.

Смотрицкій, грамм. 334. Его терминологія. 472. О буквахъ *ѳ* и *ѳ*. 537. О буквахъ ъ и ь послѣ шипящихъ. 561.

Снегиревъ, И. М. По отношенію къ устной поэзіи. 7. Его объясненіе послов. о лыкѣ. 250.

«**Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова**». 90. 489.

Соколовъ, П. И. Его словарь. Объясненіе слова *столъ*. 229. Участіе въ составленіи грамматики Рос. Академіи. 499.

Сосницкій, И. Е. Его учебникъ. 534.

Сохацкій. 143. Заслуга его по улучшенію литературнаго языка. 94. Объ отношеніи его къ Карамзину. Его журналъ: «Иппокрена, или утѣхи любословія». 95.

Спасскій. Изданная имъ книга Большаго чертежа. 254. 258. 262. 263. 351. Замѣчаніе о тожествѣ словъ Ильмень и Лиманъ. 264.

Срезневскій, И. И., акад. 268. 437. Его «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей». 191. 192. 228. Его статья: «о сродствѣ звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ». 291. О произношеніи звука *о*. 292. Объ употребленіи *і* въ древнихъ рукописяхъ. 478. Сообщаетъ письма Сковороды. 496. О неумѣстности *ѳ* и безполезности буквы ъ. 527. 537. 604. Его труды по исторіи русскаго правописанія. 535. О составѣ слова *потчевать*. 595. 596.

Стальдеръ. Его швейцарскій словарь. 161. 203. 215.

Старая Кавыка. Его мысль объ округленности буквъ. Въ «Маякѣ» его статья: «Совѣтъ типографщику моему». 509.

Стефанусъ, Гейнрихъ. Объ удержаніи въ словарѣ всѣхъ непристойныхъ словъ. 219.

Стоюнинъ, Вл. 323. Его статья «о русской азбукѣ». 516. 528. Его указаніе на статью г Хованскаго

«Взглядъ на правописаніе вообще». По поводу педагогическихъ совѣщаній о правописаніи. 520. Объ упрощеніи орѳографіи. О нововведеніяхъ. 521. Его программа совѣщаній о правописаніи. Защита буквы *ъ*. 522. Его предложеніе ввести въ азбуку букву *ѐ*. 523. Предположеніе заняться практическими вопросами правописанія. 524.

Страховъ, проф Моск. унив. 141.

Стрешневъ, Петръ, редакторъ «Кіевскаго курьера». 526.

Строевъ, П. М. Опроверженіе догадки Карамзина о происхожденіи слова *кремль*. 270. 271.

Студенскій. Его «Корректурный списокъ» и «Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ». 531.

Сумароковъ, А. П. Его отношеніе къ народной рѣчи. 6. Замѣчаніе Карамзина о Сумароковѣ по отношенію къ языку. 101. По поводу невѣрныхъ удареній. 415. 416. Его сужденія о правописаніи и собственная орѳографія. 459. 464. 468. 484. 487. 500. 516. Его взглядъ на окончанія прилагательныхъ именъ. 481. Объ употребленіи *і* въ иностранныхъ словахъ. Его замѣчаніе противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ. Преслѣдованіе буквы *э*. Его защита буквы *ѳ*. 485. Взглядъ на законы сочетанія согласныхъ и на окончанія именъ прилагательныхъ. 486. 487. О буквахъ *ъ* и *ь* послѣ шипящихъ. 561.

Suomi, финляндскій журналъ. 256.

Татищевъ, И. И. Его русско-французскій словарь. 245.

Гаубертъ. Его записка о гражданской печати. 477.

Тегнёръ, шведс. поэтъ 184 188

Тепловъ, Г. Н. По поводу противодѣйствія искаженію языка. 487.

Тимаевъ, Н. По поводу изданій, напечатанныхъ «безъяцкимъ» правописаніемъ. 518.

Тихоправовъ, Н. С. По поводу буквы *ъ*. 494.

Толль. Его «Настольный словарь». О буквѣ *ъ*. 529.

Тредіаковскій, Василій Кир. Его взглядъ на общій характеръ русской орѳографіи. 481. О буквѣ *ъ*. 482. О буквѣ *э*. 485. Отношеніе къ нему Сумарокова по поводу латинскихъ буквъ. 486. О буквахъ *ъ* и *ь*. 472. 493. 494. Съ нимъ сошелся Бѣлинскій въ предположеніяхъ о правописаніи. 509. По поводу введенія гражданской азбуки. 476 477. Его орѳографія. 478. 516. 550. О буквѣ *ѵ* (голь). 479. 513. 519. 606. Его мнѣніе объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ. 480. О соединительныхъ черточкахъ 591. По поводу употребленія буквъ *і* и *и*. 602.

Третейскій, Евг., вымышленное имя издат. азбуки Хабарова. 506

Туманскій, Ѳедоръ. Его перев. «Палефатъ». 99. Его журналъ: «Россійскій магазинъ» 101. 103 Какъ сотрудникъ Крылова и Клушина по журналу «Зритель». 102. Непріязненное отношеніе къ Карамзину. 103.

Тунъ, графъ. Объ учебной реформѣ въ Австріи. 464

«**Утренніе часы**», еженедѣльное изд О языкѣ его и главномъ издателѣ Ив. Рахманиновѣ. 93.

«**Учитель**», журналъ Объ орѳографическихъ совѣщаніяхъ 524.

Фенелонъ. 243.

Филологическое Общество въ Петербургѣ. Чтенія въ немъ статьи о правописаніи. 533.

Финскій языкъ. О системѣ ударенія 412

Фишартъ, нѣм писатель. 219 221

Флемингъ, нѣм. писатель. 205.

Фонъ-Визинъ, Ден. Ив. 114. Его отношеніе къ народной рѣчи 6. 89. Замѣчанія о его языкѣ. 86. 91 99. 115. 133. Ученикъ Ломоносова, по словамъ Дмитріева. 137 Его письмо къ Булгакову. По поводу плана русскаго словаря. 492.

Форчеллини, составитель латинскаго словаря. 219

Фоссъ, нѣм писатель 207

Франценъ, швед. поэтъ. 184. 188.

Французская академія 179. 180. 181. Ея пуризмъ. 6 Словарный при ней комитетъ. 177. 185. О желаніи Фенелона 243.

Французы. 281. 538. Уничтоженіе архаическихъ особенностей письма и введеніе Вольтеровскаго правописанія 469 О системѣ пунктуаціи 592.

Фрейтагъ, переводчица Геснера и Ифланда, 10

Фришъ, нѣм. лексикографъ 226.

Фромманъ. Дополненное имъ изданіе словаря Шмеллера. 163.

Фурманъ, П., издатель С. Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей. Вопросъ о русскомъ правописаніи 515. 516. О буквѣ *э* 516

Хабаровъ. Рукопись его, издан. Яковлевымъ. Его азбука. 505. 506. О буквѣ *ъ*. Его правописаніе. 507. По поводу буквы *ѳ*. 538.

Хованскій, А. А. «Филологическія Записки» и статья его: «Взглядъ на правописаніе вообще». 520.

Цыгановъ. О народномъ духѣ въ его пѣсняхъ. 7.

Чеботаревъ, москов. проф. 142. О буквѣ *ъ*. 496.

Чельгренъ, швед. писатель. 183. 188.

Чехи и **Чешскій** языкъ. Объ изгнаніи ими изъ своего языка заимствованныхъ словъ. 24. О произношеніи въ ихъ языкѣ. 412. 425. О склоненіи именъ собствен. на *ко*. 578.

«**Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія**», журналъ. О главныхъ сотрудникахъ его, Сохацкомъ и Подшиваловѣ. 94. О содержаніи и языкѣ этого изданія. 96.

Шафарикъ. Объясненіе слова *колымага*. 433. О словѣ *тынъ*. 440. Замѣчаніе объ иноязычныхъ словахъ. 566.

Швабскій словарь Шмида. Его этимологическія и историческія замѣчанія. 163.

Шведская Академія. 175. 190. 191. 196. Предположеніе Линдестольпе. 176. Причины медленнаго составленія шведскаго словаря. 177. 179. 180. 183. 184. 189. Ея сочиненіе о правописаніи. 178. Изданная ею грамматика. 179. Ея вакаціи. 180. По поводу измѣненія первоначальнаго плана шведскаго словаря. 181 Обзоръ ея экономическаго положенія. 186. 187. О ея дѣйствіяхъ по вспомоществованію литераторамъ.

188. 189. О предложенной Гагбергу работѣ по шведскому словарю. 189.

Шведскій языкъ и правописаніе. 178. 430. 538.

Шевыревъ, С. П.. проф. О словѣ *кнутъ*. 454.

Шегренъ, акад. 266. 291.

Шейковскій, К. Его статья «О польскомъ правописаніи». 519.

Шекспиръ. Мнѣніе о немъ Карамзина. 6.

Шимкевичъ. Его корнесловъ 37. 200 По поводу слова *кремъ*. 270. О словахъ *писк*ъ и *визгъ*. 297. По поводу слова *телыа*. 565.

Шифнеръ, А. А., акад. 157.

Шишковъ, А. С. Его нападенія на Карамзинскій слогъ и отрицательное дѣйствіе его «Разсужденія». 4. Его отношеніе къ церковно-славянскому языку. 8. Его «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ». 85. 99. 119. Необходимость знакомства съ книгой Подшивалова «Сокращенный курсъ Россійскаго слога», изд. Скворцовымъ, для полной оцѣнки «Разсужденія». 110. Объ оцѣнкѣ книги Шишкова. 112. Уловка Шишкова въ полемикѣ съ Карамзинымъ и его подражателями. 113 Его обвиненія въ отношеніи къ языку Карамзина. 114. 115, 116. 117. 118. О введеніи Карамзинымъ новыхъ словъ для новыхъ понятій. 121. Примѣчаніе къ «Разсужденію». 122. Его ошибка относительно послѣдователей Карамзина. 123. Упреки Карамзину за употребленіе французскихъ словъ и сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. 134. 135. 137. По поводу слова *Айфаръ*. 450.

Шлецеръ. О буквѣ ъ 496.

Шлейхеръ, быв. корреспонд. Академіи наукъ. О его оригинальной орѳографіи. 464.

Шмеллеръ. Его баварскій словарь. 162. 163. 203. 215. 234.

Шмидъ. Его швабскій словарь съ этимологическими и историческими примѣчаніями. 163.

Шренкъ, Л. П., акад. Его отзывъ о словарѣ Даля. 56. 57. 64. 66. 68 616

Шгендеръ. Его латышскій лексиконъ. По поводу слова *толокá*. 457.

Штилеръ. 226.

Шторхъ, акад. Его «Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи» 98.

Штралепбергъ. По поводу слова *аистъ*. 448.

Шубертъ, Его подробная карта Россіи. 258.

Шуваловъ, П. И. Письма къ нему отъ Сумарокова По поводу орѳографіи Сумарокова 484.

Шумавскій, чешскій филол. Его мнѣніе о произношеніи 412. 413.

Шумахеръ. Его записка о гражданской печати. 477

Шютце. Его голштинскій «Idiotikon» 158.

Щекатовъ. Его Географическій словарь. 260. По поводу ударенія. 351.

Эминъ, Н. Ѳ. О буквѣ ъ. Его ода на заключеніе мира съ Готѳами, напечатан безъ ъ 496

Эминъ, Ѳ. А. Какъ сотрудникъ Крылова и Клушина по изд. «Зрителя». 102

Эрбенъ, К. Я. Его замѣтка «О славянскихъ топографическихъ назва-

ніяхъ». 251. Его мысль о необходимости приводить славянскія имена мѣстъ въ подлинникѣ. 253

Юнгманъ. Его чешскій словарь. 222.

Jundzill, литов ботаникъ По поводу слова *аистъ* 448

Юргевичъ. Его объясненіе *россскихъ* названій пороговъ. 452

Языковъ, Д. И. По поводу изданій. напечатанныхъ безъ ъ 496.

Якимовъ, переводчикъ Иліады. 99.

Яковлевъ, П. Л. Издатель Рукописи Хабарова о нововведеніяхъ въ правописаніи 505

Ястребцовъ. «О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста» О передачѣ на письмѣ иностранныхъ звуковъ 513

II. Указатель разсматриваемыхъ въ книгѣ русскихъ или заимствованныхъ словъ и именъ.

Въ этотъ указатель не вошли тѣ слова, которыя на стр. 61—84, 432—458 и 616—617 уже расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

СОКРАЩЕНІЯ:

Кор. = корень слова.
Происх. = происхожденіе.
Обр. = образованіе.
Ф., фор. = форма.
Зн. = значеніе.
Произн. = произношеніе (просодія, удареніе).
Уд. = удареніе.
Уп. = употребленіе.
Нов. = нововведеніе.
Прав. = правописаніе.
Изм. = измѣненіе.
Ок. = окончаніе.

Абатъ, прав. 46.
Або 254.
Абрисъ 392.
Августъ, прав. 573.
Авдотья, изм. 260. 570.
Аверкій, произн. 302.
Авиніонъ, прав. 571.
Адмиралтейство, изм. 567.
Адресъ, прав. 46. 569.
Азартъ, уп. 22.
Азіятецъ, прав. 570.
Алания, Алаха 433.
Александринскій, обр. 555.
Алексѣй, прав. 563.
Алена. См. Елена.
Алкать, фор. 314. 318, произн. 424.
Аллея, косв. над. 547.
Алтарь, прав. 570.
Альдога, зн. 262.
Альпы, зн. 251.
Альтъ, уд. 420.
Ангелъ, произн. 455.
Аннинъ, Аннинскій, прав. 554. 555.
Ашкарптеа, произн. 308.
Апрѣль, прав. 563.
Арестовать 557, изм. 567.
Армія, -ейскій, произ. 301, прав. 563.
Артиллерія, изм. 567.
Астафій, изм. 260. 570.
Атмосфера, объясненія Даля 33.
Аура 255.
Айфаръ, Ойфаръ 450.

Балахнинскій, прав. 555.
Баллъ, балъ, прав. 569.
Бантъ, произн. 420. 421.

Баня, косв. над. 561.
Барсукъ, произ. 353.
Бархатъ, произ. 353.
Барщина, произн. 308.
Басня, косв. над. 561.
Басъ, произ. 420.
Баталіонъ, прав. 486. 571. 572.
Батарея, прав. 563.
Батька, -юшка, ок. 577.
Башка, произх. 377.
Башмачникъ, прав. 553.
Башня, косв. над. 561.
Безалаберный, произх. 170.
Безбородко, склоненіе малороссійскихъ именъ 577.
Безвременье, произ. 380.
Бездыханный, ф. 542.
Беззаконный, произ. и прав. 542.
Без, приставка, правоп. 46. 545.
Безсовѣстный, произ. и прав. 542.
Безыменный и т. п., прав. 46. 547. 605.
Бе́регъ, произн. 417; прав. 562.
Береженый, ф. 543.
Береза, прав. 562.
Беречь, береженъ, произ. 314. 321. 325.
Беспокоятъ, 327; прав. 555. 556.
Беспокойный, прав. 545.
Бей, произн. 291.
Билетъ, изм. 538.
Бильярдъ, прав. 571.
Биржа, произн. 280.
Битка, произ. 377.
Благоденствіе, произн. 309.
Благость, произн. 292.
Благъ, -о, произн. 291. 292.
Бланкартъ, изм. 567.
Блевать, произх. 296. 297; произн. 330.
Блескъ, прав. 563.
Блещешь, -утъ, ф. 342. 343.
Близорукій, изм. 210.
Близъ, прав. 561.
Близь, прав. 561.
Блистать, ф. 342. 343.
Блокъ, произ. 421.
Блюдечко, произ. 385.
Богородица, произн. 372.
Бодрый. По поводу словотолкованій Даля. 50.
Боленъ, прав. 455. 560. 565.
Большой, прав. 551. 554.
Борода, произ. 417.
Борона, произ. 417.
Босикомъ 363.
Ботва, ф. и произ. 378.
Ботъ, произ. 421.
Бочанъ, ф. и зн. 447. 448.
Брадобрей, прав. 56.
Братній, произн. 303.
Бредни, произн. 303.
Брикъ, произ. 421.
Брильянтъ, прав. 571.
Брить, брею, прав. 563. 564.
Брызгъ, ф. 297.
Бугульминскій, прав. 555.
Будочникъ, произн. 617.
Буркало, произ. 384.
Бусель, ф. и зн. 447. 448.
Бы, бъ, частица, прав. 589.
Былина, произ. и обр. 374.
Быстро, произ. 415.
Бытіе, произн. 425.
Бытъ, какъ новое слово, заимствованное изъ народнаго языка 19.
Быть, будутъ, ф. 323.
Бѣги, произн. 288.
Бѣдствіе, произн. 279. 303; изм. 304.
Бѣжать 321. 322.
Бѣшенствовать, произ. 330.
Бѣшеный, произн. 305.
Бюлетень, прав. 572.

Валишь, произ. 293. 333. 346. 424.
Валлисъ, изм. 309.
Ванна, прав. 569.
Варево, произ. 384.

Вареный, прав 543.
Вареньице, прав 307.
Варить, произ. 293. 333. 424.
Василекъ, произн 356.
Ватрушка, происх. 597
Ввечеру, прав. 584
Вдвое, вдвоемъ, прав. 587.
Вдвойнѣ, прав. 587
Вдова, -ица, зн. 371; произ 405.
Вдоль, прав. 584.
Вдохновенный, обр 19
Вдохновлять. гл. Его неправильность 19.
Вдругъ, прав 583. 584.
Ведро, прав. 536.
Везенбергъ 254.
Везти, везенъ, произ. 320 321; ок. *ти* 314.
Векса, происх. 259
Векша, прав 563.
Венденъ 254.
Вензель, произн. 303
Вепрь, произн. 303.
Верба, произн. 302
Вередъ, произн. 417
Верзило, произн. 302
Вертѣть, произн. 338.
Верфь, произн. 302.
Верхи, фор. 76.
Верховье, произн 380.
Верхомъ, произн. 302.
Верхъ, произн. 302
Верченъ, прав. 559
Вершина. произн. 280.
Вершокъ, прав. 551.
Веселѣй, произн 280.
Весло, обр 35
Вести, ведёнъ, произн. 321
Ветхій, произн. 280.
Ветчина, произн. 303; прав. непроисх. 593
Вещь, произн. 280; изм. 305.
Вейсенштейнъ 255.
Взамѣнъ, прав. 585.
Вздорный, произн. 308.
Взысканіе, прав 46.
Взыскивать. прав. 546. 547
Виденъ, прав. 560. 565
Видѣнный. употр 559.
Видѣть. По поводу слова *обидѣть* 455.
Визгъ, ф 297
Вилка, произн 308.
Вилла, прав. 569
Виндау, изм. 258
Виндзоръ, прав. 573.
Вино, произ 428.
Висѣлица, произн. 372
Висѣть, произн. 339.
Витать. Неправильное пониманіе его значенія 15.
Витійство, ф. 291.
Вкось. прав. 584.
Вкрутую, прав 587
Вкусъ. уп. 135.
Владимірскій, обр. и прав. 555
Влекомый, обр. 319.
Влечь, влеченъ, произн. 321.
Вліяніе, произн. 378.
Вліятельный, нов 22
Вліять, зн. 17. 22.
Вмѣсто. прав 585
Внизу, прав. 584.
Внукъ, уд. 429
Внутренній, ф. 542
Вовкулака, ф. 28 63.
Во-вторыхъ, прав. 587
Вода 260. 261
Водить, ф. 315.
Водолей, прав. 564
Вожделѣніе, прав 546. 547.
Возлѣ, произн. 303.
Возмутить. О смягченіи *жд* и *щ* 325.
Возникновеніе, ф. 19.
Воз, предлогъ, прав. 544. 545
Возстановить, произн. и прав. 542.

Войлокъ, произн. 354. 355, происх. 392.
Войлочекъ, произн. 359.
Войнъ, произн. 594
Войска, ф 416.
Войти, прав. 594
Вокеръ, прав. 573
Вокругъ, прав 585.
Волдырь, ф. и произн 402
Волкодлакъ 63.
Волна, произн. 308.
Волоконце, образ. 307.
Волокъ, произн. 356.
Волостель, произн. и ф. 367.
Волбсъ и **Велесъ**, обр. 274.
Волосъ, произн 398.
Волочить, произн 339.
Волшебство, произн. 381
Вольмаръ 256.
Вольница, произн. и обр. 371.
Вообще, произн. 280.
Во-первыхъ, прав. пред. 587.
Вордсвортъ, прав 573.
Воришка и др., окон. *ка* 577
Воробей, произн 291, прав. 563.
Воробушекъ, 356.
Ворожба, произн 376.
Ворожея, произн. 388
Ворота, произн. 427.
Воротить, произн. 339
Воровъ, произн. 349.
Воскъ, произн. 396
Воспитанникъ, ф. 543.
Впервые, прав. 587.
Вполпути, прав. 589
Вполсыта, прав. 589.
Впродолженіе, ошиб прав. 585.
Впрочемъ, прав. 586.
Врагъ, произн. 292.
Вразсыпную, прав. 587
Вратить, произн. 337.
Врачъ, уп. 23, произн. 396.
Временить, **-ся**, зн. 173.
Временный, произн 346.
Время, прав 563.
Всемѣстный, нов. 136.
Всетворящій 136.
Вслѣдствіе, прав. 585.
Всплошную, прав. 587.
Встать, произн. и прав. 542.
Вступить, произн и прав. 542.
Втеченіе, ошиб. прав. 585.
Второй, прав 553.
Вчетверомъ, прав. 587.
Выдумщикъ, произн. 350.
Выздоравливать, обр. 391.
Выздоровѣть, **-леніе**, обр. и произн. 349 350 391.
Выигрышъ, произн. 366.
Вы, предл., произн. 349. 350, 357. 389
Выразительность, произн. 350.
Выразить, произн. 349. 350
Высказывать, зн. 546
Высоко, произн. 427.
Высокосный, изм 210
Выстрѣлъ, уп 23.
Выступить и **выступленіе**, произн. 349 350
Высшій, произн и прав. 542.
Быть, сущ зн 21.
Быть, гл 564.
Вычисленіе, произн. 378.
Выйти, прав. 543. 594.
Вьюга, произн. 368.
Вьюнецъ, кор 40
Вѣдать, кор и уд 414
Вѣверъ, происх и прав 565
Вѣка́, **и**, произн. 287. 288, ф. 401. 416
Вѣникъ, произн. 362.
Вѣнценосецъ, прав 552
Вѣнчанный, произн. 305. 426
Вѣнчикъ, произн 303
Вѣритель, произн 367.
Вѣровать, ок. 557.

Вѣтви, произн. 279. 303. 310.
Вѣтеръ, вѣтра́, произн. 398
Вѣтренный, вѣтреный, вѣтряный, прав. 543.
Вѣченъ, произн. 305
Вѣяло. произн. 384
Вядчина. См. Ветчина
Вязать. ф. 315.
Вязни, произн. 303.
Вящій, прав. 553.

Галиція, происх 254.
Галичъ, происх. 254
Галлія, прав. 309
Гамъ, гамить, гамѣть и гамять, зн. и происх. 170
Гари, зн. 258
Гвозди, произн. 279. 303.
Гдѣ, произн. 292, прав. 598
Геморой, прав 569.
Генеральскій, изм. 308
Генеральша 308.
Герой, произн. 291.
Гёте, прав. 536.
Гимназія, изм. 538
Глазоемъ, уп. 31. 32.
Глухой, произн. 291
Гнать, ф. 319. 323
Гнутіе, произн 379
Гнуть, ф. 298, кор 313.
Гнѣдко, произн. 389, прав. 577
Гнѣздо, произн. 349.
Говоръ, зн. 247.
Года́, ы, ф. 401.
Голенище, произн. 382.
Голова, -ной, произн. 417. 425.
Головашка, зн. 69.
Головня, обр. 35.
Голосованье, нов. 18.
Голосъ, произн. 417.
Голубецъ, голбецъ, произн. 362
Голубица, произн. 372
Голубка и голубица, произн. и уп. 372.
Гомеръ, произн. 291.
Гомонъ, зн 170.
Гомъ и гомъ, зн. 170
Горизонтъ. О толкованіяхъ этого слова въ словарѣ Даля 32.
Горки, произн. 301
Горница, произн. и обр. 279. 371.
Горнуть, зн. 40.
Городить, произн. 339
Городище, произн. 383
Городъ, зн. 273. 274 276, произн. 417.
Гороховище, произн. 375
Горохъ, произн. 349.
Горчичница, прав. 553.
Горшокъ, фор. 35
Господь, произн. 291
Гостиница. уп. 23, происх. и прав 543
Гости, произн. 303.
Грабли, произн. 310
Градусъ, ф. и произн. 398
Градъ, происх 276.
Гражданинъ, произн. 346. 366. 427.
Гражда 274.
Грамотей, происх и прав. 564
Грамотность, зн. 248.
Грань, происх. 276.
Гребенщикъ, прав 548
Гребешокъ 356.
Гребля, изм. 310.
Гребни, произн. 303.
Грести, произн. 320
Греція, произн 306.
Греча, прав. 564.
Громада, происх. 276
Громоздкій, происх. 276
Громъ и гремъ, ф. 274
Грузди, произн. 303
Группа, прав. 569.
Грызть, -енъ, произн. 320. 321.
Грѣхи, произн. 288.
Гувернантка, правоп. 568

Гульба, ф. 309.
Гульбище, ф 308, произн. 382
Гульливый, произн и прав. 309. 542.
Гуртъ, происх. и зн. 40
Гурьба, произн. 376.
Гусачиха, нов. 29, прав и обр. 372.
Гусли, произн. 303

Давнымъ-давно, прав. 589.
Давыдъ, прав. 548.
Далекія, произн. 288. 289.
Далеко, произн. 427.
Дальній, ф. 594.
Даришь, произн. 424.
Даровитый, нов. 18. 22.
Дать, ф. 321. 323.
Движитель, произн. 367.
Двинуть, ф. 298.
Двѣсти, прав. 564. 588
Дебри, произн. 303.
Деревенщина, произн. 303.
Деревня, -и, произн. 303. 304, косв. над. 561.
Дерево, ф. и произн. 402. 404.
Деревянный, ф. 542.
Держать, -тъ, произн. 314. 315, ок. 315, прав 555. 566.
Десятокъ, -чекъ, произн. 359.
Директора́, ы, ок. 400. 401.
Дмитрій, прав. 570.
Днѣпровскій, обр. и прав. 555.
Добродѣтель, произн. и ф. 366.
Доброта, произн. 375.
Добрѣй, произн. 280.
Довѣрчивъ, произн. 302.
Догорать, правоп. 293. 474. 548.
Доить, произн. 337.
Доказывать, зн. 546.
Докъ, произн. 396.
Долбить, произн. 337.
Долго, произн. 308.
Должать, произн. 308.
Домишко, окон. *ко* 577.
Донощикъ, обр. 365.
Допышко, произн. 385.
Дословно, 588.
Достижимый, нов. 135.
Дойти, прав. 543.
Драгунъ, произн. 403.
Драма, прав. 570.
Дрань и **драница**, зн. и произн. 371.
Древко, произн. 385.
Древній, произн. 303.
Дремать, -ть, произн. и прав. 304. 327. 563.
Дремота, произн. 375.
Дровни, ф. 35.
Другой, косв. над. 554.
Дуновеніе, старый образецъ подобныхъ словъ 19.
Дурачье, произн. 380.
Душа, косв. над. 551.
Дуэль, уп. 23.
Дыра, произн. 402, прав. 548.
Дыхать 328. 332.
Дышать, -ть, ф. 328. 332, прав. 556
Дышешь, дышишь, ф. 328. 332.
Дышло, происх. 37.
Дьякъ, произн. 396, прав. 571.
Дѣва, -ки, -ица, зн. 371, произн. 370. 372. 280. 418.
Дѣлитель, ок. 367.
Дѣлишко, -льце, произн. и зн. 386. 307.
Дѣлывать, 557.
Дѣтище, произн. 382.
Дѣяніе, произн. 378.
Дѣятель, уп. 18. 22, зн. 248.

Егоръ, изм. 538.
Единица, произн. и обр. 370.
Единство, произн. 380.
Екатеринишъ, -скій, прав. 554.
Елена, изм. 260. 570.
Елизавета, прав. 570.
Елисѣй, прав. 563.

Ель, -и, -ки, произн. 277. 309.
Еликій, произн. 288. 289.
Еремѣй, прав. 563.
Ерикъ, или *узекъ* 71.
Ермолафія, -нда, обр. и зн. 147 148.
Ерь и ерь, произн. 302.
Если, произн. 279. 301.
Естественный, изм. 304.
Есть, произн. 300. 303.
Ефрейторъ, изм. 567.

Жаворонокъ 358.
Жаждать. ф. 36. 315.
Жалѣть, произн. 474.
Жареный, ф. 543.
Жевать, произн. 330.
Же, жъ, частица, прав. 589.
Желанный, произн. 426, ф. 542.
Желтый, произн. 308.
Желудокъ, -чекъ, произн. 358. 359.
Желчь, произн. 308.
Желѣза́, произн. 417.
Женить, произн. 337.
Женщина, произн. 303.
Жердь, -и, пропск. 276, произн. 280. 302.
Жертва, произн. 280.
Жестяной, ф. 543.
Женъ, -ый, прав., кор. 560.
Живодѣтельный, нов. 136.
Животворный, нов. 136.
Жизнь, произн. 303.
Жила, произн. 305.
Жилище, произн. 383
Житіе, произн. 425.
Журавль, ф. 274. 295.

Забытье, зн. 380.
Зависѣть, произн. 339.
Завитокъ, произн. 358.
Завтракъ, произн. и ф. 352.
Завѣсь, зн. 32.
Заговѣнье, произн. 379.
Задатокъ, зн. 248.
Задній, произн. 279. 303.
Зайти, прав. 543. 594.
Закрома, 267.
Закута 434
Залъ, произн 421.
Замокъ, зн. по произн. 350. 356.
Замолаживать, зн. 12.
Заодно, прав. 587.
Заплачено, произн. 293.
Заподозрѣть, нов. 22, прав. 559.
Запрягъ, произн. 294, прав. 554.
Заручины, произн. 373
Заря и зорю, изм. 294.
Застольный, изм. 307,
Застрѣлить, произн. 337.
Затворить. обр. 334.
Затмѣніе, затмѣвать, прав. 565.
Затрясся, произн. 294.
Затѣвать, обр. 559.
Зачастую, прав. 587.
Зачинъ, уп. 19.
Званый, ф. 543.
Звено. кор. и прав 564.
Звездъ, ф. 297
Звѣрь, -скій, произн. 279 308.
Здоровится, ф. 391.
Здѣсь, прав. 598.
Земледѣльческій 308.
Земля. ф. 274. 295, произн. 304.
Земной, произн. 425.
Зеница, прав. 564.
Зеркало, -ьце. ище, произн. 382 384. 404, прав. 552.
Зниждить. ошиб. ф. 35. 36
Зижду, пропск. 35.
Зимовать. ок. 557.
Зимовье, произн. 380
Змѣй, произн. 291, прав. 563.
Знаменатель. зн. и ок. 367.
Знаменіе, произн. 380.
Знатокъ, произн. 354.

Зовочный, обр. страдательнаго причастія 320.
Зодчество, -кій, происх. 36
Золотить, произн. 339.
Зонтикъ, произн. 303.
Зрѣть, ф. 559.
Зубъ, -ы, произн, 395. 402, ф. 402
Зыбить, ошиб. ф. 36
Зыряне, происх. 261.
Зѣнка, Зѣница, произн. и уп. 372; прав 564

Игра, кор. 78
Идея, косв над. 547.
Идиллія, прав. 569.
Идолъ, ф. и произн. 398.
Идти, 322. 323, произн. 301, окон. *ти* 314; ф. и прав. 543. 594, кор. 544. 594.
Иждивеніе, прав. 546.
Ижорская земля, изм. 262.
Избранный, произн. 426.
Избѣгли, произн. 304.
Извощикъ, прав. 548.
Иззябнуть, произн. и прав. 542.
Изобрѣтеніе, произн. 146. 350. 379.
Изъ, предлогъ, прав. 544. 545.
Изсушить, произн. и прав. 542.
Изъ-за, прав. 589
Изъ-подъ, прав. 589.
Икаю, ф. 331.
Иларіонъ, прав. 570.
Иліада, прав. 570.
Ильинична, прав. 553.
Ильмень, 171 172, изм. 263, произн. 264.
Имать, уп. 315.
Имѣніе, -ьеце, зн. 391, косв. над. 547, произн. 307
Индульгенція, произн. 303, изм. 306.
Индѣецъ, прав. 563.
Индѣ, произн. 303.
Иного, прав. 554.
Инокъ, произн. 354, обр. 355.
Иностранцы, косв. над. 552.
Интересъ, -ный, прав. 46. 569, нов. 134.
Ирина, Арина, прав. 570.
Искрененъ, -ній, ф. 542. 543, прав. 593.
Искуство, -ный, прав. 544.
Исландія, произн. 303; ф. 575.
Исподволь, прав. 589.
Исполать, происх. 210 566.
Испытую, ф. 558.
Истина, произн. 374, прав. 543.
Источникъ, происх. и произн. 364.
Исчезнешь, произн. 303.
Итакъ, прав 589.
Италіянецъ, прав. 570.
Итти. См. **идти**.
Ичу, ф. 331.

Кабанъ, произн. 43.
Кадочка, зн. 62
Казакъ, прав 293.
Казать, уп. 546.
Кайма, изм. 294.
Какой, прав. 553.
Каленый, ф. 543.
Калита, уп. 173.
Камень, ф. 275, произн. 402.
Камергеръ, прав. 46. 569.
Камешекъ, произн. и прав. 356.
Кампанія, прав. 571.
Камушекъ, прав. и произн. 356.
Камышъ, произн. 413. 414.
Кандалакская губ. обр. 264.
Канцы, изм. 263.
Капиталъ, уп. 22.
Каплунъ, произн. 403.
Капуцинъ, прав. 552.
Каракуля, происх. и произн 368.
Кармашекъ, произн. 359.
Касаться, коснуться, прав. 548.
Касса, прав. 46. 569.

Катавасія, прав. 570.
Катаръ, прав. 569.
Катишь, произн. 293. 424.
Катухъ 434.
Кащей, произн. 280.
Каять, кор. 558.
Кегли, произн. 304.
Кесь, имя города 254
Кивачъ, происх. 264.
Кинуть, ф. 298.
Кисея, произн. 377.
Кистень, обр. 275.
Кладбище 308. 346. 382, произн. 427
Классъ, прав. 46. 569, произн. 421.
Класть, кла́денъ, произн. 314. 326. 321.
Клевать, произн. 330.
Клевета, произн. 375.
Клеенчатый, произн. 310
Клей, прав. 563.
Клеймо, происх. и произн. 384.
Клеять, прав. 555. 556.
Клинокъ, зн. и произн. 356.
Клинскій, обр. 555.
Клинъ, происх. 266.
Клиросъ, произн. 568
Клѣтчатый, произн 303. 305
Клясть 314. 323.
Книгопродавецъ, произн 362.
Кнутовище, обр. 382.
Кобыла, -ица, зн. 371.
Ковалокъ 172.
Ковать, произн. 330.
Коверкать, произн. 302
Когда, произн. 292.
Когти, произн. 292.
Кожа, -ный, произн. 349, прав. 543.
Коза, произн. 349.
Козлище, произн. 382.
Козни, произн. 303.
Козьминична, прав. 553.
Колбаса, происх. 593.
Колдунъ 308.
Колебать, -аю, -лю, -лютъ, ф. 315 318, произн. 424, прав. 555. 556 563, уп. 303. 332.
Коленкоръ, изм. 538.
Колкость 308.
Коллегія, изм. 567, прав. 569
Колоземица, уп. 33.
Колоколъ, произн. 417
Колокольня, косв. пад. 561.
Колпикъ, зн. 448.
Коло 433, зн. 454
Колóссъ, прав. 46.
Колотить, произн. 339.
Колотье, произн. 379.
Колоть 37.
Колъ, происх. 37. 437.
Колыбель, ф. 564.
Колывань 254. 265, происх. 266.
Колымага, зн. и обр. 433.
Колыхать, ф. 314. 318.
Колышутъ, прав. 327.
Колѣно, ф. и произн. 402
Колѣть, происх. 37.
Команда, прав 46, ф. 569.
Командовать, ок. 557.
Комендантъ, прав. 46, изм. 567.
Комиссія, уп. 22, прав. 569.
Компанія, прав 571.
Коневій, произн. 289.
Конецъ, изм. 308, косв. пад. 551.
Конечно, произн. 305.
Конопля, ф. 295.
Конскій, обр. 308.
Конфеты, -ка, -чикъ, произн. и прав. 568.
Кончать, произн. 305.
Кончикъ 303. 308
Копейка, происх. и прав. 564.
Коптить, произн. 337.
Копьецо, произн. 307
Корабль, -ельщикъ, произн. 310 308.
Корень, ф. и произн. 402.
Корзина, произн 301.

Кормить, произн 301.
Корокатица, произн. 370. происх. и зн. 595.
Коростель, происх. 367.
Коротить, произн 339.
Коридоръ, изм. 567.
Кортикъ, произн 362
Коршунъ, произн. 352
Корячить, происх 595
Косвенный, произн 303.
Косить, зн., произн. 338, ф. 343.
Кочевье, произн. 380.
Кошелекъ, произн. 356.
Красикъ, происх, произн и зн. 363.
Краше, ф 363
Край, **-и**, зн. 256, происх. 276, ф. 401.
Кременецъ, **Кременчугъ**, и друг названія того же корня 272.
Кремень. 270 272. 274, происх. 275.
Кремль, зн. и происх. 267. 269. 270. 273. 274. 275 Догадка Карамзина о его происх 271, происх 276
Кремникъ 270. 271. 276
Кремъ, ф. 270
Крендель, произн. 303, происх 455.
Кресать и **кресиво** 275.
Кресло, произн. 383.
Крéстишь, **-ся**, и **крести́шь**, **-ся**, зн по произн. 338
Крестъ, произн 396. 475.
Крешендо, произн. и прав 575
Кривой, произн. 291.
Кринка, произн. и прав. 548.
Крица, ф. 35
Кровавикъ, произн. 363
Кровонійца, произн. 291
Кроить, произн. 337.
Кроликъ, произн. 362.
Крома, **-ка**, происх. 269, зн. 273.
Кромный, зн 269. 270.
Кромъ, зн. 267. 268. 269. 270. 373. 274. 275, происх. 276
Кромы, зн. 268.
Кромъ, зн и происх 269 270
Кромѣшній 269
Кронштадтъ, прав. 569
Крошево, произн 384
Кружокъ, прав. 551
Крупина, произн. 375
Крыло, произн 548
Крылосъ, изм 210
Крѣпки, произн 280.
Крытіе, произн. 379
Крѣпнетъ, произн. 304
Крюкъ, ф и произн. 402
Кубокъ 434, происх и произн 354. 355.
Кувертъ, уп. 22
Кудель, прав 563.
Кукла, происх 368
Куликъ, произн 363
Куличъ, прав. 305
Куманекъ, произн. 357.
Купальня, косв. над. 561
Купель, прав. 564.
Купецъ, уп. 23, косв над 551
Куприна, произн 373
Курица, об. произн. 369
Курьёзный, прав. 572
Курьеръ, прав. 572.
Кусокъ. О синонимѣ этого слова 172.
Кутья 566.
Кѣмъ, произн 288.

Ландшафтъ, прав иностранныхъ словъ 575
Лань, произн. 420
Ларіонъ, прав. 570
Ларчикъ, обр. 308
Латынь, произн. 548. 575.
Лгать, ф. 317
Леве, прав. 536
Легкій, произн. 288. 289
Леклекъ, изм. 447.
Лекторы, ф. 400
Лекція, произн 306.

Лёля, произн. 289
Леонтій, Левонтій, прав. 570
Лечь 322. 323.
Лещь, произн. 280, изм и прав 305
Лей, произн. 291.
Лейпцигъ, произн 291
Либо. прав. 589
Лизавета. См. **Елизавета**.
Ли. ль, частица прав. 589.
Лимонъ, зн. и происх. 263.
Линейка, прав. 565.
Лира, прав. 538
Листъ, ф. и произн. 402
Литература, прав. 570.
Лицевой, прав. 552.
Лицевщикъ и лицовщикъ, произн. 364.
Лицемѣръ, прав. 552.
Лицо, прав. и уп. 551
Лишекъ, произн 354. 356.
Ловкосиліе, уп. 31.
Логовище, произн. 383
Логариѳмъ, прав иностр. словъ 575.
Ложишь, -ся, произн 339.
Лозунгъ, прав. 575.
Локаю, ф 331.
Локомотивъ, прав. иностр. словъ 575.
Ломбардъ, прав. 575
Лосось и лососокъ, произн 357
Лотерея, прав. 563, произн. 575
Лугъ, произн. 292.
Луковица, произн. 370.
Лучекъ, произн. 354, зн. по произн. 356.
Лучить, произн. 331 339
Лучшій, произн. и прав. 542.
Льгота, произн. 375.
Лѣзть, -ли, произн. 303. 320.
Лѣкарство, произн. 380.
Лѣкари, -я, произн. и ф. 397, прав. и происх. 470.
Лѣнь, произн. 277.
Лѣстница, произн. 279. 372.
Лѣта, произн. 416.
Лѣтній, произн 303, ф 594
Лѣчить. прав. и происх 470. 483. 565.
Лѣшій, произн 289.
Любить, ф. 315.
Любопытный, уп 134
Людеревъ 254, происх 265. 266.
Людъ, нов 18

Мазать, произн. 424.
Майчистъ, происх. 261.
Маіоръ, прав. 572.
Малозначащій, прав. 556
Малолѣтный, прав. 594.
Мало-мальски, прав 589.
Мальчикъ, обр. 308.
Манёвры, прав. 536.
Манежъ, прав 305.
Манера, уп. 22.
Маріинъ, -скій, прав. и обр. 555.
Маслина, произн. 373.
Масляный, прав. 543.
Масса, прав 46. 569.
Мастеръ, уп. 22
Матвѣй, прав. 563.
Матерія, уп. 22.
Матеріялъ, -ный, нов 22, прав. 570. 571.
Мебель, уп 134.
Медаліонъ, прав. 571.
Медвѣдь, произн. 303.
Медицина, произн. 306, прав. 552.
Медлить, произн. 303.
Мезга, прав. 563
Мезень 265.
Мелкій, произн. 308, прав. 565.
Мельница, прав. 565.
Мель, прав. 565.
Меньше, изм. 309.
Мережа, произн. 434
Металлъ, прав. 569.
Метёлка, произн 289.

Мечъ, -омъ, произн 280. 305, прав. 290. 305. 551.
Милліонъ, прав. 486. 571 572.
Миловать, ок. 557.
Мимо и миновать. О родствѣ звук. *м* и *н* 599.
Миріады, уп. 107.
Миротворецъ, произн. 362.
Мистика, прав. 538.
Мироколица, слово придуман. 31. 33
Мірянинъ, произн. 366.
Младенецъ, зн. 361.
Младенчественный, нов. 136.
Множитель, ок. 367.
Мнѣніе, обр. и прав. 565.
Мозжечокъ, произн. 359.
Мокрота, произн. 375.
Мокшане, происх. 261.
Молвить, произн. 308.
Молебствіе, произн. 303.
Молодецъ, произн. 418.
Молодой, произн. 293, прав. 554.
Молотить, произн. 339.
Молчать, произн. 308.
Мольба, обр. 309.
Монастырь, обр. 538.
Моральный, нов. 134.
Мордва, зн. 260.
Морочать, прав. 555. 556.
Морской, произн. 425
Москва. Объясненіе Адамса 253.
Мотовило, произн. 384.
Мочь, произн. 318. 338.
Мракъ, произн. 396.
Мужикъ, -чье, произн. 363. 380. 395.
Мужъ, -енекъ, ф. и произн. 357. 402. 406.
Музыка, уп. 22, происх. 617.
Мулъ, произн. 396.
Мурома, происх. 261.
Мученіе, произн. 379.
Мущина, прав. 544. 549.
Мчать, зн. 71.
Мы и насъ. О сродствѣ звуковъ *м* и *н* 299.
Мыльце, произн. 307.
Мысленный, прав. 542.
Мысли, произн. 279. 300
Мыслитель, произн 367
Мышка, произн. 413. 414.
Мѣрило, произн. 384.
Мѣстишко, произн. и зн. 386.
Мѣстоименье, ф. и произн. 380.
Мѣсто, произн. 349.
Мѣтокъ, -ій, прав. и зн. 470. 565.
Мѣхъ, произн. и ф. 398. 401.
Мягкій, произн. и прав. 292. 467.
Мязча, мяздра, происх. 70.
Мянуть, уп. и произн. 333.
Мясникъ, произн. 303.

Наврядъ, прав. 589.
Навье, зн., уп и происх. 172.
Нагъ, -ота, произн 292.
Надобно, ф. 19.
Надѣются, прав. 312. 555. 556.
Названый, произн. 426, ф. 543.
Наизусть, прав. 561. 589.
Наискось, прав. 589.
Наказать, -ывать, зн. 546. 557.
Накалю и наколю, произн 293.
Налой, происх. 210, ф. 566
Намостъ, нов. 135.
Напасть, произн. 351.
Напересникъ, произн. 279.
Напересточекъ, произн. 359.
Наплясаться, зн. 248.
Напропалую, прав. 587.
Напротивъ, прав. 588.
Нарва 254.
Нарочно, прав. 553.
Нарѣчіе, прав. 47.
Наслѣдникъ, произн. 279.
Насморкъ, произн. 350
Настра́ивать, ф 294.
Настроеніе, нов. 18.

Насупротивъ, прав. 589.
Насущный, нов. 68, зн. и происх. 248.
Насылка, слов. Даля 31.
Натура, нов. 134.
Научный, нов. 18. 22.
Нахальный, -ство, обр. 307.
Найдти, прав. 543.
Небоземъ, слов. Даля 32.
Небывальщина 308.
Нева, зн. 172. 262. 263.
Невзирая, прав. 591.
Невѣжи, произн. 289. 305.
Негоціантъ, уп. 23.
Негритянка, произн. 304.
Недовольный, прав. 590.
Недоучь, произн. 351.
Недѣля, косв. пад. 547.
Неклейка, зн. 447.
Нельзя, ф. 591.
Немыслимый, нов. 17.
Ненастынскій 451.
Ненасытецъ 451.
Неописанный, произн. 426.
Неотвязчивый, прав. 549.
Не, произн. 351, прав. 589, 590. 591.
Нервъ, произн. 396.
Нёрша, обр. 434.
Несказанный, произн. 426.
Несмотря, прав. 591.
Нести и несть, ок. 314, обр. страдат. причастія 319.
Не что иное, прав. 591.
Неясыть, зн. 449. 451.
Нибудь, прав 589.
Низовье, произн. 380.
Низ, предлогъ прав. 544. 545
Никитична, прав. 553.
Ничто, прав. 591
Новгородъ 256.
Ногти, произн. 292.
Ножницы, произн. 372.
Ножъ, косв. пад. 551.
Ноздря, происх. 70.
Нравственный, нов 134
Нынче, произн. 303.
Ныть и унывать, происх. 172.
Нѣмчикъ, произн. 304.

Обернуть, обр. 455.
Облокотиться, произн. 339
Обидѣть, -женъ, прав. 559, ф. 455.
Обитать, ф. 15
Обитель, произн. 351. 367
Обманщикъ, произн. 303
Обманывать, ф. 557.
Обморокъ, произн 358.
Обнародовать, -ывать, уп. 557. 558.
Обогащенный, ф. 325.
Обознаться, зн. и уп 15.
Образовать, -вывать 557. 558
Образъ, зн. и ф. 401, нов. 135.
Обращикъ, произн 365, прав. 549.
Обрусеніе, -ѣніе, прав. 565.
Обручъ, прав. 391.
Обусловливать, нов. 22.
Обшлагъ, произн. и ф 398
Общеполезный, нов. 136.
Общественность, нов. 136.
Общество, произн. 380.
Община, произн. 374.
Объемлютъ, прав. 326.
Объѣздъ, прав. 547.
Обыденный, зн. 15.
Обыкновенный, обр 19.
Обычай, произн. 353.
Обѣдня, косв. пад. 547.
Обязую, -ывать, ф. 455. 558.
Овощъ, произн. 420.
Оврагъ, произн. 403.
Овца, произн. 420.
Огнедышащій, прав. 556
Огненный, ф. 542.
Огниво, произн. 384.
Ограниченіе, произн. 379.
Огромный, происх. 276.

Одеяніе 255.
Одиннадцать, произн. и прав. 542
Одинокій 355.
Одинъ, косв. над. 954.
Одѣяніе, произн. 378
Озеро, ф 260, произн 346. 404
Озоръ, уп. 32.
Оказія, нов. 22
Ока, происх. 259
Окончу, обр 307.
Окончѣнъ, прав. 559
Окорокъ 358, происх 595, произн. 417.
Оладья, прав. 570
Олена. См Елена.
Олень, произн. 277. 292. 293.
Олтарь и **алтарь**, прав. 293.
Омерзеніе, **-ѣніе**, прав 565.
Оный, уп 132
Опаска, **опасъ**, происх 435.
Опахтанье, происх. 445
Оносокъ, зн. 170
Опознаться, зн. 15.
Опойчина, уп. 171
Опрѣснокъ, произн. 358
Опѣняемый, нов. 136.
Орать, ф. и зн. 327.
Орѣховъ, **-ецъ**, **-шекъ** 257.
Оселокъ, произн. и кор. 359.
Осень, ф 260.
Осинъ, изм. 260. 538, прав. 570
Оскомина, происх. 170.
Ослабленіе, происх. и зн. 391.
Осмина, произн. 303
Осмѣивать, прав. 559.
Остолопъ, зн. 73.
Островской, произн. 425.
Островупипрагъ, зн. 452.
Острота́, произн. 417.
Острый 359.
Отверзнетъ, произн. 304
Отверстіе, **отверстый**, ф. 304 560.
Отворить, произн и прав. 46. 542
Отдать, произн. и прав. 542
Отдохновеніе, ф. 19.
Отель, уп 23
Отецъ, произн 290. 303 388.
Откупъ, произн. 394.
Отрасль, произн 303.
Отрокъ, произн 356
Отсюда, произн. 306.
Оттанвать, прав. 559.
Отпереть, произн. и прав. 542.
Отучить, прав. 605.
Отчаиваться, прав. 559.
Отчина, произн. 303.
Отъявленный, прав. 547.
Офицеръ, прав. 46. 569.
Офиціальный, прав 46
Охрипъ, произн. и прав. 548.
Очагъ, произн. 403.

Па́губа, произн. 294.
Падалина, произн. и обр. 374.
Падчерица, произн. 370.
Пажъ, произн. 396.
Палецъ, **-чикъ**, ф. и произн. 308.
Палить 444.
Панихадило, изм. 210.
Панніотка, прав 571.
Па, предл, произн. 358. 370.
Паровозъ, нов. 22
Партеръ, прав. 569
Партикулярный, уп. 22.
Пасмо, происх. и произн. 384.
Пасти и **пасу**, ок *ти* 314, произн. 314. 320.
Пасынокъ, произн 370.
Пахота, произн. 375.
Пахтать, происх. 445.
Пайда 255.
Пелёнки, произн. 289.
Пелерина, прав. 568.
Пензинскій, прав. 554. 555.
Пенсія, произн. 303.
Пентюхъ, произн. 302.

Пенька, произн. 377.
Пенять, прав. 595.
Пепелище, произн. 382.
Первенство, произн. 380.
Первый, произн. 280. 300. 302.
Переводчикъ, произн. 303, прав. 549.
Переворотъ, уп. 117.
Передъ и **предъ**. стар. прав. 562.
Перекопь, произн. и ф. 351.
Перепищикъ, прав. 549.
Переплетчикъ, произн. 310, прав. 549.
Перецъ, косв. над. 552.
Перейти, прав 594.
Пермь 260, произн. 302.
Перси, произн. 302.
Персона, уп. 22.
Песокъ, прав. 563.
Песчаный, прав. 549.
Петля, произн. 303.
Петровъ, **-скій**, обр. и прав 555.
Печать, уп. 18, 248.
Печора, зн. 261.
Пинега, происх. 259.
Пиршество, произн. 381.
Писемцо, **-ьмецо**, произн. 307.
Пискъ, ф. 297
Писчій, прав. 549.
Піявица, произн. 372.
Плавикъ, происх., произн. и зн. 363.
Плакать, происх. 296, произн. 314. 424
Платить, произн 293. 335. 424. 474. 560.
Плотно, кор. 75.
Платъ, кор. 75.
Платьеце, прав 307.
Плащъ, косв. над. 551.
Плевать, кор. и ф. 294. 295. 297. 299, зн. 296, произн. 330.
Плескать, ф. 343.
Плетень, ф. 275.
Плётки, произн. 289.
Плечо, 295, прав. 551.
Плоскій, кор. 75
Плоскогорье, нов. 18.
Плугъ, произн. 396.
Плыть, ф. 296.
Плѣницы, зн. и произн. 371.
Плѣшникъ, произн 301.
Плѣнъ, произн. 277, прав. 562.
Плясать, уп. 20.
Поаршинно, обр. 588.
Поваръ, произн. и ф. 397.
Повзводно, орб. 588.
Повытчикъ, происх. 21.
Погибель, произн. 351.
Поглощать, прав. 548.
Поголовно, об. 588.
Погребъ, произн. 394.
Подаришь, произн. 293.
Податливъ, произн. 303.
Подвое, прав. 587.
Подволокъ, зн. 38.
Поддать, произн. и прав. 542.
Подина́, зн. 173.
Подлый, уп. 132.
Подлѣ. обр. 74, произн. 303.
Подметки, произн. 475.
Подпищикъ, прав. 548. 549
Подраздѣленіе, нов. 133.
Поединокъ, уп. 23.
Пожарище, произн. 382.
Позвонокъ, произн. 358.
Поздній, произн. 279. 304.
Поздравить, ф. 391.
Позовокъ, произн. 358.
Позывъ, произн. 350.
Покамѣстъ, прав. 561.
Покаяніе, произн. 378.
Покланяться, прав. 548.
Полати, кор. 75.
Поле, кор. 75.
Полагать, прав. 547 548.
Полдень, ф. 309.
Ползать, **-зти**, произн. 308, ок. *зт* 314.

Полка, кор. 75.
Полкъ, произн. 395. 428.
Полный, произн. 308.
Половина 75.
Половодье, происх. и прав. 595.
Полногрудый, происх. и прав. 595.
Полокъ, кор. 75.
Полно, произн. и уп. 411.
Полость, происх. и прав. 595.
Полотенце, произн. 306.
Полотнище, произн. 382.
Полоть, зн. 75
Полоумный, происх 75, прав. 595.
Полтора, прав. 588.
Полчище, произн. 382.
Полъ-груза, прав. 588.
Полъ-листа 309. 588.
Полъ-лота 309.
Полынья, происх. и прав. 595.
Полый, зн. и прав. 595.
Полѣно 35.
Помнить, произн 314.
Помѣщикъ, прав. 544. 548.
Пономарь, изм. 566
Поочередно, обр. 588.
Поперекъ, кор. и прав. 599.
Попеременно, обр. 588.
Поплавокъ, произн. 358.
По, предл., прав. 588
Портить, произн. 301.
Порція, произн. 306.
Порядокъ, произн. 354.
Посадишь, -ть, ф. 343. 293.
Посланецъ, произн. 362.
Послѣ, произн. 303
Постель, произн. 351
Постлать, произн 173.
Посуда, кор. 437.
Посѣвать, обр. 559
Посѣщенный, обр. 325.
Потолокъ, происх. 37 38. 358
Потребность, уп. 134.
Потрясъ, произн. и прав. 554
Потчевать, прав. и кор. 595 596
Похвальба, изм. 309.
Похороны, произн. 406
Починъ, заимств. изъ народнаго языка 19, пов. 22, зн 248
Почтиліонъ, прав. 571. 572.
Поэзія, произн *э* 573.
Поэтъ, произн. *э* 573.
Поясъ, происх. 435.
Правило, произн. 384
Празднество, произн. 381.
Прасковья, прав. 570.
Прачечная, прав. 553.
Прегражденный, обр. 325.
Предметъ, произн. 475.
Предокъ, произн. 354.
Представитель, нов. 22.
Предыдущій, прав. 46. 546. 547. 605.
Презрѣнъ, призрѣнъ, прав. 559.
Прежде, произн. 305
Презентъ, происх. 572.
Преніе, обр. 378, стар. прав. 563.
Преобразованіе, уп. 23
Пресвитеръ, произн. 303
Претензія 291, произн. 303
Претить. О смягченіи *т* въ *щ* 325
Преткновеніе, уп. 19
Преуспѣяніе, уп. 19, произн. 378.
Приборы, нов. 134.
Приведенный, ф. 542.
Привилегія, прав. 570.
Привѣтствіе, привѣтъ, произн 279. 303. 304
Пригорокъ, произн 358.
Приданое, ф. 543
Признаетъ, прав. 536.
Прикащикъ, прав. 548. 549.
Прикосновеніе, обр 19.
Прилежаніе, -ный, 19, прав. 565
Примѣчаніе — въ выраженіи: «примѣчанія достойный» 19
Принципъ, нов. 23.
При, прав. 546.

Прислать, пришлешь, произн. 339.
Присмирѣть, произн. 303.
Притворить, обр. 334, произн 293.
Притолокъ, обр. 37.
Причетъ, зн. по произн. 350.
Пріобрѣтеніе, произн 379.
Пріѣзжій, произн. и прав. 542.
Пріязнь, обр. 351.
Прійти, прав. 594.
Проблема, прав. 570, упот. *э* 573
Пробѣлъ, уп. 18.
Провинція, произн. 303. 306.
Прогресъ, прав. 46.
Прожора, прав. 551.
Проигрышъ, произн. 366.
Промыселъ, -слъ, ф. 135. 401.
Промышленность, -ый, -икъ, нов. и уп. 135, ф. 543.
Промышлять, уп. 135.
Проповѣдывать, -ываю, -ую, прав., ф. 557. 558.
Прорубь, прав. и произн. 567.
Просвира, изм. 210. 566.
Прославленіе, произн. и произх. 379.
Прослезюсь, ф. 326.
Проснись, произн. 303.
Простолюдинъ, -мъ. О родствѣ звук. *м* и *н* 299.
Просто-напросто, прав. 589.
Простоплетка, зн. 69.
Просторъ, произх. 38.
Протоколъ, прав. 569.
Профессоры, -а, ф. 400. 416. 569.
Проходимецъ, уп. 19.
Проявленіе, нов. 18
Пройти, прав. 594.
Прыскъ, ф. 297.
Пряжка, зн. 69.
Пряничный, прав. 553
Публичный, нов. 133.
Пугало, произн. 384.
Пузырь, ф. и произн. 402
Пукъ, ф и произн. 402.
Путевой, зн. 249
Путце, зн 62
Пуховой, -викъ, произн 365.
Пыжикъ, произх 363
Пыжиться, произх. 363.
Пьедесталъ, прав. 572.
Пьерро, прав. 572
Пьеса, прав. 572.
Пьяница, произн. и обр. 371
Пѣніе, обр. 378.
Пѣнязь, прав 565
Пѣсня, произн. 300. 303, косв над 561.
Пѣстунъ, -ья. произн. 352. 368
Пѣть, произн. 314
Пѣхота, произн. 375.
Пѣши, ф. 42.
Пѣшка, произн 305.
Пятина, произн 374

Работа, произн. 375
Рабъ, -а, произн. 429.
Раз, роз, прав. 544. 545. 546
Разборъ, уп. 18.
Разбредаться, ф. 76.
Развитіе, уп. 117. 134.
Развѣ, произн. 303.
Развѣшенъ, прав. 559.
Разгавливаться, произх. 391
Раззадорить, произн. и прав. 542.
Разинуть, произн. и прав. 542.
Разлучишь, произн. 339.
Разница, произн. и об. 371.
Разорить, -ю, 293, прав. 46. 542.
Разсказъ, -ывать, прав. 545. 546.
Разскепъ 435.
Разсматривать, разсмотрѣнъ, обр. и прав. 294. 595
Разспрашивать, разспросы, прав. 546
Разсчитать, -ывать, прав. 545.
Разсѣивать, -явать, -евать, -янъ, произн и прав 301. 542. 558.
Разысканіе, прав. 546

Разѣвать, разинуть, прав. 542.
Раковоръ 254, происх. 265.
Ранній, произн. и прав. 542.
Ранымъ-рано, прав. 589.
Раньше, ф. 309.
Раскаиваться, -яваться, прав. 558.
Раскалывать, обр. 294.
Расписка, прав. 546.
Растворъ, зн. 438.
Растеніе, зн. 391.
Растъ, зн. 69.
Расчесть, прав. 545.
Расчетъ, прав. 545.
Ратай, произн. 353.
Рдѣть 435.
Ревель 254
Ревѣть 322. 343.
Редька, прав 563.
Резонъ, уп. 23. 133.
Рейсъ, произн. 421.
Рекомендовать, прав. 46.
Рекрутъ, изм. 567.
Ремень, ф. 275.
Репетиторъ, произн. 400.
Ресторанъ, прав. 572.
Ризница, произн. и обр. 371.
Рисовальщикъ, обр. 308.
Рисунокъ, произн. и обр. 359.
Родзянка, ок. *ка* 579.
Родильница, произн. и обр. 370.
Родить, произн. 337.
Рождать и раждать, прав. 293. 414. 548.
Розанъ, произн. 353.
Розвальни, ф. 546
Розга, кор. и происх. 70.
Розговѣнье, произн. 579.
Рознь, зн. 18.
Розняли, произн. 294.
Розобрало, произн. 294.
Розсказни, произн. 294, прав. 546.
Розсынь, прав. 546.
Розыгрышъ, прав 46. 547.
Розыскъ, -аніе, прав. 46, ф. 546.
Роковой, прав. 553.
Роса, произн. 420.
Роспись, -ка, ф. и прав. 546.
Россія, произн. 301.
Рости и расти, прав. 293, произн 303, ок. *ти* 314.
Ростъ, возрастъ, прав. 474.
Рубежъ, прав. 305.
Рублевикъ, произн. 289.
Ругодивъ, 254, происх. 265.
Рудникъ, произн. 303.
Рукавъ, произн. и ф. 398.
Рука, произн. 349.
Румянцовъ, прав. 552.
Рыжикъ, -чекъ, произн. и происх 362. 359.
Рынокъ, происх. и зн. 355 616, произн. 354. 548.
Рыскать, произн. 327.
Рытіе, произн. 379.
Рычагъ, произн. 171
Рѣдька, см. редька.
Рѣжь, произн. 280. 305.
Рѣзвиться, произн. 303.
Рѣзче, прав. 549
Рѣзьба, произн. 376.
Рѣпище, произн. 383.
Рѣсница, прав. 564.
Рѣчка, произн 305.
Рѣчникъ, происх. и зн. 197.
Рѣчь, произн. 305, прав. 47. 562
Рѣшетка, прав. 563.
Рѣшето, произн 385, прав. 563.
Рѣшить, произн. 337.
Рѣщикъ, произн. 365, прав. 548.
Рядовичъ, рядовой, произн. 366.
Ряжекъ, Ряскъ, происх. и уп 262 263.
Ряса, зн. 171. 172. 262.

Савелій, прав. 570.
Садишь, -ся 38, произн. 339, ф. 343. 424

Садъ, -ы, произн. 395.
Сажень, косв. над. 561.
Сальный, сальность, нов 17, ф. 308
Самъ, -а, косв. над 554. 596
Санеръ, прав. 536
Сарское Село 210. 258.
Сварливый, произн. 301.
Сведенница, зн., произн. и обр. 371.
Сведеніе, произн. 379.
Свербѣть, произн. 302.
Сверлить, произн. 302.
Сверхъ, прав. 585.
Сверчокъ, прав. 551.
Свиристель, происх. 366.
Свистель 367.
Свистокъ, произн 354.
Свистъ, ф. 297.
Свитокъ, произн. 354. 423.
Своячинница, обр. 370.
Свойство, -ственный, произн 381, ф 542.
Свыше, прав 587
Свѣдать, -ныъ, уп. 19, ф. 565.
Свѣдѣніе, произн. 379, обр. и прав. 565.
Свѣжина, произн. 593
Свѣжо, прав. 551.
Свѣтленькій, произн. 303.
Свѣча, косв над., произн. 280, прав 551
Святить. О смягченіи *т* въ *щ* 325.
Святой, прав. 553.
Священникъ, ф. 543.
Сгорбиться, произн. 301.
Сдержанность, нов. 18. 22.
Сегодня, сегодняшній, прав. 588. 597.
Седьмица, произн. и обр. 370.
Селишко, произн. и зн. 386
Сёмги, произн. 289.
Семикъ, произн. 363
Семья, прав. 563.
Сентиментальный, прав 573
Сентябрьскій, прав. 561.
Сербія, произн. 302.
Сергѣй, произн. 291. 302, прав. 563.
Сердечный, произн. 305.
Сердить, -ся, произн. 337. 346. 427.
Сердоболь, происх. 257
Серебряный, ф. 543
Середа, произн. 417.
Серпуховъ, произн. 302.
Серьёзный, прав. 572.
Сестра, названіе рѣки 256.
Сей, уп 132.
Сейчасъ, прав. 588.
Сивка, ок 577.
Сидоръ, прав. 570.
Сидѣть, ф. 34. 38 315
Синій, ф. 594.
Синета, произн. 375.
Сирота, произн. 375. 418.
Сіять, прав. и кор 559.
Сказать, -иный, уп 546, ф. 542
Скепать 435.
Складчина, произн. 303. 375
Склянка, -ница, зн. 371
Скоблить, ф 315
Сковорода, произн 393. 405. 416. 417
Скомить и **скомлѣть,** зн 170.
Скорбь, произн 301
Скотство, произн. 381.
Скрипѣть, скрипка, скринъ, произн и прав. 548.
Скромный, зн и происх. 269.
Скрыпка и **скрыпица,** ф. 371.
Скучно, прав. 553.
Сланецъ, зп. и прав, 173, произн и зп. 361.
Слаще, прав. 549.
Слезы, произн 288.
Слина, ф. 298. 299.
Слине, серб. зн. 299
Словарь, зн. 197.
Словникъ, происх. и зн. 197
Слогъ, зн. 127. 124.
Сложиться, уп. 18.

Слой, 78, происх. и ф. 173.
Служитель, -я́, ф. и уп. 400. 403.
Случай, уп. 134, произн. 353
Слышанъ, слышенъ, уп. 559
Слѣдствіе, ф. 304.
Слѣпой, произн. 425.
Слюда 78, происх. и ф. 173
Слюна, кор. и ф 294. 295. 297. 298. 299
Смерть, -ный, произн 302. 475.
Смерчь, произн. 302.
Сморчокъ, произн. 358.
Смотритель, -я́, ф. и уп. 400.
Смотрѣть, ф. 559.
Смычокъ, произн. 358.
Смѣта, смѣтливъ, происх. и прав. 470 565.
Смѣхъ, произн. 288
Смѣшанъ, прав. 559.
Смѣяться, кор 558
Снаружи, прав. 589
Сновать, зн 436.
Снѣдь, зн и происх 435, происх. 436
Совать, произн 330.
Совѣтовать, -ывать, ф. и прав 588
Содѣлывать, уп. 19.
Сожженный, ф 542.
Сократить. О смягченіи *т* въ *щ* 325.
Солдатчина, произн. 375
Солёный, ф. 421
Соловарня, произн. 301.
Соловей, -ушекъ, произн. 291, прав 563. 356.
Соловки, зн. 171. 172.
Соломенный, прав 543.
Соломинка, произн. и прав. 374.
Сольгаличъ, происх. 254.
Сонмище, произн 382.
Сопоставленіе, нов 18.
Сорадованіе, уп 19.
Сорочка и срачица, произн. и уп. 372.
Сотня, произн 303.
Спасенный, ф. 542.
Спать 323.
Спесь, прав. 597.
Спеціальный, прав. 571.
Списокъ, -очекъ, произн. 359. 423.
Спичка, спица, кор. и зн. 436.
Сплетни, произн. 310.
Сполагоря, прав. 589.
Сморщикъ, произн. 301, прав. 549.
Споспѣшествовать, уп 19.
Спѣшить 427.
Сродство, произн. 381.
Ссылка, произн. 308.
Стаканъ, происх. 65.
Становить, произн. 339.
Становище 382.
Становье, произн 380.
Станція, произн. 306.
Станъ, уп. 23.
Старецъ, -ческій, 308.
Старшій, произн. 301.
Стать, зн. 556.
Створчатый, произн. 308.
Стебль, ф 310
Стегать 455
Стеклянный, ф. 542.
Стекольна, вм. **Стоколмъ** 210 257.
Стелешь, произн. 338.
Стелька, зн. и уп. 49.
Стенать 323.
Степанъ, изм. 538
Стержень, произн. 302.
Стерлядь, произн. 302.
Стерхъ, ф. 448.
Стихія, произн. 291.
Стлать, стелютъ, произн. 338, прав. 312.
Стогъ, зн. 171.
Стокгольмъ, зн. 210. 257.
Столешница, зн. 229.
Столъ, зн. 225 229.
Столя и стеля, обр 274.
Сторица, произн и обр. 370.
Сторона, произн. 417.

Сторонникъ, уп. 18
Сто́ящій, прав. 556.
Стоять, -ятъ, -ить, зн и прав. 556. 470.
Стойлъ. О буквѣ *й* 595.
Страда, зн 170
Страдалецъ, уп. 170.
Страдаль, зн. 170.
Страдать, зн. 170, ф. 315. 318.
Странствовать, произн. 330.
Стрекать, прав. 563.
Стричь, стриженъ, произн. 320. 321
Строй, нов. уп. 18.
Строка, зн. 250.
Строкъ, ц. сл. 448
Строять 327, прав. 312. 555. 556.
Стрѣлецъ, ф. 308.
Стрѣльбище, произн. 382.
Стрѣльчатый, ф. 308.
Стрѣлять, какъ анахранизмъ 23.
Студить, -ишь, произн. 339
Ступица, произн. 372
Стыдливый, произн. 303.
Субота, прав. 570. 46
Су́ванто, зн. 259
Суглинокъ, произн. 358
Судорога, произн. 370.
Судьба, произн. 376.
Судья, прав. 571
Сузить, прав. 547. 605.
Сукровица, произн. 370.
Сулить, произн 337.
Сумасшедшій, прав. 547
Сумма, прав. 46.
Сумѣть, прав 547. 605.
Су, предл., произн 258. 370.
Суслить, обр. 438.
Суть, нов. 19.
Сухой, прав. 553.
Сущность, уп 19.
Сфера, уп 107.
Счастіе, прав. 549.
Считать, прав. 549.
Съ, прав. 545. 546.
Сыграть, прав. 46.
Сыздѣтства, прав. 589.
Сызнова, прав. 589.
Сыпать, 322, произн. 424
Сыскной, прав 547.
Сѣдина, произн. 373
Сѣдлишко, произн и зн. 386.
Сѣки, -ли, произн. 287. 304
Сѣнцо, произн. 386
Сѣсть. 38 323, произн. 320.
Сѣтовать, произн. 330.
Сѣчь, сѣченъ, произн. 320. 321.
Сѣютъ, прав 555. 556.
Сѣять, кор. 558.
Сюртукъ. прав 568

Табакерка. ф. 568
Таки, частица, прав 589.
Танцовать. прав. 552.
Танцовщикъ, произн. 365
Тарелка. ф. 568.
Тащишь, произн. 293. 333.
Таять. кор. 558
Твария 439
Тварь, зн. 438
Твердь, произн 302
Тверже. произн. 304. 305.
Творило. ф и происх. 439
Творить, произн , зн. и кор. 334 339, зп 438 439. 440
Творогъ, зн. 438, прав 474.
Творчество. нов. 18.
Теленокъ. кор. 440.
Телѣга, прав. 565.
Теля 440.
Темя, прав. 563
Теплица, зн. 73
Теребить. произн. 339.
Термипъ, произн. 302
Терніе. произн. 302
Терпѣть, -ишь, произн. 279 302. 315.

Терцина, произн. 302.
Терщикъ, произн. 308.
Тетеревъ, произн. 417.
Тётя, -енька, произн. 289.
Течь, зн. 296, ф. 317.
Тимофей и **Тимофеевъ**, о буквахъ *ф* и *ѳ* 338. 539.
Типъ, ф. 538.
Ткать, зн. 52.
Тлакъ, зн. 37.
Тло 37, кор. 38. 171.
Тлѣнъ, зн. 38. 171.
Тма, прав. 597.
Товарищъ, произн. и прав. 548.
Тогда, произн. 292.
Толокъ (тлакъ), ф. 37.
Толочить, зн. 37. 38.
Толочь, -ся, зн. 458.
Толпа, произн. 308.
Толстый, произн. 308.
Толченый, ф. 543.
Толчетъ, произн. 308.
Толчокъ, произн. 423.
Томленіе, произн. 301.
Тонуть, кор. 313.
Тоньше, ф. 309.
Топливо, произн. 384.
Тоноръ, происх. 456.
Торжище, произн. 301. 382.
Торжковскій, ф. 555.
Тороватый, прав. 474. 597.
Торопить, произн. 339.
Тотчасъ, прав. 588.
Трактиръ, ф. 538.
Треніе, обр. 378.
Трепетать, произн. 314.
Третій, произн. 427.
Третьяго-дня, ф. 294, прав. 554.
Троица, произн. 372.
Тротуаръ, нов. 135.
Трупна, прав. 569.
Трянка, -ица, зн. 371.
Трясти, ок. 314.
Туга, зн. 172.
Туловище, произн. 382.
Турокъ, -и, произн. 301. 356.
Тщетный, произн. 280.
Тычина, происх. 437.
Тѣшь, произн. 280. 305.
Тэма, ошиб. прав. 573.
Тюлень, кор. 440.
Тянать, зн. 456. 457.

Убійство, произн. 291.
Уборть 452.
Убѣдить. О смягченіи *д* въ *жд* 325.
Увеличеніе, произн. 379.
Угнетать, прав. 566.
Уголъ, произн. 403.
Уголь, произн. 402.
Угомонить, зн. 170.
Угорь, произн. 403.
Удабривать, обр. 294.
Удило, произн. 384.
Ужъ, прав. 561.
Узелъ, произн. 403.
Узъерва, происх. 258.
Укроміе, зн. 269.
Укромный, зн. и происх. 269.
Укротить. О смягченіи *т* въ *щ* 325.
Укръ, происх. 276.
Ула, кор. 452.
Улица, произн. 372, косв. над. 552.
Ульвореи или **Ульбореи** 452.
Умаляю и **умоляю**, ф. и произн. 293.
Умерщвленъ 299.
Уповодъ, уп. 21.
Упоминаніе, -новеніе, обр. 19.
Упражняться, -еніе, уп. 132.
Упредить. О смягченіи *д* въ *жд* 325.
Усиліе, произн. 291.
Услышанъ, прав. 559.
Уснуть, ф. 298.
Усовершенствовать, нов. 136.
Устюгъ, обр. 259.

Утонченный, -ость, уп. 117.
Утѣшитель, произн. 367.
Ученый, ф. 543.
Учинить 132. 144, произн. 339.
Учитель, -и, -я, ф. и произн. 400. 401. 403. 416.
Учредить. О смягченіи *д* въ *жд* 325.
Умникъ, зн. 69.

Фадеевъ. О буквахъ *ф* и *ѳ* 539.
Фактъ, нов. 134.
Фалбора, изм. 567.
Фартукъ, уп. 22.
Фасонъ, уп. 22.
Февраль, ф., изм. 567, прав. 561.
Федоръ и Федоровъ. О буквахъ *ф* и *ѳ* 538. 539.
Фекла, прав. 538.
Феклистъ, прав. 538.
Фивы, прав. 538.
Флагъ, произн. 396.
Фоминъ 539.
Фортеціи, петровское слово 23. 618.
Франтить, франтъ, произн. 303. 396.
Франція, произн. 303. 306.
Фрыштыкъ, уп. 22.
Футляръ, изм. 568.

Халатъ, произн. 403.
Харемъ, араб., зн. 276.
Хата 434.
Хлестать, ф. 343.
Хлопокъ, произн. 354. 355.
Хлопоты, произн. 375.
Хлопочутъ, прав. 555. 556.
Хлѣбникъ, произн. 303.
Хлѣбъ, произн. и ф. 398. 401.
Хмель, прав. 564.
Ходъ, ходы, произн. 395.
Холмогоры 452, обр. 258.
Холмъ, произн. 308.
Холстъ, произн. 308.
Хоромы, происх. 276.
Хоронить, произн. 339.
Хорошо, прав. 551.
Хоръ, произн. 396.
Хотѣть 321. 322. 338. 343.
Храмъ, происх. 276.
Христіанинъ, произн. 346. 366, прав. 571.
Хромать, ф. 315. 318.
Хромой, прав. 553.
Хрустѣть 367.
Хрящъ, прав. 305.

Царское Село, изм. 210. 257. 258.
Цвѣтъ, зн. 53, произн. и ф. 398. 401.
Цензоры, ф. 401.
Церковь, произн. 280. 302. 566.
Цехъ, прав. 565.
Цилиндръ, прав. 552.
Цитадель, прав. 552.
Цифра, произн. 289. 306, прав. 552.
Цыганъ, произн. 306, прав. 552.
Цырюльникъ, прав. 552, происх. 617.
Цыфирь, прав. 552.
Цѣликомъ 363.
Цѣна, происх. 299.
Цѣпъ, кор. и зн. 37.

Чанъ, происх. 65.
Часъ, -ы, произн. 420. 474.
Чаще, прав. 549.
Чаять, кор. 558.
Чайничекъ, произн. 359.
Человѣчекъ, произн. 359.
Человѣчный, нов. 136.
Черви, произн. 279. 302.
Черезъ и чрезъ, прав. 562.
Чернь, произн. 302.
Черти, произн. 302.
Чертить, произн. 302.

Чествовать, произн. 280.
Честь, произн. 280, ф. 545.
Четвергъ, произн. 280. 302. 303, прав 597.
Четвертóкъ, произн. 356.
Чинить, произн. 339.
Чинъ, произн. 305.
Числитель, зн. и ок. 367.
Чистилище, произн. 383.
Читать, -ывать, ф. 545.
Членъ 277.
Чопорный, прав. 551.
Чтеньеце, обр. и произн. 307
Чтить 321. 322.
Что жъ, прав. 561.
Что, косв пад. 551.
Чувствованіе, ф. 19
Чугунка, уп 21.
Чудище, произн. 382
Чудовище, произн. 382.
Чужой, прав. 551.
Чутье, происх и произн. 379. 389
Чучела, происх. 368.

Шалить, произн. 474.
Шальливый, прав. 309.
Шансы, нов. 23, уп 576.
Швея, произн. 388, прав. 564.
Шевелить, произн. 339.
Шевченко. Склоненіе малорос. именъ 577
Шеколадъ, произн. и прав. 596.
Шекспировскій, обр и прав. 555.
Шекспиръ. Склоненіе иностр. именъ 569.
Шельмовство, произн. 381.
Шерсть, ф. 304
Шестъ, произн. 280
Шесть, произн. 280
Шея. произн. 280.
Шибять 322
Шило, -ьце. произн. 305. 307.
Шировары, изм. 210, происх. 617.
Шкафъ, шканъ, прав. 568.
Шквалъ, произн. 421.
Шкырь, происх. 441.
Шлея, произн. 377.
Шорохъ, прав. 551.
Шпицъ, происх. 436.
Штадтъ, штатъ, прав. 43. 44
Штофъ, произн 421.
Шутникъ, происх. и произн. 364.

Щадить, произн. 474.
Щедрота, произн. 375.
Щека, произн. 420.
Щелкать, кор. и произн. 392.
Щелокъ, произн. 354, происх. и зн. 355. 391. 392.
Щель, кор. 392, произн. 402.
Щепокъ, кор. 360.
Щепать, происх. и кор. 435
Щиколотокъ, произн. и обр. 358.
Щука, произн. 349.

Ѣздить, произн. 303.
Ѣсть, ѣшь, ѣли, 321. 222. 323, произн. 277. 280.
Ѣхать 323.

Экзаминаторъ, произн. 400, прав. 570.
Эксплуатація, уп. 23.
Энгельгардтъ, прав. 569.
Эпиграмма, прав. 569.
Эполеты, прав. 569
Этажъ, произн. 403.
Этотъ, -о, -и, произн. 278, прав. 554. 564.

Югъ, произн. 396.
Юнецъ, ф 40.

Явить, произн. 474.
Явленіе, обр. 391.
Языкъ, зн. 123. 124. 537.
Яичница, прав. 553.
Якорь, ф. 259.
Ямщикъ, произн. 308, прав. 548.
Январь, -скій, прав. и произн. 491, 561.
Ярмарка, прав. и произн. 567.
Ять, ему, емешь, произн. 338.
Ящикъ, произн. 362.
Яйцо, произн. 474.

Ѳедоръ, прав. 570
Ѳоминична, прав. 553.

III. Указатель приводимыхъ въ книгѣ иностранныхъ словъ и именъ.

Abenteuer, нѣм 209
Abyda, литов 455
Acus, лат. 454
Adebar, нѣм. 450
Ἀειφάρ 449, происх. 450 451.
Ael, нѣм. 433.
Aeske, дат. 442.
Aile, фр. 433.
Ἀκη 454.
Alanko, фин. 443
Ale, анг 433
Altare, лат. 210.
Anregnen, нѣм. 230 231.
Anschneien, нѣм. 231.
Arbeit, нѣм. 375
Armbrust, нѣм. 209.
Arzt, нѣм 211.
Asch, нѣм. 442.
Ask, шв 442.
Aurajoki, фин 255.

Beta, лат. и шв. 432.
Billet, фр. 538
Bluhme, нѣм. 469.
Boot, нѣм. 432.
Brescia, итал 577
Bude, нѣм. кор. и зн. 432.
Budować, пол. 432.

Calamus, лат. 456
Calicot, фр. 538.
Carreta, carretta, итал 454
Carrete, нѣм. 454
Chausse, фр 218
Chopa, исп. 458.
Chram, чеш происх. и зн. 276
Chromina, пол., происх. и зн. 276
Chrościel, пол. 367.
Cielę, пол. зн. 440.
Confetti, итал. 568
Constare, лат. 556.
Cordilleras de los Andes 252
Costare, исп 556
Cottage, анг. 434
Courlis, фр. 363.
Coûter, фр. 556
Creare, лат 440.
Crow, анг. 433.
Culbuter, фр. 218.
Culotte, фр 218.

Давалагири 251
Джубба, араб. 458.
Diarrhöe 218.
Dictionarium, лат. 197 198.
Drath, нѣм. первон. зн. 432.
Dula, исл. 440

Duldr, исл 440.
Dweran, ст. вер. нѣм. 439.
Dzwono, пол. 564.

Ecke, нѣм. 453.
Ecged, англо-сак. 454.
Egel, нѣм. 453.
Egg, шв. 454
Eichhorn, нѣм. 209.
Einog, нѣм. 355.
Engel, нѣм. 210
Erzgebirge, нѣм. 252.
Eski или **askr**, исл. 442.

Fächer, нѣм. 565
Falbala, фр 567.
Fenster, нѣм. 211.
Flegma, пол 299.
Fleo, лат. 296.
Φλέω, происх. 296, зн 297.
Futro, **futrować**, пол. 441.
Futteral, нѣм. 568.

Gairdan, гот., происх. 276.
Gärde, шв происх. 276
Gards, гот. происх. зн. 276
Gård, шв. происх. и зн. 276.
Garten, нѣм. происх. и зн. 276.
Γελανδρί 452
Гималай 251.
Girda, скан. 276.
Girdle, анг., происх. 276.
Giubba, ит. 458.
Glossarium, лат. 197. 198
Götz, нѣм. 214
Gugati, хорут. 432.
Gürtel, нѣм. происх. 276.

Haakall, норв. зн. 453.
Hákall, исл. зн. 453.
Hallein, герм., происх 254.
Halle, герм., происх. 254.
Hallstadt, герм., происх. 254.
Hortus, лат. происх. и зн. 276.
Hose, нѣм 218.
Hramnik, хорут 276.
Hramnosć, хор. 276.
Hram, хорут. происх и зн. 276
Hrùmi, происх. и зн. 276.
Hütte, нѣм. 434.

Iest, пол произн 300
Igel, нѣм. 453.
Iglaz, исл. 453.
Iglda, исл. 453.
Igull, исл. 453.
Ilmenau 264.
Ioki, фин. 259. 260.
Ire, лат 594
Iść, пол. 594
Itum, лат. 594
Iugend, нѣм , произн. 291.

Jaszcz, **jazczyk**, пол. 442.
Jupe, фр 458.

Käde päiwä, фин. 255
Kafli, исл. 172.
Kaiser 211
Kake, анг 433.
Kalika, санск. 363.
Kammer, нѣм. 211.
Kämm, произн. 288.
Kappale, фин. 172.
Karreet, дат. 454.
Kawal, **kawałek**, пол. 172
Keisersberg 214.
Klaue, нѣм 433.
Klinge, нѣм. 356.
Knüttel, нѣм. 454
Knutten, ниж.-сакс. 454.
Kosten, нѣм. 556.
Krähe, нѣм 433.
Kram, **Krämer**, нѣм. 434.
Kram, хорват. происх. 276.
Kremnitz, герм. 272.

Krem, пол. 273.
Krengel, нѣм. 455.
Kringel, нѣм. происх 454.
Kring, исл. 455
Kring, стар. нѣм. 454 455.
Krumas, лит., происх 276.
Κτίζειν 440.
Κύββα 434.
Kuchen, нѣм 433
Κύμβη 434.
Kumme, нѣм. 434.
Kummet или **Komet**, нѣм. 446.
Kunz, нѣм. 214.

Laari, фин 434.
Λαλεῖν 432.
Lallare, лат. 432.
Lallen, нѣм. 432
Landskrona, шв 255.
Λεξικόν (βιβλίον), происх. и зн. 198
Lexicon, лат. 197.
Lexique, фран 198.
Λεμνη 264
Lit, фр. 473.
Lodja, Lotja, фин 434.
Lubię, поль. 295.
Lumijoki, фин. 255.

Maulwurf, нѣм. 210.
Meer, нѣм. 473
Meister, нѣм. 211.
Menschen, нѣм 473
Merta, фин. 434
Moltwurf, нѣм. 210
Mont-Blanc, фр. 251
Μοναχός 355.
Μοναστήριον 538.
Musla, исл. 434
Myśl, пол., произн. 300.

Nawiti, чеш 172.
Nette, фр. 473.
Neuhausen, нѣм. 255.
Newo, фин. 172 262.
Noga, пол. 292.
Nyenskans, шв 263.

Obyde, норв. зн. 455
Ojlik, татар зн. 392.
Ortografi, шв. 532
Ostern, нѣм 210.

Palaa, фин 444.
Palus, лат 434.
Péczio, лит. 295 297.
Πελεκάνος 449.
Pélerin, фр. 568.
Pelis, лит. 295
Penig, англ.-сакс. 565.
Peningr, сканд. 565.
Peregrinus, лат. 568.
Pforte, нѣм 211.
Pieśń, пол., произн. 300.
Planer, фран. 15.
Πλέω, происх. 296
Pljuą, пол. 295.
Pluo, лат происх. 296.
Plyvati, пол. 295.
Poczta, пол. произн 596.
Preisen, нѣм. 210.
Priester, нѣм. 210
Pseivan, гот. 294.
Pvari, исл. зн. 438.
Pyrethrum, лат. 210

Quotidien, фр. 248.
Qveri, лат. 433.
Qverlen, нѣм. 439.
Qviril, нѣм. 439

Rabota, хор. 457
Raja, фин 256.
Rajajoki, фин. 256.
Rannallampi, фин. обр. 443.

Reculer, фран. 218.
Red, анг. 435.
Reefs 253
Reuse, нѣм. 435.
Ρηματικόν (т. е. βιβλίον) 197.
Ring, нѣм. зн. 355.
Riska, шв. 363
Riss 392.
Room, анг. происх. 276.
Rose, **Röschen**, нѣм. 211.
Roth, нѣм. 434.
Rumaj, лит происх. и зн. 276.
Rume, лит происх. 276.
Rum, сканд. происх. 276
Rynek, чеш. и пол. зн. 355. 616
Rysä, фин. 435.
Rysować, пол происх. 392. 616.
Rysunek, пол обр. 359. 392 616.

Σάββατον, прав. 570.
Sabbatum, лат 570.
Sâle, фр. 17.
Saliva, лат. 298
Schaaf, нѣм. 469.
Schaffen, нѣм. зн. 440.
Schale, нѣм 441.
Schaube, нѣм. 458.
Schellen, нѣм. зн. 392.
Schlappe, нѣм. 458.
Schlapp, шваб. 458.
Schneekoppe, нѣм. 251.
Schneiden, нѣм. 344
Schnurren, нѣм. 441.
Schreiben, нѣм. 210.
Schujt, голл. 442.
Schule, нѣм. 211
Schüren, нѣм. 441.
Schur, ниж.-нѣм. 441.
Scrinium, лат. 435.
Seal, анг. 440.
Seegen, нѣм. 469.
Selr, исл. 440.
Shape, анг. 440.
Sierra Nevoda, исп 251.
Sire, фр. 473
Själ, шв. 440.
Skall, швед. 392
Skapa, сканд зн 440
Skapnad, шв. 440.
Skara, швед. кор. 441.
Skorpa, швед. происх. 441.
Skil, исл 442.
Skilja, швед. зн. 392
Skjel, нар. норв. 442.
Skórka, пол. 441
Slendern, нѣм. 441
Slim, герм. 299
Snád, **snæda**. исл. 435.
Snatsch, анг. 435
Snedker, **snedig**, дат. 344.
Sned, **sneda**, шв. 344
Sneida, исл 344
Snèžka, чеш. 251
Sniadaé, **sniadanie**, пол. зн. 436.
Snide, норв 344
Snöhätta, шв 251.
Snowdon, валл. 251.
Snoka, шв 441.
Snua, сканд. зн 436.
Snurre, **-se**, нар. норв 441.
Snu seg, нар норв зн. 436
Sorttawala, фин. 257
Spacht, ст. нѣм. 442
Speak, анг 442
Speien, нѣм. 294. 295, происх. 297.
Spekt, голл., норв. 442.
Spike, анг. 436
Spiker, нижне-нѣм. 436.
Spik, шв. 436.
Spita, исл. зн. 436.
Spitze, нѣм. зн. 436.
Spjau-ju, лит. 295. 297.
Spłauju, лат, происх. 297.
Sprechen, нѣм, происх. 297.
Springa, шв. 438.
Spuo, латин. 294 295.

Spyker, голл 436.
Stack, ст. норв., швед. 171. 437.
Staiga, гот 436
Stala, ст. нѣм. 438.
Stalu, анг.-сакс. 438.
Stange, Stenge, Steng, нѣм. 437.
Stega, ст. вер.-нѣм. 436.
Stehen, нѣм. 556.
Stekko, ст. нѣм. 437.
Steven, голл. 441.
Sticka, шв 438.
Stipare, лат. 442.
Στόα 437.
Stock, нѣм. зн. 171 437
Stopfen, нѣм. 442.
Storch, гер. 448.
Strahdaht, латыш 437
Straight, анг 456
Straits, анг. 253.
Strak, ниж.-нѣм. 456
Strecken, нѣм. 456.
Strika, исл. 456
Strikia, исл. 456
Striuka, исл. 456
Stroka, нар. норв 456.
Stropti, лит. зн 456.
Stropus, лит. зн 456.
Suchen, нѣм. 442.
Siikajoki, Фин 255. 256
Sünde, нѣм 210
Susla, сканд 438
Syle, анг.-сак 440.
Systerbeck, швед. 256
Szczery, пол. 442
Szuba, пол 458
Szukać, пол 442

Tabatière, Фр 568
Talerken, дат 568
Taliga. хорут 565
Talkà, лит 456 457 458.
Talkko, Фин., зн. 457. 458
Talks, лат. 457 458
Taper, Фр. 456.
Tappaa, Фин 456
Tapp, нѣм. 456
Taufel, нѣм 210
Teater, шв 538.
Teatro, итал 538
Teller, нѣм 568
Tempel, нѣм. 211
Teologi, шв 538
Teologia, итал 538.
Tepazha, хор. 456
Tes, Фр 473
Thvyril, анг.-сак 439
Tłoka, хорут. 457
Tłoka, пол зн 457
Tłuka, пол. зн 457
Town, анг 440.
Traiteur, Фр 538
Τράπεζα 226
Tun, анг.-сак 440
Tvara, tvare, нар норв. 439
Tvar, санск 439
Tverel, нар. нов. 439
Tvert, латыш. 439
Tvere, дат 438 439.
Twern, сред. нѣм. 439
Twirel, сред нѣм 439.
Twirl, анг 439.

Uczta, пол 596
Uczтować, пол. 596
Undenkbar, нѣм. 17
Uundt, нѣм. 469

Veilchen, нѣм 211
Verlohren, нѣм 469
Viole, нѣм 211
Vita, латин. 15.
Vitulus, лат 440
Vocabularium, лат. 198
Vogelweide, нѣм. 214.

Wagen, нѣм, произн 291.
Wer, нѣм 473.
Wędzic, wędzina, wędzarz 593
Więdlemięso, więdzyna 593.
Wogen, нѣм 291.
Wojlok, пол. 355.
Woordenboek, нидер. 197.
Wörterbuch, нѣм. 197
Wuoksi, фин 259.

Zweran, вер -нѣм. 439
Zwirlen, нѣм 439
Zwirl, нѣм 439

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
178	сего	чего
212	непризнанные	непризванные
334	лижи́шься	ложи́шься
456	calamu; ссемь	calamus; семь
473	самостоятельный звукъ	составной звукъ
501	тоящихся	таящихся
574	Wewell	Whewell